ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2011 Том 17

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 1

январь – март

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

5 **Василенко Н.В.**
Закономерности распространения и биологические особенности можжевельника обыкновенного (Juniperus communis L.) в Макарьевском районе Костромской области

7 **Иванова Н.В., Немчинова А.В., Грозовский С.А.**
Перспективы существования популяций лобарии легочной (Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm.) в различных типах лесных сообществ Костромской области

10 **Криницын И.Г., Полянская Т.А.**
Экологическое разнообразие бореальных подземно-столоноклубнеобразующих многолетников

14 **Немчинова А.В., Хорошев А.В.**
Выделение репрезентативных лесов при лесорастительном зонировании территории Костромской области на ландшафтной основе

19 **Петухов И.Н., Немчинова А.В.**
Пространственная структура массовых ветровалов на территории Костромской области

25 **Платонов А.Н.**
Исследование видов-индикаторов чистоты воды ихтиофауны реки Унжи Костромской области

27 **Свиридов А.В., Акаев О.П., Зверева Ю.В.**
Модифицирование карбамидоформальдегидной смолы активированным кремнегелем

29 **Сидоров А.В., Григорьева М.В., Кузьмин Ф.А., Фатеева К.М.**
Вариабельность сердечного ритма у крыс с экспериментальной хронической сердечной недостаточностью, длительно получавших ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента и блокаторы кальциевых каналов

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

36 **Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю.**
Виктор Сергеевич Калинников – яркий представитель московской школы хорового пения кон. XIX – нач. XX вв.

41 **Галактионова Т.М.**
Роль авторской песни в коммуникационном пространстве культуры
43 **Задоров И.А.**
Ректроспективный анализ подходов к определению понятия «кукла-актер»
46 **Кузнецова Е.В.**
Массовая культура как феномен современной коммуникативной практики
50 **Остапенко С.С.**
Изучение и преподавание иконописи на рубеже XX–XXI века: философско-этические, духовные и образовательные аспекты
54 **Соколов Н.В.**
Лось в жизни древнего человека
57 **Стогниенко А.Ю.**
Цвет как сущностная характеристика фильма Андрея Тарковского «Сталкер»

ИСТОРИЯ

61 **Белова Н.А.**
Воспоминания как источник изучения повседневности советских учителей
65 **Горохова О.В.**
Кабинет для чтения «12 Января»
67 **Ермушин М.В.**
Деятельность межсекционных бюро инженеров и техников по защите интересов инженерно-технической интеллигенции в годы НЭПА (на материалах Центрального промышленного района)
71 **Наградов И.С.**
Православные братства в системе церковной конфессиональной политики в отношении старообрядцев в 1880-е – 1905 годах
75 **Синдеев А.А.**
Аденауэр и подготовка плана Шумана
79 **Сулоев Иван Николаевич**
«Приговорное движение» в Костромской губернии в 1905 – первой половине 1906 гг.

ЛИНГВИСТИКА

83 **Бондаренко Е.В.**
Специфика морфологии уэссекского варианта «Англосаксонской хроники» за 895 год
86 **Волкова Е.Б.**
Структурно-семантические качества двухкомпонентных сложноподчинённых предложений изъяснительно-объектного типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла)
90 **Кобелева И.А.**
О двух лексико-грамматических разрядах фразеологизмов в русском языке
93 **Мищук Е.В.**
К вопросу о словообразовательной синонимии производных существительных в древнеанглийском
97 **Третьякова И.Ю.**
Эллипсис как приём окказионального преобразования фразеологических единиц
100 **Фомин А.И.**
О некоторых актуальных концепциях символа
105 **Цветкова Е.В.**
Диалектная лексика в костромской топонимии (*ляд, ляда, лядина* и т. д.)
110 **Юнусова Л.К.**
Особенности функционирования эпистемических глаголов в прозе Э. Хемингуэя
113 **Яковлев А.И.**
Интертекстуальная цветопись и интермедиальные связи как средства создания образа Христа в романе А. Белого «Петербург»

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

116 **Андреева В.Г.**
Сопряжение личного интереса и общего блага в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого
120 **Болтовский Е.О.**
Мифологема воды в творчестве Бориса Поплавского
124 **Глазунова С.И.**
Классификация отступлений в комментарии В. Набокова к роману Пушкина «Евгений Онегин»
128 **Гречушкина Н.В.**
К вопросу о формировании эстетической концепции в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»
132 **Кихней Л.Г., Вовна А.В.**
Преломление «петербургского мифа» в городском тексте романа Андрея Белого «Петербург»
139 **Козлёнков В.А.**
Рекламно-агитационные стратегии Владимира Маяковского на рубеже 1910-х – 20-х годов: «Окна РОСТА»
143 **Круглова Т.С.**
Книга стихов Андрея Белого «Пепел» в коммуникативно-жанровом аспекте
148 **Локша А.В.**
К реконструкции акмеистической модели мира: астропоэтика Осипа Мандельштама
151 **Откидач Н.А.**
«Сюжетная линия жизни» А.Т. Губина и ее воплощение в романе «Светское воспитание»

155 **Попова Г.В.**
Проблемы изучения фантастики и фантастического в истории методической мысли XVIII–XIX веков
159 **Чехунова О.А.**
Экзистенциальная семантика как «циклообразующая скрепа» в поэтическом сборнике Георгия Иванова «Розы»
162 **Чехунова-Блау О.А.**
Образный код в экзистенциальной картине мира Георгия Иванова

ПЕДАГОГИКА
166 **Герлах И.В**
Технология ролевого моделирования в профессиональной подготовке будущих педагогов
171 **Елканова Т.М., Чеджемова Н.М.**
Иностранный язык как средство формирования информационно-аналитического компонента общегуманитарного базиса образования
176 **Ирхин В.Н., Варжавинова С.И.**
Определение уровня алгоритмических умений будущих учителей в образовательном процессе вуза
180 **Курбеева И.А.**
Цифровые образовательные ресурсы как средство формирования универсальных учебных действий в обучении английскому языку младших школьников
186 **Маренцева Е.С.**
Специфика организации экспериментальной работы по педагогической поддержке процесса самореализации студентов в условиях образовательной среды университета
189 **Митрахович В.А.**
Критерии и уровни сформированности профессионализма у военнослужащих контрактной службы
194 **Морозова Н.В., Жаркова Л.С.**
Система критериев оценки психологических механизмов формирования профессиональной компетентности педагога в процессе обучения русскому языку
198 **Румянцева З.В.**
Интонационное воспитание будущего педагога-музыканта как условие развития его музыкального мышления
203 **Харина М.В.**
Модель развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов технического вуза
208 **Царёв Е.А.**
Педагогические условия эффективности управления процессом социального становления и развития личности старшеклассников в ходе организации физкультурно-спортивной работы в общеобразовательной школе

ПСИХОЛОГИЯ
215 **Григорьева А.А.**
Взаимосвязь интенциональных характеристик масс-медийного дискурса и используемых в нем приемов речевого воздействия
219 **Косарева И.В.**
Тренинговое воздействие на подростков как необходимое условие повышения уровня его социализации в условиях современных семей
223 **Степанова И.Ю.**
К вопросу о влиянии уровня самопринятия педагога вуза на психологический микроклимат группы

СИСТЕМОТЕХНИКА
227 **Бойцов М.С., Бойко С.В., Каравайков В.М.**
Информационная поддержка принятия решения при управлении энергоэффективностью предприятия
231 **Денисов А.Р., Набатова О.А., Травин Г.М.**
Управление конфигурацией текстильных машин для информационной поддержки их эксплуатации
234 **Зосимов М.В., Агеев А.В.**
Принципы объектного и процессного моделирования технической эксплуатации технологического оборудования
237 **Матвеева Е.Н.**
Моделирование способов компенсации физического и морального износа технологического оборудования
240 **Мудрая А.В., Лукашевич А.С.**
Методика качественной оценки факторов воздействия предприятия на окружающую среду

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ
245 **Ковальчук И.Ф.**
Безнадзорные дети крупного города: по материалам исследований г. Барнаула 2006–2009 гг.
248 **Сиверская Л.А.**
Ретроспективный взгляд на эволюцию уголовно-процессуального института «рассмотрение сообщения о преступлении»

253 **Тохтуев И.А.**
Право и политика как ценностные регуляторы общества
257 **Шустенкова Е.В.**
Множественный вейвлет-анализ данных мониторинга общественного мнения

ФИЛОСОФИЯ

265 **Береснева Н.И., Береснев В.Д.**
Текст как демиург субъективности в философии и литературе XX–XXI веков
270 **Воронина М.В.**
Объединяющий потенциал индуизма
276 **Гореликов Л.А.**
Принцип целостности как социокультурный императив современного научно-философского познания
283 **Гроздилов С.В.**
Справедливость как объект исследования
287 **Карпова Т.В.**
Русские философские корни государственно-конфессиональных отношений в постсоветской России
290 **Плохова М.А.**
Два подхода к моделированию феномена спонтанности
294 **Симаков С.Ю.**
Судьба этики в постметафизическую эпоху (заметки по теории политики)
299 **Шагако Д.С.**
Война и насилие: социально-философская характеристика взаимодействия

ЭКОНОМИКА

304 **Коршакова И.В.**
Институциональное обеспечение личных сбережений
309 **Лягушев Г.Е.**
Военная экономика в структуре макроэкономики
313 **Маньковский В.А.**
Управление земельными ресурсами в регионе
316 **Миропольский Д.Ю.**
Взаимодействие стимулирующей и регулирующей функций хозяйственной системы
320 **Пшеничникова С.Н.**
Потребление рабочей силы в экономике современной России
325 **Серяковская С.Н.**
К вопросу о сущности и содержании международной конкуренции в современных условиях
330 **Чекмарёв В.В., Скаржинская Е.М.**
Институты как факторы достижений целей общества

333 **SUMMARY**

345 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 582:001.4

Василенко Наталия Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
apteka@cvk-trade.ru

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЖЖЕВЕЛЬНИКА ОБЫКНОВЕННОГО (*JUNIPERUS COMMUNIS* L.) В МАКАРЬЕВСКОМ РАЙОНЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Автор статьи исследует биологические особенности можжевельника обыкновенного и своеобразие его распространения на территории Макарьевского района Костромской области.

Ключевые слова: *можжевельник обыкновенный* (Juniperus communis *L.), локальные популяции, ценопопуляции, дизъюнктивный ареал, антропогенное воздействие.*

Можжевельник обыкновенный *(Juniperus communis* L.), несмотря на свое повсеместное распространение в лесах Костромской области, остается, пожалуй, единственной наименее изученной хвойной породой. На территории Костромской области не проводилось детальных исследований по изучению формового разнообразия, биометрической и морфометрической изменчивости, особенностей плодоношения и возобновления можжевельника в разных типах лесов. Вместе с тем, интенсивное ведение сплошнолесосечных рубок с применением тяжелой техники, лесные пожары, приводящие к повреждению и уничтожению можжевелового подлеска, а также к изменению экологических условий его произрастания в течение последних десятилетий, стали причиной нарушения естественных циклов развития и сокращения численности высокоствольных экземпляров рассматриваемого вида, интересных с точки зрения сохранения биологического разнообразия и хозяйственного использования. Можжевельник обыкновенный оказывает оздоровительное влияние на лесную среду, выделяя больше фитонцидов, чем другие хвойные, формирует микроклимат приземного слоя атмосферы, способствует естественному возобновлению хвойных древесных растений.

Вид практически не используется в озеленении населенных мест Костромской области, что можно объяснить малой его изученностью в данных условиях. Сдерживающим фактором использования можжевельника в зеленых насаждениях населенных мест региона является недостаточность сведений о возможности искусственного разведения растений данного вида с высокими декоративными свойствами.

Можжевельник обыкновенный образует локальные ценопопуляции в 12 типах леса на площади от 6,4 га до 39,4 га, что свидетельствует о большой пластичности этого вида. Данный вид обильно встречается только в 4-х типах леса. Сосновые леса имеют наибольший спектр эколого-географической изменчивости, поэтому и типов леса с можжевельником обыкновенным в них больше, чем в ельниках. Кроме того, можжевельник обыкновенный находит убежище в низкобонитетных сосняках сфагновых и ельниках осоково-сфагновых – на участках суши, переходящих в болото. Бо́льшая приуроченность поселений можжевельника обыкновенного к соснякам зеленомошниковым позволяет считать последние экологическим оптимумом для его существования.

Ельник сложный. Для данного типа леса характерны повышенные части рельефа, где происходит отток почвенно-грунтовых вод и перенасыщение влагой носит сезонный характер. В среднебонитетных древостоях эдификаторная роль основного лесообразующего вида выражена менее ярко, чем в высокобонитетных, и можжевельнику в подлеске остается достаточно света для развития, а к запасу питательных веществ он не требователен.

Сомкнутость крон (0,5–0,7) древостоев II–III класса бонитета формирует условия для существования можжевельника и выживания, чаще всего, в эксплуатационных лесах в отрезке времени, равном жизни одного поколения ключевых видов лесообразователей.

Форма кроны у особей можжевельника обыкновенного в Макарьевском районе раскидистая,

© Василенко Н.В., 2011

столообразная, широкояйцевидная, ширококронная и яйцевидная, но чаще пирамидальная и колонновидная. Преобладают особи с шаровидной и пирамидальной формой кроны. Можжевельник распространен на склонах прирусловых валов, по краю лесных массивов, т.к. внутри средневозрастных насаждений ему не хватает освещения, хотя в процессе наблюдения нами повсеместно обнаружены погибшие экземпляры возрастом до 80-ти лет. Параметры хвои популяции можжевельника обыкновенного имеют средний уровень изменчивости – 16,5%, по длине хвои и повышенный уровень изменчивости – 23,6%, по ширине хвои, что свидетельствует о большой пластичности этого вида.

Изолированные местообитания можжевельника обыкновенного находятся по обоим берегам реки Унжи при её впадении в Горьковское водохранилище. Нами установлены 2 поселения можжевельника в разных экологических условиях, разделенные территориально на 1,5 км. Одновозрастность обоих поселений можжевельника позволяет определить их не как популяции, а как два локуса. Первый локус занимает площадь 15 га на низменной, местами переходящей в болото местности, на юго-западном берегу Унжи. Второй локус можжевельника находится на западном склоне прирусловой вала, примыкающего к южной окраине низменности.

Устойчивость можжевельника выражается в стабильности значений рассматриваемых признаков и его способности к образованию многовариантных биотипов (полиморфности), составляющих локус, а также куртинный тип размещения в пространстве, как попытка дать больше потомства для выживания на данной территории.

Поселения можжевельника сохраняются за счет переноса семян птицами и использования фактора фитоценотической защиты. Разнообразие форм можжевельника, его возрастной спектр, характер расселения под пологом средневозрастного и спелого древостоя и на открытых пространствах являются показателями стабильности этого вида.

В пойме Унжи, напротив поселка Дорогиня, нами установлены местообитания можжевельника обыкновенного в 5-ти растительных сообществах и типах леса. В сосняке зеленомошниковом (10С ед.Б), на левом берегу среди 2260 шт./га обнаружено 10 форм можжевельника (экземпляры с зеленой и голубой хвоей, по окраске шишкоягод – черные и с сизым налетом, с очень острым углом ветвления и др.).

Очень интересна популяция можжевельника у деревни Могилёво, где древовидные формы растут на затопляемой пойме открыто среди одиночных сосен, достигая в высоту до 7-ми метров. Женские особи очень обильно плодоносят, наблюдается возобновление на местах с нарушенным травяным покровом, например деятельностью кабанов.

Нами установлено, что границы локальных ценопопуляций можжевельника обыкновенного чаще всего совпадают с границами дендрофитоценозов, в состав которых они входят. При исследовании фенофонда можжевельника обыкновенного в Макарьевском районе информационными признаками-маркерами его локальных популяций, особенно не вступивших в стадию семеношения, могут выступать параметры хвои.

Ослабленные от сплошных рубок лесные экосистемы не способны вмещать демографически полночленные ценопопуляции лесообразующих древесных видов и служат местообитаниями лишь для их популяционных локусов. Устойчивость внутривидовых единиц зависит от показателей семенного размножения, способности внутривидовых таксонов расширять набор экологических ниш и выдерживать конкуренцию со стороны других видов.

На участках с минимальной антропогенной нагрузкой, на более богатых почвах, например, в сосняках поймы Унжи, среднее количество шишкоягод с 1 га достигает 420 тыс. шт. при средней урожайности особей 3,7 балла. В эксплуатируемых лесных экосистемах на более бедных, плохо освещенных участках (сомкнутость древесного полога 0,7–0,8), у поселка Любимовка в лесных насаждениях, многократно пройденных сплошными рубками, среднее количество шишкоягод с 1 га составляет 68,6 тыс. шт. при средней урожайности экземпляров 1,5 балла. В спелых сосняках и ельниках плодоносящие особи можжевельника практически отсутствуют, т.к. данные популяции находятся в сильном затенении и в экстремальных условиях размножаются исключительно вегетативным путем. Обычно середина куста отмирает, а кончики боковых ветвей, соприкасаясь с землей, образуют придаточные корни, и с течением времени формируются независимые клоны с одинаковыми признаками, которые могут занимать пространство в диаметре до 6 метров.

Больше всего женских особей (83,8%) обнаружено в спелом 80-тилетнем сосняке (паромная

переправа у поселка Дорогиня). На участках с ограниченным природопользованием, например в массивах леса, далеко проникающих по гривам в пойму, где затруднена хозяйственная деятельность, наблюдается более высокая урожайность можжевельника обыкновенного, чем на территориях, подверженных антропогенному влиянию. В нарушенных лесозаготовками лесных экосистемах локальные ценопопуляции можжевельника для существования используют вегетативное размножение, т.к. тяжелая техника, ломая подлесок, значительно повреждает плодущие экземпляры, что в конечном итоге значительно обедняет их генофонд. Семенное размножение определяет генетическую структуру ценопопуляций за счет формирования их разновозрастной структуры.

Низкий уровень изменчивости среднего диаметра шишкоягод можжевельника наблюдается во всех изученных растительных сообществах и типах леса.

Таким образом, для выживания в различных географических и экологических условиях можжевельник обыкновенный трансформируется, переходя от сплошного ареала к дизъюнктивному, разделяясь на локальные популяции, образуя внутривидовые таксоны. Наблюдаемая внутривидовая дифференциация можжевельника происходит за счет семенного размножения и освоения различных экологических ниш.

Локальные популяции – самая распространенная форма существования можжевельника обыкновенного в Макарьевском районе. В лесных формациях данный вид существует в виде локальных ценопопуляций, а на открытых пространствах – в виде локальных популяций, которые находятся в постоянном взаимодействии с видами-лесообразователями, чутко реагируя на изменение экологических условий и антропогенную нагрузку.

УДК 581.5

Иванова Наталья Владимировна
Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия им. С.М. Кирова
natalya.dryomys@gmail.com
Немчинова Анна Викторовна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
nemanvic@rambler.ru
Грозовский Сергей Александрович
Костромской государственный университет имени Н.А.Некрасова
sergeygrozovskiy@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОПУЛЯЦИЙ ЛОБАРИИ ЛЕГОЧНОЙ (*LOBARIA PULMONARIA (L.) HOFFM.*) В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ЛЕСНЫХ СООБЩЕСТВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

На основе анализа структуры ключевых мест обитания лобарии легочной в Костромской области проведена оценка перспектив существования популяций лишайника. Выяснено, что успешное расселение и длительное существование редкого вида возможно только в коренных лесах, для которых характерна оконная динамика.

Ключевые слова: *лобария легочная, структура сообществ, GAP-мозаика, условия мест обитания.*

Лобария легочная (*Lobaria pulmonaria* (L.) Hoffm.) – эпифитный фолиозный лишайник, поселяющийся на стволах старых деревьев широколиственных пород. Вид требователен к высокому уровню влажности воздуха, а также к освещенности, т.к. в состав фитобионтного компонента входят зеленая водоросль *Dictyochloropsis reticulata* и цианобактерии рода *Nostoc*. Эти особенности, а также длительный жизненный цикл лишайника (не менее 30-ти лет) определили приуроченность вида к коренным и малонарушенным лесам [8, с. 3–39].

Согласно литературным данным, *Lobaria pulmonaria* имеет широкий ареал, который охватывает Европу, Азию, Африку, Северную Америку и Австралию [4]. Интенсивная лесозаготовительная деятельность последних десятилетий повлекла за собой повсеместное сокращение ареала лишайника [7, с. 48]. В настоящее время вид внесен в ряд международных Красных книг, а также в Красную Книгу Российской Федерации.

Целью данной работы является оценка перспектив существования лобарии легочной в различных типах мест обитаний на территории Кос-

© Иванова Н.В., Немчинова А.В., Грозовский С.А., 2011

тромской области. Исследования проводились в бассейнах рек Ветлуги и Унжи. В Кологривском районе исследованы места обитания лишайника на участке коренного леса заповедника «Кологривский лес», а также вторичные леса в охранной зоне заповедника. В бассейне р. Ветлуги, на территории Шарьинского района, описан массив смешанного леса с участием широколиственных пород.

При учете встречаемости лобарии за счетную единицу принимался «функциональный индивидуум», т.е. отдельное дерево – носитель лишайника (форофит) [5, с. 124–126]. В местах обитания лобарии описывали высоту дислокации лишайника на стволе дерева и жизненное состояние талломов. У форофита учитывали породу, онтогенетическое состояние, диаметр ствола на высоте 130-ти см, структурные особенности коры, обилие других эпифитов вокруг талломов лобарии. Также делались геоботанические описания по общепринятой методике или кратко описывался состав сообществ. Всего в ходе исследования зафиксировано 53 встречи лобарии.

Результаты показали, что основным форофитом для лобарии на территории Костромской области является осина (*Populus tremula* L.). Лобария зафиксирована на ее стволах в 57% случаев; 25% встреч лишайника приурочены к мертвым стволам рябины (*Sorbus aucuparia* L.); на старых липах (*Tilia cordata* Mill.) вид отмечен в 8% случаев; 3% находок лобарии сделаны на мертвых и старых ивах (*Salix caprea* L.).

Данные о составе и структуре исследованных лесных сообществ позволили выделить следующие ключевые типы мест обитания лобарии в некоторых репрезентативных для подзоны южной тайги сообществах.

Популяции *Lobaria pulmonaria* в коренных ельниках изучались на территории заповедника «Кологривский лес им. М.Г. Синицына»: зафиксировано около 5-ти встреч лишайника на 1 км маршрута, всего отмечено 15 деревьев – носителей лобарии. На участке коренного леса лишайник обнаружен на липах (*Tilia cordata* Mill.) диаметром 20–30 см в онтогенетическом состоянии G_2 и G_3, а также на сенильных и мертвых стволах ивы козьей (*Salix caprea* L.) и рябины (*Sorbus aucuparia* L.) с диаметром от 6-ти до 17-ти см.

Микроклиматические условия коренных лесов благоприятны для существования популяций лобарии. Оптимальные для существования лобарии микроклиматические условия обеспечивают абсолютная разновозрастность древостоев, в которых сочетается несколько коренных пород, а также обильный травяной ярус с доминированием *Dryopteris expansa* (C. Presl) Fraser-Jenk. & Jermy. Благодаря пространственной структуре коренных лесов, подчиняющейся закономерностям GAP-мозаики, происходит расселение лишайника на соседние участки.

Следовательно, популяции лобарии в коренных лесах устойчиво существуют в течение длительного времени.

Старовозрастные послегаревые вторичные осинники – другой ключевой тип местообитаний лобарии. Осина – единственный возможный форофит для лишайника в этом типе сообществ. Благодаря большому количеству форофитов, популяции лобарии в старовозрастных осинниках достигают высокой численности и плотности. Так, на пробной площади в 0,25 га, заложенной в старовозрастном осиннике (формула 6Ос3Б1Е), образовавшемся на месте гари 1942 года, было обнаружено 17 деревьев – носителей лобарии. Вид отмечен на осинах с диаметром от 25-ти до 80-ти см, находящихся в онтогенетическом состоянии G_2–G_3 и имеющих грубую трещиноватую кору. Такая структура коры, согласно литературным данным, благоприятна для закрепления зачатков лишайника; кроме того, присутствие на коре других эпифитов поддерживает ее влажность.

Известно, что микроклиматические условия старовозрастных осинников благоприятны для существования популяций лобарии [6, с. 152].

Исследования старовозрастного осинника показали, что высокая влажность воздуха достигается в нем благодаря обильному подлеску и травяному ярусу с доминированием высокотравья (*Aconitum septentrionale* Koelle, *Dryopteris austriaca* (Jacq.) Woyn. ex Schinz & Thell., *Valeriana officinalis* L. и др.). Благоприятный для лобарии уровень освещенности обеспечивается разреженностью осинников старших классов возраста вследствие выпадения осины из состава древостоя.

Структура исследованного осинника далека от структуры древостоев коренных лесов. Первый его ярус состоит из осины с примесью березы, второй образован елью. В дальнейшем сукцессия будет идти в направлении увеличения доли участия ели в составе древостоя и уменьшения доли лиственных пород. Следовательно, количе-

ство форофитов, пригодных для заселения лобарией, будет уменьшаться, а со временем будет сокращаться плотность локальной популяции лишайника. Кроме того, большая площадь участков осиновых лесов, много больше дальности разноса зачатков лобарии, может быть преградой для расселения вида на соседние участки.

Анализ состояния популяций лобарии в репрезентативных для подзоны южной тайги сообществах показал, что условия для устойчивого существования вида в течение длительного срока создаются только в коренных лесах. Старовозрастные одновозрастные послегаревые осинники – временные рефугиумы для лишайника, т.к. в данных сообществах время существования лобарии ограничивается временем жизни ее форофита.

Вторичные антропогенно трансформированные экосистемы – основной тип мест обитания лобарии на территории Костромской области. Все эти леса относятся к группе средневозрастных. В таких участках места обитания лобарии обнаружены в ельниках с участием осины и в смешанных лесах с участием широколиственных пород. Встречаемость лишайника в антропогенно трансформированных экосистемах ниже, чем в коренных и малонарушенных лесах, и составляет, согласно результатам исследований, 0,7 встреч на 1 км маршрута.

В ельниках, образовавшихся на месте сплошных рубок, как правило, единично присутствуют старые осины; кроме того, лобария может поселяться на породах подлеска – рябине и иве козьей. Полевые исследования показали единичное распространение лишайника в данной группе мест обитания. Микроклиматические условия послерубочных ельников пригодны для существования популяций лобарии, но освещенность, видимо, недостаточна для лишайника. Средняя высота произрастания талломов лобарии на стволах осин в ельниках составляет 1,8 м, в осинниках же средний уровень дислокации слоевищ лишайника 1,5 м. Кроме того, именно в еловых лесах зафиксирована максимальная высота произрастания лишайника на стволе – 5,3 м.

Перспективы существования популяций редкого вида в сообществах с такой структурой нуждаются в дальнейшем изучении. Небольшое количество форофитов и расстояние между ними, превышающее дальность разноса зачатков лобарии, позволяют предположить, что существование популяции лобарии будет ограничено продолжительностью жизни деревьев, на которых в данный момент обитает лишайник.

Еще один ключевой тип мест обитания лобарии – смешанные леса. Эта группа интересна присутствием коренной породы липы в составе древостоя. Старые липы являются основным форофитом для лобарии в таких сообществах. Грубая структура коры этой породы благоприятна для закрепления зачатков лишайника; кроме того, на стволах липы практически отсутствуют другие эпифиты.

Небольшая доля участия липы в составе древостоя определяет рассеянный характер распространения лишайника в лесном сообществе. В долине р. Ветлуги, на участке осиново-березового, с участием липы, ели и пихты, леса, учтено 6 деревьев – носителей лобарии (5 лип и 1 осина) на площади около 1 га.

Особенности структуры исследованного лесного массива обусловливают благоприятные микроклиматические условия для существования лишайника. Высокий уровень освещенности обеспечивается благодаря составу древостоя, в котором сочетаются виды с разными популяционными стратегиями. Благоприятная для лобарии влажность воздуха достигается за счет кустарникового яруса, включающего подрост липы, а также обильного травяно-кустарничкового яруса с преобладанием неморальных видов.

Согласно литературным данным, продолжительность жизни липы больше, чем продолжительность жизни осины [1], поэтому микропопуляция лишайника на стволе липы может существовать дольше. Кроме того, в отличие от осины со стратегией виолента, липа обладает фитоценотической толерантной стратегией, но с выраженными чертами конкурентоспособности [1]. Это означает, что со временем возможно увеличение доли участия липы в составе древостоя. Все эти факторы способствуют длительному существованию популяции лобарии в описанном лесном массиве.

Применение на территории Костромской области стратегии сохранения лобарии, которая заключается в оставлении единичных деревьев – носителей лишайника на месте сплошных рубок, сделало актуальным описание состояния популяций лобарии на вырубках. Сравнение состояния талломов лобарии в лесу и на свежей вырубке показало, что резкое снижение влажности воздуха и увеличение освещенности оказывают губительное влияние на состояние лишайника. Все

описанные на сплошной вырубке талломы имеют низкую жизненность. Слоевища лишайника приобретают серо-коричневый оттенок, легко ломаются. Следовательно, оставление единичных деревьев – носителей лобарии после сплошной вырубки не позволяет обеспечить жизнеспособность талломов. Площади вырубок во много раз превышают дальность разноса зачатков лобарии, поэтому расселение лишайника на соседние невырубленные участки невозможно.

Таким образом, перспективы существования *Lobaria pulmonaria* в сообществах оцениваются двумя факторами: микроклиматическими условиями местообитания и успешностью расселения на соседние участки.

Во всех исследованных типах сообществ (кроме сплошных вырубок) лесная среда обеспечивает пригодные для существования лишайника условия. Успешное расселение лобарии на соседние территории возможно только в коренных лесах, динамика древостоев которых подчиняется закономерностям GAP-мозаики. Поддержание популяций на эксплуатируемых лесных территориях требует разработки методов имитации спонтанной популяционной динамики в коренных сообществах.

Библиографический список

1. Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность: В 2 кн. Книга 1 / Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов. – М.: Наука, 2004. – С. 295–331.

2. Коренные темнохвойные леса южной тайги (резерват «Кологривский лес») / Под ред. А.В. Письмерова. – М.: Наука, 1988. – 220 с.

3. Красная книга Вологодской области. Т. 2. Растения и грибы / Отв. ред. Г.Ю. Конечная, Т.А. Суслова. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2004. – 298 с.

4. Красная книга РСФСР (растения) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sevin.ru/redbook/index_pl.html (31.01.2011).

5. *Михайлова И.Н.* Анализ субпопуляционных структур эпифитных лишайников (на примере *Lobaria pulmonaria* (L.) Hoffm) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0191_west_bio_2005_1(9)11 (25.02.2008).

6. *Пыстина Т.Н.* Лишайники таежных лесов европейского Северо-Востока (подзоны южной и средней тайги). – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 238 с.

7. *Пыстина Т.Н., Семёнова Н.А.* Экологические особенности лишайника *Lobaria pulmonaria* (*Lobariaceae*) в республике Коми // Ботанический журнал. – 2009. – Т. 94. – №1. – С. 48–58.

8. *Silke Werth.* Dispersal and persistence of an epiphytic lichen in a dynamic pasture – woodland landscape. – Bern, 2005. – 121 p.

УДК 581.55

Криницын Игорь Георгиевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
hek@rambler.ru
Полянская Татьяна Аркадьевна
Национальный парк «Марий Чодра» (п. Красногорский, Республика Марий Эл)
zamnayki@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ БОРЕАЛЬНЫХ ПОДЗЕМНО-СТОЛОНОКЛУБНЕОБРАЗУЮЩИХ МНОГОЛЕТНИКОВ

Группа подземно-столоноклубнеобразующих многолетников отличается морфологическими и экологическими признаками. Лимитирующими факторами, определяющими их распространение, являются омброклиматический, увлажнения почв и солевой режим почв. Установлено, что данные виды могут обитать в более широких диапазонах почвенных условий.

Ключевые слова: *подземно-столоноклубнеобразующие травянистые многолетники, экологические шкалы,* Trientalis europaea *L.,* Adoxa moschatellina *L.,* Circaea alpina *L.*

Подземно-столонообразующие многолетники (ПСМ) – своеобразная морфологическая группа растений, объединенная общими морфологическими признаками: подземные годичные побеги этих растений представлены плагиотропными столонами и клубнями, которые располагаются в подстилке, и надземным ортотропным побегом. Из клубней на концах столонов этих растений весной развиваются новые побеги возобновления. ПСМ типич-

 © Криницын И.Г., Полянская Т.А., 2011

ны для влажных и избыточно увлажненных местообитаний с рыхлой, малоплодородной (иногда заторфованной) почвой, например, в хвойных лесах. Эта жизненная форма растений характерна для мест, в которых четко выражена смена периодов покоя и вегетации (в связи с зимой или засухой) [1]. В бореальную эколого-ценотическую группу (Br ЭЦГ), составленную О.В. Смирновой и Л.Б. Заугольновой [2; 3] на основе экспертных сведений о приуроченности видов к определенным типам местообитаний, вошли три таежных вида: *Adoxa moschatellina* L. (адокса мускусная), *Circaea alpina* L. (колдуница альпийская) и *Trientalis europaea* L. (седмичник европейский), являющиеся объектами наших исследований.

Цель данной работы – выявить экологическое разнообразие модельных видов растений с помощью экологических шкал Д.Н. Цыганова [4].

Сбор материала для изучения экологических условий местообитаний *A.moschatellina* проводился в различных фитоценозах в течение 1995–2008 годов на территории Московской области и Республики Марий Эл, *C. alpina* – в Республике Марий Эл и Чувашии, *T.europaea* – в Мурманской, Архангельской, Московской, Челябинской областях, в Республике Марий Эл и Чувашии. В исследуемых фитоценозах были сделаны геоботанические описания с учетом обилия видов по Ж. Браун-Бланке [5]. Флористические списки видов растений обработаны с помощью компьютерной программы EcoScaleWin [6] с использованием экологических шкал Д.Н. Цыганова [4]: *климатических* – термоклиматической (Tm), континентальности климата (Kn), омброклиматической (Om), криоклиматической (Cr); *почвенных* – увлажнения почв (Hd), солевого режима почв (Tr), богатства почв азотом (Nt), кислотности почв (Rc), переменности увлажнения почв (fH) и шкалы освещенности-затенения (Lc). Латинские названия видов приведены по сводке П.Ф. Маевского [7].

Экологическое разнообразие модельных бореальных видов оценивалось по методике Л.А. Жуковой [8]. Экологическая валентность – мера приспособленности популяций конкретного вида к изменению только одного экологического фактора. Потенциальная экологическая валентность вида (PEV) равна доле диапазона баллов (ступеней) конкретного вида ко всей шкале:

$$PEV = \frac{(A_{\max} - A_{\min} + 1)}{n},$$

где A_{max} и A_{min} – максимальные и минимальные значения баллов (ступеней) шкалы, занятых отдельным видом; n – общее число баллов (ступеней) в шкале; 1 – добавляется как 1-е деление шкалы, с которого по данному фактору начинается диапазон вида.

При проведении исследований конкретных ценопопуляций (ЦП) в сообществе можно определить реализованную экологическую валентность (REV) по следующей формуле:

$$REV = \frac{(A_{\max} - A_{\min} + 0{,}01)}{n},$$

где A_{max} и A_{min} – максимальные и минимальные значения баллов (ступеней) шкалы, занятые конкретными ЦП на шкале; n – общее число баллов (ступеней) в шкале; 0,01 – добавляется как 1-е деление шкалы, с которого встречаются изученные ЦП.

Эффективность освоения экологического пространства вида конкретными ЦП оценивается при помощи коэффициента экологической эффективности (K.ec.eff.), вычисляемого по формуле:

$$Kec.eff. = \frac{REV}{PEV} \times 100\%,$$

где PEV – потенциальная экологическая валентность, REV – реализованная экологическая валентность.

В основе распределения видов по фракциям валентности лежит экспертная оценка Л.А. Жуковой, согласно которой, стеновалентными считаются виды, занимающие менее 1/3 шкалы, эвривалентными – более 2/3 шкалы, остальные виды – мезовалентными [8].

Как указывал А.И. Толмачёв [9], характер распространения видов рода *Trientalis* и связь с таежными условиями, которые наилучшим образом соответствуют строению и ритму развития этих растений, заставляют думать, что становление рода проходило именно в таежных условиях. Значительная обособленность рода говорит о его древности.

C.alpina является одной из наиболее южных по своему распространению в пределах таежной зоны. Это таежный представитель неморального происхождения, но именно под пологом темнохвойных лесов находит оптимальные условия. Но, поскольку морфологические и географические данные указывают на значительную древность этого вида, видимо, переход его в таежные условия совершился весьма давно.

По мнению М.М. Старостенковой [10], особенности жизненной формы, вегетативное раз-

множение, сезонный ритм развития и многие другие экологические свойства сближают *A.moschatellina* с неморальной флорой. Распространение адоксы мускусной на севере и востоке Евразии несет следы миграций лесов в послеледниковое время. Так, Б.А. Тихомиров [11] считает ее реликтом, сохранившимся в тундровых ценозах от периода послеледникового термического максимума, когда леса продвинулись к северу. Современное же распространение и фитоценология вида несут в себе следы многих сложных процессов, протекающих в лесах Евразии в связи с климатическими переменами четвертичного периода и влиянием человека.

Анализ диапазонов местообитаний адоксы мускусной по отношению к различным экологическим факторам показал, что данный вид, по классификации Л.А. Жуковой [8], является стеновалентным по Hd (PEV=0,22), Tr (PEV=0,26), гемистеновалентным по N (PEV=0,36) и по Rc (PEV=0,38). Этот вид эвривалентен по всем климатическим шкалам: Tm (PEV=0,76), Kn (PEV=0,80), Om (PEV=0,73) и Cr (PEV=0,68) и по шкале Lc (PEV=0,67). Общий индекс толерантности составляет 0,54 – вид мезобионтен.

Проведенный анализ экологических характеристик *A.moschatellina*, полученных в Республике Марий Эл и в Московской области, показал, что позиции этого вида в двух районах исследований схожи: диапазоны изученных экологических шкал совпадают с потенциальными по 5-ти шкалам и различаются по 3-ем шкалам (N, Tr и Lc) (табл. 1). Экологические позиции у этого вида в изученных регионах сдвинуты влево по шкале Nt, Rc и Lc, а по шкале Hd – вправо в сторону увеличения действия фактора только в Республике Марий Эл. Наибольшие экологические возможности реализованы у этого вида в Республике Марий Эл по шкале Hd – K.ec.eff. = 74 % и по шкале N K.ec.eff. = 61 %. Нами определена отсутствующая экологическая позиция вида по шкале fH: от относительно устойчивого увлажнения (балл 3,8) до умеренно переменного увлажнения (балл 6,8).

Для другого таежного вида – *C.alpina* – потенциальные экологические характеристики близки (табл.1): у него немного уже экологические позиции по трем из 4-х климатических шкал – по Tm (6–13), Om (5–11) и Cr (3–13) шкалам, немного шире позиция вида по шкале Kn (3–15). Но в целом вид гемиэврибионтен по климатическим шкалам. По сравнению с *A.moschatellina*, данный вид по почвенным шкалам может занимать более широкие экологические пространства: позиции по 3-ем шкалам из 4-х гемистеновалентны или гемиэвривалентны, и только по шкале Tr этот вид стеновалентен. По шкале Lc *C.alpina* эвривалентна (PEV=0,67). Общий индекс толерантности вида составляет 0,53, что позволяет отнести его к мезобионтной группе. Экологические характеристики для колдуницы альпийской получены нами в фитоценозах Республики Марий Эл и в Республике Чувашии.

В Республике Чувашии полученные характеристики совпадают с теоретическими данными, а в Республике Марий Эл – отличаются по шкале Rc. По этой шкале произошло расширение диапазона вида от 4,9 баллав (кислых почв) в сторону увеличения действия фактора – до 7,4 балла (слабокислых/нейтральных почв); по этой же шкале в исследованных местообитаниях Республики Марий Эл реализованы наибольшие экологические возможности этого вида. Нами определена экологическая позиция *C.alpina* по шкале fH от 4,0 до 6,1 балла (от промежуточного между относительно устойчивым и слабо переменным увлажнением до промежуточного от слабо переменного и умеренно переменного увлажнения).

T.europaea характеризуется мезовалентными и эвривалетными позициями по климатическим

Таблица 1

Экологические характеристики подземно-столоноклубнеобразующих многолетников видов

Вид	Экологические шкалы Д.Н. Цыганова									
	Tm	Kn	Om	Cr	Hd	Tr	Nt	Rc	fH	Lc
Adoxa moschatellina	7,0–8,4* 2–14**	7,6–8,9 3–14	7,6–8,7 5–15	6,3–7,9 1–13	11,9–**15,6** 11–15	5,2–7,3 5–9	**4,8**–7,2 7–10	5,6–**7,3** 5–7	**3,8–6,8** –	**3,5**–5,8 4–9
Circaea alpina	7,1–8,2 6–13	8,0–9,3 3–15	7,8–8,9 5–11	6,3–7,5 3–13	12,8–14,4 11–19	4,8–6,3 3–9	5,1–7,1 3–9	4,9–**7,4** 5–7	**4,0–6,1** –	4,4–6,0 4–7
Trientalis europaea	4,7–8,6 3–10	7,8–9,4 4–15	**7,8–9,8** –	5,6–8,1 1–10	10,0–15,1 10–19	4,0–**8,2** 1–6	3,0–**7,2** 1–5	3,0–**8,0** 1–7	**3,0–6,4** –	**2,9**–5,9 3–9

Примечания: * – реальный диапазон, ** – экологическая позиция вида по шкале фактора, жирным шрифтом выделены уточненные данные.

факторам (табл. 1) и мезовалетными или стеновалентными позициями по почвенным шкалам. Этот вид эвривалентен по шкале Lc (PEV=0,78). Общий индекс толерантности составляет 0,54 – вид мезобионтен. ЦП этого вида были изучены нами в Мурманской, Архангельской, Московской, Челябинской областях, в Республиках Чувашия и Марий Эл. Экологические позиции *T.europaea* во всех изученных районах совпадают с теоретическими по 7-ми шкалам и различаются по 4-ем шкалам (Tr, Nt, Rc, Lc). Расширение диапазонов произошло в сторону увеличения действия фактора (во всех районах, кроме Мурманской области). По шкале Tr – диапазон вида расширен до 8,2 балла (богатых почв), по шкале N – увеличен до 7,2 балла (до достаточно обеспеченных азотом / богатых азотом почв), а по шкале Tr – до 8,0 баллов (нейтральных почв). Наибольшие экологические возможности у седмичника европейского реализованы в Республике Марий Эл по шкале Tr (K.ec.eff. = 72 %) и по шкале N (K.ec.eff. = 64 %). Нами определена отсутствующая экологическая позиция этого вида по шкале fH, которая составляет интервал от 2,9 до 6,4 балла (от устойчивого / относительно устойчивого увлажнения до умеренно переменного увлажнения).

Таким образом, для модельных ПСМ видов Br ЭЦГ лимитирующими экологическими факторами являются омброклиматический, увлажнения почв и солевой режим почв. Наибольшее экологическое разнообразие выявлено по 2-ум шкалам Д.Н. Цыганова: Om и Rc. По ним отмечены фракции экологической валентности видов: стеновалентные, гемистеновалентные, мезовалентные, эвривалентные. Модельные таежные виды могут обитать в более широких диапазонах почвенных условий, чем предложенные Д.Н. Цыгановым; определены отсутствующие экологические позиции данных видов по шкале переменности увлажнения почв.

Авторы выражают глубокую благодарность научному консультанту, д.б.н., профессору, заслуженному деятелю науки РФ Людмиле Алексеевне Жуковой за консультации и внимание к работе, к.б.н. Ю.А. Дороговой – за обработку геоботанических описаний, к.б.н. Е.В. Акшенцеву и к.б.н. Н.В. Налимовой – за предоставленные материалы.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-04-00952.

Библиографический список

1. *Полянская Т.А.* Популяционное разнообразие компонентов травяно-кустарничкового яруса лесных фитоценозов лесных сообществ национального парка «Марий Чодра». – Йошкар-Ола: ООО «Реклайн», 2006. – 156 с.

2. *Смирнова О.В., Заугольнова Л.Б., Ханина Л.Г.* и др. Оценка и сохранение биоразнообразия лесного покрова в заповедниках Европейской России. – М.: Научный Мир, 2000. – 196 с.

3. *Флинт В.Е., Смирнова О.В., Заугольнова Л.Б.* и др. Сохранение и восстановление биоразнообразия. – М.: Издание научного и учебно-методического центра, 2002. – 286 с.

4. *Цыганов Д.Н.* Фитоиндикация экологических режимов в подзоне хвойно-широколиственных лесов. – М.: Наука, 1983. – 196 с.

5. *Миркин Б.М.* Метод классификации растительности по Браун-Бланке и современная отечественная фитоценология // Бюлл. МОИП. Отд. биол. – 1978. – Т. 83. – Вып. 3. – С. 77–88.

6. *Зубкова Е.В., Ханина Л.Г., Грохлина Т.И., Дорогова Ю.А.* Компьютерная обработка геоботанических описаний по экологическим шкалам с помощью программы EcoScaleWin. – Йошкар-Ола, 2008. – 96 с.

7. *Маевский П.Ф.* Флора средней полосы Европейской части России. – М.: Т-во научн. изданий КМК, 2006. – 600 с

8. *Жукова Л.А., Дорогова Ю.А., Турмухаметова Н.В.* и др. Экологические шкалы и методы анализа экологического разнообразия растений. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. – 386 с.

9. *Толмачёв А.И.* К истории возникновения и развития темнохвойной тайги. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 155 с.

10. *Старостенкова М.М.* Адокса мускусная // Биологическая флора Московской области. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1980. – Т. 5. – С. 147–155.

11. *Тихомиров Б.А.* О лесной фазе в послеледниковой истории развития севера Сибири и ее реликтах в современной тундре // Материалы по истории флоры и растительности СССР. – М.; Л., 1941. – №1.

УДК 58.006:502.75

Немчинова Анна Викторовна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
nemanvic@rambler.ru
Хорошев Александр Владимирович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
akhorosh@orc.ru

ВЫДЕЛЕНИЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ЛЕСОВ ПРИ ЛЕСОРАСТИТЕЛЬНОМ ЗОНИРОВАНИИ ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ НА ЛАНДШАФТНОЙ ОСНОВЕ

Проведена инвентаризация лесов на территории Костромской области. Предложена методика определения репрезентативности лесов на основе реконструкции восстановленного растительного покрова в границах ландшафтных единиц различного ранга. Проведено лесорастительное зонирование территории Костромской области на основе ландшафтной карты. Результаты использованы для обоснования проекта сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Костромской области («Кострома-ЭКОНЕТ»).

***Ключевые слова**: репрезентативные леса, эталонные леса, ландшафты, восстановленный растительный покров, лесорастительное зонирование.*

Для организации экономически эффективного и долговременного лесопользования самой трудновыполнимой задачей является обеспечение экологически устойчивого управления лесными территориями на разных уровнях: организменном, видовом, экосистемном (из конвенции о биологическом разнообразии 1992 года [1]). Выделение в качестве эталонных и сохранение в естественном состоянии лесов, типичных (репрезентативных) для участков с разными ландшафтными условиями, и включение их в состав особо охраняемых природных территорий (ООПТ) важно для осуществления мониторинга и использования полученных данных для научных обобщений и практических наработок для лесной отрасли. К настоящему времени такие участки вошли в состав сети ООПТ Костромской области (КО), организованной по итогам совместных научно-исследовательских работ МИЛ (Москва), МГУ им. М.В. Ломоносова, КГУ им. Н.А. Некрасова и др. по грантам международных проектов PIN MATPA Ин-т Alterra (Нидерланды) (2003–2006). Привлечены результаты проектных работ «Кологривский лес» (2000–2001), «Кологривский модельный лес» (2006–2007) (МИЛ, Нидерланды), Лаборатории устойчивости лесных экосистем КГУ им. Н.А. Некрасова (2007–2010).

Цель исследования – реконструкция восстановленного растительного покрова антропогенно преобразованных лесных территорий КО и лесорастительное зонирование репрезентативных лесов на ландшафтной основе.

Объектами исследований стали природные комплексы КО. Результаты исследований обеспечены геоботаническими (ок. 780) и ландшафтными (ок. 550) полевыми описаниями. Собраны данные об истории хозяйственного освоения территории области. Проведен анализ геоморфологической и карты четвертичных отложений КО [2, с. 12, 13, 14], лесных карт [2, с. 20; 3; 4; 5; 6; 7]. Проанализированы данные лесной таксации лесного фонда КО.

В основе лесорастительного зонирования легла ландшафтная карта КО М=1:200000 [8], составленная по итогам: дешифрирования летнего космического снимка Landsat7 2001 г. с разрешением 30 м, создания цифровой модели рельефа, классификации космического изображения методом к-средних (30 классов), верификации ландшафтными описаниями. Карта отражает ландшафтное зонирование исследуемой территории, вписанное в систему физико-географических районов (по В.К. Жучковой), типизированных на основании различий пространственной структуры ландшафтов [9].

В нашем исследовании ландшафтная карта использована для установления географической дифференциации растительных сообществ, описанных геоботаническими описаниями. Участки растительного покрова с наименьшей нарушенностью их целостности, включающие наименее нарушенную растительность – как правило, старовозрастные леса, сохранившиеся в пределах разных типов ландшафтов, – были приняты в качестве эталонов и стали приоритетными для вклю-

© Немчинова А.В., Хорошев А.В., 2011

чения в экологическую сеть ООПТ. В пределах границ видов ландшафтов или их совокупностей проводился сравнительный анализ растительности, нарушенной в той или иной степени пожарами, вырубками и др., с эталонными лесами в контурах тех же ландшафтов. На основе экстраполяции характеристик эталонной растительности на окружающие участки, с учетом фактов истории освоения, прогнозировался восстановленный растительный покров – покров, который мог бы сформироваться при условии полного прекращения антропогенных воздействий [10, с. 534]. С учетом ландшафтной приуроченности устанавливались границы участков репрезентативных лесов. На их основе в среде GIS-программ составлена карта лесорастительных районов КО M=1:200000.

В результате исследования выяснено, что в КО практически не сохранилось крупных массивов таежных лесов. Максимальная площадь последних фрагментов природных ландшафтов, не подвергшихся промышленным лесозаготовкам, не более 10 тыс. га. К настоящему времени эти участки вошли в состав сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) КО. При проектировании сетей ООПТ в литературе рассматривается недопустимость игнорирования ландшафтно-географического подхода [9, с. 19], при котором в первую очередь учитываются абиотические функции ландшафтов, обеспечивающих разнообразие местообитаний и, тем самым, высокий уровень биологического разнообразия. Основоположник лесоведения Г.Ф. Морозов рассматривал лес как «явление географическое», указывая, что [11, с. 82] конечной целью любого исследования территории является ее расчленение на «целую совокупность ландшафтов, или географических индивидуумов» [12, с. 87]. В.Н. Сукачёв [13, с. 12] рекомендовал при классификации лесных биогеоценозов использовать разработки ландшафтоведения.

С точки зрения современной физической географии и ландшафтоведения, ландшафт занимает довольно значительную, пространственно ограниченную площадь, измеряемую десятками–сотнями тысяч гектаров (минимум 10 тыс. га) [9]. В пределах ландшафта выделяют иерархию более мелких территориальных комплексов – ландшафтных единиц различного ранга. В зависимости от масштаба рассматривают: местности, урочища, подурочища и фации [14, с. 30, 54–67]. Примерами самых мелких единиц – фаций – могут быть: склон какой-либо экспозиции или днище оврага, вырубка, участок леса определенного состава или структуры на уровне выдела или группы выделов. Урочища слагаются из фаций и могут занимать: отдельные крупные холмы, котловины с озерами, озовые песчаные гряды, межгрядовые понижения и пр. Группы урочищ объединяются в местности, примерами которых могут служить: ельник или смешанный лес на суглинистой морене, сосновый бор на долинных песках, широколиственный лес на известняках, лес в верховье и долине малой реки и др. Наконец, непосредственно ландшафты, которые могут занимать один или нескольких административных районов, быть приурочены, например, к крупным речным долинам, моренным суглинистым, озерно-ледниковым или водноледниковым равнинам. Любая хозяйственная деятельность приводит к нарушениям ландшафта. К категории наиболее сильных нарушений относят преобразования водного режима и литогенной основы [15, с. 333], что отражается на растительном покрове.

На каждом из иерархических уровней ландшафтной структуры территории могут быть выделены участки растительности с наименьшей антропогенной нарушенностью относительно окружающих территорий, которые необходимо сохранять в качестве эталонных, что выдвигается в последнее время как требование международной добровольной FSC сертификации лесов. Приоритет должен быть отдан участкам ландшафтов с растительностью, которая может быть отнесена к категории коренных, малонарушенных лесов. Например, равнина, сложенная моренным суглинком и занятая сложным ельником, – пример коренного урочища (соответствует уровню лесного выдела), а вторичный березово-осиновый лес, сформировавшийся после вырубки рядом, – пример производного урочища. Ценность первой ландшафтной единицы – в том, что она несет лесную растительность, близкую по своему составу и структуре к исходному ненарушенному варианту.

В разработанной карте репрезентативных лесов КО (рис. 1) отражено распределение репрезентативных лесов на самом высоком уровне иерархии – на уровне ландшафтов, и она может рассматриваться также как карта лесорастительного зонирования (районирования) территории. Для сравнения рассмотрены варианты лесорас-

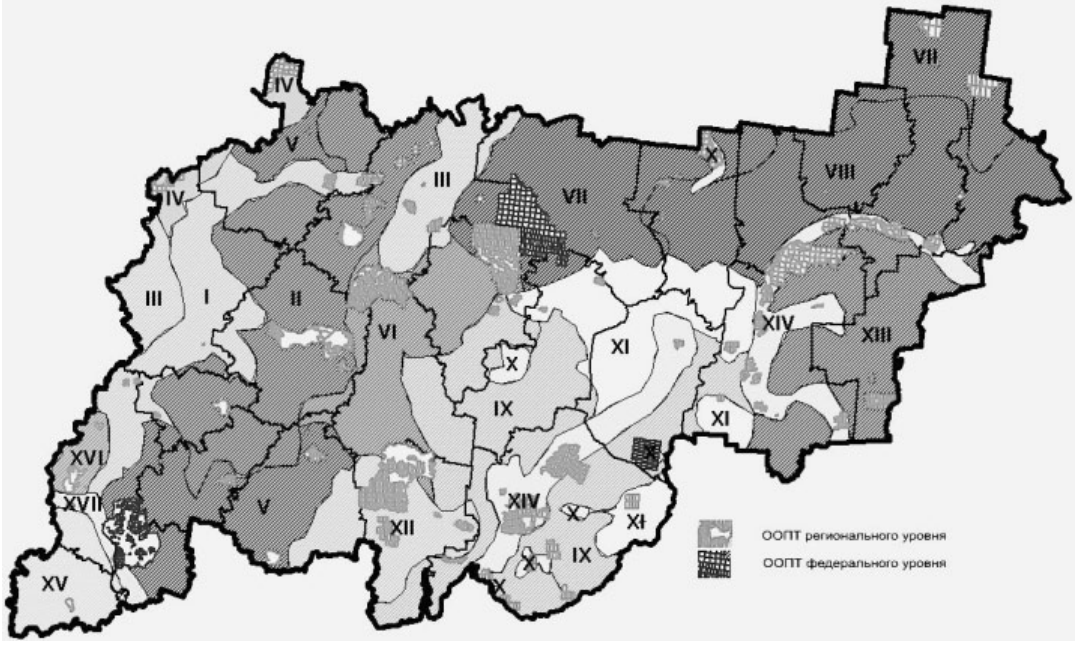

Рис. 1. Лесорастительные районы Костромской области.

I – сухие сосновые боры подзоны южной тайги на водноледниковых дюнных равнинах с песчаными и песчано-суглинистыми отложениями времени Московского оледенения в пределах Галичско-Чухломской возвышенности; II – ельники бореально-неморальные подзоны южной тайги на камовых холмах времени Московского оледенения Галичско-Чухломской возвышенности; III – сосново-еловые бореальные леса подзоны южной тайги на моренно-водноледниковых песчано-суглинистых равнинах времени Московского оледенения в пределах Галичско-Чухломской возвышенности; IV – заболоченные березовые и сосновые леса подзоны южной тайги в древнеозерных котловинах с озерно-ледниковыми суглинистыми отложениями времени Московского оледенения в пределах Галичско-Чухломской возвышенности; V – ельники бореально-неморальные подзоны южной тайги на холмистых лессово-суглинистых равнинах Галичско-Чухломской возвышенности; VI – ельники бореально-неморальные подзоны южной тайги на волнистых моренно-водноледниковых песчано-суглинистых равнинах времени Московского оледенения в пределах Галичско-Чухломской возвышенности; VII – пихто-ельники бореально-неморальные подзоны южной тайги на моренных отложениях времени Московского оледенения и коренных карбонатных породах южных отрогов Северных Увалов; VIII – пихто-ельники бореально-неморальные подзоны южной тайги на моренно-эрозионных суглинистых равнинах времени Днепровского оледенения на коренных дочетвертичных породах в пределах южных отрогов Северных Увалов; IX – сухие сосновые и лиственнично-сосновые леса подзоны южной тайги на водноледниковых и эолово-водноледниковых дюнных песчаных равнинах времени Московского оледенения в пределах Унженской низменности; X – лиственнично-сосновые и смешанные леса с участием широколиственных пород бореально-неморальные подзоны южной тайги на эолово-водноледниковых бугристых песчаных равнинах времени Днепровского оледенения в пределах бассейна р. Унжи; XI – ельники бореально-неморальные подзоны южной тайги на волнистых моренно-водноледниковых песчано-суглинистых равнинах времени Днепровского оледенения в пределах Унженской низменности; XII – пихто-ельники бореально-неморальные подзоны южной тайги моренно-водноледниковых песчано-суглинистых равнин времени Московского оледенения в пределах Унженской низменности; XIII – пихто-ельники бореальные на водноледниковых песчаных отложениях времени Днепровского оледенения в пределах Ветлужской низменности; XIV – смешанные с участием широколиственных пород бореально-неморальные в сочетании с сухими сосновыми и заболоченными лесами подзоны южной тайги в крупных речных долинах рр. Унжи, Неи, Ветлуги на водноледниковых равнинах времени Днепровского оледенения Ветлужско-Унженской низменности; XV – ельники бореально-неморальные зоны хвойно-широколиственных лесов на моренных лессовидно-суглинистых равнинах Приволжско-Костромской низины; XVI – смешанные леса с участием широколиственных пород неморальные и бореально-неморальные зоны хвойно-широколиственных лесов в древнеозерных котловинах с озерно-ледниковыми суглинистыми отложениями времени Московского оледенения в пределах Приволжско-Костромской низины; XVII – смешанные и широколиственные неморальные и бореально-неморальные в сочетании с заболоченными лесами зоны хвойно-широколиственных лесов в крупной речной долине р. Волги.

тительного районирования КО С.Ф. Курнаева [16, с. 22; 2, с. 21] и А.В. Письмерова [17, с. 18–25], который выделил на территории КО 5 лесорастительных районов, привязанных к границам ландшафтно-геоморфологических комплексов.

По нашим результатам картографирования репрезентативных лесов, на территории области выделено 17 лесорастительных районов (ЛР) (рис. 1). ЛР отражают облик и состав восстановленного лесного покрова в различных типах ландшафтов. При проведении контуров ЛР, кроме происхождения и типа ландшафта, учитывалась принадлежность к подзоне южной тайги или зоне хвойно-широколиственных лесов, граница которых проходит в районе Костромской низины на юго-западе области. Четырнадцать первых в списке ЛР относятся к подзоне южной тайги, а XV, XVI и XVII районы – к зоне хвойно-широколиственных лесов. Одной из линий раздела стала граница ледниковых оледенений Московского и Днепровского времени [18, с. 83], где отличны типы ландшафтов и предполагается различный состав доминирующей растительности. На первом месте в названии ЛР – название лесной формации по преобладанию породы или группы пород в составе древостоев, которые должны восстановиться в большей части территории района в отсутствии хозяйственной деятельности. Существующий состав лесного покрова отличается от своего состояния, которое было до начала интенсивной лесоэксплуатации, и в названии отражается реконструированный вариант, установленный по облику эталонных лесов различной ландшафтной приуроченности. По сути, карта воссоздает облик растительного покрова, который сохранялся в КО до начала промышленной лесоэксплуатации в середине прошлого века, согласно фактам истории освоения [2; 3; 4; 5; 6; 22, с. 37].

Результаты реконструкции биогеоценотического покрова и особенностей структурного и таксономического разнообразия наименее нарушенных лесных сообществ лесного пояса Вост. Европы освещены в литературе [10]. В качестве эдификаторов темнохвойных лесов на территории европейской России выступают *Picea abies* и *Picea obovata*. В КО проходит зона интрогрессии, где наряду с ними произрастает гибридная форма этих видов – *Picea fennica* (Regel) Kom. К основным ценозообразователям относится также пихта *Abies* sp. На нашей карте еловые и пихтово-еловые леса репрезентативны для 6-ти ЛР КО. Ожидается, что в спонтанном развитии на месте вторичных мелколиственных лесов этого ЛР может восстановиться растительность с доминированием ели и соответствующим набором видов подчиненных ярусов [10, с. 383]. Доминантом светлохвойных лесов является *Pinus sylvestris* и, изредка, *Larix sibirica*. В литературе обсуждается вопрос восстановления еловых лесов на месте сосняков, приуроченных к достаточно мощным пескам водно-ледникового или аллювиального происхождения после прекращения антропогенных воздействий [19, с. 10; 10, с. 367]. На нашей карте сосновые и лиственнично-сосновые леса репрезентативны для 3-х ЛР: на Унженской низменности (IX ЛР), к западу от Галичско-Чухломской возвышенности (I ЛР), а также на нескольких участках в пределах бассейна р. Унжи (X ЛР). К смешанным сосново-еловым отнесены участки лесов, в которых доминирование одной из пород колеблется в зависимости от условий мест произрастания (III ЛР). В названиях некоторых ЛР указывается степень увлажненности лесов, преобладающих по площади в районе: сухие леса, заболоченные или, если не указывается, – мезофитные леса. В ЛР XIV и XVII, в долинах крупных рек, наблюдается заболоченность лесов по низинному типу, а в ЛР на водоразделах, – как правило, по верховому. Сходство облика лесной растительности с типичными лесами одной из

Рис. 2. Схема катены реки как единицы для оценки репрезентативности растительности в пределах речных бассейнов при определении границ эталонных лесов

лесорастительных полос Евр. ч. России выражается указанием на: бореальные (хвойные) леса, бореально-неморальные (южнотаежные и хвойно-широколиственные) и неморальные (широколиственные леса и лесостепи).

Репрезентативность лесов может быть определена и в ином масштабе рассмотрения – на уровне ландшафтной единицы местности. При определении границ эталонных лесов в состав ООПТ, по возможности, включались участки, охватывающие все репрезентативные звенья катен малых рек [21, с. 5, 52], что позволило сохранить близкое к естественному пространственное распределение растительности, связанное внутри катены системой потоков вещества и энергии, генов. Выяснено, что для катен малых рек в ландшафтах моренных суглинистых равнин, например, отмечаются закономерности распределения типов восстанавливающейся растительности [22, с. 105, 145].

Нежелательно проведение границ охраняемых территорий поперек катены и исключение каких-либо составных компонентов рельефа бассейнов рек с ответствующей растительностью. Целостность гарантирует снижение уязвимости лесных ландшафтов к климатическим флуктуациям, к естественным или антропогенным нарушениям за счет сохранения потоков веществ, энергии, генов. По этой же причине в зависимости от масштаба лесохозяйственной деятельности в пределах ландшафтных урочищ могут быть выделены репрезентативные леса для сохранения их ценностей в естественном состоянии, например леса, выполняющие водоохранную и буферную функцию вокруг озера в котловине. Наконец, на уровне фаций при проведении, например, рубок на лесосеке могут быть сохранены лесные участки (ключевые биотопы), репрезентативные для данной разновидности фации, например лес с участием широколиственных пород в овраге и др.

Итак, применение ландшафтно-географического подхода при выделении эталонных лесов для разработки способов устойчивого ведения лесного хозяйства обосновано современными представлениями о структуре и формировании биогеоценотического покрова и ландшафтной структуре территорий, может осуществляться на основе создания карт репрезентативных лесов, отражающих состояние восстановленного растительного покрова в границах ландшафтных единиц различного иерархического уровня.

Библиографический список

1. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml

2. Атлас Костромской области. – М.: ГУГК, 1975. – 32 с.

3. Карты Российской империи: Центральная часть (Кострома) (1882 г.) // Scan from Blackie & Sons Atlas (Edinburgh, 1882) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusempire.ru/

4. *Дюбюк Е.* Материалы для оценки земель Костромской губернии. – Кострома, 1912. – Т. 13. – Вып. 1. – 215 с.

5. *Ожогин И.* Распределение лесов Костромской губернии на экономические зоны и районы с движением корневых цен на лес в довоенное время. – Кострома, 1926–1927.

6. Карта торфяных месторождений Костромской области. – М., 1973.

7. Зоны и типы поясности растительности России и сопредельных территорий. Карта. М: 1:8000000 / Отв. ред. Г.Н. Огуреева. – М.: Геогр. ф-т МГУ, 1999.

8. *Хорошев А.В.* Ландшафтная карта Костромской области. Масштаб 1:200000. – М., 2005. Фонды географ. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.

9. *Хорошев А.В., Синицын М.Г., Немчинова А.В., Авданин В.О.* Ландшафтный подход к формированию экологической сети Костромской области // Экологическое планирование и управление. – 2007. – № 4 (5). – С. 19–29.

10. *Смирнова О.В. (ред.)* Восточноевропейские широколиственные леса. – М.: Наука, 1994. – 364 с.

11. *Морозов Г.Ф.* Учение о лесе. – М.; Л., 1949. – 456 с.

12. *Морозов Г.?.* Биология наших лесных пород. – СПб., 1914. – 111 с.

13. *Сукачёв В.Н.* Общие принципы и программа изучения типов леса // Сукачёв В.Н., Зонн С.В. Методические указания к изучению типов леса. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 9–75.

14. *Солнцев Н.А.* Учение о ландшафте. Избранные труды. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 384 с.

15. *Исаченко А.Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. – М.: Высш. школа, 1991. – 367 с.

16. *Курнаев С.Ф.* Лесорастительное районирование СССР. – М., 1973. – 202 с.

17. *Письмеров А.В.* Методические указания по лесорастительному районированию Костромской области. – М.: ВНИИЛМ, 1977. – 26 с.

18. *Писарева В.В., Лобачёв И.Н.* Ярославско-Костромское Поволжье // Московский ледниковый покров Восточной Европы. – М.: Наука, 1982. – С. 82–95.

19. *Курнаев С.Ф.* Дробное лесорастительное районирование Нечерноземного Центра. – М.: Наука, 1982. – 118 с.

20. Vera FW M. Grazing ecology and forest history. – Oxon; New York: CABI Publishing, 2000. – 506 p.

21. Оценка и сохранение биоразнообразия лесного покрова в заповедниках европейской России. – М.: Научный мир, 2000. – С. 76–87.

22. *Немчинова А.В.* Дифференциация лесных фитохор бассейна р. Понга на примере ландшафтов «Кологривского леса»: Дис. … канд. биол. наук. РГБ ОД, 61:05-3/600. – Сыктывкар, 2005. – 251 с.

УДК 574.4

Петухов Илья Николаевич
xen8787@mail.ru
Немчинова Анна Викторовна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
nemanvic@rambler.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА МАССОВЫХ ВЕТРОВАЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Работа актуальна для разработки методов мониторинга естественных катастрофических нарушений растительного покрова. Изложены подходы к интерпретации дешифрирования космических снимков для участков массовых ветровалов на основе данных таксации. Выявлены некоторые особенности восстановления растительности на месте ветровальных нарушений в зависимости от ландшафтной приуроченности.

Ключевые слова: *ветровал, ГИС-технологии, таксационные данные, данные дистанционного зондирования Земли.*

Во многих литературных источниках по лесоведению и лесной экологии указывается особенная роль ветровала в формировании растительного покрова. В работах Е.Б. Скворцовой [1], И.С. Мелехова [2, с. 157], И.И. Васенева [3, с. 184], М.В. Бобровского [4, с. 300], А.С. Исаева [5, с. 155] описаны механизмы ветровальных нарушений, экологическая роль ветровала в развитии коренных лесных сообществ, образование ветровальных почвенных комплексов (ВПК), приуроченность к рельефу. Однако недостаточно изучены вопросы пространственной структуры массовых ветровалов, их фрагментарность и целостность, роль открытых пространств, направления сукцессии растительных сообществ после нарушений.

Цель работы – изучение нарушенных ветром участков растительного покрова на основе данных дистанционного зондирования земли (ДЗЗ) и характеристика особенностей восстановления растительных сообществ на месте ветровалов по данным лесоустройства.

Для достижения поставленной цели исследование было ориентировано на решение следующих задач: картографировать крупные ветровалы на территории Костромской, Ярославской, Вологодской областей; проанализировать характер нарушения растительного покрова четырех ветровалов в отношении общего рисунка ветровалов, направления, размеров, характера распределения фрагментов; охарактеризовать ландшафтную приуроченность ветровалов; проанализировать состав и структуру восстанавливающихся на месте ветровалов растительных сообществ.

В нашем исследовании ветровалом назван участок растительного покрова, представляющий собой совокупность фрагментов нарушенной растительности в результате единовременного действия шквалистого ветра.

Поиск и выделение ветровалов осуществлялись в программе Quantum GIS по космическим снимкам, полученным с космического аппарата Landsat, сенсор TM+, разрешение снимка 30 м/пиксел. На первом этапе проведены визуальный поиск и оконтуривание ветровалов на снимках разных лет (1986–87, 2001–02, 2009–10). Территория поиска разбивалась на квадраты (размер 10 км · 10 км). Поиск осуществлялся по двум

© Петухов И.Н., Немчинова А.В., 2011

разновременным (разница во времени съемки составляла 1 год) космическим снимкам одной и той же территории, что позволило определить год ветровала с точностью до одного года. В итоге получены контуры основных, крупных фрагментов массовых ветровалов на территории Костромской и сопряженных областей. На втором этапе производилось уточнение контуров по следующему алгоритму (за основу взята методика Московского ЦЗЛ, авторов Н.А. Владимирова и др.): 1) расчет вегетационного индекса (NDVI) по космическим снимкам одной и той же территории до и после ветровала; 2) вычитание разновременных изображений значений вегетационного индекса до и после ветровала, т. е. получение картины изменений растительного покрова; 3) проведение безэталонной классификации изображения на основе разности значений вегетационного индекса; 4) визуальное оценивание классифицированных изображений и изображений ветровалов на космических снимках, автоматическая векторизация классифицированного изображения; 5) корректировка выделенных классов и их границ (переименование, удаление лишних классов). В процессе классификации было задано выделение четырех классов объектов: участки без изменений, нарушенные ветровалом, концентрированные вырубки, облака.

Итогом второго этапа стало получение контуров фрагментов массовых ветровалов с минимальным количество 5 пикселов (0,45 га). Создана и уточнена карта ветровалов на территории Костромской и сопряженных областей. Всего было выделено 4 ветровала.

Необходимо было установить направление ветровала по данным ДЗЗ. По каждому случаю вручную строился вектор ветровала. Выбор направления вектора определялся по характеру контура ветровала с начала и конца вектора. Для каждого вектора с помощью программы автоматически были измерены направление (азимут, румб).

Дату ветровала устанавливали по данным метеорологической службы о скорости и направлении ветра с ближайших к месту массовых ветровалов метеостанций (табл. 1.) [6].

Изменения состава и структуры лесных сообществ на территории КБ ветровала 1987 года (Кологривский, Бабушкинский районы) оценивались путем сравнения данных таксации 1987 и 1997 годов. Таксационные описания кварталов, насаждения которых повреждены ветровалом, заносились в электронную таблицу (Excel), после чего приводилась в соответствие ярусность насаждений, используемая в лесоустройстве, к ярусности, определяемой в рамках задач настоящего исследования. Все насаждения были разделены на три яруса: I ярус (до 8 м), II ярус (9–15 м) и III ярус (>15 м). Планы лесонасаждений привязывались полиномом второй степени в программе Quantum GIS (QGIS) к привязанным и спроецированным топографическим картам масштаба 1:50000.

Несовпадение контуров выделов на планах лесонасаждений 1987 и 1997 годов не позволяет проанализировать изменения состава и структуры насаждений на уровне выделов. Поэтому была построена сетка квадратов (90 м · 90 м) в формате шейп-файла. Каждый квадрат сетки отнесен к двум выделам 1987 и 1997 годов. К каждому квадрату привязана атрибутивная таблица, содержащая данные таксации 1987 и 1997 годов.

Изменение состава и структуры лесов за ревизионный период рассчитывалось по каждому квадрату путем вычитания соответствующих атрибутивных данных: состава, яруса, возраста, высоты и полноты насаждений. Полученные значения ранжировали по каждому из параметров атрибутивных данных на пять классов и отразили в векторном слое в виде раскрашенной легенды.

Таблица 1

Данные о направлении ветра и вектора ветровала

Наименование метеостанции	Данные о направлении ветра			
	Метеорологические		Измеренные	
	румб	азимут	румб	азимут
Ветровал 13–14 июня 2010 (21:00–00:00 МСК)				
Кострома (Костромская обл.)	З	265	З	290
Юрьевец (Нижегородская обл.)	З	290		
Ветровал 27 июня 2010 (15:00–21:00 МСК)				
Грязовец (Вологодская обл.)	ЮЗ	225	ЮЗ	235
Буй (Костромская обл.)	ЮЗ	240		
Тотьма (Вологодская обл.)	ЮЗ	230		

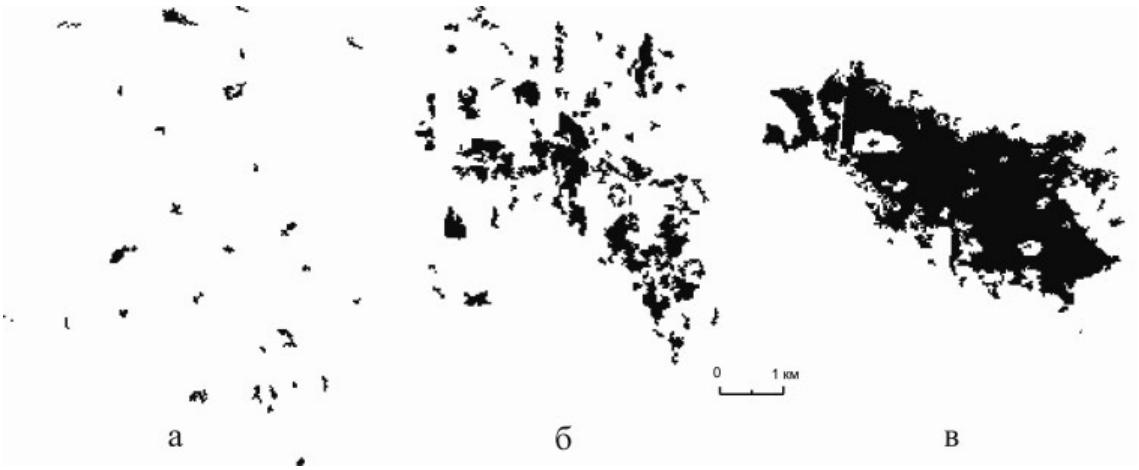

Рис. 1. Варианты пространственной структуры ветровальных нарушений растительного покрова (а – равномерно дискретное, б – компактно дискретное, в – сплошное)

Для определения ландшафтной приуроченности нарушений растительного покрова ветровалом использовалась ландшафтная карта масштаба 1:200000 (автор А.В. Хорошев) [7].

Как правило, для начала вектора ветровала характерно сплошное нарушение растительного покрова (рис. 1в), в конце вектора нарушения носят мелкоконтурный, фрагментированный характер (рис. 1а) с пространственной структурой двух типов: «прямолинейной» и «веерообразной». Скорее всего, это обусловлено тем, что по мере продвижения ветра в глубь лесного массива сила и скорость ветра падают (уменьшение за счет сил трения воздушных масс с древесной растительностью [8, с. 41]), в результате чего характер повреждения растительности меняется со сплошного на мелкоконтурный и фрагментированный, фрагменты рассеяны среди неповрежденного лесного покрова.

Ниже описана пространственная структура и направление некоторых изучаемых ветровалов, дана их сравнительная характеристика.

Массовый ветровал 13–14 июня 2010 года (Судиславский, Островский районы Костромской области (СО)), выделенный на снимке, представляет собой полосу длиной около 68 км и шириной от 2 до 4 км, протяженную в юго-восточном направлении (рис. 2). Ветровал состоит из пяти групп фрагментов поврежденной растительности. Первые четыре группы располагаются на одной линии, пятая группа смещена относительно четвертой на север. Три группы расположены компактно, четвертая и пятая группы состоят из мелких фрагментов, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Площадь участков ветровала колеблется от 0,45 га до 750 га. Общая площадь ветровала около 4900 га. Рельеф территории, охваченной ветровалом, представлен моренными холмистыми лессово-суглинистыми равнинами, моренными лессово-суглинистыми плато, моренно-водноледниковыми плоскими песчано-суглинистыми равнинами, слабо расчлененными долинами малых рек [7].

Массовый ветровал 27 июня 2010 года (Пречистенский, Грязовецкий, Междуреченский, Солигаличский районы Ярославской, Вологодской, Костромской областей (ПГМС)) на снимке имеет веерообразную форму с широким фронтом фрагментов в конечной его части, вытянутую в северо-восточном направлении, имеющую протяженность около 280 км. Ширина ветровала в узкой части примерно равна 10 км. Ярко выражен фронт ветровала, его ширина колеблется от 30 до 40 км. Ветровал можно разделить на две части, первая часть – начало вектора ветровала, для него характерны крупные фрагменты сплошного повреждения растительного покрова. Вторая часть ветровала выделяется широким фронтом (около 30–40 км), состоящим из мелкоконтурных, рассеянных фрагментов поврежденной растительности, имеющих преимущественно линейную форму, вытянутую в направлении движения ветра или под небольшим углом (рис. 2).

Массовый ветровал июня 2002 года (Нейский, Кологривский, Межевской районы Костромской области (НКМ)), выделенный на снимке 2002 года,

Рис. 2. Общая картосхема выделенных ветровалов на территории Костромской, Ярославской, Вологодской областей

представляет собой полосу длиной около 50 км, шириной от 0,5 до 1 км, вытянутую в юго-восточном направлении. Ветровал состоит из четырех групп компактно расположенных фрагментов поврежденной растительности; площадь фрагментов колеблется от 0,45 га до 350 га. Общая площадь ветровала составляет 900 га (рис. 2).

Массовый ветровал июля 1987 года (год ветровала известен по данным таксационных описаний) (Кологривский, Бабушкинский районы Костромской и Вологодской областей (КБ)), выделенный на снимке, представляет собой полосу длиной около 32 км и шириной от 1 до 3 км, протяженную в северном направлении. Ветровал состоит из трех групп компактно расположенных участков поврежденной растительности; их площадь колеблется от 0,45 га до 220 га. Общая площадь ветровала около 1100 га (рис. 2). Ветровал приурочен к ландшафтам моренно-ледниковых волнистых и пологоволнистых песчано-суглинистых равнин, слабо расчлененных неглубоко врезанными долинами малых рек [7].

Визуально, по данным ДЗЗ, было замечено, что в большинстве случаев началу вектора ветровала предшествуют, в той или иной степени, открытые пространства. Анализ данных таксации и классифицированного снимка в случае ветровала КБ показал, что территория, предшествующая началу вектора ветровала, имеет протяженность около 40 км и площадь около 54000 га, из них 87% площади покрыто хвойными и лиственными молодняками 1 и 2 класса возраста, 13% составляют невырубленные лесосеки и расположенные группами недорубы старовозрастных хвойных лесов, что могло способствовать набору силы и скорости ветра (рис. 3).

В случае ветровала СО вектору предшествует селебитные территории Даниловского района Ярославской области и Костромского района Костромской области. На площади 34000 га и протяженностью 80 км имеются: открытые пространства – около 50% (сельхозугодия, селебитные территории и водная гладь), фрагменты лесов в сочетании с болотами, пашнями и лугами – около 23%. На пути ветра могли встречаться и снижать его скорость только осиновые леса, занимающие около 27% площади. В случае ветровала НКМ 2002 года началу вектора ветровала предшествует территория площадью 37000 га, протяженностью 65 км. Структура растительного покрова следующая: луга и сельхозугодия составляют 9%, переходные березово-сосновые болота – 8%, ело-

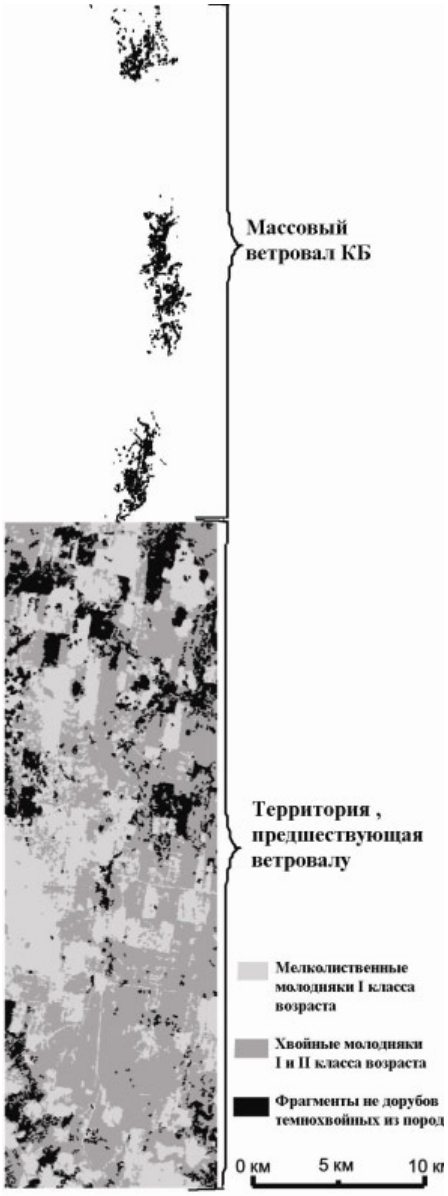

Рис. 3. Состав и структура территории, предшествующей ветровалу КБ

во-березовые леса с сочетании с болотами – 40%, сосновые леса – 10%, елово-березовые леса – 25%, березово-еловые леса – 8%. Соотношение размеров ветровала (длина вектора ветровала) и предшествующего открытого пространства, на примере ветровала КБ, составляет 3:4.

На примере ветровала КБ проведен анализ распределения характера и степени повреждений от ветровала, а также основные тенденции восстановительных процессов на месте нарушений за период 10 лет, по данным таксации, обработанным по разрабатываемой в нашем исследовании и описанной выше методике.

Для участка, очерченного вокруг контуров ветровала КБ, по аналогии с классификацией степени повреждения насаждений ветровалом, принятой в лесной таксации, в программе QGIS был создан соответствующий векторный слой, в котором отражено распределение лесов на четыре класса: непострадавшие, слабой, средней, сильной степени повреждения. Отмечено, что во фрагменте начала вектора ветровала максимальные повреждения приурочены к старовозрастным хвойным лесам. По ходу движения воздушных масс ветровала встречаются также фрагменты неповрежденной растительности. Соотнесение расположения этих участков на снимке с изображением в слое ландшафтной карты показало, что они приурочены к ландшафтам заболоченных березняков, лиственных и хвойных молодняков, концентрированных вырубок.

Отмечается закономерность приуроченности максимальных повреждений к формам рельефа на исследуемой территории ветровала КБ. В малых эрозионных формах (МЭФ) и долинах малых рек (расположенных поперек вектора ветровала), где таксаторами зафиксирована максимальная степень повреждения ветровалом, наши расчеты показывают постепенную смену старовозрастных древостоев с доминированием березы и осины еловыми с увеличением доли участия ели за 10 лет от 5% до 40% в составе древостоя, увеличением полноты до 0,9 (рис. 4). Только в одном случае, в притоке р. Унжи, наблюдается иная картина смены древостоев после ветровала, оцененного максимальным баллом повреждения. Здесь превалируют процессы вываливания ели в первом ярусе с возрастом старше 110 лет и уменьшение доли участия ели от 50 до 100%. В нижнем ярусе (высота 4 м) восстанавливаются мелколиственные породы с участием ели до 2 единиц.

Практически на всех вершинах холмов с абсолютными высотами 170 м зафиксирована максимальная степень повреждения изучаемого ветровала на всем его протяжении. Здесь наблюдаются следующие восстановительные процессы на месте нарушенной растительности. После ветровала к моменту проведения таксации в 1987 году на месте верхнего яруса древостоя оставались единичные деревья ели с диапазоном среднего

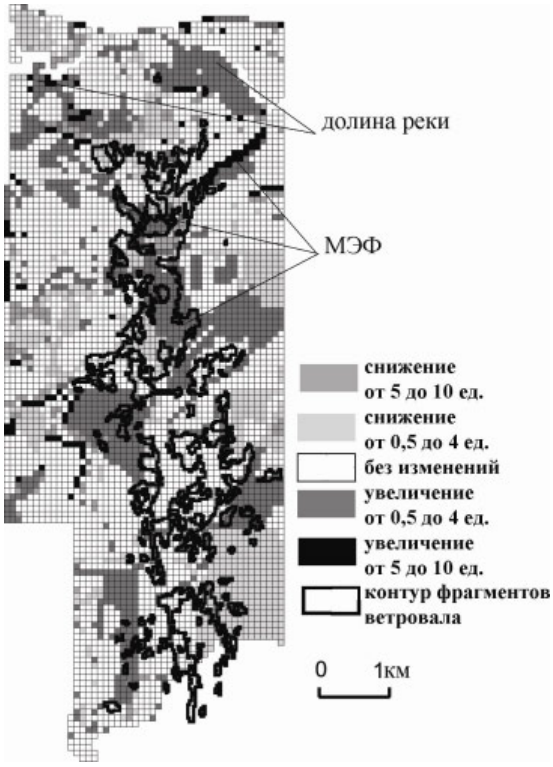

Рис. 4. Структура восстановления растительного покрова после ветровала КБ (снижение или увеличение доли участия ели в первом ярусе)

возраста 80–120 лет. За ревизионный период происходит омоложение этого яруса на 10 лет за счет вываливания отдельных деревьев из их числа и выхода деревьев ели из нижнего яруса. В среднем доля ели в верхнем ярусе увеличилась на 20–40% за счет замещения старых деревьев березы и осины, доля которых уменьшилась в среднем на 30%. В нижних ярусах за этот период поднялся подрост ели до 5 метров в высоту со средним возрастом ели 25 лет.

Таким образом, картографирование крупных ветровалов на территории Костромской, Ярославской, Вологодской областей позволило составить классификацию пространственной структуры ветровалов, их размерностей, характера пространственного распределения фрагментов ветровала. Ветровальные нарушения растительного покрова дифференцированы в пространстве по степени нарушения в зависимости от приуроченности к различным формам рельефа. Анализ состава и структуры растительных сообществ, восстанавливающихся на месте ветровалов по таксационным характеристикам, интерпретированным с помощью разрабатываемой в настоящей статье методики, показал основные тенденции восстановления растительного покрова в зависимости от степени нарушения и ландшафтной приуроченности.

Библиографический список

1. *Скворцова Е.Б., Уланова Н.Г., Басевич В.Ф.* Экологическая роль ветровалов. – М.: Лесная промышленность, 1983. – 192 с.

2. *Мелехов И.С.* Лесоведение. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 408 с.

3. *Васенев И.И., Просвирина А.П.* Влияние ветровальных нарушений на почвенный покров // Коренные темнохвойные леса южной тайги (резерват «Кологривский лес») / Под ред. А.В. Письмерова. – М.: Наука, 1988. – С. 184–197.

4. *Бобровский М.В.* Исследование массового ветровала на территории заповедника «Калужские засеки» // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Принципы и способы сохранения биоразнообразия». – Йошкар-Ола, 2010. – С. 300–302.

5. *Исаев А.С.* Аэрокосмический мониторинг лесов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.

6. «Погода России» [Электронные ресурс]. – Режим доступа: http://meteo.infospace.ru/

7. *Хорошев А.В.* Ландшафтная карта Костромской области. Масштаб 1:200000. – М., 2005. Фонды географ. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.

8. *Прох Л.З.* Сердитые и добрые ветры. – Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1961. – 151 с.

УДК 574

Платонов А.Н.
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
glodnar@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДОВ-ИНДИКАТОРОВ ЧИСТОТЫ ВОДЫ ИХТИОФАУНЫ РЕКИ УНЖИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В представленной статье описывается исследование ихтиофауны на наличие в водотоке видов-индикаторов чистоты воды.

***Ключевые слова**: ихтиофауна, водоток, индикатор, мониторинг, ЦБК, вид.*

Большинство редких видов рыб, как показывает практика, являются видами-индикаторами чистоты водоема, по наличию или отсутствию которых можно сделать выводы об исследуемом объекте.

На территории Костромской области протекает около 3000 больших и малых рек, речек и ручьев. Большинство рек имеет длину до 20-ти км. А длина таких рек, как Кострома, Унжа, Ветлуга, Нея, Вохма, – больше 200-т км.

Умеренно-континентальный климат определяет режим и питание рек. Реки имеют смешанное питание. Зимой, когда реки замерзают, единственным источником питания являются грунтовые воды. Во время продолжительных и снежных зим в бассейне Волги скапливается большое количество снега, поэтому талые воды – источник питания рек весной. Летом и осенью реки питаются дождевыми водами.

На территории Мантуровского района протекает одна из крупнейших рек области – Унжа, которая берет начало на территории Вологодской области, в Северных Увалах, и является левым притоком крупнейшей реки Европы – Волги. Длина реки – 350 км. Впадает Унжа в Волгу у г. Юрьевца.

Это место нерестилищ промысловых рыб. Не всегда эта река течет спокойно и тихо. В период самой низкой воды – в межень река течет по руслу. В половодье, в период таяния снегов, она выходит из берегов и затопляет пойму. В этот период русло образует рукава, старицы. Образуются и многочисленные меандры, река приобретает змеевидную форму. После спада воды возникают временные водоемы со свойственной им фауной. Летние и осенние паводки меньше, чем весенние. Во время паводка увеличивается скорость, вода становится мутной.

Унжа является транспортной магистралью, используется для судоходства, является водохозяйственным водоемом, охотничьими угодьями, используется как источник водоснабжения для хозяйственных и бытовых нужд, как зона отдыха.

Данный водоток был выбран для исследования не случайно, поскольку в ближайшее время планируется строительство целлюлозно-бумажного комбината вблизи города Мантурова, расположенного на реке Унже.

Целью данной работы является изучение видов-индикаторов чистоты воды ихтиофауны реки Унжи.

В ходе исследования были проведены контрольные отловы рыбы в летний период, с последующим определением пойманных видов рыб. В это время водоток характеризуется наименьшей глубиной летней межени, что позволяет свести к минимуму возможность пространственного избегания рыбами орудий активного лова. Для каждого экземпляра устанавливали его видовую принадлежность в соответствии с современными сводками по систематике пресноводных рыб России. Отловы проводились на специально выбранных участках реки, расположенных на расстоянии не более 10-ти км друг от друга. Всего было обследовано 16 участков, каждому из которых был присвоен ранг (L) от 1 до 16-ти, в зависимости от расстояния данного участка от исходного: L1: 0–10 км, L2: 11–20 км, L3: 21–30 км, L4: 31–40 км, L5: 41–50 км, L6: 51–60 км, L7: 61–70 км, L8: 71–80 км, L9: 81–90 км, L 10: 91–100 км, L11: 101–110 км, L12: 111–120 км, L13: 121–130 км, L14: 131–140 км, L15: 141–150 км, L16: 151–160 км. Дополнительно осматривались уловы рыб у местного населения.

В ходе исследования нами были определены 4 вида-индикатора чистоты воды: хариус, подкаменщик обыкновенный, стерлядь волжская, серебряный карась.

Как видно из рисунка наиболее часто встречаются виды-индикаторы на участках L1–L4, что говорит о чистоте воды исследуемого водотока. Это объясняется наибольшей удаленностью от населенных пунктов, а также труднодоступнос-

© Платонов А.Н., 2011

Рис. 1. Частота встречаемости видов-индикаторов на исследуемых участках водотока реки Унжа

тью. На участке L1 был обнаружен подкаменщик обыкновенный (*Cottus gobio* L.), занесенный в Красную Книгу РФ.

Участки L8, L9, L11, L14, характеризуются самой высокой антропогенной нагрузкой вследствие вырубки леса в прибрежной зоне водотока, бытовым загрязнением и браконьерством, которые существенно влияют на распространение рыб, в том числе и индикаторов чистоты, а также редких видов.

Подводя итог, следует отметить, что в целом экологическая обстановка на реке Унже остается стабильной. Исследования ихтиофауны стоит продолжать для проведения многолетнего мониторинга, поскольку после ввода в эксплуатацию Мантуровского ЦБК возможна дополнительная нагрузка на исследуемый водоток, которая негативно отразится на видовом разнообразии гидробионтов и в том числе на ихтиофауне реки Унжи.

Библиографический список

1. Аннотированный каталог круглоротых и рыб континентальных вод России / Под ред. Ю.С. Решетникова. – М.: Наука, 1998. – 220с.

2. Каталог растений и животных водоемов бассейна Волги / Отв. ред. В.Н. Яковлев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2000. – 309 с.

3. *Котегов Б.Г.* Особенности видового состава и структуры сообществ рыб малых рек Удмуртской Республики // Экология. – 2007. – №4.

4. *Кузнецов В.А.* Рыбы Волжско-Камского края. – Казань, 2005. – 208 с.

5. *Павлов Д.С., Савваитова К.А., Соколов Л.И., Алексеев С.С.* Редкие и исчезающие животные. Рыбы. – М.: Высш. школа, 1994. – 334 с.

6. *Слынько Ю.В., Кияшко В.И.* Ихтиофауна малых рек Верхнего Поволжья // Экологическое состояние малых рек Верхнего Поволжья. – М.: Наука, 2003.

7. *Соколов Л.И., Цепкин Е.А.* Исторический обзор антропогенных изменений ихтиофауны рек Центрального региона России (на примере бассейна Москвы-реки и других рек Подмосковья) // Вопр. ихтиологии. – 2000. – Т. 40. – Вып. 2.

8. *Шатуновский М.И.* Мониторинг биоразнообразия популяций пресноводных рыб // Мониторинг биоразнообразия. – М.: ИПЭЭ РАН, 1997.

УДК 661.183

Свиридов Александр Васильевич
avsviridov09@mail.ru
Акаев Олег Павлович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
akaev@list.ru
Зверева Юлия Валерьевна
Открытое акционерное общество «Фанплит» (г. Кострома)

МОДИФИЦИРОВАНИЕ КАРБАМИДОФОРМАЛЬДЕГИДНОЙ СМОЛЫ АКТИВИРОВАННЫМ КРЕМНЕГЕЛЕМ

В статье рассматриваются результаты исследования возможности использования такого промышленного отхода, как кремнегель, в производстве фанеры. Установлено, что активированный кремнегель модифицирует карбамидоформальдегидную смолу, применяемую в качестве клея в производстве фанеры. Утилизация активированного кремнегеля в производстве фанеры даст экологический и экономический эффекты.

Ключевые слова: *промышленный отход, силикагель, фанера, карбамидоформальдегидная смола.*

В производстве фанеры, древесностружечных плит и других древесных материалов клеевые композиции содержат обычно минеральные наполнители. Потребление клеев, в том числе на водной основе, которые применяются для производства фанеры и древесных плит, растет быстрыми темпами [1]. Поэтому увеличивается потребление разнообразных наполнителей.

Применение наполнителей позволяет улучшить физико-химические и клеящие свойства композиций: вязкость, модуль упругости, уменьшить усадку клея и глубину его проникновения в древесину. Это способствует более равномерному распределению напряжений в отвержденном клеевом слое и уменьшает влияние толщины слоя на прочность клеевого соединения. Применение минеральных наполнителей ведет также к снижению стоимости клеевой композиции, которая является определяющей в себестоимости фанеры. Несмотря на доступность известных минеральных наполнителей – каолина, мела, асбеста и других, – их применение ограничено. Это обусловлено тем, что одни наполнители уменьшают реакционную способность клеевой композиции, другие в недостаточной мере совмещаются со смолой. Поэтому актуальна проблема, связанная с заменой традиционных инертных наполнителей активными, способными модифицировать синтетические смолы, в частности, карбамидоформальдегидные. Эти смолы являются наиболее дешевыми среди синтетических смол. Кроме того, они являются водорастворимыми и поэтому совмещаются с гидрофильными минеральными наполнителями, в частности, кремнийсодержащими [2]. К таким кремнийсодержащим наполнителям относится наполнитель под названием «аэросил» [3]. Однако он мало применяется из-за высокой стоимости, которая в значительной степени обусловлена затратами на обработку сырья. Большой интерес представляет применение в качестве минеральных наполнителей тонкодисперсных активированных промышленных отходов, способных оказывать модифицирующее действие на синтетические смолы.

Ранее нами было установлено, что в качестве минерального наполнителя для карбамидоформальдегидных (КФ) смол в производстве фанеры вместо традиционно применяемого каолина может использоваться кремнегель. Он является многотоннажным отходом при производстве фтористых солей и минеральных удобрений. Накопление этого отхода может привести к загрязнению почв и грунтовых вод.

В продолжение этих исследований в настоящей работе путем механохимической активации кремнегеля были получены активные наполнители для КФ смол и изучено их влияние на свойства клеев и фанеры, изготовленной с применением этих клеев. Для активации кремнегеля были выбраны ортофосфорная кислота, обладающая свойствами отвердителя КФ смол, а также триэтаноламин и мочевина (карбамид) для регулирования pH клея. Кроме того, триэтаноламин как эмульгатор способствует равномерному нанесению клея на поверхность древесного наполнителя. Содержание ортофосфорной кислоты в составе модификатора изменялось от 30% до 70%, а содержание модификатора в активном наполнителе – от 0,5% до 3%.

© Свиридов А.В., Акаев О.П., Зверева Ю.В., 2011

Таблица 1

Зависимость предела прочности при скалывании фанеры, склеенной клеем на основе карбамидоформальдегидной смолы, после вымачивания в воде в течение 24 ч от содержания активированного кремнегеля в клее

Показатель / Рецептура	Предел прочности при скалывании фанеры после вымачивания в воде в течение 24 ч, МПа
Отвердитель – H_3PO_4 + триэтаноламин (3:7)	
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (1:99) – 24 м. ч.	2,10
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (1:99) – 30 м. ч.	2,84
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (0,5:99,5) – 24 м. ч.	2,06
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (2:98) – 24 м. ч.	2,46
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (3:97) – 24 м. ч.	2,74
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (3:97) – 30 м. ч.	1,63
Отвердитель – H_3PO_4 + триэтаноламин (1:1)	
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (1:99) – 12 м. ч.	2,43
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (1:99) – 24 м. ч.	2,14
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель + кремнегель (1:99) – 30 м. ч.	2,13
Отвердитель – H_3PO_4 + мочевина	
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель (1:1) + кремнегель (1:99) – 30 м. ч.	1,92
Смола КФ-Н-66-Ф – 100 м.ч. Отвердитель (0,5:2,5) + кремнегель (1:99) – 30 м. ч.	2,23

В работе сначала было изучено влияние активных наполнителей на величину вязкости, время отверждения и pH клеевых композиций на основе карбамидоформальдегидной смолы марки КФ-Н-66-Ф, которая широко применяется в производстве фанеры. Установлено, что полученные на основе кремнегеля наполнители способствуют модификации КФ смолы. Это проявляется в изменении технологических свойств клеевой композиции: вязкости и скорости ее отверждения. По-видимому, активные группы триэтаноламина, ортофосфорной кислоты и мочевины взаимодействуют с силанольными группами на поверхности кремнегеля, активируя ее. Затем макромолекулы КФ смолы ориентируются на активных частицах кремнегеля. При этом осуществляется взаимодействие метилольных и аминогрупп макромолекул смолы с поверхностными группами активированного кремнегеля. Установлено, что активированный кремнегель выполняет роль отвердителя КФ смолы.

На заключительном этапе на Костромском предприятии ОАО «Фанплит» были изготовлены на промышленном прессе образцы фанеры с применением смолы КФ-Н-66-Ф с добавками активированного кремнегеля разного состава. Традиционно применяемый в качестве наполнителя при производстве фанеры каолин вводится в смолу в количестве 12% от ее массы. Ранее нами экспериментально установлено, что неактивированный кремнегель можно вводить в смолу в количестве 30% от ее массы. При этом образцы фанеры обладают достаточной прочностью. Поэтому в данной работе активированный кремнегель также вводили в смолу в количестве до 30% от ее массы.

Затем в лаборатории предприятия были проведены стандартные испытания образцов фанеры на прочность. Этот показатель является важнейшим для качества фанеры. Экспериментальные данные по определению предела прочности образцов фанеры приведены в таблице 1.

На основании результатов испытаний можно заключить, что образцы фанеры соответствуют требованиям ГОСТа по пределу прочности, составляющему 1,5 МПа. Применение активного наполнителя на основе кремнегеля позволяет вводить его в смолу в значительно большем количестве по сравнению с традиционным наполнителем – каолином. Это будет способствовать снижению себестоимости фанеры и даст определенный экономический эффект. Кроме того, утилизация кремнегеля дает экологический эффект, поскольку предотвращает загрязнение окружающей среды соединениями фтора и алюминия, имеющимися в качестве примесей в кремнегеле.

Библиографический список

1. *Кондратьев В.П., Кондратенко В.И.* Синтетические клеи для древесных материалов. – М.: Научный мир, 2004. – 520с.

2. *Леонович А.А.* Физико-химические основы образования древесных плит. – СПб.: Химиздат, 2003. – 190с.

3. *Каратаев С.Г., Чубов А.Б., Ермолаев Б.В.* // Деревообрабатывающая промышленность. – 1991. – №7. – С. 7–8.

УДК 591.1 + 615.1

Сидоров Александр Вячеславович
канд. мед. наук, доцент кафедры фармакологии Ярославской государственной медицинской академии,
Григорьева Мария Валерьевна
канд. биол. наук, ассистент кафедры нормальной физиологии с биофизикой Ярославской государственной медицинской академии,
Кузьмин Федор Андреевич
ассистент кафедры медико-биологических дисциплин Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова,
Фатеева Ксения Михайловна
аспирант кафедры фармакологии Ярославской государственной медицинской академии

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СЕРДЕЧНОГО РИТМА У КРЫС С ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ХРОНИЧЕСКОЙ СЕРДЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ, ДЛИТЕЛЬНО ПОЛУЧАВШИХ ИНГИБИТОРЫ АНГИОТЕНЗИНПРЕВРАЩАЮЩЕГО ФЕРМЕНТА И БЛОКАТОРЫ КАЛЬЦИЕВЫХ КАНАЛОВ

Исследовано действие ингибиторов АПФ (каптоприла и периндоприла) и блокаторов кальциевых каналов (нифедипина и циннаризина) на вариабельность сердечного ритма при длительном применении у крыс с экспериментальной хронической сердечной недостаточностью (ХСН). Обнаружено, что в условиях ХСН, воспроизведенной посредством создания олеоторакса и протекавшей с относительным преобладанием тонуса парасимпатического отдела автономной нервной системы и брадикардией, ингибиторы АПФ и блокаторы кальциевых каналов способствовали повышению роли симпатических влияний в регуляции сердечного ритма. Периндоприл и нифедипин, кроме того, несколько увеличивали тонус парасимпатического отдела автономной нервной системы.

Ключевые слова: *Вариабельность сердечного ритма, автономная нервная система, ингибиторы АПФ, блокаторы кальциевых каналов, кратковременный иммобилизационный стресс, хроническая сердечная недостаточность.*

Среди широко используемых в настоящее время в клинической практике современных неинвазивных методов оценки состояния системы кровообращения является метод анализа вариабельности сердечного ритма (ВСР) [1; 18–22]. В его показателях находит отражение не только тонус парасимпатического и симпатического отделов автономной нервной системы (АНС), но и активность высших подкорковых, а также гуморальных механизмов регуляции [1–3]. Метод анализа ВСР приобрел особое значение для оценки состояния и прогноза пациентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, так как в патогенезе большинства из них (хронической сердечной недостаточности, ХСН, ишемической болезни сердца, артериальной гипертензии и пр.) ключевую роль играет нейрогормональный дисбаланс [8; 15]. Для лечения заболеваний системы кровообращения используется широкий арсенал лекарственных

© Сидоров А.В., Григорьева М.В., Кузьмин Ф.А., Фатеева К.М., 2011

средств, которые напрямую или опосредованно модулируют активность нейрогуморальных систем: α- и β-адреноблокаторы, ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента (АПФ), блокаторы рецепторов к ангиотензину II и альдостерону, антагонисты кальция и пр. [7; 8; 15; 17].

В предыдущих работах мы исследовали влияние бета-адреноблокаторов на сердечный ритм у крыс, находящихся в различных состояниях: наркоз, иммобилизационный стресс, а также при хронической сердечной недостаточности [12–14].

Целью данной работы явилось изучение особенностей ВСР у крыс с экспериментальной ХСН, длительно получавших ингибиторы АПФ и блокаторы медленых кальциевых каналов различных подклассов.

Материал и методы исследования

Все эксперименты проведены на взрослых беспородных крысах самцах массой 180–210 г. ХСН у животных моделировали путем функциональной перегрузки сердца [16]. Для этого под гексеналовым наркозом (100 мг/кг веса внутрибрюшинно) по методике Н.Н. Пятницкого и Ю.А. Блинкова в нашей модификации [16] путем двукратного введения силиконового масла в плевральную полость: вначале по 1,5 мл масла на 100 г веса крысы и через 30 дней еще по 1,0 мл/100 г веса в каждую плевральную полость животного. Через 20–40 дней от начала эксперимента у крыс отмечались одышка, цианоз мордочки и лап. При усугублении тяжести ХСН (второе введение масла) выраженность одышки и цианоза увеличивалась, животные становились гиподинамичными, часто принимали ортостатическое положение (ставили передние лапки на край кормушки), наблюдались признаки задержки жидкости в организме (отечность мордочки, особенно верхней губы, лап). При морфологическом исследовании отмечались гипертрофия кардиомиоцитов обоих желудочков, увеличение размеров клеточных ядер, а также гипертрофия и гиперплазия волокнистых структур стромы. В легких на фоне венозного полнокровия выявлялись признаки гипертензии малого круга кровообращения. В печени наблюдалась картина венозного полнокровия и жировой дистрофии гепатоцитов периферической части долек, что свидетельствует о наличии хронической недостаточности правого желудочка [11].

Крыс с ХСН разделили на 5 групп. Животным контрольной группы (n=30) с 31 по 100 день эксперимента ежедневно внутрижелудочно вводили 1 мл физраствора; крысам опытных групп аналогичным образом вводили препараты в суточных дозах: ингибиторы АПФ – каптоприл 6,3 мг/кг (n=15) и периндоприл 0,3 мг/кг (n=15), блокаторы кальциевых каналов – нифедипин 6,8 мг/кг (n=15) и циннаризин 12,6 мг/кг (n=15). При расчете доз препаратов для крыс учитывали коэффициент пересчета 5,9 [6]. Кроме того, имелась группа интактных крыс (n=15).

Выбранные для исследования препараты представляют различные классы ингибиторов АПФ и блокаторов кальциевых каналов. Каптоприл является лекарством, а периндоприл – пролекарством, из которого в печени образуется активный метаболит периндоприлат, оказывающий фармакологический эффект. Нифедипин относится к дигидропиридинам и, в основном, блокирует медленные кальциевые каналы гладких мышц сосудов, а циннаризин является производным дифенилпиперазина и избирательно действует на артерии головного мозга [9; 17].

По окончании указанного периода регистрировали ЭКГ у бодрствующих иммобилизированных животных. Возраст всех животных на момент исследования был одинаковым. Для регистрации ЭКГ использовали двухканальную электрофизиологическую установку (г. Санкт-Петербург) связанную через АЦП (L-CARD E-440, г. Москва) с компьютером IBM PC «Pentium II». Частота дискретизации – 4,0 кГц. ЭКГ записывали во II стандартном отведении в течение 4-х минут в программе L-GRAPH, поставляемой вместе с АЦП. Просмотр ЭКГ и первичную обработку ее проводили с помощью программы RRMatch, а окончательный расчет показателей ВСР и их графическое отображение в программе CRGraph [12].

При изучении ВСР использовались показатели временного анализа: Mn и Mx – минимальная и максимальная длительности всех интервалов R-R (мс), RRNN – средняя длительность всех интервалов R-R (мс), ЧСС – частота сердечных сокращений (уд/мин), SDNN – стандартное отклонение нормальных RR интервалов (мс), CV – коэффициент вариации (%), RMSSD – квадратный корень из суммы квадратов разности величин последовательных пар интервалов RR (мс); геометрического анализа: MxDMn – вариационный размах (мс), Mo – мода (мс), AMo – амплитуда моды (%), SI – стресс индекс (усл.ед.), EllSq – площадь скаттерограммы (мс^2), EllAs – соотноше-

Таблица

Влияние длительного применения ингибиторов АПФ и блокаторов кальциевых каналов на показатели ВСР у крыс с экспериментальной ХСН (M±m)

Показатель	Интактные	ХСН	Каптоприл	Периндоприл	Нифедипин	Циннаризин
Mn (мс)	118,3±0,96	125,6±1,72***	123,2±2,60*	127,3±3,28**	117,4±1,13^^^###	116,0±1,65^^^###
Mx (мс)	133,5±1,32	139,2±2,19*	134,0±3,34	135,3±2,91	133,4±2,59	132,7±2,52
RRNN (мс)	125,2±1,04	131,2±1,60**	127,8±3,55	131,0±3,09	124,7±1,33^^#	123,9±1,63^^#
ЧСС (уд/мин)	480±3,9	459±5,4**	472±6,8	459±6,5*	482±5,2^^#	485±6,4^^#
SDNN (мс)	2,26±0,196	1,98±0,167	1,47±0,091***	1,17±0,054***^^+	1,84±0,235	2,02±0,342#
CV (%)	1,80±0,148	1,50±0,115	1,16±0,083***^	0,89±0,050***^^^+	1,47±0,180	1,62±0,254
RMSSD (мс)	1,84±0,119	1,63±0,096	1,54±0,165	1,19±0,097***	2,02±0,307#	2,07±0,242^#
MxDMn (мс)	14,8±0,98	13,9±1,17	11,3±0,99	8,7±0,67***^^^	16,0±2,60###	16,2±2,26###
Mo (мс)	125,2±1,04	131,1±1,59**	128,3±3,57	131,7±3,53	124,6±1,36^^#	123,9±1,36^^#
AMo (%)	39,5±1,99	46,2±1,84*	57,5±5,97**^	55,9±1,85*^	46,3±2,59*+	48,4±4,83*
SI (усл. ед.)	13484±1360	15944±1741	20762±3006*	24719±1728*	15565±3303	15733±3019
EllSq (мс²)	117,5±17,06	87,7±10,90	54,5±7,30*^	33,2±2,12***^^^+	100,0±17,45+###	111,5±19,62+###
EllAs (%)	52,1±3,21	51,9±3,45	63,2±4,12	60,6±4,18	63,5±4,83	67,6±5,89*^
LF (мс²)	0,87±0,181	0,52±0,111	0,33±0,091*	0,15±0,077**^	0,50±0,175	0,72±0,162+##
HF (мс²)	0,38±0,055	0,28±0,031	0,21±0,053	0,13±0,010***^^^	0,41±0,080+##	0,40±0,082+##
TP (мс²)	1,25±0,222	0,80±0,129	0,54±0,077**	0,28±0,072***^^+	0,91±0,274#	1,12±0,228+##
LF (%)	59,4±2,71	58,7±3,18	58,7±9,95	46,6±11,35	53,7±4,39	53,6±5,40
HF (%)	40,6±2,71	41,3±3,18	41,3±9,95	53,4±11,35	46,3±4,39	46,4±5,40
LF/HF (усл. ед.)	2,15±0,341	1,91±0,249	2,37±0,467	1,10±0,328*^	1,30±0,169*+	1,58±0,404

Примечание: *** – p<0,001, ** – p<0,01, * – p<0,05 – по сравнению с интактными, ^^^ – p<0,001, ^^ – p<0,01, ^ – p<0,05 – по сравнению с ХСН, +++ – p<0,001, ++ – p<0,01, + – p<0,05 – по сравнению с каптоприлом, ### – p<0,001, ## – p<0,01, # – p<0,05 – по сравнению с периндоприлом.

ние ширины к длине скаттерограммы (%); спектрального анализа: LF – мощность волн низкой частоты (мс^2), HF – мощность волн высокой частоты (мс^2), TP – общая мощность спектра (мс^2), LF% – относительное значение мощности волн низкой частоты, HF% – относительное значение мощности волн высокой частоты и LF/HF – индекс вагосимпатического баланса (усл. ед.) [1; 2]. При расчете геометрических показателей шаг гистограммы составлял 2 мс. Диапазон LF составлял 0,02–0,75, а HF – 0,75–3,0 Гц [12].

Статистический анализ выполнен в программе «Statistica 6.0». В случае нормального распределения для оценки достоверности отличий применяли t критерий Стьюдента. Если распределение отличалось от нормального – непараметрический критерий Уилкоксона. Различия считали достоверными при $p<0,05$. Данные в таблице представлены в виде M±m (средняя величина и ее стандартная ошибка).

Результаты исследования и их обсуждение

Животные с ХСН отличались от интактных по целому ряду изучаемых показателей ВСР (см. табл.). Такие показатели как Mn, Mx и RRNN у крыс с ХСН были статистически значимо выше, чем у интактных животных соответственно на 6,2%, 4,3% и 4,8%. ЧСС уменьшалась на 4,4% ($p<0,01$). Значения Mo и AMo на фоне ХСН были достоверно выше, чем у интактных крыс соответственно на 4,7% и 17,0%. Кроме того, в условиях изучаемой патологии отмечалось изменение величины остальных показателей ВСР, особенно таких, как EllSq, мощности LF, HF и TP, которые уменьшились соответственно в 1,3, 1,7, 1,4 и 1,6 раза. Однако уровня статистической значимости указанные изменения не достигали. Полученные результаты свидетельствуют о возрастании на фоне ХСН тонуса парасимпатического отдела АНС, что, в большой степени, связано с самой методикой воспроизведения экспериментальной патологии – сдавлением сердца маслом извне. Хотя у человека ХСН чаще сопровождается развитием тахикардии, однако в ряде случаев (гидроторакс, гидроперикард, блокады сердца и т.д.) возможно возникновение стойкой брадикардии [10; 19].

Все исследуемые вещества примерно в одинаковой степени оказывали положительное влияние на проявления экспериментальной ХСН: у животных уменьшалась степень одышки, исчезали цианоз и отечность, хотя динамика параметров ВСР была не столь однозначна.

Каптоприл и периндоприл вызывали, в целом, сходные изменения показателей ВСР. Так, AMo на фоне обоих ингибиторов АПФ возрастала, в среднем на 22,8% относительно контроля (таблица), так что ее величина становилась на 43,6% выше, чем у интактных крыс ($p<0,01$). В свою очередь, CV на фоне каптоприла снижался на 22,7% по отношению к контролю ($p<0,05$) а под действием периндоприла – на 60,7% ($p<0,001$); величина EllSq уменьшалась соответственно на 37,9% ($p<0,05$) и 62,1% ($p<0,001$). При этом CV становился на 35,6–50,6%, а EllSq – на 53,6–71,7% значимо меньшими в сравнении с интактной группой. К тому же, на фоне каптоприла и периндоприла отмечалось значимое увеличение SI соответственно на 54,0 и 83,3%, а также уменьшение SDNN на 35,0 и 48,2% по отношению к интактным (периндоприл, кроме того, снижал SDNN по отношению к контролю на 40,9%, $p<0,05$). Величина Mn под влиянием обоих ингибиторов АПФ существенных изменений не претерпевала, оставаясь, как и в контрольной группе, в среднем на 5,9% более высокой, чем у интактных крыс ($p<0,05$). Заметим, что на фоне ингибиторов АПФ нивелировалось различие с интактными животными в величине Mx, RRNN и Mo, имевшее место у контрольных крыс с ХСН без лечения.

Вместе с тем, в действии ингибиторов АПФ выявлялся ряд отличий. Так, на фоне каптоприла нивелировалась разница в ЧСС с группой интактных крыс, в то время как периндоприл не оказывал существенного влияния на данный показатель, и ЧСС, как и в контроле, оставалась на 4,4% меньше, чем у интактных крыс ($p<0,05$). Периндоприл в большей степени, чем каптоприл, способствовал снижению SDNN, CV и EllSq, так что величина данных показателей на фоне периндоприла была соответственно на 20,4, 23,3 и 39,1% меньше, чем под влиянием каптоприла ($p<0,05$ во всех случаях). На показатели RMSSD и MxDMn периндоприл действовал также более выражено, что приводило к достижению значимой разницы в величине данных показателей с интактной группой: RMSSD уменьшился на 35,3%, а MxDMn – на 41,2% ($p<0,001$). Снижение величины MxDMn на фоне периндоприла было значимым также по отношению к контролю на 37,4% ($p<0,001$).

Наконец, существенные отличия в действии изучаемых ингибиторов АПФ продемонстриро-

вали результаты спектрального анализа ВСР. На фоне каптоприла отмечалось снижение общей мощности спектра ТР на 56,8% относительно интактных (p<0,01), которое происходило, в основном, за счет низкочастотной составляющей LF, уменьшавшейся на 62,1% (p<0,05). Это способствовало увеличению, хотя и незначимому, индекса вагосимпатического взаимодействия (LF/HF) на 10,2%. Вместе с тем, спектральные характеристики ВСР под влиянием каптоприла по сравнению с контролем значимо не изменялись, и наблюдалась лишь тенденция к снижению общей мощности спектра и абсолютной мощности низкочастотных колебаний, что несколько увеличило индекс вагосимпатического взаимодействия (LF/HF) на 24,1% (p>0,05).

При длительном применении периндоприла общая мощность спектра снижалась более выражено, чем при введении каптоприла и в итоге становилась меньше на 77,6%, чем у интактных (p<0,001), на 65,0% – по отношению к контролю (p<0,01) и на 48,1% в сравнении с группой каптоприла (p<0,05). При этом происходило значимое уменьшение мощности как низкочастотной, так и высокочастотной составляющих спектра соответственно на 71,2 и 53,6% по отношению к контролю, а также на 82,8 и 65,8% в сравнении с интактными животными. В итоге, индекс LF/HF уменьшился на 53,6% по отношению к контролю и на 48,8% в сравнении с интактными (p<0,05 в обоих случаях).

Оценивая результаты временного, геометрического и спектрального анализов ВСР в совокупности можно сделать вывод о том, что ингибиторы АПФ уменьшали общую вариабельность ритма и усиливали влияние центральных механизмов его регуляции. При этом каптоприл способствовал некоторому увеличению тонуса симпатико-адреналовой системы. Трактовать однозначно суммарный эффект периндоприла, опираясь на традиционные представления кардиоритмографии, затруднительно. Хотя его влияние и не отражалось, собственно, на ЧСС, но по изменениям остальных показателей временного и геометрического анализов можно судить о некотором повышении активности симпатического отдела АНС. Спектральный же анализ свидетельствует о том, что под действием периндоприла, наряду со снижением общей мощности спектра, происходило уменьшение индекса LF/HF за счет более значительного падения мощности низкочастотных колебаний. Данный факт указывает на повышение тонуса парасимпатического отдела АНС [1; 2]. Такое же разнонаправленное изменение показателей временного и геометрического анализов по отношению к спектральному было продемонстрировано нами и при изучении влияния бета-адреноблокаторов на ВСР у стрессированных животных [12–14]. Это лишний раз свидетельствует в пользу высказывания ряда авторов [3; 18] о том, что в показателе мощности LF, кроме симпатических, находят свое отражение и другие нейрогуморальные регуляторные механизмы, в т.ч. вагусное влияние, активность вазомоторного центра и пр.

Блокаторы кальциевых каналов нифедипин и циннаризин оказали, в целом, сходное влияние на показатели ВСР. На фоне обоих препаратов ЧСС возрастала соответственно на 5,0 и 5,7% относительно контроля (p<0,05) до уровня у интактных животных. Кроме того, отмечалось статистически значимое уменьшение величины таких показателей, как Mn, RRNN и Mo соответственно в среднем на 7,1, 5,3 и 5,2% по отношению к контролю вплоть до их нормализации (в сравнении с интактной группой). Циннаризин, к тому же, способствовал возрастанию RMSSD и EllAs соответственно на 25,5 и 30,0% по отношению к контролю (p<0,05). Значение AMo оставалось выше, чем у интактных крыс в среднем на 20,0% (p<0,05). Изменение частотных характеристик спектра на фоне блокаторов кальциевых каналов носило характер тенденции. Тем не менее, индекс LF/HF при действии нифедипина снижался на 39,5% по отношению к интактной группе.

Описанные изменения параметров ВСР на фоне блокаторов кальциевых каналов можно трактовать как незначительное повышение тонуса симпатического отдела АНС под влиянием циннаризина и небольшое возрастание общего тонуса АНС за счет активации её симпатического и парасимпатического отделов при применении нифедипина.

Сравнивая эффекты препаратов, относящихся к разным классам, следует отметить, что на фоне блокаторов кальциевых каналов, так же, как и при введении ингибиторов АПФ, нивелировалась разница с интактными животными по величине Mx. Однако в действии исследуемых групп и отдельных препаратов выявлялся также ряд отличий. В частности, применение антагонистов кальция приводило к устранению различий с груп-

пой интактных крыс в значениях показателей CV и EllSq, чего не отмечалось при действии ингибиторов АПФ. Напротив, величина стресс-индекса (SI) и AMo не подвергалась существенным изменениям при использовании блокаторов кальциевых каналов, в то время как на фоне ингибиторов АПФ наблюдался рост этих показателей по отношению к контрольной группе. Отметим также, что при введении блокаторов кальциевых каналов величина Mn была значимо меньшей, чем при применении ингибиторов АПФ на 5,7–7,8%. Кроме того, значения RRNN и Mo на фоне нифедипина и циннаризина были в среднем на 5,1 и 5,7% соответственно меньше, а ЧСС, RMSSD и MxDMn – на 5,3, 71,8 и 85,1% соответственно больше, чем в группе периндоприла. Величина AMo при применении нифедипина была на 19,5% меньше, чем в группе каптоприла ($p<0,05$).

Между ингибиторами АПФ и блокаторами кальциевых каналов выявлялись, кроме того, различия в отношении частотных характеристик спектра. Так, по общей мощности спектра нифедипин превосходил периндоприл в 3,3 раза ($p<0,05$), а циннаризин – оба ингибитора АПФ: каптоприл – в 2,1 раза ($p<0,05$) и периндоприл – в 4,0 раза ($p<0,01$). Мощность LF-компонента на фоне циннаризина была в 2,2 и 4,8 раза значимо выше, чем при введении каптоприла и периндоприла соответственно. В свою очередь, мощность HF-составляющей спектра при применении блокаторов кальциевых каналов была выше, чем на фоне каптоприла в среднем в 1,9 раза ($p<0,05$), а периндоприла – в 3,1 раза ($p<0,01$). Кроме того, индекс вагосимпатического взаимодействия LF/HF в группе нифедипина был меньше, чем при действии каптоприла на 45,1% ($p<0,05$).

Таким образом, в условиях экспериментальной ХСН, протекавшей с активацией парасимпатического отдела АНС, ингибиторы АПФ и блокаторы кальциевых каналов действовали на различные показатели ВСР неоднозначно. Так или иначе, исследуемые препараты повышали активность симпатико-адреналовых влияний, способствуя тем самым восстановлению баланса в системе автономной регуляции сердца. При этом на фоне периндоприла и, в меньшей степени, нифедипина активация симпатико-адреналовой системы была выражена в меньшей степени, и выявлялись признаки усиления вагусных влияний.

Активация симпатико-адреналовой системы при применении короткодействующих форм нифедипина, как считается [5; 17; 23], имеет рефлекторный генез и связана с системным вазодилатирующим эффектом препарата. Обнаруженное в настоящем исследовании практически идентичное нифедипину влияние на ВСР циннаризина, селективно действующего на артерии головного мозга и не имеющего выраженного системного вазодилатирующего эффекта [9], требует дальнейшего изучения. Можно предположить, что эффекты вазоселективных блокаторов кальциевых каналов на сердечный ритм, опосредуются не только рефлекторными механизмами.

Как известно, при развитии ХСН в исходе различных заболеваний сердечнососудистой системы у человека наиболее часто отмечается активация симпатико-адреналовой, ренин-ангиотензин-альдостероновой, а также других нейрогормональных систем, опосредующих вазоконстрикцию, тахикардию, задержку жидкости и натрия в организме [4; 7]. Противодействующие гиперактивации данных систем нейрогуморальные модуляторы, в т.ч. ингибиторы АПФ, бета-адреноблокаторы и пр., оказывают благоприятное влияние на течение и прогноз ХСН [8]. Выявленная симпатико-адреналовая активация при применении ингибиторов АПФ в условиях ХСН, протекавшей с относительной парасимпатикотонией и брадикардией и, таким образом, нетипичная для данных препаратов нейрогормональная модуляция, требует уточнения.

Библиографический список

1. *Баевский Р.М.* Анализ вариабельности сердечного ритма в космической медицине // Физиология человека. – 2002. – Т. 28. – №2. – С. 70–82.

2. *Баевский Р.М., Иванов Г.Г., Чирейкин Л.В. и др.* Анализ ВСР при использовании различных электрокардиографических систем (методические рекомендации) // Вестник аритмологии. – 2001. – №24. – С. 65–87.

3. *Баевский Р.М., Кириллов О.И., Клецкин С.З.* Математический анализ сердечного ритма при стрессе. – М.: Наука, 1984. – 225 с.

4. *Беленков Ю.Н., Мареев В.Ю., Агеев Ф.Т.* Ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента в лечении сердечно-сосудистых заболеваний (квинаприл и эндотелиальная дисфункция). – М.: ООО «Инсайт полиграфик», 2002. – 86 с.

5. *Галявич А.С.* Применение антагонистов кальция в кардиологии // Consilium medicum. – 2007. – Т. 9. – №11. – С. 49–52.

6. *Гуськова Т.А.* Оценка безопасности лекарственных средств на стадии доклинического изучения // Химико-фармацевтический журнал. – 1990. – №7. – С. 10–15.

7. *Мареев В.Ю.* Рекомендации по рациональному лечению больных с сердечной недостаточностью // Consilium medicum. – 1999. – Т. 1. – №3. – С. 109–146.

8. *Мареев В.Ю., Агеев Ф.Т., Арутюнов Г.П. и др.* Национальные рекомендации ВНОК и ОССН по диагностике и лечению ХСН (третий пересмотр) // Журнал Сердечная Недостаточность. – 2010. – Т. 11. – №1 (57). – С. 3–62.

9. *Метелица В.И.* Справочник по клинической фармакологии сердечно-сосудистых лекарственных средств. – М.: Бином; СПб.: Невский Диалект, 2002. – 926 с.

10. *Окороков А.Н.* Диагностика болезней внутренних органов: Диагностика болезней сердца и сосудов. – М.: Мед. лит., 2004. – Т. 8. – 432 с.

11. *Румянцева Т.А., Фатеев М.М., Федоров В.Н. и др.* Морфологические доказательства наличия хронической сердечной недостаточности, индуцированной у крыс методом дробного дозированного олеоторакса // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – №5. – С. 123–127.

12. *Сальников Е.В., Фатеев М.М., Сидоров А.В. и др.* Вариабельность сердечного ритма у бодрствующих и наркотизированных крыс при воздействии β-адреноблокаторов // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2007. – Т. 144. – №10. – С. 372–375.

13. *Сальников Е.В., Сидоров А.В., Ноздрачев А.Д., Фатеев М.М.* Вариабельность сердечного ритма у крыс, находящихся в различных состояниях // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 3. – 2008. – Вып. 4. – С. 137–142.

14. *Сальников Е.В., Фатеев М.М., Федоров В.Н., Сидоров А.В.* Влияние кардиоселективности и внутренней симпатомиметической активности в реализации эффектов бета-адреноблокаторов на вариабельность сердечного ритма бодрствующих и наркотизированных крыс // Вестник ВолГМУ. – 2009. – Вып. 2 (30). – С. 52–55.

15. *Сидоренко Б.А., Преображенский Д.В., Батыралиев Т.А.* Ингибиторы ангиотензин-превращающего фермента. – М.: Литтера, 2007. – 352 с.

16. *Федоров В.Н., Ноздрачев А.Д., Сальников Е.В. и др.* Динамическая модель тотальной хронической сердечной недостаточности у крыс // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 3. – 2006.– Вып. 2. – С. 103–107.

17. *Хохлов А.Л., Федоров В.Н., Раков А.А., Лисенкова Л.А.* Сердечно-сосудистые средства: от клинической практики к доказательной медицине. – Ярославль: Рамдер, 2003. – 238 с.

18. *Appel M.L., Berger R.D., Saul J.P. et al.* Beat to beat variability in cardiovascular variables: Noise or music? // J. Am. Coil. Cardiol. – 1989. – Vol. 14. – P. 1139–1148.

19. *Gilliam F.R., Kaplan F.J., Black J. et al.* Changes in heart rate variability, quality of life, and activity in cardiac resynchronisation therapy patients: results of the HF-HRV registry // J. Compilation. – 2007. – Vol. 30. – №1. – P. 56–64.

20. *Harada K., Nomura M., Nishikado A. et al.* Clinical efficacy of efonidipine hydrochloride, a T-type calcium channel inhibitor, on sympathetic activities – examination using spectral analysis of heart rate/blood pressure variabilities and ^{123}I-Metaiodobenzylguanidine myocardial scintigraphy // Circulation J. – 2003. – Vol. 67. – №2. – P. 139–145.

21. *Kishi T., Hirooka Y., Konno S., Sunagawa K.* Cilnidipine inhibits the sympathetic nerve activity and improves baroreflex sensitivity in patients with hypertension // Clinical and Experimental Hypertension. – 2009. – Vol. 31. – №3. – P. 241–249.

22. *Petretta M., Canonico V., Madrid A. et al.* Comparison of verapamil versus felodipine on heart rate variability in hypertensive patients // J. Hypertension. – 1999. – Vol. 17. – №5. – P. 707–713.

23. 2007 Guidelines for the Management of Arterial Hypertension // J. Hypertension. – 2007. – Vol. 25. – P. 1105–1187.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 78
Б 825

Борисова Елена Юрьевна,
Погорелова Наталья Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ КАЛИННИКОВ – ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ХОРОВОГО ПЕНИЯ КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.

В данной статье ставится задача более подробно описать жизненный и творческий путь выдающегося композитора, педагога и дирижёра.

Ключевые слова: *Вик.С. Калинников, светские хоры a cappella, циклы детских песен, обработки русских народных песен, русская духовная музыка.*

Виктор Сергеевич Калинников родился 8 (20) февраля 1870 года в семье станового пристава Сергея Фёдоровича, которому в 1876 году был «всемилостивейше пожалован» орден Святого Станислава 3-й степени, это означало, что он и его дети переводятся в дворянское сословие. Отец, Сергей Фёдорович, страстно любил церковное пение и всегда пел в своей приходской церкви сначала один, затем вместе со своими подрастающими детьми: Василием (род. 1 (13) января 1866 г.), Николаем (род. 6 (18) ноября 1867 г.), Виктором (род. 8 (20) февраля 1870 г.), Аркадием (род. 29 (10) декабря (января) 1872 г.) и сестрой Александрой (род. 13 (25) января 1874 г.), а впоследствии даже руководил любительским церковным хором, состоящим из школьников и служащих чиновников. Мать, Ольга Ивановна, не имела образования, плохо знала грамоту, однако она была любящей, заботливой матерью, приученной с детства к домашнему труду. Бедную, но очень общительную и дружную семью Калинниковых характеризовало упорное стремление к образованию, высокой культуре и, особенно, к музыкальному искусству. Начальным музыкальным образованием Виктора занимался его старший брат Василий, который оказал большое влияние на формирование музыкального вкуса будущего композитора. В 1878 году Виктор Сергеевич уехал учиться в Орловскую семинарию. Уже на первом курсе ему поручили возглавить семинарский хор, который вскоре стал лучшим в городе.

По преимуществу жизнь Калинникова проходила в стенах двух учреждений – Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества и Синодальном училище церковного пения. В первом из них выпускник Орловской семинарии получил профессиональное музыкальное образование, поступив туда в 1888 году сразу на два отделения: композиторское (А.А. Ильинского и П.И. Бларамберга) и духовых инструментов (гобой у Е.Л. Гуревича), закончив его в 1896 году с малой серебряной медалью. Дружеские отношения с двумя преподавателями этого училища сыграли решающую роль в судьбе Виктора Калинникова. Один из этих преподавателей – Семён Николаевич Кругликов, ученик и постоянный корреспондент Римского-Корсакова. Другой – Александр Александрович Ильинский, теоретик, пианист и композитор, получивший образование в Берлине и преподававший в училище теоретические дисциплины, писавший духовную музыку и, очевидно, оказавший в этом плане влияние на духовное творчество Калинникова. Вместе с Ильинским Калинников работал в Музыкально-драматическом училище – вёл классы энциклопедии, контрапункта и фуги. Благодаря Кругликову Калинников стал преподавать в Синодальном училище церковного пения, где, замещая своего бывшего учителя, вёл класс гармонии (1898 г.). Калинников пережил все трансформации училища: в 1919 году оно было преобразовано в Хоровую академию, а в 1922 году слито с Московской консерваторией. Поле деятельности Калинникова не ограничивалось преподаванием. С 1894 по 1911 годы он руководил хоровым пением в городских начальных училищах Москвы; с 1907 по 1909 годы управлял оркестром студентов Высшего технического училища. Вместе с рядом преподавателей Синодального училища Калинников принимал участие в работе Музыкально-этнографической комиссии Им-

© Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю., 2011

ператорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которая ставила своей задачей сохранение, изучение и популяризацию народного творчества. Он участвовал в составлении сборников народных песен, делал их хоровые обработки и дирижировал рядом этнографических концертов. С 1898 по 1903 годы Калинников был дирижёром оркестра и заведовал музыкальной частью в Московском художественном театре (например, дирижировал музыкой Гречанинова в спектакле «Снегурочка» А.Н. Островского).

После Октябрьской революции Виктор Сергеевич стал постоянным сотрудником репертуарно-издательской секции Музыкального отдела Пролеткульта и музыкальной комиссии по детскому образованию и воспитанию при театрально-музыкальной секции Московского совета рабочих депутатов. Виктор Сергеевич Калинников – автор ряда статей о хоровом пении. Например, сохранилась статья Калинникова «О хоровом пении», помещённая им в «Вестнике искусств» за 1922 год (№2) и подписанная буквой К. Она чрезвычайно интересна, потому что отчётливо характеризует Калинникова как общественного деятеля, увлечённого широкой просветительской работой. Калинникова иногда называли активным деятелем советского музыкального искусства. Для примера можно привести статью К. Дмитревской «Виктор Калинников. К 100-летию со дня рождения» (Хоровое искусство. Вып. 2. – М., Л., 1971). Конечно, это не соответствует истине. Крушение старого мира было для поколения Калинникова трагедией. Но, по-видимому, он мог бы присоединиться к словам Кастальского: «Всё-таки погрузиться в горячую работу с головой, по-моему, лучше, чем киснуть и раздумывать о тяжёлых временах» [ГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, № 581, л. 40.]. Последние пять лет жизни (1922–1927) Виктор Калинников – профессор теории музыки в Московской консерватории. Скончался Виктор Сергеевич Калинников от туберкулёза 23 февраля 1927 года.

Виктор Калинников писал преимущественно хоровую музыку. В музыкальном стиле его хоровых произведений явно проступают две основные тенденции, одна из которых идёт от П.И. Чайковского. Музыкальный язык хоров этого типа базируется на гармонических ресурсах романсов Чайковского, но особенно отчётливо проступает направление Чайковского в их фактуре, представляющей собой образец характерной русской «поющей гармонии», но мелодизация голосов настолько интенсивна, что музыкальная ткань приближается к полифонической фактуре. Ярким примером подобной фактуры может служить Andante con moto из хора «Нам звёзды кроткие сияли». Другая тенденция идёт от композиторов «Могучей кучки», музыка которых базируется на интонациях крестьянской народной песни (обращение к эпическим образам или бытовым русским национальным картинам, подражание речевым интонациям, ладовые модуляции, взаимопроникновение мажора и минора, развёрнутые органные пункты с характерными переливами на их фоне мажора и параллельного минора). Например, хоровые произведения «Лес», «Спесь», «Утром зорька», «Ой, честь ли то молодцу».

В сущности, все хоровые произведения Калинникова по своему содержанию являются эмоционально окрашенными пейзажами, однако по тематике их можно разделить на четыре группы: 1. Картинно-пейзажные («Жаворонок», «Зима»). 2. Хоровые романсы («Элегия», «Нам звёзды кроткие сияли»). 3. Лирико-эпические («На старом кургане», «Кондор»). 4. Характерные картинки в русском стиле («Ой, честь ли то молодцу», «Спесь»). Список авторов, на стихи которых писал Калинников, очень разнообразен: А. Пушкин, И. Бунин, Е. Баратынский, В. Жуковский, И. Никитин, Скиталец, А. Кольцов, А. Фёдоров, Н.А. Соколов, А. Толстой. Тексты его хоров вполне включаются в основное русло поэтических текстов хоровых произведений a cappella кон. XIX – нач. XX века. Однако Калинников внёс в их трактовку нечто индивидуальное, его музыкальное воплощение литературного текста более гибко, более эмоционально, чем в хоровых сочинениях других композиторов. Виктор Сергеевич стремился в целом к эквивалентному раскрытию поэтических образов. Светские хоровые произведения Калиникова обычно по форме небольшие – период («Зима», «Проходит лето»), простые двухчастные («Жаворонок», «Ой, честь ли то молодцу»), трёхчастные с контрастной серединой («Элегия», «На старом кургане»), строфические («Звёзды меркнут», «Лес»). Гармония в его хорах, как правило, изобилует неаккордовыми звуками, задержаниями, альтерациями, особенно в аккордах субдоминантовой группы, которые возникают в результате хроматических сдвигов в голосах, то есть чисто мелодическим путём, а не как самодовлеющий аккордовый комплекс. При

этом Калинников нередко «гасит» альтерацию: не разрешает её по тяготению, а возвращает гармонию к натуральному виду («На старом кургане», «Элегия», «Ой, честь ли то молодцу»). Также для его хоров характерны эллиптические обороты, разнообразие ритмического рисунка, частая смена размера, сопоставление далёких тональностей.

Хоровые сочинения Калинникова рассчитаны на большой и высококвалифицированный исполнительский коллектив. Хоровая инструментовка его хоровых произведений отражает великий певческий дар русского народа, раскрывает голосовое богатство наших певцов. В этом отношении следует отметить влияние на хоровую инструментовку произведений Калинникова голосового состава и исполнительского уровня Синодального хора, который пел богослужения в московском Большом Успенском соборе (осторожное отношение к тесситуре женской партии и расчёт на огромные возможности мужской). При этом, как ни парадоксально, стиль инструментовки Калинникова сочетает в себе, казалось бы, несовместимые черты: предельное выявление стихии вокальности и инструментальные принципы организации хора. Хоровая фактура его хоровых произведений разнообразна. Композитор эпизодически используется неполный хор, часто меняет количество голосов от удвоенного двухголосия до divisi во всех голосах, мелодия часто переходит из одной партии к другой в виде «перекличек», органный пункт он чаще применяет в верхних голосах и на разных ступенях гаммы. Следует отметить, что Виктор Сергеевич, как и многие композиторы этой эпохи, во многих своих хоровых произведениях использует уникальный голос – бас-октаву. Калинников ценил прелесть мягкого хорового звучания и, как дирижёр, работающий с хоровыми коллективами, понимал трудность и напряжённость высокой тесситуры, поэтому общий диапазон и особенно тесситура хоровых партий в его хорах довольно умеренные.

Калинников один из первых русских композиторов сочинил циклы детских песен: «Одиннадцать детских песен для унисонного хора с фортепиано», «Десять детских песен для двухголосного хора с фортепиано». К сожалению, лишь незначительная часть песен из этих циклов широко известна учителям музыки и руководителям детских хоровых коллективов. Первый цикл ставит своей целью научить детей чисто петь в унисон, овладеть необходимым диапазоном, постепенно расширяя его. Тексты к песням были сочинены самим композитором в духе народных прибауток, шуточных картинок, колыбельных. Вот названия некоторых из них: «Козёл», «Котик», «Мишка», «Курочка», «Сиротка», «Осень», «Звёздочка». Шуточные, весёлые песни требуют активного, яркого звука, а напевные, спокойные способствуют выработке навыков кантиленного пения. Все песни исполняются в сопровождении фортепиано, но это не аккомпанемент в его традиционном понимании. Фактура сопровождения не дублирует мелодию, а обогащает её, варьируя гармонию. Исполнение этих песен развивает темброво-гармонический слух детей, воспитывает у них один из важнейших навыков хорового пения – умение слышать не только себя, но и прислушиваться к другим тембрам, голосоведению и фактуре. Хорошо известно, что самое важное и самое трудное в хоровом пении – это переход от унисона к двухголосному пению, именно эту трудную задачу старался решить во втором цикле детских песен Виктор Калинников. В этом цикле композитор использует разные виды голосоведения – подголоски, элементы имитации, движение мелодии параллельными терциями и, наконец, канон как первую ступень полифонии. Овладев этими навыками двухголосного пения, дети в дальнейшем получают фундамент для многоголосного хорового пения. Как было ранее сказано, для композитора литературный текст имеет первостепенное значение, именно поэтому текст становится главным критерием поиска мелодии, характером динамики, темпа и формы произведения, его содержание также диктует и разнообразие фортепианного сопровождения.

Обработки русских народных песен, сделанные Калинниковым, очень скромны, «этнографичны», так как они не видоизменяют и не преобразуют фольклорный материал. В частности, Калинников широко использует в них «двухголосное четырёхголосие», то есть удвоениями сопрановой партии теноровой и альтовой с басами. Композитор сознательно стремился к простоте музыкального языка, ориентируясь на самодеятельные хоры. Показательно, что Виктор Сергеевич и песни для этого выбирал наиболее известные: «Заиграй, моя волынка», «У ворот батюшкиных», «Эй, ухнем» и т.д.

Центральным ядром творчества Калинникова являются духовно-музыкальные сочинения (издавались Б.П. Юргенсоном с 1902 по 1917 годы).

В 1902 г. композитору было уже 32 года – духовно-музыкальные сочинения принадлежат перу зрелого мастера, обладающего отточенной профессиональной техникой и виртуозно владеющего средствами хорового письма. Виктор Калиников относится к довольно большой плеяде композиторов так называемого Нового направления русской духовной музыки, основные черты которого можно охарактеризовать следующим образом:

а) приложение к церковно-музыкальной композиции приёмов народного музыкального мышления и опыта национальной композиторской школы. Часто «народное» в преломлении «профессионального» переосмысляется с позиций композиторов-классиков, но также и непосредственно многое заимствуется из фольклора;

б) трактовка древнего роспева не как материала для обработки (точнее – просто гармонизации, что было характерно для предшествующей эпохи), а как музыкальной темы, являющейся основой свободной композиции;

в) раскрепощение фактуры, гармонии, ритма, высвобождение этих компонентов музыкального языка из-под диктата «школьных» норм, поиск новых средств, соответствующих истинному характеру и подлинным формам древнерусского церковного пения;

г) в ряде случаев – возвращение к церковному уставу и предписываемому им соблюдению певческих традиций, вызвавшее, в частности, привнесение в хоровую ткань оригинальных приёмов, например антифонное пение, пение с канонархом, с головщиком, и т.д.;

д) возникновение блестящей хоровой инструментовки – нового, самобытного национального стиля хорового письма.

Принято различать московский и петербургский варианты Нового направления русской духовной музыки, которые в некоторых чертах отличались между собой, но главные идейные установки были всё же общими. Основоположником московского варианта большинство музыковедов считают П.И. Чайковского, петербургского – Н.А. Римского-Корсакова. Представителями Нового направления русской духовной музыки являются следующие композиторы: С.В. Рахманинов, А.Д. Кастальский, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чесноков, А.Г. Чесноков, Вик.С. Калинников, М.М. Ипполитов-Иванов, А.В. Никольский, К.Н. Шведов, Н.С. Голованов, Н.Н. Черепнин, Н.И. Компанейский, М.А. Лисицын, С.В. Панченко, В.И. Ребиков, Н.Н. Толстяков, Д.В. Алеманов, Д.М. Яичков, С.М. Ляпунов и другие.

В панораме Нового направления русской духовной музыки коренной представитель московской школы Виктор Калинников занимает оригинальное место. Он не учился в Синодальном училище, однако пришёл туда совсем молодым в качестве преподавателя теоретических дисциплин и оставался там до конца существования этого учебного заведения. В «иерархии» Нового направления Калинникова можно уподобить композитору петербургской школы А.К. Лядову: глубоко лирическое дарование, склонность к миниатюре, к изяществу письма и тонкой отделке фактуры; при небольшом объёме наследия – очень высокий профессионализм. Подобно Гречанинову, Калинников отдавал предпочтение не прямым переложениям традиционных роспевов, а свободному сочетанию их элементов и сочинению «под роспев»; безусловно, сближает этих двух авторов лирически индивидуальное, но всегда глубоко осмысленное прочтение богослужебных текстов. Можно говорить и об определённых «пересечениях» Калинникова с Рахманиновым, особенно с его Литургией, иногда и с Всенощной (большинство песнопений Литургии Калинникова появилось раньше рахманиновской Литургии ор. 31, а песнопения Всенощной Калинникова в основном современны рахманиновской Всенощной). Подобно Кастальскому, Калинников писал не богослужебные циклы, а отдельные хоры, начиная с самых центральных, важных в певческом отношении частей службы, а потом дополнял остальные песнопения, попутно создавал варианты не удовлетворивших его музыкальных решений отдельных песнопений. Именно так была создана практически полная Литургия, Всенощную Калинников, по-видимому, просто не успел дописать.

Характеризуя жанровые линии творчества Калинникова, как церковных его сочинений, так и светских, следует отметить, что существенного отличия между ними нет ни по музыкальному языку, ни по общему идейно-эмоциональному содержанию. Композитор был очень устойчив и целен в своих лирических настроениях, поэтому всё его хоровое творчество укладываются в одну эмоциональную палитру, отличаясь, друг от друга только текстом.

А.В. Никольский, талантливый композитор, музыковед-теоретик, авторитетный в то время

музыкальный критик, так охарактеризовал один из шедевров духовной музыки Калинникова тропарь «Богородице Дево»: «“Богородице Дево” – вещь, выдержанная от первого до последнего такта <...> Вся эта вещь построена на органном пункте у разделённых на две партии басов, на двух чередующихся чистых квинтах <...> На этом фоне сопрано, альты и тенора передают простыми аккордами полное содержание тропаря. Создаётся впечатление умилённого в простоте прославления Богородицы» (Хоровое и регентское дело, 1915, № 10). По изысканности приёмов, по элегичности настроения это песнопение можно соотнести с религиозной живописью той эпохи и особенно с полотнами Михаила Нестерова. Что же касается стиля этого и других поздних духовных хоров Калинникова, то их лаконизм и прозрачность фактуры явно обозначают своеобразную тенденцию к «минимализму», наметившуюся в это время у композиторов московского и петербургского вариантов Нового направления русской духовной музыки. Например, песнопения Н.Н. Черепнина «Богородице Дево», «Свете тихий», или прекрасные произведения для solo с хором А.Д. Кастальского «Чертог Твой», «Свете тихий» № 4, «Разбойника благоразумнаго» – всего 12 тактов.

В заключение мы хотим процитировать отзыв такого весьма взыскательного и передового критика, как В.М. Беляев, на пять духовных хоров, опубликованных в это время: «Вот композитор, который, мне думается, стоит на верном пути, и хотя робко и чуть-чуть, но всё же коснулся подлинного народного религиозного чувства. И потому от этих сочинений, несмотря на некоторые промахи, веет свежестью и искренностью, а изредка даже архаичностью, простотою исконно русских архитектурных и иконописных примитивов, что я считаю высшим достижением...» (Музыка, 1915, № 226).

Библиографический список

1. *Антипова Т.* Виктор Калинников как представитель Новой московской школы церковного пения // Гимнология. – 2000. – №2. – С. 610–619.

2. *Дмитревская К.* Виктор Калинников. К 100-летию со дня рождения // Хоровое искусство. – 1971. – №2. – С. 53–67.

3. *Евсеев С.В.* В.С. Калинников (некролог) // Музыкальное образование. – 1927. – №3.

4. *Плотникова Н.* О композиторах братьях Калиниковых, Викторе Сергеевиче и Василии Сергеевиче // Встреча (КПР). – 2001. – №3. – С. 17–19.

5. *Рахманова М.П.* Новое направление в духовной музыке: исторические тенденции и художественные процессы // История русской музыки – М., 2004. – Т. 10Б. – С. 392–456.

6. Русская музыкальная газета. – 1905. – №46, №42; 1907. – 1911. – №2.

7. *Халабузарь П.* Детские песни Виктора Калиникова. – Искусство в школе. – 1997. – №4. – С. 28–30.

УДК 784:008

Галактионова Татьяна Михайловна
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
tagalak@yandex.ru

РОЛЬ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

В данной статье приводятся ключевые моменты, характеризующие авторскую песню как особый коммуникативный жанр, и рассматриваются основные функции и роль авторской песни в коммуникационном пространстве культуры.

Ключевые слова: *авторская песня, коммуникация, коммуникативное пространство культуры, коммуникативный жанр, коммуникационный процесс.*

Авторская песня – жанр, зародившийся в нашей стране на рубеже 50-х – 60-х годов XX века. За время своего существования она проделала большой путь развития. Возникло это направление в так называемых «дружеских компаниях», во внутренне свободных малых группах, которые в то время успешно противостояли официальным формам коллективности и являлись естественной средой формирования и реализации личностных качеств, не находящих применения в публичной жизни. Авторская песня стала значимой формой самосознания и самовыражения не одного поколения. В данной статье мы постараемся определить роль авторской песни в коммуникационном пространстве культуры.

Под «коммуникационным (или коммуникативным) пространством» мы станем понимать довольно протяженное поле, в котором протекает информационный обмен (или коммуникация) между его участниками. Традиционно в коммуникативном пространстве выделяют четыре уровня взаимодействия объекта и субъекта коммуникации [1]:

– на первом (или физическом) уровне удовлетворяются природные потребности человека в еде, жилье, продолжении рода, производстве и потреблении материальных продуктов;

– второй уровень (психологический) предполагает самые искренние, доверительные отношения. Здесь на первый план выходит обмен сокровенной, личностной, идущей из души информацией;

– на третьем уровне (социальном) интересы индивида подчинены интересам социума; человек социальной коммуникации выступает не как уникальная личность, а как представитель того или иного социального сословия или профессиональной группы;

– четвертый (интеллектуальный, информационный) уровень позволяет человеку обращаться к традиции, к архетипическим элементам культуры и добывать сведения, накопленные поколениями людей, жившими до него.

Авторская песня, изначально являясь коммуникативным жанром, оказывает воздействие на слушателя (субъекта коммуникативного общения) на втором, психологическом уровне. Именно искренность, доверительность отношений отличает авторскую песню от остальных видов искусства. Она, по словам Александра Городницкого, «не терпит фальши», потому что «насильно слушать вранье у костра никого не заставишь» [2].

Для определения роли рассматриваемого нами феномена культуры в коммуникационном пространстве выделим основные элементы, характеризующие авторскую песню именно как особый коммуникативный жанр.

1. Одной из наиболее ярких особенностей авторской песни является ведущее положение слова, текста в диаде «слово-музыка», важность «что петь», а не «как петь». Именно слово, текст составляют суть данного явления и делают этот вид творчества важнейшим инструментом дружеского, неформального общения, отражают стремление человека к доверительному разговору с собеседником. Таким образом, в коммуникационном пространстве авторская песня выступает как средство общения в узком кругу друзей. Ее текст всегда направлен на дружеский круг знакомых автору людей, разделяющих его мировоззрение и эстетические предпочтения.

2. В отличие от текста песен профессиональных композиторов, для текста авторской песни характерна особая мелодичность, заключенная в нем внутренняя музыка. Этот жанр возник в нашей стране в годы необычайного подъема поэтического творчества, когда стихи читались пря-

© Галактионова Т.М., 2011

мо со сцены, а их авторы собирали на свои концерты огромные аудитории.

3. Для текста авторской песни также характерна некоторая упрощенность языка, в него нередко вкрапливаются элементы бытовой тематики, тематики повседневности. Известный автор-исполнитель Вероника Долина определяла смысл своего творчества как «добросовестные опыты в области жизненной поэзии с бытовой тематикой на уровне духовной и духовной – на уровне бытовой» [3]. Это высказывание очень точно отражает суть авторской песни: говорить и петь об обычных жизненных ситуациях («бытовая тематика») простым языком («жизненная поэзия»), но на высоком духовном уровне.

4. Подобная «неформальность» языка авторской песни тесным образом связана как с местами исполнения самих песен, так и с пространством существования лирического героя произведений: лес, горы, костер, тундра, море, река, дорога, преодоление физических трудностей. Нередко даже это пространство становилось своеобразным символом: Арбат – у Булата Окуджавы; горы – у Юрия Визбора; быт московских дворов – у Владимира Высоцкого; дом, кухня, детская колыбель, мир женщины-матери – у Вероники Долиной.

5. Важнейшим содержательным компонентом данного жанра как непосредственного участника коммуникационного процесса является его ориентированность на общение, которое осуществляется посредством диалога со слушателем. Для создания подобного диалога авторы часто используют глаголы в побудительном наклонении: давай поговорим, начнём, споем, поднимем, посидим, возьмемся и т.д. Не говоря уже о произведениях, изначально определенных их создателями как «диалоги»: «Диалог у телевизора», «Диалог у новогодней елки». Кроме того, лирический герой многих песен часто оказывается в таких ситуациях, которые уже сами по себе предполагают общение, – это поезд, вокзал, пристань, аэропорт, прощальная линейка в лагере, отъезд, расставание, встреча.

6. Неформальность языка, текста авторской песни тесно переплетаются и с неформальностью самой обстановки ее исполнения. Во время концертов, даже если авторская песня звучит в концертном зале, зрители ведут себя достаточно свободно: сидят на ступеньках, подпевают.

Отмеченные выше особенности авторской песни позволяют нам говорить о том, что данное явление представляет собой особый коммуникативный жанр в русской культуре и является особым жанром русского общения. В коммуникационном пространстве она выполняет две коммуникативные функции: первичную и вторичную. Первичная коммуникативная функция авторской песни состоит в том, что этот жанр является проводником искреннего дружеского общения «по душам» среди единомышленников автора, способом проведения времени в дружеском кругу, формой общения, объединения людей в «свой круг». Вторичная же коммуникативная функция – консолидирующая – заключается в удивительной способности авторской песни консолидировать людей в трудных жизненных ситуациях, тяжелых условиях (в походе, в горах, в горячих точках). В этом случае люди, объединенные в одну группу посредством авторской песни, преодолевают все трудности вместе, а затем вместе же вспоминают пережитое, что нередко становится своеобразным «толчком», импульсом к созданию новых песен.

Библиографический список

1. *Беленький Л.П.* Люди идут по свету: книга-концерт / Под ред. Беленького. – М., 1989.

2. *Гуленко В.В.* Коммуникативное пространство.

3. *Савченко Б.А.* Авторская песня. Подписная научно-популярная серия «Искусство». – М.: Знание, 1987. – № 7.

УДК 792

Задоров Иван Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
redelf.exe@mail.ru

РЕКТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КУКЛА-АКТЕР»

В статье дается ретроспективный анализ определения понятия «кукла-актер» в трудах отечественных исследователей. Из всех подвергнутых анализу определений наиболее подходящим и правильным нужно считать определение данное В.А. Шафранюком. Оно в значительной мере помогает осмыслить глубинные специфические особенности, объективные законы и объективно-субъективные закономерности кукольного пространственно-временного искусства.

Ключевые слова: *кукольный театр, кукла-актер, кукла, актер, определение, театр, заблуждение.*

С давних времен, как показывает история, куклы широко использовались во многих областях творческой деятельности и практике людей. В данной статье мы обратимся к тем куклам, которые встречаются в театральных и нетеатральных спектаклях, эстрадных миниатюрах, кинофильмах, художественных программах телевидения и в других подобных художественных произведениях.

В прошлом веке вышеперечисленные куклы получили частные специализированные названия: куклы театральные, цирковые, эстрадные, кинематографические и т.д. Эти специализированные названия помогают нам сразу понять, в какой именно области искусства используются те или иные куклы. Это можно отнести к положительной стороне специализированных названий кукол.

Но есть и отрицательная сторона, обесценивающая эти специализированные названия. Это связано с тем, что одни и те же куклы могут зачастую использоваться и в кинематографе, и в театре, и в телевизионных программах. Иначе говоря, эти популярные названия не столько помогают, сколько усложняют, скрывают от нас существенные общие характеристики, и даже частные различия самих кукол зрелищных искусств.

Если же у кукол данного рода имеются не только частные различия, но и существенные общие особенности, то возможно присвоить им и общее название – «куклы-актеры». Здесь слово «актер» подчеркивает причастность данных кукол к творческому исполнительскому искусству актеров-людей вообще и, актеров-кукольников в частности.

Хочется также отметить, что С.В. Образцов, наверное, был первым, кто назвал театральных кукол «куклами-актерами». Во всяком случае, одна из глав его книги «Актер с куклой» была названа – «Кукла-актер» [4, с. 72–75]. Более удачное название для них в русском языке подобрать не удалось. Не встречается оно, например, и в английском языке, несмотря на то, что у англичан сосуществуют для кукол два названия: «doll» и «puppet». Первым словом названы куклы-игрушки, а вторым – театральные куклы. Но первое английское слово не подходит по смыслу, а второе охватывает далеко не всех кукол-актеров. Можно предположить, что со временем в русском языке появится более удачное название, чем профессиональный жаргонизм – «куклы-актеры». В той ситуации, когда требуется более точно определить конкретную область применения кукол-актеров, то к общему названию следует добавить их частные названия. Так, например, театральные куклы-актеры, эстрадные куклы-актеры, кинематографические куклы-актеры и т.д. К тому же можно использовать и частные названия, но помнить при этом, что речь идет именно о куклах-актерах.

В 70-е годы XX века были сделаны первые серьезные попытки дать определение лишь понятию о театральных и эстрадных куклах-актерах. Ученые и исследователи в это время развернули интересную дискуссию о специфичности кукольного искусства театра и эстрады. В итоге был поднят вопрос о том, что такое есть театральные и эстрадные куклы. Так, М.М. Королёв утверждал:

«Кукла – неодушевленный, искусственно созданный человеком инструмент».

Но, чтобы театральную куклу не путали, например, с инструментом музыкальным, он добавил, что кукла есть не просто инструмент, а «произведение искусства, художественный образ».

В итоге получилось следующее:

«...кукла – художественный инструмент для создания сценического образа через сценическое действие» [3, с. 32–33].

© Задоров И.А., 2011

Таким образом, мы видим, что Королёв одной из наиболее важных особенностей эстрадных и театральных кукол считал их художественные качества. Его оппонентом был театральный критик Е.С. Калмановский высказывавший прямо противоположное суждение касаемо художественных качеств многих кукол-актеров:

«...кукла есть любая вещь, которая вовлечена в круг содержательных человеческих, человечных ассоциаций и участвует в сценическом творчестве» [2, с. 17].

Стоит обратить особое внимание: куклой может быть любая вещь, любой предмет. Не обязательно художественное произведение!

Стоит обратить внимание на еще одно мнение, принятое в 70-е годы многими учеными и деятелями искусства, которое еще в 1931 году высказал С.В. Образцов, а в 1938 году подтвердил его еще раз и был убежден в своей правоте до конца жизни:

«В одной из статей, напечатанной в 1931 году в номере седьмом журнала “Советский театр”, я писал о том, что форма головы куклы как бы стремится к совершенно простой форме шарика и что руку кукловода, которая является душой, кровью, жизнью куклы, нужно как можно меньше загружать костюмом, что материя должна быть мягкой, легкой, простой, не отягченной рукавчиками, кружевами и всякими мелкими натуралистическими подробностями, для того чтобы движение не было скрыто. В этом смысле тело куклы как бы стремится стать голой рукой.

Когда я уже дописывал эту статью, я подумал о том, почему бы мне такую теоретическую куклу не осуществить: насадить на указательные пальцы моих рук по шарику и считать, что это уже куклы. Так я и сделал. Я дал этим двум куклам романс Чайковского «Мы сидели с тобой у заснувшей реки» и выступил перед актерами в Театральном клубе. Номер был принят» [4, с. 79–80].

Мы не смогли не упомянуть С.В. Образцова и его мнение о зачислении в разряд кукол-актеров руки с шариком или без него, если бы оно не ввело, подкрепленное успехом выступлений, в логическую ловушку несколько поколений кукольников.

Немало кукольников опираясь на мнение Образцова в дальнейшем упорно называли куклами и другие сочетания предметов с частями человеческой плоти. Сюда же был отнесен и актер в маске.

Как мы видим, относительно театральных (и эстрадных) кукол-актеров в 70-е годы высказывались самые различные мнения. Однако правильного, на наш взгляд, не было ни одного.

Для обоснования данного вывода приведем пример. На мгновение представим, что мы смотрим глазами Калмановского обычный спектакль в обычном (актерско-человеческом) театре. На голове одного из актеров мы видим шляпу персонажа, роль которого он (актер) играет. Эта «шляпа», во-первых, есть «вещь», на этом настаивал сам Евгений Соломонович. Во-вторых, шляпа «вовлечена в круг содержательных человеческих, человечных ассоциаций». В-третьих, эта шляпа «участвует в сценическом творчестве».

Согласно логике Евгения Соломоновича, шляпа персонажа есть не что иное как театральная кукла. В это достаточно тяжело было бы поверить даже самому Калмановскому.

Теперь же представим, что шляпа персонажа является художественным произведением (шляпа не может быть в полном смысле художественным произведением. Хотя в некоторых случаях она может быть подлинным произведением художественно-прикладного искусства). Спрашивается: стала ли от этого шляпа на голове актера-человека театральной куклой? Конечно, нет. В связи с этим мнение Королева страдает таким же серьезным недостатком, как и мнение Калмановского.

Не правы и те, кто считает театральной куклой-актером, например, кисть руки актера с шариком на указательном пальце. Мы смогли бы убедиться в этом, если провели границу между куклой-актером и не куклой-актером. Но данный вопрос заслуживает отдельного и более подробного исследования.

Из вышесказанного следует, что попытки, предпринятые в XX веке относительно поиска наиболее полного и верного определения понятия театральной куклы-актера не увенчались успехом. А если рассматривать отдельно 80-е и 90-е годы, то за этот период, по крайней мере, в нашей стране не вышла в свет ни одна серьезная работа.

Относительно ситуации складывающейся к началу века нынешнего В.А. Шафранюк писал следующее: «теория кукольного искусства театра, кинематографа, эстрады и т.д. еще не сложилась. Иначе говоря, данная теория еще не сформировалась как строгая научная дисциплина, которая рассматривает необходимые «срезы» с искусст-

ва, использующего кукол-актеров. Во-первых, «срезы» диахронические (параллельные потоку времени): хронологический, исторический, генетический и эволюционный. Во-вторых, синхронические «срезы» – перпендикулярные потоку времени и осуществленные в разные его исторические периоды. При этом одной из причин отсутствия теории кукольного искусства и препятствием к ней являются сохранившиеся до сегодняшнего дня заблуждения 70-х годов» [6, с. 48].

Но, было бы неправильно утверждать, что все попытки предпринимаемые в XX веке были всего лишь заблуждениями. Совсем наоборот, так Е.В. Сперанский совершенно правильно наметил путь к определению данного понятия предложив определять его более широко и изначально говорить обо всех куклах вообще. Затем он предлагал найти, чем театральные куклы (и все куклы-актеры) отличаются от остальных кукол.

Это был логически надежный путь, но, к сожалению, довести дело до логического конца он не смог, т.к. не обнаружил исходного понятия куклы вообще. Он писал:

«Должен признаться, что в поисках такого определения я лично не преуспел. Выделить куклу вообще, в ее, так сказать, чистом виде, оказалось очень трудно. В этих поисках наталкиваешься на смежные, а иногда, казалось бы, и весьма отдаленные явления и понятия: тут и скульптура, и живопись, и кино. Я открывал словари, энциклопедии –общие и специальные, но и там не нашел удовлетворительного ответа. Попробуйте, может вам повезет... «Подобие человека»? А если кукла изображает животное... «Подобие всего живого»?.. А если она – фантастический образ?.. А если она вообще не претендует на изображение живого?.. Ведь кукла, сама будучи предметом, может изображать и предмет, оживший в воображении ребенка или актера» [5, с. 11].

Новое, более полное и отражающее реальность определение куклы-актера дал в своей работе посвященной данной проблематике А.В. Шафранюк:

«Куклы-актеры – это самостоятельный вид средств для изображения (обозначения) внешности активно действующих персонажей в спектаклях, в эстрадных и цирковых миниатюрах, в кинофильмах, в программах телевидения и в других произведениях пространственно-временного искусства. Кроме того, куклы-актеры воспроизводят физические действия персонажей и/или служат в качестве зримых центров для трансляции речи или иной звуковой деятельности персонажей. Каждая кукла-актер есть неодушевленный объект (один, несколько или много предметов или отдельных деталей) либо в целом, либо более двух третей своей величины. В последнем случае неодушевленный объект дополняется фрагментом плоти либо актера-человека, либо животного-актера, либо руки (рук) актера-человека. Этот фрагмент занимает менее одной трети величины куклы-актера. Каждая кукла-актер в целом или в основном качественно характеризуется признаками неодушевленного объекта. А в составе произведений пространственно-временного искусства куклы-актеры удовлетворяют эстетические потребности зрителей» [6, с. 61].

Данное определение не отражает те многочисленные индивидуальные различия и частные особенности кукол актеров. В связи с этим оно дает достаточно упрощенное, урезанное понимание о каждой в отдельности и всех, вместе взятых, куклах-актерах. В этом можно найти недостаток и отрицательную сторону определения.

Но, любая более или менее негативная сторона определения полезна, в первую очередь, со стороны хорошего стимула к дальнейшему изучению кукол-актеров по существу. Тем самым, она мотивирует к подробному анализу, осмыслению и пониманию частных различий и особенностей кукол-актеров.

Но по мимо негативной стороны присутствует и сторона позитивная. Данное В.А. Шафранюком определение раскладывает сложное на более простое, легкое, краткое и доступное для понимания. Оно как бы отражает сразу все многообразие кукол-актеров, что очень значимо в двух случаях.

Во-первых, в тех случаях, когда есть необходимость кукол-актеров и других видов средств для изображения внешности активно действующих персонажей. Во-вторых, когда необходимо исследовать специфические особенности кукольного пространственно-временного искусства.

Данное определение, на наш взгляд, дает дорогу к дальнейшему развитию теории кукольного искусства театра, эстрады, кинематографа, телевидения и т.д.

Из всех ними найденных и подвергнутых анализу определений куклы-актера наиболее подходящим и правильным нужно считать определение данное В.А. Шафранюком. Оно в значи-

тельной мере помогает осмыслить глубинные специфические особенности, объективные законы и объективно-субъективные закономерности кукольного пространственно-временного искусства.

Библиографический список

1. *Игламов Р.М.* Искусство играющих кукол / Курчаклы уйнау – житди эш. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2004. – 231 с.

2. *Калмановский Е.С.* Театр кукол, день сегодняшний. Из записок критика. – Л.: Искусство, 1977. – 120 с.

3. *Королёв М.М.* Искусство театра кукол. Основы теории. – Л.: Искусство, 1973. – 112 с.

4. *Образцов С.В.* Актер с куклой. – М.; Л.: Искусство, 1938. – 172 с.

5. *Сперанский Е.В.* Повесть о странном жанре. – М., 1971. – 240 с.

6. *Шафранюк В.А.* Понятие о куклах-актерах и традиционные заблуждения. – М.: Стелс., 2001. – 85 с.

УДК 130.2

Кузнецова Евгения Владимировна

Международный институт экономики и права (филиал, г. Набережные Челны)

miep.chelny@mail.ru

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ

Автор статьи анализирует феномен массовой культуры как систему определенных ценностей и определенный образ жизни. Автор представляет точки зрения различных отечественных и зарубежных исследователей, объясняющих причины появления массовой культуры и ее характерные черты.

Ключевые слова: *массы, массовая культура, коммуникация, средства массовой коммуникации, демассификация культуры, виртуальная реальность.*

XX век, как никакой другой период в истории человечества, отмечен проявлением массовости в различных структурах, массовым производством, массовым творчеством – как основными деятельностными процессами нынешней культуры. Массовое производство товаров, стандартизация воспитания, образования и досуга превратили массовую культуру в регулятор жизни широких масс. Массы при этом выступают в качестве инициаторов и производителей процессов всеобщей массовизации.

Одним из первых, кто обосновал теоретическую сущность масскульта, был немецкий философ И. Гердер, писавший в своей книге «Идеи к философии истории человечества» о существовании «культуры ученых» и «культуры народа». Назначение первой, с точки зрения Гердера, – сохранение и передача знаний, накопленных человечеством за всю историю его существования, а также воспитание и просвещение масс. Культура масс – проста и доступна, не требует усилий для постижения. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше писали об оппозиционности «массовой» и «элитарной» культур. Н.А. Бердяев также рассуждал о противопоставлении элитарной культуры массовой, подлинной культуры – цивилизации. Он считал, что «высшая культура нужна лишь немногим», а «для средней массы человечества нужна лишь средняя культура» [1, с. 259].

Идеи Бердяева близки знаменитому испанскому философу Х. Ортеге-и-Гассету, теоретически обосновавшему феномен массовой культуры и массовости. Массовая культура, как он считал, – это культура массового человека, воспринимающего жизнь как поле наслаждений, убежденного, что общество и государство должны удовлетворять его желания [9, с. 21]. Под «человеком массы» Ортега-и-Гассет понимал не социальный тип личности, а психологический феномен, считая, что социальное происхождение не определяет характер и уровень образованности. Он писал, что и в среде рабочих можно встретить исключительные характеры.

З. Фрейд, основатель психоанализа, со своей стороны пытался рассматривать массу как феномен через призму эмоциональных, любовных, либидозных привязанностей. Он доказывал, что Эрос (стремление к любви) и Танатос (стремление к смерти) в равной степени позитивны и пронизаны одновременно и эротическим, и агрессивным началом [14, с. 425]. При этом Эрос выступает как инстинкт сохранения рода, Танатос –

© Кузнецова Е.В., 2011

как инстинкт самосохранения, и если первый конструктивен всегда, то второй может выступать и как деструктивное начало. Фрейд считал, что вся человеческая история – это жестокость и половое влечение, тесно связанные друг с другом. Соответственно, если мы проанализируем содержание продуктов современной массовой культуры, то убедимся, что психоаналитик был действительно прав, поскольку в данных продуктах отражаются оба эти инстинкта.

Работами К. Манхейма ознаменован новый этап в осмыслении массы и массовой культуры. Проблему массовой культуры Манхейм рассматривал через социальные, политические, экономические процессы, происходившие в обществе [6, с. 41]. Причем феномен возникновения массовой культуры он объяснял социальным трансформациями не только массы, но и элиты.

С 50-х годов XX столетия массовая культура стала рассматриваться как феномен индустриального общества. Во второй половине XX века родились такие понятия, как «человек-локатор» (Д. Рисмен), «одномерный человек» (Г. Маркузе), «самоотчужденная личность» (Э. Фромм). Фромм считает, что причина одиночества современного человека, его отчужденности от социальных институтов кроется в экономической деятельности, в стремлении достичь финансовой независимости. При капитализме, по мнению Э. Фромма, человек превратился в «деталь гигантской экономической машины» [15, с. 92], по отношению к которой он совершенно ничтожен. Наилучший способ уйти из действительности, в которой человек ощущает себя беспомощным и слабым, – массовая культура с ее компенсаторной функцией. Но в таком мире человек не является самим собой, исчезает «различие между собственным “Я” и окружающим миром» [15, с. 92].

Центральное положение концепции Маркузе сводится к тому, что житель современной цивилизации находится под властью «тоталитарного универсума технической рациональности» [7, с. 81]. Человек, вынужденный конформистски приспосабливаться к окружающему миру, имеет потребительскую идеологию, отсюда его «одномерность», т.е. ориентированность только на сохранение общества в его существующем виде, потребление и приобретение, а не созидание и творение.

Рисмен связывает изменение качественных характеристик человека с переориентацией его внутренней событийности на внешнюю, что проявляется в потребности не выделяться из окружающего мира, жить, будучи управляемым радаром, то есть как человек-локатор [17, с. 220].

Д. Белл, в отличие от своих предшественников, систематизировал значение понятия «масса»:

1) масса как недифференцированное множество;

2) масса как синоним невежественности, серости, необразованности;

3) масса как механизированное общество, жизнь массы в данном случае регламентируется полностью цивилизационными достижениями и нормами;

4) масса как бюрократизированное общество, когда все решения принимаются наверху, а основные производители теряют свои личностные характеристики;

5) масса как толпа (психологическая трактовка, сделанная Г. Лебоном и З. Фрейдом) [16, с. 22].

По мнению самого Белла, масса – это однородная, преобладающая часть населения, а массовая культура – все то, что составляло когда-то достояние элиты, – теперь доступна всем.

Но массовая культура 1990-х – 2000-х гг., безусловно, отличается от массовой культуры 1950-х – 1980-х гг. Коллажность культуры, эклектичное сочетание «всего со всем» рассматривается как новое «естественное» состояние для отдельного человека и для социума. Выделяются новые социокультурные группы, границы между которыми совершенно размыты, так как очень часто меняется критерий их классификации – вовлеченность в те или иные культурные практики.

По мнению известного канадского исследователя в области СМК М. Маклюэна, решающим фактором процесса формирования конкретной социально-экономической системы, а значит, двигателем исторического прогресса выступает смена технологий, порождающая смену способа коммуникации [5, с. 486]. Тип общества в значительной мере определяется доминирующим в этом обществе типом коммуникации, а человеческое восприятие – скоростью передачи транслируемой информации. Средства коммуникации определяют структуру знания, регулируют принципы восприятия пространства и времени, навязывая их как отдельной личности, так и обществу в целом. Маклюэн считает, что создание новых технических средств, доступных обществу, носит революционный характер, весь путь развития цивилизации – это создание и развитие способов коммуникации.

Маклюэн убежден, что изобретение электрических и электронных средств массовой коммуникации совершило переворот в жизни человечества, сокрушив время и пространство и превратив мир в «глобальную деревню». Благодаря СМК современный человек попадает в ситуацию «плюрализма миров и культур».

Э. Тоффлер продолжает вслед за Маклюэном изучать культуру информационного общества во взаимосвязи с СМК.

Современная культура – это имиджевая культура, клип-культура, как ее обозначает Тоффлер [11, с. 277]. Она формирует такие уникальные формы восприятия, как «зэппинг», когда путем безостановочного переключения каналов телевидения создается новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Телевидение кон. XX – нач. XXI вв. – это набор «блицев»: полуминутного рекламного ролика, фрагментов песен и стихотворений, мультфильма и т.д. «Люди Третьей волны …залпом глотают огромное количество информации, они учатся создавать свои собственные “полосы” идей из того разорванного материала, который обрушивают на них новые средства информации» 12, с. 278].

М. Кастельс считает, что понятия «масса» и «массовая культура» сохраняются в информационном обществе, но в измененном варианте [3, с. 202]. Культурная индустрия, как считает Кастельс, ориентирована, во-первых, «на экономику здравого смысла. Во-вторых, новые экономические формы достаточно стандартизированы, что предполагает, как прежде, унификацию культурного продукта. В-третьих, функция психологической защиты по-прежнему присуща масскульту, так как человек всегда нуждается в определенной “разгрузке” и “отдыхе”».

Еще один исследователь феномена массовой культуры в современном обществе – итальянский философ и семиотик У. Эко. Он считает, что основная проблема, связанная с изменением способа трансляции информации, состоит не в крайней степени ее визуализации, а в сохранении субъектов способности к ее критическому восприятию [13, с. 85]. Эко считает, что в будущем общество будет состоять из представителей визуальной культуры и элиты. Представители визуальной культуры не будут иметь возможность проверять информацию на предмет ее соответствия образам и понятиям реального мира и предпочтут получать готовые определения. Элита будет способна к отбору и применению информации.

Известный французский философ и социолог А. Моль признает, как и многие другие исследователи, что характер современной культуры мозаичный, то есть это «целое, собранное из отдельных кусков». «Необходимо свыкнуться с мыслью, что мы живем в окружении мозаичной культуры, что именно эта культура определяет наши поступки». Моль считает, что «мозаичная культура» является совокупным продуктом изобилия всевозможных знаний и действия технических средств массовой коммуникации. Он пишет, что было бы ошибочным относить к культуре только произведения искусства, для него культура – «семантические или эстетические факты» повседневной жизни [8, с. 353].

Следует, безусловно, согласиться с Молем в том, что культура настоящего – это набор различного рода явлений, когда на месте одного возникает другое, предыдущее исчезает, стирается, подобно компьютерному тексту. И практически любое культурное явление, любой фрагмент на какое-то время может стать образом. Следовательно, мы имеем дело с распадением и собиранием картинки puzzle или калейдоскопом (термин принадлежит К. Леви-Стросу). В то же время как всякий puzzle, так и современная массовая культура не являются подлинной реальностью, а реальностью вымышленной, искусственной, гиперреальностью.

Массовую культуру как культуру гиперреальности рассматривал не кто иной, как Ж. Бодрийяр. Единица неподлинного смысла, существующего в культуре, называется им «симулякр». Основная идея Бодрийяра заключается в том, что то, что мы пытаемся понять как проявление реальности, есть только образ реальности. Симулякр отрицает реальность, прячет, скрывает ее. В то же время реальность – единственное, что не существует. Реальность – то, чему можно найти только виртуальный эквивалент (симулякр). Бодрийяр уточняет, что реальность – не то, что можно воспроизвести, а то, что уже воспроизведено, т.е. чем больше реального, существующего, тем меньше реальности [2, с. 76].

Современный исследователь В. Подорога выдвигает интересную гипотезу, заключающуюся в следующем: то, что мы называем массовой культурой, не культура, а среда, в которой одни культуры гибнут, другие трансформируются,

третьи начинают быстро развиваться [10, с. 323]. И мировая культура станет в скором будущем глобальной массовой.

Каковы в этой связи перспективы развития культуры и человечества в целом?

Очевидно, что формируется особенный тип общественной формации – техногенный. Техногенная цивилизация поставила человека в трудные условия существования. Моральное право стало правом одного человека, вседозволенностью и вседоступностью, на частном интересе стало основываться все общество. Погоня за материальными достижениями – одна из причин доминирования массовой культуры, так как качество ее продуктов измеряется оценкой потребителя, т.е. покупкой или непокупкой, высоким или низким рейтингом, и т.д. Философия массовой культуры – это философия успеха, в первую очередь материального.

Погоня за успехом, стремление к полной независимости отнимают у жителя техногенной или индустриальной цивилизации много сил как физических, так и душевных. В этой связи легко объясняется реализация масскультом защитной психологической функции. Таким образом, благодаря современным СМК, а также ряду других технических средств, массовая культура создает новую реальность – виртуальную, подменяя подлинную. И все, с чем мы имеем дело в современной массовой культуре, – симулякры, по Бодрийяру. При этом данная культура представляет собой набор отдельных эпизодов, фрагментов, клипов. Но это уже черта массовой культуры отнюдь не эпохи индустриальной цивилизации, а наступающей эпохи информационной цивилизации, когда каждый человек выстраивает из предложенных ему фрагментов свою «картинку-puzzle». На этапе наступления цивилизации Третьей волны узкая специализация остается позади, будущее – за мышлением глобальным, всеохватывающим. И элитарная культура, исчезающая, по мнению многих исследователей, сейчас сохранится в качестве культурного образца. Если же этого не случится и элитарная культура будет окончательно размыта под давлением массовой, то, к сожалению, содержание культуры будущего сохранится прежним и будет нести агрессию и удовлетворение телесных желаний и потребностей публики, т.е. удовлетворение инстинктов Эроса и Танатоса, по Фрейду.

Говоря о необходимости сохранения элитарной культуры, отметим, что это означает во многом сохранение этнонациональных культур. Культурная унификация, осуществляемая сегодняшней массовой культурой, отчасти нивелируется за счет многообразия форм, в которых она выступает. В этом проявляются ее высокая адаптивность, пластичность и гибкость, способность сохранять свои сущностные качества при значительных внешних трансформациях. Мы можем говорить, что сегодняшняя массовая культура имеет различные варианты: американский, японский, российский [4, с. 100].

Масскульт – планетарный феномен, обусловленный ростом высоких технологий и объединением информационного пространства. Но все же было бы ошибкой отождествлять создание единой мировой культуры на основе межкультурной интеграции и глобализацию на основе стереотипизированных образцов масскульта. Не только понимание и уважение других этнокультурных традиций и ценностей, но и осознание своих собственных может и должно явиться условием дальнейшего развития межкультурных коммуникаций и диалога культур. А современная массовая культура в ее глобальном варианте – это система ценностей, образ жизни, манера и способ мышления американской культурной модели. За каждой этнонациональной культурой стоят своеобразие менталитета, ценностные приоритеты, традиции, обычаи, в противоположность массовой культуре, иллюзорной, зависящей и основывающейся исключительно на научно-техническом прогрессе, абсурдной зачастую из-за желания угодить как можно более широкой аудитории. От путей решения этой проблемы зависит содержание жизни будущих поколений, поколений цивилизации Третьей волны.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.* Философия неравенства. – М.: ИМА–пресс, 1990. – 288 с.

2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. – М.: Рольф, 2000. – 280 с.

3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Наука, 2000. – 295 с.

4. *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М.: КомКнига, 2006. – 320 с.

5. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический проект: Фонд. Мир, 2005. – 486 с.

6. *Манхейм К.* Человек и общество в век преобразования. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 410 с.

7. *Маркузе Г.* Одномерный человек. – Минск: Харвест, 2003. – 280 с.

8. *Моль А.* Социодинамика культуры: Пер. с фр.– М.: КомКнига, 2005. – 550 с.

9. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – №3. – С. 121–122.

10. *Подорога В.* Культура и реальность. Заметки на полях // Массовая культура: современные западные исследования. – М.: Прагматика культуры, 2005. – 320 с.

11. *Тоффлер Э.* Третья волна. – М.: АСТ, 2002. – 776 с.

12. *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: АСТ, 2003. – 558 с.

13. *Усманова У.* Умберто Эко: Парадоксы интерпретации. – Мн.: Пропилей, 2000. – 280 с.

14. *Фрейд З.* Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.

15. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – Минск: Харвест, 2003. – 250 с.

16. *Bell D.* The End of Ideology. – Glencoe, 1964. – 75 p.

17. *Riesmen D.* The Lonely Croud. – N.Y., 1953. – 420 p.

УДК 75.046

Остапенко Светлана Степановна
Новосибирский государственный художественный музей
ratkevic@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ИКОНОПИСИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКА: ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ, ДУХОВНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются актуальные проблемы преподавания церковной живописи в контексте концепции разностороннего гуманитарного образования и расширения межпредметных связей. Определяя исторически сложившиеся тенденции восприятии иконы, автор анализирует характерные проблемы, возникающие сегодня в связи с введением в образовательный процесс спецкурсов и дисциплин соответствующей тематики.

Ключевые слова: *иконопись, восприятие художественного образа, анализ изобразительного языка, образование, этика.*

Изучение проблем восприятия и преподавания церковного искусства – явление, присущее XX веку. Сегодня, по словам Л.А. Успенского, «как грибы после дождя, возникают “иконописные” школы и мастерские. В высших учебных заведениях пишутся об иконах диссертации на соискание ученых степеней. Само производство “икон” отличается крайним разнообразием, и подчас икона превращается в свою противоположность... Но, несмотря на всю беспорядочность, злоупотребления и непонимание, знаменательно то, что именно наш современный и страшный мир открыл для себя икону» [3, с. 470]. Именно XX век наряду со многими свершившимися тогда мировыми открытиями вошел в историю как эпоха открытия древнерусской иконы.

Выявившиеся еще в предреволюционную пору различные подходы к ее изучению характерны и для современного общества, заново открывающего для себя мир иконы на рубеже XX–XXI века. Ясно обозначили себя два принципиально разных взгляда на икону: «Образно говоря, столкнулись научно обоснованный, аргументированный подход и “эстетические переживания тонко чувствующих натур”». Именно в этом столкновении стало ясно видно, что однобокое увлечение чисто внешней, формальной красотой иконы привело к ситуации, о которой предупреждал в 1928 г. Г.В. Жидков: «…В результате под обломками потрясенного здания иконографического метода погибает вообще наука, <…> науку заменяет поэзия» [2, с. 61].

Подобное эстетизированное или психологизированное восприятие образа можно определить как независимое от духовного опыта и жизни и, прежде всего, оторванное от литургической практики. Эта парадигма нашей действительности определена Л.А. Успенским: «Но особенно важно то, что начинается возрождение иконы в самом православии, и возрождение это является жизненной необходимостью нашего времени. Между тем, так же как и «открытие иконы», оно идет пока вне связи с богословской мыслью и ли-

 © Остапенко С.С., 2011

тургическим благочестием, идет, так сказать, вне своего контекста» [3, с. 431].

Сегодняшним реалиям образовательного процесса, в который включены и специализированные дисциплины – «Иконоведение», «Богословие образа», и целые факультеты, изучающие церковные художества, можно противопоставить прикровенное молчание, которым окружена эта тема в дореволюционной России. И причины такого благоговейного молчания о тайне иконы объяснимы и традициями апофатического богословия, и реальным пониманием того, что встреча со святыней глубоко личностна, является всегда и таинством и откровением для каждого человека, и чувством духовной дистанции по отношению к иконе. Почти покинувшее сознание современного человека трепетное чувство страха Божьего, как начала, ограждающего от греха и определяющего уважительное, целомудренное отношение ко всему окружающему миру и его проявлениям, проецировалось, прежде всего, на отношение к святыням.

С точки зрения христианской философии, «в православии духовная онтология в глубинных своих основаниях принципиально недоступна человеческому разуму. …Икона, как и любое другое свидетельство о мире духовном, об Истине, принципиально антиномична. Она одновременно и изображение и само изображаемое, то есть неизображение, нечто большее изображения; и не архетип и в то же время сам архетип. Как это может быть, разуму человеческому принципиально не дано понять» [4, с. 325].

Нынешнее сознание утратило чувство узнавания иконы, исчезло присущее многим поколениям ощущение связи и родства с ней. В то же время духовность всегда притягательна, и одухотворенная красота иконы находит, к сожалению, порой самые далекие, самые несовместимые с ней комментарии и интерпретации.

В современных духовно-просветительских и образовательных программах, изучающих «Мировую художественную культуру», «Историю искусств», «Мировые религии», «Православную культуру России» и, в частности, историю иконописи, реальной задачей видится определение пути, который приближает человека к пониманию иконы, а не удаляет от него. Методически на этом пути, прежде всего, важно показать круг источников, из которых мы должны черпать это правильное понимание иконы, в том случае, если оно не дано нам каким-то иным образом. К таким источникам относятся, прежде всего, евангельские тексты, жития святых, церковная гимнография и весь комплекс святоотеческого предания.

Связь слова и образа в христианском искусстве – особая тема, актуальная для всех жанров древнерусской культуры. В то же время знать текст, раскрывающий сюжет иконы, – не значит понять ее во всей полноте. Икона шире и многограннее иллюстрации к тексту: это всегда стройная, завершенная богословско-догматическая концепция, раскрывающая какой-либо аспект или сторону церковной жизни и вероучения. И только истинное богомыслие иконописца способно творчески, не выходя за рамки канона, не изменяя давно сложившихся иконографических традиций, вносить новое в иконографию, расставляя и уточняя те или иные смысловые акценты. По своему определению икона есть образное выражение Священного Предания и Священного Писания, запечатленного и живущего в богослужебных текстах, в самом строе и ритме жизни Церкви.

Своего рода потрясением для современного сознания звучат слова Л.А. Успенского, говорившего о «двойном реализме» иконы. Так же как и сама Церковь, икона соединяет в себе нераздельно две реальности: реальность историческую, земную, и реальность благодати Духа Святого. Канонически являясь одной из форм проповеди, церковное искусство призвано наглядно свидетельствовать об этих двух реальностях. В этом смысле оно вдвойне реалистично и именно этим отличается от всех других художеств, подобно тому, как отличается текст Священного Писания от всех других литературных произведений. Отображая одну лишь историческую реальность, произведение искусства иконой еще не становится. Икона должна указывать на присутствие в нем святости.

История церковного искусства – это поиск и выработка Церковью художественного языка, позволявшего практически передать в иконе ту духовную реальность, которую словесно описывают священные тексты. Все выразительные возможности искусства были направлены на достижение одной цели: запечатлеть конкретный исторический образ и в нем раскрыть другую реальность – реальность духовную и пророческую. Иконность и заключается собственно в том, как изображен тот или иной религиозный сюжет, то

есть в тех средствах, которыми указывается на святость изображаемого. Отсутствие чувства реальности евангельской истории, разрыв между «духовным» и «чувственным» неизбежно приводят к подмене этого «двойного реализма» иконы поэтическим образом или аллегорией.

В этом контексте уместно обратиться к постоянно возникающему в литературе вопросу о символизме иконы, рассмотрев в свете соборных постановлений, насколько с точки зрения общефилософской, канонически-догматической и художественно-стилистической язык символа соответствует языку иконописи.

О. Павел Флоренский во многих своих работах уделял пристальное внимание символизму, исследуя отдельные, особенно культовые символы. «Флоренскому важно было убедить современников, зараженных позитивизмом, не останавливаться на психологической, ассоциативной значимости иконы, а понимать ее как символ, который всегда онтологически неотделим от своего первообраза, являясь как бы его «передовой волной», его энергией, светом. Именно в таком онтологическом смысле понимали икону и иконопочитатели периода византийского иконоборчества» [4, с. 325].

Материалы Вселенских Соборов по вопросам церковного искусства представляют исключительный источник не только для богословов, но и для искусствоведов, философов, историков, психологов, позволяя уточнить терминологически и наделить конкретным жизненным и образным содержанием понятия, являющиеся ключевыми в гуманитарной практике и лексике, например такие, как «стиль», «канон», «традиция», «выразительные средства», «символ», «аллегория», «духовное» и «душевно-эмоциональное», «пространство», «время» и др. В существующей практике преподавания иконописи принято выделять основные аспекты или функции православной иконы: исторические, литургические, аксиологические, богословские, духовно-нравственные, художественно-эстетические, в действительности неразделимые и взаимообусловленные, ради того чтобы приблизиться к более цельному ее пониманию.

В современном учебно-образовательном процессе средневековая иконопись раскрывается не только как общепризнанное явление мировой художественной культуры, но и длящаяся и до ныне духовная и историческая реальность для стран православного вероисповедания. «Как не может исчезнуть или изжить себя саму Церковь, так же не может ни прекратиться, ни изжить себя и ее искусство. Оно лишь на долгое время перестает играть ведущую роль выразителя веры и жизни Православия» [3. с. 302].

Православная икона – образ литургический, восприятие и понимание которого неразрывно связано с храмовым действом. Подчеркивая невозможность подмены религиозного чувства эстетическим, известный богослов и филолог XX века Иван Андреев писал о литургическом характере церковного искусства: «Отношение религии и искусства не есть ни отношение противоречия, ни отношение тождества. Между ними существует родство и своеобразная взаимопомощь. И религия, и искусство возвышают нас и пробуждают в нас стремления к идеальному миру. Но если эстетическое чувство стремится преимущественно к художественному изображению идеального мира, то религиозное чувство жаждет живого общения с Богом – источником всякого совершенства. Эстетическое чувство под влиянием созерцания художественного произведения или красот природы создает лишь безотчетный порыв нашей души к высшему миру; религиозное же чувство открывает нашей душе возможность живого общения с Богом через молитву и Таинства» [1, с. 92].

Подлинный пафос историзма, присущий национально-государственной идее, пронизывает тему, раскрывающую роль иконы в истории становления российской государственности: икона как образ, во всей полноте отражающий феномен национального самосознания, т.е. ключевые мировоззренческие положения, формирующие духовное богатство нации и определяющие лицо ее культуры. Прославленные иконы Богоматери – Владимирская, Феодоровская, Казанская – вошли в отечественную историю истинно судьбоносными образами.

Икона сегодня мыслится как неотъемлемая и составная часть понятия «русская традиционная культура», выявляющая глубинные, основополагающие истоки народной традиции. Более тысячи лет для большей части населения России, именующей себя христианами, духовным ориентиром во всех жизненных начинаниях была православная вера, т.е. единая духовная мировоззренческая основа, общность, пронизывающая все сферы бытия, жанры и виды народной культуры.

Особой темой для современной аудитории, зачастую воспринимающей канон как некий ог-

раничивающий и сдерживающий фактор, является вопрос о верном понимании значения канона для христианской жизни и творчества.

Церковное искусство, ориентирующееся на определенные каноны, нередко противопоставляется в светской культуре и искусствоведческой науке понятиям «творческая индивидуальность», «авторская идея», «оригинальность воображения». Иконописный канон – не свод предписаний или правил, заключенных в рамки определений, но, прежде всего, внутренняя норма жизни в вере. Это духовное сопричастие канону, его живое понимание и порождало истинное богомыслие и богословие в образе. Тождественность веры, жизни и творчества – были, есть и остаются единственным критерием и условием успешной созидательной деятельности церковного художника. Церковное искусство, как и сама Церковь, по словам о. Александра Шмемана, «не объект “определений”, а живой опыт претворения в реальную земную жизнь реальности духовной».

В православной культуре сквозь призму канона раскрывается сама онтология художественного творчества. Многие работы святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского, о. П. Флоренского, Л.А. Успенского освещают взгляд православной Церкви на проблему творчества. Священник П. Флоренский, раскрывая смысл понятия «канон», подчеркивал, что личный духовный опыт художника, следующего канонам, оказывается подкрепленным и обогащенным опытом предшествующих поколений. «В каноне закреплен многовековой духовный опыт человечества, и работа в его рамках приобщает к нему художника, освобождает его от необходимости каждый раз проделывать тот путь, который уже пройден коллективным опытом человечества…

Истинный художник стремится не к субъективному самовыражению, не к увековечиванию своей индивидуальности, а желает “прекрасного, объективно-прекрасного, т.е. художественно воплощенной *истины вещей*”, и на этом пути канон оказывает ему неоценимую услугу» [4, с. 329]. В противном случае итог творчества оказывается ниже достигнутого к тому времени уровня художественного воплощения истины, а его личное, индивидуальное оказывается случайным, оторванным от духовных достижений человечества. Икона очень чутко отражает этот «уровень воплощения истины», духовный уровень эпохи в целом – ее триумфы и кризисы. История христианского искусства дарит ярчайшие примеры того, каким откровением звучали образы, создаваемые в периоды наивысшего напряжения духовных и интеллектуальных сил всей нации, как, например, в эпоху утверждения победы над иконоборчеством или в эпоху паламистских споров в Византии и эпоху собирания сил и возвышения Московского княжества в Древней Руси. И, более того, история знает удивительные примеры творческого сотрудничества в Духе Едином, т.е. истинно канонического творчества: невозможно отделить и обособить авторство преп. Андрея Рублёва и сопостника его Даниила в их совместной работе – иконостасе Владимирского Успенского собора и в других росписях.

Иконописный канон является для православного человека тем камертоном, который выверяет меру творческого соотношения Божественного и человеческого в жизни и творчестве.

В иконе сконцентрирована вся суть христианской антропологии: образ создается и воспринимается в контексте таких понятий, как *личность, свобода личности, ценностные ориентиры человеческой жизни, самораскрытие и творческая реализация личности.* «В православном церковном искусстве человек – главная и единственная тема; ни одно искусство не уделяет ему столько внимания, не ставит его на такую высоту, на какую ставит его икона. Все изображаемое на иконе соотносится с человеком – пейзаж, животные, растения… В иерархии бытия он занимает главенствующее положение: он – центр мироздания, и окружающий его мир передается в том состоянии, какое сообщается ему святостью человека.

…Человек остается главной темой изображения, но уже в его теперешнем, не преображенном состоянии» [3, с. 305]. Культ самовыражения, которым поражено современное общество, замыкает личность на самой себе, тем самым заведомо ограничивая и сужая ее творческий опыт и потенциал.

Диалектика творчества иконописца раскрывается в том, что «канон предполагает не обособление, а именно включение в соборное творчество Церкви. В этом соборном творчестве личность художника осуществляет себя не в утверждении своей индивидуальности, а в самоотдаче; и высшее ее проявление здесь в том, что она как раз подавляет в себе черты обособленности. В ту

же евангельскую перспективу включается понятие свободы. Отвлеченного понятия свободы Церковь не знает, как не знает она и вообще отвлеченных построений. Свобода может быть не вообще, как таковая, а от чего-то конкретного. Для Церкви она заключается в освобождении от порожденных грехопадением искажений человеческой природы» [3, с. 428]. Все богатство способов выражения и системы построения христианского образа призвано выявить это истинное предназначение человека. И сегодня икона является живым воплощением таких нравственно-этических понятий, забываемых современной культурой, как благообразие и благочестие.

Для современного человека понять икону – значит действительно постичь «вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи», познать «умозрение в красках», увидеть «Россию в ее иконе», как к тому призывали заголовки публикаций времен Первой мировой князя Е.Н. Трубецкого, которого древняя иконопись поразила тогда именно своей «захватывающей» жизненностью.

Библиографический список

1. *Андреев И.М.* Православная апологетика. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. – 192 с.

2. *Пятницкий Ю.А.* Доклад Н.П. Лихачёва «Об иконе Владимирской Божией Матери» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. – СПб.: Изд. «Дмитрий Буланин», 1998. – С. 55–77.

3. *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. – Париж: Издательство Западно-европейского экзархата. Московский Патриархат, 1989. – 476 с.

4. *Флоренский П.А.* Избранные труды по искусству. – М., 1996. – 336 с.

УДК 639.111.16

Соколов Николай Васильевич
Костромской НИИ сельского хозяйства РАСХН
knicx@kosnet.ru

ЛОСЬ В ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Лось занимал значимое место в жизни древних народов. Более того, на наскальных изображениях, отнесенных к культурам неолита и раннего металла, можно найти не только сцены охоты на лося, но и детали, указывающие на его приручение и одомашнивание.

Ключевые слова: *лось, наскальные изображения, древний человек, приручение, одомашнивание.*

Лось – крупное, весьма безобидное животное, обитающее в суровых условиях опасной для человека тайги, – всегда был для первопроходцев и аборигенов таежной зоны желанной добычей, символом благополучного существования, знаком благосклонности высших сил к данным людям, данному селению. В свою очередь своей деятельностью – омоложением лесов в результате вырубки и палов – человек давал обильные корма лосю, чем привлекал животное. Древние законы, древнее отношение к лосю защищали лося от истребления. Более того, обитая рядом с человеком, лось получал защиту от посягательства пришлых людей и хищников.

Прирученные лоси становились не только живым резервом мяса, но и помощниками в нелегком труде таежника. Они могли использоваться при охоте на мигрирующих лосей, перевозили вьюки, своим поведением, безбоязненным отношением к человеку привлекали диких особей к жилью человека. Они, в некоторой степени, заменяли мало приспособленных к таежным условиям лошадей. Но, самое главное, лоси, как дикие, так и прирученные, были всегда животными самодостаточными, не доставляли людям лишних хлопот, тем более не выказывали по отношению к человеку агрессии или страха.

Вероятно, именно эти качества послужили тем, что лось занял значимое место в культурном наследии проживающих в тайге народов. Из глубины веков до нас доходят предметы быта и культа, украшенные изображениями лосей, высеченные на скалах рисунки лосей, легенды и эпосы, где серьезное место уделяется лосю.

Появление первых предметов искусства уходит в глубину эпохи мезолита. В дальнейшем первобытные его формы получают особое развитие в культурах неолита и раннего металла. Возникают наскальные изображения, другие произведения древнего отражения идеологических, религиозных и других направлений.

© Соколов Н.В., 2011

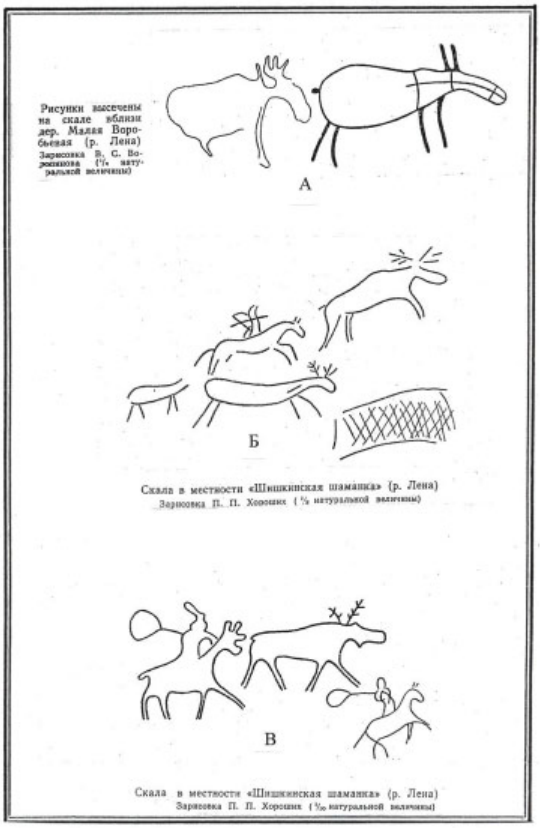

Рис. 1. Различные способы отлова лося (наскальные рисунки)

К сожалению, рисунки с отдельно взятого места, имеющего наскальные изображения, не дают целостной картины приручения и одомашнивания лося, однако, используя в качестве основы современные формы работы по одомашниванию лося, мы можем из этих древних изображений создать галерею целостного наглядного материала, последовательно показывающего всю технологию домашнего лосеводства того времени, начиная с отлова диких особей и кончая созданием управляемого стада лосей.

В частности на рисунке 1 А, высеченном близ деревни Малая Воробьевая Жигаловского района Иркутской области на скалистом берегу реки Лены, перерисованном В.С. Воропиновым, изображены лосиха в уздечке во время гона и дикий самец, следующий за ней. Вероятно, здесь отражен один из способов заманивания самцов в ловчий загон с помощью лосихи, находящейся в состоянии охоты.

На рисунке 1 Б, найденном на скальной породе правого берега реки Лены в местности «Шишкинская шаманка», что на 18 км ниже поселка Качуг, показан подгон взрослых самцов-лосей человеком на коне в загон-ловушку.

Там же, на другом рисунке 1 В, два всадника, один на коне, другой на лосе, отлавливают инструментом, похожим на аркан, взрослого лося-самца. Эти рисунки относятся, скорее всего, к VI–IX вв. нашей эры и зарисованы исследователем П.П. Хороших [4].

Далее на рисунках 2 А и Б мы видим лосей плененных. На обоих рисунках показаны инструменты поимки лося и линии, являющиеся, надо полагать, веревками или ремнями, служившими растяжками для фиксации животного на месте. Данные рисунки скопированы П.П. Хороших с высеченных на плитах из красноцветного песчаника писанцев, найденных в городище на горе Манхай 1 по правому притоку реки Ангары в 12 км выше поселка Усть-Орда. Эти изображения относятся к группе древних тюрских писанец.

Следующая серия рисунков показывает различные формы приучения лосей к уздечке, не-

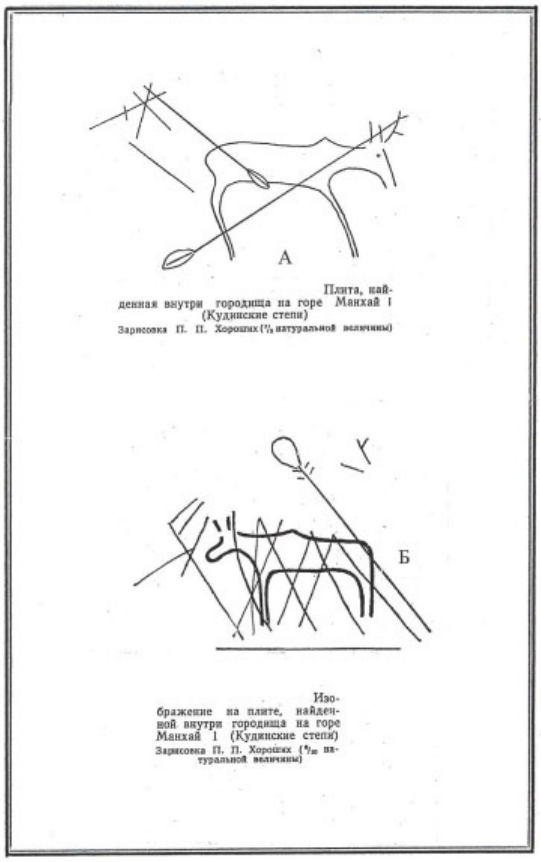

Рис. 2. Пленение лося (наскальные рисунки)

доуздку, ношению вьюков и перевозке на спине человека. Так, писанца (рис. 3 А), высеченная на известковой скале реки Оки – левого притока Ангары, в 6 км выше Большеокинских порогов, отнесенная к раннему железному веку и зарисованная в 1988 году А.Пласковицким [2], показывает молодого лося-самца, стоящего на узде. При этом лось дергается, пытаясь скинуть или порвать узду.

Рисунок 3 Б, выполненный П.П. Хороших в 1948 году с писанцы, высеченной на скале правого берега реки Лены в местности «Шишкинская шаманка» в 18 км ниже поселка Качуг, демонстрирует спокойно стоящего на узде взрослого самца-лося.

Другой рисунок – 3 В, выполненный в 1912 году художником Д.И. Кузнецовым с писанцы, высеченной на каменной плите у скалы Ялбак-таш, находящейся на правом берегу реки Чуи между поселками Чибит и Ядро и отнесенной к группе скифо-сибирских звериных изображений, дает нам представление об использовании в лосеводстве недоуздков.

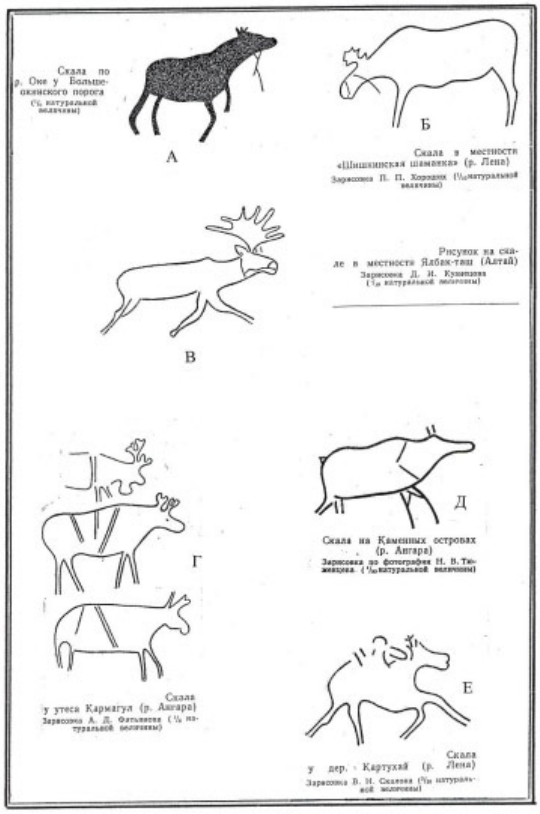

Рис. 3. Приручение лосей к работе с человеком (наскальные рисунки)

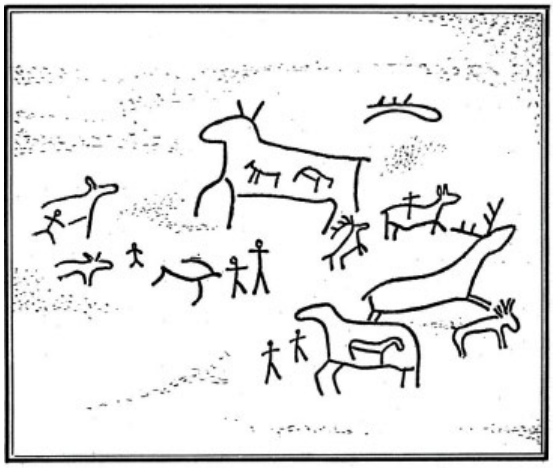

Рис. 4. Стадо одомашниваемых лосей (наскальный рисунок)

На писанце (рис. 3 Г), зарисованной в 1935 году А.Д. Фатьяновым и отнесенной А.П. Окладниковым к бронзовому веку, даны варианты крепления вьючных ремней на лосе. Вырисованы рога, имеющие стадию пантов. Это важная деталь, так как в это время самцы, оберегая панты, более осторожны и, при приучении их к различного рода поклажам, реагируют на это более сдержанно. Данная писанца обнаружена на правом берегу реки Ангары выше деревни Каменка на утесе Кармогул.

Писанца (рис. 3 Д) на Каменных островах реки Ангары в 12 км ниже деревни Егоровой, обнаруженная и сфотографированная в 1938 году Н.В. Тюменцевым, относится к концу новокаменного века или к крайней бронзе. Здесь изображена лосиха с ошейником. Угол на ошейнике может говорить только о том, что далее должна следовать веревка, выполняющая функцию повода для удержания лося или, что маловероятно, роль буксировочного троса для перемещения по земле грузов.

И последним в этой серии идет рисунок В.Н. Скалона (рис. 3 Е), выполненный по писанце, найденной на правом берегу реки Лены вблизи деревни Картухай в 30-ти км ниже поселка Качуг. Эту писанцу можно расценивать как изображение процесса объезживания молодого самца-лося. Это подтверждается тем, что в отличие от других рисунков здесь проглядывает явная напряженность в позе всадника, мелкие рога, указывающие на молодость животного и то, что, судя по расположению передних ног и приподнятости головы, животное скачет нервным галопом.

Завершающим весь этот цикл рисунком можно считать зарисовку И.Т. Савенкова [3] с изображений, высеченных на скале вблизи улуса Майдаши на берегу реки Енисея и относящихся, по-видимому, к древнетюрским. На писанце (рис. 4) показано стадо разнополых и разновозрастных прирученных лосей, спокойно пасущихся среди людей. На одном лосе, надо полагать, верховой пастух. Слева, судя по позе лосихи и положению человека, идет доение животного. Две лосихи беременны. Одна – одинцом, другая – двойней. Среди лосей три изображения существенно отличаются от остальных. В центре, судя по рогам и размерам животного, – коза. Правее, похоже, мелкий олень, имеющий рога, сильно откинутые назад, с другим, в отличие от лосиных, расположением отростков. В нижнем правом углу мелкое животное, имеющее гриву. Быть может, это жеребенок, хотя грива есть и у подросших лосят. Стадо одомашниваемых лосей с пастухами выбито также среди Шалаболинских (Тесинских) наскальных изображений, описанных К.В. Вяткиной [1]. В более поздние периоды данных о лосеводстве нет, возможно, в связи с тем, что оно не выдержало конкуренции с другими домашними животными.

Библиографический список

1. *Вяткина К.В.* Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения. // Муз. антропол. и этногр. – XII. – Табл. LVI – 25. – 1949. – С. 449.

2. *Пласковицкий А.* Кадинская писаница // Изв. Вост.-Сибирск. отд. геогр. об-ва. – 1988. – Т. XIX. – № 2. – С. 28–29.

3. *Савенков И.Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на р. Енисее // Тр. XIV Археол. съезда в Чернигове. – 1910. – Т. 1.

4. *Хороших П.П.* Изображения на скале Яблак-таш // Кр. сообщ. ин-та истории матер. культуры АН СССР. – 1949. – Вып. XXV. – С. 134.

УДК 791.43

Стогниенко Александр Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
le_shevalier@mail.ru

ЦВЕТ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИЛЬМА АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО «СТАЛКЕР»

Цвет в кинематографе обычно несет самостоятельную эстетическую нагрузку. Для Тарковского в «Сталкере» цвет лишь фактура и сопровождение к действиям и отношениям персонажей. Основная цель работы – попытка определить значение цвета для Тарковского и установить роль цвета для разграничения разорванного пространства кинофильма.

Ключевые слова: *Тарковский, «Сталкер», цвет, художественное пространство, метафизика.*

Не всегда обязательно,
чтобы истинное телесно воплотилось;
достаточно уже, если его дух веет окрест
и производит согласие,
если оно как колокольный звон
с важной дружественностью
колышется в воздухе.
И.В. Гёте [2, с. 466]

Несмотря на достаточно длительное изучение понятия и сущности цвета, наука так и не пришла к единому пониманию данного явления. Между тем не вызывает сомнения, что цвет как одна из сущностных характеристик произведения искусства не может быть определен только как явление физического мира. По мнению Гёте, «цвет... оказывает известное действие на чувство зрения… а через него и на душевное настроение... Поэтому взятый как элемент искусства, цвет может быть использован для содействия высшим эстетическим чувствам» [1, с. 758]. Цвет, несомненно, является одной из важнейших характеристик большей части произведений искусства, в том числе кинематографа.

Наиболее показательным кинофильмом Тарковского, содержащим идею дифференциации пространства в зависимости от цвета, является

© Стогниенко А.Ю., 2011

«Сталкер». В настоящей статье мы касаемся не цветовых решений отдельного кадра и фильма в целом, а лишь характеристик разного рода кинопленок, позволяющих передавать либо черно-белую, либо цветную гамму. Нашей основной целью является осмысление того, *как* режиссером используются сочетания цветных и черно-белых кадров и как цветовое решение его картин представлено в исследовательских работах Туровской, Сильвестрони и др.

Расчлененный на пространство-реальность, пространство-зоны и пространство-сна, внешне разломанный на куски мир представляется внутренне единым и целостным, объединенным духовной силой главного героя, его искупительным страданием. Этот мир единое, но не физическое, духовное пространство. Применение различных типов кинопленок позволяет режиссеру разграничить виды пространств в фильме, акцентировать внимание зрителя на отдельных, наиболее значимых аспектах того или иного действия.

Подобно опыту, который столь значим для агностика Тарковского, отмечающего, что «для человеческого духовного опыта важно и то, что произошло с ним вчера, и то, что произошло с человечеством столетие назад…» [7, с. 313], внешне разорванное пространство внутренне неразделимо в душе человека, объединяющего реальность и сны в единство, различимое только по внешним качествам, цвету и звуку.

Отношение «раннего» Тарковского к цветному кино было в большей степени негативным. И «Иваново детство», и «Андрей Рублёв» были черно-белыми лентами, что обусловлено не только дефицитом цветной кинопленки. Лауреат Венецианского кинофестиваля, Тарковский, несмотря на все трудности с запуском «Андрея Рублёва», мог рассчитывать на получение достаточного количества необходимого материала, но в итоге цветным оказалась только современная съемка дошедших до нас работ Андрея Рублёва. «Цветное кино, – по словам Тарковского, – идея, берущая свои эстетические принципы у живописи и цветной фотографии... Все слишком красиво и слишком непохоже на жизнь. В черно-белом фильме у зрителя не возникает посторонних ощущений, он смотрит фильм, и цвет не отвлекает его от действия» [4, с. 205].

Еще одной причиной отказа от цветной кинопленки можно назвать историчность описываемых в фильме событий. Вся кинохроника периода Второй мировой войны была черно-белой. Фильм о войне, снятый на цветную кинопленку, был бы «слишком непохожим на жизнь», на те обстоятельства, в которых происходит действие фильма, если сопоставить это действие с реальностью. То же самое можно сказать и об «Андрее Рублёве»: противоречивая и жестокая эпоха не могла предстать в цвете, слишком искусственными были бы краски и внешняя красота пространства. Внутренний мир героев, «выплеснутый» наружу, был бы оттенен внешним пространством, и только дошедшие до нас работы Рублева могли предстать перед зрителем гармонией цвета.

В одном интервью, которое Андрей Тарковский дал после окончания съемок фильма «Андрей Рублёв», он говорил, что «в черно-белом кинофильме сразу же возникает ощущение, что внимание сосредоточено на основном. На экране цвет действует в обязательном порядке, а в жизни только в отдельных моментах, поэтому нельзя все время обращать на него внимание зрителей. Отдельные детали могут быть цветными, если это соответствует состоянию человека на экране» [4, с. 205].

Впоследствии появились цветные работы режиссера, но в них цвет так и не стал чем-то обыденным, обязательным – веянием и завоеванием прогресса, переходом от черно-белой к цветной кинопленке. Черно-белые кадры, которые были включены во все фильмы Тарковского, выражали самое сокровенное для героев Тарковского, передавая внутренний мир, недоступный цветному восприятию.

Нельзя не обратить внимания на особое отношение Тарковского к цвету как художественному приему. В «Сталкере» лишь отдельные эпизоды приобретают цвет либо отдельные оттенки цвета. Фильм полностью лишен «буйства красок».

По словам Тарковского, цвет «позволяет сделать как можно более достоверным особенности именно этого, данного момента, его дыхание, то, что можно назвать психологическим состоянием природы... Добиться предельно точной аналогии с конкретным, неповторимым жизненным впечатлением...» [6, с. 151]. Цвет вне Зоны попросту был бы лишним, возможно, даже слишком навязчивым и вызывающим. Люди, их эмоции, отношения – только это интересует Тарковского до прибытия героев в Зону. И для самих героев цвет вне Зоны не существует: «Ведь в жизни человек не замечает цвета... Вокруг нас бездна цве-

товых оттенков, но, даже глядя на них, мы их чаще всего не видим, потому что они нам – как – не нужны. Когда цвет, именно цвет, становится практически важным для данного момента – наш глаз и наше сознание его фиксируют... Когда мы встречаемся с каким-то непривычным, невиданным, экзотическим объектом, то цвет непременно бросается в глаза» [6, с. 147–148]. Для героев, их внутреннего мира прибытие в новое, столь желанное место (а для Сталкера возвращение в свой «маленький рай») выражается в том числе в нахлынувший цветовой гамме. Сталкер говорит, что в «Зоне совсем нет людей», она лишена их губительного влияния, доминирует насыщенный зеленый цвет – цвет живой нетронутой природы. Переход от черно-белого к цветному кадру происходит мгновенно, герои в некотором смысле вновь прозревают, открывают для себя старый мир.

Но Тарковский не позволяет цвету нести самостоятельную эстетическую нагрузку. «Эстетическая нагрузка – на действии, на отношениях персонажей, на их непосредственных эмоциональных проявлениях, на фактической среде, которая их окружает, на определенном состоянии природы. Цвет должен этому подчиняться и служить... Цвет должен сделать изображаемое более ощутимым, я бы сказал – осязаемым. Я подхожу к цвету как элементу фактуры... И именно цвет становится великолепным средством выявления фактуры, ее расшифровки, доведения ее до полной обязательности» [6, с. 149–150]. Если первые шаги героев в Зоне сопровождаются яркими цветами внешнего мира, то по мере их приближения к своей цели цвета становятся более приглушенными и «у комнаты» практически исчезают. После возвращения из Зоны цвет вновь пропадает и вспыхивает лишь на желтом платке дочки Сталкера в сцене со стаканом, потому что дочь Сталкера и жертва Зоны, и та часть «божественного», которая вышла за ее пределы.

Цвет как основополагающая характеристика пространства был включен в инструментарий Тарковского, став еще одним средством для выражения внутреннего мира героев его лент. Цвет стал разделительной полосой между пространством-реалией и пространством-сном, пространством-обыденностью и пространством-идеалом. Цвет явился «чертой» между истинным и ложным, живым и мертвым, выразил тот мистицизм, который был скрыт в работах Тарковского.

Изначально Тарковский искал место для съемок «Сталкера» в Средней Азии, где-то под Исфарой. О месте съемок А.Гордон писал, что «особенно примечательны были гряды так называемых красных гор. На ярком солнце, горы были белесовато-красные, солнце выжигало цветные оттенки, но в пасмурную погоду вся эта горная громада с ущельями выглядела пустынным, мрачным, совершенно марсианским пейзажем [3, с. 256]. Изначальное видение Тарковским пространства «Сталкера» было совершенно чуждым земному пониманию – космическим, внеземным, мотивированным и понятным только «мистику Тарковскому».

Представленное в фильме оказалось диаметрально противоположным первоначальному замыслу. Из инопланетного красного, грубого и безжизненного пейзажа Тарковский перенес действие в европейскую среду, нисколько не ассоциирующуюся с чем-то таинственным и неизведанным. Итальянский исследователь творчества Тарковского Сильвестрони, пишет, что «даже эта суровая северная природа открывает очарование, красоту и вибрацию жизни герою, у которого открыты глаза и уши» [5, с. 110]. Тайна и сущность Зоны были вырваны из пространства реального. Все внеземное и непостижимое трансформировалось во внутренние переживания героев. Именно поэтому мы не видим ничего фантастического, необычного. Пейзаж, руины здания и главные герои существуют в двух пространствах: реальности и внутреннего мира, отражающих сущность бытия. Это простое и аскетичное решение позволяет открыть вселенную, заключенную в человеке.

Тарковский в своей книге напишет, что ему «было очень важно, чтобы сценарий фильма отвечал трем требованиям единства: времени, пространства и места действия» [7, с. 324]. Это высказывание свидетельствует, что замысел режиссера (вне зависимости от всех трудностей) не претерпел значительных изменений, потому иное место съемок не привело к утрате сущностных характеристик фильма.

В то же время, проводя аналогию с предыдущими работами Тарковского, нельзя не отметить, что произошли значительные изменения в понимании им сущности пространства, времени и места. Зона – исключительно родовое понятие, ничем не привязанное к конкретному месту или временному промежутку, в отличие, например,

от станции в «Солярисе» или России 1970-х в «Зеркале». Пространство повседневного мира перестает быть значимым для Тарковского, пространство-реальность и пространство-идеал теряют признаки места и времени, сохраняясь в характеристике цвета. Туровская пишет, что «мир "Сталкера" приведен в такой степени единства и напряженности, что он почти перестает быть "внешним миром" и предстает как "пейзаж души после исповеди"» [8, с. 129].

Невозможно также не отметить замкнутость пространства «Сталкера». Герои заканчивают свой путь там же, где они его и начали. Действие развивается по спирали. Путь самопознания завершается и приводит героев к исходной точке в пространстве, нивелируя тем самым реальный мир, но меняя в корне сущность и понимания собственного «я» у героев фильма.

Переработанный Тарковским Сталкер почти ничем не напоминает Сталкера Стругацких. Герой из искателя сокровищ превращается почти в апостола, ведущего заблудшие души, которые сложно даже назвать людьми. Вселенная Сталкера – это и вселенная Тарковского. По признанию режиссера, «в Сталкере я вижу лучшее, что есть во мне, самую тайную часть моей личности... я мучительно переживаю его конфликт с действительностью, которая так легко его ранит» [5, с. 118].

«Сталкер» Тарковского является универсальной историей о поиске истины внутри самого себя. Тарковский отбрасывает все внешнее, оставляя лишь замкнутое пространство, в котором герои обращаются к самой сущности бытия. В этом замкнутом мире второстепенное и незаметное в обыденности становится определяющей сущностной категорией. Слияние мира реальности и мира иллюзий позволяет разграничить их лишь условно, с помощью разного типа кинопленки. Но это едва ли единственная функция цвета в данном фильме. Использование черно-белой кинопленки «гасит» все внешнее и обнажает внутреннее состояние героев, показывает иллюзорность того материального, что определяло их в «прошлой жизни». Цвет, используемый в ограниченном объеме, не несет самостоятельного значения, лишь придавая фактуру пространству Зоны, дифференцируя его от «мертвого» пространства обыденного мира. Использование цвета позволяет выстроить уникальный замкнутый мир Зоны, отчужденный от внешнего мира, дистанцируемый не расстоянием пройденного пути героями, но перенося его в особое «неземное» измерение со своими внутренними законами и своей внутренней пространственной сущностью, столь непохожей на внешний мир.

Библиографический список

1. *Гёте И.* Избранные сочинения по естествознанию. – М., 1957.

2. *Гёте И.* Максимы и рефлексии. – М., 1964.

3. *Гордон А.* Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском. – М.: Вагриус, 2007.

4. Ностальгия. Андрей Тарковский / Под ред. П.Д. Волковой. – М.:АСТ: ХРАНИТЕЛЬ: Зебра Е., 2008.

5. *Сильвестрони С.* Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура / Пер. с ит. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009.

6. *Тарковский А.А.* Беседа о цвете // Киноведческие записки. – 1988. – №1.

7. *Тарковский А.А.* Запечатленное время. – М.: ЭКСМО, 2002.

8. *Туровская М.И.* Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. – М.: Искусство, 1991.

ИСТОРИЯ

УДК 371

Белова Н.А.
ИЭА РАН

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКИХ УЧИТЕЛЕЙ

В статье исследуется повседневная жизнь советских провинциальных учителей на основе их воспоминаний. Автором анализируются изменения внешнего облика, манер и уровня их жизни.

Ключевые слова: *учителя, воспоминания, внешний облик, манеры, уровень жизни.*

Важным источником изучения повседневной жизни советских учителей являются воспоминания. По свидетельству известного историка М.Н. Покровского, «в особенности ценными являются всякого рода воспоминания, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту, когда документ возник» [1, с. 559]. В данной статье ставится задачей изучение на основе воспоминаний внешнего облика, включающего одежду, прическу, манеры; условий жизни учителей; бюджета их времени.

Нами была разработана анкета, в которой содержалось 38 вопросов, среди которых, например, такие:

– Расскажите о своей первой учительнице (рассказать также о любимой учительнице): одежда, внешность, прическа, манеры.

– На что тратилась основная часть дня (времени) – работа, домашняя работа (стояние в очередях, готовка, мытье, уборка), досуг, общение с коллегами, воспитание детей и т.п.?

– Где Вы жили (описать подробно помещение, удобства, был ли отдельный стол, кровать)? Что ежедневно ели? Что ели только по праздникам?

Автором статьи в течение 2010 года было взято 50 интервью по определенной схеме с вопросами. Опрашивались не только учителя, но и люди других профессий, которые вспоминали о своих учителях. Нами были опрошены люди, оставившие воспоминания об учителях, работавших как в городе, так и в сельской местности. Автор привлекает также воспоминания современников о своих учителях.

Воспоминания о внешности учителей дают возможность воссоздать облик советского учительства и проследить его изменения.

Источники содержит следующие воспоминания учеников о своих первых учителях:

– *Учитель, 1920 г.:* «Молодая, среднего роста женщина. В темном платье с белым воротником, стрижка типа “Каре”, аккуратно уложенная» [2, л. 1].

– *Учитель, 1930 г.*: «Темного цвета одежда, юбка и кофта. Волосы убраны в пучок» [3, л. 1].

– *Учитель, 1940 г.*: «Это была среднего роста женщина, с короткой стрижкой, но волосы всегда были аккуратно уложены. Одевалась скромно: темную юбку с легкой кофтой, наверх накидывала теплый вязаный жакет» [4, л. 1].

– *Учитель, 1944 г.*: «Образ моей первой учительницы: волосы зачесаны в узелок; одевалась всегда скромно, темного цвета сарафан или юбка с жилеткой, обязательно белая блузка. Ласковая, никогда не кричала, вежливая и очень интеллигентная, я бы сказала благородная» [5, л. 1].

– *Учитель, 1947 г.*: «Моей учительницей была Мария Андреевна – женщина белолицая, низкорослая, почти не отличающаяся от девочек 4-го класса. Одевалась Мария Андреевна очень просто, как деревенские девчонки» [6, л. 1].

– *Учитель, 1950 г.*: «3–4 платья или костюма (шили чаще в ателье), одни сапоги, 2–3 пары туфель на разные сезоны. Одежда, обувь, конечно же, менялись: короткие юбки, платья, затем совсем длинные, потом средние. Старалась, конечно, одеваться по моде, но не увлекалась сильно. Причёску не сильно меняла, т.к. волосы длинные. Брюки были, но в школе учителя начали ходить в брюках только в 90-е годы» [7, л. 5].

© Белова Н.А., 2011

– *Учитель, 1964 г.*: «Носила прическу, волосы светло-русые, слегка подкрашенные. Очки. Одежда скромная, неяркая юбка с жилеткой или сарафан с белой блузкой. Манеры ее были благородными, сама интеллигентная и никогда не повышала голос» [8, л. 1].

– *Учитель, 1970 г.*: «Это была настолько эффектная женщина, яркая, эмоциональная, с красивой прической, всегда при макияже, с улыбкой на лице, очень красиво одетая, ну просто "луч света в темном царстве" одинаковых учительниц в серых советских сарафанах» [9, л. 1].

– *Учитель, 1970 г.*: «Альбина Федоровна Кузнецова. Одежда, внешность, прически соответствовали представлениям о школе 70-х: короткая стрижка, практически отсутствовал макияж (слегка подкрашивала губы в цвет естественный), коричневый костюм и меняющиеся однотонные блузки, обязательно юбка (брюки в то время учителя не носили)» [10, л. 1].

Таким образом, мы видим, что в 1930–1940-е гг. облик учителей не менялся: темная юбка, светлая блуза и в холодное время вязаный жакет, но уже в начале 1950-х гг. в городах учителя могли себе позволить не одно, а 3–4 платья или костюма, 4–5 пар обуви, включавшие не только сапоги и валенки, но и 2–3 пары туфель на разные сезоны. И хотя по-прежнему одеждой пытались оказывать воспитательное влияние на учеников, тем не менее, старались одеваться по моде. Интересным аспектом эволюции одежды учителей было и то, что женщины-учителя брюки стали носить на рубеже 1980–1990-х гг.

Определенные изменения во внешности учителей происходит в 1960–1970-е гг.: если в начале 1960-х учителя, и то далеко не все, позволяли себе лишь слегка подкрашивать волосы, то в начале 1970-х гг. краска для волос и макияж стали нормой жизни. Практически все учителя пользовались губной помадой.

Следующим аспектом, проанализированным нами, являются манеры и поведение учителей. В рассмотрении данного вопроса многие из респондентов сходились на том, что учителя всегда были интеллигентными, редко повышали голос, но в то же время строгими и требовательными.

Вот характерные манеры сельского учителя 1920-е гг.:

– «Петров Филипп Игнатьевич был образцовым сельским жителем и простым, доброжелательным человеком. В мои школьные годы на учителя смотрели как на Бога, потому что его считали образцом духовного и внешнего облика. В те времена учитель был на высоте! О нем не думали плохо, а тем более, не обсуждали, т.к. он не был замечен в порочных деяниях» [11, л. 1].

– «Вихарёва Ангелина Константиновна. Это был знающий, требовательный учитель, умеющий донести знания до каждого ученика. Всегда аккуратная, дисциплинированная, строгая, её ценили за справедливость, уважительное отношение к предмету, который она преподавала» [12, л. 1].

– «Орлова Мария Васильевна очень тонко чувствовала нас, подростков, и направляла нашу рвущуюся энергию в нужное русло. Перед учениками была искренна, скромна, выдержанна, предупредительна, была подчеркнуто требовательна к себе и к окружающим. В классе не только учитель смотрит на ученика и составляет о нем мнение, но и ученик смотрит на дела и жесты учителя и тоже как-то по-своему оценивает их. Образ учителя – это, прежде всего, образ человека. Если он в главном соответствует идеалу, то остальное как бы не замечается» [13, л. 1].

– «Отличительными чертами ее являлись: постоянное самосовершенствование, самокритичность, эрудиция и высокая культура труда. Ведь профессиональный рост учителя невозможен без самообразовательной потребности, для учителя очень важно никогда не останавливаться на достигнутом, а обязательно идти вперед, ведь труд преподавателя – это великолепный источник для безграничного творчества» [14, л. 1].

Таким образом, учителя всегда стремились быть примером и образцом для своих учеников. Элементами повседневного педагогического стиля были дисциплинированность, уважительное отношение к изучаемому предмету, справедливость в оценке знаний учеников, требовательность к себе. В более позднее время ученики также подмечали стремление учителей к самосовершенствованию и, как следствие, к постоянному самообразованию, желание не останавливаться на достигнутом. Отмечались также эрудиция и высокая культура труда наиболее запомнившихся педагогов.

Еще одним аспектом являются условия жизни школьных педагогов. Вопрос, который мы задавали, звучал так: «Где Вы жили (описать подробно помещение, удобства)? Что входило в ежедневный рацион питания? Что ели только по праздникам?»

Из воспоминаний о 1920-х годах жалоб на тяжелый уровень жизни не было. Учителя того времени не хотели говорить что-либо плохое, относясь к своей профессии с энтузиазмом. Но, несмотря на этот факт, нам удалось найти школьную частушку, которая рельефно демонстрирует положение учительства:

Я учитель деревенский,
Строю жизнь я новую,
Только мне дают зарплату,
Больно уж хреновую [15, с. 30]

Среди воспоминаний приводятся следующие данные, характерные для десятилетий:

– *Учитель*, 1930 г.: «Учительница наша была не местная. Приехала в Никольскую школу издалека, вроде бы с севера. В сельсовете дали ей комнату для житья, но у нее кроме своих носильных вещей ничего не было. В те годы в Никольском была небольшая амбулатория, но не было психиатрической больницы. В этой "больничке" трудилась также молоденькая врачиха. Девушки объединились и стали жить вместе в комнате при больнице» [16, л. 1].

– *Учитель*, 1940 г.: «Учительница наша жила в отдельной квартире, недалеко от школы. У нее был муж и двое детей» [17, л. 1].

– *Учитель*, 1950 г.: «Я знал, что жила учительница в другой деревне, и видел, как зимой она часто возвращалась домой на лыжах, прямо от школы в поле и через лес» [18, л. 1].

– *Учитель,* 1950-е гг.: «Зарплата учителя была невелика. Я при должности директора получал 115 рублей. Жить на эти деньги было можно... Вот роскоши не было. Льгот никаких не получал. Жил в маленькой квартире, но не жаловался, в ней себя чувствовал уютно. В семье трудно приходилось с тем, чтобы достать одежду и продукты, но хлеб в доме всегда был. Понятие "учитель" или чаще "училка" давалось и произносилось с уважением. Людям этого круга все стремились помочь всем, что возможно. Чаще всего эта помощь была просто необходимой. Жители приносили домашнюю утварь, мебель, помогали с продуктами питания. Причем делалось это не на показ, чаще всего что-то просто приносилось и оставлялось под дверью» [19, л. 3].

По этим свидетельствам можно сделать вывод о том, что жизнь учителей в 1920–1950 гг. была очень скромной, особых излишеств не было, а средств едва хватало на самое необходимое. В этот период достаточно отчетливо выделяется разделение учителей по поселенческому принципу. На селе учителя получали заработную плату, в отличие от крестьян-колхозников, которые работали за трудовые дни. Именно поэтому у учителей часто занимали деньги в долг и, как следствие, часто деньги не возвращали. К концу 1950-х гг. начинается постепенное повышение жизненного уровня учителей: лучше становятся жилищные условия, питание и одежда.

– *Учитель*, 1960 г.: «Жили в однокомнатной квартире со всеми удобствами, питались всем, что требовалось для растущего организма ребенка: мясом, фруктами, овощами. Одевались скромно, изредка посещали кино, театры. Могли ездить отдыхать на море, но приходилось экономить» [20, л. 5].

– *Учитель,* 1970 г.: «В Костроме с 1973 по 1981 г. жила в студенческом общежитии с семьей в комнате 18 м^2, как и очень многие мои коллеги. В 1981 г. квартиру получил муж. Зарплаты на жизнь хватало, т.к. цены не менялись, за коммунальные услуги платили немного, поэтому можно было что-то отложить и накопить на одежду или мебель. В общежитии удобств, конечно, не было: кухня, прачечная в другом конце коридора, горячей воды не было, в прачечной был электротитан. Большого разнообразия еды не было, но пища была здоровой. На праздники берегли колбасу (чаще её привозили из Москвы)» [21, л. 2].

– *Учитель*, 1970 г.: «Моей зарплаты хватало только на самое необходимое. Я жила в трехкомнатной "хрущевке" вместе с моими родителями» [22, л. 3].

– *Учитель, 1970 г.*: «В 1971 году началась семейная жизнь. Жилищные условия не радовали: не было квартиры, жили в старом доме. В 1974 году мужу дали квартиру, в 4-х км от школы. Часто приходилось ходить пешком, потому что дороги не были благоустроены. Но проблемы постепенно решались: на дороге положили асфальт, начали регулярно ходить автобусы. Через некоторое время появился школьный автобус» [23, л. 2].

– *Учитель,* 1980 г.: «Проблем было много: у нас не было собственного жилья, и поэтому мы жили с родителями мужа, а затем на съемной квартире. Трудно было купить хорошую книгу, но мы имели возможность пользоваться услугами библиотек. Хотелось красиво одеваться, хорошие вещи трудно было достать. Но в то время все проблемы казались вполне разрешимыми» [24, л. 4].

– *Учитель,* сер. 1970 – нач. 1980-е гг.: «Для того чтобы побаловать свою семью, приходилось крутиться как белке в колесе» [25, л. 2].

В 1960–1970-е гг. видны изменения в условиях жизни учителей, нарастание определенной неудовлетворенности в своей повседневной жизни. В первую очередь это видно из воспоминаний учителей, которые получали временное жилье, расположенное не близко от школы.

Хотя уровень жизни был невысок, люди выражали определенную удовлетворенность условиями жизни, так как, несмотря на небольшую заработную плату, учителя посещали театры, кино и даже ездили на море отдыхать. Тем не менее, большинство испытывало желание совершенствоваться в профессии, кроме того, в обязанности учителя входили не только подготовка к урокам и занятия в школе.

Таким образом, при анализе воспоминаний выявляются те важные штрихи жизни людей, которые не фиксируют другие источники: внешний вид, манеры, восприятие учениками своих учителей. Все это позволяет увидеть человеческую составляющую труда учителей в 20–80 гг. XX века.

Библиографический список

1. *Покровский М.Н.* Избранные произведения. Кн. 4. – М., 1967.

2. Белов М.Н., 1923 год рождения, с. Петушки, Владимирской области // Архив автора. Запись 7.08.1996, Кострома.

3. Морозова Капитолина Ивановна, 1927 г.р., г. Плес Ивановской области // Архив автора. Запись 22.12.2010, Кострома.

4. Белова Варвара Ивановна, 1931 г.р., г. Нерехта Костромской области // Архив автора. Запись 6.01.2011, Кострома.

5. Кожина Людмила Тимофеевна, 1937 г.р., с. Ужовка Нижегородской области // Архив автора. Запись 5.01.2011, Кострома.

6. Шистеров Александр Николаевич, 1940 г.р., д. Малая Каменка Пыщугского района Костромской области // Архив автора. Запись 15.10.2009, Кострома.

7. Карагодина Людмила Николаевна, 1941 г.р., г. Макарьев Костромской области // Архив автора. Запись 13.11.2009, Кострома.

8. Белова Татьяна Валентиновна, 1957 г.р., г. Кострома Костромской области // Архив автора. Запись 5.01.2011, Кострома.

9. Смирнова Марина Кесаревна, 1966 г.р., г. Кострома // Архив автора. Запись 20.11.2010, Кострома.

10. Жохова Татьяна Валерьевна, I960 г.р., г. Кострома // Архив автора. Запись 3.10.2010, Кострома.

11. Леонтьев Сергей Семенович, 1924 г.р., с. Боговарово Костромской области // Архив автора. Запись 15.12.2009, Кострома.

12. Перминова Таисья Алексеевна, 1946 г.р., д. Корково Павинского района Костромской области // Архив автора. Запись 7.11.2010, Кострома.

13. Шистеров А.Н. Там же.

14. Рубцова Людмила Михайловна, 1942 г.р., г. Галич Костромской области // Архив автора. Запись 4.04.2010, Кострома.

15. *Глаголев П.* Учительский вечер // Народный учитель. – 1926. – №5.

13. Низов Александр Иванович, 1922 г.р., д. Пёсиково Костромского района Костромской области // Архив автора. Запись 4.05.2009, Кострома.

17. Белова В.И. Там же.

18. Шистеров А.Н. Там же.

19. Низов А.И. Там же.

20. Рубцова Л.М. Там же.

21. Карагодина Л.Н. Там же.

22. Шокшина Н.Д. Там же.

23. Павлова Нина Порфильевна, 1947 г.р., с. Юрово Макарьевского района Костромской области // Архив автора. Запись 19.11.2009, Кострома.

24. Ячменёва Ольга Леонидовна, 1961 г.р., п. Судиславль Костромской области // Архив автора. Запись 20.12.2009, Кострома.

25. Смирнова Александра Сергеевна, 1955 г.р. п. Судиславль Костромской области // Архив автора. Запись 13.11.2009, Кострома.

УДК 372.8

Горохова Ольга Вячеславовна
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)
o.gorohova@gmail.com

КАБИНЕТ ДЛЯ ЧТЕНИЯ «12 ЯНВАРЯ»

Статья посвящена открытию 150 лет назад в Костромском дворянском собрании первой в Костроме общественной библиотеки в честь 105-летия открытия Московского университета.

Ключевые слова: *Кострома, общественная библиотека, правила общественной библиотеки, читатели, книги.*

Автор путеводителя «Волга от Твери до Астрахани» Николай Петрович Боголюбов (1821–1898) в 1862 году сообщал о Костроме: «В городе есть публичная библиотека, носящая название Библиотеки 12-го Января, потому что основание ей положено в память дня учреждения Московского Университета 12-го Января 1755 года. В ней выписывается до 40 журналов и газет» [1, с. 130].

Как читальный зал Кабинет для чтения «12 Января» был открыт в Дворянском собрании 6 апреля 1861 года по инициативе костромских выпускников и студентов Императорского Московского университета в честь его 105-летия на сборы от подписки и нескольких благотворительных спектаклей, концертов и литературных вечеров (всего 1821 рубль 85 копеек), книжные пожертвования товарища председателя Костромского окружного суда (1860) Николая Петровича Баллина (1829–1904), директора народных училищ Костромской губернии (1819–1833) Юрия Никитича Бартенева (1792–1866) (390 томов), предводителя дворянства Юрьевецкого (1852–1854) и Костромского (1857–1865) уездов Егора Антоновича Голостенова (1809–?), вице-губернатора (1862–1867) Петра Фёдоровича Исеева (1831 – не ранее 1913), председателя Чухломской уездной земской управы (1865–1883) и предводителя дворянства Чухломского уезда (1869–1883) Николая Ивановича Катенина (1818–1883), заседателя Костромского уездного суда Сергея Николаевича Кудрина, председателя костромской Казенной палаты Асинкрита Ивановича Ломачевского и других (всего примерно 1000 томов книг и 38 названий периодических изданий) [10, с. 302], а также кредит на сумму 200 рублей у санкт-петербургского книгопродавца Дмитрия Ефимовича Кожанчикова, которому было заказано книг и журналов на сумму 600 рублей [6, с. 33].

Свои сочинения в дар Кабинету прислали некие «Фабр, Княжевич и Воскресенский» [6, с. 33], которыми являлись, возможно, историк Андрей Яковлевич Фабр (1791–1863), публицист Владислав Максимович Княжевич (1798–1873) и беллетрист Михаил Ильич Воскресенский (ум. 1867).

Цель Кабинета для чтения «12 Января» его учредителями была определена как «нравственная польза, а не коммерция» [6, с. 33], поэтому плата за пользование Кабинетом в зависимости от доходов читателей колебалась от 10 рублей до 5 копеек, и с 6 апреля 1861 года по 6 января 1862 года его посетили 3931 человек, которые прочитали 4742 изданий, наиболее востребованными из которых являлись «Собрание иностранных романов» и периодические издания, а из них такие журналы, как «Современник», «Искра», «Русский вестник», «Время», «Отечественные записки», «Иллюстрация», «Библиотека для чтения» и «Вокруг света», и такие газеты, как «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела» [6, с. 34].

По мере увеличения книжного фонда с января 1862 года за годовой абонемент в 6 рублей, полугодовой 3 рубля 50 копеек и месячный 60 копеек Кабинет для чтения «12 Января» начал выдавать литературу на дом, причем малоимущим гражданам и учащимся в оплате предоставлялась рассрочка [5, с. 271].

В 1864 году плата за пользование книгами составила 113 рублей 50 копеек, а долги Кабинета – 260 рублей, потому его распорядитель, секретарь губернского предводителя дворянства Павел Ефимович Лаговский (1828–?) [3, л. 25], был вынужден признать, что «без фонда, без материального пособия, без определенных правил кабинет долго не просуществует» и его ожидает «общая участь всего, что задумывается для блага и пользы ближних» [9, с. 18].

© Горохова О.В., 2011

«Когда я вспоминаю Костромскую библиотеку, помещающуюся в пустых и невзрачных поднебесных комнатах, с некрасивыми шкапиками, с наваленными в них грудами книг, без малейших следов внимания к комфорту читателей, мне понятно, почему Вологодская публичная библиотека оставила ее далеко за собой» [12, с. 290], – не без сожаления констатировал вологодский уроженец и редактор неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» (1864–1866) Фёдор Иванович Дозе (1831–1879).

В 1865 году Лаговский же был автором «проекта о соединении Кабинета с клубной библиотекой [т.е. сословного Дворянского клуба (1826–1918). – *О.Г.*] без потери общественного значения», но с платой за чтение в библиотеке (5 копеек в день, для членов клуба бесплатно) и дома (3 рубля в год для членов клуба и 6 рублей в год с залогом от 3 до 5 рублей для остальных) [9, с. 19].

Эти изменения, вероятно, отразились на росте почтовой подписки. Секретарь Костромского губернского статистического комитета Алексей Степанович Лебедев (1825–1896) [3, л. 3 об.4] в «Костромских губернских ведомостях» извещал о том, что в Костроме в 1867 году «по сравнению с 1864 г. число газет и журналов увеличилось на 600 экз.» [8, с. 364]. Для справки: по переписи 1867 года в Костроме проживало 14863 мужчин и 13594 женщин, грамотными из которых было 7307 мужчин и 4090 женщин [10, с. 346].

Феномен общественной библиотеки в Костроме, одним словом, оказался таким, что редактор «Экономического журнала» (СПб., 1885–1893) Андрей Павлович Субботин (1852–1906) в книге «Волга и волгари» даже через тридцать лет после закрытия Кабинета писал о нем, как о действующем [11, с. 135].

Библиографический список

1. *Боголюбов Н.П.* Волга от Твери до Астрахани. – СПб., 1862. – VIII, 415 с.: ил., карт.

2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 134. Б/ш. Д. 735.

3. ГАКО. Ф. 134. Б/ш. Д. 7449.

4. Костромские заметки. Библиотеки // Костромские губернские ведомости. – 1863. – №45. – Ч.н. – С. 270.

5. *Лаговский П.Е.* Несколько слов о кабинете для чтения в г. Костроме // Костромские губернские ведомости. – 1861. – №50. – Ч.н. – С. 271.

6. *Лаговский П.Е.* Краткий обзор развития и настоящего состояния кабинета для чтения 12 января // Костромские губернские ведомости. – 1862. – Ч.н. – №6. – С. 31–35.

7. *Лаговский П.Е.* Еще несколько слов о состоянии общественного кабинета для чтения в г. Костроме // Костромские губернские ведомости. – 1863. – №45. – Ч.н. – С. 269.

8. *Л[ебедев А.С.]*. Периодические издания, получавшиеся в Костромской губернии в 1867 г. // Костромские губернские ведомости. – 1868. – №41. – Ч.н. – С. 364.

9. Обед 12-го января // Костромские губернские ведомости. – 1865. – №3. – Ч.н. – С. 18–19.

10. *Скворцов Л.П.* Материалы для истории г. Костромы. Ч. 1. – Кострома, 1913. – 364 с.

11. *Субботин А.П.* Волга и волгари. Путевые очерки. Т.1: Верхняя Волга. – СПб., 1894. – 159 с.

12. *Ѳ.Д. [Дозе Ф.И.]* С дороги (письмо в редакцию) // Костромские губернские ведомости. – 1863. – №50/51. – Ч.н. – С. 290.

Приложение

Условия абонемента

«Кабинета для чтения “12 Января”» [4, с. 271]

1. Годовой абонемент 6 руб.; полугодовой 3 руб. 50 коп. и на месяц 60 коп.

2. От постоянных жителей г. Костромы и лиц, известных распорядителю Кабинета, денежного залога не требуется, если абонируются на год или полгода, а взамен того дается подписка, что в случае утраты книг обязываются внести деньги по их стоимости с пересылкою и переплетом. Лица же неизвестные, а также подписывающиеся на один месяц вносят 5 руб. обеспечения.

3. Недостаточным чиновникам и обучающемуся юношеству, желающим абонироваться на год, допускается вносить деньги не одновременно, а с рассрочкою в два или три срока, по желанию каждого, о чем в книге абонемента делается подписчиками собственноручное заявление.

4. Книги (в 1 томе) беллетристического содержания должны быть возвращены в библиотеку по истечении 7 дней со дня получения; книги в нескольких томах и книги ученого содержания – по истечении 14 дней. Впрочем, представив книгу в положенный срок, могут требовать опять ее же на такой же срок, если не предъявлено желания другими лицами получить ее.

5. Книги будут выдаваться по очереди поступления требований, записываемых в особую книгу.

6. Журналы выдаются для чтения на дом по истечении месяца со дня получения, т.е. по получении Кабинетом следующего №, а газеты по истечении недели, или иначе через почту. Срок пользования новейшими журналами и газетами назначается трехдневный.

7. Печатный каталог книг и подробные правила библиотеки каждый из абонирующихся может получить за плату стоимости печатания.

8. Все абонирующиеся и все посетители Кабинета для чтения – приглашаются предъявлять письменно свои соображения, могущие послужить к улучшению и развитию Кабинета.

УДК 62

Ермушин Максим Валерьевич
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
erm@nw.ksaa.edu.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖСЕКЦИОННЫХ БЮРО ИНЖЕНЕРОВ И ТЕХНИКОВ ПО ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ НЭПА (на материалах Центрального промышленного района)

В статье анализируется деятельность профессиональной организации инженерно-технической интеллигенции по защите их интересов.

Ключевые слова: *инженерно-техническая интеллигенция, межсекционные бюро инженеров и техников, НЭП, Центральный промышленный район.*

В отечественной историографии вопросу деятельности Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) и инженерно-технических секций (ИТС) по защите прав инженерно-технической интеллигенции уделялось недостаточно внимания. В исследованиях советских историков работа ВМБИТ рассматривалась в нескольких аспектах:

1) как путь перевоспитания старых специалистов и их привлечения к социалистическому строительству;

2) как решение проблемы взаимоотношений между профессиональными союзами и специалистами;

3) как форма сплочения новой инженерно-технической интеллигенции.

При этом защита ИТР, как прямая функция профсоюзной организации инженеров, выпала из поля внимания ученых [1]. В 1990-е гг. на первый план исследований выходит вопрос о правовом положении инженерно-технической интеллигенции. В связи с этим более глубокому анализу подвергнута работа ВМБИТ по защите прав специалистов. В немногочисленных работах деятельность ВМБИТ в этом направлении оценивается неоднозначно. Часть историков, например В.Н. Абрамов, исходят из того, что ИТС были не способны защитить права специалистов, поскольку изначально ориентировались на проведение антиинтеллектуальной политики советского государства в отношении интеллигенции [2].

Другие исследователи, как, например, Л.И. Пыстина, признают роль ИТС в защите прав инженерно-технической интеллигенции [3]. Л.И. Пыстина выделила два аспекта, в которых деятельность ВМБИТ оказалась наиболее результативной: допуск к высшему образованию детей ИТР и обеспечение инженеров и техников жильем. В то же время автор отмечает, что в обоих случаях интересы ИТР полностью реализованы не были.

Вне поля зрения исследователей остались количественные показатели численности ВМБИТ. Этот вопрос важен для выяснения эффективности защитной работы ВМБИТ, поскольку ИТС могли отстаивать интересы только своих членов. Те, кто находился вне профсоюзов, не могли рассчитывать на помощь ИТС.

В целом, общее мнение современных исследователей таково, что права инженерно-технической интеллигенции остались декларацией. Если рассматривать защитную деятельность ИТС в этом контексте, то необходимо признать, что она провалилась. На наш взгляд, такой подход сильно упрощен.

Наиболее полно сведения по изучаемой проблеме отражены в документах профсоюзных организаций и органов Народного комиссариата труда (НКТ). Материалы дают информацию о ко-

© Ермушин М.В., 2011

Таблица 1

Численность МБИТ губерний Центрального промышленного района в 1923–1927 гг.

Губерния	Год образования ГМБИТ	Численность ИТР в ГМБИТ				
		1923	1924	1925	1926	1927
Владимирская	1923	122	470	594	665	1059
Иваново-Вознесенская	1922	112	383	817	1137	1215
Калужская	1923	–	124	430	644	661
Нижегородская	1922	704	796	1420	1964	2035
Тульская	1923	111	274	621	755	870
Ярославская	1923	180	535	928	1069	965
Костромская	1924	–	–	598	542	641
Московская	1924	–	5195	–	15614	16962

личестве и формах конфликтов. Сохранились протоколы некоторых судебных заседаний, переписка официальных лиц по различным делам, письма фигурантов с объяснением своих позиций, жалобы на несправедливый исход дела и т.д.

Впервые профессиональная организация инженеров и техников – Всероссийская ассоциация инженеров (ВАИ) – была образована в декабре 1918 г. Вслед за этим начали возникать инженерно-технические секции. Однако в условиях милитаризации труда и всеобщей трудовой повинности о защите интересов инженерно-технической интеллигенции не могло быть и речи. Методы трудовых мобилизаций, милитаризация профессиональной деятельности не давали ВАИ возможности выполнять свои обязанности.

Новый толчок к развитию профессионального движения инженерно-технической интеллигенции связан с переходом к нэпу и отказом советского правительства от применения принудительного труда. С принятием в 1922 г. нового Трудового кодекса возникли условия для защиты прав ИТР. Правительство принимает новую стратегическую линию – привлечение специалистов к хозяйственному и культурному строительству. Это нашло отражение в известном постановлении Совнаркома РСФСР от 25 августа 1921 г. «О мерах к поднятию уровня инженерно-технических знаний в стране и к улучшению условий инженерно-технических работников РСФСР» и резолюции XI партийного съезда «Профсоюзы и спецы».

В ноябре 1921 г. ВЦСПС одобрил «Положение об инженерном центре». Позднее, в октябре 1922 г., на V Всероссийском съезде профсоюзов принято решение об обязательном создании в профессиональных союзах инженерно-технических секций [4]. В декабре 1922 г. состоялся I Всероссийский съезд инженеров, на котором присутствовало 207 человек. Губернские межсекционные бюро (ГМБИТ) стали образовываться с 1922 г. В декабре было всего 5 ГМБИ, в июне 1923 г. – 23, а к 23 февраля 1924 г. – 47 [5]. Их численный состав быстро рос. Так, в Ярославском ГМБИТ на декабрь 1923 г. состояло 177 человек, а на 1 июня 1924 г. – 535 человек. В Иваново-Вознесенском ГМБИТ в марте 1924 г. – 383, в декабре насчитывалось уже 557 членов. Калужское ГМБИТ к 1 апреля 1924 г. насчитывало 118 ИТР, к 1 июля – 124 [6]. То есть прирост составлял от 7% до 67% за несколько месяцев.

Однако оценить, какое количество инженеров и техников не вошло в инженерно-технические секции, достаточно сложно. Это связано с проблемой определения численности инженеров и техников в целом. Если сравнить численность ИТР, зарегистрированных подотделами учета и распределения технических сил Губернских отделов труда в 1924 г., и данные о количестве членов ГМБИТ, то более 50% инженеров и техников Московской губернии и 80% Калужской не входили в состав профсоюзов [7]. К 1927 г. численность членов ГМБИТ значительно возрастает.

В таблице 1 представлены данные об изменении количественного состава МБИТ в губерниях Центрального промышленного района в 1923–1927 гг. [8].

Как видно из таблицы 1, в 1923–1924 гг. положительная динамика охвата ИТР профсоюзами высока. В ряде регионов (во Владимирской, Иваново-Вознесенской губерниях) она составляла более 200%. К 1927 г. процент прироста членов профессиональных организаций, в отношении к предыдущему году, снижается. Его верхний показатель – 59,2% во Владимирской губернии, нижний – 2,6% в Калужской губернии. Это связано с тем, что к 1927 г. большая часть специалистов

были охвачена профессиональным движением. В 1925 г. Тверским ГМБИТ по союзу текстильщиков охвачено 98% специалистов, строителей, горняков и коммунальщиков – 100%. К концу 1926 г. в Тверской губернии вне профсоюзов находилось 15% от общего числа ИТР [9]. Не вошли, главным образом, инженеры и техники, работавшие на мелких предприятиях, удаленных от Твери в Калининском, Кимрском и Весьегонском уездах, где ИТС не существовало.

В декабре 1926 г. VII Всесоюзный съезд профсоюзов принял решение об обязательном членстве ИТР в инженерно-технических секциях отраслевых профсоюзов. В отчетах 1926–1927 гг. губернские МБИТ Центрального промышленного района констатировали либо полное вовлечение ИТР в профсоюзную работу, либо незначительное количество оставшихся вне ее. Как видно, с полной уверенностью можно констатировать, что к 1928–1929 гг. все инженерно-технические работники были включены в профессиональные организации.

Таким образом, о защите инженерно-технической интеллигенции со стороны профсоюзов можно говорить лишь с середины 1920-х гг., когда инженерно-технические секции получили организационное оформление и большая часть специалистов стала их членами.

Актуальной проблемой для инженерного корпуса в 1920-е гг. являлось отсутствие типового положения об их правах и обязанностях на производстве. До 1927 г. права и обязанности инженеров регулировались только лишь коллективными договорами. Однако особенность их заключения была такова, что администрация предприятий старалась исключить пункты о правах инженеров или не прописывать их подробно. В результате взаимоотношения руководства предприятий с инженерами и техниками складывались в ходе производственной практики и выливались в формы, которые не регулировались никакими нормами [10]. Инженеры попадали в сильную зависимость от дирекции, которая могла произвольно ухудшить или улучшить их положение на производстве. Зачастую инженер за любой недочет в работе или критику дирекции предприятия мог оказаться под судом. Этому способствовало отсутствие в Уголовном кодексе четкой регламентации случаев привлечения к уголовной ответственности за несоблюдение правил по технике безопасности. Имелись лишь общие нормы ответственности. Это приводило к случайности квалификации «преступлений» [11].

Так, в 1927 г. Владимирское ГМБИТ зафиксировало между инженерами и хозяйственными органами предприятий значительное количество конфликтов, которые повлекли за собой судебное преследование [12]. В 1926 г. ВМБИТ обследовало 20 тыс. инженеров. Выяснилось, что 135 привлечены к уголовной ответственности, из них за несоблюдение техники безопасности – 57%, производственные ошибки – 27,4%, злоупотребления – 15,6% [13]. Как видим, лидирующей являлась статья – несоблюдение техники безопасности.

В этих условиях позиция ГМБИТ была очень важна. В октябре 1925 г. Наркомюст РСФСР по

Таблица 2

Привлечение специалистов – членов ИТС – к ответственности в 1927 г.

МБИТ	Конфликт членов ИТС с хозорганами	Дел попало в суд	% заведенных уголовных дел от количества конфликтов	Техника безопасности		Ошибки на производстве		Злоупотребления	
				осуждено	оправдано	осуждено	оправдано	осуждено	оправдано
Московский	65	39	60	5	29	2	–	1	2
Нижегородский	27	20	74	3	3	6	5	2	1
Рязанский	15	15	100	–	3	1	11	–	–
Ярославский	13	13	100	–	6	–	2	4	1
Тульский	2	2	100	–	–	–	–	1	1
Всего	**122**	**89**	**72,95**	**8**	**41**	**9**	**18**	**8**	**5**

представлению ВЦСПС издал циркуляр, в котором разрешал включать представителей ГМБИТ в число народных заседателей губернских судов при слушании дел ИТР. На местах при ГМБИТ с целью проведения более объективного судебного расследования по делам инженеров создавались бюро судебных экспертов. Они были призваны выявить причины аварии и дать профессиональную оценку действий инженера.

Вмешательство ГМБИТ в конфликты благоприятно сказалось на правовом положении инженерно-технической интеллигенции. Так, в Тверской губернии в 1927 г. 83% судебных дел завершились в пользу специалистов [14]. В Калужской губернии этот показатель составил 75% [15]. В таблице 2 представлены данные о привлечении специалистов к судебной ответственности в 1927 г. по 5 губерниям Центрального промышленного района [16].

Как видим из таблицы 2, для специалистов значительная часть столкновений с хозяйственными органами предприятий завершались судебным преследованием. Благодаря губернским МБИТ, по 71,9% рассмотренных дел вынесены оправдательные приговоры.

Таким образом, ВМБИТ в 20-е гг. играли заметную роль в защите интересов инженерно-технической интеллигенции. Усилиями бюро был создан механизм, который позволял эффективно отстаивать права специалистов в уголовных процессах.

Библиографический список

1. *Пыстина Л.И.* Культурно-просветительская деятельность инженерно-технических секций профсоюзов Сибири в 1922–1928 гг. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 2. –Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1972; *Пыстина Л.И.* Организация и первый этап деятельности инженерно-технических секций профсоюзов Сибири // Из истории советской интеллигенции. Новосибирск: Наука. – 1974; *Халиулин Г.Г.* Партийное руководство профессиональными инженерно-техническими секциями (ИТС) в годы первой пятилетки // Из истории профессиональных организаций Кузбасса. Материалы научной конференции по истории профсоюзных организаций Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма (4–5 июня 1971 г.). – Кемерово, 1972. – С. 83–86; *Чудиновский Г.С.* О создании инженерно-технических секций профсоюзов (1921–1925 гг.) // Из опыта КПСС в социалистическом строительстве. – Владимир, 1976; *Наумов О.В.* Массовые источники по истории формирования технической интеллигенции в СССР (1917 – середина 30-х годов): Дис. … канд. ист. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1983. – С. 137–150.

2. *Абрамов В.Н.* Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.). – СПб.: Нестор, 1997. – С. 62–63.

3. *Пыстина Л.И.* Проблемы изучения социально-правового положения технической интеллигенции в 20-е – начале 30-х годов // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгосударственной науч.-теорет. конференции. – Иваново: ИвГУ, 1996. – С. 424–426; *Она же*. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов. – Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – С. 74–84.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-5548. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3; Оп. 6. Д. 4. Л. 20; Профсоюзы СССР. Документы и материалы. В 4 т. – М.: Профиздат, 1963. – Т. 2. – С. 323.

5. См.: ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 3. Д. 41. Л. 4.

6. См.: ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 3. Д. 28. Л. 159, 162, 166; Д. 29. Л. 1, 2, 225.

7. Подсчитано автором по: ГАРФ Ф. А-390. Оп. 4. Д. 1284. Л. 60; Д. 1292. Л. 45; Ф. Р-5548. Оп. 2. Д. 13. Л. 37, 75, 79, 80, 97, 98, 104, 168, 175, 176, 185; Д. 28. Л. 48, 58, 159, 166.

8. Составлено автором по: ГАРФ Ф. Р-5548. Оп 2. Д. 13. Л. 37, 75, 79, 80, 97, 98, 104, 168, 175, 176, 185; Д. 28. Л. 48, 58, 159, 166; Д. 29. Л. 1–2, 80, 91; Оп. 4. Д. 26. Л. 149 (об), 262, 264; Д. 37. Л. 27; Д. 25. Л. 1 (об), Оп. 5. Д. 34. Л. 2; Д. 26. Л. 46; Оп. 6. Д. 41. Л. 53, 119, 125, 125 (об), 222.

9. ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 4. Д. 26. Л. 5; Оп. 5. Д. 27. Л. 85.

10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1792. Л. 15.

11. ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 4. Д. 43. Л. 5–6.

12. ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 6. Д. 41. Л. 94.

13. ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 6. Д. 4. Л. 49.

14. ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 6. Д. 41. Л. 227.

15. ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 6. Д. 41. Л. 106 (об).

16. Составлено автором по: ГАРФ Ф. Р-5548. Оп. 6. Д. 6. Л. 44.

УДК 281.2

Наградов Илья Сергеевич
кандидат исторических наук
Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
nastavnik_kim@rambler.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ В 1880-е – 1905 ГОДАХ

Цель работы – выявление закономерностей развития церковной конфессиональной политики синодальной церкви в отношении старообрядцев в 1880-е – 1905 гг. В результате исследования выявлено постепенное изменение форм борьбы синодальной церкви со старообрядчеством: от репрессивных воздействий к дискуссионным миссионерским формам, которые, однако, оказались малоэффективны.

Ключевые слова: *конфессиональная политика, православная миссия, старообрядчество, православные братства.*

Изменение политики властей в отношении старообрядцев часто совпадало с изменениями всей внутренней политики правительства. Во многом справедливо это утверждение и для периода контрреформ 1880-х – 90-х гг. В ноябре 1881 г. обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев потребовал доставить из епархий сведения о «раскольнических» приходах, чтобы направить туда миссионеров. В том же году Синод распорядился создать во всех семинариях должности штатных преподавателей по учению о русском расколе [23, с. 178–180]. В 1882 г. было положено начало целенаправленного распространения противостарообрядческой литературы [8, с. 115–125, 137–141]. В 1888 г. были утверждены «Правила об устройстве и о способе действия миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам» [19, с. 105–116].

Новая конфессиональная политика Синода должна была транслироваться в регионы через православные церковные братства, добровольное открытие которых декларировалось ещё в 1864 г., а теперь было признано обязательным для епархий, «заражённых расколом». В настоящее время изучение деятельности епархиальных братств ведётся учёными из разных регионов России [1; 3; 4; 6; 7; 11; 12].

Уставы братств определяли примерно одни и те же цели: распространение православной веры, противодействие расколу, развитие религиозно-нравственного образования [23, с. 624–629]. Первым шагом братств, как правило, был ***сбор сведений о старообрядчестве***. Сбор статистических и фактических данных осуществлялся через священников, [14, с. 181–188; 5, л. 122], благочинных священников [3, с. 18–19]; а миссионеры пытались рассмотреть историю «раскола» в развитии [21, с. 19]. Однако миссионеры не всегда могли положиться на священников как в сборе информации, так и в деле борьбы с «расколом». Зачастую именно неподобающее поведение последних (пьянство, курение табака, мздоимство) и было одной из причин укрепления старообрядцев в вере [21, с. 21; 3, с. 121]. Реальная численность староверов занижалась десятилетиями, а предоставление реальных цифр воспринималось не иначе как упущение в работе причта [3, с. 119].

В таких условиях началось формирование ***сети служащих***, целью которых была бы именно борьба со старообрядчеством и сектантством. В соответствии с «Правилами об устройстве миссии…» в каждой губернии, где проживали старообрядцы, назначались епархиальные и уездные миссионеры, а также их помощники [20, с. 105–106].

Формирование миссионерской сети продолжалось все 1890-е гг. Одной из главных проблем была нехватка средств на содержание штата [15, с. 131–142]. Например, в Костромской епархии епархиальный миссионер (при наличии окружных миссионеров) появился только в 1899 г., а Ярославской – в 1901 г. [9, с. 485–490]. В некоторых епархиях, например в Томской, попытки братчиков организовать миссионерскую деятельность были настолько малорезультативны, что Синод брал на себя финансирование миссии (1888 г.) [6, с. 165–168]. В Вологодской епархии некоторые окружные миссионеры получали от Синода доплату в размере 500 руб. [21, с. 15, 18].

Традиционно ***структура миссии*** состояла из епархиального и окружных миссионеров, но были и вариации, вызванные местными условиями. В Костромской епархии округа совпадали с тер-

© Наградов И.С., 2011

риториями «старообрядческих» уездов. В Тверской губернии у епархиального миссионера в подчинении находилось два окружных миссионера [1, с. 323–328]. В Олонецкой епархии 7 уездов были распределены по признаку «заражённости расколом» по пяти миссионерским округам [3, с. 117]. Вологодское братство учредило во всех уездных городах губернии отделения, которые действовали под руководством «особого благочинного священника по делам раскола». Епархиальный миссионер появился не позднее 1893 г. В 1894 г. была открыта должность второго епархиального миссионера для Великоустюжского викарства. Такое решение было обусловлено удалённостью викарства от губернского центра и многочисленностью проживающих в нем староверов. А в 1897 г. в рамках вновь созданного Великоустюжского Стефано-Прокопьевского братства стали действовать епархиальный миссионер и два его помощника, а также окружные миссионеры в приходах, наиболее «заражённых расколом» [21, с. 15, 18].

Миссия развивалась при тесном взаимодействии с местными ***духовными семинариями***. Преподаватели семинарии входили в состав братств и изучали местный «раскол» [17, с. 222–224]; исполняли обязанности епархиального миссионера. В Тверской семинарии по инициативе братства Михаила Ярославича было открыто отделение по расколу и сектантству. Преподаватель Д.И. Скворцов не только читал курс теории борьбы с «расколом», но и самостоятельно выезжал в старообрядческие селения для проведения миссионерских бесед [7, с. 11].

Развитие миссии происходило и за счёт ***привлечения мирян.*** В Костромской и Тверской епархиях в 1890-х гг. у миссионеров появляются официальные помощники из числа мирян [16, с. 9–12]. В 1900 г. Синод после III миссионерского съезда, придал инициативе официальный характер, рекомендовав епархиям создать в приходах, где есть старообрядцы, общества ревнителей православия. В Ярославской епархии церковные власти ухватились за идею и даже составили шаблон для написания уставов таких обществ [2, с. 8–9]. В Петрозаводске удалось организовать двухнедельные курсы по обличению раскола [3, с. 119–120].

Пожалуй, самым ярким методом работы миссионера была ***беседа***. Исследователи не раз обращали внимание на этот феномен, прочно вошедший в жизнь российского общества на рубеже XIX–XX вв. При этом большинство авторов сходятся во мнении о низкой результативности бесед [6, с. 168; 3, с. 123–124; 11, с. 160; 1, с. 329].

Количество переходов из старообрядчества в православие колебалось по официальным данным от 135 до 668 человек в год в Костромской губернии; в Тверской епархии в 1891 г. – 14 человек [1, с. 329], в Олонецкой епархии в 1900 г. – 28 человек, в 1902 г. – 68 человек [3, с. 123]. Какой-либо последовательности в изменении числа перешедших не обнаруживается. Связь между числом бесед и количеством присоединений также не прослеживается.

К миссионерским средствам борьбы с «расколом» можно отнести организацию ***противораскольнических библиотек***. Исследователи расходятся во мнении относительно их эффективности и значимости в деле борьбы с «расколом». Высказываются такие оценки роли библиотек в борьбе со старообрядчеством, как «существенная» [6, с. 166], «важная» [7, с. 10], как «имеющая огромное значение» [1, с. 327], так и «вспомогательная» [4, с. 8].

Формирование библиотечного фонда происходило из нескольких источников. Во-первых, это передача книг старообрядческого содержания из церквей и монастырей. Во-вторых, изъятие литературы у старообрядцев. В-третьих, предпринимались попытки организовать отчисления из церковных касс [3, с. 121] и епархиальных сумм на покупку книг. Часть книг приобреталась на пожертвования мирян [1, с. 327].

Исследователи приводят совершенно разные данные по поводу посетителей библиотек. О.В. Кравченко указывает, что в Тверской епархии книгами из библиотек нередко пользовались старообрядцы [7, с. 10–11]. Е.В. Прокуратова отмечает, что библиотека при важготской Воскресенской церкви была создана для «священников и миссионеров всего Удорского края» [21, с. 16]. По сведениям А.Б. Арбузова, тверские православные крестьяне, участвовавшие в антистарообрядческой деятельности, с большим интересом посещали библиотеку [1, с. 327].

Численность библиотек и складов в разных епархиях заметно отличалась. В Костромской епархии в 1898 г. функционировало 158 отделений центрального книжного склада. Данные по Владимирской епархии приводят И.А Гажва (130 отделений центрального книжного склада [4, с. 9]) и О.В. Кравченко («26 противораскольни-

ческих отделений и столько же библиотек» (1889 г.) [7, с. 10]). В 1886 г. в Ярославской епархии существовало 14 книжных складов братства, торговавших книгами [18, с. 56].

Братства не только организовывали библиотеки, но и распространяли ***антистарообрядческую литературу***, привлекая к этому делу миссионеров и священников. Брошюры раздавались бесплатно или продавались за небольшую плату. В Ярославской епархии продажа книг и брошюр оставляла желать лучшего. В 1886 г. на складах находилось книг на сумму 1449 рублей. Из них за указанный год было продано на сумму 160 рублей [18, с. 56].

Открытие церковно-приходских школ (ЦПШ) рассматривалось братствами как одно из средств борьбы со старообрядчеством. Во-первых, братства старались увеличить количество школ [3, с. 121], во-вторых, привлечь в них детей старообрядцев [6, с. 166]. Однако на рубеже 1890-х – 1900-х гг. у ЦПШ появились конкуренты: старообрядческие школы, по критериям того времени относившиеся к домашним крестьянским школам [3, с. 121]. Нам известно о существовании 6 старообрядческих школ на территории Ярославской и Костромской губерний в 1900-е гг. [10, с. 191–194]. Именно из-за школ часто возникали конфликты между православным духовенством, миссионерами и старообрядцами. В этих случаях со стороны официальной церкви отмечается стремление привлечь к устранению соперников гражданские власти [3, с. 121; 10, с. 193].

Для политики синодальной церкви в отношении старообрядцев в 1880-е – первой половине 1900-х гг. характерны следующие черты: системность (работы велась по всем возможным направлениям); всеохватность (миссионерские братства создавались во всех епархиях, где проживали старообрядцы); малая эффективность; социальная обособленность (борьбу с «расколом» вело даже не всё духовное сословие, а отдельная группа служащих: миссионеры, их помощники, отчасти благочинные священники).

Принято считать, что в эпоху контрреформ политика синодальной церкви в отношении старообрядчества существенно ужесточилась. В определенной мере это действительно так: церковная власть мобилизовала все силы, имевшиеся в её распоряжении (отдельная миссионерская служба, семинарии, периодическая печать и прочее), на борьбу с «расколом». Однако существовало два важных отличия от вероисповедной политики «мрачного семилетия», когда также имело место ужесточение политики в отношении староверов. Во-первых, не произошло возврата к силовым действиям и открытому террору при поддержке органов гражданской власти. Во-вторых, за старообрядцами было признано осуждаемое, но несомненное фактическое право отстаивать собственные убеждения в беседах с миссионерами.

Произошли изменения и в самой синодальной церкви. Потеряв возможность напрямую использовать силовые методы воздействия, она не смогла сразу освоить на должном уровне религиозные методы воздействия на инакомыслящих. Известно, что конец 1850-х – 1860-е годы ознаменованы глубоким кризисом всего церковного института. В определённой мере противостарообрядческие мероприятия 1880-х гг. можно расценивать, как одно из направлений по укреплению положения православной церкви, вывода её из кризиса и как освоение ею новых принципов общественного устройства, заложенных Великими реформами.

Библиографический список

1. *Арбузов А.Б.* Тверской епархиальный миссионер Павел Васильевич Шавров // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. труд. / Науч. ред. Т.Г. Леонтьева. – Вып. 3. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – С. 323–328.

2. Вниманию духовенства. Приходские братства или общества ревнителей православия // Ярославские епархиальные ведомости – 1901. – 7 января. – № 1. – Ч. офиц. – С. 8–9. (Далее – ЯЕВ.)

3. *Водолазко В.Н.* Деятельность противостарообрядческих миссий в Олонецкой губернии в начала XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VII Международной научной конференции. – М.: б.и., 2005. – С. 117–124.

4. *Гажва И.А.* Религиозно-просветительская деятельность православных братств центральной России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): Автореф. дис. … канд. истор. наук. / Шуйский государственный педагогический университет. – Иваново, 2008. – 10 с.

5. Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3137.

6. *Захарова Е.Г.* Противостарообрядческая миссия в Томской епархии: организация и неко-

торые результаты деятельности (конец XIX – начало XX вв.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VII Международной научной конференции. – М., 2005. – С. 165–173.

7. *Кравченко О.В.* Из истории тверского православного братства св. Благоверного князя Михаила Ярославича (конец XIX – начало XX вв.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VIII международной научной конференции. – М., 2007. – С. 8–13.

8. *Марков В.С.* К истории раскола старообрядчества во второй половине XIX столетия: переписка проф. Н.И. Субботина, преимущественно не изданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). – М.: б.и., 1914. – 456 с.

9. Миссионерский комитет при братстве Святого Дмитрия Ростовского Чудотворца в г. Ярославле // ЯЕВ. – 1901. – 12 августа. – Ч. офиц. – №32. – С. 485–490.

10. *Наградов И.С.* Государственно-церковная конфессиональная политика и её влияние на развитие старообрядчества в 1855 – феврале 1917 гг. (на материалах Костромской и Ярославской губерний): Дис. … канд. истор. наук / Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2005. – 267 с.

11. *Наградов И.С.* Развитие костромской антистарообрядческой миссии в 1880-е – 1917 гг. (по материалам Костромских епархиальных ведомостей) // Провинциальное духовенство в дореволюционной России: Сб. науч. тр. / Науч. ред. Т.Г. Леонтьева. – Вып. 1. – Тверь: Тверской государственный университет, 2005. – С. 156–162.

12. *Наградов И.С.* Развитие ярославской антистарообрядческой миссии в 1880–1910-е гг. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. труд. / Науч. ред. Т.Г. Леонтьева. – Вып. 3. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – С. 268–274.

13. От Ярославского епархиального Свято-Дмитриевского братства // ЯЕВ. – 1911. – 3 апреля. – №14. – Ч. офиц. – С. 112.

14. От совета Костромского Фёдоровско-Сергиевского Братства // Костромские епархиальные ведомости. – 1891. – 15 марта. – №6. – Ч. офиц. – С. 181–188. (далее – КЕВ).

15. Отчёт Костромского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1889 г. // КЕВ. – 1890. – 15 мая. – №10. – Ч. офиц. – С. 132–141.

16. Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Фёдоровско-Сергиевского братства за 1896 г. // Приложение к официальной части КЕВ. – 1897. – С. 9–12.

17. Отчёт Православного Церковного Братства Святителя Дмитрия Ростовского Чудотворца в г. Ярославле за 1887 год // ЯЕВ. – 1889. – 10 июля. – №28. – Ч. офиц. – С. 222–224.

18. Отчёт Православного Церковного братства святителя Дмитрия Ростовского Чудотворца в Ярославле – Ярославль: б.и., 1886. – С. 56.

19. Правила об устройстве и о способе действия миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам // КЕВ. – 1889. – 1 мая. – №9. – С. 105–116.

20. Правила об устройстве и о способе действия миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам // КЕВ. – 1889. – 1 мая. – №9. – С. 105–116.

21. *Прокуратова Е.В.* «Противораскольническая» деятельность православных обществ на территории Коми края в конце XIX – начале XX вв. // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VIII международной научной конференции. – М., 2007. – С. 14–24.

22. Распоряжения правительственные. Определение Святейшего Синода об учреждении при Московской, Саратовской и других духовных семинариях штатных преподавательских должностей по учению о русском расколе // ЯЕВ. – 1881. – 6 июня. – №23. – Ч. офиц. – С. 178–180.

23. Устав братства во имя Преподобного Сергия при Сретенской церкви Костромской духовной семинарии, утверждённый Его Преосвященством Преосвященнейшим Александром, Епископом Костромским и Галичским // КЕВ. – 1887. – 15 сентября. – №18. – Ч. офиц. – С. 624–629.

УДК Т3(4ГЕМ)

Синдеев Алексей Александрович
Институт Европы РАН
asin74@list.ru

АДЕНАУЭР И ПОДГОТОВКА ПЛАНА ШУМАНА

В статье впервые рассматривается вопрос участия Аденауэра в «разработке» плана Шумана. Автор приходит к выводу, что канцлер делал все, чтобы данный план стал реальностью.

Ключевые слова: западноевропейская интеграция, план Шумана, Федеративная Республика Германия, комиссары западных союзных держав, Аденауэр.

Результатом «холодной войны» стало сплочение Запада. Американцы были заинтересованы в начале интеграционного процесса в Европе. Не случайно план Шумана, одна из первых интеграционных инициатив, был разработан группой под руководством Монне[1], в состав которой входили американские эксперты. Группа представила проект плана в конце апреля 1950 года министру иностранных дел Франции Р.Шуману, который взял текст с собой на уик-энд и увидел в этом плане то, что давно искал, – возможность обеспечить на выгодных для французов условиях включение Западной Германии в Европу, не потеряв при этом лицо. К причинам выдвижения плана относились потребность урегулировать межгосударственные противоречия между Францией и ФРГ, касающиеся Рурского органа, отделения Саара от территории Германии. Не следует забывать и требования Германии о повышении квот на выплавку стали с 11 до 14 млн. тонн ежегодно [см. подробнее: 3].

Ж. Монне, занимавшийся модернизацией французской экономики, понимал, что в случае удовлетворения немецких требований Франция могла и не справиться с последующей конкуренцией [1, с. 284–305]. Французам было известно, что на встрече министров иностранных дел Франции, США и Великобритании в Лондоне (май 1950 года) среди прочего планировалось обсудить данный вопрос. Была большая вероятность, что немцам удастся добиться разрешения выплавки ежегодных 14 млн. тонн.

Скорректированный Шуманом вариант плана был готов 6 мая 1950 года. Кстати, работы по плану проводились тайно. До 7 мая о плане знали только девять человек. 7 мая были поставлены в известность официальные американские круги. 8 мая выразило согласие участвовать в плане западногерманское правительство. К. Аденауэр вспоминал позднее: «Утром я еще не знал, что этот день принесет заметный поворот в европейском развитии… Ядром предложения Шумана было подчинение всего французского и немецкого производства стали, добычи угля и руды открытой для других европейских стран организации… В личном письме ко мне Р.Шуман писал, что смысл его предложения якобы имеет не экономическую, а политическую природу. Во Франции сохраняется страх, что Германия, когда она вновь восстановится, нападет на Францию…» [4, s. 327–328]. План Шумана был обнародован 9 мая 1950 года. Именно этот день является сейчас днем Европы.

Переговоры по плану Шумана начались в Париже 20 июня 1950 года. Немецкую делегацию возглавлял ректор университета города Франкфурта-на-Майне, профессор В. Хальштейн[2], ставший позднее одним из наиболее значимых для федерального канцлера советников по внешнеполитическим вопросам, в том числе и по вопросам, связанным с западноевропейским интеграционным процессом. Переговоры проходили сложно, они прерывались обсуждениями в национальных парламентах и в Совете Европе. Компромисс удалось достичь только к февралю 1951 года. Подписание договора о создании Европейского сообщества угля и стали (ЕОУС) состоялось в Париже 18 апреля 1951 года. Немецкая сторона настояла на переписке между Францией и ФРГ, в которой проблема Саара признавалась неурегулированной. Окончательно договор о ЕОУС вступил в силу 25 июля 1952 году. Национальное собрание Франции одобрило его 375 голосами протии 235, сенат – 182 голосами против 32. В ФРГ бундестаг проголосовал за договор большинством в 232 голоса протии 143, среди которых были и социал-демократы [см. о процессе ратификации во Франции, ФРГ, а также в Бенилюксе и Италии: 7, s. 226–251; 2, с. 25–77]. Известно, что К.Шумахер, лидер СДПГ, назвал план Шумана капиталистическим, картелистическим, консервативным и клерикальным [7, s. 242].

© Синдеев А.А., 2011

Остановлюсь на основных положениях договора о ЕОУС. Любопытно, что в преамбуле он декларировался в качестве меры, которая должна была гарантировать мир. Отмечалось, что Европа – и это было важно, хотя и известно с согласования параметров плана Маршалла, – могла быть построена лишь путем создания общих основ экономического развития. Предполагалось, что европейские страны должны были способствовать повышению жизненного стандарта и прогрессу в мире. В договоре о ЕОУС уже говорилось о том, что Сообщество «призвано к тому, чтобы в согласии со всей экономикой государств-участников и на основе общего рынка… способствовать расширению экономики, повышению занятости и жизненного стандарта в государствах-участниках» [6: Vertrag ьber die Grьndung der Europдischen Gemeinschaft fьr Kohle und Stahl vom 18. – April 1951. – S. 86].

Цель ЕОУС заключалась в создании общего рынка в сфере угля и стали. Фактически весь уголь и сталь в 1952 году были изъяты из национального управления. Для этого в ЕОУС был создан наднациональный, независимый от национальных правительств Верховный орган. Он состоял из девяти человек, назначенных на шесть лет. Верховный орган, ставший своеобразным европейским правительством, мог выдавать ссуды, получил право применять санкции в отношении фирм и предприятий, нарушающих договор о ЕОУС. Любопытно, что в соответствии с идеями корпоративизма при Верховном органе действовал Консультативный комитет, выбираемый из представителей предпринимателей, наемных рабочих, потребителей и торговцев сроком на два года. Верховному органу предписывалось учитывать мнение этого комитета, включающего субъектов экономических отношений в сфере угля и стали [6, s. 89–90]. Первый состав Верховного органа возглавил Ж. Монне.

Как отмечалось выше, Аденауэр утверждал, что ничего не знал о плане Шумана до 8 мая 1950 года, пока не получил соответствующие письма от министра иностранных дел Франции. Так ли это? Попытаемся разобраться в данном вопросе. Есть косвенные свидетельства того, что он не мог не понимать: что-то в секторах угля и стали должно произойти. Да, и сам действовал активно. В марте 1950 года он высказал предложение о создании европейского политического союза [4, s. 311–316]; поддерживал присоединение Германии к возможному франко-итальянскому экономическому союзу.

А до этого 16 декабря 1949 года французский комиссар на регулярной встрече Аденауэра с комиссарами от западных держав-союзниц попросил канцлера не выдвигать дополнительных требований, в том числе по стали и углю, а подумать о требованиях через два-три месяца; тогда, по его словам, будет легче добиться прогресса [5, s. 71]. Совсем близко ко времени обнародования плана Шумана 5 апреля 1950 года прошла другая встреча комиссаров с канцлером, на которой перед Лондонской конференцией министров иностранных дел США, Великобритании и Франции был обсужден закон 75, касающийся деконцентрации в сфере угля и стали. Зачем понадобилось пытаться окончательно отрегулировать эту сферу перед Лондоном? Ведь можно было это сделать и позже. Известно, что в Лондоне французы должны были подвергнуться давлению со стороны американцев и англичан и в конце концов могли согласиться со снятием квот. Предположу, что в этом законе была заинтересованность с их стороны. Официальное объяснение ускорения работы над законом, впрочем, отличается от данной трактовки: прежний закон был якобы распространен на две зоны, новый – на три [5, s. 177]. Данное объяснение, с моей точки зрения, мало проясняло ситуацию, так как Тризония образовалась в 1949 году. Если не спешили с законом до этого, то можно было, вероятно, подождать и дальше. Робертсон, комиссар от Великобритании, упомянул в самом начале заседания встречу комиссаров с профсоюзами, которая прошла по данному вопросу 29 марта 1950 года. Не совсем понятно, зачем понадобилось обращаться по этой проблеме к профсоюзам напрямую, ведь комиссарам было известно, что Аденауэр не любил подрыв его власти и молчать в этой связи был не намерен? Тем более в этом контексте могла вновь возникнуть дискуссионная тема социализации, а позиция Аденауэра по ней также была известна.

Вопрос с законом 75 обсуждался столь спешно, что Робертсон отказался предоставить канцлеру письменный текст законопроекта по той причине, что дискуссия по нему среди союзников продолжалась. Он был готов устно проинформировать федерального канцлера об основных параметрах закона, который должен был расставить все точки над «i» в вопросе децентрализа-

ции в добыче угля и в выплавке стали. В нем должны были быть названы те фирмы, которые предстояло реорганизовать, уменьшить. Предусматривалось образование специальных органов отдельно по углю и по стали; апелляционного суда, который должен был решать вопросы, связанные с процедурой переструктурирования затронутых фирм.

С учетом того, что шла интенсивная подготовительная работа по плану Шумана, французы, по всей видимости, хотели зафиксировать в преддверии Лондона дополнительные защитные механизмы. То, что бизональный закон не отменили, а расширили сферу действия, свидетельствовало в пользу высказанного предположения. Аденауэр отреагировал на информацию Робертсона столь неопределенно, что был вынужден в конце концов признать: его размышления, наверное, трудны для перевода [5, s. 175–178]. Он акцентировал внимание на том, что в Германии нет капитала. Никто (sic!) не сможет купить акции новых фирм. Иностранные инвестиции им в то время явно не рассматривались, хотя раньше данный вопрос поднимался. Нужно, заявил Аденауэр, дать прежним акционерам акции в новых фирмах сообразно долям в старых фирмах. Канцлер уверял, что у правительства нет денег на возмещение понесенных акционерами убытков. Официальная аргументация отказа от декартелизации: правительство не хотело видеть собственность в руках федерации.

Робертсон успокоил канцлера тем, что, как и в прежнем законе, решение о собственности должно остаться за федеральным правительством. Обсуждалось лишь то, а будут ли комиссары иметь право вето. Есть опасения, продолжил Робертсон, – по моему мнению, это были вновь опасения французов, – что немцы не захотели бы «победить» концентрацию производства.

Министр экономики Эрхард, присутствовавший на встрече, полагал, что уже осуществленная реорганизация в данных отраслях не способствовала б*о*льшему восстановлению Западной Германии. В добыче угля сложились, к примеру, неясные отношения. Имелись жалобы со стороны сталелитейщиков, которые не могли выдерживать сортовость и технические нормы, так как у предприятий просто не было соответствующих полномочий.

Аденауэр пригласил на встречу с комиссарами кроме Эрхарда Хенле[4], зятя Клёкнера. Хенле, как представитель немецкого бизнеса, настойчиво просил избегать промежуточных решений. Он предлагал, как можно быстрее создать такое положение дел, чтобы бизнес смог бы работать. Очевидно, что федеральный канцлер лоббировал интересы немецкой сталелитейной и угольной промышленности; он поддержал немецкую систему *Verbundwirtschaft*, экономических объединений, не исключил участия общин в собственности [5, s. 179–185].

Из дискуссии видно, что определенности среди союзников не было, как не было у немцев – даже при желании окончательно наладить ситуацию – стремления ускоряться в этом вопросе. Более того, предложение об участии общин явилось явно спонтанным; как, впрочем, и другие предложения, например, касающиеся долей в новых фирмах.

Разве мог Аденауэр не понимать, что действительно что-то происходит? Думаю, что он по мере сил управлял ситуацией, вынуждая французов идти на дополнительные уступки. Понимал он и то, что союзникам реально была необходима поддержка федерального правительства. Опыт политической деятельности в оккупации и важность Германии как партнера работали на ФРГ. Это означало, что страна – даже не имея полной самостоятельности – активно управляла процессом выстраивания западного лагеря. Сюжет относительно давления на французов по углю и стали, полагаю, служит лишь одним из примеров, обосновывающих данный тезис. Союзники имели собственные проблемы, о чем они откровенно заявляли канцлеру. Для них важно было решить германский вопрос как можно быстрее, сделать его менее актуальным для ситуации в Европе. Для Аденауэра это создавало возможность разрабатывать и реализовывать среди прочего его собственный проект.

Примечания

[1] Жан Монне родился 9 ноября 1888 года в семье торговцев вином. После получения образования по делам семьи несколько лет провел в Великобритании и США. В ходе Первой мировой войны работал в межсоюзнических комитетах по экономическому сотрудничеству. С 1920 по 1923 год – заместитель генерального секретаря Лиги Нации. С 1932 года – консультант. В 1940 году предложил Черчиллю создать франко-британский союз. С 1940 по 1943 год – пребы-

вание по поручению британской стороны в США. С 1946 по 1950 год – руководитель французского Ведомства планирования, целью которого была разработка программ модернизации национальной экономики. С 1952 по 1954 год – первый президент Верховного органа ЕОУС. Скончался 16 марта 1979 года в Париже.

[2] Вальтер Хальштейн (1901–1982) родился в Майнце в протестантской семье. Учился в Бонне, Мюнхене и Берлине. 1925 год – ассистент Мартина Вольфа в университете Берлина. В том же году защитил кандидатскую диссертации по юриспруденции. В 1927 году начал работать референтом в Институте им. Карла-Вильгельма, занимаясь международным частным правом. В 1929 году стал профессором. С 1930 по 1941 год – профессор в университете Ростока. С 1941 года – профессор университета Франкфурта-на-Майне. В 1942 году призван на военную службу. В июле 1944 года попал в американский плен, был отправлен в США. В ноябре 1945 года вернулся в Западную Германию. В апреле 1946 года избран ректором Франкфуртского университета. В 1948 году начал работать профессором по договору в США. По возращению в ФРГ в 1950 году был назначен возглавлять немецкую делегацию на переговорах по плану Шумана. В 1951 году – государственный секретарь в Министерстве иностранных дел. Работал госсекретарем до 1958 года. 7 января 1958 года был избран первым президентом Европейском комиссии ЕЭС.

[3] Верховный орган стал первым наднациональным европейским органом власти, то есть его действия не зависели от национальных правительств. Появление подобного органа позволяет утверждать, что принципы, заложенные в западноевропейской интеграции, отличаются от тех, которые наблюдались в интеграционных процессах до этого. Следует, однако, оговориться, что наднациональное не являлось бесспорным ни тогда, ни впоследствии, о чем среди прочего свидетельствует принцип голлизма в интеграции.

[4] Гюнтер Хенле (1899–1979) родился в Вюрцбурге, воевал в Первой мировой войне. После войны изучал правоведение, в 1921 году защитил кандидатскую диссертацию. В том же году начал работать в МИДе. С 1931 по 1936 год – дипломатическая работа в Лондоне. Женился на приемной дочери Петера Клёкнера, председателя предпринимательской группы. С 1937 года – работа в фирме тестя. В 1940 году оба сына Клёкнера погибли на фронте. Супруга Хенле стала единственной наследницей. После войны – председатель *Klöckner&Co* (профиль фирмы: сталь и чугун). С 1947 по 1949 год – член Экономического совета во Франкфурте. С 1949 по 1953 год – депутат бундестага. 1952–1953 годы – член Общего собрания ЕОУС. С 1955 по 1973 год – президент Немецкого общества внешней политики. В 1948 году основал издательство. Член ХДС.

Библиографический список

1. *Монне Ж.* Реальность и политика: Мемуары. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. – 664 с.

2. *Сиджански Д.* Федералистское будущее Европы: от Европейского сообщества до Европейского Союза. – М.: Из-во РГГУ, 1998. – 420 с.

3. *Синдеев А.А.* История западноевропейской интеграции: Начало (1947–1957). – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 128 с.

4. *Adenauer K.* Erinnerungen, 1945–1953. – Stuttgart: Deutsche Verl.-Anst., 1965. – 589 S.

5. Adenauer und die Hohen Kommissare, 1949–1951 / hrsg. von H.-P. Schwarz in Verbindung mit R. Pommerin. Bd. 1. – München: Oldenbourg-Verlag, 1989. – 625 S.

6. *Gasteyger C. (Hg.)* Europa zwischen Spaltung und Einigung, 1945–1990: Eine Darstellung und Dokumentation über das Europa der Nachkriegszeit. – Köln: Verl. Wiss. u. Politik, 1990. – 445 S.

7. *Mittendorfer R.* Robert Schuman – Architekt des neuen Europa. – Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 1983. – 555 S.

УДК 947

Сулоев Иван Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

«ПРИГОВОРНОЕ ДВИЖЕНИЕ» В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1906 ГГ.

В статье исследуются история возникновения и содержание требований крестьян Костромской губернии в адрес различных властей в 1905 – первой половине 1906 г.

Ключевые слова: *Костромская губерния, первая русская революция, «приговорное движение».*

Начавшаяся первая русская революция вызвала бурную реакцию всех слоёв общества, в том числе и сельского населения. Под напором рабочего и крестьянского движения правительство 18 февраля 1905 г. издаёт указ, который позволял всем «верноподданным» подавать «виды и предложения» на «высочайшее» имя «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства» [11]. По мнению ряда отечественных исследователей, это послужило толчком к началу крестьянского «приговорного движения» [1; 12], под которым «условно понимается принятие и отсылка в высшие инстанции коллективом крестьян документально оформленных обращений, обязательно содержащих в себе общеполитические и общеэкономические требования и пожелания» [12, с. 5].

В отечественной историографии уделялось внимание изучению «приговорного движения» в масштабах всей Российской империи [19], в то же время требования, мировосприятие крестьян, характер «приговорного движения» на региональном уровне остаётся малоизученным [19].

В настоящей статье ставится задача анализа крестьянского «приговорного движения» в Костромской губернии в период с 9 января 1905 г. по 4 июля 1906 г. Источниками исследования служили 80 приговоров и наказов Костромской губернии, опубликованных в сборниках документов, а также в местной и центральной периодической печати. Для раскрытия обстоятельств принятия и подписания прошений использовались материалы фонда Товарища прокурора Костромского окружного суда.

Одной из форм проявления растущего самосознания крестьян стало отправление сразу же после 9 января приговоров и наказов, а также «верноподданнических адресов» в различные государственные учреждения империи. Так, крестьяне Красносельской волости Костромского уезда преподнесли Николаю II «всеподданнейший адрес», в котором просили принять «от глубины души и сердец …бесхитростно выраженные верноподданнейшие чувства» [6, с. 154]. Следовательно, сельское население выражало поддержку императору в борьбе с начавшейся революцией. Тем не менее широкое недовольство крестьян своим положением, а также деятельность агитаторов радикальных партий постепенно приводят к появлению документов, отражающих перемены в самосознании сельского населения.

Ряд отечественных историков в «приговорном движении» выделяет ряд этапов: первый этап связан с организацией и деятельностью Всероссийского крестьянского союза (конец лета – осень 1905 г.), второй этап связан с выборами и деятельностью I Государственной думы [17, с. 177]. В отличие от общероссийской периодизации, в Костромской губернии «приговорное движение» имело свои особенности. В губернии «движение» началось с определённым запозданием и шло по нарастающей, вследствие чего апогей его приходится на декабрь – период высшего подъёма революции. В то же время в январе – феврале 1906 г. происходит резкий спад активности крестьян (табл. 1).

Во-вторых, в течение всего периода из 30 приговоров лишь два были адресованы Всероссийскому крестьянскому союзу, что свидетельствует о его

Таблица 1

Количество приговоров и наказов на первом этапе «приговорного движения» в сентябре 1905 г. – феврале 1906 г.

Год	1905						1906		Всего
Месяц	янв.	февр.–авг.	сент.	окт.	ноябр.	дек.	янв.	февр.	
Кол-во	1	–	1	3	4	16	5	1	31

© Сулоев И.Н., 2011

незначительном, в отличие от общероссийского масштаба, влиянии в губернии на данном этапе.

Осенью и отчасти зимой в адрес различных властей жителями деревни было отправлено 30 приговоров и наказов. Так, 18 сентября 1905 г. домохозяева деревень Слудки, Кулемиха, Копотики и Курилова Глушковской волости Ветлужского уезда в своём приговоре требовали, чтобы «свободная Дума из свободно избранных всеобщими выборами представителей первым делом занялись …удовлетворением землёй земледельческого населения» [7]. В резолюции жителей селений Борское Васильевское, Родники и др. Юрьевецкого уезда 9 октября выражали недовольство законом 6 августа, ввиду этого они отказывались от участия в выборах в Государственную думу [12, с. 71]. Остальные два документа, октября того же года, представляют собой телеграммы, адресованные С.Ю. Витте. В ноябре было направлено четыре приговора, из них три выражали программные положения социал-демократов. Из них отражали положения аграрной программы РСДРП – два; выступили за бойкот выборов в Государственную Думу – одно. Представляет интерес процесс принятия приговора в с. Тонкино Варнавинского уезда. Так, 6 ноября в с. Тонкино Варнавинского уезда проходили выборы уполномоченных в Государственную Думу. На выборы явились члены Варнавинской группы РСДРП, которые организовали митинг и призвали крестьян к бойкоту Думы. Агитаторы вместе с жителями села составили приговор, однако часть сельчан была монархически настроена и не желала «участвовать в составлении незаконного приговора» [2, л. 1 об.]. Таким образом, ряд документов составлялся при непосредственном вмешательстве активистов революционных партий. В другом приговоре жители Глушковской волости Ветлужского уезда требовали «Ветлужского уездного предводителя дворянства повергнуть к стопам Государя Императора …чувства беззаветной преданности, …благодарности за дарованное всему населению право гражданской свободы и призыв народа к участию в управлении страной», а также просить императора «об увеличении числа членов Государственной Думы от крестьянского населения к первому же созыву по одному от каждого уезда» [8]. Крестьяне выражали монархические взгляды и изъявили желание последовательно выполнять указания императора.

В декабре вместе с ростом приговоров увеличивается и число адресатов. Так, 30 ноября и 1 декабря в с. Яковлевском Шунгенской волости проходили митинги, на которых присутствовали двое служащих земской управы. Чиновники разъясняли крестьянам интересующие их вопросы и проводили пропаганду идей Крестьянского союза. Под влиянием агитации жители села приняли приговор о поддержке программы Союза [9]. В другом документе сельчане д. Пчёлкино Шишкинской волости, указывая на сходе «на своё малоземелье, налоговое бремя и бесправие», постановили встать под руководство РСДРП [13, с. 185]. В то же время в конце декабря крестьянами Курновской волости был составлен черносотенный приговор [10, с. 123].

Наряду с различными политическими партиями и союзами, адресатом выступала и ещё не созванная Государственная Дума. Радикальные настроения выражали крестьяне Чудцковской волости, Солигаличского уезда. В приговоре 28 декабря сельские жители требовали от Государственной Думы, «чтобы земли казённые, монастырские, удельные и церковные составляли собственность всего народа без различия сословий, чтобы каждый желающий быть землевладельцем мог иметь в своём распоряжении участок земли в том количестве, который он считает для себя необходимым, и чтобы пользование землёю было бесплатное» [5]. Таким образом, в декабре, а также в январе – феврале 1906 г., наряду с увеличением числа приговоров и наказов, расширяется количество адресатов. Для анализа требований приговоров и наказов сельского населения было выбрано 17 (54%) наиболее чётко и полно отражающих мировосприятие крестьян приговоров (см. табл. 2).

Таблица 2

Требования крестьян в сентябре 1905 – феврале 1906 гг., выделенных из 17 приговоров

№ пп.	Категория требований	Количество	%
1.	Политические требования,	48	40,67
2.	Социально-экономически	56	47,45
3.	Культурно-образовательные	12	11,88
	Всего:	118	100

Таблица 3

Количество приговоров и наказов на втором этапе «приговорного движения» в апреле – июле 1906 г.

Год	1906				Итого
Месяц	апрель	май	июнь	июль	
Количество	1	20	28	1	50

Из таблицы 2 следует, что преобладающей категорией требований являлись социально-экономические, а именно – земельный вопрос. В то же время присутствуют политические – желание созыва Государственной Думы, которая, по мнению крестьян, должна решить данный вопрос. Таким образом, «приговорное» движение в Костромской губернии в период с сентября 1905 г. по февраль 1906 г. проходило под воздействием указа 6 августа 1905 г., давшего надежду сельскому населению на решение их насущных проблем.

Второй этап, апрель – июль 1906 г., в «приговорном движении» в Костромской губернии имел также ряд особенностей (см. табл. 3).

В ходе работы Думы отправка прошений шла с резким нарастанием. Начавшаяся предвыборная кампания не вызвала реакции у сельского населения, но зато работа I Государственной Думы породила надежды на решение крестьянских проблем. В отличие от первого этапа (5 адресатов: Николай I, С.Ю. Витте, РСДРП, Государственная дума, Крестьянский союз), в два раза увеличивается количество адресатов, кому посылаются крестьянские приговоры и наказы (см. табл. 4).

Причем 62% приговоров были направлены непосредственно Государственной думе. Так, в приговоре жителей д. Челноково Костромского уезда 28 мая звучало требование добиваться «созыва учредительного собрания, земли и воли» [15], а также отмены всех «кабальных повинностей», покосов, появилось желание «поделить казённые земли» [3]. Причём сельчане уверяли своих избранников в народной поддержке [4]. Часть документов жители села направили избранникам: П.Д. Горохову, И.В. Замыслову, Н.А. Огородникову, П.А. Сафонову. Из них три депутата принадлежат к конституционно-демократической партии, им отослано около 10% приговоров. Из них 7,5% – И.В. Замыслову, что связано с его частыми поездками к избирателям. Так, в ходе одной из поездок в Варнавинский уезд во второй половине июня депутат провёл семь собраний, рассказывая сельскому населению о деятельности Государственной Думы [16]. Прошения крестьян депутатам-кадетам свидетельствуют о популярности аграрной программы КДП среди жителей деревни. По сравнению с первым периодом, изменяется характер требований сельского населения (табл. 5).

Увеличиваются до 60,66% политические требования, а именно – созыва Учредительного собрания. Так, крестьяне с. Большие Соли в своей резолюции 3 июня требовали от своих избранни-

Таблица 4

Адресаты крестьянских приговоров и наказов в период деятельности I Государственной Думы

№ п/п	Адресат	1904	1905	1906	1907	Итого
1.	Государственная Дума	1	16	17	1	31 (62%)
2.	Председателю Государственной Думы (кадет)			1		1 (2%)
3.	РСДРП		1			1(2%)
4.	Трудовой группе		1	2		3(6%)
5.	«Рабочей группе»			1		1(2%)
6.	Горохову П.Д. (от крестьян)		2			2(4%)
7.	Совместно Горохову П.Д. и Сафонову П.А.			1		1(2%)
8.	Огородникову Н.А. (кадет)			1		1(2%)
9.	Замыслову И.В. (кадет)			4		4(7,5%)
10.	Сафонову П.А. (кадет)			1		1(2%)
	Всего	1	18	26	1	50

Таблица 5

Требования крестьян в приговорах и наказах в период деятельности I Государственной Думы

№ п/п	Категория требований	Количество	%
1.	Социально-экономические	54	36
2.	Политические	91	60,66
3.	Культурно-образовательные	5	3,33
	Всего	150	

ков добиваться созыва учредительного собрания [14]. В то же время уменьшаются социально-экономические требования. Преобладающей проблемой оставалась одна – земля и воля. В приговорах и наказах раскрывалась и суть крестьянского понимания «воли», а именно: «полное обновление крестьянской жизни, освобождение от помещечье-дворянской власти, опеки местных властей, установление крестьянского выборного самоуправления в рамках сельского общества» [18, с. 80]. Уменьшаются, но остаются желания сельского населения «всеобщего бесплатного образования», открытия «сельскохозяйственных практических школ» и др.

Таким образом, в «приговорном движении» крестьян Костромской губернии с 9 января 1905 по 4 июля 1906 г. выделяются два периода. Практика отсылки прошений начинается ещё до указа 18 февраля 1905 г., что связано с реакцией монархически настроенного сельского населения. Несмотря на это, в Костромской губернии в период с февраля по сентябрь приговоры и наказы в государственные органы страны жителями деревень и сёл не посылались. В отличие от общероссийского движения, в губернии «движение» началось в связи с манифестом 6 августа 1905 г., породившим надежду на решение своего земельного вопроса. Именно поэтому большую часть требований составляли социально-экономические пожелания крестьян. Предвыборная кампания не вызвала реакции у крестьян, в то же время деятельность Государственной Думы затронула интересы крестьян. Жители деревни восприняли Думу как орган, способный решить их насущные проблемы. Именно поэтому, в отличие от предшествующего этапа, среди чаяний сельчан преобладают политические мотивы. Следовательно, в 1905–1906 гг. в крестьянском сознании под воздействием революционной пропаганды происходит определённая эволюция взглядов на мир, которая приводит к преобладанию политических требований в их сознании.

Библиографический список

1. *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. – М: Мосгосархив, 1996.

2. Государственный архив Костромской области. Ф. 120. Оп. 1. Д. 516.

3. Костромская газета. – 1906. – 4 мая.

4. Костромская газета. – 1906. – 30 мая.

5. Костромская жизнь. – 1906. – 8 января.

6. Костромские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1905. – №5.

7. Костромской листок. – 1905. – 6 ноября.

8. Костромской листок. – 1905. – 7 декабря.

9. Костромской листок. – 1906. – 1 января.

10. *Неверов И.И.* Из материалов по крестьянскому движению в 1905–1906 гг. // 1905 год в Костроме. Сборник статей. – Кострома, 1926.

11. Полный свод законов Российской империи. III. Т. XXV. №25853.

12. Приговоры и наказы крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов / Автор-сост. Л.Т. Сенчакова. – М: Эдиториал УРСС, 2000.

13. Революционное движение в 1905–1907 гг. в Костромской губернии. Сборник документов / Под ред. И.Е. Пахомова. – Кострома: Костромское книжное издательство, 1955.

14. Речь (Государственная Дума). – 1906. – 3 июня (16 июня).

15. Речь. – 1906. – 8 (21) июня.

16. Речь. – 1906. – 28 (11 июля) июня.

17. *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказы – зеркало крестьянского менталитета 1905–1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. – М.: РОССПЭН, 1996.

18. *Сенчакова Л.Т.* Крестьянские наказы и приговоры в 1905–1906 гг. // Судьбы российского крестьянства. – М., 1996. – С. 80.

19. *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. – М.: РОССПЭН, 2008.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-112.81'362

Бондаренко Елена Валентиновна
Белгородский государственный университет
bond-elena@yandex.ru

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ УЭССЕКСКОГО ВАРИАНТА «АНГЛОСАКСОНСКОЙ ХРОНИКИ» ЗА 895 ГОД

Данная статья посвящена проблемам варьирования древнеанглийского языка – его уэссекскому диалекту. В статье описываются морфологические характеристики указанного диалекта, раскрываются специфические особенности его морфологии, рассматриваются вопросы варьирования способов выражения морфологических категорий.

Ключевые слова: *древнеанглийский язык, диалектное варьирование, фонолого-морфологические характерные черты, способы маркирования морфологических категорий.*

Уэссекский диалект является одним из четырех диалектов древнеанглийского языка. Этот диалект восходит к языку племени западных саксов, который использовался в пределах королевства Уэссекс Альфреда Великого. Фонолого-морфологическая система диалекта имела характерные черты, которые существенным образом отличали его как от нортумбрийского и мерсийского, так и от кентского диалекта.

В области фонологии признаки уэссекского диалекта проявлялись следующим образом: присутствие открытого, долгого *[ǣ]* в – слове *wǣron*, которому в нортумбрийском диалекте соответствовал более закрытый *[ē]* – *wēron*. Необходимо отметить и своеобразное произношение *-u* в открытом слоге: если в нортумбрийском диалекте оно будет напоминать произношение немецкого *ü,* то уэссекское соответствие будет обычное *[u]* – *cumin* [1].

Следует особо рассмотреть морфологические особенности уэссекского диалекта. Формы имен существительных слабого склонения сохраняли флексии, характерные для этого склонения *-an*. В четырех формах косвенных падежей использовалась единая флексия *-an*. В северном нортумбрийском диалекте маркеры соответствующих категорий изменялись: в косвенных падежах *-n* исчезала. Существовала разница во флексиях и у имен существительных женского рода, единственного числа, родительного падежа с основой на *-o*. В уэссекских памятниках выделяется маркер *-e*, в нортумбрийских *-es*.

В системе глагола уэссекского диалекта также наблюдались отличительные черты, присущие только данному варианту древнеанглийского языка. Формы инфинитива имели маркер *-an*. Для нортумбрийского диалекта более характерен инфинитив, заканчивающийся на *-a*. Для глаголов 1 лица, ед.ч., наст. и прош. вр., изъявит. накл. флексия *-e* являлась маркером грамматических категорий: *ic cuþe* «я говорю». 2 лицо, ед.ч., наст. и прош. вр., изъявит. накл. слабых глаголов маркировалось флексией *-est*: *herest* «ты слушаешь». Формы 3 лица, ед.ч., наст. вр., изъявит. накл. представлены флексией *-þ: for-lesep* «он разрушает». Этот маркер контрастировал с нортумбрийским маркером *-s*, который позже, в диахронии английского языка, сохранится и станет показателем 3 лица, ед.ч., наст. вр. [2].

«Англосаксонская хроника» является одним из самых известных памятников древнеанглийской литературы. Это известный манускрипт, который повествует о важных событиях на Британских островах, начиная с римского завоевания Британии в I веке н.э. Начало составления этой рукописи датируется IX веком. В настоящее время существует девять вариантов рукописи, большая часть которых находится в Британском музее в Лондоне.

Для настоящего исследования важен список рукописи на уэссекском диалекте. Его корпус огромен, поэтому для анализа выбран один эпизод – описание событий 895 года [3].

Лингвистический анализ морфологии данного эпизода позволяет выявить черты, наиболее присущие Уэссекскому диалекту. Парадигма имени представляет собой сложное образование. В общем виде она сохраняет наиболее типичные признаки древнеанглийской морфологии. Способы выражения морфологических категорий именных частей речи весьма разнообразны [4].

© Бондаренко Е.В., 2011

Морфологическая категория рода имен существительных выражалась несколькими способами, которые не противоречили общей тенденции маркированности имен. Существительными мужского рода являются: *cing* "король", *þegn* "тан", *hærfest* "урожай", *sume* "лето", *dæg* "день", *mann* "человек", *herige* "армия". В тексте рукописи это определяется флективной формой самого существительного: *cyninges* "короля": сущ., муж.р., ед.ч., род.п. от OE «cing» "король"; *þegnas* "таны": сущ., муж.р., мн.ч., им.п. от OE «þegn» "тан"; *hærfest* "осень, урожай": сущ., муж.р., ед.ч., им.п. от OE «hærfest» "урожай"; *mon* "человек": сущ., муж.р., ед.ч., им.п. от OE «mann» "человек". В памятнике не встречается ни одного существительного, род которого был бы показан формой прилагательного. Форма местоимения указывает на принадлежность к определенному роду в следующих случаях: *se cyng* "тот король": *cyng* – сущ., муж.р., ед.ч., им.п. от OE «cing» "король"; *þa Deniscan* "те датчане": сущ., муж.р., мн.ч., им.п. от OE «Denisc» "датчанин".

Женский род выявляется у существительных *byrig* "город", *hwīl* "время", *ea* "река", *furþ* "жизнь", *fird* "армия". Это позволяет определить флективная форма самого существительного: *furþum* "жизням": сущ., жен.р., мн.ч., дат.п. от OE «furþ» "жизнь". Категория рода может быть выражена формой местоимения: *þære byrig* "того города": сущ., жен.р., ед.ч., род.п. от OE «byrig» "город"; *þa hwile* "тем временем": сущ., жен.р., ед.ч., вин.п. от OE «hwīl» "время"; *þære byrig* "того города": сущ., жен.р., ед.ч., род.п. от OE «byrig» "город"; *þa hwile* "тем временем": сущ., жен.р., ед.ч., вин.п. от OE «hwīl» "время"; *þære eæ* "той реке": сущ., жен.р., ед.ч., дат.п. от OE «ea» "вода". Случаи, когда категорию рода определяет форма прилагательного, не найдены. В корпусе рукописи за 895 год найдено только одно имя существительное среднего рода: *folc* "народ". Определить морфологическую категорию рода может сочетающееся с именем существительным имя прилагательное: *oþres folces* "другие народы": *oþres* – прилаг., ср.р., мн.ч., им.п. от OE «oþēr» "другой", *folces* – сущ., ср.р., мн.ч., им.п. от OE «folc» "народ".

Для уэссекского диалекта характерно четкое разграничение единственного и множественного числа. Имена существительные мн.ч. в им./вин.п. муж.р.: *þegnas* "таны": сущ., муж.р., мн.ч., им.п. от OE «þegn» "тан"; *þa Deniscan* "те датчане": сущ., муж.р., мн.ч., им.п. от OE «Denisc» "датчанин". Средний род определяется по флективным формам мн.ч. у имен существительных: *þa scipu* "те корабли": сущ., ср.р., мн.ч., вин.п. от OE «skipu» "корабль". Форм родительного падежа мн.ч. не обнаружено. Дательный падеж мн.ч. маркируется флексией *–um*: *furþum* "жизням": сущ., жен.р., мн.ч., дат.п. от OE «furþ» "жизнь".

В «Англосаксонской хронике» морфологическая система Уэссекского диалекта сохраняет четыре падежа [5]. Формы родительного падежа обнаруживаются у следующих имен существительных: муж.р. имеет флексию *-es*: *cyninges* "короля": сущ., муж.р., ед.ч., род.п. от OE «cing» "король". У имен существительных жен. и ср.р. падеж определяется как по форме местоимения, так и по форме самого имени существительного: *þære byrig* "того города": сущ., жен.р., ед.ч., род.п. от OE «byrig» "город"; *þæs ripes* "тот урожай": сущ., ср.р., ед.ч., род.п. от OE «rīpe» "урожай". Дательный падеж отмечен формой местоимения и флексией *-e* самого имени существительного: *Þæm herige* "той армии": сущ., муж.р., ед.ч., дат.п. OE «here, herige» "армия"; *þære eæ* "той реке": сущ., жен.р., ед.ч., дат.п. от OE «ea» "река"; *þær geweorc* "той крепости": сущ., ср.р., ед.ч., дат.п. от OE «werc» "крепость". Маркер дат.п. мн.ч. *-um: furþum* "жизням": сущ., жен.р., мн.ч., дат.п. от OE «furþ» "жизнь". Винительный падеж наблюдается у имен существительных муж.р.: *Þa sume dæge* "в тот день лета": sume – лето: сущ., муж.р., ед.ч., вин.п. от OE «sume» "лето", *dæge* "день": сущ., муж.р., ед.ч., вин.п. от OE «dæg» "день"; жен.р.: *þa hwile* "тем временем": сущ., жен.р., ед.ч., вин.п. от OE «hwīl» "время"; *þa ea* "ту реку": сущ., жен.р., ед.ч., вин.п. от OE «ea» "река"; ср.р.: *þæt geweorc* "ту крепость": сущ., ср.р., ед.ч., вин.п. от OE «werc» "крепость".

Имена прилагательные, следуя общим правилам морфологии древнеанглийского языка, сохраняют грамматические категории рода, числа и падежа. Следует отметить, что в исследуемом тексте встречается не очень много имен прилагательных. Имеющиеся в «Англо-саксонской хронике» за 895 год имена прилагательные выявляют некоторые виды флексий множественного числа: муж.р. мн.ч. род.п.: *feower þegnas* "несколько танов": *feower* "несколько": прилаг., род.п., мн.ч. от OE «fēawer» "несколько"; ср.р. мн.ч. представлен одним прилагательным: *oþres folces* "другие народы": *oþres* – прилаг., ср.р., мн.ч., им.п. от OE «oþēr» "другой".

Уэссекский диалект сохраняет разряды местоимений и их склонение. Маркированные формы встречаются часто. В анализируемой части рукописи за 895 год личные местоимения представлены одним местоимением 3 лица, ед.ч.: *him* "ему": личн. мест., 3 лицо, муж.р., ед.ч., дат.п. от OE «he» "он" и одним местоимением мн.ч.: *hie* "они": личн. мест., 3 лицо, мн.ч. от OE «hīe» "они". К разряду притяжательных местоимений жен.р. относится местоимение *hira* "ее": притяж. мест., 3 лицо, жен.р., ед.ч., им.п. от OE «hira» "ее". Указательные местоимения можно классифицировать по роду: муж.р.: *se foresprecena* "та крепость": указат. мест., муж.р., ед.ч., им.п. от OE «se» "тот"; *se cyng* "тот король": *se* "тот": указат. мест., муж.р., ед.ч., им.п. от OE «se» "тот"; *þæm herige* "той армии": указат. мест., муж.р., ед.ч., дат.п. от OE «se» "тот". Женский род узнаваем по формам местоимений в словосочетаниях: *þære byrig* "того города": указат. мест., жен.р., ед.ч., род.п. от OE «seo» "та"; *þa hwile* "тем временем": указат. мест., жен.р., ед.ч., вин.п. от OE «seo» "та". Местоимения среднего рода: *þa scipu* "тот корабль": указат. мест., ср.р., ед.ч., вин.п. от OE «þæt» "тот".

Парадигма глагола представлена флективными формами сильных и слабых глаголов. У сильных глаголов различают 7 классов в соответствии с изменением корневого гласного, у слабых глаголов – 3 класса. В изучаемом тексте рукописи показана одна форма инфинитива: *brengan* "приносить": глаг., слаб., инф. от OE «bringen» "приносить".

Частотны формы прошедшего времени сильных глаголов: *ofslægene* "убили": глаг., сильн., 6 класс, мн.ч., прош.вр. от OE «slēan» "убивать"; *gerypon* "собрали урожай": глаг., 3 лицо, мн.ч., прош.вр. от OE «rīþan» "собирать урожай"; *ongunnen hæfdon* "уже начали": глаг., сильн., 3 класс, 3 лицо, мн.ч., прош.вр. от OE «onginnan» "начинать"; *onget* "понял": глаг., сильн., 5 класс, 3 лицо, ед.ч., прош.вр. от «ongietan» "понимать"; *forleton* "оставили": глаг., сильн., 7 класс, 3 лицо, мн.ч., прош.вр. от OE «forlætan» "оставлять". Слабые глаголы имеют флективный маркер *-e: wicode, gewicod* "поселился": глаг., слаб., 2 класс, ед.ч., прош.вр. от OE «wician» "селиться"; *forwiernan* "защитили": глаг., слаб., 1 класс, 3 лицо, мн.ч., прош.вр. от OE «forwerie» "защищать"; *rad* "поехал": глаг., слаб, 1 класс, 3 лицо, ед.ч., прош.вр. от OE «rīdan» "ездить". Претерито-презентные глаголы образуют отдельную группу. В основном они имеют модальное значение: *ne mehton* "не могли": глаг., претерито-презентный, 3 лицо, мн.ч., прош.вр. от OE «mai, may» "мочь".

Подводя итоги морфологического анализа памятника древнеанглийской литературы «Англосаксонская хроника» за 895 год (уэссекский вариант), следует отметить, что диалект королевства Уэссекс, с одной стороны, являлся вариантом древнеанглийского языка, поэтому его морфология развивалась в рамках общих диахронических процессов, характерных для английского языка того периода. С другой стороны, восходя к языку племени западных саксов, уэссекский диалект сохранял свои отличительные фонологоморфологические характерные черты, что подтвердил анализ морфологии текста хроники.

Библиографический список

1. *Бруннер К.* История английского языка: В 2 т. / Под ред., предисл. Б.Л. Ильиша. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955–1956.

2. *Ивашкин М.П.* Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. – М.: Прометей, 1988.

3. *Смирницкий А.И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарем: Учебное пособие. – М.: Академия ИЦ, 2008.

4. *Жирмунский В.М.* Общие тенденции фонетического развития германских языков // Вопросы языкознания. – 1965. – №1. – С. 3–21.

5. *Гухман М.М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. – М.: Наука, 1981.

Волкова Елена Борисовна
Московский авиационный институт (государственный технический университет)
lenka@mail.mipt.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНОГО ТИПА В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале произведений математического цикла)

В статье описываются типичные конструкции двухкомпонентных сложноподчиненных предложений изъяснительно-объектного типа в точных областях научного стиля русского языка (на материале математики), рассматриваются их структурные и семантические особенности. При всей своей простоте и прозрачности такие конструкции представляют большой интерес, и до сих пор им уделялось недостаточно внимания в литературе.

***Ключевые слова**: сложноподчиненное предложение, главная часть, придаточное предложение изъяснительно-объектного типа, подчиняющее слово, союзное подчинение, относительное подчинение.*

В статье описываются типичные конструкции двухкомпонентных сложноподчиненных предложений изъяснительно-объектного типа в точных областях научного стиля русского языка (на материале математики). Эта часть литературного языка характеризуется «большой простотой и обнажённостью синтаксических конструкций» [3, с. 171]. Непосредственным материалом для исследования послужила научная монография «Непрерывные группы» академика Л.С. Понтрягина [8], автора нескольких известных монографий и учебников, стиль изложения которых в мире науки считается образцовым. Этому учёному принадлежат фундаментальные результаты в области алгебраической и дифференциальной топологии. Из книги данного автора методом сплошной выборки извлечены сложноподчинённые предложения изъяснительно-объектного типа, всего 1500 конструкций, 1/3 от всех предложений в исследуемой монографии, которые и анализируются в данной статье со стороны своих структурно-семантических особенностей. Они являются наиболее продуктивной конструкцией в научном стиле среди двухкомпонентных сложноподчинённых предложений [4, с. 150].

К изъяснительно-объектным относятся сложноподчинённые предложения нерасчленимого типа с придаточными, которые распространяют контактные слова в главной части, указывая на необходимый по смыслу внутренний объект (содержание того, что названо контактным словом), и присоединяются изъяснительным союзом (*что, чтобы, как, как бы, будто, как будто*) или относительно-вопросительным местоимением [6, с. 191].

Все двухкомпонентные сложноподчинённые изъяснительно-объектные предложения в изучаемой области научного стиля имеют постпозитивную придаточную часть. Такие предложения лаконичны, структура их стереотипна. Главная часть в значительной степени выполняет чисто организационную роль: отличается семантической и лексической неполнотой. В научном стиле особенно нагляден служебный характер главной части: главная часть вводит придаточное, и всё её назначение – обслуживание формально зависимой части. Является обычным употребление одного слова в качестве главной части. И в других случаях главная часть таких конструкций в научном стиле невелика, и содержание её предельно редуцировано. Она имеет яркий модальный характер, так как её задача – выразить отношение к придаточной части [4, с. 154]. Главная часть подобных конструкций и в общелитературном языке превратилась в «своего рода модальную оправу» придаточной части, а придаточная часть выполняет «основную роль в коммуникации» [7, с. 66]. То же мы наблюдаем и на нашем материале.

Основной синтаксической позицией придаточных в изъяснительно-объектных конструкциях является позиция при глаголе. Слова других частей речи участвуют в формировании изъяснительных отношений благодаря своим словообразовательным связям с глаголом или через синонимические отношения с глагольными образованиями. Наиболее часто предикатив главной части находится в форме третьего лица единственного или множественного числа настоящего времени, часто употребляются возвратные глаголы. Далее идёт группа предложений с составным гла-

 © Волкова Е.Б., 2011

гольным сказуемым в главной части. Неопределённая форма глагола – это один из глаголов «неполного высказывания» (речи, мыслительной деятельности, сообщения), второй компонент – слово модального значения: глагол, краткое прилагательное или слово категории состояния. Большая группа предложений имеет в качестве подчиняющего слова главной части глагол первого лица множественного числа (иногда синонимичного составному глагольному сказуемому: *докажем – можно доказать*). Часто такое сказуемое и представляет собой главную часть. Здесь вводящий характер главной части подчёркивается стереотипностью употребления подчиняющих слов: *заметим, что ....; предположим, что ...; допустим, что.... Допустим, что для некоторых элементов* $h \in H$ *число* a_{m+1} *отлично от нуля. Предположим, что существует решение* $f(x)$ *системы (1) при произвольных начальных значениях* $x_0 \in V$, $f_0 \in U$. *Заметим, что получаемые из (8) функции* $y(x')$ *являются вспомогательными функциями группы Ли. Докажем, что система* A' *действительных функций является равномерно полной. Используя результаты настоящего параграфа, можно доказать, что все пространства* G_k *бикомпактны.*

Частотны в качестве подчиняющего слова главной части при логических рассуждениях слова *очевидно, ясно, известно*. *Очевидно, что идеал I состоит из всех целочисленных кратных числа r. Известно, что для каждой квадратной матрицы x можно подобрать матрицу t с отличным от нуля детерминантом. Ясно, что в H не существует открытой подгруппы, содержащейся в U.*

Устойчиво употребляется в данной разновидности научного стиля в качестве подчиняющих слов определённая группа отглагольных существительных, которые, требуют после себя придаточное с объектным значением. Существительное всё же сообщает придаточному атрибутивный оттенок, но подстановка союза *что*, не синонимичного с союзными средствами определительного придаточного, свидетельствует об изъяснительном характере придаточного. Наиболее часто в качестве подчиняющих слов в главной части употребляются существительные: *предположение, вывод, факт*. *Тот факт, что алгебра* K_n *состоит из всех преобразований a, удовлетворяющих условию (24), доказывается точно так же. Мы пришли к выводу, что G есть прямая сумма двух свободных циклических групп. В первом случае было разобрано предположение, что все элементы матрицы* a^* *равны нулю.*

Нередко в качестве подчиняющих слов главной части, вводящей придаточное изъяснительно-объектное, употребляются фразеологические обороты: *стоит подчеркнуть, следует иметь в виду, можно сделать вывод. Всюду в дальнейшем, говоря об окрестностях, будем иметь в виду, что выбран некоторый определённый базис* $\sum$. *Стоит подчеркнуть, что говорим мы только об алгебраических свойствах топологической группы, отвлекаясь от топологических. Из сопоставления теоремы Фробениуса и сформулированных выше результатов следующего параграфа можно сделать вывод, что всякое связное локально бикомпактное тело изоморфно или полю действительных чисел, или полю комплексных чисел, или телу кватернионов.* Употребление штампов, стереотипность научной речи является оправданной теми задачами, которые встают в данной области научного стиля: максимально точно, лаконично и недвусмысленно передать мысль.

Принадлежность к разным частям речи слов, входящим в одну лексико-семантическую группу, не влияет на способ их связи с последующим придаточным предложением и на оформление этой связи посредством того или иного союза [1, с. 757].

В зависимости от своего строения и грамматического значения изъяснительно-объектные сложноподчинённые предложения делятся на два вида: 1) предложения с союзным подчинением, в которых придаточные выражают различные сообщения и побуждения, и 2) предложения с относительным подчинением (с помощью союзных слов) или с союзом-частицей *ли (ли или)*, в которых придаточные выражают тему, предмет сообщения или имеют косвенно-вопросительное значение [6, с. 194].

1. Предложения с союзным подчинением имеют две разновидности: а) предложения с реальной модальностью объекта и б) предложения с ирреальной модальностью объекта.

В предложениях с реальной модальностью объекта придаточная часть присоединяется союзами, принадлежащими к сфере повествования: *что, как, будто (как будто)*, выражает реальный объект.

Союз *что,* наиболее употребительный в научном стиле, указывает на принадлежность со-

общения плану повествовательной речи. Круг опорных слов при нём чрезвычайно широк. В первую очередь сюда входит лексика, называющая разнообразные формы передачи информации и виды интеллектуальной деятельности (*доказывать, полагать, показывать*). *Докажем, что каждая область H в R* может быть получена как сумма областей, принадлежащих множеству ∑*. Покажем, наконец, что группа G/B не имеет бикомпактных элементов, отличных от нуля. При этом мы будем предполагать, что рассматриваемые локально бикомпактные тела удовлетворяют первой аксиоме счетности. Говорят, что матрица d переходит в матрицу d' с помощью трансформации матрицей t.*

В качестве опорных слов часто функционируют оценочные предикативные наречия: *важно, справедливо, интересно*, модальные предикативы: *возможно, допустимо*. С союзом *что* часто употребляются слова с семантикой бытия, существования, связи и отношения (*состоять (в чем-н.), сводиться (к чему-н.), заключаться (в чем-н.),*), начала и окончания действия. *Интересно, что с этой точки зрения топология в подпространстве определяется однозначно. Важно то, что ни один из элементов последовательности (12) не равен e. Следовательно, явно невозможно, что существует окрестность V точки a, входящая в U\N, и не пересекающаяся с множеством M\a. Существенный недостаток этой конструкции состоит в том, что группу G нельзя считать наперёд заданной полной группой Ли.*

Довольно часто в данной области научного стиля слова, нуждающиеся в изъяснении, распространяются придаточной частью с помощью указательного местоимения *то: можно начать с того, что, сводится к тому, что*. В предложениях с указательным словом в главной части, придаточные имеют более чётко выраженное объектное значение. Кроме того, указательные слова дифференцируют значение глагола. *Видоизменение доказательства теоремы 33 заключается в том, что вместо системы неприводимых представлений следует рассматривать систему всех представлений и соответственно вместо системы A – систему A". При этом начнем с того, что рассмотрим соответствующие алгебры Ли. Все имеющиеся в примерах 91 и 108 результаты сводятся к тому, что для классических алгебр Ли центр группы $G(A_n)$ есть циклическая группа порядка n+1, центр группы $G(B_n)$ есть циклическая группа второго порядка…*

Союз *как* сигнализирует о полном совпадении точек зрения субъекта и говорящего, который оценивает сообщение как достоверное [5, с. 476]. С ним сочетаются слова, называющие ощущение, восприятие и наблюдение (*смотреть, проследить, заметить*), а также процессы и источники информации (*описывать, определять*), мысль и память (*представлять себе, вспоминать*). По своему значению данные предложения близки к конструкциям с союзом *что* (выражают реальный объект) и отличаются динамическим характером объекта и оттенком качественно-обстоятельственного значения, которое всегда присутствует в союзе *как*. Однако предложений с этим союзом в исследуемом материале оказалось совсем немного (около 2%). *Покажем конкретно, как совершается указанный переход от окрестностей к операции замыкания. Для доказательства теоремы нам следует выяснить вопрос о том, как реагируют элементы подгруппы H на внутренние автоморфизмы группы G.*

В предложениях с ирреальной модальностью объекта (союзы, принадлежащие сфере волеизъявления: *чтобы, как бы* и сослагательное наклонение или инфинитив в придаточной части) объект представляется как желательный, возможный или необходимый. Опорные слова могут быть следующих лексико-семантических групп: просьбы, совета, предположения; требования и предписания, волевого воздействия; желания, стремления, цели и предпочтения (*стремиться, стараться, добиваться; цель, задача*); субъективного недопущения (*не может быть, не следует*) а также целенаправленные процессы наблюдения (*смотреть, следить*). В математической лексике в этой функции часто встречаются такие слова, как *необходимо, достаточно, необходимо и достаточно, чтобы. Иначе это условие можно формулировать, потребовав, чтобы преобразование φ_x было тождественным. Для совпадения смежных классов по подгруппе N необходимо и достаточно, чтобы подгруппа N была инвариантной.*

2. К сложноподчинённым предложениям с относительным подчинением или с союзом частицей *ли* относятся косвенно-вопросительные предложения. К союзным средствам, относящимся к сфере вопроса, принадлежат союзная частица *ли*, её модификации *не… ли, ли… ли, ли… или*,

союзы *или… или, или, то ли… то ли*. Изъяснительная связь при вопросе в наших текстах может быть оформлена также средствами местоимённых вопросительных слов *кто, что, какой, сколько, когда, где* и другие. К опорным словам относится лексика, обозначающая познание (незнание), непонимание, размышление, активную познавательную деятельность (*задавать вопрос, интересоваться, выяснять*). *Основным вопросом проективной геометрии является вопрос о том, каждая ли аксиоматически определенная проективная геометрия изоморфна проективной геометрии над некоторым телом. В классических задачах всегда бывает ясно, какую именно топологию нужно внести в группу преобразований пространства.*

Придаточные в таких предложениях выражают объект не как сообщение, а как его тему с более или менее выраженным оттенком косвенного вопроса. При отсутствии указательного слова этот оттенок более отчётлив, при наличии – менее [6, с. 198]. Действительно, в первом примере обозначается направление дальнейшего повествования, в то время как во втором примере явно задается вопрос в косвенной форме.

Для предложений научного стиля характерно совпадение во времени действия главной и придаточной части. В 90% глагол-сказуемое употребляется в настоящем времени несовершенного вида. В главной части возможно употребление прошедшего времени, но в придаточной части глагол-сказуемое имеет только настоящее время. Такое относительное употребление времени, свидетельствующее о тесной связи частей предложения и во временном плане, является нормой для современного русского языка [4, с. 154]. Употребление в научном стиле в придаточном изъяснительно-объектном прошедшего времени свидетельствует о разновремённости действия главной и придаточной частей, а не об абсолютном употреблении времени. Как видно из приведённых ниже примеров, действие главной части предшествует придаточной. Такие предложения в исследуемой монографии встречались довольно редко (около 3%). *Оказалось, что, налагая на тополого-алгебраический объект ограничения (аксиомы) весьма общего характера, мы приходим к чрезвычайно конкретным математическим понятиям. В предыдущем параграфе мы доказали, что вес пространства X равен мощности группы G.*

Предложения исследуемой структуры отличаются четкостью синтаксических взаимоотношений, стандартизацией в употреблении и построении сложного предложения. Такая синтаксическая организация предложений в исследованном материале позволяет выразить сложное содержание в прозрачной синтаксической структуре. «Тенденция к стандартизации» для сложноподчиненных предложений в стиле точных наук является самой характерной чертой [4, с. 162].

В исследуемом материале прослеживается и другая тенденция, характерная для научного стиля, – это синтаксическая компрессия (конденсация). Современные ученые стремятся к конденсации языкового выражения, к экономии речевых средств, к их компактному выражению, к сжатому способу высказывания. Синтаксическая компрессия – это увеличение количества информации на одну единицу плана выражения [2, с. 118]. Компрессия – результат тенденции научной речи к сокращению речевой избыточности при сохранении максимума информации. Это также включает в себя широкое использование рассмотренных конструкций, легко образующих стандартизованные воспроизводимые клишированные единицы, способствующих сжатости изложения при сохранении всего информативного ядра высказывания.

Эти основные тенденции, объясняющиеся особыми задачами научного стиля, как мы видим, накладывают свой отпечаток на все стороны смысловой и структурной организации сложноподчинённого предложения: характер главной и придаточной части, способ и средства связи этих частей, соотношение строевых средств, объединяющих части предложения в одно целое.

Библиографический список

1. *Белошапкова В.В.* Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 757.

2. *Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. – М.: Русский язык, 1976. – С. 192.

3. *Ганцовская Н.С.* О синтаксических отношениях в многокомпонентном сложноподчиненном предложении (на материале научного стиля) // Ученые записки. – Кострома: КГПИ, 1966. – Т. 13. – С. 171.

4. *Ганцовская Н.С.* Некоторые типичные конструкции многокомпонентных сложноподчиненных предложений в научном стиле // Ученые записки. – Ярославль: ЯГПИ, 1969. – Т. 14. – С. 154–162.

5. *Кручинина И.Н.* Русская грамматика. Синтаксис. – М.: Наука, 1982. – Т. 2. – С. 476.

6. *Максимов Л.Ю. Бабайцева В.В.* Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987. – Т. 3. – С. 191.

7. Очерки по исторической грамматике русского языка XIX в. Изменение в строе сложноподчиненного предложения. – М.: Наука, 1964.– С. 66.

8. *Понтрягин Л.С.* Непрерывные группы. – М.: Наука, 1973. – 520 с.

УДК 81.28

Кобелева Ирина Арнольдовна
Сыктывкарский государственный университет
kobir@list.ru

О ДВУХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДАХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье на севернорусском диалектном материале решается проблема разграничения лексико-грамматических разрядов модальных и междометных фразеологизмов, первый из которых не имеет в русском языке устойчивого статуса и порой не отграничивается от единиц междометного типа.

***Ключевые слова**: фразеология, русский язык, русские говоры, грамматика, модальный, междометный.*

Во фразеологическом составе современного русского языка в настоящее время выделяют до 10 лексико-грамматических разрядов, при этом общепринятыми, встречающимися в любых лексико-грамматических классификациях являются разряды фразеологизмов именных (предметных): *тёртый калач, филькина грамота, медвежий угол* и др., глагольных (процессуальных): *точить лясы, лезть из кожи вон, наломать дров* и др., адъективных (призначных): *гол как сокол, тугой на ухо, не робкого десятка* и др., адвербиальных (наречных): *сломя голову, ни свет ни заря, у чёрта на куличках* и др., междометных (интерьективных): *вот так клюква!, ёлки зелёные!, боже мой!* и др.

Модальные фразеологические единицы такого однозначного статуса не имеют, и здесь уместно говорить о трех подходах к их идентификации. Во-первых, они могут выделяться в самостоятельный лексико-грамматический разряд, при этом описание специфики единиц этого разряда может либо ограничиваться указанием на употребление их в качестве вводных конструкций [1, с. 210], либо заключаться в развернутом анализе их семантики и грамматических особенностей [14, с. 34–36]. Во-вторых, они могут вовсе отсутствовать в лексико-грамматической характеристике русской фразеологии [5, с. 126–149]. В-третьих, модальные фразеологические единицы могут быть объединены в один разряд с междометными фразеологизмами, что проявляется как на терминологическом уровне [2], так и на уровне сущностном [4]. Последний случай проиллюстрируем выдержкой: «Во фразеологии, как и в лексике, есть единицы, которые служат средством выражения разнообразного эмоционального и рационального отношения говорящего к высказываемой мысли: согласия/несогласия, удивления, уверенности/неуверенности, отказа, сомнения, понимания, подтверждения/возражения, восхищения, пожелания, благодарности и других. Такие фразеологизмы <...> мы относим к семантико-грамматическому классу модальных фразеологических единиц» [4, с. 69] – здесь нашей разрядкой выделены понятия, которые представляются нам относящимися к междометному разряду фразеологических единиц.

В настоящей статье разделяется первая точка зрения на место модальных фразеологизмов в системе лексико-грамматических разрядов русского языка. Обоснованность выделения особого разряда модальных фразеологических единиц и отграничения их от междометных фразеологизмов поддерживается многочисленными примерами из фразеологического состава русских говоров, свидетельствующими, что модальные фразеологические единицы выражают различные волеизъявления говорящего, обозначая его рациональную реакцию на что-либо, в то время как междометные фразеологические единицы являются вербальной репрезентацией эмоций и служат для передачи непроизвольных эмоциональных реакций говорящего (его радости, восхищения, удивления, испуга, недовольства, огорчения и др.).

 © Кобелева И.А., 2011

В целом диалектные модальные фразеологизмы могут быть распределены на несколько групп:

1. Единицы, выражающие уверенность или неуверенность говорящего в чем-либо, ср.: БАТЮШКО БОГ, ИСТИННЫЙ ХРИСТОС! 'уверения в правоте, божба' [7, с. 18], ЕДВА ЛИ БОГ ШАНЬГИ ЕЛ! 'выражение сомнения' [7, с. 25], ОДНОВА ДЫХНУТЬ 'формула заклинания, клятвы' [11, с. 58] и др.

2. Единицы, выражающие желательность или нежелательность чего-либо для говорящего, ср.: ЧУР НА ОКРУГ (НА ОКРУГЕ)! 'оборони Бог!' [7, с. 420], НЕ ОБРЯДИ БОГ 'не приведи Господи' [12, т. 4, с. 114–115], В ЧАС СКАЗАТЬ! 'выражение употребляется как заклинание, предотвращающее порчу, сглаз; равнозначно выражению «не сглазить бы!»' [9, с. 61] и др.

3. Единицы, выражающие пожелание говорящего кому-либо в соответствии с требованиями этикета, ср.: КАНУН ДА ЛАДАН! 'пожелание на похоронах или поминках' [7, с. 160], СПОР ВАШИМ ГРОШАМ 'пожелание богатства при встрече гостя' [8, т. 8, с. 42], ЧАИТЬ–САХАРИТЬ 'приветствие входящего, когда в доме пьют чай' [13, т. 2, с. 413] и др.

4. Единицы, выражающие недоброе пожелание говорящего кому-либо, ср.: КОРОЧУН ТЕБЕ НА ЯЗЫК 'пожелание болезни' [6, т. 4, с. 117], СОЛЁНО ТЕБЕ В ГЛАЗА 'пожелание плохого' [6, т. 10, с. 113], ШЕСТЬ ДОСОК СЕДЬМОЙ ПРИДЕЛ! 'недоброе пожелание' [7, с. 424] и др.

5. Единицы, выражающие уступку говорящего кому-либо или чему-либо в безвыходной ситуации, ср.: КРЕСТИ КОЗЫРИ 'увы, делать нечего' [11, с. 47], КУДА КИНЕШЬСЯ! 'ничего не поделаешь' [7, с. 187], ЧЁ БЫТЬ 'будь что будет' [7, с. 413] и др.

6. Единицы, подводящие итог сказанному или являющиеся реакцией на сказанное, ср.: ВОТ БАРЫШ КАКОЙ 'вот какое дело' [12, т. 1, с. 42], ВОТ ТАКАЯ ШТУКОРЯНЦА 'употребляется как вывод сказанному' [7, с. 60], ФИЛЬКУ ВЫКУСИ! 'отказ выполнить чью-л. просьбу, приказ, требование' [11, с. 77] и др.

Междометные диалектные фразеологические единицы разделяются на две группы – «однозначные» (выражающие сходные чувства) и «многозначные» (выражающие разные чувства). По наблюдениям Н. В. Курниковой, первые единицы имеют один интонационный рисунок, а при реализации вторых, требующих уточнения посредством интонации, мимики, жестов, используются различные интонационные рисунки [3, с. 168]. «Однозначные» междометные фразеологизмы в основном используются для выражения чувств досады, огорчения, разочарования и т. п.; «однозначность» таких фразеологизмов часто зависит от наличия в их составе компонентов, восходящих к лексемам *беда*, *горе*, *ахти*, которые и предопределяют общее «значение» междометной фразеологической единицы, ср., например: ТОШНАЯ БЕДУШКА 'эмоциональное восклицание (горе, печаль)' [11, с. 16], БЕДА БЕДНАЯ 'междометие, горестное восклицание' [10, т. 1, с. 84], ГОРЕ БЕДНОЕ 'горестное восклицание' [10, т. 3, с. 103], ЕПИШКИНО ГОРЕ! 'восклицание, выражающее чувство досады' [7, с. 117], МАТКИНО ГОРЕ! 'восклицание, выражающее досаду' [8, т. 7, с. 101], АХТИ МНЕ 'восклицание горя, печали' [6, т. 1, с. 15], АХТИ, ЛИХАРЬКО 'употребляется для выражения сожаления' [8, т. 17, с. 105], АХ-ТИ, ТОШНЕНЬКО ЛИХОНЬКО! 'эмоциональное восклицание (досада, сожаление)' [11, с. 49] и мн. др. Подобные фразеологические единицы «семантизируются эмоционально даже вне контекста, так как они эмоциональны уже в словарном состоянии семантики» [15, с. 4]. «Многозначные» междометные фразеологизмы в разных контекстах выражают разные чувства, ср., например: ЛАДОШКИ КРЕСТНЫЕ! 'восклицание, выражающее различные чувства' [8, т. 16, с. 477], МАТЕРИ САНИ 'эмоциональное восклицание (досада, удивление)' [11, с. 52], БОГ ДА ХРИСТОС 'выражение удивления, раздражения и т.п.' [10, т. 1, с. 127] и др. Выражаемые чувства порой могут быть прямо противоположными, ср.: БЕС БЕЙ! 'восклицание, выражающее досаду, негодование, восхищение' [7, с. 22] и др.

Что касается формально-грамматической характеристики единиц двух рассматриваемых разрядов, подчеркнем их общность в следующем: ни модальные, ни междометные фразеологизмы не изменяются, в предложении они никак не связаны с другими словами и, следовательно, не образуют фразеолексических сочетаний, ср., например, модальную фразеологическую единицу БАТЮШКО БОГ, ИСТИННЫЙ ХРИСТОС! 'уверения в правоте, божба': *Не брал я у тебя ничего, батюшко Бог, истинный Христос!* (Черная Юрл.). [7, с. 18] или междометную единицу СВЕТА МОИ МАТУШКИ! 'восклицание, выражающее удивление': *Света мои матушки! Мила ты*

дочь! Откуда ето у тебя? (Кривец Ильинск.). [7, с. 324]. Отметим, однако, что модальные фразеологизмы, которые выражают разного рода пожелания, могут иметь синтаксическое распространение местоимениями, указывающими на тех, кому пожелание адресовано, ср: ЛЁГКОГО ЛЕЖАНИЯ кому ‘пожелание умершему: «Пусть земля будет пухом!»’: *Дет был хорошый, лёхкова яму лежания.* (Пл.). [8, т. 16, с. 561]; ЧТОБ ПОВЕСИЛИ кого НА СУХОЙ ОСИНЕ! ‘недоброе пожелание’: *Опять пришел надоедать, чтоб тебя повесили на сухой осине.* (Холм.). *Всю жизнь с им маюсь, чтоб его повесили на сухой осине.* (Под.). [9, с. 26] и т. п.

Таким образом, модальные фразеологические единицы, функционирующие как в северно-русских народных говорах, так и в русском литературном языке, по праву могут претендовать на обособление их в особый лексико-грамматический разряд, при этом основанием для объединения будут являться прежде всего их смысловые показатели.

Библиографический список

1. *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.

2. *Кавуля Т.* Модально-междометные фразеологические единицы в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1987. – 27 с.

3. *Курникова Н.В.* Интонационно маркированные фразеологические единицы как один из способов выражения эмоциональности русской речи // Фразеология и миропонимание народа. В 2-х ч. Ч. 2. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2002. – С. 165–169.

4. *Мительская Ж.З.* Языковые свойства модальных фразеологизмов – единиц речевого этикета // Фразеологизм: семантика и формы. – Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2001. – С. 69–74.

5. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука ЛО, 1977. – 283 с.

6. Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. – Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1992–2000.

7. *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. – 432 с.

8. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–17. – Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ, СПбГУ, 1967–2005.

9. *Сергеева Л.Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 307 с.

10. Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–4. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009.

11. Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2001. – 176 с.

12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. – СПб.: СПбГУ, 1994–2005.

13. Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. – СПб.: СПбГУ, 2003–2005.

14. *Хуснутдинов А.А.* Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. – Иваново: ИвГУ, 1993. – 63 с.

15. *Шаховский В.И.* Лингвистика эмоций // Филологические науки. – 2007. – №5. – С. 3–13.

УДК 811.111`01

Мищук Евгения Владимировна
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ ПРОИЗВОДНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ

В статье рассматривается синонимия словообразовательных суффиксов древнеанглийских производных существительных, вскрываются структурные и семантические отношения между словообразовательными синонимами. Установлено число случаев синонимии конкретных суффиксов отвлеченных существительных и посредством сопоставления производных имен (в частности – их словарных дефиниций) выявлены семантические сходства и различия рассматриваемых синонимов.

Ключевые слова: *словообразовательная синонимия, словообразовательные синонимы, производящая основа, основообразующие суффиксы, чистые суффиксы, полусуффиксы.*

Среди множества синонимических отношений, существующих в языковой системе, важное место занимает словообразовательная синонимия, которая является одним из главных условий функционирования и сохранения синонимов, а следовательно, своеобразным проявлением «обогащения» словарного состава любого языка.

К вопросу словообразовательной синонимии одним из первых обратился академик В.В. Виноградов при рассмотрении проблемы словообразования в его отношении к грамматике и лексикологии. Словообразовательные синонимы он определяет как слова, произведенные от одной основы с помощью «синонимичных» суффиксов по признаку принадлежности их к одной и той же категории (лица, отвлеченности и т.п.), например: *низина*, *низость* и *низкость*; *глухота*, *глушина* и *глухость* [1, с. 198].

Соответственно этому определению и в его развитии в настоящем исследовании под словообразовательными синонимами понимается ряд дериватов, возникших путем осложнения одной и той же производящей основы синонимичными суффиксами. Именно общность производящих основ обеспечивает общность значений словообразовательных синонимов. Таким образом, обязательным условием словообразовательной синонимии является лексическая синонимия, и синонимические словообразовательные ряды образуют слова, имеющие общие лексико-семантические варианты (ЛСВ).

Материал исследования, полученный в результате сплошной выборки из корпуса Англосаксонского словаря Дж. Босворта и Т.Н. Толлера и Краткого англосаксонского словаря Дж.Р. Кларка Холла, демонстрирует весьма развитую словообразовательную синонимию производных существительных в древнеанглийском.

У деадъективных существительных синонимичными являются:

а) основообразующие суффиксы и чистые суффиксы, например:

*næcedu (**-īn**) – næced**ness**, nacod**ness*** ‘нагота’

*bróga (**-an**) – bré**gnes(s)*** ‘страх, ужас’

*fruma (**-an**) – frum**þ**, frym**þ*** ‘начало, источник’

*wæstmbǽru (**-īn**) – wæstmbǽr**nes*** ‘плодородие’

б) основообразующие суффиксы и полусуффиксы:

snytro, snyttro (***-īn***) – *snotor**scipe*** ‘мудрость, проницательность’

в) различные чистые суффиксы, например:

*ánád, ánǽd – án**nes(s)**, **-nys*** ‘одиночество’

*hieh**ð(u)**, heah**ðu** – heáh**ness*** ‘высота’

*mǽr**þu**, mǽr**þ** – mǽr**ness*** ‘величие’

г) чистые суффиксы и полусуффиксы, в частности:

*cáf**ness** – cáf**scype**, cóf**scipe*** ‘быстрота, расторопность, проворство’

*hálig**nes(s)** – hálig**dóm*** ‘святость, безгрешность’

*hǽgstald**nis** – hǽgstald**hád*** ‘безбрачие, девственность’

*freó**ls** – freó**d**, freó**t** – freo**ðo**, freo**ðu** – freó**dóm*** ‘безопасность, мир, свобода’

д) различные полусуффиксы, а именно:

*hǽðen**scipe** – hǽðen**dóm*** ‘язычество’.

У отглагольных существительных синонимами выступают:

а) различные основообразующие суффиксы, например:

*andgiete (**-ōn, -jōn**) – andgiet (**-a-**)* ‘понимание, знание’

*wlita (**-an**) – wlitu (**-ō-, -jō-**) – wlite (**-a-**)* ‘внешность’

*bedu (**-ō-, -jō-**) – béd (**-a-**)* ‘молитва, просьба’

© Мищук Е.В., 2011

gráp ***(-ō-, -jō-)*** – *gripe* ***(-a-)*** ‘крепкое сжатие, захват’

б) основообразующие суффиксы и чистые суффиксы, в том числе:

hwearf, hwerf ***(-a-)*** – *hwearf**ung**, hwerf**ung*** – *hwyrf**t*** ‘вращение’

edwendu ***(-ō-, -jō-)*** – *edwend**en*** ‘изменение’

andleofa, -lifa ***(-an)*** – *leof**en**, lif**en*** ‘средства к существованию’

fær ***(-a-)*** – *faru* ***(-ō-, -jō-)*** – *fer**ing*** – *fær**nys**, fér**nes(s)*** ‘ходьба’

dwola ***(-an)*** – *dwil**d**, dwyl**d*** ‘заблуждение’

wíg ***(-a-)*** – *wig**noþ*** ‘война’

hreów ***(-ō-, -jō-)*** – *hreów**ness*** – *hréows**ung*** ‘раскаяние’

gilp, gelp, gielp, gylp ***(-a-)*** – *gielp**ing*** ‘известность, слава’

в) различные чистые суффиксы, например:

*ágen**ung**, ágn**ung**, ahn**ung*** – *āgen**ness*** – *éh**t*** – *ág**en*** ‘собственность, имущество’

*hleó**naþ*** – *hleó**þ**, hleów**þ*** – *hléow**ung*** ‘приют, кров’

*andett**ing*** – *andet**nes(s)**, **-nys**, **-nyss*** – *andet**la*** ‘признание (вины, ошибки)’

*wirg**þu**, wirg**þ*** – *wirg**ung*** – *wirg**nes*** ‘проклятие’

*mea**ht**, mie**ht**, mi**ht*** – *mæg**en*** ‘сила, могущество’

*sew**en**, sie**n*** – *sih**þ*** ‘зрение, видение’

г) чистые суффиксы и полусуффиксы, в частности:

*bærn**ing*** – *berne**lác*** ‘жертвоприношение в виде сжигания’.

Большую группу словообразовательных синонимов, отмеченных в древнеанглийских словарях, составляют существительные, у одних из которых производящая основа является адъективной, а у других – глагольной. При этом можно предположить, что первичной является адъективная основа, от которой первоначально были образованы глаголы, а уже от последних – абстрактные существительные. Попытка реконструировать этот процесс может быть представлена следующим образом: *hǽl* → *hǽlan* → *hǽl**þ***. Как синонимы, обеспечивающие эту (вторую) ступень деривации, выступают:

а) основообразующие суффиксы и чистые суффиксы:

brǽde ***(-īn)*** – *brád**nes(s)**, **-nis(s)**, **-nys(s)*** ‘ширина’

unwemmu ***(-īn)*** – *unwemm**ung*** ‘чистота, неиспорченность’

micelu ***(-īn)*** – *micel**ness*** ‘большой размер или величина’

б) основообразующие суффиксы, чистые суффиксы и полусуффиксы:

gál ***(-a-)*** – *gál**nes(s)**, **-nyss*** – *gál**scipe*** ‘сладострастие’

в) различные чистые суффиксы, например:

*streng**ðu**, streng**ð*** ‘сила’ – *strang**ung*** ‘сила’

*mirig**ness*** – *mirg**en**, myrg**en*** – *mirig**þ**, mirh**þ**, mirh**þ**, myr**þ*** ‘приятность’

*hǽl**þ**, hǽl**ð(o)*** – *hǽl**ing*** – *hǽl**nes*** ‘исцеление, спасение’

*drug**aþ**, -oþ*** – *drig**nes**, dryg**nes(s)**, **-nis**, **-nyss*** ‘сухость’

*fæst**en*** – *fæstnes, fest**nes(s)**, **-nyss*** ‘твердость, прочность’

г) чистые суффиксы и полусуффиксы, в частности:

*ir**ness*** – *iers**ung**, irs**ung*** – *ir**scipe*** ‘гнев’

*eald**ness*** – *eald**dóm*** ‘старость’.

Ряд словообразовательных синонимов в древнеанглийском представлен также существительными, производящей основой которых выступает причастие II. Синонимичными в данном случае являются чистые суффиксы и полусуффиксы, а именно:

*druncen**nes(s)**, **-nys*** – *druncen**scipe*** – *druncen**hád*** ‘опьянение’

*gecoren**nes(s)**, **-nys**, **-nyss*** – *gecoren**scipe*** ‘избрание, выбор’.

И, наконец, при образовании существительных от одной и той же адвербиальной основы отношения синонимии наблюдаются между чистыми суффиксами и полусуффиксами, например:

*gader**ung*** – *gader**wist*** – *gader**scipe**, **-scype*** ‘объединение, союз’.

В древнеанглийском достаточно частотны двух-, а порой и трех-, четырехчленные ряды словообразовательных синонимов. Самыми продуктивными основами являются *freó-* (отмечено присоединение 5 различных суффиксов) и *hwearf-* (зафиксировано 6 синонимичных суффиксов).

На основе подсчетов было установлено число случаев синонимии тех или иных суффиксов, приводимых в таблице (табл. 1).

Данные таблицы позволяют сделать ряд выводов:

1) Отношения синонимии наиболее ярко проявляются между суффиксами *-nes(s) / -nys(s) / -nis(s)* и *-ing / -ung,* что свидетельствует об их продуктивности и способности беспрепятственно соединяться с разными типами основ.

Таблица 1

Количественные данные о словообразовательной синонимии производных существительных в древнеанглийском

		Основообразующие суффиксы					Чистые суффиксы							Полусуффиксы				
		-a-	***-ō-, -jō-***	***-an***	***-ōn, -jōn***	***-īn***	***-nes(s) / nys(s) / -nis(s)***	***-ing / -ung***	***-ð / -þ / -ðu / -ðo***	***-en***	***-oð / -að***	***-d / -t / -ft / -ht***	***-el(e) / -l(a) / -ol***	***-dóm***	***-hád***	***-scipe***	***-lác***	***-wist***
Основообразующие суффиксы	***-a-***	–	7	8	3	0	15	31	2	3	1	2	5	0	0	1	0	0
	-ō-, -jō-	7	–	4	2	0	3	12	0	5	0	2	3	0	0	0	0	0
	-an	8	4	–	0	0	3	7	2	2	0	2	2	0	0	0	0	0
	-ōn, -jōn	3	2	0	–	0	2	6	0	2	0	0	2	0	0	0	0	0
	-īn	0	0	0	0	–	6	4	0	0	0	0	1	0	0	2	0	0
Чистые суффиксы	***-nes(s) / -nys(s) / -nis(s)***	15	3	3	2	6	–	75	14	6	3	5	5	4	4	11	1	1
	-ing / -ung	31	12	7	6	4	75	–	14	15	10	5	14	4	1	8	1	1
	-ð / -þ / -ðu / -ðo	2	0	2	0	0	14	14	–	2	2	1	1	1	2	1	1	0
	-en	3	5	2	2	0	6	15	2	–	1	2	4	0	0	0	0	0
	-oð / -að	1	0	0	0	0	3	10	2	1	–	0	0	0	1	0	0	0
	-d / -t / -ft / -ht	2	2	2	0	0	5	5	1	2	0	–	2	1	0	0	1	0
	-el(e) / -l(a) / -ol	5	3	2	2	1	5	14	1	4	0	2	–	1	0	0	1	0
Полусуффиксы	***-dóm***	0	0	0	0	0	4	4	1	0	0	1	1	–	0	1	1	0
	-hád	0	0	0	0	0	4	1	2	0	1	0	0	0	–	1	0	0
	-scipe	1	0	0	0	2	11	8	1	0	0	0	0	1	1	–	0	1
	-lác	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	1	1	1	0	0	–	0
	-wist	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	–

2) Производные с суффиксом *-ð / -ðu / -ðo* испытывали конкуренцию со стороны образований с суффиксом *-nes(s) / -nys(s) / -nis(s)* при производстве деадъективных существительных и образований с суффиксом *-ing / -ung* при производстве отглагольных существительных. Данное обстоятельство объясняется тем, что производные с этим суффиксом возникли еще до появления письменных памятников[1], и к древнеанглийскому периоду суффикс утратил продуктивность. Вытеснение суффикса более продуктивными привело к тому, что лишь небольшая часть слов с суффиксом *-ð / -ðu / -ðo* прочно закрепилась в языке и дошла до настоящего времени (*filth, health, height, length, mirth, truth* и другие).

3) Основообразующие суффиксы довольно часто испытывают конкуренцию как со стороны друг друга (за исключением суффикса *-īn*), так и со стороны чистых суффиксов. Этот факт лишь подтверждает то, что основообразующие суффиксы активно участвуют в образовании отвлеченных существительных в древнеанглийском. Несмотря на то что их статус был неустойчивым и, подвергаясь фонетической редукции, они перестали репрезентироваться как словообразующие элементы, во многих словах данные суффиксы не вытеснялись синонимичными чистыми суффиксами в более поздние периоды.

4) Полусуффиксы наименее активно вступают в синонимичные отношения с чистыми и ос-

новообразующими суффиксами и между собой. Во многом это объясняется тем, что в древнеанглийском только начался процесс перехода этих компонентов сложных слов в продуктивные словообразующие суффиксы, и поэтому в большинстве случаев слова на *-dóm, -hád, -scipe, -lác* и *-wist* уступали образованиям с тем же значением, но с чистыми или основообразующими суффиксами. В частности, для образования абстрактных существительных от основ прилагательных всегда используется суффикс *-nes(s), -nys(s), -nis(s).*

Изучение словообразовательной синонимии в древнеанглийском вскрыло ее тесную связь с полисемией. Последняя обнаруживается в существовании у производных существительных ЛСВ, отличных от тех, на основе которых, как уже было указано выше, они объединяются в синонимические ряды.

Частные ЛСВ рассматриваемых слов обусловлены прежде всего семантикой присоединяемого аффикса. Так, производные на *-ing / -ung* нередко развивают значение 'процесс действия', например:

*hát**ness*** 'жара' – *hát**ung*** 'нагревание'

*fód**nóþ*** 'пища' – *féd**ing*** 'кормление'

*eald**ness*** 'старость' – *eald**ung*** 'старение'

*brǽde **(-īn)*** 'ширина' – *brǽd**ing*** 'расширение'.

Для производных с суффиксами *-el(e) / -l(a) / -ol* и *-els* характерна конкретизация семантики, в частности:

*mearc**ung*** 'клеймение' – *mirc**els*** 'знак, метка'

*smir**ing, -ung*** '(миро)помазание' – *smir**els**, smyr**els*** 'мазь, елей'

*úpástig**en*** 'восхождение, подъем' – *stig**el*** 'ступеньки для перехода через ограждение'

*heng**en*** 'повешение' – *hang**elle*** 'инструмент, который висит'.

К полисемии производного существительного ведет также метафорический или метонимический перенос имени.

Метафорический перенос осуществляется на основе сходства в образной интерпретации ощущений, например:

*sweol**ung*** 'горение' – *swyl**d**, swyl**t*** 'острая боль'

*hwyr**ft*** 'вращение' – *hwyr**fness*** 'головокружение'.

Среди случаев метонимического переноса отмечены:

а) перенос обозначения действия на место, где оно осуществляется:

*hwear**fung**, hwer**fung*** 'вращение' – *hwir**fel*** 'водоворот' – *hweorfa **(-an)*** 'сустав'

*byrg**ing**, byrg**ung*** 'захоронение' – *berg**els**, birg**els**, byrg**els*** 'место погребения'

б) перенос обозначения действия на объект, с помощью которого осуществляется это действие:

*gewilc**þ*** 'перекатывание (волн)' – *wealca **(-an)*** 'вал, большая волна'

в) перенос обозначения действия на его результат:

*cléof**ung*** 'расщепление, раскалывание' – *cleófa, cleafa, cliófa **(-an)*** 'трещина'

*bíte **(-a-)*** 'укус' – *bita **(-an)*** 'кусочек'.

Развитие полисемии производных существительных ведет к возникновению сложной системы перекрестных связей между ними, в которой разные ЛСВ многозначного слова включаются в различные синонимические ряды [2, с. 291], например:

а) *trym**nes(s)*** – *trym**þ*** 'сила; поддержка'

*trym**nes(s)*** – *tryms**ing*** 'основание'

*trym**nes(s)*** – *tryms**ing*** – *trum**nað*** 'подтверждение'

*tryms**ing*** – *trum**nað*** 'укрепление'

б) *rǽd**els*** – *rǽd **(-a-)*** 'совет'

*rǽd**els*** – *rǽd**ung*** – *rǽd**en(n)*** 'размышление'.

На основе изложенного представляется возможным утверждать, что словообразовательная синонимия в сочетании с полисемией была весьма продуктивна в древнеанглийском и обеспечивала интенсивное пополнение его словарного состава.

Примечание

[1] Об этом свидетельствует наличие результатов палатальной перегласовки корневых гласных в словах, образованных при помощи суффикса *-ð / -ði / -ðo*. Однако в письменных памятниках древнеанглийского гласный *-i-* в производных словах уже не сохранился.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 560 с.

2. *Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В.* Теория немецкого языкознания. – М.: Академия, 2003. – 400 с.

3. *Bosworth J.* An Anglo-Saxon Dictionary. Eds. T. Northcote Toller and Alistair Campbell. – Oxford: Oxford University Press, 1838–1972. – 2069 pages.

4. *Hall J.R.C.* A Concise Anglo-Saxon Dictionary, Second Edition. – New York: The Macmillan Company, 1916. – 373 pages.

УДК 808.2
Т 665

Третьякова Ирина Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ЭЛЛИПСИС КАК ПРИЁМ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье рассматривается один из приёмов окказионального преобразования фразеологических единиц – фразеологический эллипсис: описывается механизм этого приёма, определяется группа фразеологизмов, способных подвергнуться манипуляции, и выявляется художественный эффект, получаемый при трансформации фразеологических единиц.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, окказиональный фразеологизм, приёмы окказионального преобразования фразеологизмов, трансформация, эллипсис.*

Приём окказионального преобразования фразеологизмов, основанный на количественном изменении компонентов в сторону их уменьшения (сокращения), в лингвистике получил название «фразеологический эллипсис».

Эллипсис – явление, достаточно широко представленное во фразеологии. Большинство исследователей выделяют две разновидности эллипсиса – узуальный эллипсис и окказиональный эллипсис. Узуальный эллипсис – это этап диахронического процесса усечения фразеологических единиц (далее ФЕ), в результате чего появляется новая языковая форма ФЕ. Такие процессы сокращения компонентного состава одних языковых единиц и образования других языковых единиц – процессы диахронической импликации – описаны В.М. Мокиенко [3, с. 96]: убедительно показан процесс «сворачивания» пословиц и превращения их во фразеологизмы, а фразеологизмов – в слова.

Окказиональный эллипсис – явление речевое, при котором происходит опущение одного или нескольких компонентов с различными целями. Сокращение компонентного состава ФЕ становится возможным благодаря специфической организации семантики и структуры фразеологизма, а именно – цельности фразеологического значения и единства формы и содержания ФЕ. Компоненты фразеологизма взаимнодетерминированы. Вербально выраженный компонент (компоненты) репрезентирует семантику всей ФЕ. В свою очередь, вербально не выраженный компонент при актуализации деривационных связей сокращённого варианта фразеологизма со своим фразеологическим инвариантом добавляется, мысленно достраивается при восприятии текста.

Следует отличать окказиональный эллипсис от узуальных ФЕ с факультативными компонентами. О факультативности некоторых компонентов писал А.И. Молотков, имея в виду «употребление одного и того же фразеологизма в полном или неполном составе его компонентов в одних и тех же границах» [4, с. 86]. В приведённых примерах ФЕ факультативными компонентами являются чаще всего слова, уточняющие, конкретизирующие предмет, лицо, действие: *брать в (свои) руки, пить (горькую) чашу до дна, испортить (всю) обедню, грош цена (в базарный день)*.

Однако и при окказиональном эллипсисе могут опускаться компоненты с такой же функцией во фразеологизме. Главное отличие фразеологизмов с факультативными компонентами от окказионально эллиптированных вариантов ФЕ в том, что факультативные компоненты опускаются стабильно и частотно, и говорить в этом случае о полном или неполном составе фразеологизма проблематично. Факультативные – то есть необязательные – компоненты фиксируются в словарях с особыми пометами, эти компоненты являются языковыми, что скорее всего свидетельствует о начавшемся процессе импликации языковых ФЕ. В.Н. Телия [5, с. 17–18] причины узуального эллипсиса объясняет следующим образом: «Явление изменения количества компонентов идиом, закреплённое узусом и не нарушающее тождества единицы (в диахроническом аспекте – уменьшение или увеличение первоначального лексического состава, а в синхронии – соотношение минимальной протяжённости единицы), свидетельствует о том, что лексическая протяжённость идиом может содержать избыточные компоненты. Избыточность означающего идиомы обусловлена тем, что при идиоматизации «мысли» (лексической или грамматической

© Третьякова И.Ю., 2011

семемы) двух (и более) словоформ сливаются в одну единицу плана содержания, вследствие чего некоторые признаки оказываются несущественными явлениями; если несущественны одновременно и лексические и грамматические признаки, представляемые каким-либо лексическим компонентом, возникает условие для факультативности его реализации».

Окказиональное сокращение компонентного состава отдельных ФЕ происходит «одноразово», без каких-либо тенденций данной ФЕ к языковой импликации, и причины окказионального эллиптирования, в сравнении с языковыми, иные.

А.В. Кунин, исследуя лингвистические особенности окказионального фразеологического эллипсиса, выявил следующие основания для окказионального сокращения компонентов ФЕ: «Редуцированные знаменательные компоненты хотя и опущены, но при окказиональном употреблении настолько семантически весомы, что без их воспроизведения в сознании читающего или слушающего понимание редуцированной ФЕ невозможно. Таким образом, редуцированные компоненты – это значащее отсутствие. Оно реализуется в контексте и вызывается не избыточностью, а стилистически маркированной экономией языковых средств, выполняющей определённое коммуникативное задание» [1, с. 103].

Фразеологический эллипсис может осуществляться с целью придать речи лаконизм, актуализировать отдельные элементы значения ФЕ, стилизовать разговорную речь. Об этом писал известный фразеолог, один из первых исследователей приёмов окказионального преобразования фразеологизмов Н.Л. Шадрин [6, с. 160]: «Семантико-стилистическая функция рассматриваемого способа трансформации заключается в том, чтобы придать речи лаконизм и живость при одновременном сохранении всей смысловой ёмкости полносоставного фразеологизма, увеличить его экспрессивное воздействие на читателя, привлечь особое внимание к его образной основе».

При относительной устойчивости семантики определяющим фактором эллиптирования ФЕ являются её грамматические особенности, а также количественный состав.

Фактически не подвергаются сокращению компонентного состава микроидиомы (*под мухой, на авось* и под). Опущению в этом случае может подвергнуться только служебный компонент. Утрата предлога обусловливает изменение формы существительного, что приводит к образованию не эллиптированной ФЕ, а отфразеологического слова. Такие слова являются результатом иного приёма преобразования ФЕ – сегментации фразеологизма и отличаются от эллипсиса причинами появления и функциями. См., например, использование отфразеологического слова *авось*: «Он всё делает *на авось*. Но *авось* этот часто подводит» [разг.].

Неактивными моделями преобразования являются двухкомпонентные фразеологизмы. Рассмотрим две наиболее частотные модели.

ФЕ, построенные по модели «прилагательное + существительное» (*синяя птица, живая летопись, львиная доля* и под.), фактически не подвергаются опущению компонентов. Опущение любого из компонентов может привести к исчезновению фразеологизма: ФЕ представляют собой фразеологические единства или фразеологические сочетания, компоненты которых не характеризуются абсолютной слитностью, как, например, в сращениях; сокращение прилагательного приводит к исчезновению ФЕ, именные компоненты *птица, летопись, доля* будут восприниматься в свободном значении. Или будет иметь место иной приём – сегментация фразеологизма: «Лёвка Травкин, кончивший курс раньше меня, за два года стал *правой рукой*. Но я никогда не пожалел о его тогдашнем отказе – хороший я газетчик или так себе, но я не хотел быть *рукой*» (Жуховицкий Л. «Остановиться, оглянуться…»). Возможность опущения стержневого компонента также маловероятна; допустимым, на наш взгляд, может быть эллипсис фразеологизмов с детерминированным компонентом-прилагательным типа *ахиллесова, дамоклов, обетованная*. Связь таких прилагательных с существительными позволяет мысленно восстановить недостающий компонент. «Он неторопливо смотрел в иллюминатор и увидел наконец за последней горой синюю полоску моря, сады, домики, утопающие в зелени, – и всё это было облито солнцем. Вот она, *обетованная* …» (Травкин А. «Синие дали»).

Вероятность эллиптирования увеличивается в том случае, если контекст эксплицирует значение фразеологизма. Ср. смоделированный контекст, в котором предпринята попытка контекстуального «вспоможения» для опознавания эллиптированной ФЕ *львиная доля* (´самая большая и лучшая часть чего-либо, преобладающее количество´): «Ему всегда доставалось всё самое луч-

шее и в большом количестве. Так сказать, *львиная…*». Однако в подавляющем большинстве случаев подобные ФЕ функционируют в полном компонентном составе.

Двухкомпонентные глагольные фразеологизмы трансформируются с различной частотностью в зависимости от грамматических особенностей ФЕ.

ФЕ со стержневым компонентом – переходным глаголом (*ломать копья, накалять атмосферу, отдавать долги* и под.) эллиптируются крайне редко. Переходные глаголы обозначают действие, направленное на предмет, между компонентами (стержневым и зависимым) возникает сильное глагольное управление существительным в косвенном падеже. Глагол предопределяет появление существительного; следовательно, устойчивость связи компонентов затрудняет их раздельное функционирование.

Более частотным является эллиптирование глагольных компонентов, управляющих существительными в косвенном падеже с предлогом, со слабым управлением при обстоятельственных отношениях (*зрить в корень, маячить перед глазами, брать с потолка* и под.). См., к примеру, трансформацию ФЕ *брать / взять с потолка* (´без всяких оснований, не имея никаких данных, сообщать, утверждать что-либо´) в следующем контексте: «Судья: – 14 тысяч Шилову? Аверьянов: – Да. Судья: – Шилов, вы подтверждаете эту сумму? Шилов: – Можно и так. Это всё *с потолка*» (Огонёк, 1988, №1). Опущению может быть подвергнут любой компонент – и глагольный, и субстантивный, в тексте остаются функционировать компоненты фразеологизма, в которых проявляется способность выражать максимум содержания семантики ФЕ. Например, во ФЕ *строить на песке* (´основываться на шатких, ненадёжных данных´) ключевым компонентом является существительное *на песке*, именно поэтому в контексте эллиптированным оказывается семантически менее нагруженный глагольный компонент: «И живёте вы непонятно, и семья – не семья, и дом – не дом. Основания крепкого нет, всё – *на песке*» [Разг.]. Опущенный глагол *строить* легко восстанавливается в контексте благодаря экспликации значения: *строить* – ´опираться, основываться´ – «основания крепкого нет».

Однако далеко не всегда сокращению подвергается именно семантически опустошённый компонент; любой компонент ФЕ может быть опущен, фразеологизм эллиптирован. Авторы текстов (речи) используют ФЕ в неполном компонентном составе, преследуя цель экономии языка. Чаще всего такие фразеологические эллипсисы функционируют в речи разговорной, которой в целом свойственна неполнота, или в художественной речи, где налицо стилизация текста под разговорный со всеми признаками звучащей спонтанной речи. См., к примеру, функционирование ФЕ *подносить на блюдечке* в контексте: «Нас девять у матери. На нарах спали… А-а, да ты фиг поймёшь! Все вы тут пижоны, всё вам *на блюдечке*» (Герасимов И. «Эффект положения»).

Наибольшей трансформационной активностью характеризуются ФЕ, состоящие из трёх и более компонентов. При эллиптировании сокращению подвергается один из компонентов, фразеологический «остаток» явно ощущается как часть ФЕ. Подавляющее количество эллиптированных ФЕ относится к глагольным единицам. Опущению может подвергнуться любой из компонентов, как стержневой, так и грамматически зависимый.

Фразеологический эллипсис, будучи приёмом, делающим речь выразительной, несёт дополнительный эмоционально-экспрессивный заряд, интенсифицирует отдельные элементы смысла. См. использование ФЕ *метать бисер перед свиньями* в двух контекстах. В первом, где намеренно опущен компонент *свиньями*, акцентируется сема активного действия ´напрасно предпринимать что-либо´; во втором контексте намеренно подчёркивается характеристика *свиней* – тех, кто ´мало что понимает, мало в чём разбирается´: «Хотел было начать рассказывать о процессе над Мигулиным, очень драматичном и бурном, для молодёжи поучительном, но почувствовал, после первой же фразы, что особого интереса ни у кого нет, и умолк внезапно. Ни к чему всё это. *Метать бисер*» (Трифонов Ю. «Старик»). «И для чего была борьба с тоской и часы визита до этого, её щедрое рассыпание юмора в сыгранной “словоохотливости”, которым она “занимала” их? *Бисер перед свиньями*!» (Цветаева А. «Воспоминания»).

Фразеологический эллипсис, будучи приёмом окказионального преобразования ФЕ, демонстрирует динамическое состояние фразеологической системы современного русского языка в целом, иллюстрирует богатые выразительные возможности фразеологизмов.

Библиографический список

1. *Кунин А.В.* Лингвистические особенности фразеологического эллипсиса // Вопросы фразеологии: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 131. – М., 1978. – С. 105–126.

2. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997.

3. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М., 1980. – 278 с.

4. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977. – 249 с.

5. *Телия В.Н.* Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка: Дис. … канд. филол. наук. – М., 1968.

6. *Шадрин Н.Л.* Контекстуальная редукция фразеологических единиц и передача её семантико-стилистических функций в переводе // Лексикологические основы стилистики: Сб. науч. ст. – Л., 1973. – С. 160–169.

УДК 81.1 + 78.01

Фомин Александр Игоревич
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
7a.fomin@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ СИМВОЛА

Предлагаемая статья обращена к актуальным для сегодняшних гуманитарных исследований концепциям символа, принадлежащим А.Ф. Лосеву, В.В. Виноградову, В.В. Колесову. Общей чертой рассматриваемых толкований является их онтологическая ориентированность. Представляя собой разноаспектные интерпретации символа, концепции названных авторов не соединяются в более широкую теорию, но, дополняя друг друга, формируют наше знание о многомерности символа.

Ключевые слова: *символ, язык, семантика, значение.*

Трудно найти другую категорию, столь же открытую различным сферам интеллектуальной и духовной практики, как *символ*. Прямым следствием этого обстоятельства является широчайший диапазон употреблений: от обозначения «пустого» семиотического знака до емких понятий культурологических и литературоведческих спекуляций и, наконец, до онтологических категорий. О *символе* много писали и спорили, эксплуатируя его с разной степенью успешности, литераторы-символисты с их склонностью к философским экзерсисам. Для языкознания, стремящегося не только описать, но и объяснить свои реалии, вопрос о *символе* важен чрезвычайно, поскольку это та единица языка, в которой значение становится смыслом; это не только лишь средство образной номинации, но функционально важный узел ментального плана языка. Сегодня в изучении художественного слова (а это область максимального развития смысловых потенций), лингвисты предпочитают *символу* «мотивы», «ключевые слова», «идеологемы», «концепты». Существует и устойчивая тенденция неприятия лингвистами так называемой «метафизической теории» *символа*: «непререкаемому авторитету» П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева ставится в вину то, что благодаря этим именам «единовластно господствует до сих пор» представление о «неисчерпаемой многозначности» и «полисемантичности» *символа* [14].

Сложность категории символа видим в его *буквальной* многомерности. Как следствие, многочисленные разночтения в его толкованиях или вовсе сомнения исследователей в существовании соответствующей единицы языка (краткий обзор этого представлен в работах В.П. Москвина). Впрочем, в исследованиях, ставших классикой языкознания и философии (достаточно назвать имена А.А. Потебни и П.А. Флоренского), сомнений в существовании символа – единицы языка – не встречаем.

Не будем творить апологию символа, но заметим, что с определенной точки зрения именно символ оказывается типичной языковой единицей. Он многомерен и принципиально неоднозначен, а это господствующая тенденция языковой семантики. Несмотря на разночтения в толковании и даже сомнения в существовании, символ де-факто существует в рефлексиях говорящих и исследователей, а это феноменологическое свидетельство реальности единицы. Наконец, можно добавить и то, что лингвистика не располагает удовлетворяющим всех определением *слова*, но это не вселяет в исследователей сомнений в ре-

 © Фомин А.И., 2011

альности данного объекта, а соответственно, и колебания в дефинициях символа не есть основание отказывать ему в статусе языковой единицы.

Как бы то ни было, наряду с многоголосицей в определениях символа или неуверенностью в его подлинности сегодня существуют вполне убедительные интерпретации символа, за которыми стоят различные лингвофилософские и лингвостилистические парадигмы. Рассмотрим три таковых и определим соответствующие ориентиры нашей работы.

Концепция А.Ф. Лосева. Наиболее полную и законченную сводку собственной теории символа удалось создать А.Ф. Лосеву. Последовательно развивая определения символа, последнее из них Лосев формулирует следующим образом: «Символ вещи есть тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности, но это символическое тождество есть единораздельная цельность, определенная тем или другим единым принципом, его порождающим и превращающим его в конечный или бесконечный ряд различных закономерно получаемых единичностей, которые и сливаются в общее тождество породившего их принципа или модели как в некий общий для них *предел*» [11, с. 48]. Как видим, приведенное определение указывает на то, что символ своей смысловой сущностью предопределяет феноменальное бытие вещи; фактически являясь законом ее мыслимого существования, словно сконденсированным смыслом, способным развернуться и наполнить осмысленностью феномен.

Чертой, которая задает функционирование символа в качестве элемента смыслового конструирования образа (текста, произведения, концепции), является способность символа раскладываться в бесконечный ряд, в бесконечную последовательность: «…К сущности символа относится то, что никогда не является прямой данностью вещи, или действительности, но ее *заданностью*, не самой вещью, или действительностью, как порождением, но ее *порождающим принципом*, не ее предложением, но ее *предположением*, ее полаганием» (везде курсив автора. – *А.Ф.*). Сущностной аналогией символу Лосева представляется математическая закономерность, не имеющая завершенности, точнее бесконечная в своем развертывании. Здесь уместно привести заключение Х.-Г. Гадамера: «Функция представления символа – это не простое указание на то, чего сейчас нет в ситуации; скорее символ позволяет выявиться наличию того, что в основе своей наличествует постоянно» [4, с. 202], которое как будто дополняет приведенные положения. Коль скоро, по Лосеву, символ – закономерная последовательность (именно закономерная, а не хаотичная), естественно и даже необходимо ожидать присутствия в этой закономерности некой константы. Иными словами, речь идет о своего рода функциональном онтологизме символа.

Итак, трансцендентный или иррациональный характер символа вполне сочетается с вещностью отражаемой действительности. Пресловутая «загадочность» или «таинственность» символа, согласно Лосеву, раскрывается следующей закономерностью: «…Символ вещи, хотя он… и является ее отражением, на самом деле содержит в себе гораздо больше, чем сама вещь в ее непосредственном явлении… он (символ. – *А.Ф.*) в скрытой форме содержит в себе все вообще возможные проявления вещи» [11, с. 13–14]. Понимание символа как реальности, большей себя самой, традиционно для русской философии; ср. высказывание П.А. Флоренского: «Бытие, которое больше самого себя, – таково основное определение символа. Символ – это нечто являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и, однако, существенно чрез него объявляющееся» (везде разрядка автора. – *А.Ф.*) [18, с. 257]. Подведем черту: по Лосеву, символ, будучи большим самого себя, является порождающей моделью, которая, в свою очередь, обеспечивает смысловое наполнение вещной реальности.

Концепция В.В. Виноградова. Концепции символа как системной сводки дефиниций у Виноградова не существует, его суждения, относящиеся к символу разбросаны в различных работах ученого, но оттого не становятся менее ценными. Приведем формулировки, характеризующие его понимание проблемы. Так, о символе говорится: «…Простейшие стилистические элементы в составе каждой речевой формы. Эти элементы не есть данность; их необходимо отыскивать путем анализа художественного произведения. Их нельзя вырезать из художественного произведения механически, аналогично словам языка: это не слова, а “символы”». И далее: «Это органические элементы художественного произведения, найденные в процессе имманентного анализа. Их не следует расчленять далее… Стилисти-

ческие единицы в структуре данного художественного целого нужно соотносить друг с другом, а не с лексическими единицами языка. Процесс языкового понимания только помогает обозначить эстетическую ценность стилистических единиц, ибо при его посредничестве и на фоне этого понимания соотносятся словесные ряды в концепции художественного организма. Условно такие стилистические единицы я буду называть символами» [3, с. 244]. Здесь мы встречаем принципиально иные, нежели в философских изысканиях, категории: 1) эстетическое целое, т. е. текст; 2) словесные ряды, 3) символы – стилистические единицы.

Значит, символ существует в *целом* текста, в семантическом переплетении рядов; речь идет о конкретности художественного *целого*. Виноградов толковал роль символа в эстетически значимом тексте: «Символ – понятие не статическое, а динамическое. Однако же динамика символических рядов в составе целого сама становится источником острых эмоционально-смысловых эффектов и тем самым – причиной преобразования словесной стихии» [3, с. 249]; «В силу своей связанности как элементов целостного “эстетического объекта” символы в составе художественного произведения получают потенциальную силу ассоциироваться с рядами тех образов и эмоций, которые заложены в структуру целого» [2, с. 374].

В создании эстетического *целого* символ оперирует какой-то своей семантикой, не соотносимой с тем, что представлено данной лексемой как единицей лексической системы языка. «В иной художественной речи слова бегут в привычной веренице, не вызывая ни формами своего сочетания, ни слияниями своих смыслов никакой эстетической реакции. Но вот этот шаблонный бег… выстроенных по готовым образцам автоматов, неожиданно пересекается новыми словесными пируэтами. Осуществляется такой эмоционально-смысловой интервал, такой переход от одного словесного ряда к другому, который своей острой новизной заражает эстетическое чувство читателя… Естественно, что в таких случаях весь этот словесно-синтаксический ряд следует рассматривать как один “символ”, как бы ни многочисленны были организующие его группы слов» [2, с.375]. Итак, по Виноградову, значения символа задаются *целым* художественного текста.

Анализируя функциональный план, Виноградов делает заключение о том, что «языковая морфология этих стилистических единиц (символов. – *А.Ф.*) очень невыразительна. Они могут совпадать со словами, фразами, предложениями, с большими синтаксическими единствами, с комплексом синтаксических групп… Символы, соприкасаясь, объединяются в большие концентры, которые в свою очередь следует рассматривать опять-таки как новые символы, которые в своей целостности подчиняются новым эстетическим преобразованиям. Дробные стилистические объединения смыкаются в большие синтаксические группы, которые включаются в композицию “объекта” уже на самостоятельные, целые, как заново созданные символы» [3, с. 244–245].

Отношения целого текста и символа суть диалектические взаимодействия; ср.: «…Обусловленность его (символа. – *А.Ф.*) значения *всей* композицией *данного* “эстетического объекта”». Это следует из той функциональной особенности символа, что «символы в составе художественного произведения получают потенциальную силу ассоциироваться с рядами тех образов и эмоций, которые заложены в структуре целого. И хотя онтологически предметное значение их может остаться в существенных чертах неизменным, тем не менее, поскольку они ощущаются и воспринимаются как части *определенной целостной композиции* (а только в этой плоскости символика и может их рассматривать), они имеют лишь внешнюю “морфологическую” связь с однородными лексемами повседневно-диалектической речи» [2, с. 374] (везде курсив автора. – *А.Ф.*).

Остается проследить, как представлен феноменологический план символа. Здесь следует обратиться к ставшей актуальной в работах Виноградова категории словесного ряда. С учетом употребления этого термина Виноградовым мы можем предполагать, что это есть смысловые слагаемые художественного текста, в числе прочего репрезентирующие символику. Виноградов не дал дальнейших дефиниций категории, но они были подробно рассмотрены А.И. Горшковым, который дал следующее эмпирическое определение словесного ряда: «Представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных ярусов, объединенных а) композиционной ролью и б) соотнесенностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения

текста». Отмечается также, что словесный ряд является текстовой категорией, но не представляет собою части текста, а является его слагаемым [5, с. 160]. Здесь нет упоминания о символе, тогда как мы только что говорили о репрезентации символики словесным рядом. Дело в том, что определение Горшкова имеет формальный характер, оно описывает конструктивную единицу текста, не обращаясь к вопросу смыслового наполнения словесного ряда. Однако подобранные иллюстрации убеждают в том, что словесный ряд обеспечивает перекличку фрагментов текста, выполняя задачу своего рода формально-семантических скреп и внедряя в смысловую ткань текста нечто новое или обеспечивая требуемый акцент на имеющихся смыслах. Если сопоставить сказанное с виноградовским же описанием функциональных характеристик символа, то увидим, что речь фактически идет об одном и том же. Сам же Виноградов отождествлял символ и словесный ряд, что прозвучало в тексте его письма к Б.А. Лезину: «Потебня все рассматривал как слово. Следовательно, он не мог говорить о динамике словесных рядов (символов), так как за пределы понятия слова… он не выходил»[19, с. 290]. Итак, имея в виду концепцию В.В. Виноградова, будем говорить об отображении функционально-стилистической роли символа в тексте. Или, в парафразе, «Виноградов исходил из мысли о том, что символ есть явление динамическое» [15, с. 97].

Концепция В.В. Колесова. В разработанной В.В. Колесовым теории языковой ментальности символ представлен как один из репрезентантов единицы ментальности – языкового концепта (conceptum, не conceptus!), входящий в круг содержательных форм слова: *образ – понятие – символ*. Особую значимость концепции В.В. Колесова придает то, что она построена на учете диахронического материала (со времен А.А. Потебни известно, что «единственно верное направление языкознания есть историческое» [16, с. 7]), т.е. осуществлена не на теоретических спекуляциях, а на исследовании движений словесных смыслов, как они отразились в истории русского языка.

Толкование В.В. Колесова состоит в динамическом представлении концепта и языковой ментальности; «исходная точка семантического наполнения слова» – это концепт, он же – «конечный предел развития». При этом «понятие – исторически момент снятия с накопленных сознанием образов сущностной характеристики, которая немедленно «сбрасывается»… в символы, в свою очередь служащие для соединения, связи между миром природным (образы) и миром культурным (понятия)…». Символ – «образ, прошедший через понятие и сосредоточенный на типичных признаках культуры» [6, с. 66–67]. Концепт – «архетип мысли», он «не задан, а дан… Символ, в отличие от концепта, не дан, а задан, он сам по себе референт, создающий известную иллюзию удвоения сущностей. Он создает культурную среду с возвращением в национальные формы сознания, но обогащенного рациональностью содержания» [6, с. 69] (везде разрядка автора. – *А.Ф.*). Говоря иначе, «основной смысл слова состоит не в понятии, а в символе, который соединяет разбегающиеся линии отвлеченной идеи и конкретной вещи. **Символ** есть не только и не просто **знак**, но также и абсолютная содержательная форма этого знака» (выделено автором. – *А.Ф.*) [9, с. 39]. Символ не единица ментальности, коей является концепт, но компонент национальной культуры, соотносимый с понятием и образом. Можно сказать иначе: символ, наряду с понятием и образом, является формой существования концепта. Еще один вариант экспликации нашего понимания: слово всегда выступает в одной из своих содержательных форм, за которыми незримо, но ощущаемо носителем языка стоит концепт, цементирующий силой своего смыслового потенциала эти формы в единую лексему.

Поскольку речь идет о реалиях языка, следует подробнее обсудить содержательные формы слова. В соответствии с наличием / отсутствием авторских отношений у каждой из содержательных форм значимыми будут следующие соотношения: образ – исходная форма движения смыслов в слове, органически связанная с категорией представления, может не иметь референтной отнесенности, но предметным значением – денотатом – образ обладает всегда. Так, метафора, обычная текстовая реализация образа как содержательной формы, не имея предметной отнесенности, всегда может быть истолкована по признаку сравнения, а тем самым и будет определено ее предметное значение. Признаки, формирующие предметную семантику образа, берутся говорящим из чувственного, рельефного восприятия реальности и могут приниматься языковым коллективом в качестве устоявшихся дефиниций; таковы устойчивые образы (не символы!) национального языка.

Иное дело понятие – следующая по движению мысли, как это фиксируется историей языка, содержательная форма. Понятие всегда соотнесено с референтом, собственно, в обязательности этой связи состоит функциональное оправдание понятия – предмет нужно понять. Из этого же следует и обязательное предметное значение понятия – наличие денотата. «Понять» и «понимание» суть категории, соотносимые уже не с образной интерпретацией действительности, но с дискурсивной – с логикой. (Напомним сформулированную А.Ф. Лосевым одну из базовых функциональных характеристик языка: «Всякий языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [12, с. 96].) Соответственно, понятие (принято говорить о бытовом понятии) коррелирует с понятием логики и, в идеале, может быть определено (лимитировано) в категориях рода и вида. В строгих дефинициях научного аппарата понятие дойдет до предельной точки развития – термина. Это оптимальная операционная единица ученого дискурса, одновременно представляющая собой «смерть» слова как живой и развивающейся формы.

Наконец, символ – содержательная форма слова, всегда соотносимая с референтом. Что касается денотата (предметного значения), то его определение чрезвычайно затруднено, что определено самим принципом символизации – указанием на дальнейшие смыслы от поименованного референта. Такая особенность символа ведет к следствиям, во многом определяющим русскую национальную культуру. Так, русские философы, обращаясь к символу, искали связь с языковыми формами ментальности (С.А. Алексеев-Аскольдов [1, с. 28–44]) или видели в нем знак бытия («философия имени»). На этом пути младшими современниками символистов, П.А. Флоренским и позже А.Ф. Лосевым, были созданы системы, включающие символ в качестве онтологического объекта [10; 13; 18].

Таковы дефиниции содержательных форм слова, заданные их отношениями к денотативному значению и референтной отнесенности [8, с. 42–43].

Что важно, содержательные формы слова дополняют друг друга до цельности ментальной единицы – концепта. Каждая из них обладает своей функцией, реализуемой в речевой деятельности говорящего, и соотнесена с определенным типом работы сознания. Символ в этом ряду – форма, как было выше отмечено, лишенная денотата, но словно бы представляющая двоение референта: референт как вещь, т. е. символизирующее, и референт как идея [8, с. 53, 68–69], т. е. символизируемое. Тем самым символ фактически оказывается в смысловом отношении ближе других содержательных форм к самой сердцевине смысла, его драгоценному ядру – концепту.

Прорывное открытие В.В. Колесова состоит в полагании трех содержательных форм слова, системно репрезентирующих смыслы концепта, однако нелишне упомянуть одного из предшественников, о котором пишет сам В.В. Колесов; ср.: «Флоренский подходит к различению всех трех содержательных форм слова… Он описывает триипостасность слова довольно определенно» [7, с. 232]. Действительно, Флоренский различает «слова-понятия, возбуждающие наиболее отвлеченные идеи», «слова-символы, возбуждающие… известные конкретные образы и представления», «слова-эмблемы, возбуждающие… представления, но уже не типические». Сближая первые две группы слов, он видит в них потенцию «метафизической и мистической формул» [17, с. 326, 327]. Приведенное мнение Флоренского, будучи ценным свидетельством совпадения интуиций философа и исследования лингвиста, есть, разумеется, добротная верификация концепции, но важнее другое – перед нами один из первых серьезных приступов к разработке символа со стороны реализма.

Концепция В.В. Колесова, как и разработки В.В. Виноградова, построена на языковом материале и содержит важные обобщения о развитии символических форм в тексте. Речь идет о метонимическом развитии семантики слова, характерном как для древнерусского языка, так и актуальном в языке нового времени [8, с.210–221].

Библиографический список

1. *Аскольдов (Алексеев) С.А.* Концепт и слово // Русская речь / Под ред. Л.В. Щербы. – Л.: Академия, 1928. – С. 28–44.

2. *Виноградов В.В.* О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 369–459.

3. *Виноградов В.В.* О теории литературных стилей // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 240–249.

4. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.

5. *Горшков А.И.* Русская стилистика. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

6. *Колесов В.В.* Концепт культуры: *образ – понятие – символ* // Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб., 2004. – С. 67, 69.

7. *Колесов В.В.* Реализм и номинализм в русской философии языка. – СПб.: Logos, 2007.

8. *Колесов В.В.* Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002.

9. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.

10. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 802–880.

11. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995.

12. *Лосев А.Ф.* Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 92–113.

13. *Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 613–801.

14. *Москвин В.П.* Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М., 2006.

15. *Муратов А.Б.* Проблема символа в трудах В.В. Виноградова о языке художественной литературы // Грани русистики: Филологические этюды: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора В.В. Колесова. – СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 92–99.

16. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. – М.: Просвещение, 1977.

17. *Флоренский П.А.* Понятие Церкви в Священном Писании // Флоренский П.А. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. I. – С. 318–489.

18. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики) // Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 3 (1). – М.: Мысль, 1999. – С. 27–372.

19. *Чудаков А.П.* В.В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 285–315.

УДК 808.2

Цветкова Елена Вячеславовна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В КОСТРОМСКОЙ ТОПОНИМИИ (*ЛЯД, ЛЯДА, ЛЯДИНА и т. д.*)

Диалектная лексика является наиболее ценным источником образования топонимов костромской топонимической системы. Поскольку топонимы данной группы отражают особенности костромских говоров, как бы консервируют исчезающую из речи лексику, их изучение позволяет ответить на многие вопросы диалектологических исследований. Данная статья содержит характеристику костромских топонимов, образованных на основе лексем «ляд», «ляда», «лядина» и т. п.

***Ключевые слова**: топонимия, микротопонимия, географический термин, диалектная лексика.*

Наиболее ценным источником образования топонимов любой топонимической системы является диалектная лексика, отражающая особенности говора. Обратившись к топонимическим данным подобного рода, можно ответить на многие вопросы, которые возникают во время диалектологических исследований. В то же время, уделяя внимание диалекту, можно исторически верно объяснить особенности образования топонимов, возникающих и функционирующих в диалектной среде.

Диалектная лексика изучаемого нами региона нашла достаточно яркое отражение в сложившейся в нем топонимической системе. Как показывают наши наблюдения, наиболее многочисленной группой диалектных слов в костромской топонимии являются местные географические термины. Например: *кули́га* – поросшее травой чистое место среди леса, то же, что и поляна (или диалектное *чисти́на, чаши́на / чащи́на* и т. д.); *со́лодь* – зыбкое, заболоченное место, иногда пробиваемое родниками; *боча́г / моча́г / бочажи́на / мочажи́на* – яма или овраг, наполненные водой; сырое, заболоченное место; *гать* – заболоченное место, настланная дорога, а также любое сырое, влажное место; *ключеви́на* – влажное место, на котором пробиваются ключи и т. д. (Соответственно: топонимы ***Кулига***, ***Бабичева кулига***, ***Солодь***, ***Бочажина***, ***Ключевина*** и т. д.). Активно проникает в топонимию и диалектная

© Цветкова Е.В., 2011

лексика, характеризующая хозяйственно-экономическую жизнь населения. Например: *картóфельники* (***Картофельники***)– участки поля, на которых выращивают картофель, *вы́гон* (***Выгон***, ***Истоповский выгон***) – огороженная с двух сторон дорога, по которой стадо идет на пастбище, а также *бетóнка*, *колóдезь*, *перехóды* (***Бетонка***, ***Колодезь***, ***Переходы***, ***Яшкины переходы***) и т. д. Особенности состава лексики диалектной системы изучаемого ареала отражают, несомненно, и такие наименования, как мельница ***Лубéниха***, аллея ***Кóника***, покос ***Трúнки***, ягодное место ***Напобегáлиха*** и т. д.

Обратим внимание на одно из диалектных слов, послуживших основой для образования некоторых названий костромской топонимической системы, – общеславянский географический термин *ляд*.

Географические термины *ляд*, *ляда*, *лядина*, означающие лесную расчистку, подготовленный под пашню участок из-под леса или другое сельскохозяйственное угодье, встречаются на всей территории России (чаще отмечены в северо-западной части Центра), а также и в Белоруссии («Подсечно-огневое земледелие на Беларуси известно со времен незапамятных: лес сжигали, пни выкорчевывали, а на том месте сеяли жито. Сам же участок, как правило, называли потом лядой. Так вот таких ляд по стране сейчас – десятки: Горелая Ляда, Ляды, Лядины и т.д.»), и на других территориях [8, с. 46; 7, с. 181].

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера лексема *ляда* характеризуется следующим образом: «поле, поросшее молодым лесом, новь», укр. *ля́до* «место в лесу, заросшее сосной», блр. *ля́до* «новь», др.-русск. *лядина* «пустошь, сорняки, густой кустарник», *лядéть* «зарастать (молодой порослью)», болг. *лéда*, *лединá* «новь (горный) луг», сербохорв. *лéдина*, *ледúна* «пустошь, новь, целина», словен. *ledína*, чеш. *lada* мн. «необработанные поля», *lado* «пустошь, пар», слвц. *lado* – то же, польск. *ląd* «суша, материк, континент», в.-луж. *lado* «земля под паром», н.-луж. *lĕdo* || Праслав. **lędo* родственно др.-прусск. *linden* «долина» – форма вин. ед.; с другой ступенью чередования: шв. *linda* «пар», гот. *land* «земля», ирл. *land*, *lann* ж. «свободное место»; см. Стокс 239; Бернекер 1, 705; Траутман, BSW 157; Apr. Sprd 370; Торп. 362. Связь с др.-исл. *lundr* «роща» (см. Лиден, PBB 15, 521 и сл.; Бернекер – там же; Френкель, BSpr. 63 и сл.; Мух. Z.f.d. Alt 42. 170 и сл.) не ясна. Нельзя говорить о кельт. происхождении **lędo*, вопреки Шахматову (AfslPh 33, 90 и сл.; см. Фасмер, RS 6, 191), поскольку тогда ожидалось бы **lodo* |Рудницкий (BPTI, 15, 1956, стр. 135) считает и.-е. *lendh* «пустошь, степь» словом доиндоевроп. происхождения. – Т.| [9, с. 549].

Из *ледачий* «непутевый, негодный» (*ледачий*, *ледащий*, *лядачий*, *лядащий*, *«негодный, пакостник»* и т. п.) объясняют и *ляд* – «нечистый, черт» [10, с. 474, 549]. Собств.-русск. *ледащий* (просторечн.). образовано с помощью суффикса *-ащ-* от *лядеть* – «худеть, сохнуть». (Ср. форму *лядащий* в словарях XVIII в.) [10, с. 236].

В словаре русских народных говоров указано значительное количество значений (бóльшая часть их имеет место в костромских говорах) рассматриваемых нами лексем, в том числе и с пометой *Костром.* (например, *ляда* – земля, неудобная для вспашки; низкое сырое место, болото; *лядеть* – болеть, долго болеть; *лядина* – земля, не удобная для вспашки; голое, пустое место среди посевов; низина с мокрой и топкой почвой, сквозь которую пробиваются ключи и небольшие ручейки, затопляющие во время половодья окрестную равнину; низкое болотистое место, поросшее лесом или кустарником; *лядочек* – сенокосный участок в поле между полосами распаханной земли и т. д.).

В костромской топонимии имеет место и бóльшая часть слов (*ляд*, *ляда*, *лядина*, *лядинник*, *лядинный*, *лядeнеть лядящий*), указанных в соответствующей словарной статье Словаря В.И. Даля (в том числе и с пометой *костр.*) [2, с. 286]. По нашим наблюдениям, топонимы данного типа, являющиеся названиями-характеристиками объекта, в прошлом были нередких явлением во всех районах Костромской области. Некоторые наименования сохранились до настоящего времени. Это названия населенных пунктов, покосов, пастбищ, полей, лесных участков, заболоченных мест, пустошей, а также заросших мест, расчищенных для пашни. Подтверждаются и другие сведения Словаря Даля: *чистить ляды*, *жечь кулиги*; *лядинник* – мелкий берёзовый лес; *леденеть* – порастать молодняком, дернеть и покрываться порослью; *лядящий* – плохой, дрянной, хилый, тощий (по материалам картотеки Костромского областного словаря: *„Вернулся после пропажи он ледящей"*, лядящий – исхудалый; *„Фсю зиму ледела*, *„Вот простудишься, заледеешь"*,

„Муж-то у меня заледел", ледеть – болеть, сильно болеть, долго болеть). Помета *костр.* в Словаре Даля дается при значениях *хилеть*, *худать*, *сохнуть*, *изнывать*. Собранные нами материалы, следовательно, не только подтверждают сведения Словаря, но и являются их дополнением.

Как показывают материалы картотеки Костромского областного словаря (в том числе и материалы, вошедшие в Ярославский областной словарь), наши личные наблюдения за речью жителей разных районов Костромской области, топонимические данные, указанная лексема, образующая достаточно значительную по количеству входящих в нее лексем словообразовательную цепочку, в костромских говорах имеет следующие значения:

– *ляд* – заболоченная, сырая лесная поляна (Буйск., Макарьевск., Кадыйск., Островск.); низкое место (Кадыйск.); место под пашню (Вохомск.); незапаханное место в поле между полосами пахоты, используемое под сенокос (Буйск.); покос, пастбище (Галичск.);

– *ляда́* (*леда*) – низкое болотистое место (Буйск., Макарьевск., Кадыйск., Островск., Парфеньевск., Сусанинск.); болотистое место с мелким леском, заросшее лесом влажное место (Кадыйск., Макарьевск., Островск.); земля, неудобная для возделывания, пустошь (Судайск.);

– *ляды́* (*леды*) – поле, на котором из-за плохой влажности все плохо растет (Буйск., Макарьевск., Кадыйск., Островск.); незапаханное место в поле между полосами пахоты, используемое под сенокос (Буйск.); болотистый участок леса, густо заросший мелким лесом (Красносельск.);

– *ляда́щий* (*ледащий*, *лядящий*, *лядащенький* и т. д.) – хилый, болезненный, исхудалый, тощий, больной (Буйск., Кадыйск., Нерехтск., Чухломск.), жалкий, несчастный (Буйск.), плохой, негодный (Буйск., Кадыйск., Макарьевск., Нерехтск., Чухломск.);

– *ляде́ть* (*ледеть*) – болеть, слабеть, чахнуть (Буйск, Кадыйск., Макарьевск., Нерехтск., Чухломск., Островск., Мантуровск., Судиславск.);

– *ляди́на* (*лединa*) – луг (Буйск.), низкое, болотистое место (Антроповск., Буйск., Галичск., Нейск., Парфеньевск., Поназыревск., Солигаличск., Судиславск., Кадыйск., Макарьевск.); низкое, болотистое место, поросшее лесом или кустарником (Антроповск., Галичск., Солигаличск., Палкинск., Кадыйск., Макарьевск.); заболоченное место в лесу (Островск.); болотистое лесное место (Кадыйск.); место, удобное для пашни (Вохомск.); лужа (*„Смотри, не ходи по лединам, опять простудишься"; „Помой сапоги в лединe-то"* – Антроповск., *„После вчерашней грозы до сих пор ледины стоят"; „Видать, дождь был, ледины-то какие"* – Парфеньевск.; Буйск., Галичск.); лужайка, ровное место в лесу, где косят траву или гуляет скотина (Буйск., Галичск.); поляна, окруженная лесом, на которой косят траву (Павинск.); луг в низине (Вохомск.); покос, пастбище (Островск., Судиславск.); большая глубокая канава, овраг (Шарьинск.); небольшой участок в лесу, часто сырой (Парфеньевск.); низкий болотистый участок, непригодное к посевам место (Межевск.); сырое, низкое место, непригодное для покоса (Кадыйск.); густой лес (Шарьинск.), сенокосное угодье с влажной почвой, где растет осока (Буйск., Костромск., Судиславск., Кадыйск., Островск.); луг, затопляемый водой (Островск.); голое пустое место, где ничего не родится (Буйск.); полоса стоячей воды в лесу или в поле (Нерехтск., Островск.); трясина, топь, низкое, сырое место на лугу, в лесу, на дороге, где постоянно стоит вода (*„Не ходи ты в лес. Пошто пошла? На ледину нарвёшься"* – Галичск.); низкое место в лесу, где никогда не просыхает трава, где в основном растет осока (*„По лединам-то раньче всё косили, да и чичас косят"* – Галичск.);

– *ляди́нка* (*лединка*) – низкое, вязкое, непросыхающее место (Чухломск.); покос, пастбище (Чухломск.); лес (Галичск.);

– *ляди́нник* – небольшой березовый лесок (Кадыйск.);

– *ля́же(ё)ное место* – низменное, сырое место (Межевск.) и т.д.

Значительная часть указанных нами народных географических терминов (апеллятивов) становится индивидуальными дескрипциями, занимая промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными. Становясь микротопонимами, они продолжают характеризовать именуемые объекты. В связи с этим рассматриваемая нами лексема чаще используется для называния объектов, соответствующих ее значению: низких и сырых мест (в лесу, в поле, на дороге, на лугу), заболоченных мест, лесных участков, покосов и пастбищ в таких местах. Для образования топонима в этом случае используется как термин без каких-либо изменений, так и сочетание термина с определением-характеристикой объекта с точки зрения его отношения

к человеку (чаще наблюдается связь с атропонимами, например: *„Еще покос на реке Шуе, назвали в чесь Кузьмы, что чистил его"*, *„Луконин ляд в нескольких километрах от Иванькова, где росли грузди. Говорят, его нашел крестьянин Луконя, живший там"* – Кадыйск.), его внешнего вида и других его характеристик (*„Каменный ляд назвали по большому количеству камней там"*– Кадыйск., покос ***Дóлгие ледúны*** – Островск.), местоположения, отношения к другим объектам (***Дальний ляд***, ***Верхний ляд***, ***За Лапшинóм ляд*** и т. п.) – следовательно, в соответствии со всеми типами топонимической номинации.

Наиболее продуктивна исследуемая лексема в наименовании покосов и пастбищ: ***Бáбий ляд***, ***Кýзина ледúна*** (*„На реке на Шуе покосы есь. Кузина ледина и другие"*), ***Мáрьина ледúна*** (*„Марья косила, ледину Марьиной и прозвали"*), ***Мутóвкин ляд*** (*„Мутовкин ляд – покос. Чистил Мутовкин из Иванькова, а потом земля эта отошла к Катеринкам"*), ***Вúнный ляд***, ***Капитóнов ляд*** (*„По Нёмде покосы были – Винный ляд да Капитонов ляд"*), ***Мúтин ляд*** (*„Косила всегда Митин ляд. Сами чистили"*) – Кадыйск.; ***Лядúна*** (*„Я нонче косила на Лядине. Трава толстая, сочная, но сохла доль страшную"*) – Островск.; ***Дóлгие ледúны*** (*„Долгие ледины косили,что у Клеванцова"*) – Островск.; ***Ледúна*** (*„Раньше мы косили на Ледине"*) – Судиславск.; ***Ледúнка*** (*„В низком месте, вязком покос этот"*) – Чухломск.; ***Ляд*** (*„Огороженый выпас в лесу, это что между Сынковом и Седановом"*) – Галичск.; ***Ляд*** (*„Огороженый выпас в лесу"*) – Кологривск. и т. д.

Покосы под такими названиями находятся в плохих, заболоченных, заросших кустарниками и деревьями местах, на запущенных полях, о чем свидетельствуют деревенские жители, рассказывающие о местных лядах: *„Мутовкин ляд – покос неважной, сыро, в низинке, лесочек там, берёзки…"*, *„Марьина ледина – место низкоё"* (Кадыйск.); *„Лединка – низкое, вязкое место, не просыхает даже летом"* (Чухломск.); *„Луга Ледина в низине"* (Поназыревск.) и т. п.

Характерны ляды и для лесных участков, что нашло отражение в дринонимии. Сохранились в речи жителей костромской деревни, например, такие названия лесов, частей лесов, перелесков, мест в лесах, как ***Ледúнка*** (*„Лединка – лес вблизи деревни Толтуново"*) – Галичск.; ***Лядúна*** (*„В Лядине черники нынче много"* – Вохомск.); ***Осúновая ледúна*** (*„Лес недалеко от деревни Коряковки, рядом с Подосенихой. Сичас уж нету этой Осенней ледины, всё повырубали, но место называется, сохранилось"*) – Кадыйск.; ***Лядыí*** (*„Квадрат леса Леды"*), ***Ляд*** (*„Лядом лес звали, как передёшь всё полё – огород был, там и начеался этот лес Ляд"*) – Антроповск.; перелески ***Ледúнский угол*** (*„Утром в Лединской угол по цернику бегала седни"*) – Мантуровск.; ***Лукóнин ляд*** (*„Место в нескольких километрах от деревни Иваньково, росли грузди. По преданью его нашёл некой крестьянин Луконя, что жил там"*), березовый лесок ***Лядúнник*** – Кадыйск. По воспоминаниям старожилов, в этих местах также были когда-то поля, заброшенные по причине их «худости», постепенно заросшие лесом, превратившиеся в *„запущенные заросли"*, *„чищобы"*, *„болотные лесочки"*, *„перелоги"* и т. д.

Ойконимия, наиболее устойчивая часть топонимической системы, представлена следующими названиями: ***д. Безлядóво***, ***д. Лядúнская*** (Кологривск.), ***д. Ледянка*** (Пыщугск., Межевск.), ***д. Ледúна*** (Мантуровск.), ***Лядúнский хутор***, ***д. Лядóво***, ***д. Лядúны***, ***д. Малая Лядúнка, д. Большая Лядúна***, ***д. Малая Лядúна*** (Макарьевск.), ***д. Лядúна*** (Межевск.) и т. д. Часть этих названий нанесена на карты Костромской области. В одних деревнях продолжают жить постоянные жители (*„Две деревни – Большие и Малые Лядины. Я живу там. И родители, и бабушка с дедушкой…"*, *„Празьники-ти раньше по всем диревням справлялись. А в Ледине-то – Престольной празьник Преображенье…"*), другие сохранились благодаря дачникам (*„Топерь в Малых Лединках один дом остауся, да и там какой-то, роуно, москвич живёт"*), от третьих остались лишь названия, перешедшие на находящиеся на их месте объекты (***Ледúнский лес*** – д. Ледины). Ойконимии свойственно явление противопоставленности, основанное на характеристике называемых объектов (чаще указывается их местоположение и размер): ***Верхнее Лядово***, ***Нижнее Лядово***; ***Большие Ляды***, ***Малые Ляды*** и т. п.).

Слово *ляд* в костромских говорах имеет и иные значения: в суеверных представлениях – злой дух, бес, нечистый (*„На кой ляд притащился-та?"*, *„Какого ляда тебе от меня ещё надо?"*, *„На кой ляд мне это надо?"* – Судиславск.; *„Раньше в Вохме почти не ругались нецензурно, но были ругательные слова, одно из которых – ляд"* – Вохомск.); болезнь, недомогание, слабость, беда,

а также народное название сектанта – последователя хлыстовства (в СРНГ: «В Нерехотском уезде хлысты известны под именем лядов, если верить простому народу, то название лядов есть ругательное» [5, с. 259]). *Ляда* – низкая гладкая трава (болотная?) (Буйск.), дверца на чердак дома (*„Ляда открывалась с внутренней стороны"* – Судиславск.), дверца в погреб (Костромск.).

Кроме отрицательного значения (*„Непригодно для покоса"*, *„Ледин было много, хоть и косить негде"*, *„Покос-от плохой этот – в ледине"*) имеются и положительные (разумеется, реже) отзывы о таких местах: место, удобное для пашни (*„Удобно для пашни"*, *„Ледина ровная в соседнем лесу, пахать можно"*, *„Ледина удобная в соседнем лесу, пахать можно"* – Вохомск.); место, на котором может вырасти и хорошая трава (*„На Гарином ляду трава нынче хорошая"* – Кадыйск.); луговина на приусадебном участке с очень хорошей травой (Кадыйск., Макарьевск., Островск.).

Воспоминания о *ляде* сохраняются до сих пор и в народном творчестве: частушках (*Не ходи, милок, лединой мимо травушки густой. Не гляди на разговоры – нынче всё народ пустой* – Вохомск.; *Коля, Коля, Николай, ты в ледине не гуляй…* – Какдыйск.), загадках (*Стоят вилы, на вилах-то – бочка, на бочке-то – кочка, у кочки – махало, на кочке – зевало, повыше – ломина, а там ледина, а в ледине – скотина* – Шарьинск.).

По частотности употребления выделяются лексемы *ляда*, *лядина*, другие производные (*лединка*, *лединочка*, *лединник*, *лединный*, *ледящий*) встречаются реже, менее продуктивно и слово *ляд*. Большая часть наименований содержит в своем составе данный диалектизм в форме единственного числа. В большинстве случаев это наименования, соответствующие следующим типам: 1) термин *ляд* (или его производные) + определение, образованное на основе антропонима – имени или фамилии (***Марьина лядина***, ***Капитонов ляд*** и т. п.) – чаще, реже – на основе ойконима (***Истоповские ляды*** – д. Истопки), на основе характеристики внешнего вида объекта и его местоположения (***Долгие ляды***, ***Верхний ляд***); 2) название объекта или характеристика объекта + определение, образованное на основе корня *-ляд-* (***Лядинский хутор***, ***Лядинский угол***). Наиболее распространенными являются названия первого типа.

Поскольку многое исчезает из речи современных жителей деревни, не все опрошенные нами информанты смогли объяснить значение диалектной лексики, вошедшей в состав топонимов. Нечасто можно услышать сегодня и заинтересовавшее нас слово *ляд*, однако топонимы дают возможность продолжить его жизнь.

Отражая особенности народной речи, топонимическая система многое способна сохранить на долгие годы. Топонимические сведения подтверждают и расширяют наши знания об основных сторонах лексической системы говоров.

Библиографический список

1. *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1973.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1979.

3. *Карпенко Ю.А.* Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) // Вопросы географии: Сб. 81: Местные географические термины. – М., 1970. – С. 36–45.

4. *Мурзаев Э.М.* Местные географические термины и их роль в топонимии // Вопросы географии: Сб. 81: Местные географические термины. – М., 1970. – С. 16–35.

5. Словарь русских народных говоров. – М.; Л.: Наука, 1966.

6. *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. – М., 1969.

7. Топонимия Центральной России. – М.: Мысль, 1974.

8. *Трубе Л.Л.* Топонимика и историческая экономическая география // Топонимика на службе географии. – М.: Мысль, 1979. – С. 38–50.

9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. – М.: Прогресс, 1986.

10. *Шанский Н.М., Иванов В.В, Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1975.

11. Ярославский областной словарь: Учебное пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1987.

УДК 801.82:820(73)-3

Юнусова Лейла Камилевна
Дагестанский государственный институт народного хозяйства (г. Махачкала)
sakisha2004@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ В ПРОЗЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ

В статье рассматриваются речевые контексты функционирования эпистемических глаголов, лексические средства передачи эпистемических значений при переводе с английского языка на русский, комбинаторика глаголов и морфологические условия реализации эпистемических значений.

Ключевые слова: *эпистемическая модальность, эпистемические глаголы, базисный глагол, речевые контексты функционирования.*

Несмотря на различие точек зрения на количество модальных значений в языке, большинством лингвистов признается существование отдельного типа модальности, выражающей устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности / недостоверности. Данный тип модальности называют субъективной (Золотова, Панфилов), частной (Мразек), дополнительной (Ермолаева), свободной (Ляпон), эпистемической (Беляева). Эпистемическая модальность (ЭМ) – наименее изученный вид модальности, она стала объектом исследования сравнительно недавно. Связь между объектом предикации и его признаком, отражаемая модальностью данного типа, не является фактом объективной действительности. Говорящий лишь предполагает существование такой связи, это результат его мыслительной деятельности, и в этом смысле ЭМ является субъективной. Семантическая сущность ЭМ заключается в том, что она не дает оценки событиям и связям действительности, а является модальностью всего высказывания, оценивая его как возможное, вероятное, сомнительное или обязательное. И оценка эта зависит от степени знания говорящего о действительности [4, с. 79]. Одни лингвисты считают ЭМ внешнесинтаксической категорией, поскольку она выражается элементами, находящимися в синтагматической изоляции (модальные слова, частицы, модальные фразы) [1, с. 126–127]. По мнению других исследователей, исчерпывающее описание ЭМ возможно только с позиции функционально-семантического подхода [2, с. 52]. Формирование функционально-семантической категории ЭМ связано с формированием в сознании говорящего оценки сообщаемого с точки зрения его достоверности или истинности. В отличие от модальности события, выраженного в пропозиции, ЭМ отражает степень полноты и характер знаний говорящего о событии. Средства выражения ЭМ разнообразны и относятся к разным языковым уровням: лексическому, морфологическому, синтаксическому, просодическому. Одним из средств реализации ЭМ являются глаголы, выражающие в составе высказывания значения мнения, веры, предположения, допущения [3, с. 50], которые в научной литературе принято называть эпистемическими значениями. Поэтому и глаголы, выражающие такие значения, называют эпистемическими глаголами или глаголами с эпистемическими значениями.

Объектом исследования в настоящей статье являются глаголы *think, believe, suppose, consider, guess,* выражающие различную степень предположения. Статья содержит дефиниционное описание глаголов с целью выявления эпистемических значений в их семантической структуре, определение частоты их употребления в романе Э. Хемингуэя «*For Whom the Bell Tolls*», анализ комбинаторики глаголов (как правосторонней, так и левосторонней), исследование речевых контекстов функционирования глаголов и морфологических условий реализации эпистемических значений.

Дефиниционное описание эпистемических глаголов (ЭГ) проводится на основе анализа дефиниций глаголов и иллюстративных пояснений к ним в словаре А. Хорнби. Дефиниционный анализ ЭГ показал, что все они являются многозначными глаголами, в семантической структуре которых представлены как эпистемические, так и неэпистемические значения. Наиболее «разветвленной» семантической структурой обладает глагол *think*, имеющий 10 лексико-семантических вариантов (ЛСВ), из которых только три ЛСВ выражают эпистемические значения, т.е. значения, мнения, предположения, допущения, например, *have*

 © Юнусова Л.К., 2011

a particular idea or opinion about smth/smb; believe smth. Это так называемые слабые эпистемические значения, т.е. значения, выражающие мнение, связанное с предположением. Семантическая структура глагола *believe* включает пять ЛСВ, из которых три ЛСВ являются эпистемическими. Все они выражают сильные эпистемические значения, т.е. значения веры, убежденности в истине того, что говорится, и лишь в редких случаях эпистемическое значение глагола *believe* может быть сопоставлено с аналогичным значением глагола *think*. В лексико-семантической структуре глагола *suppose*, включающей три ЛСВ, только первое значение выражает мнение, предположение, допущение, т.е. слабое эпистемическое значение с невысокой степенью достоверности. Из пяти ЛСВ глагола *consider* два являются эпистемическими, выражающими значение размышления, оценки, что придает глаголу умозрительный, отчасти философско-мыслительный оттенок. Семантическая структура глагола *guess* включает четыре ЛСВ, из которых только один выражает значение угадывания, догадки, необоснованных предположений, т.е. слабое эпистемическое значение. Таким образом, все пять глаголов являются глаголами с эпистемическими значениями, которые могут быть сильными (т.е. выражать веру, убежденность) и слабыми (т.е. выражать мнение, допущение, предположение).

Сравнительный анализ частоты употребления ЭГ в вышеупомянутом романе Э. Хемингуэя выявил, что наиболее высокие показатели частотности характерны для глагола *think*, отмеченного в 160 из 237 примеров. Наименее частотным является глагол *consider*, зафиксированный лишь в одном примере.

Валентностный анализ ЭГ показал, что типовой моделью сочетаемости для них является модель VS (глагол + придаточное предложение), в которой употребляются все без исключения ЭГ: *But I **think** that the water is back in it now* (377). *But he did not **believe** that Maria had only been made by the circumstances* (201). *I **guess** that I`m not awfully good at pain* (500). Придаточное включается в состав сложноподчиненного предложения с помощью союза *that*. В собранном языковом материале представлены также примеры, в которых главное предложение, содержащее ЭГ, и придаточное соединены бессоюзной связью: *I don`t **believe** you can drink* (137). *I **suppose** all allies are like this* (435). *I **consider** he is right* (291). Для модели VS характерны наиболее высокие показатели частотности: в наборах моделей сочетаемости всех ЭГ модель VS является наиболее употребительной. Между частотностью глаголов и количеством образуемых ими моделей существует определенная зависимость: чем более частотен глагол, тем большее число моделей он образует. Высокочастотные глаголы характеризуются широким диапазоном сочетаемости (глаголы *think* и *believe* употребляются в трех моделях), наименее частотный глагол *consider* образует лишь одну модель – *VS*. Левосторонняя валентность представлена субъектом, обнаруживающим семантические ограничения, которые проявляются в том, что в качестве субъекта могут выступать только люди (семантика разумности). Субъект при данных глаголах представлен словами, обозначающими имена (*Robert Jordan*), или различного рода местоимениями, чаще всего личными: *I **guess** you are right* (209). В зависимости от того, с каким из личных местоимений употребляется глагол, может меняться его семантическая характеристика. Например, сочетание глагола *think* с местоимением первого лица (*I think*) и с местоимением третьего лица (*he thinks*) выявляет разную степень вероятности.

Анализ морфологических условий реализации эпистемических значений позволил выявить зависимость между семантикой глаголов и употреблением грамматических форм: для ЭГ характерно употребление в форме первого лица единственного числа настоящего времени недлительного вида активного залога изъявительного наклонения: *I **believe** that you will see it* (90). В собранном языковом материале не зафиксировано ни одной формы длительного вида. Что касается перфектных форм, отмечено два случая употребления глагола *think* в форме *Past Perfect*: *I had **thought** he would be the last to enter the lines* (160). Формы прошедшего времени (*Past Indefinite*), придающие ЭГ оттенок неуверенности говорящего, также представлены в выборке. Употребление форм прошедшего времени обусловлено повествовательным характером текста, типичным для стиля художественной литературы приемом обращения к прошлому. Что касается залога, важно отметить, что эпистемические глаголы употребляются только в активном залоге. Это можно объяснить тем, что при употреблении глагола в пассивном залоге роль субъекта сводится к минимуму, что не соответствует самой сущности эпистемической модальности.

Анализ речевых контекстов функционирования ЭГ показал, что они употребляются как в диалогической речи персонажей романа, так и в авторской речи. Исследование лексических средств выражения значений ЭГ показало, что они достаточно разнообразны. В русском переводе романа представлены не только глагольные средства выражения эпистемических значений, но и словосочетания, наречия, существительные, модальные слова. Наибольшим разнообразием лексических средств выражения эпистемических значений при переводе с английского языка на русский отличается глагол *think*. В русском переводе встречаются следующие эквиваленты этого глагола: *думать, полагать, считать, догадываться, кажется, по-моему, находить, видно, видимо, верно, наверно, вероятно, по мнению, неужели. It is cold, he* ***thought*** (227). – *Ему* ***казалось,*** *что слишком уж было холодно. Why not marry her? Sure, he* ***thought****, good idea* (229). – *А почему бы не жениться на ней? Конечно, –****подумал*** *он, – хорошая идея*. Лексические средства передачи эпистемических значений глагола *believe* в русском переводе – *верить, полагать, кажется, считать, подозревать*: *I* ***believe*** *that it will come Robert Jordan told himself* (287) – *Я* ***верю****, что он наступит, – подумал Роберт Джордан*. В русском переводе эпистемических значений глагола *believe* используются только глагольные средства Лексические средства передачи эпистемических значений глагола *suppose* в русском переводе – *думать, полагать, наверно, возможно, вероятно, кажется*. Таким образом, эпистемическое значение глагола *suppose* передается целым спектром лексических средств при переводе на русский язык: *But I* ***suppose*** *there is no one that does not feel that he is too young to do it* (437). – ***Вероятно****, не осталось никого, кто бы не решил, что он слишком молод для этого*. Употребляясь только в первом лице единственного числа настоящего времени, глагол *suppose* функционирует как перформативный глагол. Лексические средства передачи эпистемических значений глагола *guess* при переводе на русский язык – *догадаться, понимать, думать, подозревать*, т.е. только глагольные средства. Данный глагол зафиксирован как в диалогической, так и в авторской речи. *I* ***guess*** *it was fear-the boy said (87) –* ***Думаю****, это был страх, – сказал мальчик*. Лексические средства передачи эпистемических значений глагола *consider* в русском языке – *думать, полагать*. Анализ речевых контекстов функционирования этого глагола показал, что он употребляется только в речи автора: *I* ***consider*** *he is right (297). –* ***Полагаю****, он прав*.

Анализ лексических средств выражения эпистемических значений показал, что в русском переводе романа используются не только глагольные средства. Инвентарь средств выражения эпистемических значений при переводе с английского на русский язык более богатый и разнообразный в диалогической, чем в авторской речи, в которой в основном употребляется глагол «*думать*»: *I* ***guess*** *I`ve done my good deed for today, he said to himself* (33). – ***Думаю****, что я совершил доброе дело сегодня, – пробормотал он.*

Проведенное исследование особенностей функционирования ЭГ в прозе Э.Хемингуэя позволяет считать базисным глагол *think* как наиболее частотный в собранном языковом материале, обладающий наибольшим семантическим объемом и наиболее широким диапазоном синтаксической сочетаемости. Кроме того, глагол *think* отличается наибольшим разнообразием лексических средств передачи эпистемических значений при переводе с английского языка на русский. Комплексное описание этого глагола может служить интерпретативной основой для описания остальных ЭГ.

Библиографический список

1. *Беляева Е.И.* Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках. – Воронеж, 1985.

2. *Ильчук Е.В*. Некоторые типы эпистемической модальности в английском языке. – М., 1990.

3. *Ионова А.М.* Эпистемические глаголы английского и русского языков: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Пятигорск, 1998.

4. *Шатуновский И.Б.* Эпистемические предикаты в русском языке // Прагматика и проблемы интенсиональности. – М., 1988.

5. *Hemingway E.* For Whom the Bell Tolls. – М.,1981.

6. *Hornby A.S. et al.* Oxford Advanced Learner`s Dictionary. – 2007.

УДК 882.09

Яковлев Артём Игоревич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
artyakovlev@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ЦВЕТОПИСЬ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ХРИСТА В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Статья посвящена цветописи и интермедиальным связям в романе А. Белого «Петербург», позволяющим автору создать уникальный образ Христа, основанный на переосмыслении творческого наследия как представителей Серебряного века, так и авторов-предшественников. Интертекстуальная ёмкость цветового символизма позволяет А. Белому выразить собственные воззрения на сущность периода декаданса, а также генерализировать идею упадка современной ему России.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интермедиальность, цветопись, символизм, эпитет, эллипсис.*

Цветопись в романе А. Белого широко представлена спектром желтого и красного. Жёлтый, больной Петербург восходит к произведениям Ф.М. Достоевского, а вызывающий тревогу и ужас красный цвет берёт своё начало в рассказе «Маска красной смерти» Эдгара По, ставшего центонным текстом в рамках романа. Значительно переосмысленный рассказ, трансформация величественной *Красной смерти* в разоблачённое *Красное домино* – Николая Аполлоновича Аблеухова – служит средством генерализации авторской идеи разочарования в молодом поколении и в людях, которые не в силах принять на себя груз ответственности за собственные поступки, не способны довести начатое дело до конца. Однако это не единственная причина включения рассказа Эдгара По в роман «Петербург». К архетипическим отрицательным коннотациям красного цвета, продемонстрированным Эдгаром По в образе *Красной смерти*, Белый добавляет ещё один смысловой оттенок и формулирует его в дискурсе Аполлона Аполлоновича: ...***красный цвет*** *был эмблемой* ***Россию губившего хаоса***. [2, с. 150]. Дополненная семантическая ёмкость цветописи (реминисценция радикальных «красных» террористических партий социалистической направленности) позволяет ввести в контекст центонного текста на основе противопоставления отсутствующий у По, но также межтекстовый образ *белого*, «печального и длинного» Христа. Уникальность образа заключается в том, что он не имеет интертекстуальной связи с первоначальным претекстом – Библией, но является интертекстемой, построенной на двух библейских аллюзиях в творчестве других авторов – А. Ремизова и А. Блока. Таким образом, Христос «Петербурга» становится своеобразной третичной предикацией библейского образа в интертекстуальной цепочке *Библия – Ремизов и Блок – Белый*. Иисус ни разу не называется прямо: вместо имени собственного используется перифраз *печальный и длинный*, два однородных эпитета, которые описывают скорее внешний облик Христа и помогают читателю понять неспособность героев романа увидеть, опознать пророка среди других людей. Это особенно ярко подчёркивается экспрессивностью языковых средств, используемых для создания образа.

Впервые Христос появляется сразу после разоблачения Николая Аблеухова. Его противопоставление образу *Красного домино* сразу же идентифицируется благодаря повтору существительных *домино* и *атлас*, но сопровождаемых совершенно иной цветописью: ***Белое домино****, которое сразу возникло, и – кто-то печальный и длинный, кого будто видела многое множество раз, весь обёрнутый в* ***белый атлас****, ей навстречу пошел по пустеющим залам...* [2, с. 158]. Внимание читателя обращает на себя и гипаллаж *Смотрел* ***светлый свет*** *его глаз...* [2], в котором цветопись усиливается путём контактного корневого повтора. Эпитет *светлый* отсылает к роману А. Ремизова «Пруд»: *И кто это там посреди нищей толпы, кто это там* ***в светлых одеждах*** *на понурые головы возлагает руки свои, чей это голос, из скорбей выплывающий, над всеми звучит голосами: Мир вам* [7, с. 90]. Цветопись в романе Белого амплифицируется: *светлые одежды* становятся *белым атласом*, *белым домино*. Гипербола-олицетворение Ремизова ***Голос, из скорбей выплывающий****, над всеми звучит голосами* также находит отражение в «Петербурге»: *Неизвестное очертание* ***возвышало голос: он***

© Яковлев А.И., 2011

креп, креп и креп, *и казалось: под маскою* ***Кто-то, Безмерно-Огромный*** [2, с. 158]. Изначально преувеличенный образ вдвойне гиперболизируется через повторы и капитализацию неопределённого местоимения и окказионализма-прилагательного *Безмерно-Огромный*, который способствует порождению перифраза *Печальный и длинный* и служит в контексте подглавы его своеобразным синонимом.

Использование цветописи в белом спектре обусловлено не только интертекстуальными связями романа «Петербург» с произведениями А. Ремизова. Согласно трактовке М.С. Соловьева, подарившего псевдоним *Андрей Белый* молодому поэту Борису Бугаеву, эпитет *Белый* восходит к ФЕ *белый свет* 'земля, мир со всем существующим на нём' [8] и означает Мироздание, Космос. Сам Белый позже вкладывал в свой псевдоним дополнительный смысл: «Белый цвет – соединение семи цветов, семи светильников, семи церквей […] Белый цвет – символ богочеловечества» [5, с. 19].

Гиперболизации Христа способствует и другая интертекстема, взятая из стихотворения А. Блока «Вот он – Христос – в цепях и розах»: *Единый, светлый, немного грустный – // За ним восходит хлебный злак...* [3, с. 114]. Использованные Блоком эпитеты помогают точно идентифицировать образ Белого, так как в интертекстуальной цепи становится понятным источник окказионализма *Печальный и длинный* и особенно его компонентной трансформации, сопровождающей второе появление образа Христа в романе: *Печальный и* ***грустный*** [2, с. 262]. Гипербола Блока, описывающая чудеса, творимые Христом, тоже усиливается Белым и внедряется в его образ в виде метафорического сравнения: *...Обнаружилась* ***горсть бороды, будто связка колосьев****...* [2, с. 158]. Образ Христа у Блока построен на оксюмороне, антонимии: *...И всё так близко и так далёко, // Что, стоя рядом, достичь нельзя […] // Пока такой же нищий не будешь...* [3, с. 115]. Обе использованные Белым интертекстемы соединены эпитетом *Нищий*, характеризующим приближенных к Христу людей, старающихся достичь духовного развития, не придающих значения земным, низменным благам. Именно эта идея вкладывается Белым в эллиптическую реплику Христа: *Вы вот все отрекаетесь: я за всеми хожу...* [2, с. 159]. Дискурс Печального и длинного в «Петербурге» противопоставлен дискурсу Иисуса в «Пруде»: основой для противопоставления служат адресаты высказываний. В первом случае Христос обращается к Софье Петровне; в иллокутиве заметны упрёки, которые в сочетании с гиперболой, проявляющейся на протяжении всего контекста порождения образа, приобретают некий оттенок угрозы. Во втором случае Иисус разговаривает с *нищей толпой*, и его эллиптическое приветствие *Мир вам* выражает любовь, симпатию к простым людям.

Интересен в этом отношении и второй сюжетный фрагмент, в котором возникает образ *Печального и длинного*. Помудревший Александр Иванович Дудкин внезапно замечает, узнаёт Христа: *Александр Иванович вздрагивал, как печальный и длинный, с проходом, всегда обращал на него свой* ***всевидящий взор****...* [2, с. 263]. Об этом свидетельствует трансформированное библейское крылатое выражение *Всевидящий взор* в несобственно-прямой речи героя (ср. *Всевидящее око* 'о боге (в поэтической и стилизованной речи)' [8]). Осознав свою ошибку, но отчаявшись быть услышанным, Дудкин кричит: *– «О,* ***если бы****!..» – «****Если бы*** *выслушал!..»* [2, с. 263]. Маркеры кондиционалиса дважды повторяются, но придаточное условия так и не сменяется главной частью предложения, а обрывается восклицанием и фигурой умолчания. Дудкин осознаёт, что изменить что-либо уже слишком поздно, что подчёркивается эпитетом *Безвозвратно*: *...место, куда он ушёл* ***безвозвратно****, – пустело* [2]. Цветопись в белом спектре, сопровождающая *Печального и длинного*, меняется: *Оттуда мигал* ***желтый свет*** *фонаря...* [2]. Дейктическое выражение подчёркивает противопоставление, знаменующее смену образа Христа, концентрирующего в себе положительный опыт прошлого, образом *жёлтого*, больного Петербурга, почерпнутого из романов Достоевского. Трагичности образу добавляют многочисленные повторы перифраза-наименования Христа, а также ключевых фраз дискурса персонажа: обращение к одним и тем же языковым средствам в разных сюжетных фрагментах выражает идею бесконечности, обречённости Христа на постоянное непонимание со стороны «падших» людей, что является авторским переосмыслением мотива круга, часто встречаемого в произведениях А.М. Ремизова [4].

Внезапная замена божественной *белой* цветописи оттенками других цветов, сопровождающими появление бесовского начала, тоже восхо-

дит к образным контаминациям А.М. Ремизова. Ср.: ***Сам черт*** *заслушался! вон он, ленивый, раскинул* ***синие крылья, темные*** *во млеющих звездочках от края до края по тихому небу* [7, с. 55] ***Крылья мои белые****, тяжёлые вы в слипшихся комках* ***кровавой грязи****...* [7, с. 102]. Как и А. Белый, Ремизов стремится показать, что с самого момента рождения люди обречены, а божественное начало человека навсегда потеряно. в своей критической статье Иванов-Разумник описывает эту идею следующим образом: «Где чистота, невинность, ласка, любовь, где дети-ангелы? – Их нет! […] Нет святых детей, – из них уже выросли дети-обезьяны, мучители и палачи, в звериных стальных намордниках... Растут дети – и растут с ними жестокие, калечные мысли; озлобляется и пачкается человеческая душа...» [6, с. 37].

Образ *Печального и длинного* Христа в романе «Петербург», несмотря на свою очевидную интертекстуальную природу, в то же время является одним из ярчайших примеров интермедиальных связей произведения; при этом именно интермедиальная связь помогает читателю осознать, что перед нами – далеко не традиционный образ, взятый из русской православной культуры. Единственный эпитет, осторожно помещённый Белым в парентезы при первом описании *Печального и длинного*, позволяет читателю восстановить имплицитно выраженную авторскую идею: *...у обладателя домино* ***деревянною оказалась рука****...* [2, с. 158]. Метафоричность использованного эпитета *деревянный* подсказывает, что перифраз *Печальный и длинный* базируется скорее не на стихотворении Блока, а на принятых в католической практике скульптурных изображениях Христа, выполненных из дерева. Причина именно такого построения образа легко объясняется при обращении к мемуарам Белого: *...грань, лежащая меж возрождением и средним веком, есть мнимая грань: Вольгемут, Дюрер, Пахер, Бургмайер, Альтдорфер, Цейтблом, Балдуин Грин коренится одновременно в Эразме и в готике Робер да Люзарма […], Монтрейля […], Эрвина фон Штейнбаха...* [1, с. 100]. *Деревянный* Иисус, католическая скульптура, по своему описанию близкая к работам Вольгемута, Дюрера и других резчиков по дереву, возможно, является в романе «связующим звеном» старого и нового – «отцов» и «детей», но и те, и другие лишь *отрекаются* от помощи Пророка. Таким образом, в интермедиальной связи упрёки *Печального и длинного* получают дополнительный смысловой оттенок: они знаменуют время упадка, «декаданса», которое пришлось на переходный период русской и мировой истории – начало XX века.

Интертекстемы, добавляющие яркой образности тексту-реципиенту А. Белого, переосмысляющие наследие поэтов и писателей, служа в романе важным средством имплицитного выражения авторских идей: жалости писателя к ничтожному петербургскому обществу, обречённости на скорую погибель погрязшей в пороках России, беспомощности человека перед Фатумом. Интермедиальные аллюзии в образе Христа, демонстрируя разочарование автора в искусстве «упадка», позволяют А. Белому сформулировать собственную теоретическую концепцию, выразить своё видение творческого процесса, заключающегося не в отрицании, но – в создании нового на основе богатства накопленного предшественниками опыта.

Библиографический список

1. *Белый А.* Между двух революций. – М.: Художественная литература, 1990. – 670 с.

2. *Белый А.* Петербург (Берлинское издание 1922 г.). – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 448 с.

3. *Блок А.А.* Стихотворения и поэмы. – М.: Эксмо, 2008. – 576 с.

4. *Грачёва А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 333 с.

5. *Дёмин В.Н.* Жизнь замечательных людей: Андрей Белый. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 413 с.

6. *Иванов-Разумник Р.И.* Творчество и критика. – СПб.: «Колос», 1922. – 158 с.

7. *Ремизов А.М.* Пруд. – СПб.: Сириус, 1908. – 284 с.

8. *Тихонов А.Н.* Фразеологический словарь современного русского литературного языка. – Флинта, ИДДК, 2008. Электронное издание.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882.09

Андреева Валерия Геннадьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СОПРЯЖЕНИЕ ЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА И ОБЩЕГО БЛАГА В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА» Л.Н. ТОЛСТОГО

Автор статьи предполагает, что возможность движения персонажей к миру и общему благу в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» связана с их духовной жизнью, и отмечает, как путь главного героя помогает осмыслить эпическую сущность романа.

Ключевые слова: *личный интерес, народ, линия духовного развития главного героя, разрушение и созидание, путь человека к вере.*

Проблема гармоничного сопряжения личного интереса и общего блага волновала Л.Н. Толстого на протяжении всей жизни – об этом можно говорить на основании анализа дневников, записных книжек, писем, публицистики Толстого, но, более всего, его художественных произведений. Именно в них мы видим примеры эгоизма, индивидуализма и способности отдельных героев жить не только своими интересами, но бедами и радостями окружающего их большого мира. Однако при восприятии художественных произведений писателя существует другая сложность, напрямую связанная с творческим разворачиванием их внутренней целостности и заключающаяся в правильном понимании автора, его концепции, верном уяснении позиций персонажей. Для того чтобы увидеть у Толстого личность в движении к обществу, необходимо понять, какие внутренние связи сцепляют художественный мир того или иного его произведения.

Сразу же стоит оговориться, что для Толстого не существовало общего блага вне русской народной жизни, но к ней он подводил своих автобиографических героев по-разному. Н.Я. Берковский писал: «“Казаки” предшествуют “Войне и миру” – современному эпосу, где с большим еще правом разрабатывается тема обогащения личности через народ, объективный мир и национальную историю» [2, с. 60]. Роман «Анна Каренина» также имеет эпическую сущность, приближение героя к общему благу в нем совершается через приятие мыслей семейной и христианской. Но только утверждение личного интереса, забота о своей душе выводят Лёвина к миру народному. «Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» [Лк. 9:25]. Важно подчеркнуть, что в главном герое на протяжении всего романа идет борьба с дьявольскими искушениями, скрытое, протекающее внутри человека, личное сражение со злом и ненавистью. В нем герою помогают одержать победу силы, которые он черпает в общении с народом, крестьянами. С такой точки зрения планы Константина Лёвина на будущее, выраженные в последнем абзаце романа, имеют огромное значение. Вспомним, что в финале произведения герой говорит о «каждой минуте» своей будущей жизни, имеющей «несомненный смысл добра», который Лёвин «властен вложить в нее» [11, т. 19, с. 399]. Не случайно речь идет о *каждой минуте* – читатель осознает, как автор подводит нас к утверждению необходимости ежеминутной борьбы с недремлющими силами, к мысли о постоянном противлении, но не злом: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою…» [1 Пет. 5:8–9]. Важна, по нашему мнению, в размышлениях Лёвина словоформа «*властен*», она является не просто синонимом к глаголам «могу, способен». С помощью нее Толстой подчеркивает силу личности, воздействующей на окружающий ее мир добром и сопричастной в этом Божественной воле.

Анна Каренина, в отличие от Лёвина, по мере разворачивания художественного времени произведения все более оказывается во власти дьявольской силы. В тексте романа мы обнаруживаем неоднократные свидетельства подчинения Анны дьяволу. После встречи с Вронским она вынуждена противостоять страшной *дьявольской силе*, все возрастающей на протяжении развития ее отношений с Алексеем Кирилловичем.

 © Андреева В.Г., 2011

Вот героиня начинает обманывать мужа и удивляется сама, как ловко это у нее выходит. «Она чувствовала себя одетою в непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее», – пишет Л.Н. Толстой [11, т. 18, с. 153]. А в эпизоде приезда Алексея Александровича на дачу к жене Анна уже не может бороться, скорее, не пытается: она, «чувствуя в себе присутствие уже знакомого ей духа лжи и обмана, тотчас же отдалась этому духу»; она говорит словами, которые подсказывает ей этот дух [11, т. 18, с. 215]. Читатель, как и автор, жалеет героиню, но вынужден наблюдать, как Каренина приближается к утверждению своего бессилия и представлению о мире, лежащем во зле. Два заключительных предложения седьмой части романа даны с точки зрения Анны, как последние представления ее земного сознания, поэтому мы понимаем, что «исполненная тревог, обманов, горя и зла книга» [11, т. 19, с. 349] – это мысль о жизни, это жизнь самой Анны, но отнюдь не автора (и не его автобиографического героя).

Интересно, что время создания романа «Анна Каренина» (1873–1877 годы – Толстому в это время было 45–49 лет) оценивалось самим писателем как особое с точки зрения взгляда на свой возраст. «Человек сознает себя, как весь мир, неиндивидуально, и сознает себя, как человека индивидуума. *Из этого строится все*. Человек сознает больше или меньше *все* или *я*, смотря по возрасту. И только один возраст (40–50 лет), когда он может помирить оба сознания», – пишет Толстой в 1870 году [11, т. 48, с. 127]. Нам не так уж важно, справедливо ли рассуждает Толстой о возрастных особенностях определенного периода, нам важна констатация писателем возможности соединения личного и общего.

Посмотрим, как «все переплелось». В.А. Кошелёв в книге об А.А. Фете пишет: «Литературным идеалом <…> становится для Фета толстовский Константин Левин из “Анны Карениной”. Впрочем, надо отметить, что образ Лёвина создавался Толстым в те же годы, когда проводился земледельческий “эксперимент” Афанасия Фета – именно в это время Толстой особенно активно, лично и письменно, общается с Фетом-помещиком, читает <…> его статьи – и видит как будто “живого” Лёвина, дворянина, не похожего на типичных дворян, существо “цельное, неразорванное и ненадломленное”» [8, с. 182].

Однако читатель романа констатирует, что в Константине Лёвине цельность является скрытой основой, часто не осознаваемой в себе даже самим героем, сомневающимся и анализирующим, «разлагающим» жизнь. Толстой показывает читателю, что Лёвина с его метаниями хранят христианские ценности, в которых он был воспитан, но для утверждения религиозной мысли в романе, для осознания необходимости ее, герой должен пройти свой *собственный* путь к вере. Уместно здесь вспомнить слова Голенищева о художнике Михайлове и его мнение по поводу новых «вольнодумцев» и «диких» людей: «…Но теперь является новый тип самородных вольнодумцев, которые вырастают и не слыхав даже, что были законы нравственности, религии, что были авторитеты, а которые вырастают в понятиях отрицания всего, то есть дикими» [11, т. 19, с. 35]. Читатель понимает, что слова Голенищева, который описан автором с сожалением и иронией, следует понимать не прямо, но, вместе с тем, они очень важны для представления пути Лёвина в романе, ведь он, по словам Стивы, «дикий» (как и художник Михайлов). Голенищев говорит о необразованности художника, а читатель вспоминает образованность Облонского, Вронского и принца, стирающую в них всякие признаки человеческой уникальности, индивидуальности. Слова Голенищева направляют взгляд читателя, указывают область для понимания жизни героев, но они должны быть восприняты словно в перевернутом виде. Михайлов, названный вольнодумцем, на самом деле проходит путь мучительного поиска и прозревает истину, данную Богом, те вечные законы жизни, которые он передает и в своей картине «Увещание Пилатом». Толстой подводит читателя к мысли о том, что в эпоху переворота, активного научного развития, человеку сложно не усомниться в Божественных истинах, существовании Бога. Однако писатель показывает: вера, обретенная вновь, в труде и горестях, после разочарования, оказывается еще более дорогой и намного более прочной, поскольку она основана на личном чувстве, личном интересе. Образ Николая Лёвина, родного брата Константина, помогает нам понять скрытые стороны главного героя романа. Не случайно Н.Я. Берковский назвал Николая «тайной» Константина Лёвина, почувствовав оттеняющую, проясняющую функцию персонажа в художественном мире романа. Толстой, сообщая читателю о контрастах в жизни

Николая (он был праведником, который после пустился в страшный разгул), проводит скрытую параллель с менее явными колебаниями в жизни Лёвина. Более того, незаконное возвращение Николая к вере перед смертью («теперешнее возвращение его не было законное, совершившееся путем той же мысли») настраивает читателя на законное возвращение Левина, которое должно произойти в романе. Важно, что через отрицание, через разрушение, подобное тому, о котором говорит в романе Голенищев, прошел и сам Толстой. «Я с молода стал преждевременно анализировать все и немилостиво разрушать. Я часто боялся, думал – у меня ничего не останется целого, но вот я стареюсь, а у меня целого и невредимого много, больше, чем у других людей», – отметил Лев Николаевич в дневнике за 6 ноября 1873 года [11, т. 48, с. 67].

Проблема соединения личности и народа становится в «Анне Карениной» особенно важной, поскольку получает новое, религиозное освещение. Константин Лёвин у Толстого параллельно движется как к осознанию веры, так и к единению с народным миром. Вспомним терзания Лёвина на копне в звездную ночь. Для него в это время понятие семьи очень далеко от идеала народной жизни; герой хочет влиться в тучу, в народ, но не может оставить прежние мечты о семейном счастье. Для Левина размышления о будущем пока еще предстают, преимущественно, как размышления о форме жизни (одному, с женой-крестьянкой, с Кити, среди крестьян). Но уже в этих размышлениях видно его *стремление* соединить личное и народное, даже национальное, ибо национальное для Левина обусловлено не характером разговоров в светских гостиных, а отношением русского человека к себе самому, стране, дому, земле, совокупностью духовных ценностей русского народа. «Для Лёвина главный интерес – это его земля, его дом, “мысль семейная”, которую он считает себя обязанным реализовать во всей полноте понятия, по его мнению, обладающего не просто житейским, а своего рода философским значением» [6, с. 314].

В романе мы видим движение героя к большому миру – grand monde, поэтому важно отметить связь антитезы «личное – общее» с линией развития героя, его изменениями. Фазы Константина Лёвина рассматривались в литературоведении преимущественно как внешние этапы. Но эти стадии Лёвина, соотносимые с эпохами развития (детство – отрочество – юность – зрелость) и представляющие их духовную вариацию, показывают нам все большее приближение героя к самоотдаче (вспомним, что Толстой не раз подчеркивал эгоизм и индивидуализм, имеющие законную основу только в детском возрасте).

«Главный интерес Толстого – в *человеке*… Литература, с его точки зрения, занята познанием *человека*, отысканием для него наиболее правильных путей жизни, а потому, изображая свою нацию, она в известном смысле изображает и все человечество», – писал Б.И. Бурсов [3, с. 26]. Нравственные герои Л.Н. Толстого могут оступиться, ошибиться, впасть в состояние отчаяния, но они не могут отказаться от совести. Н.А. Бердяев, рассматривая убеждения писателя, считает, что «во имя счастливой животной жизни всех отверг он личность и отверг всякую сверхличную ценность» [1]. А ведь признание совести и постоянное ее ощущение – это первый признак личности и личного интереса в деле. Как мы уже отметили, открытие Лёвиным закона добра – это не конец его пути, но показатель действенности принятого на себя труда: «Учение о том, что личные усилия не нужны для достижения человеком духовного совершенства, а что есть для этого другие средства, является причиной ослабления стремления к доброй жизни…» [11, т. 29, с. 61].

Рассматривая сюжетные линии романа, важно помнить, что одиночество героя, его изоляция от мира – это одна из самых больших трагедий у Толстого. Его герой, Константин Лёвин, оставаясь индивидуальностью, постоянно мыслит себя как звено, как часть более объемного целого. Но в этом не нужно видеть один из главных недостатков русского человека, выделенный Н.А. Бердяевым: «Болезнь русского нравственного сознания я вижу прежде всего в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести, в отсутствии сознания нравственной ценности подбора личных качеств» [1]. Толстовские герои, напротив, мучительно ищут свое место в мире, при этом даже слишком ощущая себя как независимую единицу. Они не жалеют сил на борьбу за поставленные цели.

В.Д. Днепров говорит: «Разные, сменяющие друг друга во времени мироощущения Андрея Болконского сопоставлены в единстве его личности. В глубинах чувства жизни совершаются по-

вороты, меняющие ход мысли» [4, с. 140]. Точно так же можно сказать и про Константина Лёвина, одного из главных движущихся героев Толстого, ищущего себя во все более расширяющихся сферах, но, в отличие от Болконского, приходящего к возможности жизненного сопряжения личного и общего. В.В. Кожинов отмечает различие западной и русской литератур: «В западной литературе перед нами предстает индивид и нация, а в русской – личность и народ… Понятия "индивид" и "нация" несут в себе прежде всего смысл выделения, отграничения: индивид и нация – это нечто всецело самостоятельное, и это не то, что другие индивиды и нации. Между тем в "личности" и "народе" важна не столько их самостоятельность, их отграниченность от других, сколько та их внутренняя глубина, которая заключает в себе всеобщую ценность» [7, с. 47]. Можно предположить, что на пути Толстого, из-за сложности и принципиального выделения «я», как раз и вставала проблема нахождения такой общей внутренней глубины, которую герои писателя, как и он сам, усиленно разрешали.

Показателен эпизод присутствия Лёвина на выборах, уже после женитьбы на Кити: «Но Лёвин много изменился со времени своей женитьбы; он был терпелив, и если не понимал, для чего все так устроено, то говорил себе, что, не зная всего, он не может судить…» [11, т. 19, с. 223]. Чего же «всего» еще не знает Лёвин? «Всего» – в прямом значении? Но человек не может знать всего. «Всего» относится и не только к выборам, а еще и к соединению ego с большим миром, к личности. Было бы ошибкой считать, что в конце романа Лёвин замыкается в себе. То, что М.М. Дунаев высказывает по поводу состояния Лёвина, более похоже на состояние Анны перед гибелью: «Но поскольку для его внутреннего состояния он сам как субъект любви важнее объекта этой любви, то и *энергия счастья* может у него иметь своим источником прежде всего его собственные душевные переживания, а не переживания любимого человека» [5, с. 171]. Конечно, говоря об Анне, неуместно при рассмотрении седьмой части романа упоминать «энергию счастья», которая присутствовала в связи Карениной и Вронского ранее. Но мы здесь хотим подчеркнуть, что для Лёвина вовсе не характерен эгоцентризм, о котором не раз упоминает М.М. Дунаев. Самоуглубленность Лёвина – это внутревидение себя, наличие самообличения, основа восхождения героя. Ю.В. Лебедев пишет: «Русский писатель был убежден, что любое жизнестроительство нужно начинать с себя, а не с окружения своего… Только освобождая себя, совершенствуясь с помощью Божьей, можно надеяться на благодатные внешние перемены» [9, с. 5].

Эпизод размышления на копне связан с думами Лёвина на выборах. В сцене описания губернских выборов мы видим, что мечта Лёвина не утопична, разговор об образце – подтверждение этому. И пусть мысль об идеале предстает как пародия, но необходимость своего, как части общего, утверждается Л.Н. Толстым и через отрицание: «В богатой Кашинской губернии, всегда шедшей во всем впереди всех, теперь набрались такие силы, что дело, поведенное здесь как следует, могло послужить образцом для всей России» [11, т. 19, с. 223–224]. Но кто поведет это дело? Свияжский или Неведовский – оба, по мнению Л. Н. Толстого, ничего не смогут изменить, потому что не чувствуют духа народа.

Если во время созерцания работников, которые занимали Лёвина в ночь, проведенную на копне, герой видел *тучу, народ*, то на выборах Лёвин видит *толпу*: «Вслед за этими целая толпа помещиков, окружавшая толстого генерала, поспешно приблизилась к Лёвину…» [11, т. 19, с. 231–232]. Л.Н. Толстой отмечает отсутствие деятельной силы в победившем на выборах Неведовском, который не принесет ничего нового и встанет не во главе *народа*, а вновь поведет вперед, к лучшей жизни, *толпу помещиков*: «Когда Неведовский вышел из залы, толпа окружила его и восторженно следовала за ним, так же как она следовала в первый день за губернатором, открывшим выборы, и так же как она следовала за Снетковым, когда тот был выбран» [11, т. 19, с. 239].

Л.Н. Толстой видит сложность слияния интересов народа и власти. Первый оказывается забитым и затормозившимся в развитии, он не стоит на пути поиска, а ждет решения «сверху», власть же не заботится о народе, не чувствует связи с ним, ведет свой, сугубо индивидуалистический поиск. На примере светских гостиных с вертящимися столами, салонов с медиумами, выборов с бесконечным накрытием столов писатель показал, как «интеллигенция фатально превращается в узкий, тесный, душный мирок» [10, с. 94].

Однако лучшая часть дворян ощущала ответственность за народный мир. Поэтому мечта Лёвина о соединении интересов семьи и дела

жизни – это нисколько не утопия. В «Анне Карениной» Толстой утверждает, что центром жизни человека в этом мире, в обществе должна быть семейная жизнь, которая, в свою очередь, только и способна стать достойной и прочной основой для духовного роста личности, осознающей и принимающей интересы народного мира.

По нашему мнению, параллельно представленные в линии Лёвина, линии утверждения в романе – расширение его жизни (за счет «горизонтальной» связи, причастности к народной жизни) и углубление ее (за счет «вертикальных» связей – пути к вере, самосовершенствования, осознания потомственной ответственности), – имеют особый смысл только во взаимном сцеплении и помогают писателю организовать эпическую сущность романа.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Лев Толстой в русской революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/berd/01/4.html

2. *Берковский Н.* О мировом значении русской литературы. – Л.: Наука, 1975. – 184 с.

3. *Бурсов Б.И.* Лев Толстой и русский роман. – М.; Л.: Акад. наук, 1963. – 151 с.

4. *Днепров В.Д.* Идеи времени и формы времени. – Л.: Сов. писатель, 1980. – 597 с.

5. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература: В 5 ч. – Ч. IV. – М.: Христианская литература, 1998. – 720 с.

6. *Зверев А.М., Туниманов В.А.* Лев Толстой. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 782 с.

7. *Кожинов В.В.* Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991. – 526 с.

8. *Кошелёв В.А.* Афанасий Фет. Преодоление мифов. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2006.

9. *Лебедев Ю.В.* История русской литературы XIX века: В 3 ч. Ч. 1. – М.: Просвещение, 2007. – 480 с.

10. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. Т. 8. Ч. 2. – СПб., 1911. – 256 с.

11. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

УДК 821.161

Болтовский Евгений Олегович

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (г. Москва)

lestoat@mail.ru

МИФОЛОГЕМА ВОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО

В статье проанализирована семантика образа воды в художественном мире Б. Поплавского, выявлены его мифопоэтическая природа, символические значения и смыслообразующие функции.

Ключевые слова: *мифологема, вода, стихия, акватические символы, океан, море, дождь, мировая память.*

Знакомясь с творчеством Бориса Поплавского, читатель постоянно сталкивается с мотивно-образными парадигмами, имеющими мифолого-символическую природу. Условно эти символы можно разделить на пять групп: музыкальные, солярные, акватические, а также символы, относящиеся к земле и небу.

Как древние религиозные и философские учения выстраивали представление о мире через взаимодействие нескольких основных стихий, так и Поплавский создает собственную космогоническую систему. Это не просто творческий пассаж: автор оказывается философом, он действительно живет в этой системе координат, воспринимает каждое событие с точки зрения личной концепции мироздания.

Вода – враждебная человеку стихия. Она сковывает и подчиняет своим законам: если человек еще способен выстоять перед ветром, то перед течением воды он бессилен, хотя и может покорять глубины и отправляться в дальние морские путешествия. Погружение в морские пучины для Поплавского означает поиск источников жизни, в то время как дальние путешествия предвещают смерть. Так, в одном из неназванных стихотворений:

Мальчик смотрит, белый пароходик
Уплывает вдоль по горизонту…

И далее:

И столкнулся пароходик в море
С ледяною синею стеной [5].

В стихотворении «Черный Заяц»:

Горы-волны ходят в океане.
С островов гудят сирены грозно.
И большой корабль затертый льдами
Накренясь лежит под флагом звездным.
<…>

© Болтовский Е.О., 2011

А когда ночное солнце встанет
Лед растает и корабль утонет [6].

Символы водяной стихии, встречаются в творчестве писателя наиболее часто. В основном, они выражены в образах водоемов и осадков. Реки, моря, озера, лужи, как и дождь, имеют водяную природу, но в зависимости от их состояния движения или покоя может меняться и смысл этих символов. Хотя принято считать, что наравне с землей, огнем и воздухом вода является стихией, создающей мир, стихией, которая в сочетании с остальными создает формы и материю, Поплавский дает воде другое значение. Она погружается в мир в виде дождя и знаменует постоянное движение и изменение. В этом Поплавский сходится с учеными: вода – это жизнь. Все живое состоит из воды, которая движет тела в непрестанном преображении. Вода выражает собой принципы размеренности и спокойствия, но иногда она может смывать города и топить поля. Эта стихия по своим качествам близка воздуху: погружаясь в воду, человек теряет земное притяжение и может свободно перемещаться в пространстве. Но когда силы оставляют пловца, Харибда легко может его поглотить. Дождь дарует полям живительную влагу, он остужает землю после зноя, но способен и затопить ее. Нужно отметить, что, вопреки общим представлениям, для Бориса Поплавского вода не самостоятельная стихия, а часть земли.

Вода во многих религиях – символ святости. Освященная вода очищает душу человека, смывая с нее грехи. Для писателя любое погружение в воду означает очищение. Человек, который несет на себе груз мирских тягот, погружаясь в воду, ощущает почти воздушную невесомость – ему возвращается невинность.

Вода может проявляться и как слезы. «А главное жалеть, жалеть без конца, обливаясь слезами, говорить восторженные вещи» [4, с. 169], – пишет Поплавский. Вода, как и слезы, может быть свята, выражая собой жалость, в которой человек обретает Христа.

«Дождь шел, не переставая. Он то отдалялся, то вновь приближался к земле, он клокотал, он нежно шелестел; он то медленно падал, как снег, то стремительно пролетал светло-серыми волнами, теснясь на блестящем асфальте. <…> Казалось, он идет над всем миром, что все улицы и всех прохожих соединяет он своею серою солоноватою тканью. <…> Казалось, грубая красота мироздания растворяется в нем, как во времени. <…> И еще дальше идет, и безнадежно теряется время» [3, с. 7–8].

Этот отрывок из первой главы романа «Аполлон Безобразов» достаточно ярко иллюстрируют авторский мир. Дождь в нем идет постоянно, не прекращаясь. На протяжении всего романа дождь не утихает. От этого дождя невозможно укрыться, он идет и, питая жизнью все земное, тянет жизнь в смерть. В отрывке Поплавский несколько раз соотносит дождь со временем. В дневниковых записях Поплавского мы находим следующее рассуждение: «Дело в том, что в чистом времени кажутся нам как бы разлитые слои его, лишь самому внешнему из коих удается воплотиться в реальности» [цит. по: 2, с. 28]. Это внешнее проявление времени и отождествляется автором с дождем. Дождь – физическое проявление времени, потому что обладает качествами воды: он своим ходом стачивает природу, одновременно питая её. Дождь смывает следы, которые выражают память земли. Он идет над крышами домов, то есть телесными воплощениями людей, каждое мгновение приближая их смерть. Дождь – излюбленный образ Поплавского. Он встречается в прозе, на размышления о его природе мы наталкиваемся в дневниковых записях. Столь же часто он находит себе место в поэзии литератора. Нередко в своих стихах писатель персонифицирует время для яркости образа. Такой персоной для Поплавского становится Гераклит.

А вдалеке, где замок красных плит,
Мечтала смерть, курчавый Гераклит [6].

Гераклит «темный» Эфесский, древнегреческий философ, представитель ионийской школы, считал мир текучей материей. Его размышления о времени оказали большое влияние на развитие философии. Изречение «В одну реку нельзя войти дважды» принадлежит именно ему. Смерть и время равнозначны, потому что все течение времени ведет человека к гибели. «Недаром, – записывает Поплавский в своем “Дневнике”, – над греческим храмом Осипа Мандельштама так ясна Гераклитова надпись: “Все течет. Время шумит”» [цит. по: 2, с. 28]. Шум времени – это и ницшеанский «дух музыки», и звук дождя. Время подхватывает человека и несет к берегам неотвратимой гибели. Стена из непрекращающегося дождя и есть эта река, которая своим звучанием отсчитывает срок всего живого. Звук бьющихся о землю капель напоминает ход часов.

Дождь в романе «Аполлон Безобразов», как было уже сказано, идет постоянно, независимо от погоды. Часто бывает, что дождь смешивается с палящим *солнцем*, значимым символом в творчестве Поплавского, и тогда словно происходит борьба стихий. Солнце символизирует духовное начало. Солнце иссушает землю, не позволяя вечному дождю её затопить. Спасение от времени в сфере безвременной, духовной, то есть либо в *солнце*, к которому по лучам стремятся подняться души, либо в *небе*, куда тянет музыка. Дождь может быть подвержен одновременно влиянию солнца, стремящегося его иссушить, и неба, желающего превратить его в *снег*. В этом соперничестве двух стихий за дождь сокрыта борьба античного и христианского начал – одна из центральных тем творчества Поплавского. Дождь, во-первых, является сутью снега, во-вторых, он подобен небесным слезам, и по этим причинам он выражает вечную божественную жалость к живущим на земле.

Изливаясь, дожди создают собственные нерушимые оплоты на земле. Это реки, озера, океаны – все водоемы в мире. Значение этих символов «земной воды» несколько расширяется по сравнению со значением дождя. Море представляет собой обратную небу глубину. Образы моря могли появиться у Поплавского как следствие глубоких впечатлений, полученных в юности: в четырнадцать лет Борис с семьей совершил первое свое путешествие в Италии по морю, а затем, уже в 1921 году, второе плавание – из Константинополя в Марсель, окончательно покинув Россию.

«Для некоторых мечтателей вода – это новое движение, приглашающее нас к никогда не кончающемуся путешествию» [1, с. 102], – пишет Г. Башляр. Так и у Поплавского образ моря крайне романтизирован. Он всегда тянет его в неизведанные дали, желая навечно забрать писателя себе. «Все рыбаки – мечтатели», – думает Васенька, наблюдая за Безобразовым, сидящим в лодке [3, с. 13]. Вода – это мир невесомости, мир фантазий. Вода, как и земля, имеет свои тайны – прячет сокровища, затонувшие корабли, неизвестных человеку представителей фауны. Ловить в воде рыбу означает копаться в бескрайнем пространстве идей, пытаться поймать на крючок свободную фантазию. Поэтому «все рыбаки – мечтатели». Совмещая качества времени и памяти, вода образует некое пространство бессознательного. Солнечный свет, при взаимодействии с водой означающий познание, проникая сквозь водную гладь, преломляется, теряясь в глубинах. Дно же находится в вечной холодной темноте, познать его невозможно без искусственного освещения, которым человек озаряет его в желании изучить.

Вода – это еще и символ материнства. Умереть в воде – значит возвратиться в материнское лоно. Г. Башляр отмечает, что погибший в волнах «возвращен матери для того, чтобы вновь превратиться в ребенка» [1, с. 100]. Таким образом, смерть в воде оказывается перерождением. Для Поплавского само погружение в воду означает изменение состояния тела – переход из физической реальности в сферу бестелесную. Писатель считает, что до появления на свет душа блуждает по внешним мирам, при рождении же соединяется с телом. Таким «внешним миром» можно назвать воду. Интересно, что упомянутый уже Гераклит считал, что человеческая душа принадлежит водной стихии.

«Вода, – пишет Ю. Эвола, – прежде всего символизирует жизнь на стадии индифференции, жизнь, предшествующую всякой форме, не связанную еще с формой; во-вторых, это символ всего движущегося, следовательно – неустойчивого и изменчивого, то есть это основа всего зарождающегося и подверженного становлению в мире <…>, наконец, она (вода) представляет собой основу всего плодоносного, т.к. вода дарит земле плодородие» [6, с. 166]. Эта цитата из Ю. Эвола наглядно объясняет одно из пониманий образа воды Поплавским.

В романе «Аполлон Безобразов» говорится, что главный герой увлекается «водолазным искусством». Это увлечение у Бориса Поплавского имеет несколько значений. Во-первых, Безобразов – один из внутренних голосов Поплавского, звучащий в его подсознании. Во-вторых, изучение глубин тождественно пребыванию в собственных размышлениях и фантазиях. Но, кроме этих «человеческих» значений, Поплавский наделяет воду новым смыслом – смыслом мировой истории. Не так давно ученые установили, что вода имеет собственную «память» – она способна вбирать энергию, вступающую с ней во взаимодействие. Поплавский тоже обращается к понятию памяти воды, но механизм работы другой. То, что было поглощено водами времени, от окончательного забвения спасает память. Вода, как было сказано, это «внешняя сфера»,

«жизнь на стадии индифференции», она хранитель знания о прошлом. Таким образом, водоемы – это память земли. Аполлон Безобразов, погружаясь в море, находит на дне затопленный город, который едва заметен, потому что водное пространство не позволяет солнечным лучам проникать в глубь себя. Эта «мировая память», вода, со временем прячет детали мировой истории, сначала погружая их в собственную пучину, затем начиная обтачивать её камни своим течением. Свет почти не доходит до дна, и тогда предметы теряют свои очертания, мы становимся способны различать лишь их темные силуэты. Так и наши знания об истории, во-первых, приблизительны, потому что с «высоты» лет мы различаем только очертания, во-вторых, искажены, потому что *вода* преломляет лучи *света* – мысль. Погружаться на дно могут только те, кто обучен «водолазному искусству», – историки, но и они не способны достичь самого дна, этому препятствует давление воды.

Город, который Безобразов находит на дне, совершая погружение, скорее всего, олицетворяет старую, ушедшую в пучину времени Европу. Развитие этой версии мы находим в поэзии Поплавского. Так, в стихотворении «Жалость к Европе» он сравнивает континент с затонувшим кораблем:

Европа, Европа, корабль утопал в океане,
А в зале оркестр молитву на трубах играл.
И все вспоминали трамваи, деревья и осень.
И все опускались, грустя, в голубую пучину… [6].

В потоках времени тонут могучие империи, как и все живое. Вода позволяет миру через смерть постоянно обновляться: с одной стороны, она питает землю, с другой – очищает её для новой жизни. Вода, в зависимости от действующей на неё стихии – *Неба* или *Солнца*, может изменяться и сама: она превращается в пар или лед. Но для Поплавского лед и снег не являются только состояниями воды, они обрастают собственными значениям, одновременно связанными с мифологемами *земли* и *неба*.

Вышесказанное свидетельствует о том, что в творчестве Бориса Поплавского лексема «вода» – смысловая единица, имеющая мифологическое и символическое значение. Анализ текстов автора, герметичных и достаточно темных, может значительно упроститься, если раскрыть значения всех мифологем в контексте его творчества.

Библиографический список

1. *Башляр Г.* Вода и грезы. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998.

2. *Менегальдо Е.* Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. – СПб.: Алетейя, 2007.

3. *Поплавский Б.Ю.* Аполлон Безобразов // Домой с небес: романы. – СПб.; Дюссельдорф, 1993.

4. *Поплавский Б.Ю.* Выступление // Числа. – Париж. – 1931. – №4.

5. *Поплавский Б.Ю.* Дополнение к Флагам // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/poplawskij_b_j/text_0020.shtml.

6. *Поплавский Б.Ю.* Флаги // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/poplawskij_b_j/text_0010.shtml.

7. *Эвола Ю.* Метафизика пола. – М., 1996. – С. 166.

УДК 882.09

Глазунова Софья Ивановна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
profhom@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ОТСТУПЛЕНИЙ В КОММЕНТАРИИ В. НАБОКОВА К РОМАНУ ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

В статье рассматривается особенность использования В. Набоковым такой формы интерпретации художественного текста, как отступление. В тексте комментария выделяются отступления на профессиональную тему, культурологические, автобиографические. Подчеркивается важность автобиографических отступлений, которые соотносятся с отступлениями о Пушкине как диалог между автором и переводчиком.

Ключевые слова: *В. Набоков, интерпретация, перевод, литературное отступление, комментарий.*

В комментарии к переводу «Евгения Онегина» Набоков говорит, что полагает термин «отступление» неизбежным, поскольку «Пушкин сам употребляет это слово, причем в более или менее пренебрежительном смысле» [2, с. 43]. По всей видимости, применительно к тексту набоковского комментария термин «отступление» также является неизбежным и также представляет собой форму присутствия автора комментария. Нам кажется, что эти самые примечания позволили критику приблизиться к опыту самого Пушкина и, добавляя свои отступления к тексту романа, вступить в творческое соревнование с поэтом.

Многочисленные отступления комментатора можно классифицировать как:

1) автобиографические;
2) отступления на профессиональные темы;
3) культурологические.

Рассмотрим подробнее каждый из видов отступлений.

Автобиографические отступления представляют собой небольшую группу. Комментарий дал Набокову возможность показать, что он хочет говорить не только о Пушкине, но и о себе. «Набоков ворчал, что не понимает, почему Сирину надо читать лекции о Джойсе. <…> Оба, и Набоков, и его ассистент, считали, что настоящее его место среди тех, о ком читаются лекции, а не среди читающих лекции» [3, с. 238].Включение в текст комментария автобиографических отступлений позволяет автору заявить о том, что его роль не исчерпывается исследованием истории русской литературы, он сам – часть этой истории.

«Имение Батово позднее принадлежало моим деду с бабкой. <…> Помню потешные дуэли с кузеном на главной аллее Батова (великолепная аллея, обсаженная гигантскими липами и березами и пересеченная в конце своем строем тополей), где, согласно неким семейным преданиям, Рылеев действительно дрался на дуэли» [2, с. 358]. Мы видим, как из текста романа возникает идеализированный образ счастливой дореволюционной России, а текст Пушкина оказывается только предлогом, чтобы заговорить о Сирине. Автобиографические отступления показывают, насколько лично переживал критик действие романа, и говорят о высокой степени субъективизма в анализе произведения.

Отступления на профессиональные темы составляют большую часть отступлений в комментарии. Они затрагивают не только литературоведческие темы, такие, как спор о романтизме, но и содержат характеристику литературных параллелей и читательских впечатлений.

Особо следует выделить ***отступления о Пушкине***. Набоков не может говорить о произведении Пушкина, не упоминая самого Пушкина. Так же, как и личность самого комментатора становится поводом для авторефлексии, так и личность поэта становится поводом для многостраничных отступлений.

Так, за строчкой «Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне» следует комментарий: «Пушкин любил слово “мадонна”. В записной книжке П.И. Бартенева сказано, что Пушкин в своем (утерянном) письме к Елизавете Хитрово (1783–1839) сообщает ей в 1830 г., что собирается жениться “на косоглазой и рыжеволосой мадонне” (“j'epouse une madonne louche et rousse”). Двусмысленно-ласкательное прозвище, данное Пушкиным жене, – “косая мадонна” – упоминают и другие мемуаристы (например, согласно запискам Бартенева, княгиня Вера Вяземская)» [2, с. 291].

Помимо подобных замечаний «вскользь», мы имеем и более многословные отступления, например, при анализе сцены дуэли или отступления о ножках [2, с. 461, 155]. Отступления этого

 © Глазунова С.И., 2011

вида дают Набокову возможность говорить о творчестве Пушкина, не ограничиваясь лишь анализом романа в стихах. Так, в комментарии к десятой главе Набоков переходит с комментария к «Евгению Онегину» на комментарий к оде «Вольность» и дает ее общее текстологическое описание [2, с. 655]. Можно сказать, что мы имеем дело с комментарием в комментарии. Таким образом, Набоков на протяжении всего комментария к роману отсылает читателя к другому произведению Пушкина и спешит разъяснить все темные места оды для зарубежного читателя.

Отступления о Пушкине дают возможность комментатору не только раскрыть перед читателем личность поэта, но и за счет автобиографических отступлений поставить в один ряд фигуры Сирина и Пушкина.

Субъективная характеристика произведений искусства. Комментарий к роману стал для Набокова хорошей возможностью дать свою оценку некоторым произведениям искусства, даже если она основана не на строгих научных основаниях, а лишь на субъективном впечатлении от произведения. В первую очередь в этих отступлениях писатель дал оценку попыткам перевода романа Пушкина на язык других искусств. Так, оперу Чайковского Набоков называет «глупой» [2, с. 292], «наскоро сляпанной» [2, с. 422], «Дуэль Ленского с Онегиным» – бездарная картина бездарного художника, «постыдная мазня» [2, с. 461]. Нападки в данном случае спровоцированы тем, что интерпретация Чайковского и Репина, их восприятие романа расходятся с восприятием Набокова и с той интерпретацией, которую он стремится предъявить читателю в своем комментарии: «Как в опере, так и в картине все оскорбительно для пушкинского шедевра» [2, с. 461].

Характеристика действий героев «Евгения Онегина». Несмотря на приведенное в начале работы высказывание Набокова о собственном отношении к интерпретации, критик не может удержаться от оценки действий героев романа и невольного домысливания. Он утверждает: «Онегин погружает Ленского в состояние обманчивой безмятежности, превознося достоинства старушки Лариной; небрежный вопрос “которая Татьяна?” задается с очевидной провокационной целью: Ленский наивно объясняет то, что наверняка уже известно Онегину, чем вызывает целый шквал язвительных колкостей. На самом деле Онегин здесь не столько остроумен, сколько груб, и остается только удивляться, почему вспыльчивый Ленский сразу не вызывает его на дуэль» [2, с. 289]. «На самом деле» – автор комментария все время претендует на знание некоей правды, скрытой от большинства читателей. Набоков как бы снимает покровы тайны со слов и действий героев и словно бы говорит: «Не верьте первому впечатлению, на самом деле N имел в виду то, а М хотела сказать вот это». Для критика важно донести до читателя свое виденье каждой сцены романа, каждого движения героев, для него важна даже интонация, с которой сказана реплика. Именно за неверное понимание интонации, с которой произносится та или иная фраза, Набоков критикует оперу Чайковского. Казалось бы, как раз музыкальное произведение должно уделить особое внимание мелодике речи, интонации, но восприятие авторов либретто отличается от восприятия некоторых сцен Набоковым, отличается столь разительно, что критик беспощадно обрушивается на оперу и либретто.

Это желание угадать интонацию героев прослеживается уже с комментария к первым строкам романа. Так, Набоков слышит внутренний монолог Онегина как обрывочную, бессвязную речь человека, погруженного в дремоту [2, с. 103]. На протяжении всего комментария критик не раз будет обращаться именно к интонации, желая дать читателю более полное представление о том, как та или иная сцена должна была выглядеть в реальности. Особенно показательным является комментарий к финальной сцене последней главы: «Я плачу… Если вашей Тани / Вы не забыли до сих пор – Странная речь. Когда она была его Таней? Похоже, княгиня N снова подпала под влияние читанных ею в юности романов, в которых эпистолярная традиция заставляла юных дам говорить о себе в письмах “ваша Юлия”, “ваша Коринна” и так далее» [2, с. 591]. Внимательно вслушавшись в речь Татьяны, Набоков находит в ней нотки надрывные, мучительные, завораживающие, готовые вот-вот вылиться в признание, но «эти двенадцать рыдающих строк» заканчиваются «пустым, бессмысленным звуком подходящего к случаю двустишия “отдана – верна”: визгливая добродетель повторяет зазубренную реплику!» [2, с. 593]. Критик пытается показать читателю, как надо слышать текст, как может измениться оценка всего действия и представление о героях от того лишь, что мы неадекватно слышим их голоса. Приведенные примеры показывают, что

для Набокова слово написанное неотделимо от слова сказанного, слово безмолвное – от слова звучащего. И не потому ли критик так обрушивается на оперу Чайковского, что, читая, слышит совсем иной аккомпанемент каждому действию романа?

Увлеченность, некая влюбленность в роман уводит Набокова иногда слишком далеко от исходного текста, заставляя подменять текст впечатлением от текста и как бы невзначай предлагать читателю альтернативный сюжет. Особенно явно этот альтернативный сюжет проступает в комментариях Набокова к дуэли между Онегиным и Ленским, где комментатор перебирает все возможности, которые были у Онегина (не у Пушкина) для того, чтобы не допустить кровавой развязки.

Характеристика сюжета литературных произведений, выбранных в качестве литературной параллели. Признавая то, что читатель комментария может быть куда менее сведущ в мировой литературе, чем сам критик, Набоков старается пересказать сюжет отдельных произведений. По всей видимости, на это могут быть две причины: отдельные произведения малодоступны широкому читателю, в ряде случаев без представления о сюжете читатель не может понять причины, по которой Набоков ссылается на произведение.

Характеристика переводов «Евгения Онегина». Комментарий к «Евгению Онегину» становится для Набокова средством высказать свое отношение к уже имеющимся переводам романа на английский язык. При этом материал переводов выбран таким образом, что у читателя не остается сомнения: все, кроме буквального перевода, – профанация, бездарное переложение (часто Набоков так и называет переводы своих коллег – переложения). Интересно, что взгляд Набокова на методику перевода и даже эпитеты, подобранные для характеристики разных типов переводов, близки к тем, что дает М. Лозинский в статье «Искусство стихотворного перевода», где он выделяет два типа перевода: перевод перестраивающий и перевод воссоздающий. Лозинский указывает: «…Только перевод второго типа и может называться переводом. Его эстетическое и познавательное значение несравнимо с тем, какое может иметь перевод перестраивающий. Последний, собственно говоря, не перевод даже, а пересказ, перепев, подражание» [1, с. 94]. Желание убедить читателя в методологической правильности применения буквального перевода заставляет Набокова отбирать только случаи провала переводчика и разбирать с безжалостной тщательностью ошибки своих предшественников. Откровенно высмеивая другие переводы, критик старается показать, что буквальный перевод – единственная возможность сделать корректный перевод и избежать досадных ошибок и «отсебятины».

Характеристика собственного перевода романа. Набоков стремится в своих комментариях не только прояснить темные места пушкинского текста, но и аргументировать выбор того или иного английского эквивалента. Можно утверждать, что этот выбор представляет своего рода интерпретацию пушкинского текста. Несмотря на то что буквальный перевод дает возможность сохранить точный смысл текста, нельзя утверждать, что перевод равен исходному тексту. При выборе слова из возможных синонимов переводчик руководствуется собственным пониманием текста, подчас полагаясь на свое языковое чутье. При этом неизбежно некоторое смещение акцентов исходного текста, появление дополнительных оттенков смысла и ассоциаций у зарубежного читателя.

Отступления на литературоведческие темы. Как литературовед, Набоков не мог не прояснить свое отношение к некоторым вопросам терминологии и стихосложения. Часть литературоведческих отступлений Набокова касается характеристики стихотворного размера «Евгения Онегина». Например, комментарий к двадцать первой строфе первой главы: «Эта строфа имеет наибольшее количество стихов со скадом на второй стопе. Двуязычному читателю рекомендую посмотреть оригинал. Как и в других случаях, использование этой модуляции соответствует передаваемому смыслу. Никакой другой ритм не передаст столь выразительно, как Онегин пробирается по зале» [2, с. 140]. Но наиболее объемным отступлением на литературоведческие темы является отступление, в котором Набоков дает определение классицизму, сентиментализму, реализму и романтизму, выделяя в последнем 11 видов [2, с. 455].

Так комментарий к Пушкинскому тексту превращается в подобие лекции, дающее возможность высказать свое отношение к литературоведческим понятиям и предложить собственную классификацию – выделение видов романтизма

напоминает определение подвида редкой бабочки. Как и в лепидоптерологии, в литературоведении Набоков не может обойтись без точного определения найденного явления.

Культурологические отступления представляют собой наиболее интересный из видов отступлений. В комментарии Набоков не только переводит героя из мира Пушкина в свой собственный, но и тщательно выстраивает географию и предметное наполнение этого мира. Уже в комментарии к первым строкам романа Набоков замечает: «На основании ряда путевых подробностей я расположил бы все четыре имения (“Онегино”, “Ларино”, Красногорье и усадьбу Зарецкого) между 56-й и 57-й параллелью» [2, с. 103].

Не останавливаясь на вопросах географии поместий, Набоков старается точно определить каждый вид растений, встречающихся в романе. «Обратимся к соседке черемухи – акации и попробуем ответить на следующий вопрос: должен ли переводчик понимать это название буквально, основываясь на словаре, сообщающем, что “акация” – это “acacia”, или же он обязан выяснить, что на самом деле означает это слово, исходя из его контекстуальной среды обитания, в условиях некоей воображаемой местности и в свете определенного литературного приема? Я сторонник второго пути» [2, с. 440]. Набоков приходит к выводу, что в романе фигурирует именно *Caragana arborescens* Lam., которую французские гувернеры называли «сибирской акацией». И даже если дерево или куст не удостаиваются подробного разбора, то комментатор не может не уточнить, что малина – это обязательно «обычная европейская *Rubus idaeus*» [2, с. 403], а калина – «whitten tree» или «*Viburnum opulus*» [2, с. 403].

Конечно, можно возразить, что это не интерпретация, не произвол комментатора, а точное исследование биолога, но, продолжая изучать тот мир, который создал гений Набокова из художественного мира Пушкина, мы видим и более однозначные, более смелые случаи интерпретации текста. Так, Набокова не удовлетворяет описание наряда Онегина, и он начинает домысливать, «дописывать» авторский текст. «Думаю, что на этот бал (зимой 1819 г.) Онегин отправлялся не в простом черном фраке, но (следуя скорее лондонской, нежели парижской моде) в небесно-голубом, плотно облегающем бедра сюртуке с медными пуговицами и бархатным воротником, под которым был очень узкий белый жилет. Из правого переднего кармана брюк у него почти наверняка свисала цепочка с брелком – от брегета, что касается брюк, то это были синие панталоны…» [2, с. 148]. Как мы видим, тщательный анализ Набокова приводит к возникновению нового художественного мира, мира критика, который уже не равен исходному.

Таким образом, несмотря на заявление Набокова о том, что он не приемлет никакие формы интерпретации, текст комментария доказывает, что вольно или невольно, но Набоков использовал отдельные виды интерпретации. Это и попытка объяснения авторского словоупотребления, объяснение поведения героев в определенных ситуациях, интерпретация посредством перевода и литературных параллелей. Являясь своеобразным манифестом набоковской теории буквального перевода, комментарий к «Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksander Pushkin» вместе с тем показывает, что переводчик, сколь бы строгой ни была его позиция, не может удержаться от интерпретации художественного текста в соответствии со своим виденьем произведения.

Библиографический список

1. *Лозинский М.Л.* Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика / Сост. А.А. Клышко. – М.: Прогресс, 1987. – С. 91–106.

2. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. Е.М. Видре, Г.М. Дашевского, Н.М. Жутовской и др. – СПб: Искусство-СПБ, 1998. – 928 с.

3. *Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков). – М.: Издательство Независимая газета, 2002. – 616 с.

УДК 882(09)

Гречушкина Н.В.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Авторская эстетическая концепция формируется в рукописи романа, где показан процесс создания характера Л.Г. Корнилова. Образы-символы «тихого» и «мутного» Дона, реки и земли входят в роман через эпиграф и составляют основу его хронотопа. Благодаря включению характера Л.Г. Корнилова в проблематику эпопеи исторический персонаж становится литературным, что выражает эстетическую позицию М.А. Шолохова.

Ключевые слова: *мемуары, черновики, образ Л.Г. Корнилова, хронотоп «тихого Дона», эстетическая концепция.*

Движение сюжета и создание исторических образов в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» опирается на мемуары А.И. Деникина «Очерки русской смуты», П.Н. Краснова «На внутреннем фронте», «В Донских станицах при большевиках», «Всевеликое Войско Донское», а также на «Воспоминания» А.С. Лукомского и других. Мемуары не являются компонентом содержания эпопеи, так как из них берутся только необходимые М.А. Шолохову события, обретающие историческую обусловленность в сюжете романа, в процессе создания эстетической концепции автора, которая реализуется в замысле «Тихого Дона».

Существует два пласта шолоховской прозы, отражающие два варианта начала работы М.А. Шолохова над романом. По свидетельству автора, первый посвящен корниловскому мятежу: «Поначалу, заинтересованный трагической историей русской революции, я обратил внимание на генерала Корнилова. Он возглавлял известный мятеж 1917 года. И по его поручению генерал Крымов шел на Петроград, чтобы свергнуть Временное правительство Керенского. За два или полтора года я написал шесть-восемь листов. Потом я почувствовал, что у меня не получается» [13, с. 316].

Недавно обнаруженные рукописи романа дают нам уникальную возможность проникнуть в творческую лабораторию писателя. Ф. Кузнецов отмечает, что, судя по нумерации глав в отрывке прозы 1925 года, текст эпопеи начинается с заголовка «Тихий Дон. Роман. Часть первая» [7, с. 66]. Далее идут начальные главы романа, которые подтверждают приведенные выше слова Шолохова. Личность Корнилова послужила импульсом и поводом для замысла эпопеи. Писатель прибегает к мемуарам сослуживцев генерала, знавших его лично, чтобы объективно описать этот образ и связанные с ним события.

При дальнейшем рассмотрении рукописи видно, что вся 14 глава четвертой части романа посвящена взаимоотношениям Л.Г. Корнилова и А.М. Каледина. Текст подвергается значительной переработке по сравнению с предыдущим отрывком рукописи, где Л.Г. Корнилов действовал в масштабе, не устраивавшем М.А. Шолохова. Теперь он пишет фактически новое начало и новый конец этой главы, называя их «вставками». В действительности, они являются черновиками, с которых в значительной степени переписан беловой текст 14 главы. К нему относится ремарка М.А. Шолохова: «Корнилов колеблется. Разговор с Калединым». Разговор этот продолжительный, страницы испещрены шолоховской правкой.

Многообразие вариантов слов, фраз, фрагментов, изменения предложений начала и конца главы представляют собой процесс «шлифовки», обретения крепости художественной мысли автора.

Изображая в рукописи других героев, М.А. Шолохов неоднократно возвращается к Л.Г. Корнилову, рисуя привлекательную, патриотически настроенную, решительную личность белого генерала: «Лукомский внимательно смотрел на небольшое смуглое лицо Корнилова, с привычно знакомыми твердыми складками, от переносицы извилинами спадавшими к усам» [7, с. 120]. Автор вычеркивает этот текст, ставит на поля значок «х[1]?». И этим же значком обозначена следующая вставка: «Лукомский внимательно смотрел на [неб] [небольшое] [сухое] смуглое лицо Корнилова [[с привычно знакомыми твердыми складками [от] [до] [спадавшими от носа наискось и нависшим над черствым ртом усами]… Черствое жесткое [чуть] строгое выражение лица нарушала лишь [завиток] косичка волос, как трогательно ребячески спускавшаяся на лоб» [там же]. В беловом варианте рукописи эта портретная характеристика дополнена: «Облокотившись, придерживая маленькой сухой ладонью подбородок,

 © Гречушкина Н.В., 2011

Корнилов сощурил монгольские с ярким [углевым] блеском глаза» [Там же].

М.А. Шолохов, употребляя возможные и наиболее подходящие для портрета детали, черты внешности, выражения глаз, строит эстетический образ исторической личности.

Особенно значительно переработана 16 глава четвертой части рукописи романа, где писатель несколько раз переписывает разговор Л.Г. Корнилова с генералом Романовским в день, когда стало ясно, что задуманный им переворот потерпел крах. Эта сцена, имеющая лирический характер, сначала завершалась философскими рассуждениями автора: «Эти дни в России бешено вертелось маховое колесо истории. Шум приводных ремней катился через фронты в страны Европы» [7, с. 766]. Поскольку данные слова расширяют проблематику романа до общемирового масштаба, а автору нужно было художественно обосновать образ Л.Г. Корнилова, он вычеркивает этот отрывок и заканчивает главу новым текстом, продолжающим рассказ о сне генерала.

Описание сна также отличается вариативностью, сложностью работы творческой мысли М.А. Шолохова: «Легкий сквозняк шевелил на столе бумаги, тек между створок раскрытого окна [Романовский, следя за направлением] затуманенного взгляда Корнилова [перевел глаза в] и далекий бродил [где-то за окном, на за] где-то за Днепром, по увалам и скатам, покрытым зеленью резкой лесов [бронзой лесов и луговин]. Романовский проследил за направлением его взгляда и неприметно вздохнул сам, перевел глаза на [заснеженные, отсюда казавшиеся] слюдян [ым] ой блеск словно застекленного пространст [ва] Днепра, на [в] при дальние поля [и леса, покрытые] [затушеванные], покрытые нежнейшей предосенней ретушью» [7, с. 766]. Разговор между Л.Г. Корниловым и Романовским идет в Ставке, далеко от лесов и полей, куда устремлены мысли Л.Г. Корнилова. Картина незыблемого русского простора видится Корнилову – и следом Романовскому – внутренним, «затуманенным взглядом воспоминаний». В создании некоей иллюзорности заключается главная трудность написания приведенной сцены, поэтому М.А. Шолохов переписывает ее вторично: «Легкий сквозняк шевелил на столе бумаги, тек между створок раскрытого окна… Затуманенный далекий взгляд Корнилова бродил где-то за Днепром, по [окатым увалам] ложбинистым увалам, [изрезан] [покрытым] бронзой прожеленью луговин, [и изразцов]. Романовский проследил за направлением его взгляда и сам, неприметно вздохнув, перевел глаза на слюдяной глянец [Днепра], словно застекленного Днепра, [дальние] дымчатые поля Молдавии, покрытые [киноварью] нежнейшей предосенней ретушью» [Там же].

Следуя закону о природе творческого поиска, М.А. Шолохов отступает от предварительных наметок, обращается к разным способам художественного решения фрагментов романа, испытывает их с точки зрения поставленной задачи, уточняет и конкретизирует поставленные цели. Варианты текста являются отправной точкой мышления писателя, показывают максимальную активность его творческого процесса, начало придумывания и подбора формы, адекватной содержанию. По мере написания очередных страниц эпопеи, где видна расчленяющая и обобщающая мысль, писатель проверяет эстетическую действительность романа с точки зрения новаторства своей темы, идеи, проблем, сюжета, пластичности замысла и структурной органичности частей, что представляет собой зарождение художественной философии и высокой эпической прозы М.А. Шолохова.

Фокус замысла писателя в рукописи постепенно смещается от образа Л.Г. Корнилова к жизни казачества: автору становится важно, не кого генерал вел на Петроград в отрывке рукописи 1925 года, а что в ходе этих событий произошло. Осознав, что некоторые моменты текста романа нуждаются в уточнениях и поправках, писатель ищет единственно верное художественное решение замысла всей книги. Он мысленно представляет в едва намеченных штрихах, набросках образ всего произведения и подчиняет своей эстетической концепции весь мемуарный материал. М.А. Шолохов приходит к выводу: чтобы выделить возникшую в ходе испытания вариантов текста потребность показа участия казаков в революции и Гражданской войне, нужно начать роман не с образа Л.Г. Корнилова, а с рельефного описания судьбы всего казачества.

Концепция автора находит свое эпическое выражение в старинном эпиграфе к роману: «Не сохами-то славная землюшка наша распахана… / Распахана наша землюшка лошадиными копытами, / А засеяна славная землюшка казацкими головами, / Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами, / Цветен наш батюшка тихий Дон сиро-

тами, / Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, материнскими слезами // Ой, ты, наш батюшка тихий Дон / Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь? / Ах, как мне, тихому Дону, не мутно течи! / Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют, / Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит» [12, с. 5].

Выбор М.А. Шолоховым жанра песни не случаен: она является хранилищем знаний народа о мире, о самом себе, своем национальном характере, служит средством общения между поколениями, включая во время ее исполнения и слушателя, и участника пения в народное мышление. Благодаря старинным казачьим песням писатель акцентирует внимание на судьбе казачества, проникает в народное сознание, что максимально расширяет видение мира «Тихого Дона». В образной форме в роман проникают намеченные в рукописи философские рассуждения и многовековое мировоззрение народа универсального содержания, понятное и актуальное для всех представителей нации в прошлом и настоящем, и глубоко индивидуальное, вызывающее эмоциональное сопереживание, со-чувствие и со-страдание. Появляется ощущение бескрайнего пространства, перекресток исторических путей десятков и сотен народов, живущих и уже ушедших в небытие. Информационное изменение логики художественной мысли писателя привели к изменению содержания и формы, которые вступили друг с другом в диалектические отношения.

Песня не исчезает из романа, она проходит рефреном через всю сюжетную линию эпопеи – «хронотоп Тихого Дона» становится доминирующим и всеобъемлющим хронотопом всего произведения. Он художественно образует текст, через его «ворота» проходят главные философские смыслы эпопеи. Революция и Гражданская война связываются с общим ходом жизни казачества, где чередуются мир и война, являющиеся двумя пластами народного бытия, двумя точками мировоззренческого отсчета. Война и мир воспроизводятся М.А. Шолоховым в органическом единстве, взаимной обусловленности и характеризуются точностью реальности, историзма, батальной живописью, приобретающей жестокий и трагический смысл. В центре всех проблем романа – судьба Григория Мелехова, представителя мелеховской семьи, на примере которого показаны все перипетии судьбы и сознания казачества в годы революции и Гражданской войны.

Основой упомянутого хронотопа Тихого Дона являются образы-символы «тихого» и «мутного» Дона. Смысл образа тишины восходит к библейскому сюжету: в Евангелии от Матфея, Марка и от Луки повторяется мотив наступления великой тишины после деяний Иисуса, что говорит о сакральной сущности этого образа. Тихий – это не только лад, покой, отсутствие тревоги, ссоры, но и благостное, исполненное в высшей степени любви и милосердия состояние, полное великой тайны бытия. Символ «мутный» проецируется на греховное сознание людей, когда они, забыв о Боге и Его заповедях, поднимают оружие против братьев. С помощью этих начал автор передает познание высшего универсального порядка бытия. «Мутное» – жизнь как хаос, заблуждение; «тихое» – высшая упорядоченность, высший смысл этого беспорядочного хаоса, который должен систематизировать все вокруг, обернуться гармонией.

Заявленные в эпиграфе образы реки и земли становятся архетипическими образами жизни и кормилицы народов, указывают на всеобщую связь с произведениями древности, открывают смысловое, духовное единство всех вещей и усиливают эстетический смысл хронотопа «Тихого Дона». Показывая трагический характер революции и Гражданской войны, М.А. Шолохов выявляет отсутствие упорядоченности в мире, пытается это преодолеть, художественно доказывая превосходство, ценность умиротворенной жизни, в отличие от войн, приносящих страдания.

М.А. Шолохов сожалеет о разрушении целостности жизни и пытается остановить кровавый ход истории в пороговых ситуациях романа, где герои испытываются ожиданием благодати, содержащейся в пейзаже, в образе храма и других точках соприкосновения с божественным мирозданием. Словесные приемы, обновление содержания понятий, поэтическая одухотворенность мира, многозначная символика картин и образов, их глубокая синтетичность приводят к тому, что и земля, и небо, и человек предстают в романе в единстве, и потому все изображенное: солнце, ветры, земля, деревья, воды, цветы, птицы – помимо прямого значения имеет особый поэтический смысл.

Ранний вариант начала романа в своем преобладающем составе и в переработанном виде входит во вторую часть эпопеи. Черновики как варианты произведения представляет собой сю-

жетно-композиционный каркас напряженной художественно-эстетической мысли автора, эмоционально-экспрессивная значимость которых позволяет считать образ Л.Г. Корнилова компонентом формы и содержания. Найдя масштабное выражение своим мыслям, М.А. Шолохов включает Л.Г. Корнилова в общую проблематику книги, где генерал и другие белые начинают сочетать в себе противоречивые начала «мутного» и «тихого», греховности и благородства, особенности сознания смутного времени. Передавая сложность каждого этапа в развитии личности, в движении его души, писатель проявляет большое внимание к описанию его судьбы, его дню, часу, минуте, множеству восприятий, жестов, несколько сцен из биографии героя являются проекциями всей человеческой жизни. Социальные и политические конфликты генерала с русским народом как целым разрушают гармоничность мира Л.Г. Корнилова изнутри, в нем происходит битва вселенского добра и зла, связывающая индивидуальное бытие персонажа с глобальным ходом истории.

В художественной интерпретации судьбы Л.Г. Корнилова основную нагрузку несет сон. В романе он напоминает реквием потерянному, разочарованному в себе человеку. Л.Г. Корнилов хотел добиться своей правды кровью соотечественников, но его войска проигрывали в неравных боях. Из-за этого произошел крах не только военной кампании, но и возник духовный кризис генерала. Соучастие в Гражданской войне способствовало увеличению груза личных грехов до предела, до тупика, но хода истории не изменить. Герой оказывается в таком конфликте с народом и самим собой, что дальнейшая жизнь бессмысленна. «Смутное» начало побеждает «тихое», зло низвергает добро, ощущение всеобщей смерти достигается апокалиптической символикой безысходности, придающей образу Л.Г. Корнилова трагический смысл.

Из рассмотренного ранее в рукописи отрывка сна можно сделать другие выводы: поправки, синонимы, многообразие флоры, фауны, неповторимый ландшафт говорят о поиске М.А. Шолоховым красоты. В основном тексте этот мотив сохраняется лишь отчасти. Совместное видение сна, слитность взора Романовского и Корнилова являются эстетическим решением автора судьбы всего белого движения. Обращение к памяти персонажа проецируется на внутреннее пространство, осознание героем смысла и ценности жизни. Картина незыблемого русского простора показывает поиск всевышнего разума, разлитого в мироздании. Иллюзорность видимого мира – это своего рода мечта души белых генералов вернуться к нормальному течению жизни, с её невыразимой, неповторимой красотой, не имеющей отношения к начавшейся Гражданской войне. М.А. Шолохов считает, что представители белого движения могли бы реализовать себя, свои личные таланты, военное мастерство, силы и мужество характера не в преступном противостоянии с братьями по крови, а на фронтах военных кампаний против держав-завоевателей. Во время сна возникают детали прежней службы генерала Л.Г. Корнилова, вымышленная и реальная топографии сочетаются друг с другом. Сам герой остается неподвижным, но наделяется правом оценки и показа своего внутреннего мира. Л.Г. Корнилову свойственен крайний эгоцентризм русского типа лишнего человека, преодолеть который можно не разрушая, а защищая Родину, ее державное бытие. Образ бабочки, появившийся рядом с генералом, является надеждой М.А. Шолохова на вразумление и умиротворение представителей белого движения как части русского общества. В какой-то степени она осуществилась в годы Великой Отечественной войны, когда многие эмигранты (в их числе преемник власти Л.Г. Корнилова А.И. Деникин) боролись с фашизмом, защищая свою Родину на расстоянии. Концепция писателя поднимается над апокалиптическим осмыслением жизни и утверждает образом генерала надежду на обретение мира и покоя, ценность и победу «тихого» начала.

Пути зарождения образа Л.Г. Корнилова, показанные в рукописи, его соотнесение с проблематикой романа, надежда на умиротворение приводят нас к выводу, что эта личность в «Тихом Доне» является художественно значимой. Упомянутые выше свидетельства мемуаристов и одновременно героев романа дали возможность М.А. Шолохову проникнуть в их сознание, внутренний мир, найти ключ к историческому характеру и выразить сущность трагического конфликта. Мемуарный факт преображается в правду жизни, целостный мир, увиденный глазами художника, утверждающий победу добра над злом, что характерно для всех эпических произведений реализма. Утверждая свою эстетическую концеп-

цию, М.А. Шолохов соединяет все компоненты духовного мира героя друг с другом, сотворяет действительность романа свободно и естественно, как создает свои формы природа. Сквозной хронотоп «тихого Дона» приобретает высокую степень обобщения – связь между различными частями русского народа, символизирует универсальную гармоничную модель бытия, где сочетается тематическая масштабность и художественная объективность, а все вместе взятое представляет собой песнь о народе и его судьбе.

Библиографический список

1. *Бирюков Ф.Г.* Художественные открытия М.А. Шолохова. – М., 1976.

2. *Васильев В.* Последние книги «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в единстве исканий М.А. Шолохова // Новое о М. Шолохове. Исследования и материалы. – М., 2003.

3. *Воробьёва А.Д.* «Хронотоп Тихого Дона» в творчестве М.А. Шолохова // Шолоховские чтения. – М., 2003.

4. *Громов Е.С.* Природа художественного творчества. – М., 1986.

5. *Еремеев А.Ф.* Грани искусства. – М., 1987.

6. *Желтова Н.Ю.* Стихия народной песни в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Литература в школе. – 2004. – №9.

7. *Кузнецов Ф.Ф.* «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. – М., 2005.

8. *Рымарь Н.Т.* Введение в теорию романа. – Воронеж, 1989.

9. *Сатарова Л.Г.* Золотое слово Шолохова. «Тихий Дон» и духовные традиции русской литературы // Липецкая газета. – 2005. – 4 мая.

10. *Ткаченко П.* Вещий сон: Образ генерала Л.Г. Корнилова в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Литературная Россия. – 1998. – 6 февраля.

11. *Федь Н.* Парадокс гения (Жизнь и сочинения Шолохова). – М., 1998.

12. *Шолохов М.А.* Тихий Дон: роман: В 2 т.. – М., 2000. – Т. 1.

13. *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. – М., 1986.

УДК 821.161

Кихней Любовь Геннадьевна
Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (г. Москва)
lgkihney@yandex.ru
Вовна Алексей Владимирович
Дальневосточный государственный технический университет (филиал, г. Уссурийск)
vovna2276@mail.ru

ПРЕЛОМЛЕНИЕ «ПЕТЕРБУРГСКОГО МИФА» В *ГОРОДСКОМ ТЕКСТЕ* РОМАНА АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

В статье исследуется семантический комплекс города в романе Андрея Белого «Петербург». Впервые дан системный анализ семантики образов, входящих в смысловое поле «город» как важнейший элемент философской картины мира А.Белого; рассмотрены принципы формирования «авторского мифа» о Петербурге, прослежены его генетические истоки, вычленены архетипические модели и лейтмотивы.

Ключевые слова: *городской текст, «петербургский миф», архетипические модели, лейтмотивы, пространство.*

Изучение *петербургского текста* русской культуры имеет давнюю историко-литературную традицию (работы Н.П. Анциферова [1], Б.В. Томашевского [4]). Однако систематическое изучение петербургского текста начинается в структурно-семиотической ветви советского литературоведения, где Петербург предстает как внутренне связанный текст, обладающий собственным набором образов, мотивов, сюжетов и героев. Так, огромный вклад в изучение *петербургского текста* внесли В.Н. Топоров и Ю.М. Лотман. В их фундаментальных работах петербургский текст исследуется со структурно-семиотических и мифопоэтических позиций. Авторы большое внимание уделяют построению «модели» Петербурга с проекциями на древние архетипические символы города.

Ю.М. Лотман фактически закладывает теоретические основы изучения *городского текста* в общем и петербургского текста в частности. Он, во-первых, выделяет универсальную модель организации пространства «центр-периферия»; во-

 © Кихней Л.Г., Вовна А.В., 2011

вторых, исследует феномен Петербурга в ракурсе более общего феномена урбанизма; в-третьих, он выявляет набор постоянных признаков петербургского мифа [2].

В.Н. Топоров исследует культурный феномен Петербурга не только со структурно-семиотической, но и с философской точки зрения [5; 6]. Исследуя петербургский сверхтекст с мифопоэтической позиции, он выявил его основные качества и свойства, связанные с культурно-географическими особенностями пространства. Не менее важно, что Топоров подошел к вопросу о петербургском мифе со смысловой точки зрения. И если Лотман преимущественно обращается к «способу» сочетания единиц петербургского мифа, то Топоров исследует сами эти единицы. В этом аспекте Топоров действительно доказал, что Петербург является *текстом* со своим *языком* и *правилами*, по которым единицы этого языка организуются [5, с. 341–360].

Что же касается художественной реализации петербургского текста, то ее начало было положено А.С. Пушкиным на рубеже 20–30-х годов XIX века («Уединенный домик на Васильевском», 1829, «Пиковая дама», 1833, «Медный всадник», 1833). Затем петербургская тема была подхвачена «Петербургскими повестями» Н.В. Гоголя и произведениями Ф.М. Достоевского, Некрасова, Гончарова, Одоевского и т.д. Все эти произведения объединяет то, что петербургская тематика в них в основных своих элементах настоятельно повторяется и образует определенную смысловую структуру, которая и стала предметом выявления в данной статье, где на материале *самых крупных и знаковых* произведений петербургского текста выявляются закономерности его внутренней организации.

Традиционно считается, что текст, заложивший основы петербургской мифологии, – это «Медный всадник» А.С. Пушкина. Все петербургские мотивы, появившиеся в «Медном всаднике», можно разделить на две группы: мотивы, соотносящиеся со смысловым ядром пушкинской поэмы (лейтмотивы), и частные мотивы, связанные с реализацией этого смыслового ядра. Все выявленные мотивы и лейтмотивы реализуются и в других классических произведениях, формирующих петербургскую мифологию.

К главному лейтмотиву можно отнести *мотив стихии*, который в «Медном всаднике» воплощается в частных мотивах *наводнения*, *революционной ситуации, людских масс, власти*. С образом восставшей стихии соотносится *мотив власти*, который играет огромную роль в петербургском тексте XIX века. Это, несомненно, связано в первую очередь с внелитературными факторами: Петербург – столица Российской империи. Однако, попадая в смысловую структуру петербургского текста, мотив власти претерпевает изменения.

Лейтмотив разбушевавшейся стихии, заданный Пушкиным, обнаруживается и в ряде других произведений, связанных с петербургским текстом. При этом стихия, выходящая из-под контроля, не всегда соотносится с наводнением, но воплощается и в ряде принципиально иных образов. Так, в творчестве Гоголя возникает образ людской толпы на Невском проспекте. Несомненно, что сам по себе гоголевский образ не связан с символикой восставшей стихии. Однако Андрей Белый в своем романе «Петербург» (не без влияния Гоголя и Пушкина) воссоединил мотивы толпы и стихийности, связав их с идеей революции.

Такая символическая интерпретация власти впервые предстала в «Медном всаднике»: здесь власть отчуждается от человека и демонизируется. Символом власти оказывается ожившая статуя Петра Первого, которая в тексте соотносится с языческим божеством, «кумиром». В «Петербургских повестях» Гоголя власть прежде всего соотносится с петербургской бюрократией, которая фактически формирует свое «метафизическое» пространство.

Эсхатологический лейтмотив восстания стихии обусловливает появление *лейтмотива абсурдности и распада бытия*, который реализуется в следующей системе мотивов: *мотив сумасшествия, мотив истончения грани между реальным и ирреальным миром, мотивы сновидения и иллюзорности мира*.

В «Медном всаднике» абсурдность бытия приводит Евгения к гибели. При этом оказывается разрушенным не только Петербург, но и надежды «бедного Евгения» на тихое «маленькое» счастье. Особенно ярко петербургская абсурдность показана в повести «Нос» (ср. «странное происшествие», которое легло в основу этого произведения).

Лейтмотив абсурда бытия в рамках петербургского текста, начиная с «Медного всадника», соотносится с *мотивом сумасшествия*. Так, в «Медном всаднике» Пушкина Евгений сходит

с ума, столкнувшись с неведомыми ему силами. В смягченном, «пародическом», варианте связь между петербургским абсурдом и сумасшествием обнаруживаем в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя. Мотив сумасшествия в соотношении с петербургским пространством появляется также в произведениях Достоевского. Эта связь отчетливо видна в «Преступлении и наказании», где все герои находятся в «пограничном» состоянии между разумом и безумием.

На мотив *истончения грани между реальным и потусторонним миром* в «Медном всаднике» А.С. Пушкина указывает образ «ожившей статуи». В рамках петербургского текста, созданного Пушкиным, он имеет двойную мотивировку. С одной стороны, происходит действительно не вписывающееся в рамки обыденности событие, а с другой стороны, это событие может быть объяснено болезненным состоянием героя.

Истончение грани между двумя мирами приводит к важнейшему для петербургского текста мотиву *сновидения*. В «Невском проспекте» Гоголя мотив сновидения оказывается способом прорваться в иной мир. При этом в очередной раз наблюдается характерная для петербургского текста «мена» оппозиций: сновидческая реальность оказывается более истинной, нежели окружающий мир [ср.: 3]. Мотив иллюзорности Петербурга возникает также и в творчестве Достоевского. Тема иллюзорности Петербурга разрабатывалась, прежде всего, в его романе «Подросток», где Петербург предстает маревом над Невой, туманом.

Разрушение границы между реальным и ирреальным мирами приводит к появлению в петербургском тексте *лейтмотива инфернальности,* который реализуется в мотивах *омертвения человека, подмены живого неживым, раздвоения, демонического бала*.

Вписываясь в ряд предыдущих мотивов, лейтмотив демонизма органично соседствует с мотивом иллюзорности города (ср. финал гоголевского «Невского проспекта»), властью (в «Медном всаднике» Петр демонизируется) и стихией (в «Медном всаднике» один из аспектов власти – покорение стихии).

Всю эту лейтмотивную систему и ее «частные» реализации обнаруживаем в романе Белого «Петербург», ознаменовавшем ключевой этап развития петербургского текста в русской литературе XX века. Одна из специфических характеристик городского пространства, созданного Андреем Белым, заключается в том, что петербургский миф находился в системных отношениях с другим пространственным мифом – мифом о Москве, который также возникает в творчестве писателя.

Оппозиция «центр-периферия» в романе функционирует в соответствии с системным принципом, то есть в рамках создаваемого Белым оригинального извода петербургского мифа она накладывается на оппозиции восток / запад, варварство / цивилизация и др. Подобная «многослойная» организация пространства свидетельствует о том, что в основании романа лежат мифопоэтические принципы.

Что касается внутренней организации пространства, то в функции центра в романе выступает имперский Петербург, в роли периферии – его островная часть. В контексте романа острова противопоставляются имперскому Петербургу по целому ряду бинарно выраженных признаков: свое / чужое, западное / восточное, прямое / кривое и т.д. Описания и характеристики центра и периферии соответствуют мифопоэтическим пространственным структурам, естественно, с поправкой на модернистское сознание автора. Так же, как и в текстах мифологического типа, Петербург, будучи сакральным центром, является воплощением космоса. Однако в противовес «органическому» мифологическому космосу (структура которого часто выражалась в образе мирового дерева) петербургский космос Белого – это царство чистых геометрических форм. В этом заключается существенная новизна и оригинальность трактовки петербургского пространства по сравнению с другими текстами, разрабатывающими петербургский миф.

Острова же представляют собой непокорную, не поддающуюся власти стихию. Ликами, ипостасями этой стихии могут являться и великий трус (землетрясение), и затопление империи полчищами с Востока («желтая опасность»). В этом плане острова по отношению к имперскому Петербургу предстают как «другое пространство». Отсюда можно вывести все их основные характеристики, которыми они наделяются в рамках петербургского мифа Белого: острова – это перевернутый имперский Петербург, и характеристики этого Петербурга – это характеристики островов только с противоположным знаком.

Подобного рода «перевернутость», характерная для всех пространств бинарного типа, прояв-

ляется и на геройном уровне. Если для Аполлона Аполлоновича «незнакомец» с островов, террорист Дудкин, является носителем злобного демонического начала, которое грозит разрушить строгую геометрию города, то для незнакомца, в свою очередь, именно «имперский Петербург» является воплощением зла и объектом ненависти. В силу всего этого острова оказываются «пограничным местом», что подтверждается характеристикой их жителей, которые не принадлежат ни к одному из миров. Иначе говоря, островные жители – это герои, не закрепленные ни за одним пространственным локусом, об этом свидетельствует тот факт, что они могут пересекать границу («мосты»), отделяющие имперский Петербург от его островной части. В то время как герои имперского Петербурга (например, Аполлон Аполлонович) статичны и не пересекают пространственной границы.

На отсутствие четкой пространственной закрепленности «островных» героев указывают места их обычного пребывания. Так, традиционным местонахождением островных жителей оказываются «кабачки», которые в русской картине мира являются дьявольским местом, противопоставленным святому месту – храму (недаром сам Белый называется кабаки – «адскими»). Здесь в романе появляется традиционная для петербургского мифа семантика инфернальности, которая завуалированно предстает в образах островных жителей. В конечном счете в романе Белого возникает мотив, характерный для петербургского мифа в его символистском изводе: историко-культурные и политические вопросы осмысляются в мистико-демоническом контексте. Такой подход заставляет вспомнить историософскую концепцию А. Блока, который представлял себе нашествие варваров как восстание низших социальных слоев, что должны были появиться из «преисподней». Характерно при этом, что восстание низов также связывалось Блоком с городской (возможно, петербургской) тематикой.

Другой существенный элемент петербургского мифа в романе – это граница, разделяющая острова и имперский Петербург. Ее воплощение мы находим в образе Невы. Белый, обращаясь к этому традиционному для петербургского мифа образу, трактует его по-своему. Нева обретает «летейские» смыслы, в связи с чем роль Невы в рамках оригинального петербургского мифа Белого изменяется. Если в основании классического петербургского мифа лежит представление о Неве как о губительной стихии, то у Белого Нева становится границей, разделяющей внутри Петербурга два типа пространства.

Однако наряду с мотивом разделения двух пространств в романе возникает мотив их соединения. Эту функцию в романе выполняют мосты. Образ моста в силу «пограничности» петербургского мифа, который создает Белый, оказывается одной из его самых существенных примет. Можно сказать, что так же как Достоевский сделал «приметами» Петербурга «дворы-колодцы», так Белый ввел в петербургский миф «мосты». Мост в романе соединяет геометрическое пространство имперского города с «хаотическими» островами, с «той стороной», о чем свидетельствует грандиозность и мрачность описания мостов.

Таким образом, существенная специфика петербургского мифа, созданного Андреем Белым, заключается в том, что враждебные внешние силы (мотив которых всегда присутствует в петербургских произведениях) Белый локализовал в пространстве. Тем самым произошло смысловое «расширение» петербургского мифа, куда Белый включил антипространство.

Противопоставление центра и периферии, взятое вкупе с мотивом преодоления границы, указывает на то, что в «Петербурге» Белого органично сочетаются два типа текстов: сюжетный и бессюжетный. При этом бессюжетный текст в культурологическом смысле является более архаичным, так как он просто «описывает» петербургский мир и имеет отчетливо классификационный характер. Именно этот бессюжетный уровень петербургского мифа является своего рода «хранилищем» литературных традиций, связанных с петербургской тематикой. Сюжетный же уровень петербургского текста возникает в связи с индивидуально-авторской разработкой Белым существующих петербургских мифологем.

Одна из главных структурных оппозиций городского текста, созданного Белым в своем романе, – это противопоставление аполлонического принципа дионисийскому началу, восходящее, прежде всего, к философии Ф. Ницше в ее модернистской интерпретации. В этом плане специфика воплощения петербургского пространства в романе проявляется в том, что в его смысловом поле Белый объединяет несколько разнородных культурно-семантических пластов, связанных с античностью и ее модернистскими рецепциями.

Однако Белый использует не только конкретные мифологемы Аполлона и Диониса, но и подключает семантические мифологические поля, связанные с этими образами. В результате чего петербургское пространство обретает античное «дно»: каждый персонаж двоится, представляя собой, с одной стороны, героя, действующего в рамках реального петербургского топоса, с другой стороны, – античную «маску» того или иного божества. При этом аполлоническое и дионисийское начала в романе теряют свою конкретную образную природу и воплощаются в рамках городского текста в целом наборе разных образов и мотивов.

С аполлоническим началом в романе, прежде всего, связан образ Аполлона Аполлоновича (на что недвусмысленно напоминает его фамилия). В этом герое разнообразно реализуются основные функции Аполлона. Аполлон – это солнечное, светлое божество, «символ рациональной ясности» и бог светлого начала. Эти солнечные небесные смыслы возникают и в образе рационального сенатора.

Аполлонический принцип воплощается в романе не только на геройном уровне, но, в силу теснейшего соотношения героя и пространства, реализуется и на уровне пространственных образов. Так, Петербург – город прямых углов и проспектов. Эта упорядоченность петербургского локуса, его внешняя строгость, блеск и лоск свидетельствуют об «аполлонической структуре» городского пространства.

Дионисийский принцип, явленный в романе, также связывается с организацией пространства и геройной структуры. При этом данное противопоставление, будучи базовым, сохраняется не только на пространственном, но и на временном уровнях: так, если Аполлон Аполлонович действует преимущественно днем, то его сын – ночью (здесь воплощается семантика Диониса как «темного» бога, в противовес светлому солнечному Аполлону).

Образу Николая Аполлоновича сопутствуют все дионисийские атрибуты, такие, как маска (ср. с дионисиевыми празднествами), «тигровый зверь» (спутником Диониса был леопард) и проч. К этому же дионисийскому полюсу можно отнести и образ Софьи Лихутиной. Этот персонаж в систему дионисийских образов входит через семантику востока (она носила японское кимоно), который в системе символических соответствий Белого связывается со стихийным дионисийским началом.

Если аполлонический принцип в романе соотносится с преодолением тела (Аполлон Аполлонович летает в свои астральные путешествия, преодолевая границы собственной телесности), то дионисийская символика, напротив, сополагается с телесностью в ее «натуралистическом» виде. Недаром центральный дионисийский мотив романа – это мотив разорванного в клочья тела жертвы. Таким образом, дионисийство в романе также воплощается на уровне традиционного для петербургского мифа мотива гибели, которая понимается не просто как смерть, но как своеобразная жертва и насыщается религиозными смыслами – Белый мастерски соединяет античные мотивы с мотивами петербургского текста, подводя под первые иной смысл.

И здесь античная мифология «Петербурга» неожиданно пересекается с пушкинским интертекстом романа. Ср., например, ситуацию жертвы в «Медном всаднике», где смерть Евгения может пониматься как жертва идолу-кумиру, в роли которого выступает ожившая статуя Петра. Примечательно, что, оставляя в романе мифоритуальную символику смерти, восходящую к «Медному всаднику», Белый меняет ее культурный код, и жертва связывается не с язычеством вообще, но прежде всего с античной мифологией. В контексте аполлоническо-дионисийских цитат, заявленных в романе, традиционный для петербургского мифа мотив жертвы обретает конкретную культурно-историческую реализацию. Так, в центре повествования оказывается образ-мотив разорванного человеческого тела, что, несомненно, восходит к древним античным представлениям о разрываемых божествах, а в более общем индоевропейском контексте – к мифу об умирающем и воскрешающем боге.

Однако Петербург в соответствии с принципами петербургского мифа является пограничным пространством. Отсюда его срединное положение между аполлоническим и дионисийским началами. Он как бы заключает в себе эти две противоположности, снятие которых возможно только в соответствии с логикой взрыва (метафора, которая, заметим, в буквальном смысле реализовалась в романе). Так, аполлоническое солнце входит в систему оппозиций к варварским ордам, которые в романе являются воплощением стихийного дионисизма и символизируют хаос.

Отсюда в тексте Белого появляется своеобразный мифологический гимн – призывание солнца, связанное с борьбой против варварских орд.

Таким образом, основные лейтмотивы петербургского мифа, в рамках романа Белого претерпевают существенные изменения. Белый как бы сохраняет смысловое ядро этих мотивов, однако трактует его с иной (ницшеанско-мифологической) точки зрения.

И здесь крайне важна система лейтмотивов, образующих городской текст романа. Прежде всего, обращает на себя лейтмотив иллюзорности, связываемый Белым с аполлоническим принципом. Восходя к «петербургской классике», в романе Белого иллюзорность меняет свою «этимологию». Так, прежде всего, мотив иллюзорности у Белого соотносится с кантианскими отсылками. В этом плане петербургский миф в романе предельно философизируется и соотносится с целым рядом частных мотивов.

Иллюзорность – мозговая игра. Кантианская философия обусловливает мотив мозговой игры, с помощью которого в романе создается «второе пространство» города. В этом плане фантасмагоричность Петербурга в романе получает свое реальное обоснование: Петербург иллюзорен потому, что он является плодом воображения, результатом игры «чистого разума».

Иллюзорность-теургия. Эта скрытая отсылка вносит чрезвычайно важные смысловые коррективы в петербургский миф, реализованный в романе Белого. Фантасмагоричность и иллюзорность Петербурга оказываются обусловленными не только кантианской философией, но также и теургической концепцией символа, Петербург становится своего рода полем для воплощения теургических исканий Белого. И именно в соответствии с этой теургической установкой происходит «порождение» образов в петербургском пространстве.

Иллюзорность-бюрократия. Лейтмотив иллюзорности реализуется не только в кантианских образах, но и в мотивах бюрократии, которая также оказывается иллюзорной в кантианском смысле этого слова. Наличие мотива «бюрократиады», несомненно, указывает на Петербург Гоголя. Однако Белый в соответствии со своей «символической» логикой придает этому традиционному для русской классики мотиву почти что мистическое звучание, связывая мотив бюрократии с мотивом мозговой игры. Соположение этих мотивов приводит к изменению петербургского мифа, когда мистическая составляющая города семантически «обусловливается» бюрократизмом, в котором Белый также подчеркивает семантику призрачности.

Иллюзорность-провокация. С темой «мозговой игры» и иллюзорности в романе тесно связан мотив вселенской провокации. Характерно, что эти мотивы увязываются Белым в единое целое в рамках петербургского мифа, который дает основания для подобного семантического соположения. Иллюзорность петербургского пространства оказывается плодотворной как для развития темы мозговой игры, так и для развития темы провокации. При этом последний мотив в рамках мистико-философского контекста, который задает Белый в романе, теряет свое социально-политическое значение и обретает метафорический смысл, обращаясь в мотив демонической подмены.

Иллюзорность-зеркала. Соположение двух принципиально разных пространств («мысленного» и физического) в рамках романа приводит к тому, что Белый вводит в петербургский миф еще один чрезвычайно важный мотив, генетически связанный с лейтмотивом иллюзорности, – мотив зеркала. Зеркало оказывается не просто образом, функционирующим в тексте, но оно становится принципом выстраивания романного пространства.

Иллюзорность-сон. С образами зеркал и теней соотносится «сновидческая сфера» романа, которая также связана с семантикой фантасмагоричности Петербурга. Генетически родственными мотивами становятся мотивы лоска и блеска, которые указывают на иллюзорность всего происходящего.

Другая важнейшая оппозиция, организующая петербургский текст романа, – это геософское противопоставление Запада и Востока. Однако в решении проблемы «Восток-Запад» Белый уходит от истории и оказывается близок к антропософии. Восток и Запад понимаются им как сверхисторические структурообразующие начала человеческой цивилизации. И воистину диалектическая борьба между ними есть фактор движения прогресса, который Белым трактуется, скорее, как «вечное возвращение» (в духе Ницше), нежели как некий прямолинейный путь. При этом ареной борьбы оказывается именно Петербург, город, хранящий в себе изначальную русскую раздвоенность между востоком и западом.

Противопоставление «Восток – Запад» органично вписывается в системы иных оппозиций, функционирующих в петербургском мифе Белого. В частности, оно соотносится с противопоставлением Аполлона и Диониса, иллюзии (бреда) и реальности, прямых линий и линий изогнутых. Западному началу соответствует правая сторона этих оппозиций.

С этой оппозицией связаны и принципы создания геройной системы романа. Так, принадлежность героев к западной или восточной системе маркируется Белым по-разному. И один из главных способов маркировки персонажа – имя собственное. Так, например, фамилия сенатора связывает этот персонаж с восточными мотивами, о чем явственно дает понять сам автор в начале первой главы.

Восток проникает в интерьер петербургских комнат, нарушая четкость и геометричность петербургского пространства. С точки зрения такого соотношения внешнее (форма) предстает как область запада, а внутреннее (содержание) – как сфера востока. Эта двойственность проецируется и на внутренний мир сына сенатора, Николая Аполлоновича: внешне он «западный» человек (о чем свидетельствует его античное лицо), однако внутренний мир Николая Аполлоновича хаотичен и полон неустранимых противоречий.

И на примере Петербурга Белый показывает невозможность «эволюционного» решения темы «Восток – Запад» в русской истории, поскольку русская «бинарная» модель культуры не позволяет этого сделать. В результате чего возникает мотив взрыва, появляющийся в финале «Петербурга», который становится еще одной знаковой приметой петербургского мифа Белого.

Наряду с темами Запада и Востока в роман Белого вводится тема Юга, что позволяет говорить о расширении пространства петербургского мифа. Тем не менее Юг в структуре романа выполняет функции Востока, то есть функции разрушения западной культуры. Однако если России грозят полчища «татарских орд», то южные «черные орды» угрожают Западной Европе.

Культурно-историческая оппозиция «Восток-Запад» соотносится с более общей оппозицией мифологического типа «хаос-космос». Противостояние космоса и хаоса – одна из «постоянных» петербургского мифа. Ее Белый также сохраняет, но опять же меняет историко-культурное содержание. Если, например, в «Медном всаднике» Пушкина Петербургу грозит Нева, являя собой воплощение дикой природной стихии, то в петербургском мифе Белого стихия остается, однако ее образное воплощение меняется. Образ стихии Белый переосмысляет в символическом ключе, и стихия становится метафорой востока и людских масс. Так в связи с оппозицией «космос-хаос» в романе появляется еще одно противопоставление, выполняющее важную функцию в его структуре: «массовое-единичное».

Так, в городском тексте, созданном Белым, возникает принципиально новый герой, которого доселе в русской прозе не было, – людская толпа, обладающая своим голосом (или голосами) и выступающая как живое существо. При этом стихийные людские массы в соответствии с бинарной логикой петербургского мифа противопоставляются «геометрическим» мечтам сенатора Аблеухова, который в момент встречи с людской стихией думает о звездах. Примечательно, что Белый показывает, что антиномия толпы и личности неразрешима: личность помимо своей воли оказывается «втиснутой» в людской поток.

Этот «массовый герой» вписан в пространственные координаты петербургского мифа Белого, ибо он описывается как «приходящий с островов». И в соответствии с семантическим каркасом петербургского мифа Белого этот новый герой наделяется демоническими характеристиками (острова в романе – это практически потусторонний мир). Недаром Белый говорит о людях, перешедших через мост, как о «тенях». В этом контексте переход через мост с островов оказывается структурно подобен переходу из мира живых в мир мертвых (это подкрепляется также эпитетом, отнесенным к водам Невы – «летейские»). Таким образом, социально-политическая и культурно-историческая проблематика, вписываясь в пространство петербургского мифа, меняет свое содержание и оказывается увязанной с мотивами, имеющими принципиально иную, мистико-мифологическую природу.

Библиографический список

1. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга: Очерки. – Л.: Лира, 1990.

2. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблема семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – С. 208–220.

3. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн: Александра, 1993. – Т. I. – С. 413–447.

4. *Томашевский Б.В.* Поэтическое наследие Пушкина // Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. – М.: Книга, 1990. – С. 218–288.

5. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – С. 295–367.

6. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 121–132.

УДК 82.09

Козлёнков Виталий Александрович
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва)
imaximilliani@gmail.com

РЕКЛАМНО-АГИТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО НА РУБЕЖЕ 1910-Х – 20-Х ГОДОВ: «ОКНА РОСТА»

Статья посвящена исследованию самого яркого периода рекламно-агитационного творчества В.В. Маяковского – работе над плакатами «Окна РОСТА» (1919–1921). Именно в это время Маяковский выработал свой фирменный рекламно-агитационный стиль, благодаря чему и смог по праву называться одним из основателей российской социальной рекламы.

Ключевые слова: *социальная реклама, советские плакаты, агитация, Маяковский-рекламист.*

Говоря о Маяковском как об агитаторе и рекламисте, мы подразумеваем очень широкий спектр его деятельности. Владимир Маяковский – талантливейший пропагандист, искренне веривший в Революцию, готовый до конца биться и убеждать других в своей правде. Он – один из основателей российской социальной рекламы, мастер короткого агитационного лозунга.

Этапы рекламно-агитационной деятельности Маяковского после революции можно определить следующим образом: *1 этап* (до второй половины 1919) – проба пера в рекламном и агитационном деле, мелкая и незначительная работа в рекламе; *2 этап* (вторая половина 1919 – конец 1921) – становление Маяковского как рекламиста и агитатора, завершение формирования фирменного литературного рекламного стиля Маяковского, работа над «Окнами РОСТА»; *3 этап* – (1923–1930) – успешная работа Маяковского как профессионального агитатора и рекламиста, творческий альянс с Александром Родченко, социальные и коммерческие проекты для Моссельпрома, ГУМа и других организаций.

Второй этап (1919–1921) наиболее интересен. Именно в это время в течение практически трёх лет Маяковский создаёт «Окна РОСТА» – сатирические пропагандистские плакаты, которые вывешивались на улицах множества городов СССР. «Окна РОСТА» внесли существенный вклад не только в российское изобразительное искусство (ведь в создании «Окон» принимали участие даже Каземир Малевич и Кукрыниксы), но и стали важнейшим этапом в истории российской рекламы. Маяковский же, именно благодаря созданию «Окон РОСТА», благодаря тому, что не только писал тексты и сам создавал рисунки, но и фактически стал художественным руководителем Окон сатиры, может называться одним из основателей не только российской социальной рекламы, но и, возможно, всей рекламы в России в целом.

Первые плакаты «Окон РОСТА» появились на углу Тверской улицы и Чернышевского переулка в сентябре 1919 года, благодаря их главному идеологу П.М. Керженцову, руководившему в то время Российским телеграфным отделом. Советские исследователи творчества Маяковского середины прошлого века считают, что толчком к созданию «Окон РОСТА» является статья «Два лагеря» И.В. Сталина в «Известиях», где даётся высокая оценка роли агитации. Она появилась в феврале 1919 года, примерно за шесть месяцев до создания первого плаката РОСТА. В ней Сталин в противовес капиталистическому западному обществу с «их капиталами, средствами вооружения, испытанными агентами, опытными администраторами» [7] ставит молодое советское общество, обладающее «опытными агитаторами, умеющими зажечь сердца трудящихся освободительным огнём» [7].

© Козлёнков В.А., 2011

Плакаты РОСТА появились в тяжёлое для СМИ время, когда финансирование СМИ и социальных проектов было очень слабым. Вот что по этому поводу вспоминает П.М. Керженцов: «Из-за типографской разрухи не было литографий, красок, бумаги, специалистов литографического дела и т.д. В эти годы только Реввоенсовету удавалось с величайшими трудностями печатать свои немногочисленные плакаты. Эта нужда толкнула нас на мысль использовать окна магазинов для периодических выставок сатирических плакатов» [4, с. 82].

По замыслу художника Черемных, «Окна РОСТА» должны были представлять собой как бы увеличенную страницу сатирического журнала. Научный исследователь Б. Земенков заметил: «В “Окнах РОСТА” можно ещё проследить признаки передовой, фельетона, подвала: материал членится по колонкам, под “шапкой” названия, на правой колонке – неизменная карикатура» [3, с. 20]. В «Окнах» использовалась традиции лубка и раёшника, известные ещё в Древней Руси.

На первых порах «Окна РОСТА» рисовались вручную в одном экземпляре. «Окна» вывешивали именно в витринах магазина с простой целью: защитить их от ветра, дождя или антисоветски настроенных граждан. Со временем «Окна» стали распространять также и на вокзалах, в агитпунктах, на заборах и стенах домов.

В 1920 году было решено размножать «Окна РОСТА» при помощи трафаретов, что увеличило их тираж с одного экземпляра до трёхсот. Готовые плакаты распространялись уже по всему Советскому Союзу. Собственные отделения РОСТА появились в Харькове, Одессе, Иваново-Вознесенске, Петрограде, Калуге, Баку, Саратове. Темп выпуска плакатов ускорялся каждый месяц. Если в начале 1920 года в Москве выпускалось около 25 «окон» в месяц, то уже к концу этого года – шесть-семь в сутки [2, с. 152].

«Окна РОСТА» значительно отличались от советских тиражируемых печатных плакатов и имели ряд преимуществ перед ними. Они были систематическим откликом на злобу дня, и читатель одного плаката знал, что за ним последует другой. «Окна РОСТА» привлекали большее внимание, один выпуск успевали посмотреть тысячи человек. Их сатирический оттенок был куда любопытнее обычных призывающих плакатов, а значит, и действовал эффективнее. Главным же отличием стали оперативность и конкретность. «Война и разруха шли вместе, – писал Маяковский в статье “Революционный плакат”. – Печатный станок не справлялся с требованием на плакат. Даже если и справлялся, то безнадёжно затягивал, терял агитационность» [6, т. 5, с. 113].

Сам Маяковский пришёл в «Окна РОСТА» не сразу, лишь через пять-шесть недель после их запуска. «Моя работа в РОСТА началась так: я увидел на углу Кузнецкого и Петровки, где теперь Моссельпром, первый вывешенный двухметровый плакат, – вспоминает Маяковский. – Немедленно обратился к заву РОСТОЙ, тов. Керженцеву, который свёл меня с М.М. Черемных – одним из лучших работников этого дела. Второе [совместное с Черемных] окно мы делали вместе. Дальше пришёл И. Малютин, а потом художники: Лавинский, Левин, Брик, Моор, Нюренберг и другие…» [5, с. 4]

Работать приходилось в неприятных условиях, что, впрочем, не помешало Маяковскому сразу же с головой влиться в работу. Вот что по этому поводу говорит поэт: «Вспоминаю – отдыхов не было. Работали в огромной нетопленой, сводящей морозом (впоследствии – выедающая глаза дымом “буржуйка”) мастерской РОСТА. Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки, с тем расчётом, что на полене особо не заспишься, и, поспав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова» [5, с. 5].

Придумывая темы для «Окон», Маяковский ежедневно просматривал все популярные газеты: «Правду», «Гудок», «Известия» и др. «Опираясь на почерпнутые из газет и материалов РОСТА факты, документы и руководствуясь общими программными положениями и теоретическими лозунгами партии, Маяковский создавал неотразимо убедительные и полные огромной экспрессии тексты и рисунки для “Окон”, – пишет исследователь творчества В.В. Маяковского В. Дувакин. – Идейность, убеждённость и высокое мастерство помогли Маяковскому не только услышать, но и передать в “Окнах” биение пульса политической жизни народа. Он неоднократно подчёркивал злободневно-утилитарный характер “Окон”. “Мы работали не на историю и славу”, – писал он в статье “Прошу слова”. Работа в РОСТА была для него формой прямого участия в политической жизни страны данного дня» [2, с. 181].

Маяковский не только придумывал тексты, он также рисовал и, по сути, возглавил весь трудовой коллектив. «Маяковский был настоящим хо-

зяином “Окон сатиры”, – вспоминает один из работников Художественного отдела РОСТА М. Вольпин. – Его боялись все. Это был директор, хотя заведующим числился Черемных. Но хозяином дела был, бесспорно, Маяковский» [2, с. 181].

Диапазон тем «Окон РОСТА» был очень широк. В.В. Маяковский неоднократно подчёркивал, что для него, как для политического поэта, не может быть слишком мелкой темы. Любую бытовую тему он мог сделать политической и злободневной, приравнивая агитацию за гигиену с борьбой с белыми или же борьбу с голодом с войной в Польше. Сам Маяковский так определял темы плакатов: «агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и с тифозной вошью, плакаты о сохранении старых газет и об электрификации» [4, с. 273].

Наиболее интересными предстают как раз «мелкие» темы. Плакаты о правильности чистки зубов, о борьбе с голодом или распространением инфекций стали, по сути, первой российской социальной рекламой. Они также явились для Маяковского первым опытом создания рекламы. Вся дальнейшая рекламная деятельность Маяковского основывается как раз на этом опыте в «Окнах РОСТА».

Работа в РОСТА стала для поэта переломным и крайне плодотворным этапом, она помогла для него заново поставить и решить насущные проблемы искусства.

В «Окнах РОСТА» Маяковского мы наблюдаем рождение нового, «окказионального» жанра, поскольку имеем здесь нестандартное сочетание авторских установок с формой бытования литературного произведения, что было обусловлено конкретным запросом времени. Но в основе жанра «Окон РОСТА» – обращение к определенному адресату с учительной целью, поэтому здесь используются те же лексико-стилистические приемы и риторические фигуры, что и в системе дидактических жанров (оды и сатиры).

«Окна РОСТА» обладают рядом отличительных особенностей. Наиболее ярким признаком является техника исполнения. Плакаты рисовались от руки и даже тиражировались вручную. Вторым признаком является характер рисунка и раскраски. У художников, создававших «Окна», несмотря на индивидуальный стиль, выработалась единая техника исполнения, которая состоит из заимствований приемов рисования от каждого художника. Третий признак – единообразная внешняя композиция, основанная на тесном взаимодействии рисунка и текста, которые практически не воспринимаются по отдельности. Обе эти составляющие задумывались одновременно вместе с темой. Текст «Окна» как бы подстраивается под рисунок и разбивается на несколько звеньев.

Образ персонажа в «Окнах РОСТА» легко узнается читателями, он не развёртывается постепенно. Он несложный, необъёмный и недетализированный и строится по одной схеме, в какой бы ситуации этот персонаж ни находился. Этих персонажей можно поделить на несколько групп. В первую входят карикатурные изображения, высмеивающие лидеров белогвардейцев: Деникина, Врангеля, Ллойд-Джорджа, Юденича и др. Другая группа – это обобщенные образы вражеских систем: «буржуй», «капиталист», «меньшевик», «эсер», «кадет». Третья группа – условные враги советского общества – «тиф», «холод», «голод», «разруха». Последняя группа – положительные персонажи: «рабочий», «красноармеец», «крестьянин». Отличительный признак последних – их динамичность и революционный порыв к борьбе, а также слова-обращения («Эй!», «Смотрите!», «Слушайте!»).

Сами тексты «Окон» делятся на две группы: сатирическую и положительную [2, с. 237]. К стихам из сатирической группы относятся краткие сатирические тексты, так называемые политические эпиграммы, а также сатирические рассказы в стихах. Положительный тип подразделяется на несколько подтипов, отличающихся разнообразной литературной композицией. Лозунговые формы в положительных «Окнах» приобретают конструктивное значение. При этом в разных окнах лозунг находится в разнообразном соотношении с остальным словесным и изобразительным материалом. Прямой дорогой к лозунгу может служить не только градация, а короткий тезис или силлогизм, где не присутствует эмоциональное нарастание, а составным элементом может служить рисунок. В последние годы существования «Окон РОСТА» Маяковский часто использовал простое сообщение (факт) для мотивации лозунга. Например, некоторые плакаты, посвящённые проблеме голодающих, представляют собой цифровые сводки, заканчивающиеся призывом-лозунгом о помощи.

В «Окнах РОСТА» Маяковский полностью освобождает язык от архаизмов и книжных слов и вводит новый мощный лексический пласт.

В него входит политическая лексика того времени («бюрократизм», «капитализм», «буржуазия», «Антанта», «беспартийный», «пролетарский», «блокада» и др. слова), лексика бытового просторечия («папиросник», «буржуйка» и др.), специальная экономическая лексика и техническая терминология («баланс», «концессии», «семенная ссуда», «электровоз» и др.). Маяковский также освобождает стихи от тропов, эпитетов и метафоричности. Стихи «Окон РОСТА» из-за своей краткости, лаконизма и афористичности типологически схожи с пословицами и загадками.

Работа Маяковского в «Окнах РОСТА» была одним из самых важных творческих этапов поэта. «Окна РОСТА» явились для Маяковского неким катализатором разработки нового поэтического стиля общения с массовой аудиторией. Например, если ещё в «Левом марше» он мог употреблять архаизмы и условно-книжные слова («Глаз ли померкнет орлий?»), то при работе в «Окнах РОСТА» он отказался от их использования, упростив свой язык и став поэтом масс. Школа «Окон РОСТА» способствовала утверждению народности поэта.

В «Окнах РОСТА» Маяковский впервые создал и опробовал свой фирменный рекламный стиль, характеризующийся резкими и категоричными формами, множеством глаголов побудительного наклонения. Исследователь творчества Маяковского В.Дувакин называет работу в РОСТА вершиной творчества поэта-агитатора. «"Окна РОСТА" – это наиболее чистое и полное воплощение агитационного жанра, – пишет Дувакин. – Всё, что Маяковский ранее делал в этом направлении, – лишь изолированные опыты, нащупывание путей» [2, с. 267].

Критик В. Бакинский называет сатиру «Окон РОСТА» своеобразной школой мастерства, «поскольку они ставили поэта перед необходимостью добиваться простоты и разнообразить формы, жанры» [1, с. 163]. В «Окнах» у Маяковского выработался и совершенно новый сатирический метод, особая структура сатирического образа, отличная и от ранней сатиры, и от сатиры второй половины 1920-х годов. Из «Окон РОСТА» вырос самостоятельный жанр лозунга, который и в последующие годы Маяковский будет придавать особое значение. Более того, работа над плакатами для РОСТА обострила в Маяковском чувство истории и подготовила для создания таких поэм, как «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

«Окна РОСТА» значимы не только для творческого опыта Маяковского. Его работа явилась примером для многих художников того времени. «"Окна сатиры РОСТА" сыграли огромную не только агитационную, но и художественно-политическую роль, – говорит О.Брик в свой статье "Маяковский-художник". – Эти сатирические плакаты вопрос об участии художников в политической жизни страны. Стало ясно, что участвовать в пролетарской революции, – не значит сюжетно ею вдохновляться, а это значит реально своей работой помогать ей бороться с врагами и строить социализм» [4, с. 83].

Однако на Маяковского ещё при жизни нередко совершались нападки за создание «Окон РОСТА», за их лёгкий стиль, за низменный жанр. В своём выступлении, посвящённом двадцатилетию деятельности, он ответил на все нападки: «Почему я должен писать о любви Мани к Пете, а не рассматривать себя как часть того государственного органа, который строит жизнь? Поэт не тот, кто ходит кучерявым барашком и блеет на лирические любовные темы, но поэт тот, кто в нашей обострённой классовой борьбе отдаёт своё перо в арсенал вооружения пролетариата, который не гнушается никакой чёрной работой, никакой темы о революции, о строительстве народного хозяйства и пишет агитки по любому хозяйственному вопросу».

«Окна РОСТА» ещё при жизни В.В. Маяковского побывали и на отдельной выставке в Третьяковской галерее, и на экспозициях в Берлине и Париже, превратившись в реальные произведения искусства.

В наши дни художественная, эстетическая и политическая значимость «Окон РОСТА» оценена по заслугам. Так, в 2008 году в Нижнем Новгороде появился целый жилой район, где дома были разукрашены в стиле «Окон сатиры». А оригинальные плакаты «Окон РОСТА», созданные Маяковским, продаются в антикварных салонах по цене около двух миллионов рублей за один экземпляр. На «Окна РОСТА» создалось и продолжает создаваться множество пародий и стилизаций.

«Окна РОСТА» – яркий пример действенной социальной рекламы, обладающей немалым суггестивным потенциалом; на них по сей день ориентируются российские креаторы и рекламисты.

Библиографический список

1. *Бакинский В.* Маяковский в борьбе за социалистический реализм. – Л.: Советский писатель, 1952.

2. *Дувакин В.* Радость, мастером кованная. – М.: Советский писатель, 1964.

3. *Земенков Б.* Ударное искусство Окон сатиры. – М.: Художественное издательство, 1930.

4. *Маяковский В.* Альбом. – М.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1944.

5. *Маяковский В.* Грозный смех. – М.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1938.

6. *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: ГИХЛ, 1955–1961.

7. *Сталин И.* Полное собрание сочинений: В 16 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iosif-stalin.su (дата обращения: 22.11.2010).

УДК 82-1/-9

Круглова Татьяна Сергеевна
Пензенский государственный университет
tatjana.sk@mail.ru

КНИГА СТИХОВ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕПЕЛ» В КОММУНИКАТИВНО-ЖАНРОВОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена фактору адресации в лирике Андрея Белого (на примере книги стихов «Пепел» в сравнении с другими книгами – «Золотом в лазури» и «Урной»). Доказывается, что именно этот фактор предстает в качестве одной из важнейших авторских установок, влияющих на смысловую структуру, жанровое своеобразие произведений, на саму специфику протекания коммуникативного общения в пространстве художественного текста.

Ключевые слова: *коммуникативная стратегия, лирический диалог, адресация, жанр, послание, посвящение.*

Лирико-коммуникативные установки Андрея Белого на разных стадиях его творческой эволюции резко отличаются друг от друга. Так, фактор адресации в раннем творчестве Белого, в период создания «Золота в лазури» (1904), играет, пожалуй, наиболее «позитивную», коммуникативно-организующую роль. Но вместе с тем его диалогическая стратегия разительно отличается и от протеизма посланий В. Брюсова, и от «синтетизма» Вяч. Иванова, и от скрытой полемичности блоковских «писем в стихах». Белый выступает в стихах, обращенных к своим литературным соратникам, как носитель четко обозначенной жизненной, идеологической, философской позиции, глубоко убежденный в ее абсолютной значимости. Причем он отождествляет свою позицию с самыми высшими ценностями бытия, т.е. выступает как прозелит и проповедник определенного учения. Если ранний Блок дает воплощение идеала соловьевства («Стихи о Прекрасной Даме»), то Андрей Белый «аргонавтического» периода дает платформу: он поворачивает соловьевскую концепцию не как учение об идеале, замкнутое в самом себе, а как жизнетворческую идею, способную сплотить людей, жаждущих «подвига». Стремясь связать единой платформой больших художников, он обращается с посланиями к Константину Бальмонту, Валерию Брюсову, Александру Блоку, Сергею Соловьеву, Эллису. В этих обращениях Белый старается облечь свою проповедь в привлекательные для адресатов апеллятивные формы, прибегая к обильным реминисценциям из их творчества. Установка на «целевое», «прокламативное» общение является основным формообразующим фактором, организующим структуру и словесную ткань адресаций Белого периода «Золота в лазури». Их содержание «повернуто» не столько к адресату, сколько ориентировано на ожидание его сугубо положительной ответной реакции.

Подобная диалогическая позиция гораздо более уязвима, чем позиции его «партнеров» по лирическому и жизненному диалогу, прежде всего потому, что она не учитывает существования чужих сознаний с иными мировоззренческими ценностями. Кружковое и одновременно эгоцентрическое сознание автора стремится навязать собственные представления собеседнику, поставить его перед выбором: «свой или чужой».

Вполне естественно, что столкновение с действительностью оборачивается для такого сознания глубочайшим кризисом. Именно поэтому его послания, вошедшие в книгу «Урна», обретают характер прямых или косвенных инвектив, направленных против отступников, изменивших идеалу. Особенно в этом отношении «досталось» автору «Балаганчика» (см.: «А.А. Блоку», 1906). Отсюда и лейтмотив борьбы «света» и «тьмы», характер-

© Круглова Т.С., 2011

ный для стихотворных адресаций, обращенных Валерию Брюсову (1904–1909).

Однако в книге А. Белого «Пепел» фактор адресации играет совершенно особую роль: он не только предопределяет жанровое своеобразие книги, но обусловливает ее смысловую архитектонику. Тональность книги Белый определил следующим образом: «“Пепел” – книга самосожжения и смерти: но сама смерть есть только завеса, закрывающая горизонты дальнего, чтоб найти их в ближнем» [3, с. 224].

Сборник посвящен «памяти Некрасова». Это посвящение, вынесенное в подзаголовочный комплекс, маркирует основные темы и мотивы этого сборника. Поэтому в данном случае фактор адресации выполняет семантическую функцию по организации внутренней архитектоники второй книги Белого. Примечательно, что это посвящение вступает в сложные коррелятивные связи со стихотворением Некрасова «Что ни год – уменьшаются силы…», которое играет роль эпиграфа. Думается, что некрасовский эпиграф как бы «конкретизирует» само посвящение, обусловливая выбор некрасовских тем и мотивов, введенных в сборник. Ср. стихотворение Некрасова:

Что ни год – уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведреный день впереди:
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез [6, с. 82].

Основные темы, которые Белый развивает в своем сборнике, прямо восходят к этому тексту. Это и тема России-матери в корреляции с мотивом смерти, и тема родных селений, которые Белый рисует практически в лироэпической манере…

Однако посвящение Некрасову не должно прочитываться в реалистическом ключе. Белый – поэт-символист, поэтому некрасовские темы и мотивы он трактует принципиально с иных позиций. Об этом свидетельствует тот факт, что сами стихотворения сборника могут быть адресованы поэтам-символистам, близким Белому. Так, стихотворение, открывающее сборник, адресовано З. Гиппиус. И некрасовские темы, которые появляются в стихотворении, поэтически интерпретируются Белым в символистском ключе. Речь в стихотворении идет о России, однако эта Россия подается не в узких социально-исторических «народнических» координатах, но на фоне космического универсализма. Поэтому тема гибели России трактуется Белым как апокалипсис. Ср.:

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безводья.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: –

Туда, на равнине горбатой, –
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, –
Исчезни в пространстве, исчезни,
Россия, Россия моя! [3, с. 116]

Сошлемся на авторитетное суждение М.Л. Гаспарова на этот счет: «Если Белый в “Пепле” и достиг успеха, то лишь растворив современную конкретную действительность во всероссийском апокалипсисе» [4, с. 13].

Такое же сочетание некрасовских тем с символистским кодом, маркируемым посвящением, находим и в стихотворении «Шоссе», адресованном Д.В. Философову. По своей структуре это стихотворение относится к жанру посвящения, ибо адресат здесь оказывается «поводом для высказывания», и автор не вступает ним в прямой диалог (что характерно для жанра посвящения). В центре стихотворения некрасовская тема дороги, которая также разрабатывается и в стихотворении «Из окна вагона», адресованном Эллису. Здесь появляются уже знакомый образ России, который прочитывается в символистском «универсальном ключе». Ср.:

Мать-Россия! Тебе мои песни, –
О немая, суровая мать! –
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть –
Там – в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть [3, с. 120].

Таким образом, посвящение Некрасову вступает в комплексные отношения с другими адресациями. Можно сказать, что эти семантические корреляции являются как бы «надстихотворными», и отношения между посвящениями образуют отдельную «смысловую структуру». Так, например, контекстуальное соседство посвящения Некрасову и посвящения Гиппиус приводит к трансформации семантических ореолов, создаваемых этими посвящениями, что прямо влияет на семантику и жанровые особенности текстов.

Примечательно, что многие посвящения этого сборника адресованы не только поэтам-символистам (как это было преимущественно в «Золоте в лазури»), но и другим людям из окружения Белого. Нам кажется, что большинство таких адресаций по своему жанровому статусу относятся к посвящениям – здесь так же, как и в предыдущих случаях не наблюдается прямой установки на диалог, более того, в некоторых из них преобладает лироэпический код (очевидно, связанный с «главным» посвящением сборника – Некрасову). Яркий пример такого посвящения, адресованного Г.Г. Шпету, – стихотворение «Бурьян». Г.Г. Шпет, философ и переводчик неокантианцев, был другом Белого. Вот как последний вспоминает о философских спорах с ним: «Только мой в то время друг, любивший меня как художника, Г.Г. Шпет, иронически отнесясь к вынужденно-паточному тону между седыми профессорами и непричесанным “скандалистом” (в ту эпоху гремели мои “скандалы” в “кружке”), нанес позиции моей удар жесточайший…» [2, с. 507].

Здесь надо отметить, что дружба, связывавшая поэта и философа, не мешала их философским разногласиям: «Шпет отрицает важность для эстетики связи музыки и слова и “потебнианско-бéловское” понимание “образа” и “внутренней формы”, то есть главные теоретические основоположения русского символизма, и развивает свою (“феноменологическую” и “логическую”) теорию “слова” и “внутренней формы”». Разногласия эти были связаны с разными взглядами на природу поэтического слова, критику Шпета «можно считать как бы ответом на критику “логической” точки зрения Потебней и Белым, а его позитивные построения – как развертывание альтернативной точки зрения. В этом смысле можно говорить о столкновении (“словесном поединке”), встрече или диалоге двух точек зрения на слово: “символической” и “логической”» [1].

Примечательно также и то, что этот живой диалог (явившийся основой поэтической адресации Шпету) мог косвенным образом повлиять и на… Бахтина. Так, В.В. Бабич отмечает, что «созерцание (и активное понимание, включающее “ответ” Шпету в “Слове в жизни…”) этого диалога – “сложного события встречи и взаимодействия с чужим словом…” – и стало, вероятно, основанием как перехода к диалогичности, так и формулирования самой концепции “диалогичности”, которая представляет собой, можно сказать, образ “реального диалога действительности”. Или, другими словами: прообразом “диалогичности” послужил “живой” диалог (А. Белый – Г. Шпет – М. Бахтин), из переживания (созерцания и участия) которого и возникла сама эта концепция» [1].

Тем не менее в самом тексте адресации нет и следа этого диалога, что еще раз свидетельствует о его жанровой природе. Здесь, скорее, в очередной раз реализована некрасовская тематика. Ср.:

Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет.
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.

Клянет он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.
И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

Метется за ним до деревни
Ликует – танцует репье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растертое грязью тряпье.

Ждут: голод да холод – ужотко;
Тюрьма да сума – впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди! [3, с. 129–130]

Стихотворения с семиотически насыщенным заглавием «Родина» посвящено В.П. Свентицкому. Валентин Свентицкий, православный мыслитель, увлеченный идеями христианского социализма, получил достаточно неоднозначную оценку в мемуарах Белого. А. Эткинд писал, что «по Белому, он (Свентицкий. – *Т.К.*) “всем нам мешал” (что не мешало Белому посвящать Свентицкому лучшие свои стихи)» [см.: 8, с. 244]. Однако здесь патриотическо-элегический пафос (связанный с типом гражданской лирики, идущей от Пушкина) не предполагает включения качеств личности адресата. Речь в стихотворении идет о России. Ср.:

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи несытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать-Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой? [3, с. 143]

В следующих разделах сборника лирических адресаций становится на порядок меньше. Можно выделить стихотворение «Маскарад», посвященное М.Ф. Ликиардопуло – журналисту, критику, знатоку О. Уальда. Белый так вспоминает М.Ф. Ликиардопуло: «М. Ликиардопуло виделся утром съедающим горку оливок и после себя обдающим уайт-розой, чтоб с запахом этой струи, не оливок, ворваться в "Весы": тарахтеть и кипеть; отсидев с Поляковым часок в ресторане "Альпийская роза", он будет стоять перед трюмо, своим собственным, талию сжав в стройный фрак, чтоб пройти с шапоклаком, в который совал бледно-палевые он перчатки, – на раут, куда Полякова, меня не пропустят (таких одежд нет), чтоб от имени нашей редакции адрес прочесть, мной составленный» [2, с. 421].

Это мемуарное описание показывает, что имя Ликиардопуло неслучайно соседствует у Белого с темой маскарада, впервые заявленной именно в этом стихотворении. Белый неоднократно подчеркивал в своих воспоминаниях некоторую манерность адресата, а иногда при его характеристике употреблял «театральные метафоры». Ср., например: «Он так "перемар-фил", что... лучше не стану... и впоследствии мир удивил, обманувши разведку немецкую, переюркнув сквозь Германию, въюркнув в Грецию, встреченный громами аплодисментов» [2, с. 421].

Маскарадная тематика, возможно инспирированная адресатом, впоследствии разовьется Белым в целый мотивно-образный комплекс (ср., например, маскарадные темы в романе «Петербург»). Здесь же облик адресата семиотизируется и начинает выполнять моделирующую функцию, он является «носителем» маскарадной символики. Ср.:

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.

Стройный черт, – атласный, красный, –
За напиток взыщет дань,
Пролетая в нежный, страстный
Грациозный па д'эспань, –

Чей-то голос раздается:
"Вам погибнуть суждено", –
И уж в дальних залах вьется, –
Вьется в вальсе домино

С милой гостьей: желтой костью
Щелкнет гостья: гостья – смерть.
Прогрозит и лязгнет злостью
Там косы сухая жердь. [3, с. 167]

Как видим, лирический сюжет этого стихотворения никоим образом напрямую не связан с адресатом (функция адресата была указана выше). Этот сюжет выходит далеко за рамки «Маскарада» и становится для Белого лейтмотивным. В связи с этим справедливо будет предположить, что данное стихотворение по жанру относится к посвящениям. В стихотворении также появляется тема двойника, которая у Белого всегда связана с маскарадной тематикой [см.: 5]. С темой двойника соотносится тема подмены, комплекс этих тем восходит к романтической эстетике. Так, Л. Романчук отмечает, что «мотив связи стихии зла с механистичностью, пустотой и остановкой появился в литературах Европы задолго до романтиков, однако романтики поменяли акценты, введя в знакомые архетипические ряды специфические нюансы. Прежде всего, они связали инфернальный мир с миром земным, обнажив при этом сам процесс превращения, трансформации человеческого существа в обитателя "темного" зазеркалья (разновидность двойника, куклы, механизма)» [7]. Ср. двойничество в анализируемом стихотворении:

Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки. [3, с. 167]

Специфика такого рода адресаций-посвящений в лирике Белого заключается в том, что те темы, которые возникают в стихотворении, как правило, не «привязаны» к имени адресата и получают самостоятельное существование. Этот факт заставляет задуматься о специфике диалогичности поэзии Белого: адресат здесь не только *не является* субъектом речи, но часто он вообще *никак* не связан с семантикой стихотворения, поэтому два стихотворения сходного содержания могут быть посвящены разным людям. В качестве примера приведем стихотворение, следующее за «Маскарадом» и развивающее его тема-

тику двойничества, однако посвященное Е.П. Безобразовой:

Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает [3, с. 170].

Апокалипсическая тематика, заявленная в «Маскараде» и предыдущих стихотворениях, реализуется также в стихотворении «Пир», посвященном С.А. Полякову. Здесь появляется семантика «Пира во время чумы», восходящая, быть может, к пушкинской поэме. Ср.:

Проходят толпы с фабрик прочь.
Отхлынули в пустые дали.
Над толпами знамена в ночь
Кровавою волной взлетали.

Мы ехали. Юна, свежа,
Плеснула перьями красотка.
А пуля плакала, визжа,
Над одинокою пролеткой [3, с. 172].

Итак, заглавное посвящение Некрасову предопределяет семантические основания сборника. Это посвящение оказывается в целой системе подзаголовочных комплексов, обусловливая, с одной стороны, разнообразие тем (связанных как с некрасовским, там и с символистским кодом), с другой же стороны, такая система адресаций обеспечивает композиционную и смысловую целостность сборника.

Если в «Золоте в лазури» доминировали адресации, которые можно было определить как послания, то в «Пепле» совершенно очевидно преобладает жанр посвящения. Такое жанровое распределение адресаций связано также и с тем, что в «Золоте в лазури» адресации в основном были обращены к друзьям-аргонавтам, а в «Пепле» – круг адресатов предельно расширяется. Таким образом, период «антитезы», связанный в творчестве Белого с поэтическим сборником «Пепел», ознаменовался не только расширением тем, включаемых в его поэтическое пространство, но и увеличением количества адресатов – думается, что два этих факта внутренне взаимосвязаны.

Итак, исследование фактора адресации в сборнике «Пепел» позволило выявить жанровую эволюцию коммуникативно ориентированных жанров, постепенное изменение («смещение») их доминантных признаков. Усложнение форм поэтической коммуникации, обусловленное переменами в сфере общественного и художественного сознания повлекло за собой расширение сферы адресации, а стало быть, «образа аудитории», что в свою очередь обусловило изменение жанрового облика лирических адресаций, а также их подключение к разным руслам жанровой традиции.

Библиографический список

1. *Бабич В.В.* Диалог поэтик: Андрей Белый, Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nevmenandr.net/dkx/?y=1998&n=1&abs=babich

2. *Белый А.* Начало века. Воспоминания: В 3 кн. Кн. 2. – М.: Худ. лит., 1990. – 687 с.

3. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. – М.: Республика, 1994. – 559 с.

4. *Гаспаров М.Л.* Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. – М.: Наука, 1998. – С. 5–44.

5. *Минц З., Мельникова Е.* Симметрия и асимметрия в композиции «Третьей симфонии» А. Белого // Труды по знаковым системам. – Вып. 18. – Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1984. – С. 84–92.

6. *Некрасов Н.А.* Избранные сочинения. – М.: ОГИЗ, 1947. – 338 с.

7. *Романчук Л.* Творчество Годвина в контексте романтического демонизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.romanchuk.narod.ru/4/Godwin.htm

8. *Эткинд А.* ХЛЫСТ (Секты, литература и революция). – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.

УДК 821.161

Локша Анна Владимировна
Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
fox1108@mail.ru

К РЕКОНСТРУКЦИИ АКМЕИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА: АСТРОПОЭТИКА ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Статья посвящена астральной поэтике Осипа Мандельштама. Установлена корреляция поэтической космологии Мандельштама с символистской и античной миромоделями, что нашло отражение в поэтических символах и онтологических мотивах его стихотворений.

Ключевые слова: *астральные образы, небо, звезды, поэтическая космология, античная мифология, акмеизм.*

Одна из актуальных историко-литературных и теоретических проблем современного литературоведения является реконструкция модели мира того или иного писателя на основании анализа его поэтики. Особенно любопытные результаты оказываются в тех случаях, когда автор склонен к философским проекциям и мифологическим рецепциям. Именно таков случай раннего Мандельштама, одного из «зачинателей» акмеизма – литературного направления, привнесшего в литературу не только стилевые новации, но и, как справедливо отмечает Л.Г. Кихней, оригинальную философско-эстетическую картину мира [2, с. 14–34]. Отсюда гипотеза: исследование миромоделирующих координат одного из акмеистов позволит уточнить и скорректировать ряд устоявшихся представлений о магистральных онтологических установках акмеизма, выявить природу и механизм символообразования и его генетическую связь с символизмом.

Итак, одна из особенностей поэтической философии Мандельштама – установка на выявление глобальных онтологических параметров реальности. На уровне поэтики это предполагает появление специфических образов, связанных с субстанциальными началами бытия, среди которых немалую роль играют астральные образы.

Онтологическая проблематика ранних стихотворений Мандельштама уже неоднократно была предметом литературоведческих штудий. Ряд исследователей (В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров, О.А. Лекманов, Л.Г. Кихней, С.М. Марголина, Н. Струве) обращаются к выявлению философского и литературного генезиса Мандельштама. Исследователи значительное внимание уделяют влиянию «чужой» мысли, усвоению и переосмыслению Мандельштамом магистральных идей конца XIX – начала XX века. Авторы реконструируют в поэзии и прозе Мандельштама «мировоззренческие подтексты» А. Блока, Вяч. Иванова, А. Белого, П. Флоренского, К. Леонтьева и др. и приходят к выводу о преемственности Мандельштамом основных идей философов символистской и православной ориентации.

Но эти выводы вступают в противоречие с утверждением Анны Ахматовой об уникальности поэтического дара собрата по акмеистическому «цеху»: «У Мандельштама нет учителя. Вот о чем следовало бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта» [1, с. 172]. Идет ли Мандельштам в своих философских разысканиях вслед за предшественниками или у него действительно «нет учителя», как утверждала Ахматова, до сих пор остается загадкой. Рассмотрение астральной семантики в раннем творчестве поэта поможет разрешить этот вопрос.

Нам представляется, что в *постановке* онтологических проблем молодой поэт идет вслед за символистами. Об этом свидетельствуют его декларации о «смертельной усталости» от жизни, о приятии «болезненного и странного» «мира пустоты», стремление к периферии сознания («полуявь и полусон, / Забытье неутоленное»), к «первоначальной немоте», к растворению слова в музыкальной стихии – все это типично символистские мотивы верленовско-сологубовского толка. Неслучайно в статье «Выпад» он назовет символизм «родовым лоном» современной русской поэзии [5, т. 2, с. 212].

Однако уже среди его произведений 1908–1911 годов (т.е. написанных до организационного оформления акмеизма) четко просматриваются два параллельных смысловых потока, которые условно можно назвать «протосимволистским» и «протоакмеистским».

В «протосимволистских» стихотворениях поэт придерживается символистской трактовки мира, в «протоакмеистических» текстах он полемизирует с символистскими постулатами. В стихах

 © Локша А.В., 2011

протосимволистской ориентации Мандельштам, во-первых, заимствует у предшественников поэтическую лексику (образы «тумана», «звезд», «эфира», «мечты» и т.п., репрезентирующие в поэтике символизма мир трансцендентальных сущностей), во-вторых, смысловые ходы, восходящие к символистской идее «двоемирия».

Примером подобных стихов может служить «Я знаю, что обман в видении немыслим...» (1911). В его композиционно-смысловой основе – излюбленная символистами антиномия «земли» и «неба». Причем «небо» представлено фейерверком символистски маркированных образов. Здесь и «потусторонний ветер» и «край, где слагаются заоблачные звенья», и «башни... заочного дворца», и «прозрачная ткань мечты», и «эфирный гонец», и «несозданные миры», и «туманное облако», и «звезды», и «рай».

Идея стихотворения укладывается в символистские представления о поэтическом творчестве как теургии. «Горний» мир, утверждает поэт, можно постичь только умозрительно, в «видении», «мечте», и задача художника – воплотить свои творческие фантазии, придав тем самым «несуществующему» статус реального бытия:

Несозданных миров отмститель будь, художник, –
Несуществующим существованье дай;
Туманным облаком окутай свой треножник
И падающих звезд пойми летучий рай! [5, т. 1, с. 284]

Знаменательно, что «протоакмеистские» стихотворения тоже построены на противопоставлении «здесь» и «там», однако традиционная для символистов антиномия в них разрешается иначе.

Для символистов запредельное бытие, «небо» – безусловная ценность, земное бытие – относительная. Последнее – тленно, временно и является только слепком истинного, вечного, в конечном счете более реального бытия. В семантическое поле «мира иного» у раннего Мандельштама, как и у символистов, входят образы со значениями «верха» (небо, эфир, звезды, высоты, облака), но «небо» чаще всего сопровождается негативно окрашенными эпитетами и сравнениями со значениями «мертвенности», «пустоты»:

Я вижу каменное небо
Над тусклой паутиной вод [5, т. 1, с. 276]

Небо тусклое с отсветом странным
Мировая туманная боль... [5, т. 1, с. 74]

...И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота![5, т. 1, с. 71]

Трансцендентный мир сущностей оказывается в художественном мире Мандельштама бесплотным, умозрительным, абстрактным, в силу чего и ассоциируется с *пустотой*. Образ *пустоты* вбирает в себя семантику *небытия* и – одновременно – недосягаемости «*небес*», недоступности чувственному восприятию:

Напрасно вечером зияла
Небес златая пустота... [5, т. 1, с. 271]

Медленно урна пустая,
Вращаясь над тусклой поляной,
Сеет надменно мерцая,
Туманы в лазури ледяной... [5, т. 1, с. 282]

Но *небо-небытие* у раннего Мандельштама ассоциируется со смертью. Вот почему «небо» в художественной картине мира Мандельштама относится к отрицательному регистру образов (за исключением самого последнего воронежского периода, в котором небо представлено в амбивалентных вариациях «целокупного неба» христианства и «апокалипсических небес»).

Подобная эмоционально-семантическая оценка образа *неба,* конечно же, расходится с христианской традицией. «Небо» никогда не было для Мандельштама обиталищем Бога, – отмечает Н.Я. Мандельштам, – потому что он слишком ясно ощущал его внепространственную и вневременную сущность. <...> Обычно это пустые небеса, граница мира» [4, с. 42–43].

Мандельштамовские представления о «пустом» небе, не являвшемся «обиталищем Бога» (ср. с библейской традицией, в которой, как известно, небо соотносится с образом Бога; отсюда – символика облака как места, где пребывают ангелы, и т.д.), подтверждаются образом «безглагольного неба», поскольку Слово является в христианстве ипостасью Бога.

Пустота и «враждебность» неба соотносятся, скорее, с представлениями о небе в древнегреческой мифологической картине мира, отличной от христианской. Местом обитания пантеона богов была, как известно, гора Олимп, «вершина мира». Образ «неба» соотносился в большей степени с понятием стихии, первородной субстанции.

Как известно, вертикальная ось древнегреческой модели мира разделяет мир на три основных части: царство Аида, под которым простирается «бездна вихрей»; мир людей, в котором находится гора Олимп; небо – место обитания богини Ананке – «неотвратимой необходимости». Богиня Ананке – «мать *мойр* – вершительниц судьбы

человека. Между колен Ананке вращается веретено, ось которого – мировая ось» [3, с. 75].

Веретено Ананке – источник образа «веретена», столь характерного для стихов «Камня». Ср., например, строки: «Торопится, и грубо остановится, / И упадет веретено…» [5, т. 1, с. 70].

Присутствие во множестве стихотворений книги «Камень» тканевых метафор, кристаллизующихся в мотив ткачества, плетения, – весомый аргумент в пользу того, что поэт воспроизводит античную модель мира.. Ср.

На перламутровый челнок
Натягивая шелка нити,
О, пальцы гибкие, начните
Очаровательный урок… [5, т. 1, с. 77]

Напомним, что во множестве античных мифов упоминаются мойры Лахесис, Клото и Атропос, прядущие нить человеческой жизни и отмеряющие ее продолжительность. Получается, что Мандельштам воспроизводит античную мифологему, несущую идею рока, судьбы, смертельной опасности, исходящей от небес. Да, небеса пусты – в восприятии человека (то есть недоступны для его органов чувств), но эта пустота, считает поэт, воплощает «гармонию высоких чисел», некие «высшие законы» бытия (см.: «В смиренномудрых высотах...» [5, т. 1, с. 270]).

Драматизм взаимоотношений человека и неба заключается, по Мандельштаму, в принципиальной несовместимости их масштабов; а также в ощущении роковой зависимости человеческого бытия от вселенских законов, которые кладут ему смертный предел. Отсюда оценка неба как начала внечеловеческого и связанный с этим мотив безразличия и «слепоты» небес, проходящий через все творчество поэта (за исключением «воронежских» стихов):

О небо, небо, ты мне будешь сниться,
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло! [5, т. 1, с. 77]

Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство [5, т. 1, с. 115].

И с высокой сетки птичьей,
От лазурных, влажных глыб
Льется, льется безразличье
На смертельный твой ушиб [5, т. 1, с. 145].

А близорукое шахское небо –
Слепорожденная бирюза...
Все не прочтет пустотелую книгу
Черной кровью запекшихся глин [5, т. 1, с. 166].

В модели мира поэта «небеса» являются «обиталищем» мойр и Ананке, судьбы, что маркируется рядом типологически близких образов, имеющих почти всегда «негативное» значение. Речь идет, прежде всего, о звездах, вызывающих чувство страха у лирического героя. В образе «звезд» акцентируется момент их роковой власти над индивидуальным человеческим бытием (возможно, Мандельштам обыгрывает здесь астрологические представления о влиянии звезд на человеческую судьбу). Идея власти звезд над человеком воплощена в стихотворении «Я вздрагиваю от холода...»:

Что если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда? [5, т. 1, с. 77–78]

В этом контексте метафора звезды как «заржавленной булавки» (связанная с «тканевыми» ассоциациями) несет ту же роковую семантику, что и в античном мифе.

В дальнейшем в «смысловое поле» звезд у Мандельштама входит значение «колючести», «жестокости», как бы изначально заложенное в метафоре «длинной булавки». Ср.: «Жестоких звезд соленые приказы» [5, т. 1, с. 140]; «Ночь наглоталась колючих ершей...» [5, т. 1, с. 167].

Сам же мотив «укола» становится лейтмотивом, символизирующим конфликтные отношения небесного (безличного) и человеческого (творящего) начала. Отсюда его известное рассуждение в «Утре акмеизма» о стреле «готической колокольни», которая должна быть «злой», «потому что весь ее смысл – уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пусто» [5, т. 2, с. 143].

Ср. претворение той же идеи в поэтике «камня»:

Кружевом камень будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань!.. [5, т. 1, с. 78]

Итак, мы можем сделать вывод, что в раннем творчестве О. Мандельштама создается некая модель макрокосма, в которой магистральную роль играют образы, связанные с астральной семантикой. Генезис этой модели восходит не только к символистской, но и к античной традиции, на основе которой Мандельштам в дальнейшем творит свой собственный, совершенно оригинальный, астральный миф.

При этом астральные образы выполняют символообразующую функцию, формируя сложное семантико-симиотическое единство. Именно поэтому космологические образы становятся смыс-

ловыми компонентами мифопоэтической модели мира. Астрально-семантический комплекс функционирует не только на уровне образной системы ранней лирики Мандельштама, но также и на уровне системы общих лирических сюжетов и мотивов всего его творчества. В этом смысле астральная символика оказывается своеобразным смысловым центром мотивной парадигмы. Картина мира в творчестве Мандельштама в соответствии с общими координатами мифологической модели мира, выявленными В.Н. Топоровым [6, с. 161–166], оказывается организованной по вертикальной оси. Отсюда сюжет раздвоенности, связанный изначально не столько с "расщеплением" героя, сколько с бинарно организованным пространством. Отсюда и аксиологический пересмотр астральных «ценностей», столь характерный для поэтики «Камня» и последующих лирических книг Осипа Мандельштама.

Библиографический список

1. *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. / Сост. М.М. Кралина. – М., 1990. – Т. 2. – 432 с.

2. *Кихней Л.Г.* Акмеизм: миропонимание и поэтика. – М.: Планета, 2005. – 184 с.

3. *Лосев А.Ф.* Ананке // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1.

4. *Мандельштам Н.* Книга третья. – Paris: YMCA-Press, 1987. – 335 с.

5. *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. / Сост. С.С. Аверинцева и П.М. Нерлера. – М.: Художественная литература, 1990.

6. *Топоров В.Н.* Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 2.

УДК 82. 0

Откидач Надежда Андреевна

Ставропольский государственный педагогический институт (филиал, г. Ессентуки)

nady_otkidach@mail.ru

«СЮЖЕТНАЯ ЛИНИЯ ЖИЗНИ» А.Т. ГУБИНА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РОМАНЕ «СВЕТСКОЕ ВОСПИТАНИЕ»

Актуальность работы обусловлена назревшей необходимостью научного изучения творческого наследия А.Т. Губина, в частности, – автобиографической основы его романа «Светское воспитание». Цель данной статьи – выявление соотношения достоверности и вымысла в этом произведении.

Ключевые слова: *автор, повествователь, герой, автобиографический, автопсихологический, автомифология.*

Биография известного ставропольского писателя А.Т. Губина (1927—1992) нашла отражение не только в мемуарной, но и в художественной прозе. Еще в 1970-е гг., когда были опубликованы только первые главы романа «Светское воспитание», Т.П. Батурина, приводя цитату из них («Я развивался естественно, медленно, как все высшие позвоночные, как природа, как трагедия, как позднее осеннее яблоко, на которое румянец кладет уже мороз»), заключала: «Эти слова приложимы вполне и к самому Губину» [2, с. 126]. О. Черкасов заметил: «В сущности, весь роман – развернутая художественная автобиография» [9, с. 3]. И.Н. Юсупова, озаглавившая свою рецензию «Роман-автопортрет А. Губина», все же подмечала, что в тексте «цепко сплелись вымысел и реальность» [10, с. 3]. Да и сам автор в интервью корреспонденту «Кавказской здравницы» еще в 1971 году предостерегал: «Роман пишется от первого лица, и я пользуюсь случаем заявить, что герой и автор романа – не одно лицо, хотя личного много вложено» [4, с. 3]. Таким образом, автобиографичность романа сомнению не подвергается. Но каково соотношение вымысла и правдоподобия в нем? Все ли события достоверны? Насколько герой адекватен автору? Цель данной работы – внести ясность в обозначенные вопросы.

Объединительным центром романа выступает главный герой, от чьего лица ведется повествование. Этот прием позволяет Губину реализовать установку на достоверность по принципу «я сам это видел», «это произошло со мной». Тому же способствует присутствие в романе невымышленных героев (матери Марии, брата Дмитрия, друга семьи Григория Тоничева, редактора газеты Наума Абрамовича, ставропольского писателя Игоря Романова, сокурсников Дмитрия Ога-

© Откидач Н.А., 2011

несова и Бориса Никитина) и факт того, что автор снабдил текст произведения собственными фотографиями и фотографиями своей семьи.

В одной из первых глав романа герой говорит о себе: «Я родился в середине октября» [3, с. 48] (Губин родился 17 октября). Из упоминания в конце романа о том, что в 1960 г. повествователю исполнилось 33 года, мы можем вычислить и год его рождения – 1927-й. Таким образом, автор наделил своего героя собственной датой рождения. В главах «Нож мясника», «Плечами на звездопад», «Кран машиниста» Губин поэтапно воспроизводит, как его герой в начале Великой Отечественной войны вместе со старшеклассниками оказался в моздокском овцесовхозе номер семь, работал в фирме по производству свечей, возил грузы для базарных торговок, пас коров, был учеником бойца на мясокомбинате, молотобойцем в кузне, валил топором окрестный лес, командовал ротой девушек-радисток. Упоминается также о том, как военкомат послал документы героя в военно-морское училище, а после того, как они затерялись, он был направлен в школу паровозных машинистов. Деятельность героя во время войны почти полностью совпадает с послужным списком самого автора. Единственный из перечисленных фактов, не обнаруженный в биографии писателя, – это работа на бойне. Все же остальное подтверждает автобиографичность героя.

Маршруты путешествий героя в послевоенный период также совпадают с направлениями передвижений самого Губина. И на страницы романа попал эпизод, о котором автор сообщал в очерке «Свинец пуль и чугун снарядов…»: «Был мальчишка, который однажды на Украине выбирал, в какой поезд сесть – на крышу – Одессу или Ригу. Романтичней показалось слово “Рига” – туда и махнул» [5, с. 5]. То же самое находим мы и в романе: «“Одесса”, – читаю на вагонах в Киеве. Подошел другой поезд – “Рига”. Это очаровало больше» [3, с. 98]. Так, по случайному стечению обстоятельств автор и герой попали в старинный портовый город, где герой поселяется по тому же адресу, по которому некогда проживал Губин: «Самый настоящий замок. Старая Рига, Мясницкая, 10» [3, с. 139]. В доступной на сегодня мемуарной литературе этот адрес нигде не отразился, он сохранился лишь в подписи к стихотворению 1946 г. «Когда-то моя эрудиция вся…»: «Старая Рига, в Рыцарском замке, Мясницкая, 10» [1, с. 3].

Затем герою удается попасть кочегаром на закопченный буксир каботажного плавания. Тяжелый многочасовой физический труд выматывал молодого человека до предела, и степень его усталости повествователь передает емкой фразой: «В восемнадцать лет я умел считать до шести – число топок на “Рите”. Эти железные чудища с раскаленными утробами столь властны и беспощадны, что к “шести” я не мог добавить ни девушки, ни песни, ни цветка» [3, с. 107]. Почти теми же словами характеризуется пребывание самого Губина на буксире в очерке «Свинец пуль и чугун снарядов…»: «В восемнадцать лет я умел считать до шести, по числу топок на корабле “Рита”, топки были столь ненасытны и яростны, что к шести я не мог добавить ни девушки, ни песни, ни цветка» [5, с. 5]. Буквальное совпадение цитат еще раз подтверждает тесную взаимосвязь героя и автора. Но при этом заметим: посвятив четыре главы пребыванию героя в Прибалтике, автор исключил из его жизнеописания собственное полугодовое (с мая по декабрь 1945 г.) обучение в школе судовых машинистов при рыбзаводе в г. Лиепая. Как видим, не все факты биографии Губина нашли отражение в романе.

За рижским периодом у литературного героя, как и у автора, следует московский – с знакомыми по биографии Губина адресами: главпочтамт на улице Кировской, где герой писал стихи на телеграфных бланках, гостиница «Европа», где работал кочегаром, Ленинская библиотека, о которой будет сказано с интимной нежностью: «Уже я не мог жить без высокого зала с люстрами, длинными столами, зелеными лампами, без книжного шелеста, без взглядов украдкой на соседку» [3, с. 172]. И далее в соответствии с сюжетной линией автора герой московскую прописку меняет на Находку и Владивосток. Пребывание в Находке для Губина обернулось событием большой важности: здесь он встретил свою первую любовь – Ирину Юрьевну Смирнову, женился и через год вернулся в Ессентуки, где у него родилась дочь Вера. Последний факт также выпал из романного пространства.

Далее в произведении отразились работа автора в штате городской газеты и его учеба во ВГИКе, а между двумя этими фактами расположились события большой важности: герою в конце концов удается выпустить роман в стихах; ужин по этому случаю, заказанный в Центральном Доме Литераторов, завершается пьяным дебо-

шем, в результате которого герой оказывается в Бутырской тюрьме. Происшествие датируется несколько расплывчато: «Было начало второй половины столетия» [3, с. 278]. При желании можно вычислить более точную дату: самый конец 1952-го или начало 53-го. Это устанавливается из расчета того, что в тюрьме герой пробыл четыре месяца и был освобожден по амнистии, последовавшей за смертью Сталина в марте 1953 г. Кстати, находясь еще в тюрьме, на кончину вождя герой откликнулся поэтически: «Из девятой камеры я послал стихи в "Правду" о тяжелейшей, невосполнимой утрате человечества и мирозданья – две строфы опубликовали в обзоре писем трудящихся» [3, с. 351].

Мы знаем, что в свое время Губин смерть Сталина оплакал стихотворением «В трудные дни», напечатанном в районной газете «За Родину», но в «Правде» оно ни целиком, ни частично помещено не было. Там фигурировали произведения известных поэтов: К. Симонова, А. Твардовского, М. Исаковского, Н. Грибачёва, В. Инбер, П. Бровки, С. Вургуна, Г. Гулям, Г. Леонидзе и других.

Обратим внимание и на следующие факты: если Губин свой роман выпустил в 1968 г., то его герой – более счастливый и удачливый – осуществляет то же самое на 15 лет раньше. Еще: Губин в отличие от романного героя тюремному заключению никогда не подвергался.

Небезынтересно остановиться на ряде наблюдений, раскрывающих одинаково характерные как для литературного героя, так и для самого автора свойства. Так, герой воспроизводит следующие отзывы о себе: «В институте подметили, как и в Союзе писателей, что я и сам не знаю, когда говорю серьезно, когда в шутку»; «Один драматург назвал меня человеком-губкой» [3, с. 445]. О том, что эти характеристики имеют непосредственное отношение и к самому Губину, говорит публикация в газете «Кавказский край», где воспроизводятся отрывки из Книги Прожектов писателя: «Дима Оганян гениально заметил в годы нашего студенчества:

– Губин – страшный человек, он сам не знает, когда шутит, когда говорит всерьез!

Это замечательно, это верно. <…>

Игнатий Дворецкий, видевший меня однажды, сказал тоже отлично в смысле верности:

– Это человек-губка, он втягивает в себя все, но, что он отдаст, извергнет, и сам не знает, и, может, сам Господь Бог не знает» [8, с. 6].

Когда герой в романе говорит: «В ореховой скорлупе моего черепа созрел десяток рассказов о художниках» [3, с. 447], мы понимаем, что речь идет о цикле произведений Губина, посвященных великим скульпторам, поэтам и писателям разных эпох, вошедших в сборник «Афина Паллада». Следующий фрагмент – «На днях пришел очередной отказ из редакции – рассказ о Фидии хвалили, лестно упомянули Анатоля Франса» [3, с. 437] – вызывает ассоциации с прохождением в редакциях различных газет и журналов рассказов из упомянутого только что сборника. Вспомним отзыв Евгения Карпова о них, запечатленный Губиным в Книге Прожектов: «Я думал, что эти рассказы написал очень старый, очень крупный, очень опытный писатель… И поскольку мне сказали, что это еще молодой, к тому же местный писатель, то я сразу сообразил: эти рассказы он откопал в старинных изданиях, возможно, перевел, подчистил, осовременил, а может, просто грубо выдал рассказы Анатоля Франса за свои» [8, с. 6].

Приведенные сопоставления свидетельствуют об автопсихологичности героя, его максимальной близости автору в творческой и духовной сферах.

В одном из лирических отступлений повествователь оставил отзыв о своих взаимоотношениях с героиней: «Моя история с Наташей заурядна, как у большинства. А в книге я сделал историю не совсем обычную» [3, с. 453]. Превращать заурядное в необычное – одна из принципиальных творческих установок Губина. Рассмотрим реализацию данного принципа на примере.

20 октября 1954 г. вышел приказ ректора ВГИКа об исключении Губина из института «за грубое нарушение морали и поведение, недостойное советского студента» [6, с. 18]. Основанием для отчисления послужил факт «безобразного поведения т. Губина в нетрезвом виде в Московском Доме Кино 17 октября 1954 г.» [6, с. 16]. (Возможно, именно этот случай в преобразованном виде лег в основу эпизода пьяной выходки героя романа в Доме Литераторов.) Через год он восстановился, представив новые литературные работы, получившие положительную оценку старшего преподавателя О.И. Ильинской, ходатайство кафедры кинодраматургии, характеристику от редакции газеты «За Родину». К этим документам была приложена выписка протокола собрания курса, также ходатайствующего о восстанов-

лении Губина в институте. Как преломилась эта история в романе?

Очередное творческое задание – нарисовать и описать кадр с пулеметом – герой выполнил в духе экспрессионизма: «На душном, химически желтом мареве кровавым кармином, во весь экран, изображались внутренние линии смертоносного механизма… как если бы человек предстал не внешним обликом, а схемой кровообращения» [6, с. 396]. Профессор Поляков идеи работы не понял и не принял даже после авторских разъяснений. Молодому человеку было рекомендовано заменить «Пулемет» чем угодно, «хоть отрывком из Льва Толстого» [6, с. 406]. Гордый сознанием своей правоты студент не принимает условий, в результате чего Ученый Совет ставит вопрос о дальнейшем пребывании героя в вузе. За его честь и достоинство вступается комсомольская организация, проводится собрание, продолжавшееся 10 часов кряду, отстоявшее не сломившегося и не пошедшего на компромисс с совестью талантливого студента. Таким образом, заурядный житейский случай с пьянством в книге обретает характер принципиального творческого разногласия. В противостоянии администрации – олицетворении отживающих шаблонов и догм – и молодого новатора победу одерживает последний. Более того, несколько студентов взяли портрет героя и «с пеньем пронесли по коридорам и повесили на священную стену института – разумеется, как хорошую работу художника» [6, с. 411].

Здесь невольно возникают ассоциации с декабристом Д.И. Завалишиным, который, по словам Ю.М. Лотмана, описывал «не реальную, изуродованную и полную ошибок, жизнь мемуариста, а ту блистательную, которую он мог бы прожить. Он пересоздает свою жизнь как художник» [7, с. 342].

В предисловии к книге Губин определил ее жанр как *автомифологию* [3, с. 9]. И мифологизация авторской биографии достигает своего апогея в третьей части романа, когда герой становится известным писателем, автором нескольких книг, одна из которых переведена и издана «на Западе и Востоке» и «отмечена разными литературными наградами» [3, с. 536], другой роман «рекомендован в школах для чтения» [3, с. 555]; он – член международного Союза борьбы с войнами и то и дело выезжает на сессии Союза в Антверпен и Антильские острова [3, с. 624]; у него свой дом («башня») в горах, личный самолет, купленный по случаю [3, с. 543]. И вот в один прекрасный день писатель с мировым именем покидает свой дом, выезжает в «отдаленное северное селение», снимает комнату у пенсионера Зайцева и устраивается в школе учителем по труду… [3, с. 563]. Все это и в малой степени не имеет никакого отношения к реальному автору. Нельзя даже говорить о том, что в третьей части вымысел становится доминирующим, потому что здесь уже все – вымысел: роман из автобиографического превращается в обычный роман.

В ходе анализа романа «Светское воспитание» наблюдается как тесная взаимосвязь героя и автора, так и резкое расхождение между ними. Герой в основном повторяет все извивы линии судьбы автора, но при этом не все факты его жизни нашли отражение в романе (раскулачивание родителей, обучение в школе судовых машинистов в г. Лиепая, рождение дочери), изменены отдельные сюжетные повороты (брак с Валей, студенческое собрание); некоторые жизненные линии писателя только намечены в романе, но не развернуты (линия Риммы), автобиографическая точность порой соседствует с вольной интерпретацией фактов личной жизни автора и самым невероятным вымыслом (заключение в тюрьму, издание романа в начале 1950-х гг., а затем – на Западе и Востоке, присуждение ему различных литературных премий, членство в международном Союзе борьбы с войнами, приобретение личного самолета (в СССР в конце 1950-х!). Таким образом, жизнь героя наделяется и иными обстоятельствами, нежели собственная авторская биография.

Обращает на себя внимание то, что обычно в романе изменению подвергается фактологическая сторона жизни Губина, а в творческой, духовной сферах автор и герой оказываются сходны до тождественности: они говорят одним и тем же голосом, у них одни и те же творческие принципы и установки, мировоззрение и мироощущение. Таким образом, мы можем говорить о том, что роман «Светское воспитание» не является документальным слепком жизни автора, в нем воплотилось авторское видение собственной жизни, вернее, той жизни, которую ему хотелось бы прожить. Вследствие этого роман стал скорее автопсихологическим, чем автобиографическим.

Библиографический список

1. Андрей Тристан Губин // Кавказская здравица. – 1994. – 14 октября. – С. 3.

2. *Батурина Т.П.* Гавань мастеров // Батурина Т.П. Приглашение на стеклянную гору. – Ставрополь, 1979. – С. 126—141.

3. *Губин А.Т.* Светское воспитание. – Нальчик: Эль-Фа; Ессентуки: Молоко волчицы, 1996. – 648 с.

4. *Губин А.* Еще не потерял интереса // Кавказская здравница. – 1971. – 28 января. – С. 3.

5. *Губин А.* Свинец пуль и чугун снарядов я переплавил в чистое золото ненависти к войне, к смерти // Кавказская здравница. – 1996. – 20 июля. – С. 5.

6. Личное дело А.Т. Губина // Архив ВГИК. Ф. № 1453. Оп. 1. Ед. хр. 2407. – 45 л.

7. *Лотман Ю.М.* О Хлестакове // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 337–364.

8. Он разгонялся долго, но взлетел выше других // Кавказский край. – 1995. – 2–9 марта. – С. 6.

9. *Черкасов О.* Воспитание одного читателя // Кавказский край. – 1996. – №36. – С. 3.

10. *Юсупова И.* «Роман-автопортрет А. Губина» // Пятигорская правда. – 1996. – 31 октября. – С. 3.

Попова Галина Владимировна
Курский государственный университет
fantgaw80.mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАНТАСТИКИ И ФАНТАСТИЧЕСКОГО В ИСТОРИИ МЕТОДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII–XIX ВЕКОВ

В статье анализируются труды виднейших методистов XVIII–XIX веков, а также определяется место фантастики в истории методической мысли этого периода.

Ключевые слова: *фантастика, сказка, литература, методика, воспитание.*

История фантастической литературы в России начинается в XIX веке, правда, в это время она еще не осознает себя отдельным направлением, поддерживая тесную связь с общим потоком литературы. Произведения «чудесного» содержания предстают чаще всего в виде сказок для детей (В. Одоевский, А. Погорельский). В единое направление эта разновидность художественной литературы оформляется примерно в середине XX века (50–60 годы), поэтому методическое «жизнеописание» именно фантастики можно проследить лишь с конца XX века. Исследование поставленной проблемы с конца прошлого века будет бедным, не имеющим исторического основания. Нам представляется целесообразным несколько расширить рамки заявленной темы в историческом аспекте, приняв за основу положение о том, что фантастика имеет «волшебно-сказочные корни» (Е.М. Неелов) и многие «сказочные» черты в художественном оформлении фантастических произведений. Следовательно, в качестве некоей «предыстории» фантастики мы рассматриваем сказку. В данной статье перед нами также стоит задача по выявлению фактов понимания художественного произведения как своеобразного «вымысла» и подходов к его анализу именно с этих позиций, поскольку мы опираемся на положение о том, что любое фантастическое произведение имеет в своей структуре «вымысел как элемент необычайного» (Е. Ковтун).

В истории методики преподавания литературы XVIII век характеризуется распространением книжных знаний, прежде всего «риторической премудрости». Литература еще не выделена в отдельный предмет, существуя в виде словесности, преподавание которой носит «нравственно-религиозный характер» [13, с. 7]. В основу преподавания словесности положены принципы рационализма, характерные для классической философии и эстетики. Эталоном для составителей образовательных программ по словесности, по свидетельству В.Ф. Чертова, была «Поэтика» Аристотеля, которую рассматривали как «кодекс законов искусства», необходимый для выполнения [13, с. 9].

К началу XIX века и примерно до его 30-х годов курс словесности представлял собой своеобразную энциклопедию наук, включавшую философию, логику, эстетику, психологию и мифологию. В этот период, называющийся в истории преподавания литературы риторическим, разбор произведения концентрировался вокруг логического построения, грамматических особенностей языка, стилистики.

Таким образом, в силу специфики преподавания словесности и отбора произведений для анализа в этот период, не приходится говорить

© Попова Г.В., 2011

о внимании к вопросам фантастического в школьном литературном образовании. Для чтения и анализа в основном привлекались классические тексты из древности и современных авторов до Ломоносова, тем самым образовывался некий разрыв между реальным положением дел в литературе и школьным преподаванием словесности. Школьники читали и толковали греческих и латинских поэтов, не имея представления, к примеру, о поэзии Пушкина.

В 40-е годы период господствующего положения риторики в системе обучения словесности подходит к концу. Это связано и с развитием литературы, поскольку художественная мысль перестает руководствоваться риторическими правилами построения текста, и с развитием российской образовательной системы, в которой появляются классические, реальные и смешанные гимназии.

В литературе этого времени действуют направления романтизма и реализма, провозгласившие возвращение к народным истокам: братья Гримм в Германии собирают и перерабатывают народные сказания и легенды, в России в романтических балладах В.А. Жуковского смешиваются европейские и исконно русские «чудесные» мотивы, А.С. Пушкин обращается к русским сказкам.

В методике, как следствие господствующих тенденций, возникает мифологическая школа, связанная в России с именем Ф.И. Буслаева, поставившего в центр собственной системы обучения русскому языку и литературе слово, язык художественного произведения. Он провозглашает необходимость изучения родного языка как фактора развития каждого человека: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося. Таким образом, в самом предмете преподавания, в языке отечественном находим мы необходимость педагогической методы» [2, с. 8].

Ф.И. Буслаев вводит метод воспитания «дитяти» посредством языка, который называет «филологическим чтением», предполагающим сравнение современного языка с древним. Именно в это время в школьном курсе словесности появляется сказка. Разбор произведений, осуществляемый Буслаевым, носит характер «логический и вещественный» [2, с. 133]. Анализируя сказку Пушкина «О рыбаке и рыбке» (например, строки «Пришел невод с одною рыбкой, / С не простою рыбкой, золотою»), Буслаев адресует «дитяте» такие вопросы: «С чем же пришел невод в третий раз? видали ли вы золотых рыбок? какая была рыбка? простая или не простая, золотая? какая это была рыбка – плотичка, карась или ерш?» Упражнениями в «отчетливом чтении» учитель готовит «учеников к уразумению главных начал грамматики» [2, с. 134–135]. При таком логически-рациональном разборе, когда читатель последовательно находит цель, средства, причины в повествовании, попутно выясняя, как выражены в тексте эти категории, теряется общий смысл произведения. В данном случае – чудесная сторона сказки, ее «сказочная» сущность.

Как видим, в методическом наследии Ф.И. Буслаева нет непосредственного внимания к фантастике или фантастическим элементам в тех или иных произведениях. Однако мифологическую школу в целом можно связать с вопросами фантастики и фантастического в плане их «работы» с одним и тем же «материалом». Именно в это время вновь вызываются к жизни системы образов, одна из которых связана со сказкой и языческими верованиями, а другая сформировалась в эпоху средневековья, многое унаследовав из предыдущей эпохи. Представители этой школы искали в мифологии, фольклоре отражение народного мировоззрения и были в некоторой степени правы, поскольку мотивы и образы, воспринимаемые впоследствии как фантастические, в момент своего рождения имели познавательный характер и признавались как единственно верное объяснение мира [12, 1985]. Интересно, что именно в 40-е годы XIX века на русском фантастическом небосклоне загорается звезда В.Ф. Одоевского, автора первой русской утопии «4338-й год. Петербургские письма».

В 60–80 годы XIX века в литературоведении возникает культурно-историческая школа, связанная с идеями позитивизма. В это время литература становится практически единственным средством выражения общественных идей, «трибуной» общественно-политической мысли. Произведение интересует ученых этой школы не в их литературно-художественном качестве, а как «идеологический, идеографический, логический (а не эмоционально-образный материал) для непосредственного конструирования политических взглядов и мировоззрения писателя или эпохи» [5, с. 155]. Направление в методике, которое сами представители назвали «воспитательным», «граж-

данственным», «этическим», декларировало понимание художественного произведения как средства нравственного и этического воспитания учащихся. Анализ произведения производится с позиции отраженной в нем жизни народа. В этот период бытует мнение, что литературное произведение может быть понято только с помощью истории.

В.Я. Стоюнин, представитель культурно-исторической школы в методике, определяет литературу как «вымыслы», в которых отразился народный дух, направление фантазии, идеалы [11, с. 97]. В хрестоматии для младших классов среднеучебных заведений, по его мнению, не должно быть сказок, поскольку чтение «должно склониться к тому, чтобы пополнять и разъяснять истинные понятия, сказочные же образы дают очень скудный материал для таких занятий. Постоянно же развивать воображение нет никакой цели, если у нас есть другие пути, более сближающие с действительностью» [9, с. 338].

Целью изучения истории литературы В.Я. Стоюнин считает «изучение произведений, изображающих жизнь и характер народа» [10, с. 313]. Сказка предстает в данном случае как зеркало народных представлений о силах природы. В непосредственных разборах художественных произведений для Стоюнина главными остаются вопросы содержания. Цель практических разборов – логическим путем подвести учеников к «известным выводам». Разбирая «Шинель» Гоголя, он предлагает ученикам такие вопросы: «Над кем и почему смеется автор? Какие чувства соединяются с его смехом? Есть ли поэзии дело до чиновников? За чиновничьи ли интересы вступается автор? За что представленное общество уважало человека и что в человеке уважал сам автор? Какое противоречие в их понятиях? Что смешит Гоголя в Акакии Акакиевиче и чем его смех отличается от оскорбительного смеха сослуживцев бедного чиновника? Как нужно смотреть на фантастическое окончание? Есть ли в нем какая-либо мысль в связи со всем рассказом?» [10, с. 335]. Эти вопросы получают в разборе Стоюнина разрешение с гражданской и нравственной позиций: «Автор заступается не за бедного чиновника, а за человека. Поэту и поэзии нет никакого дела до чиновника и до чиновничества, ни до того, какое они получают содержание… поэта не насмешит и не оскорбит, если чиновник по скудости средств наденет теплый тулуп вместо форменного платья или шинели: тулуп сохраняет его здоровье и не делает его, как человека, ни лучше, ни хуже. Но другое дело, если этот чиновник начнет торговать законом, чтобы не носить тулупа, а греться в дорогой шубе, тогда и насмешка и злоба могут закипеть в душе поэта» [10, с. 333].

Конечно, такой подход к художественному произведению во многом «грешит» односторонностью, когда считаются заслуживающими внимания только его определенные стороны, соответствующие «известным выводам».

Во взглядах другого представителя культурно-исторической школы В.И. Водовозова наиболее явно отразились идеи революционно-демократической критики, представленной в статьях Белинского, Писарева, Добролюбова. В его основной работе «Словесность в образцах и разборах» ценность литературы определяется по тому, насколько автором осознается «общественное зло». Методист в качестве критериев для анализа выделяет категории реализма и народности, ищет в каждом произведении «готовую идею» и выражает необходимость «сличения изображаемого с действительностью». Он достаточно резко отзывается о творчестве Жуковского, Крылова, Пушкина и Лермонтова. В творчестве Гоголя методист категорически не принимает фантастику и считает повесть «Нос» «легкой шуткой» [цит. по 12, с. 62]. Однако, несмотря на ряд существенных недостатков, несомненно ценным в его методике представляется стремление учитывать первоначальное восприятие учащимися художественного произведения: «Заметим, что здесь чрезвычайно важно впечатление цельного, не раздробленного предмета… в общей картине, хотя бы и смутно понятой, все подробности первый раз получают свой настоящий смысл и занимательность» [цит. по 1, с. 12].

Во взглядах В.П. Острогорского нашли своеобразное завершение методические идеи «шестидесятников». Для Острогорского произведение – «практическая психология человека». Главное в воспитании – его эстетическая составляющая. Художественное произведение Острогорский понимает как «такое, которое, заключая в себе правдивую, добрую мысль, рассказано тепло, красиво и просто. Тогда оно будет возбуждать ваши чувства, трогать до глубины души, представлять в нашем воображении рассказанное так живо, как бы видели его пред своими собственными глазами; наконец, заставлять нас и призадумы-

ваться над изображенным, применить его к своей или вообще виденной нами жизни, помогать узнавать то, что хорошо, что дурно, – словом поучать нас притчами» [8, с. 2].

С вышеизложенных позиций методист делает вывод: «Вечера на хуторе близ Диканьки» «бесполезны и вредны», так как болезненно влияют на детское воображение; «Заколдованное место» и «Пропавшая грамота» вредны по пустоте содержания; во многих произведениях Гоголя видны «слезы о человеческой пошлости», но именно они мало понятны детям. При изучении «Шинели» нужно привести учеников к мысли, что Акакия Акакиевича следует пожалеть, «когда над ним, беспомощным и безгласным, смеются чиновники, ломается какой-нибудь Петрович», и в то же время следует показать его полную беспомощность «со стороны неумения добавить себе хлеб каким бы то ни было путем, кроме бессмысленного переписывания бумаг» [8, с. 207–210].

Таким образом, в 60–80 годы XIX века в литературоведении и методике преподавания литературы главенствующее положение занимала культурно-историческая школа, представители которой утверждали взгляд на художественное произведение как средство выражения «общественного сознания». Такой подход не только существенно ограничивал перечень подходящих для чтения юношества произведений, но и по сути дела сводил все художественное своеобразие конкретного текста к гражданской идее или идеалу. Предмет науки о литературе в этот период размывается, утрачивает четкие очертания, подменяясь «изучением истории культуры, истории общественной мысли, биографии писателей и т.д.» [1, с. 15].

Методисты культурно-исторической школы, как правило, категорически не принимают фантастику и фантастические элементы в тексте как факторы, не вписывающиеся в «положительную», эмпирически доступную картину мира. Уверенность в существовании только опытно обусловленной реальности базируется на философии позитивизма, утверждавшей ценность «реального» знания. Тем не менее по характеру целостных характеристик фантастику как вид литературы и культурно-историческую школу как одно из направлений в литературоведении можно сопоставить именно по отсутствию внимания к «психологизму». Ранние произведения фантастики критики яростно упрекали в том, что персонажи принесены в «жертву» магистральной идее и лишены психологической индивидуализации.

В 70–80 годы XIX века культурно-историческая школа постепенно утрачивает свое влияние на специфику подхода к анализу художественного произведения. Причины смены ориентиров видятся во внешних факторах. Литература, непрерывно развиваясь, вбирает в себя новые тенденции, отражая в художественных произведениях не только ведущие общественные установки, но и обращается к природе человеческих характеров, раскрывая сложнейшие психологические переживания. Психологизм Ф. Достоевского, его «реализм в высшем смысле», доходящий до границ фантастического, «диалектика души» Л. Толстого, «таинственные повести» И. Тургенева и т.д. – все это не укладывается в рамки «общественного» подхода.

В литературоведении осознается необходимость исследования не только влияния «среды», «исторического момента» на процесс создания художественного текста, но и влияние факторов, непосредственно определяющих характер литературного творчества. «На первый план в анализе начинают выступать специфические особенности личности писателя, литературный персонаж выступает как психологический феномен» [11, с. 127]. Литература осознается как вымысел, а не как «документ».

Все эти факторы привели к появлению в литературоведении психологического направления, основоположником которого является А.А. Потебня. Его учение о слове как средстве «не только выражать уже готовую мысль, сколько созидать ее…» положило начало идее о чтении как о труде и творчестве, о восприятии созданного произведения читателями, «об изучении литературы в ее словесно-образной специфике» [1, с. 16].

Наиболее полно «программный материал» психологической школы изложен в ее «манифесте» – работе В.В. Данилова «Литература как предмет преподавания». Методист предлагает подходить к литературному произведению не со стороны содержания, поскольку это ведет к «искусственному отбору произведений с точки зрения нравственности», а со стороны его специфических «свойств, которыми обладает художественное творчество как особый вид мышления» [4, с. 21]. Основным методом обучения Данилов считает «работу с текстом, его логический и стилистический анализ» [4, с. 25]. Вопросы учащимся дол-

жны задаваться так, чтобы постоянно заставлять работать их ум, чувства, развивать внимание, наблюдательность, учить видеть главное и одновременно помнить о важности детали.

Таким образом, методические школы и направления XIX века не оказывали вопросам фантастики и фантастического особого внимания, что вполне закономерно. Фантастическая литература как монолитное направление, по сути дела, еще не существует. Элементы и формы выражения фантастического, имеющие место в тех или иных произведениях, самостоятельно, в отрыве от основной методической идеи, тоже не рассматриваются. Несколько пренебрежительное отношение ко всяческим «фантазиям» свидетельствует о рационалистической направленности литературы, науки о литературе и методики, идущей в своем развитии по тому же пути.

Однако несомненно ценным в свете данной работы является наследие психологической школы, представители которой понимали художественное произведение как вымысел, осознавая его условную, виртуальную природу.

Библиографический список

1. *Беньковская Т.Е.* Развитие методики преподавания литературы в русской школе. XX в.: Учебно-методическое пособие и хрестоматия для студентов филолог. фак-в пед. вузов. – Оренбург: изд. ОГПИ, 1999. – 431 с.

2. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.

3. *Водовозов В.И.* Избранные педагогические сочинения / Сост. В.С. Аранский. – М.: Педагогика, 1986. – 480 с.

4. *Данилов В.В.* Литература как предмет преподавания. – М., 1917. – 134 с.

5. История русского литературоведения / П.А. Николаев и др. – М., 1980 – 308 с.

6. *Ковтун Е.Н.* Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи, и мифа. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 306 с.

7. *Неелов Е.М.* Волшебно-сказочные корни научной фантастики. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 200 с.

8. *Острогорский В.П.* Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу. – М., 1891. – 301 с.

9. *Стоюнин В.Я.* Избранные педагогические сочинения. – М., Педагогика, 1991. – 368 с.

10. *Стоюнин В.Я.* О преподавании русской литературы. – СПб., 1864. – 398 с.

11. *Чернышёва Т.* Природа фантастики. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 336 с.

12. *Чертов В.Ф.* Русская словесность в дореволюционной школе. – М.: МПГУ, 1997. – 127 с.

УДК 882.-1.09

Чехунова Ольга Александровна
Якутский государственный университет
olga_chehunova@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КАК «ЦИКЛООБРАЗУЮЩАЯ СКРЕПА» В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА «РОЗЫ»

Статья посвящена рассмотрению сквозных образов и мотивов в сборнике Г. Иванова «Розы» (1931). Они, по гипотезе автора статьи, насыщаются экзистенциальной символикой и в силу этого становятся «циклообразующими скрепами» в означенных поэтических книгах.

Ключевые слова: *экзистенциальная семантика, циклическая скрепа, мотив, образ, роза.*

Экзистенциализм оказал огромное влияние на литературу, искусство и культуру XX века. Размышления о бытие, конечности человеческого существования и относительности счастья, о подлинной свободе и ценностях жизни стали важным объектом лирико-философских медитаций российских поэтов. Одним из художников XX века, в чьем поэтическом сознании интуитивно зарождались и постепенно формировались трагическая концепция мировосприятия, категории экзистенциальной философии, был Георгий Иванов.

Разумеется, для формирования экзистенциального умонастроения необходимы определенные внешние и внутренние предпосылки. Для Иванова первыми стали – эмиграция, отрыв от родины и привычного круга, последующие лишения и болезни. К внутренним предпосылкам

© Чехунова О.А., 2011

можно отнести особый, трагический тип мировоззрения, склонность к философскому осмыслению собственных лишений, обобщению жизненных ситуаций. Все это способствовало формированию экзистенциального мироощущения Иванова. По словам В.В. Заманской, «поэтом Георгия Иванова сделал серебряный век, большим поэтом – ощущение экзистенциальности бытия» [2, с. 251].

Не случайно в списке внешних предпосылок формирования экзистенциального мироощущения Иванова мы ставим на первое место именно эмиграцию, а не революции, Первую мировую войну или другие трагические события начала прошлого века. Исследователи (В. Заманская, О. Федотов, В. Крейд, Т. Хмельницкая, С. Семёнова и др.) практически единодушно сходятся в том, что именно разлука с Россией и вынужденный отъезд стали поворотным моментом для эволюции ивановской философии и поэзии, а последующие события его биографии только усугубили и усложнили философско-экзистенциальную парадигму мировосприятия поэта.

Трагическое мироощущение и миропонимание Георгия Иванова воплощается уже в произведениях его первого эмигрантского сборника «Розы» (1931). В поэзии Иванова возникает экзистенциальная проблематика, размышления о смерти, одиночестве, пустоте, о сущности счастья, появляется тема беспомощности искусства, хрупкости и бессмысленности человеческого бытия.

Однако возникает вопрос, каким образом экзистенциальная картина мира поэта воплощается в его лирике, художественном творчестве. Ведь подчас трудно утверждать, что тот или иной элемент поэтической системы в творчестве художника является экзистенциальным. Так, грусть, тоска, одиночество, страх смерти встречались в литературе во все века, в произведениях большинства авторов, задолго до формирования экзистенциальной философии. Поэтому, на наш взгляд, только в соположении ряда философских понятий, экзистенциальных концептов определенного плана, в их иерархической связи обнаруживается трагическое мировосприятие поэта, его приверженность экзистенциальной философии.

В таком случае последняя должна отразиться в циклических феноменах, поскольку именно цикл в отличие от разрозненных поэтических произведений дает не мозаику настроений и состояний автора, а передает целостную картину его миропереживания.

Под циклом мы понимаем «жанровое образование, главный структурный признак которого – особые отношения между стихотворением и контекстом, позволяющие воплотить в системе сознательно организованных стихотворений сложную систему взглядов, целостность личности и / или мира» [5, с. 3].

По утверждению Б.М. Гаспарова, в художественном тексте «каждый компонент, так или иначе, прямо либо в силу ассоциативных сопряжений попавший в орбиту смыслообразуюшей работы мысли, не остается равным самому себе – тем своим свойствам, которые могут у него проявиться вне именно этого, в данную минуту и в данных условиях происходящего процесса. Соответственно, предметом анализа должен быть не сам этот компонент как таковой, но его преображение в качестве мотива, неотъемлемо принадлежащего данному сообщению, имеющего смысл лишь в тех неповторимых сплавлениях с другими мотивами, которые возникают в данном сообщении в процессе его осмысливания» [1, с. 336].

Итак, остановимся на первом эмигрантском сборнике Иванова «Розы». По мнению Ю. Терапиано, эта книга стала «безусловно лучшей не только в эмигрантской, но и в русской поэзии тридцатых годов» [цит. по: 4, с. 115]. В.В. Заманская утверждает, что именно «Розы» стали ивановским «прорывом к экзистенции бытия и экзистенции человека» [2, с. 254].

В книгу «Розы» «впервые входит настоящее», а именно, устойчивая «коллизия» «между безответностью мирового торжества и вечной любовью, вечной весной жизни, которая всё-таки прекрасна» [2, с. 255]. Борьба между настоящим и вечным, земным и небесным, бытовым и бытийным, в которой, как полагает Иванов, обречен существовать человек, вносит в его поэзию «мучительную трагедию» антиномичности мира. Именно эта антиномия делает «Розы» «печальными и прекрасными». При этом мотивно-образная организация последующих сборников указывает на то, что трагическое мироощущение поэта с годами только усугублялось.

Необходимо отметить, что для всего творчества Г. Иванова особое значение имеют образы закатного *неба*, *моря*, *роз* и *звезд*, которые в ряде стихотворений («Мне тело греет шкура тигровая…», «Газеллы», «Здесь волн Коцитовых холод-

ный ропот глуше…» и др.) тесно взаимосвязаны. Однако если в ранней лирике эти образы олицетворяют традиционные светлые понятия – счастье, цветущую весну, любовное свидание, искусство, жизнь (например, в таких произведениях, как «Ранняя весна», «Заставка», «Неправильный круг описала летучая мышь...», «Газеллы», «Слово за словом, строка за строкой...», «Кровь бежит по томным жилам...»), то, начиная с «Роз», они попадают во власть «бесплодного Мирового торжества», погружаются в Ничто, олицетворяя таким образом гибель, утрату этих вечных ценностей.

Среди этого образного ряда особенно выделяется образ *роз*. Он – самый частотный в одноименном сборнике. Причем, начиная с первого эмигрантского сборника, *розы* меняют свою семантику и эмоциональную окраску: они начинают погружаться в холодный мрак, в чёрно-синее сияние смерти, тонут в «ледяном океане печали». *Розы* не оправдали надежд поэта на обещанное счастье. Уже в первых строках произведения «Над закатами и розами…», открывающего эмигрантскую книгу 1931 года, появляется образ роз, который связан, как и в доэмигрантской лирике Г. Иванова, с образами звёзд, закатного неба и счастья. Однако само традиционное понятие счастья полностью меняется:

Счастье мучить или мучиться,
Ревновать и забывать.
Счастье нам от Бога данное,
Счастье наше долгожданное,
И другому не бывать [3, с. 255].

Человеческое «счастье» теперь для Иванова – «мучить или мучиться», «счастье» страдать и терять опору в жизни, «счастье» обманываться и не находить подлинных ценностей.

Бывшая когда-то вечной и прекрасной (например, «неувядающие розы» в стихотворении «И всех, и всех давно забытых…»), эта *роза* теперь прямо связана с мотивом смерти, она олицетворяет собой «сонную вечность», «мировое зло», убивающее жизнь и красоту, грозящее новой бедой. Теперь это роза, брошенная на похоронах: «Когда-нибудь и где-нибудь. / Не все ль равно? / Но розы упадут на грудь, /Звезда блеснет в окно / Когда-нибудь…» [3, с. 273].

Образ *розы* дважды встречается и в заключительном стихотворении сборника «Все розы, которые в мире цвели…»:

Так чёрные ангелы медленно падали в мрак,
Так чёрною тенью Титаник клонился ко дну,
Так сердце твоё оборвётся когда-нибудь – так
Сквозь розы и ночь, снега и весну… [3, с. 294]

Не сложно заметить, что преобладающим цветом при описании окружающей действительности становится для Иванова *чёрный* цвет. Всё светлое гибнет, уходит в небытие, остаётся там, в дореволюционной России, вместе с надеждами на лучшее и поэтическими мечтами. Эмиграция приводит поэта к потере прежних жизненных ориентиров и ценностей, он окончательно теряет смысл собственной жизни и творчества. Ощущение бытия после революции – это ощущение катастрофы: недаром поэт упоминает *Титаник*, крушение которого в 1912 году воспринималось современниками как страшное предзнаменование. Для поэта не остаётся ничего, что могло бы удержать его в этом мире – вечное искусство уйдёт вслед за «забытой Богом» страной: «И все корабли, и все имена, / И эта, забытая Богом, страна!» Наступает начало конца света: с этого момента заканчивается жизнь страны, и это неизбежно приведёт к собственной гибели поэта.

По нашему мнению, именно *розы* становятся «циклическими скрепами» (В.А. Сапогов) одноименного сборника Иванова. Проходящие сквозь всю лирическую книгу, от первого до финального произведения, а также вынесенные в заглавие сборника, *розы* становятся символическим воплощением таких экзистенциальных категорий, как мучительная ситуация «заброшенности» в жизнь, бессмысленность жизни и неотвратимость человеческой смерти, онтологическое одиночество и страх. В силу этого, *розы* становятся семантической «скрепой» не только для первого сборника как сверхцикла, но и сквозным лейтмотивом всего эмигрантского творчества поэта. Причем от сборника к сборнику происходит постепенное накапливание экзистенциального потенциала этого образа, который к финалу творческого пути поэта становится одним из ключевых символов трагического бытия.

Библиографический список

1. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.

2. *Заманская В.В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: диалоги на границах столетий: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 302 с.

3. *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Согласие, 1993. – 656 с.

4. *Крейд В.* Георгий Иванов: Стихотворения // Звезда. – 1993. – №1. – С. 115–116.

5. *Фоменко И.В.* Лирический цикл: становление жанра, поэтика. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 123 с.

УДК 882.-1.09

Чехунова-Блау Ольга Александровна
Якутский государственный университет
olga_chehunova@mail.ru

ОБРАЗНЫЙ КОД В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Статья посвящена отражению экзистенциальной картины мира Г. Иванова в поэтике лирических сборников «Розы» (1931), «Отплытие на остров Цитеру» (1937), «1943–1958. Стихи» (1958). По гипотезе автора статьи, рассматриваемые мотивы и образы раскрывают специфику трагического мировосприятия поэта.

Ключевые слова: *картина мира, экзистенциализм, мотив, образ, музыка, зеркало, лодка, туман, свобода, счастье.*

Изучение принципов отражения картины мира поэта в его лирике, воплощения в творчестве ключевых категорий авторского мировосприятия – одно из наиболее актуальных и перспективных направлений в современном литературоведении. Исследователи сходятся в мысли, что художественное произведение является «определенной моделью мира, некоторым сообщением на языке искусства» [6, с. 65]. Причем именно рассмотрение творческого достояния поэта как отображения авторской картины мира, признание того, что каждое лирическое произведение – это проекция ряда жизненных установок художника, зачастую позволяет нам наиболее полно и глубоко проанализировать и понять особенности как поэтики, так и философского мировосприятия поэта.

Понятие картины (или модели) мира разработано в литературоведении довольно детально. В.Н. Топоров определяет модель мира как «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [9, с. 161]. В.Е. Хализев говорит о том, что «в художественных произведениях прямо или косвенно преломляются и бытие как целое (т. е. присутствует картина мира как упорядоченного или дисгармоничного), и его определенные грани: феномены природы и, главное, человеческой жизни» [11, с. 24].

Изучению влияния авторской модели мира, его философского мировоззрения на принципы построения текста, его поэтику посвящены работы Т.В. Цивьян [12], Л.Г. Кихней [4] и других современных исследователей. Л.Г. Кихней, в частности, устанавливает корреляцию между философскими и лирическими способами постижения мира. «Каждое искусство, – пишет она, – оказывается <…> искусством строить “картину мира из смыслообразов”, отсюда вытекает и правомерность сопоставления художественных и философских систем моделирования мира» [4, с. 11]. Таким образом, реконструкция картины мира поэта представляется одной из актуальных задач современного литературоведения. В данной статье сделана попытка вычленения и анализа некоторых лейтмотивных образов эмигрантской лирики Георгия Иванова, которые, на наш взгляд, выполняют миромоделирующую функцию.

Как пишет Р. Гуль, «если на Георгия Иванова обязательно надо бы было наклеить ярлык какого-нибудь “изма”, то это сделать было бы просто. Георгий Иванов – сейчас единственный в нашей литературе – русский экзистенциалист» [1, с. 112]. Большинство исследователей творчества Георгия Иванова (В.В. Заманская [2], О.И. Федотов [10], В.П. Крейд [5]) сходятся в том, что подлинный трагизм мировосприятия, экзистенциальная проблематика, ощущение конечности бытия, размышления о смерти, пустоте, холоде, о сущности счастья, темы отчаяния и беспомощности искусства появляются в стихах Иванова именно после эмиграции поэта из России в 1922 году. Поэтому для рассмотрения организации лирики Георгия Иванова с точки зрения экзистенциальной философии и мировосприятия наиболее интересны именно его эмигрантские поэтические сборники: *«Розы»* (1931), *«Отплытие на остров Цитеру»* (1937) и *«1943–1958. Стихи»*.

В исследовательской литературе выявлялись следующие образы, выражающие трагическое мироощущения поэта: звезда, закат, роза, ветер, сияние, весна и др. Особое значение имеет также

 © Чехунова-Блау О.А., 2011

образ неотвратимого «Мирового торжества», возникающий уже в первом эмигрантском сборнике «Розы» и, по словам В. Заманской, перерастающий в последующих поэтических книгах в образ «Мирового безобразия» [2, с. 273].

На наш взгляд, значительный интерес для раскрытия экзистенциального замысла эмигрантских сборников Иванова представляет *образ музыки.* Если в раннем творчестве поэт зачастую описывает статичные картины («Благословенная прохлада», «Чёрные вишни, зелёные сливы», «Заставка», «Кофейник, сахарница, блюдца», «Литография» и др.), то в эмигрантской лирике он, по выражению В.В. Заманской, как будто «обостряется слухом» [2, с. 255]. Поэт становится сверхчувствителен к любым звукам: «…Ещё у этих берегов / Шумят деревья, плещут воды», шелестит «добрый лес», звенят бубенцы, скрипят половицы и хрустит снег, но из всего этого множества звуков поэт слышит только «синие» (у Иванова – синоним «холодных», «ледяных») слова разлуки и грустную песню человеческой души. Г. Иванов разочаровался в силе живописи и поэзии, пришла очередь музыки, теперь этот образ наполняется для поэта глубоким трагизмом:

Только всего – простодушный напев,
Только всего – умирающий звук,
Только свеча, нагорев, догорев…
Только. И падает скрипка из рук.

Падает песня в предвечную тьму,
Падает мертвая скрипка за ней… [3, с. 300]

Иванов утверждает, что он, как и всё его поколение, «слишком устал» и «слишком стар» для переживания музыки-надежды, музыки жизни и свободы вновь. Поэтому, «заметённая снегами», она превращается в «чёрную» музыку «тьмы». В стихотворении «Душа человека. Такою…» поэт высказывает одну из основополагающих концепций экзистенциальной философии о том, что человек становится самим собой и познает подлинную свободу только на границе жизни и смерти (ср. «Теплый ветер веет с юга…»: «В миг, когда он все теряет, / Все приобретает он»):

И полною грудью поется,
Когда уже не о чем петь [3, с. 315].

Особое место в эмигрантском творчестве поэта занимает образ-медиатор *зеркала (отражения),* также получающий трагическую трактовку. В ряде стихотворений это зеркала, искажающие отражения:

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.
Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья [3, с. 312].

Зеркала, поставленные друг против друга, как отмечает Г. Мосешвили, в оккультизме являются магическим символом бесконечности [7, с. 613]. В данном стихотворении зеркало оборачивается символом бесконечности зла, а круговорот жизни становится бесконечным чередованием поражений и смертей:

Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю [3, с. 297].

Если в ранней лирике Иванова мы видим философски отвлеченные рассуждения поэта о цикличности жизни («Все образует в жизни круг», «Неправильный круг описала летучая мышь»), то сейчас тема смерти конкретизируется в тему собственной, личной смерти Иванова, причем не как Поэта, у которого есть шанс остаться в стихах, а как человека, личности, живого существа, и эту борьбу нет возможности выиграть ни у кого. Это та предопределенная хрупкость и конечность бытия, осознание которых делает экзистенциальное мировоззрение сверхтрагичным, ставит в качестве ведущих модусов человеческого существования кризисность, рубежность сознания, онтологическое одиночество, враждебное отношение с миром. Следует отметить, что В.Заманская называет *образ зеркала* постоянной «трансценденцией», открывающей лирическому герою Иванова законы враждебного мира [2, с. 263].

Отражение жизни сквозь призму экзистенциального мировоззрения пугает лирического героя, вызывает болезненное состояние, головокружение:

День превратился в свое отраженье,
В изнеможенье, головокруженье.

В звезды и музыку день превратился.
Может быть, мир навсегда прекратился? [3, с. 327]

Нетрудно заметить, что экзистенциальные *образы отражения и музыки* здесь переплетаются, перетекают один в другой, становятся синонимами. В стихотворении «Он спал, и Офелия снилась ему…» автор также связывает *образ зеркала* с традиционным экзистенциальным мотивом сна и *образом музыки*. Мысли о смерти не покидают поэта, однако даже это трагическое знание не добавляет человеческой жизни ценности:

Она музыкальной спиралью плыла,
Как сон, отражали её зеркала.

И зная, что гибель стоит за плечом,
Грустить ни о ком, мечтать ни о чем… [3, с. 326]

Лирический герой Иванова не хочет задумываться над смыслом жизни, потому что боится получить правдивые – то есть трагические – ответы на вечные вопросы: «Задавай вопросы. Не проси ответа. / Лучше и вопросов, друг, не задавай» («Отражая волны голубого света…»). Эти примеры подтверждают, что в поздней лирике Иванова *образ зеркала* олицетворяет границу между жизнью и смертью, искаженные отражения открывают поэту суть бытия, дают ответы на главные вопросы.

В лирике эмигрантского периода в качестве экзистенциального выступает также *образ лодки*, который, как правило, проявляется в двух ипостасях. Так, в ряде стихотворений лодка предстает как ладья Гермеса, доставляющая лирических героев по Лете в Царство мертвых, «плывущая по эфиру» в бесконечность ледяной Вечности:

Это месяц плывет по эфиру,
Это лодка скользит по волнам,
Это жизнь приближается к миру,
Это смерть улыбается нам.

Обрывается лодка с причала,
И уносит, уносит её…

Приближается звездная вечность,
Рассыпается пылью гранит,
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит [3, с. 256].

В других же случаях данный образ предстает как одинокий в мировом океане ялик, «утлая» лодочка, непременно терпящая крушение:

Уплывают маленькие ялики
В золотой междупланетный омут.
Вот уже растаял самый маленький,
А за ним и остальные тонут.

На последней самой утлой лодочке
Мы с тобой качаемся вдвоем [3, с. 391].

Через этот образ передается экзистенциальная мысль о трагической предрешенности:

И лодка – повернувшись так,
Не может повернуться этак,
Раз все вперед предрешено [3, с. 399].

И неизбежности скорой гибели:

Волны шумели: «Скорее, скорее!»
К гибели легкую лодку несли… [3, с. 418]

Так же, как и образы музыки и зеркала, *лодка* становится пограничным объектом, связывающим жизнь и смерть, вещающим о гибели, предсказывающим ее. Это лодка переносит лирического героя в пограничную ситуацию, свойственную экзистенциальной картине мира – он уже оставил берег Жизни, но ещё не нашел вечный покой в Царстве мертвых.

Интересным в свете нашего исследования является *образ тумана***.** Для поэта эмигрантские годы – бессмысленные, пустые, «туманные»:

Туманные проходят годы,
И вперемежку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы [3, с. 381].

Обратим внимание на экзистенциальное понимание *свободы*, воли в данном стихотворении, которое можно трактовать многопланово. С одной стороны, это эмиграция, которая не принесла свободы, а возможно, наоборот, весь мир без России прекратился для поэта в тюрьму. С другой стороны, это экзистенциальная «осужденность» человека на свободу, заброшенность в до ужаса вольный, хаотичный мир, где он зависит от всего и одновременно не имеет никакой опоры. Именно о такой свободе пишет Ж.-П. Сартр: «Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает. Экзистенциалист не верит во всесилие страсти. <…> Он считает, следовательно, что человек, не имея никакой поддержки и помощи, осужден всякий раз изобретать человека. <…> Но это означает, что человек заброшен [8, с. 327].

За этим *туманом* остается молодость поэта, вера в ценности и ориентиры, его Россия и люди с «русским сердцем», способные его понять (см., например, стихотворение «Нет в России даже дорогих могил»). А центральный для русской литературы образ дороги преображается у Иванова в *образ туманной дороги*, по которой бредет лирический герой. С этим образом тесно взаимосвязаны характерные для экзистенциального сознания мотивы скуки, неудовлетворенности, одиночества, непонимания: «Все туман. Бреду в тумане я / Скуки и непонимания» [3, с. 394]; «Туман. Передо мной дорога, / По ней привычно я бреду. / От будущего я немного, / Точнее – ничего не жду. / Не верю в милосердье Бога, / Не верю, что сгорю в аду» [3, с. 448]. *Образ тумана* наполняется особым трагическим смыслом, становится воплощением экзистенциального мироощущения и сближает Иванова с другим трагическим поэтом – М. Лермонтовым. Эту духов-

ную близость Иванов подчеркивает, иронически переосмысляя строки лермонтовских произведений:

Туман… Тамань… Пустыня внемлет Богу.
– Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня [3, с. 377].

С экзистенциальными образами в лирике Георгия Иванова тесно связаны также мотивы измены, непостоянства, гибели прекрасного, ледяной безнадежности и предсмертной тишины. Возвращаясь же к *мотиву экзистенциальной свободы,* следует отметить стихотворение «Над закатами и розами…», в котором он тесно переплетен с трансформированным *мотивом счастья*. Уже в первой эмигрантской книге Иванова кардинально меняется (по сравнению с традиционным восприятием) само семантическое наполнение этих понятий:

Счастье мучить или мучиться,
Ревновать и забывать.
Счастье нам от Бога данное,
Счастье наше долгожданное,
И другому не бывать [3, с. 255].

Такое «счастье» полностью соответствует экзистенциальной картине мира, где человеческое существование зачастую понимается как мука постоянного выбора и, в то же время, невозможность что-либо изменить («И другому не бывать»).

Таким образом, мы можем убедиться, что Георгий Иванов подвергает эмигрантский жизненный опыт лирическому осмыслению. Центральное, миромоделирующее значение в поэтике получают образы музыки, зеркала, лодки и тумана, которые наполняются метафизическим содержанием и зачастую сопровождаются мотивами экзистенциального счастья, свободы, одиночества, скуки, непостоянства и др. Каждый из приведенных образов внутренне противоречив, поскольку существует одновременно в двух пространствах – жизни и смерти, однако все они воплощают экзистенциальную ситуацию прощания поэта с земной жизнью для постижения сущности бытия.

Рассмотренные мотивы и образы неоднократно встречаются в контексте одного стихотворения. Кроме того, в эмигрантских лирических книгах Иванова они образуют бинарные оппозиции (жизнь – смерть, счастье – несчастье, свобода – несвобода, родина – чужбина и др.) и выполняют роль «циклообразующих скреп», позволяющих удерживать ощущение целостности цикла. В отличие от разрозненных поэтических произведений они дают не мозаику настроений и состояний автора, а передают целостную картину его миропонимания.

Библиографический список

1. *Гуль Р.Б.* Георгий Иванов // Новый журнал. – 1955. – №42. – С. 110–120.

2. *Заманская В.В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на границах столетий. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 304 с.

3. *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1: Стихотворения. – М.: Согласие, 1993. – 656 с.

4. *Кихней Л.Г.* Акмеизм: Миропонимание и поэтика. Изд. 2-е. – М.: Планета, 2005. – 184 с.

5. *Крейд В.П.* Георгий Иванов (ЖЗЛ). – М.: Молодая гвардия, 2007. – 430 с.

6. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – М., 1970.

7. *Мосешвили Г.* Комментарии // Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Стихотворения. – М.: Согласие, 1993. – 656 с.

8. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.

9. *Топоров В.Н.* Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2.

10. *Федотов О.И.* Очарование случайных пустяков // Литература. Приложение к газете «Первое сентября». – 2000. – №24. – С. 5–9.

11. *Хализев В.Е.* Теория литературы. Изд. 3-е. – М.: Высшая школа, 2002. – 438 с.

12. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

Герлах Ирина Витальевна
Армавирская государственная педагогическая академия
irina_gerlah@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ РОЛЕВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье дана оценка внедрения ролевого моделирования в содержание подготовки будущих педагогов к организации досуга детей и подростков в летних оздоровительных учреждениях как значимого технологического компонента воспитательной работы.

Ключевые слова: *сюжетно-ролевая театрализованная игра, ролевое моделирование, досуг детей и подростков, педагогическая технология.*

В последние несколько десятилетий феноменом самовыражения молодёжи стало ролевое сообщество, представляющее собой корпоративное множество клубов или объединений ролевых игр и исторической реконструкции. В психолого-педагогических исследованиях установлено, что ролевое сообщество обладает значительным образовательным потенциалом [5; 2]. Игропрактика ролевого сообщества позволяет решить ряд социокультурных проблем: ассоциации досуга с пассивным отдыхом, бездельем; отсутствия навыков самоорганизации свободного времени; отсутствия элементарных основ культуры досуга [8, с. 9].

Летний период организации досуга подростков и учащейся молодёжи включает в себя различные виды социально-культурной деятельности: художественную, спортивную, творческую, которая успешно реализуется в летних игровых лагерях, обеспечивая развитие личностного потенциала [1; 4].

Многолетний опыт сотрудничества с клубами ролевых игр и организации летнего отдыха детей на Юге России свидетельствуют о том, что начинающий педагог, студент-практикант педвуза, выступающий в качестве отрядного вожатого, испытывает затруднения в организации досуговой деятельности. Обладая достаточными знаниями об её формах, он зачастую не владеет технологиями проведения воспитательных дел, инициируемых подростками и учащейся молодёжью. Восполнению этого пробела способствует курс «Технология ролевого моделирования в деятельности педагога», посвящённый созданию, организации и проведению воспитывающих сюжетно-ролевых театрализованных игр для детей и молодёжи, внедрённый в учебный процесс Армавирского государственного педагогического университета.

Целью данного курса является обучение студентов технологии организации и проведения сюжетно-ролевых театрализованных игр в воспитательной деятельности с детьми и молодёжью. Содержание курса полностью соответствует характеру поставленных задач:

1) формирование у студентов основных навыков, необходимых для работы по организации воспитывающих, обучающих и развивающих сюжетно-ролевых театрализованных игр для детей и молодёжи;

2) раскрытие творческих и коммуникативных способностей студентов;

3) культурное и нравственное становление и развитие студентов в процессе самопознания и самовоспитания.

Структура дидактического материала представляет собой комплекс взаимосвязанных учебных тем, изучаемых в определённой последовательности: «Происхождение и социально-культурное значение игры», «Виды игр и их классификация», «Воспитательный потенциал ролевой игры в зарубежных исследованиях», «Ролевое моделирование», «Правила и структура ролевой игры», «Игровая роль и её воспитательное значение», «Самодеятельный коллектив играющих. Функции мастера ролевой игры», «Индивидуальная подготовка участников ролевой игры» и др. Изложение материала каждой из указанных тем производится в сопровождении мультимедийных средств обучения с использованием разнообразных наглядных материалов: элементов игрового антуража, костюмов, пакетов правил различных

© Герлах И.В., 2011

видов игр и т.п. Богато иллюстрированные компьютерные презентации и видеоролики с материалами наиболее успешных игровых проектов последних лет позволяют использовать инновационные формы и средства в профессиональной подготовке будущих педагогов, повышая качество образования и мотивацию учения студентов.

Сущность теоретической подготовки заключается в усвоении будущими педагогами положений о ролевом моделировании – новом виде социальной практики, деятельности по разработке, подготовке и проведению сюжетно-ролевых театрализованных игр, включающей в себя:

1) создание игры (изобретение, проектирование, конструирование);

2) управление подготовкой игры (подбор и расстановку участников, распределение ролей, инструктирование);

3) управление игрой (инструктирование, консультирование, арбитраж, оперативную корректировку, анализ). А также овладение технологией ролевого моделирования, отвечающей всем основным качествам современных педагогических технологий: концептуальности, системности, управляемости, эффективности и воспроизводимости. Её структура представляет собой поэтапное выполнение действий, описанных нами выше, разделённых на подуровни, с соблюдением ряда условий:

– ***психолого-педагогических:*** 1) организации взаимодействия, характер которого обеспечивает участие игроков в упражнениях (по возможности с повторами) в моральном поведении: гуманности, сочувствии, взаимопомощи, терпимости, верности и т.д.; 2) наличие ярких эмоциональных переживаний, достижения игровых педагогически значимых целей; 3) удовлетворения в игре педагогически ценных потребностей личности. Роль должна быть реализована, способности личности игроков раскрыты, их актёрские качества использованы полностью; 4) общего положительного эмоционального фона (романтика, свобода общения, духовная близость, в т.ч. в области игровой тематики и т.п.); 5) испытания участниками СРТИ удовлетворения от продуктивного взаимодействия – верного выполнения игровых и внеигровых действий. Создание ситуаций взаимного удовлетворения партнёров по игре;

– ***социально-педагогических:*** 1) вовлечения участников СРТИ в активную деятельность, которая стимулируется у всех игроков привлекательными для них, близкими их личностям ролями; 2) учёта в СРТИ половых различий участников. Взаимодействие полов в игре должно быть верным в воспитательном плане (для этого необходима постоянная коррекция со стороны мастеров – организаторов игры); 3) использования положительных культурных образцов социального поведения;

– ***организационно-педагогических:*** 1) смены ролей, создания равных возможностей для исполнения участниками разных ролей в рамках одной СРТИ; 2) вовлечения участников СРТИ в самостоятельную творческую предметную деятельность (создание игровых атрибутов); 3) корректных положительных и отрицательных подкреплений со стороны мастеров – организаторов СРТИ; 4) игровых условий, требующих включения в процесс самовоспитания с использованием методов самоубеждения, самопоощрения, самонаказания и следования идеалу, в качестве которого, в частности, может выступать избранный игроком персонаж;

– ***организационно-методических:*** 1) создания ситуаций для совместного коллективного принятия решений, сотрудничества при выполнении игровых ситуаций; 2) создания ситуаций информационного обмена до, во время и после игры; 3) проведения обязательного конечного анализа самой игры и игровых действий участников, в котором должны преобладать положительные оценки.

Мы считаем, что возможности для реализации педагогически ценной сюжетно-ролевой театрализованной игры (СРТИ) создаются стратегически и тактически, а главными условиями воспитательной эффективности СРТИ являются педагогически верная подборка культурных образцов и тематики игры. Реализация приведённого выше комплекса педагогических условий производится на каждом из этапов сюжетно-ролевой театрализованной игры. На рисунке 1 мы показали последовательность действий мастеров (педагогов, разработчиков СРТИ) по организации воспитывающей среды в условиях игры. ***Технология сюжетно-ролевой театрализованной игры,*** отвечающая всем основным качествам современных педагогических технологий: концептуальности, системности, управляемости, эффективности и воспроизводимости [6, с. 17], состоит из трёх этапов.

Этап подготовки. Подготовка СРТИ начинается с разработки открытого (предназначенного

Этап подготовки	**Условия**: - психолого-педагогические; - социально-педагогические; - организационно-педагогические	Разработка игры	• разработка пакета правил; • разработка содержания индивидуальной игровой информации; • установка связей между персонажами игры; • разработка "мастерских кирпичей"; • подготовка материального обеспечения
		Ввод в игру	• приём заявок от игроков / распределение ролей; • предварительное индивидуальное собеседование
Этап проведения	**Условия**: - психолого-педагогические; - социально-педагогические; организационно-педагогические	Первый общий сбор участников	• организация игроками и мастерами игрового пространства (декорации, модели); • предыгровое индивидуальное собеседование / допуск к игре
		Ход игры	• ввод в игру; • контроль за ходом игры; • решение текущих мастерских задач: разбор спорных ситуаций, смена и введение новых ролей, контроль использования игровых средств, бытовые вопросы и др.
Этап анализа и обобщения	**Условия**: - организационно-педагогические	Второй общий сбор участников	• вывод из игры; • анализ, рефлексия; • оценка и самооценка игровых действий; • выводы и обобщения; • построение перспектив

Рис. 1. Технологическая схема сюжетно-ролевой театрализованной игры с учётом реализации педагогических условий

для игроков) пакета правил игры, включающего в себя цель и задачи игры, общее описание процедуры игры, игровой ситуации и территории, характеристик действующих лиц, регламент отношений между участниками, принятые игровые условности, санкции за нарушение правил, форму заявки на игру и т.д. Также мастерами разрабатывается пакет закрытых правил, предназначенных только для мастерской команды, в которых содержится информация об игровых персонажах, связях между ними и дополнительные элементы, стимулирующие игровые действия. Далее идёт распространение открытых правил, приём заявок от игроков, индивидуальное собеседование с выдачей индивидуальных пакетов с игровой информацией, уточнение игровых целей каждого участника, решение организационных вопросов. Собирается дополнительная информация об игроках. Допускаются предварительные контакты между участниками игры, обусловленные личными связями между персонажами, создание игровых команд. Правила запрещают обмен личной игровой информацией до начала игры, неигровые действия после начала игры, подавление

активности, нарушения правил распорядка и этики поведения.

Этап проведения. Начинается с общего сбора игроков на игровой территории, организации игроками и мастерами игрового пространства (декорации, модели), проведения мастерами предыгрового индивидуального собеседования с последующим допуском к игре.

Далее следует ход игры, начинающийся с ввода участников в игру, который осуществляется мастерами. Они сообщают игрокам о начале игры и персонально определяют для каждого игрока место и обстоятельства начала игровых действий. Мастера постоянно контролируют ход игры, вносят необходимые педагогически ценные коррективы, создают ситуации для моральных упражнений участников, помогают реализовать игровые цели и задачи, используя заранее заготовленные дополнительные элементы, стимулирующие игровые действия участников, решают текущие мастерские задачи: разбор спорных ситуаций, смена и введение новых ролей, бытовые вопросы и др.

Этап анализа и обобщения. Мастера сообщают участникам об окончании игры. Далее на общем сборе производится анализ игры, вывод из игры, оценка и самооценка игровых действий *всеми* участниками, обмен впечатлениями, подведение итогов, выводы и обобщения, построение перспектив дальнейшего развития игры. Мастера констатируют достигнутые результаты, отмечают ошибки и изменения в ходе игры, обращают внимание на достоверность и качество игровых действий. Мастера и игроки взаимно благодарят друг друга.

На рисунке 1 мы видим, что *одинаковые* педагогические условия реализуются на *разных* этапах СРТИ. Так, например, соответствие избранных ролей личностям игроков, ведущее к активной игровой деятельности, реализуется как на этапе подготовки к игре, когда происходит распределение ролей, так и на этапе проведения игры, когда одним из основных требований, предъявляемых к участникам, является именно активная игровая деятельность, оказывающая воспитательное влияние. Наличие условия, предполагающего отзывы мастеров, необходимо на всех этапах СРТИ, поскольку корректная положительная или отрицательная оценка со стороны мастеров имеет решающее значение для стимуляции педагогически ценных игровых действий, повышения мотивации участия в СРТИ и создания общего положительного эмоционального фона.

При соблюдении названных нами психолого-педагогических условий при организации и проведении СРТИ мастерами будут решаться задачи, являющиеся общими для любого направления общественного воспитания: гуманистическое сознание и самосознание; активная жизненная позиция; личная ответственность человека за свой труд, поведение и собственные духовные качества [3, с. 26]. Их решение достигается благодаря доступности использования в рамках СРТИ всей системы методов воспитания, включающей в себя: методы формирования сознания личности, организации деятельности и формирования опыта общественного поведения личности, стимулирования и мотивации деятельности и поведения, контроля, самоконтроля и самооценки личности [7, с. 331], методы осмысления жизненного опыта, методы стимулирования и коррекции деятельности, а также ведущих средств воспитания: искусства, природы, труда, слова, примера, традиций, игры и др.

Широкое ознакомление студентов с основными наработками социально-культурной теории ролевого сообщества соединяется с изучением технологических аспектов педагогической деятельности воспитателя детского оздоровительного учреждения (ДОУ). При разработке программы курса мы опирались на материалы, посвящённые исследованию проблемы использования ролевых, сюжетно-ролевых и театрализованных игр в формировании личностных качеств детей и молодёжи. В них рассмотрены:

– психолого-педагогические возможности игры, в том числе ролевой, как метода воспитания детей и молодёжи, особенности игровой позиции педагога, условия, необходимые для организации игры, её значение для психического и физического развития ребёнка, обучающие, воспитательные и терапевтические возможности игровой деятельности (В.А. Сухомлинский, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, С.Л. Рубинштейн, И.И. Фришман, Н.П. Аникеева, Ш.А. Амонашвили, С.А. Шмаков, О.С. Газман, М.И. Рожков, Л.В. Байбородова, Дж. Хадфилд, Дж.П. Ладоусс, Т. Витингер, Р. Шаллер и др.);

– комплексное воспитательное воздействие игры (А.С. Макаренко, Н.К. Крупская, М.Г. Яновская, С.А. Шмаков и др.);

– психолого-педагогические особенности игр, разработанных в рамках ролевого сообщества, их морально-нравственные аспекты (Б.В. Куприянов, А.Е. Подобин, Л.Е. Смеркович, А.А. Берелехис, М.Э. Фрид и др.) и их использование в детских летних оздоровительных лагерях, в школе и вузе в обучающих, развивающих и воспитательных целях (А.Р. Ляндзберг, Ю.Ю. Лазарев, Б.В. Куприянов, А.Е. Подобин, Л.Е. Смеркович, И.И. Фришман, М.Ю. Кожаринов и др.).

Значительная часть учебного времени отведена овладению технологией ролевого моделирования будущими педагогами. В логической последовательности через выполнение игровых проектов они овладевают элементами организации ролевой деятельности, управления игрой, вопросам индивидуальной подготовки участников игровых взаимодействий. Примечательно, что на старте технологической подготовки будущий воспитатель становится участником игры. Он выполняет ту последовательность игровых действий, которую предложит своим воспитанникам в детском оздоровительном учреждении: ознакомление с игровыми правилами, выбор роли, проработку персонажа, реализацию избранного образа в игровой реальности, игровые взаимодействия с другими участниками, рефлексию – анализ персонажа и игрока в роли и др.

На втором этапе технологической подготовки студенты овладевают умениями и навыками анализа подготовки, проведения и результатов игры. Причём особое внимание обращается на воспитательный потенциал ролевого взаимодействия, как игра, будучи средством досуга, приобретает педагогический смысл, становится эффективным средством формирования личностных качеств.

На завершающем этапе овладения технологией студент в составе творческой группы разрабатывает игровые проекты, адресованные различным возрастным группам, воспитанников ДОУ. Структура игрового проекта включает в себя: вводную часть (описание игровой ситуации), список ролей, требования к костюмам и игровому антуражу, а также подробное изложение правил игровых взаимодействий, которым присущи гибкость и вариативность в рамках избранной игровой реальности. Важно отметить, что на зачётном занятии представляются практически все виды игровых проектов, различающиеся по времени и месту проведения, количеству и возрастному составу участников, содержанию и уровню сложности.

Наиболее часто студенты разрабатывают *модельные игры,* специфика которых состоит в наличии четко разработанных правил моделирования. Для модельных игр характерно описание структуры мира и заданной начальной ситуации. Достоинством таких игр является возможность принять почти любого участника с минимальной подготовкой. Как правило, студенческие игровые проекты рассчитаны на участников в возрасте от 10 до 16 лет с продолжительностью от 4 до 8 часов. Им не свойственны сложная сюжетная линия и многочисленность ролей, но присуще серьёзное отношение к антуражу и индивидуальной подготовке участников игры.

В рамках курса мы говорим о том, что сюжетно-ролевая театрализованная игра является одним из видов игровой деятельности человека, цель которой – достижение максимального сходства между имитационными действиями участников, манипулирующих символическим материалом, и реальными действиями людей в жизненном и деятельностном контекстах. Спецификой СРТИ является то, что в качестве символов выступают одежда, орудия, способы поведения, описанные в исторических, художественно-литературных и других источниках. В основе мотивации СРТИ лежат базовые потребности личности. СРТИ, как педагогический феномен культуры, выполняет важные функции, сформулированные С.А. Шмаковым: социокультурную, коммуникативную, диагностическую, игротерапевтическую, коррекционную, развлекательную, функцию самореализации в игре как полигоне общечеловеческой практики и др. [9, с. 62].

Летом 2010 года проводился мониторинг педагогической деятельности вожатых из числа студентов, работающих в лагерях на побережье Чёрного моря, в пришкольных летних лагерях и на детских оздоровительных площадках, организуемых отделом по делам молодёжи администрации г. Армавира. Исследовалась эффективность использования ролевого моделирования в организации досуга детей. Было установлено, что практически все студенты, изучавшие курс «Технология ролевого моделирования в деятельности педагога», применяют в своей работе умения и навыки игрового проектирования. Они отмечают универсальность данной технологии, позволяющей удовлетворить разнообразные игровые интересы детей, развивать их творческие и коммуникативные способности, осуществлять культур-

но-историческое просвещение подрастающего поколения, успешно решать задачи по организации досуга в разновозрастных коллективах, осуществлять индивидуальное педагогическое воздействие и в то же время включать в коллективно-творческую деятельность большое количество ребят, а также родителей и педагогов. Среди студентов, в подготовку которых данный курс не входил, также достаточно велико число тех вожатых, которые проявляют интерес к организации и проведению ролевых игр. Таким образом, полученные результаты мониторинга свидетельствуют о высокой педагогической эффективности данного учебного курса, как элемента профессиональной подготовки будущих педагогов.

Библиографический список

1. *Берелехис А.А.* Игровой лагерь «Приключение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orkclub.ru/shtml, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

2. *Герлах И.В.* Воспитательный потенциал молодежных общественных организаций: сущность, средства и условия развития в контексте ролевого движения молодёжи. – М.: МАНПО, 2009. – 189 с.

3. *Кочетов А.И.* Культура педагогического исследования. 2-е изд., испр. и доп. – Мн.: Ред. журн. «Адукацыя і выхаванне», 1996. – 312 с.

4. *Куприянов Б.В.* Очерки общественной педагогики: Авторские лагеря Костромской области. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 65 с.

5. *Куприянов Б.В., Подобин А.Е.* Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 104 с.

6. *Селевко Г.К.* Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 2565 с.

7. *Сластёнин В.А.* и др. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластёнин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластёнина. – М.: Академия, 2002. – 576 с.

8. *Суртаев В.Я.* Молодёжный досуг как социально-педагогическое явление: Дис. … д-ра пед. наук: 13.00.05. – СПб., 1995. – 332 с.

9. *Шмаков С.А.* Игры учащихся – феномен культуры. – М.: Новая школа, 1994. – 240 с.

УДК 378.147

Елканова Тамара Михайловна
tamel@inbox.ru
Чеджемова Нина Михайловна
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
nmch@bk.ru

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ОБЩЕГУМАНИТАРНОГО БАЗИСА ОБРАЗОВАНИЯ

В контексте концептуально-теоретической модели общегуманитарного базиса образования рассмотрены содержание и некоторые методы формирования информационно-аналитической компетентности студентов средствами иностранного языка.

Ключевые слова: *гуманитаризация, общегуманитарный базис, компетентностная модель, информационно-аналитическая компетентность, иностранный язык, высшее образование.*

В условиях современных цивилизационных процессов гуманитаризация является одной из важнейших составляющих новой парадигмы образования. Это ставит перед российской системой образования, реформируемой в соответствии с компетентностным и студентоцентрированным подходами [4; 6], задачу научно-практического обоснования структуры общегуманитарного базиса образования. Разработанная нами [1–3] концептуально-теоретическая модель такого базиса, предусматривающая формирование ключевых компетенций специалиста, включает следующие компоненты: этико-аксиологический, эколого-активационный (формируют ценностно-смысловые компетенции); историко-генерализированный корреляционно-синхронизированный, интегративно-аппликативный, культурно-инфузионный, регионально-этнический (формируют общекультурные компетенции); философско-методологический,

© Елканова Т.М., Чеджемова Н.М., 2011

интеракционно-гностический (формируют когнитивно-мировоззренческие компетенции); информационно-аналитический, когнитивно-коммуникативный (формируют информационно-коммуникативная компетенции); антропоцентристский, сенситивно-рефлексивный, аппликативно-валеологический (формируют компетенции личностного самосовершенствования); креативно-развивающий, личностно-вариативный (формируют учебно-познавательные компетенции); контемпорально-презентативный, социально-правовой (формируют социально-трудовые компетенции).

Информационно-аналитический компонент гуманитарного базиса образования предусматривает формирование базисных знаний и умений комплексного использования различных каналов получения и семантической обработки информации в условиях быстрого изменения информационной среды. Направлен на освоение механизмов выделения смысловой структуры информации, ее оперативного получения, отбора и анализа в ситуации лавинообразного роста ее объемов. Предусматривает формирование специалиста, владеющего методами многоаспектной информационной деятельности, способного к адекватной адаптации к быстроменяющимся информационным полям и технологиям, умеющего самостоятельно ориентироваться и успешно функционировать в условиях динамичной информационной среды, способного не только ориентироваться в потоке информации, но и продуктивно использовать полученные знания и информацию как в личных, так и в социально значимых целях [3].

Следует особо подчеркнуть, что умение перерабатывать большие массивы информации с использованием как информационных (компьютерных) технологий, так и интеллектуальных нормализованных методик (поаспектного анализа текстов, контент-анализа, классификационного и кластерного анализа и т.д.) подразумевает и умение понимать и извлекать из информации личностно-ценное содержание. Последнее особенно актуально в связи с тем, что переход плотности информационных потоков извне к человеку через предел физиологических возможностей восприятия информации человеческого мозга приводит к блокировке органами чувств информации, кажущейся незначимой или малозначимой; воспринимается только та информация, которая представляется человеку личностно-значимой. Поэтому настоятельной необходимостью является формирование у личности навыков и умений дифференциации информации, самостоятельной выработки критериев оценки информации, умения анализировать и интерпретировать разные точки зрения, создания четких способов отбора ценной информации. Это означает овладение общей системой способов ориентации в динамически изменяющихся потоках информации, алгоритмами поиска и аналитико-синтетической переработки, извлечения и оценки информации, преобразования найденной информации, а также формирование умения постоянно пополнять и достраивать свою личностную систему знаний.

В современных условиях разрастания информационной среды, увеличения объема информационного ресурса, необходимого для решения социальных и профессиональных задач, эффективность труда специалиста, возможность оперативного решения возникающих задач в большой степени определяются качеством информационного обеспечения, что в немалой степени зависит от навыков сбора, анализа и первичной обработки информации. В ситуации единого информационного пространства, при отсутствии знания иностранного языка современному специалисту доступен лишь минимум необходимой информации из переведенных книг, статей, докладов в интересующей его области знаний. Поэтому одним из основных условий успешной профессиональной деятельности современного специалиста является владение методами сбора, обработки, анализа и передачи информации на иностранном языке для получения новых сведений об изучаемом объекте. Следует уточнить, что речь должна идти не столько о регистрации поступающих в распоряжение специалиста фактов и сведений, сколько об их осмысленном и осознанном включении в систему и процесс личностной и профессиональной деятельности путем планомерного преобразования все возрастающего информационного потока в активные / пассивные навыки, умения и знание особенностей, механизмов и стратегий общения. Для того чтобы информацию, полученную на одном языке, передать средствами другого, нужно, во-первых, эту информацию понять и, во-вторых, суметь свое понимание изложить. В этих условиях знание иностранного языка подразумевает владение конкретными способами и средствами работы с информационными ресурсами на иност-

ранном языке, включая умение письменно оформлять и передавать информацию, воспринимать на слух и трансформировать большой объем информации. Следует учитывать, что между словами разных языков не существует взаимно-однозначного соответствия. Как правило, приходится выбирать один из нескольких вариантов, опираясь на контекст, что подразумевает развитую информационно-аналитическую компетентность специалиста.

Между тем анализ психолого-педагогической литературы и собственный опыт работы позволяют сделать вывод о том, что студенты в основной своей массе не обладают достаточными навыками оценки и обработки информационных знаковых систем и, как следствие, не умеют квалифицированно выделять главное в массиве информации, не видят проблем, не умеют ставить цели и задачи деятельности. В связи с этим важное место в подготовке будущих специалистов любого профиля в области изучения иностранного языка отводится формированию лингвистической компетенции. В содержании лингвистической компетенции, помимо знания системно-структурного аспекта языка, знания функционально-коммуникативного аспекта, правил построения речевых произведений как ориентировочной основы речевой деятельности, мы считаем необходимым ввести «владение методом лингвистического анализа, умение выделять определенные ступени в языке, способность обобщать основные единицы языка и пользоваться моделями при выделении внутренних свойств этих единиц, умение самостоятельно определять системные отношения между языковыми формами и переносить приемы анализа на новый материал» [5]. Следует подчеркнуть, что процесс освоения студентом иностранного языка предусматривает также формирование базисных знаний и умений комплексного использования различных каналов получения и семантической обработки информации в условиях быстрого изменения информационной среды. Существенную роль в усилении ориентации на активное обучение иностранному языку в вузе играет такая особенность современного образа жизни, как рост «живого» общения на иностранном языке через средства телекоммуникации. Цель межличностного общения у собеседников, как правило, одна – достичь взаимопонимания. Достижение взаимопонимания между иноязычными коммуникантами при решении профессиональных и личностных задач является прямым следствием их лингвопрофессиональной компетенции.

Чтобы выпускник вуза понимал и умел выделять профессионально и личностно важную информацию, необходимо в процессе изучения иностранного языка формировать навыки аналитической работы с текстом, что достигается соответствующей организацией перевода, реферирования, аннотирования и извлечения полезной информации из учебной и оригинальной литературы соответствующего профиля. Хотя основной формой перевода принято считать полный письменный перевод, однако в настоящее время все большее значение приобретает реферативный перевод, заключающийся в том, что на основе анализа исходного текста осуществляется переход от лексических единиц этого текста к более крупным единицам содержательного плана языка перевода с перефразированием исходного текста средствами языка перевода, что приводит к появлению нового свернутого текста, сохраняющего смысловое соответствие с исходным. Восприятие и анализ текста требует наличия у читающего навыков и умений овладения новым лексическим материалом, идентификации знакомой лексики, морфолого-синтаксических связей, определенных грамматических явлений. Результатом восприятия и анализа информации является понимание, которое в литературе определяется как сложный, многоуровневый процесс, включающий переработку информационных сигналов [7]. В результате усвоения всех уровней понимания в процессе обучения иноязычному чтению у студентов формируются элементы информационно-аналитической и коммуникативной компетенций, которые могут реализоваться в следующих видах: дискурсивная, иллокутивная, социолингвистическая, страноведческая, стратегическая, лингвистическая, грамматическая.

Современный образовательный процесс предполагает развитие у обучаемых творческих способностей. Подобное требование диктует необходимость работы студентов с информацией, накапливаемой по определенной системе в качестве справочного и подсобного материала, сигнальной информации, самостоятельно формируемой ими в виде творческой образовательной продукции. Стержнем самостоятельной работы студентов в процессе восприятия иноязычных текстов выступает продуктивная деятельность, на-

правленная на преобразование информации, необходимой для решения практических и творческих задач, постепенное овладение методикой самостоятельного поиска знаний через активное использование информационных технологий.

Развитию информационно-аналитической компетентности способствует и работа со словарями, справочниками, базами данных и другими источниками дополнительной информации. Такой вид организации языковой деятельности, как выделение ключевых слов текста или поиск информации по ключевым словам, формирует умение выделять в изучаемой информации важнейшие понятия и идеи; классифицировать факты, события и явления по определенным признакам; структурировать информацию по степени значимости.

При целенаправленной педагогической инструментовке эффективным средством развития «искусства вопрошания», формирования информационно-аналитической компетенции средствами иностранного языка является составление вопросов, преследующих различные информационно-познавательные цели, как-то: анализ текста с целью выделения ключевых моментов событий, рассмотрение возможных вариантов развития событий, установление связи между событиями. Целесообразно составление максимального количества вопросов, в том числе вопросов, позволяющих выходить за рамки текстуального изложения некоторого события или явления. В этом случае происходит углубление и расширение знаний, так как для того, чтобы придумать хороший вопрос, необходима основательная проработка материала по теме, внимательное изучение как основных, так и дополнительных источников информации (учебной и научной литературы, ресурсов Интернета и т.д.), что способствует развитию навыков комплексного использования различных каналов получения и вариативного преобразования учебной информации. Вырабатывается умение корректно формулировать свои информационные запросы, вести результативный поиск информации; обрабатывать и использовать информацию в соответствии с учебными и познавательными задачами. А это является одним из основных видов самостоятельной учебной работы студентов.

Информационная картина мира характеризуется тем, что на данном историческом этапе господствует конкретный набор информационных ресурсов и технологий. Поэтому обязательным условием, определяющим информационно-аналитическую компетентность специалиста, является квалифицированное владение современными информационными технологиями. Эффективным способом достижения этой цели в процессе изучения иностранного языка является создание соответствующей информационно-технической среды обучения, включение студентов в различные виды учебно-познавательной и практико-ориентированной деятельности с разносторонним использованием информационных технологий. Современные информационные технологии расширяют возможности образовательной среды как разнообразными программными средствами, так и методами развития креативности обучаемых. К числу таких программных средств относятся электронные учебники, моделирующие программы, интерактивные программы, поисковые, интеллектуальные обучающие, экспертные системы, программы для проведения деловых игр.

Широкие возможности для педагогически обоснованной организации аудиторной и самостоятельной деятельности студентов при изучении иностранного языка представляет Интернет, при помощи которого можно получить почти мгновенный доступ к большому количеству разнообразных источников информации, как-то: базовая информация на серверах, базы данных ведущих библиотек, музеев, научных центров высших учебных заведений, а также к каналам для переговоров и дискуссий в режиме реального времени. Взаимодействие с информацией, полученной из Интернета, требует от студента овладения определенными приемами работы по использованию поисковых систем и каталогов, пониманию структуры и логики построения информации. В процессе практической деятельности у студентов формируются следующие медиаобразовательные умения: находить информацию из разных источников по проблеме, систематизировать по заданным параметрам; видеть информацию в целом, отделяя все второстепенное и останавливаясь на главном; критически осмысливать полученную информацию, определяя цель информирования и выявляя собственную позицию; интерпретировать с учетом адресной направленности; визуальную информацию переводить в вербальную и наоборот; высказывать веские аргументы по альтернативным позициям; самосто-

ятельно представлять информацию в сети в соответствии с поставленными задачами, трансформируя в нужном направлении по объему, форме, знаковой системе и т.д.

Эффективная гуманитаризация образования невозможна без использования личностно-ориентированной, вариативной педагогики обучения, обеспечивающей стимулирование творческой деятельности в процессе обучения и индивидуализированной в зависимости от уровня подготовки, типа мышления и психологических особенностей студента. Применение информационно-коммуникативных технологий позволяет реализовать идеи индивидуализации и дифференциации обучения, что представляется особенно важным в условиях реформы профессионального образования. Современные учебные пособия, созданные на основе информационно-коммуникативных технологий, позволяют заметно увеличить информационный охват материала и расширить его функциональные возможности. Наиболее эффективны программные средства, обладающие интерактивностью (способностью взаимодействовать с пользователем), а также содержащие систему гиперссылок, позволяющую студентам самостоятельно выбрать свой вектор процесса познания в зависимости от личностных интересов и предпочтений студента, что позволяет в большей мере реализовать развивающую парадигму в образовании. Большой объем информации, раскрывающей различные виды взаимосвязи и взаимовлияний цивилизационных феноменов, учет личностных характеристик студентов, направленность на креативный характер, вариативность и индивидуализацию процесса обучения, позволяет рассматривать эти программы как одно из средств гуманизации и гуманитаризации образования.

Информационные технологии расширяют возможности диагностики уровня усвоения лингвистической информации. Разнообразные тестовые системы и оболочки позволяют индивидуализировать процесс оценки знаний студентов, развивают способность студентов к самооценке.

Таким образом, информационные технологии способны: стимулировать познавательный интерес к иностранному языку, придать учебной работе проблемный, творческий, исследовательский характер, во многом способствовать обновлению содержательной стороны изучаемого предмета, индивидуализировать процесс обучения и развивать самостоятельную деятельность студентов. Важными педагогическими задачами, которые решаются в результате использования новых информационных технологий в процессе обучения, являются: активизация учебной деятельности, повышение ее эффективности и качества; развитие культуры самостоятельной работы студентов, а также расширение сферы их самостоятельной деятельности в требуемых областях.

Библиографический список

1. *Елканова Т.М.* Концептуальная модель локальной гуманитарно-развивающей образовательной среды // Высшее образование сегодня. – 2009. – №7. – С. 56–59.

2. *Елканова Т.М.* Формирование информационно-аналитической компетентности в структуре общегуманитарного базиса образования // Высшее образование сегодня. – 2009. – №12. – С. 53–58.

3. *Елканова Т.М., Чеджемова Н.М.* Иностранный язык в структуре общегуманитарного базиса образования // Высшее образование сегодня. – 2009. – №9. – С. 57–58.

4. *Зимняя И.А.* Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня: Реформы, нововведения, опыт. – 2005. – №11. – С. 14–20.

5. *Полякова Т.А.* Формирование информационной культуры специалиста в системе высшего профессионального образования как социально-педагогическая технология: Автореф. дис. … канд. пед. наук / Московский государственный университет коммерции. – М., 1999. – 25 с.

6. *Татур Ю.Г.* Компетентность в структуре модели качества подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. – 2004. – №3. – С. 17–24.

7. *Шахова Н.И.* Вопросы обучения пониманию слов в процессе чтения // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сборник научных трудов / АН СССР; Каф. иностр. яз.; редкол.: Е.С. Троянская и др. – М.: Наука, 1976. – 262 с. – С. 124–140.

УДК 378:004.588

Ирхин Владимир Николаевич,
Варжавинова Светлана Ивановна
Белгородский государственный университет
varzhavinova@bsu.edu.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ АЛГОРИТМИЧЕСКИХ УМЕНИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

В данной статье на основе классификации алгоритмических умений, выделения этапов алгоритмической деятельности учителя предложен механизм определения уровней алгоритмических умений будущих учителей, анализируются полученные результаты.

Ключевые слова: *определение уровня алгоритмических умений, будущие учителя.*

Развитие общества на современном этапе требует значительного повышения качества подготовки специалистов. Одним из главных путей решения этой проблемы является формирование алгоритмической культуры будущих учителей в ходе их профессионально-педагогического обучения в вузе.

Новое качество обучения будущих учителей должно определять не только готовность к применению на практике уже известных способов решения педагогических проблем, но и способность к самостоятельному проектированию педагогических объектов и разрешению педагогических ситуаций. Профессионализм учителя выражается в умении видеть и формулировать педагогические задачи на основе анализа педагогических ситуаций и находить оптимальные способы их решения. Сущность алгоритмических умений, как компонента алгоритмической культуры, заключается в построении алгоритмических предписаний и схем, в анализе и коррекции действий по выполнению и составлению алгоритмов, что органично входит в процесс профессиональной подготовки студентов педвуза. Современный учитель, обладающий высоким уровнем алгоритмической культуры, оптимально использующий алгоритмические умения в своей профессиональной деятельности, – это профессионал, обучающий школьников не только основам наук, но и способам проектирования своей учебной деятельности. Подготовка такого учителя является главной задачей образовательного учреждения. Важно подчеркнуть, что возможности совершенствования работы учителя в значительной степени зависят от умения педагога целенаправленно управлять и анализировать мыслительную деятельность учеников.

Все сказанное выше актуализирует проблему формирования у будущих учителей алгоритмической культуры и ее важнейшего компонента – алгоритмических умений.

В.А. Сластёнин рассматривает педагогические умения как совокупность последовательно развертывающихся действий, часть из которых может быть автоматизирована, основанных на теоретических знаниях и направленных на решение задач развития гармоничной личности [2, с. 19–23].

На основе анализа работы В.Н. Ирхина и И.В. Ирхиной [1, с. 34–35] были классифицированы группы алгоритмических умений учителя на этапах подготовки и проведения урока:

– анализ педагогической ситуации (анализ реальных учебных возможностей учащихся, определение оптимального уровня трудности урока: количество новых учебных единиц, характер деятельности учащихся, уровень усвоения учебного материала);

– конструирование последовательности педагогических действий (расписания, графики контроля, требования к урокам, поурочно-тематический план) предполагает продумывание содержания предметной деятельности, т.е. решение вопроса о том, какие практические преобразования должны выполнить обучаемые, чтобы в их сознании актуализировать желательные мотивы;

– составление алгоритма деятельности (конспекты уроков, планы уроков и др. формы) складывается из умений: выявить способ действия, выделить основные элементы, из которых состоит данное действие; спланировать структуру выделенных действий, организовать поиск данных, записать алгоритм;

– реализация алгоритма (проведение урока) включает умение применять алгоритм в педагогической деятельности, осуществлять замысел запланированной ситуации;

– оценка результата алгоритмической деятельности (анализ урока) соответствует оценке и уче-

© Ирхин В.Н., Варжавинова С.И., 2011

ту собственных возможностей при реализации алгоритма.

С целью определения уровня сформированности алгоритмических умений будущих учителей в 2009 г. в Белгородском государственном университете был проведен констатирующий эксперимент, в котором приняло участие 64 студента филологического факультета четвертого курса по специальности «учитель русского языка и литературы». Экспериментальная работа проводилась в рамках часов, выделенных на изучение дисциплин предметной и методической подготовки будущего учителя в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта. Определение уровня алгоритмических умений будущих учителей включала в себя пять взаимосвязанных этапов, конечным результатом прохождения которых соответствовали три уровня готовности: высокий, средний и низкий.

Студентам были предложены электронные диагностические задания по каждой группе алгоритмических умений. Например, разработать план-конспект урока обобщения и систематизации знаний по русскому языку для 6-го класса по теме «Гласные в приставках *при-* и *пре-*». Необходимо было составить алгоритм своей педагогической деятельности в процессе урока, определить последовательность действий учеников и учащихся на каждом этапе данного урока и предложить анализ проведенного урока. Этапы алгоритмической деятельности включают: анализ педагогической ситуации, конструирование последовательности педагогических действий, составление алгоритма деятельности, реализация алгоритма, оценка результата алгоритмической деятельности.

1. Анализ педагогической ситуации. Диагностические задания: для составления плана-конспекта урока для 6-го класса по теме «Гласные в приставках *при-* и *пре-*» определить тип урока, задачи и цели урока.

Низкий уровень. У студента наблюдаются сложности по отбору содержания педагогической деятельности. Не соблюдена последовательность действий. Затрачено много времени на постановку образовательных задач.

Средний уровень. Прослеживается осознанное и самостоятельное (за исключением отдельных ситуаций) владение структурой педагогической ситуации. Затрачено достаточное количество времени на постановку образовательных задач. Однако есть сложности с выбором путей решения педагогической задачи.

Высокий уровень. Студент осознанно и самостоятельно владеет структурой педагогической ситуации. Затрачено оптимальное количество времени на постановку образовательных задач. Аргументированность выбора путей решения педагогической задачи.

2. Конструирование последовательности педагогических действий. Диагностические задания: конструирование этапов планируемого урока, определение целей каждого этапа, времени проведения.

Низкий уровень. Составлена неверная последовательность этапов урока. Затрачено много времени на описание этапов. Выбранные этапы не соответствуют типу урока.

Средний уровень. Верное определение этапов урока, но есть сложности по составлению последовательности данных этапов. Затрачено достаточное количество времени. Выбранные этапы соответствуют поставленным целям и типу урока.

Высокий уровень. Четкая последовательность действий по определению этапов урока. Затрачено оптимальное количество времени. Выбранные этапы соответствуют поставленным целям и типу урока.

3. Составление алгоритма деятельности. Диагностические задания: составление плана-конспекта урока, определение деятельности учащихся и учителя на каждом этапе урока.

Низкий уровень. Составление алгоритма осуществляется в неправильной последовательности. Затрачено много времени на проведение этапов. Наблюдается много излишних действий.

Средний уровень. Верно определено содержание материала, однако без внешней помощи конструирование своего алгоритма и действий не возможно. Только в сотрудничестве с преподавателем работа относительно успешна. Затрачено достаточное количество времени на отбор упражнений, методов, приемов педагогической деятельности. Выбранные методы соответствуют поставленным целям.

Высокий уровень. Четкая последовательность действий по определению содержания материала. Затрачено оптимальное количество времени на отбор упражнений, методов, приемов педагогической деятельности. Выбранные методы, средства соответствуют поставленным целям и типу урока.

4. Реализация алгоритма. Диагностические задания: проведение урока по составленному плану-конспекту урока.

Низкий уровень. Сложности по отбору материала педагогической деятельности. Затрачено много времени на отбор упражнений, методов, приемов педагогической деятельности. Наблюдается излишнее количество действий. Выбранные методы не соответствуют поставленным целям.

Средний уровень. Верно определены этапы урока, но есть сложности по составлению последовательности данных этапов. Затрачено достаточное количество времени. Выбранные этапы соответствуют поставленным целям и типу урока.

Высокий уровень. Самостоятельность и четкость последовательности действий. Затрачено оптимальное количество времени. Наблюдается умение оптимизировать логическую структуру учебного материала школьного курса. Использованы оптимальные формы и методы обучения.

5. Оценка результата алгоритмической деятельности. Диагностические задания: анализ проведенного урока.

Низкий уровень. Неумение оценивать собственные возможности при реализации алгоритма. При корректировке алгоритмических действий не соблюдена последовательность действий. Затрачено много времени на выполнение заданий.

Средний уровень. Студент оценивает и учитывает собственные возможности при реализации алгоритма. Умеет корректировать в определенной последовательности действия. Затрачено достаточное количество времени на выполнение заданий.

Высокий уровень. Студент четко осмысливает свою деятельность алгоритмической направленности, владеет способами коррекции своей алгоритмической деятельности в определенной последовательности действий. Затрачено оптимальное количество времени на выполнение заданий.

Определение уровня алгоритмических умений будущих учителей осуществлялась по следующим показателям: владение совокупностью действий, необходимых для осуществления алгоритмической деятельности; степень осознанности алгоритмических действий; степень самостоятельности осуществления алгоритмических действий.

Кроме того, ориентируясь на мнение В.А. Сластёнина, в качестве единиц измерения каждого умения мы взяли следующие из них: 1) количество действий, выполняемых учителем при использовании того или иного умения; 2) последовательность действий; 3) качество выполнения каждого действия; 4) время, затраченное на выполнение заданий [2, с. 23–25].

Для доказательства неэффективности сложившейся в вузе системы формирования алгоритмических умений будущих учителей были использованы два метода статистической проверки гипотез: критерий f-Фишера и t-критерий Стьюдента. Названные статистические методы применяются для обработки качественных данных. В результате для оценки уровня выполнения заданий были определены нулевая и альтернативная гипотезы для уровня значимости α=0,05. H_0: нулевая гипотеза гласит, что разница между теоретическими и экспериментальными частотами носит случайный характер. H_1: альтернативная гипотеза гласит, что разница между эмпирическими и теоретическими частотами закономерна и обусловлена воздействием независимой переменной. В ходе обработки результатов эксперимента были определены отклонения экспериментальных частот от теоретических. Эти отклонения являются статистически достоверными и превосходят табличные, поэтому нулевую гипотезу следует считать опровергнутой (табл. 1). Результаты проведенного исследования в целом свидетельствуют о низком уровне сформированности алгоритмических умений студентов и их недоста-

Таблица 1

Определение уровней алгоритмических умений

Показатели	Количество студентов (%)		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Анализ педагогической ситуации	35,11	43,62	21,27
Конструирование последовательности педагогических действий	38,30	53,19	8,51
Составление алгоритма деятельности	67,02	26,60	6,38
Реализация алгоритма деятельности	60,64	35,11	4,25
Оценка результата алгоритмической деятельности	76,60	18,09	5,31

точной осведомленности в области алгоритмизации педагогической деятельности. В процессе выполнения педагогических задач у студентов возникали сложности с анализом педагогической ситуации, выявлялось неумение соотнести обучающие задачи с типом урока. Наблюдалось незнание теоретических основ алгоритма составления плана-конспекта урока, в частности, многие студенты не смогли правильно определить очередность этапов данного занятия. На самом низком уровне сформированности оказалась группа умений по составлению алгоритма деятельности как учителя, так и учащихся: неумение выделять основные элементарные действия, из которых состоит конкретная педагогическая деятельность.

Также достаточно низкий уровень имеет группа умений по анализу результата алгоритмической деятельности (анализ урока): неумение оценивать собственные возможности при реализации алгоритма, несоблюдение последовательности действий при корректировке алгоритмических действий.

Полученные результаты, на наш взгляд, можно объяснить следующими обстоятельствами. Формирование алгоритмических умений студентов осуществляется только в рамках базовой дисциплины «Программирование» и «Информационные технологии в обучении», что является недостаточным для формирования необходимого уровня алгоритмической культуры будущих учителей в условиях развития информационного общества. В научной литературе вопросы формирования алгоритмической культуры студентов поднимались мало. Исключение составляют исследования, посвященные проблеме алгоритмической подготовки будущих учителей математики и учащихся средних и старших классов. При этом, как отмечает А.А. Шрайнер, возникают следующие трудности: низкий уровень информационной подготовки учащихся в школе, небольшое количество часов, выделенное Государственным образовательным стандартом высшего образования на изучение курса математики и информатики [3, с. 22–39]. Это приводит к тому, что большинство студентов имеет недостаточный уровень алгоритмической культуры для успешного обучения и для плодотворной работы в учебно-профессиональной деятельности.

Все сказанное выше вызывает необходимость разработки и реализации технологии формирования алгоритмических умений студентов, что позволит будущим учителям творчески решать сложные педагогические задачи.

Библиографический список

1. *Ирхин В.Н., Ирхина И.В.* Урок и здоровье школьников. Учебное пособие. – Тирасполь Изд-во Приднестровского ун-та, 2009.

2. *Сластёнин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н.* Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002.

3. *Шрайнер А.А.* Повышение качества математического образования учащихся посредством формирования и развития их алгоритмической культуры: Дис. … канд. пед. наук: 13.00.02. – Новосибирск, 1997.

УДК 802.0(07)

Курбеева Ирина Александровна
Вологодский институт развития образования
kuririn@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Данная статья посвящена проблеме формирования универсальных учебных действий (личностных, регулятивных, познавательных и коммуникативных) в обучении английскому языку младших школьников на основе цифровых образовательных ресурсов.

Ключевые слова: *цифровые образовательные ресурсы, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), универсальные учебные действия (личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные).*

На современном этапе развития начального иноязычного образования, в связи с введением стандартов второго поколения, кардинально изменились требования к результатам обучения английскому языку. Кроме предметных результатов знаний, умений и навыков, обязательными являются метапредметные результаты. Или, иными словами, ***универсальные учебные действия***, такие как умение формулировать цели, планировать собственные действия, осуществлять самоконтроль и самооценку и т. д.

Концепция развития универсальных учебных действий была разработана группой авторов (А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская, О.А. Карабанова, Н.Г. Салмина и С.В. Молчанов) на основе системно-деятельностного подхода (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.Г. Асмолов). В широком значении термин «универсальные учебные действия» означает умение учиться, т.е. «способность субъекта к саморазвитию и самосовершенствованию путём сознательного и активного присвоения нового социального опыта» [2]. В более узком значении он определяется как совокупность способов действий младших школьников, обеспечивающих самостоятельное усвоение новых знаний, формирование умений, включая организацию процесса.

В соответствии с ключевыми целями начального общего образования выделяют следующие основные виды универсальных учебных действий: личностные, регулятивные, познавательные и коммуникативные. Остановимся подробнее (см. табл. 1) на сущности вышеуказанных УУД и их компонентах, учитывая при этом специфику предмета «Иностранный язык».

Широкие возможности, на наш взгляд, для формирования универсальных учебных действий дают информационно-коммуникационные технологии, среди которых цифровые образовательные ресурсы (ЦОР) занимают важное место. В документах, посвященных проекту «Информатизация системы образования» по разработке и применению в учебном процессе учебных материалов нового поколения, понятие **«цифровой образовательный ресурс»** определяется как «совокупность данных в цифровом виде, применимая для использования в учебном процессе» [7]. При этом **простой ЦОР** (элементарный ЦОР) – ЦОР, пригодный для использования как единое целое и не допускающий деления на отдельные элементы, которые могли бы использоваться самостоятельно.

Е.В. Муковникова рассматривает цифровой образовательный ресурс как «совокупность взаимосвязных учебных объектов:

– символьных объектов (знаки, символы, тексты, графики);

– образных объектов (фото, рисунки);

– аудиоинформации (устные тексты, диалоги, музыка);

– видеообъектов (анимации, модели, видеосюжеты);

– объектов «виртуальной реальности» (тренажеры, интерактивные модели, конструкторы)» [4].

В своём исследовании Р.М. Чудинский [9] подчёркивает, что цифровые образовательные ресурсы должны быть жестко привязаны к конкретному учебнику по соответствующему предмету и сопровождаться соответствующей методической поддержкой.

Таким образом, под ***цифровым образовательным ресурсом*** мы будем понимать цифровой содержательный модуль, состоящий из про-

 © Курбеева И.А., 2011

Таблица 1

№ п/п	УУД	Компоненты УУД	Содержание с учётом специфики предмета «Иностранный язык»
1.	*Личностные*		
		Действия в личностном самоопределении.	формирование Я-концепции и социализация школьника.
		Действия смыслообразования	установление обучающимся связи между результатом учебной деятельности по овладению ИЯ и тем, что побуждает эту деятельность (мотивы).
		Действия нравственно-этической ориентации	оценка того, что младший школьник слышит, читает на иностранном языке, и того, что говорит и пишет сам, исходя из нравственных ценностей.
2.	*Регулятивные*		
		Действия целеполагания	постановка учебной (коммуникативной, познавательной, игровой) задачи на основе соотнесения того, что уже известно и усвоено обучающимся, и того, что еще неизвестно.
		Действия планирования	определение последовательности промежуточных целей с учетом конечного результата (способности использовать ИЯ как средство общения), умение действовать по предложенному плану и самостоятельно планировать свою деятельность.
		Действия прогнозирования	вероятностное прогнозирование при восприятии текстов в процессе аудирования и чтения, а также предвосхищение результатов своей деятельности по овладению ИЯ.
		Действия контроля	сличение результата своих речевых действий и деятельности в целом с заданным эталоном – образцом с целью обнаружения отклонений и отличий от эталона, т. е. умение контролировать процесс и результаты своей деятельности в сотрудничестве с педагогом, сверстниками или с помощью компьютера.
		Действия коррекции	внесение необходимых корректив в свои действия речепорождения (при говорении и письме) и речевосприятия (при аудировании и чтении) в случае расхождения речевого действия и заданного эталона-образца, т. е. умение видеть ошибку и исправлять её как с помощью (педагога, родителя, компьютера), так и без.
		Действия оценки	осознание обучающимся того, как хорошо он научился говорить, понимать иноязычную речь на слух, читать и писать на иностранном языке, на каком уровне он находится, чем ещё предстоит овладеть и чему научиться, чтобы пользоваться ИЯ как средством общения.
		Действия саморегуляции	умение сосредоточиться на выполнении речевых действий, умение проявить волевое усилие и настойчивость для достижения целей, для преодоления неудач или когда что-то не получается с первого раза при устном или письменном общении на иностранном языке.

Продолжение таблицы 1

3.	*Познавательные*		
	Общеучебные:	Действия по самостоятельному выделению и формулированию познавательной задачи.	умение самостоятельно выделить и сформулировать познавательную задачу в процессе ознакомления с языковыми средствами иноязычного общения.
		Действия по поиску и выделению необходимой информации	поиск и выделение информации при аудировании и чтении на иностранном языке, при выполнении проектной деятельности, связанной с освоением нового языка, поиск информации с помощью компьютера
		Действия по выбору языковых средств	умение выбирать языковые средства в зависимости от конкретных ситуаций иноязычного общения
		Действия, связанные с рефлексией деятельности	умения, связанные с контролем и оценкой процесса и результатов иноязычной речевой деятельности
		Действия смыслового чтения	осмысление цели чтения и выбора вида чтения в зависимости от коммуникативной задачи; извлечение необходимой информации из прослушанных текстов различных жанров; определение основной и второстепенной информации; формулирование проблемы и главной идеи текста
	Знаково-символические	Действия моделирования	объект освоения преобразуется из чувственной формы в модель (пространственно-графическую или знаково-символическую)
			модель речевого образца преобразуется с целью выявления законов или правил языка
			наглядные модели (таблицы, схемы) используются для решения учебных задач (речевых, познавательных) и задач обобщения
			декодировка информации из принятой в УМК символики: символы для обозначения вида речевого умения (слушаем, читаем, говорим, пишем) и формы работы (индивидуально, в парах, группах)
	Логические: действия связанные с	анализом	умение анализировать объекты усвоения (языковые и речевые) разного уровня
		синтезом	составление целого из частей; самостоятельное достраивание предложений или текста с восполнением недостающих компонентов
		выбором оснований, критериев для сравнения, сериации и классификации объектов	умение самостоятельно выбирать критерии для классификации объектов усвоения (например, когда обучающийся выписывает в разные столбики: существительное – глагол; глагол – наречие и т. д.)
		самостоятельным выведением правил	умение самостоятельно выводить правила построения иноязычной речи
		установлением причинно-следственных связей	умение устанавливать причинно-следственных связи при аудировании и чтении текстов на иностранном языке.
		доказательством своей точки зрения	умение доказывать свою точку зрения при устном или письменном общении на иностранном языке

Продолжение таблицы 1

		выдвижением гипотез и их обоснованием	умение выдвигать и обосновывать гипотезы в процессе аудирования, говорения, чтения и письма
	Действия постановки и решения проблемы	формулирование проблем и самостоятельное создание способов их решения	умение формулировать проблемы творческого и поискового характера и самостоятельное создание способов их решения в процессе овладения иностранным языком как средством общения.
4.	*Коммуникативные*		
	Действия, направленные на интеракцию (взамодействие)	планирование учебного сотрудничества	умение планировать сотрудничество со сверстниками и учителем на иностранном языке (определение цели, функций участников, а также способов их взаимодействия).
	Действия, направленные на кооперацию (согласование усилий)	постановка вопросов разного рода	умение ставить вопросы разного рода в рамках парной и групповой работы: • в процессе освоения языковых средств общения (фонетических, лексических, грамматических); • в процессе деятельности иноязычного общения при аудировании, говорении, чтении и письме; • в процессе инициативного сотрудничества в поиске и сборе информации.
		разрешение конфликтов	выявление, идентификация проблемы, поиск и оценка альтернативных способов разрешения конфликта, принятие решения и его реализация
		управление поведением партнера по иноязычному общению	контроль, коррекция, оценка речевых действий партнера на иностранном языке в рамках парной и групповой работы
	Действия, направленные на интериоризацию (речевые действия, служащие средством коммуникации)	умение с достаточно полнотой и точностью выражать свои мысли на иностранном языке	владение монологической и диалогической формами речи в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами иностранного языка

простотой использования, не требующей специальных навыков программирования.

Пример:

Цель – формирование личностных (самооценки и смыслообразования), познавательных (логических) и регулятивных (контроля и коррекции) универсальных учебных действий.

Fill in the gaps, then press «Check» to check your answers.

На экране появляется текст с пропусками (см. рис. 1). Обучающимся предлагается самостоятельно восполнить недостающие компоненты текста (*логические универсальные учебные действия:* ***операция синтеза)*** – впечатать в поля ввода недостающие слова. Кроме того, на данстых взаимосвязанных учебных объектов, поддерживающий изучение какого-либо конкретного фрагмента соответствующей учебной темы по английскому языку, жестко привязанный к конкретному учебнику и сопровождающийся соответствующей методической поддержкой.

Приведём теперь пример использования цифровых образовательных ресурсов в учебном процессе в младших классах с целью формирования универсальных учебных действий. В качестве основы для проектирования ЦОР по английскому языку для младших школьников нами была использована инструментальная программные среда Hot Potatoes. Выбор данного продукта связан с широкими возможностями и одновременно

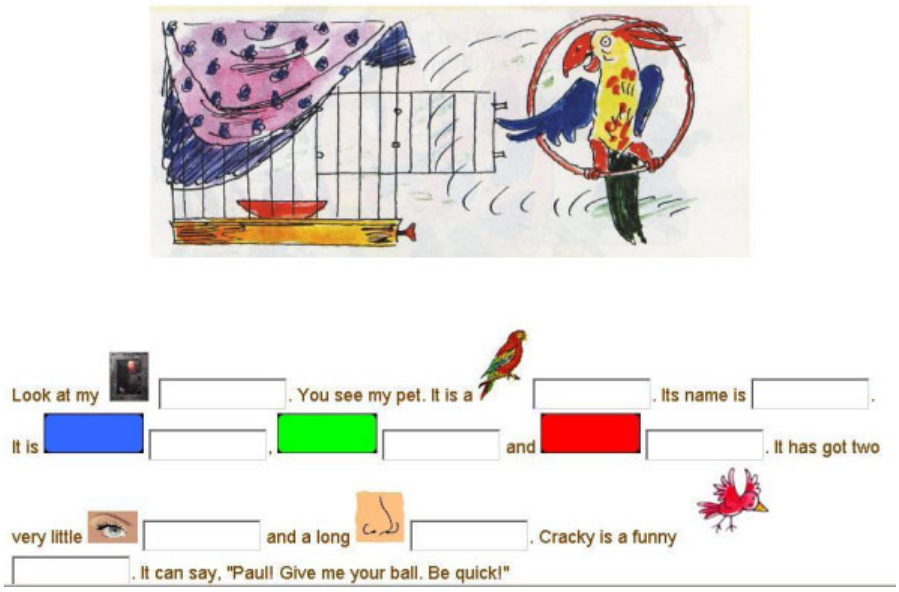

Рис. 1.

ном этапе отрабатывается *операция актуализации графической формы слова на основе его зрительного образа,* ***продуктивный аспект***. Выполнив, задание ребёнок нажимает кнопку «Check».

Если задание выполнено верно (см. рис. 2), то на экране появляются Весёлые Колокольчики, которые говорят: «Correct! Well done! Your score is 100%» (формирование *регулятивных универсальных учебных действий* – ***действий контроля***).

Если при выполнении задания школьник допустил ошибки (см. рис. 3), то на экране появляется поросёнок Фунтик и говорит: «Your score is 55%. Some of your answers are incorrect». У ребёнка появляется возможность внести необходимые коррективы в свои действия речепорождения и исправить ошибки без помощи взрослого (формирование *регулятивных универсальных учебных действий* – ***действий коррекции***).

Рис. 2.

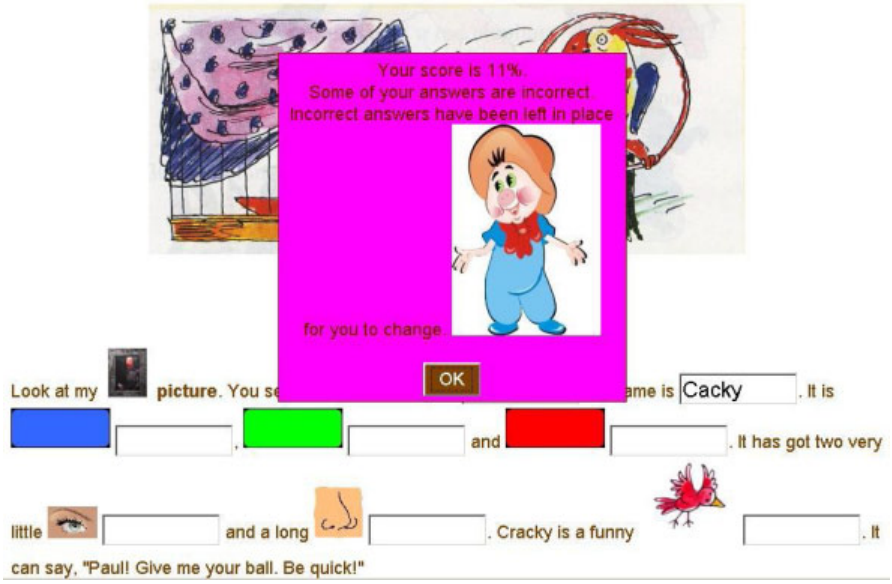

Рис. 3.

При выполнении вышеуказанного упражнения создаются также условия для:

1) адекватной оценки, не затрагивающей личности самого ребёнка;

2) положительной обратной связи;

3) формирования адекватных реакций обучающихся на неуспех и поощрение. Иными словами, формируются *личностные универсальные учебные действия* ***(действия самооценки).***

Кроме того, формируется положительная мотивация младших школьников к изучению английского языка, а значит, формируются *личностные универсальные действия – действия* ***смыслообразования.***

Цифровые образовательные ресурсы с целью формирования УУД в обучении английскому языку младших школьников использовались при различных организационных условиях: как на уроках (для фронтальной индивидуальной / парной / групповой работы), так и для самостоятельной работы обучающихся дома. Анализ реакций и поведения младших школьников убедили нас в правильности избранного пути. Удивление, восхищение, неподдельный интерес к содержанию урока – вот лишь некоторые проявления эмоционального воздействия ЦОР на младших школьников. Работа с ЦОР позволила усилить мотивацию учения, что подтверждается результатами анкетирования обучающихся по методике Н.Г. Лускановой. Снизился уровень школьной тревожности (на 19%) и повысилась успеваемость младших школьников (до 94%). Кроме того, полученные в ходе диагностического исследования (по методикам Г.В. Репкиной и М. Ступницкой) данные свидетельствуют о повышении уровня сформированности у обучающихся системы универсальных учебных действий.

Таким образом, использование цифровых образовательных ресурсов, являясь актуальным ответом на требования ФГОС нового поколения, способствует эффективности обучения английскому языку младших школьников.

Библиографический список

1. *Биболетова М.З., Трубанёва Н.Н.* Особенности итоговой оценки достижений планируемых результатов по английскому языку в начальной школе // Иностранные языки в школе. – 2010. – №5. – С. 6–11.

2. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2008. – 151 с.

3. *Копылова В.В.* Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования: назначение, структура, требования // Иностранные языки в школе. – №5. – 2010. – С. 2–6.

4. *Муковникова Е.В.* Эффективное использование цифровых образовательных ресурсов на уроке английского языка // Первое сентября. Английский язык. – 2008. – №4. – С. 4–7.

5. *Никитенко З.Н.* Формирование универсальных учебных действий – приоритет начального иноязычного образования // Иностранные языки в школе. – 2010. – №6. – С. 4–9.

6. Планируемые результаты начального общего образования / Л.Л. Алексеева, М.З. Биболетова и др.; под ред. Г.С. Ковалёвой, О.Б. Логиновой. – М.: Просвещение, 2009. – 120 с. (Стандарты второго поколения).

7. Регламент описания ресурсов (Спецификация метаданных и транспорта цифровых образовательных ресурсов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://school-collection.edu.ru/files/materials/83/regulation_metadata.doc (дата обращения 25.09.2010).

8. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. – М.: Просвещение, 2009. – 59 с. – (Стандарты второго поколения).

9. *Чудинский Р.М.* Цифровые образовательные ресурсы (ЦОР) в современной системе средств обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.universitys.ru/j/images/stories/nir/4/chydinsky2.pdf (дата обращения: 05.11.2010).

УДК 378

Маренцева Елена Сергеевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ПРОЦЕССА САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматривается специфика организации экспериментальной работы по педагогической поддержке процесса самореализации студентов в условиях образовательной среды университета. Обозначены некоторые результаты опытно-экспериментальной работы. Представлена программа педагогической поддержки студентов в процессе самореализации.

***Ключевые слова**: педагогическая поддержка, самореализация, самоуправление, инструктивно-методический сбор, мастер-классы.*

Для оценки эффективности применяемых форм и методов педагогической поддержки процесса самореализации студентов в образовательной среде университета нами проводилась комплексная диагностика, в которой приняли участие студенты 1–5 курсов художественно-графического факультета (118 человек) (экспериментальная группа), и 1–5 курсов филологического факультета (110 чел.) (контрольная группа) Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Группы характеризовались примерно равными показателями по возрасту, социальному происхождению, образованию.

На художественно-графическом факультете была создана система студенческого самоуправления, задачами котором являлись: формирование общественной активности и гражданской позиции студентов, развитие самостоятельности, творчества и инициативы, создание условий для самовыражения, самоутверждения и самореализации каждой личности через предоставление широкого выбора направлений и видов деятельности, создание условий для развития гуманистических взаимоотношений студентов и педагогов.

Традиционно факультет наполняют различные студенческие сообщества: музыкальные объединения, редколлегия газеты, творческие группы по театральным постановкам, художественные мастерские. Разработанный модуль художественно-эстетического воспитания не просто позволяет каждому студенту найти площадку для самореализации, но и дает возможность студенту реализовать право на свободный, самостоятельный выбор своей стратегии развития. В результате нашей опытно-экспериментальной работы занятость студентов в деятельности творческих объединений увеличилась на 24,6% и составила в целом 87%.

Благодаря предоставленным факультетом возможностям для самореализации студентов, оказанию педагогической поддержки в этом процессе, студенты получили больше свободы для самовыражения, позитивного самоутверждения, творчества, положительных эмоций. В результате чего у них формировались чувства уверенности в себе, ощущение своей значимости, являющиеся опорой для зрелой, социально успешной личности.

© Маренцева Е.С., 2011

Последние несколько лет учебный процесс для студентов первого курса начинается с инструктивно-методического сбора, проводимого преподавателями кафедр факультета с привлечением студентов – старшекурсников – кураторов учебных групп. В ходе сбора происходит формирование у студентов представлений о профессии, факультете, специальности, установки на активное включение в учебный процесс и общественную жизнь факультета; осуществляется проблематизация первокурсников по профессионально-деятельностному основанию на базе самодиагностики и самопознания, создаются ситуации для осознания студентами собственных потенциалов в профессиональной деятельности. В процессе инструктивно-методического сбора организуется включение студентов в коллективно-творческую и организаторскую деятельность; происходит знакомство с факультетом, профессией, специальностью; формирование положительного микроклимата в студенческих группах, интенсификация процессов коллективообразования.

Программа инструктивно-методического сбора довольно насыщена. Основными формами проведения учебных занятий в процессе инструктивно-методического сбора являются: практикумы, мастер-классы, пресс-конференции с преподавателями, авторские консультации художников. В программу учебно-практических занятий включается содержание, которое способствует подготовке студента к студенческой жизни, позволяет сформировать начальные прикладные навыки, необходимые в будущей деятельности на факультете.

На первом курсе для студентов организуются различные мастер-классы, практические занятия, которые проводят педагоги факультета. Задача этого курса:

– определение и развитие интересов студента, проба сил в разных направлениях деятельности (учебная, научная, творческая и др.);

– самоопределение студента, выбор дальнейшего пути, профиля обучающей программы на основе интересов и способностей;

– углубление и расширение знаний по одному из направлений (чаще всего у преподавателя, с которым работал на начальном этапе);

– выбор дальнейшего пути (завершение занятий или дальнейшее продвижение);

– индивидуальное совершенствование знаний, способов деятельности.

На художественно-графическом факультете подготовка педагогов к осуществлению педагогической поддержки самореализации студентов осуществляется за счет организации и проведения курсов по выбору, профессиональных проб; координации деятельности субъектов педагогической поддержки; проведении комплексных исследований проблем студентов; проблемного обсуждения среди педагогов процесса реализации намеченных планов и совместные экспертизы результатов проделанной работы; привлечения специалистов для оказания помощи студентам по решению их проблем; экспертизы курсов по выбору, проектов, пособий, условий образовательной деятельности, профессиональной деятельности преподавателей.

В ходе опытно-экспериментальной работы мы провели исследование ситуаций, в которых студенты нуждаются в поддержке взрослых. Результаты показали, что это, прежде всего, ситуации положительных эмоциональных переживаний, а не негативных, как чаще всего считают взрослые (средний балл – 1,5; собственные негативные переживания, связанные с учебой – 1,46; ситуации выбора – 1,42; желание самореализоваться в каком либо виде социально-приемлемой детельности– 1,39; построение планов на будущее – 1,31 и преодоление себя, своей лени – 1,27). Таким образом, среди препятствий студенты выделили вид «Я-препятствия», связанные с субъективными личностными трудностями или проблемами, как эмоциональными, когнитивными и поведенческими, так и материальные препятствия. Целевые программы «Комфортная образовательная среда», «Профессиональное развитие», программы психологического сопровождения образовательного процесса «Абитуриент», «Социально-психологическая адаптация», направлены на оказание педагогической поддержки студентам в процессе самореализации. Программа «Абитуриент» предназначена для педагогической поддержки поступающих на факультет и предусматривает диагностику профессиональной направленности, мотивации достижений, сформированности профессионального плана, склонности и уровня возможности овладения выбранной специальностью. Ее цель – правильно сориентировать абитуриента на этапе профессионального выбора, предупредить возникновение возможных трудностей в обучении. Изучение личностных особенностей, прогнозирование успешнос-

ти обучения, хода адаптации, оказание помощи студентам, кураторам, родителям в процессе взаимной адаптации предусматривает программа «Социально-психологическая адаптация». Программа «Комфортная образовательная среда» направлена на профилактику неуспеваемости, определение ее психологических причин, наличия предрасположенности к различным видам зависимостей, создание комфортных условий для личностно-профессионального роста и студентов и преподавателей.

Педагогическую поддержку студентов в процессе самореализации предусматривает программа «Профессиональное и личностное развитие». Диагностическое направление оценивает сформированность профессионально-значимых качеств, определяет ценностные ориентации и творческий потенциал будущего специалиста, уровень удовлетворенности полученным образованием. Педагогами художественно-графического факультета проводятся занятия «Разработка жизненного сценария профессионала», кураторы учебных групп организуют встречи «Трудности на пути овладения профессией» с целью профилактики возможных трудностей в процессе обучения, с целью формирования делового имиджа специалиста. Это позволяет студентам уже во время обучения с большей уверенностью смотреть в будущее. В эту программу включены: недели специальностей, проведение научно-практических конференций по проблемам развития различных отраслей науки, встречи с выпускниками факультета – интересными людьми, заслуженными художниками и скульпторами, экскурсии на профессиональные выставки, современное производство, работа творческих лабораторий преподавателей, результатом деятельности которых являются выставки технического творчества, конкурсы профессионального мастерства, участие в предметных олимпиадах.

Таким образом, целевые программы «Комфортная образовательная среда», «Профессиональное развитие», «Я могу быть успешен», направлены на оказание педагогической поддержки студентам в процессе самореализации и психологическое сопровождение образовательного процесса.

Библиографический список

1. *Александрова Е.А.* Педагогические поддержка и сопровождение культурного самоопределения // Социально-педагогические проблемы ценностного самоопределения личности: всероссийская научно-практическая конференция. – Ульяновск: УлГПУ, 2005. – С. 201–205.

2. *Бедерханова В.П.* Педагогическая поддержка индивидуализации личности в процессе образования // Психологические проблемы самореализации личности: Сборник научных трудов. – Краснодар, 1998. – С. 50–55.

3. *Бордовский В.А.* Методы педагогических исследований инновационных пространств в школе и вузе: Учеб.-метод. пособие – СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. – 189 с.

4. *Крылова Н.Г.* Самореализации личности учащегося как форма и путь его развития // Проблемы гуманизации учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной школе: Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.С. Дежникова, А.Р. Лопатин. – М.; Кострома: ГосНИИ семьи и воспитания, 2004. – С. 94–97.

УДК 355.34:37.032

Митрахович Вячеслав Александрович
Санкт-Петербургский военный инженерно-технический институт
Военной академии тыла и транспорта
м_mitrakhovich@mail.ru

КРИТЕРИИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЫ

В статье раскрываются критерии и уровни сформированности профессионализма у военнослужащих контрактной службы.

Ключевые слова: *профессионализм, военнослужащий контрактной службы, критерии и уровни сформированности профессионализма.*

Современное строительство профессиональной армии, комплектование её военнослужащими-контрактниками, остро проявило проблему формирования профессионализма у военнослужащих указанной категории. Анализ военно-педагогической практики в войсках, в различного вида военно-учебных заведениях показывает, что профессионализацию военнослужащих, проходящих контрактную военную службу на должностях солдат и сержантов, целесообразно проводить в условиях самого воинского социума. Поэтому определение научно-обоснованных критериев оценки и уровней сформированности профессионализма поможет командирам и начальникам всех управленческих звеньев правильно и эффективно строить педагогический процесс в воинском подразделении.

Профессионализм военнослужащего контрактной службы – это интегральная личностная характеристика, определяющая продвижение военнослужащего-контрактника к собственной вершине в воинском труде, формирующаяся в процессе его военно-профессиональной деятельности в условиях воинского социума и как результат имеющая целостное развитие личности военнослужащего-контрактника, воина-профессионала, постоянно самосовершенствующегося в своей военно-профессиональной деятельности, высокоэффективно, творчески и на высоком уровне осуществляющего свой воинский труд в любых условиях и ситуациях.

Профессионализм военнослужащего-контрактника, являясь свойством конкретного воина-профессионала и полностью отражая его индивидуальность, субъектность, одновременно реализуется как качество «надындивидуальное», поскольку формируется под воздействием воинского социума, его педагогического потенциала, с учётом профессиональных требований всей системы воинской службы и обеспечивает её воспроизводство, сохранение и развитие в воинском социуме. В этом случае можно говорить об индивидуальном и групповом развитии военного профессионализма.

Основными функциями, которые выполняет профессионализм военнослужащего-контрактника среди других качеств, свойств личности и социальных явлений в воинском социуме, являются: *преобразовательная*, характеризующая процессуальную сторону внешнего проявления профессионализма военнослужащих-контрактников в данной системе отношений и отвечающая за процесс преобразования субъекта воинского труда; *результативная* функция, характеризующая результативную сторону внешнего проявления профессионализма военнослужащих-контрактников в данной системе отношений; *нормативная* функция, ориентированная на обеспечение решения военно-профессиональной задачи по производству, сохранению и развитию нормативно одобряемого способа военно-профессиональной деятельности, её развития за счёт индивидуального обогащения; *ценностно-смысловая* функция, определяющая роль ценностей и смыслов военного профессионализма военнослужащего-контрактника; *коммуникативная* функция, обеспечивающая реализацию действий, связанных с осуществлением повседневных отношений военного профессионала в воинском коллективе и вне его, создание необходимых информационных потоков в процессе выполнения военно-профессиональной деятельности. В своей совокупности указанные функции профессионализма отражают процесс продвижения военнослужащего-контрактника к собственной вершине в воинском труде.

Выделение функций позволяет нам определить в структуре профессионализма военнослужащего контрактной службы его структурные

© Митрахович В.А., 2011

компоненты. Так, результативная и нормативная функции позволяет обнаружить *деятельностный* компонент – владение собственно военно-профессиональной деятельностью на достаточно высоком уровне, способность проектировать своё дальнейшее профессиональное развитие. Функции преобразовательная, ценностно-смысловая и коммуникативная позволяют обнаружить *личностный* компонент профессионализма военнослужащего-контрактника как главного субъекта военно-профессионального труда, определяя его сущность и соответствие высокому призванию быть системообразующим приоритетом во взаимосвязях всех компонентов профессионализма военнослужащего-контрактника. Функции коммуникативная и нормативная позволяют определить *коммуникативный* компонент – основанное на принятом в воинском социуме нормативном взаимодействии военнослужащего-контрактника с другими военнослужащими, в процессе выполнения служебно-боевых задач военно-профессиональной деятельности и обеспечивающими ему взаимосвязи в воинском коллективе, познание, обмен информацией или удовлетворение своих профессионально-жизненных потребностей.

Все отмеченные нами структурные компоненты взаимосвязаны. В целостном единстве они призваны выполнять функции профессионализма. Их знание позволяет представить как полифункциональную характеристику профессионализма военнослужащего-контрактника. Понимание военнослужащим всех компонентов помогает ему определить тот перечень знаний, который востребован практикой интегративного знания и, используя которое, он сможет продуктивно решать проблему продвижения к собственной вершине в воинском труде.

Проблема критериев и показателей выраженности профессионализма достаточно широко представлена военными и гражданскими учёными. Практическая же сложность оценивания заключается в том, *что* выделить в качестве основания для выделения критериев и показателей их выраженности, и каким образом дать объективную оценку профессионализма воина. Выбор критериев является важнейшим этапом продвижения военнослужащего-контрактника к собственной вершине в воинском труде, подготовки настоящего профессионала, способного выполнять боевые задачи.

Определение уровня профессионализма позволяет создать не только оптимальную модель («портрет») профессионального военнослужащего контрактной службы, но и объективно, всесторонне оценить все его стороны, в том числе и результаты.

Анализ справочной и энциклопедической литературы [7, с. 654; 4, с. 263] определяет критерий (от греч. criterion – средство для суждения) как признак, на основании которого проводится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило суждения, оценки. Критерий выражает сущностные характеристики изменения в развитии объекта или знание предела, полноты проявления его сущности в конкретном выражении. Критерий объективен, ибо он предстаёт, как обнаруженная сущность. Показатель же выступает по отношению к критерию как частное к общему, то есть каждый критерий включает группу показателей, которые качественно и количественно характеризуют объект.

Критерии и показатели выражают закономерности возникновения предмета или явления, его строения, функционирования и развития, а поэтому обладают устойчивостью при многократном измерении в данном отрезке времени.

Различают качественные и количественные показатели, где первые фиксируют наличие или отсутствие измеряемых свойств, признаков, сторон и т.п., а вторые – меру их развития и выраженности. Нормативные показатели служат ориентирами в исследовании. Аналитические – отражают отношения, зависимость между несколькими одноуровневыми или разноуровневыми исследуемыми свойствами, сторонами предмета.

Анализ научной литературы, руководящих документов органов военного управления, войсковая практика позволяет выделить следующие критерии профессионализма военнослужащих контрактной службы: военно-профессиональная деятельность; повседневные отношения; личностно-профессиональное развитие; оптимизация всех сторон воинского труда; совокупные результаты воинского труда. Выделенные критерии свидетельствуют, что профессионализм можно рассматривать как системное качество деятельности, характеризующее требуемый и реализуемый индивидом уровень её продуктивности, успешности, и как системное качество её субъекта, отражающее его возможности достичь и реализовать заданные нормативы деятельности.

Таким образом, проведённый анализ ориентирует нас на системно-целостное и в то же время конкретное оценивание критериев и показателей выраженности профессионализма военнослужащего-контрактника с точки зрения оценивания эффективности, оптимальности его воинского труда и самосовершенствования в нём.

Показатели эффективности воинского труда военнослужащего-контрактника образуются объединением множеств показателей, характеризующих конечный результат, этапы и все стороны этого труда в соответствии с его военно-учётной специальностью. В их состав включаются и те требования, которые дают возможность всесторонне оценить и сам субъект, его предвидимые и прогнозируемые перспективные состояния.

Данные положения позволяют нам, вслед за авторами монографии [1, с. 74] определить критериальный модуль, для оценивания профессионализма военнослужащих-контрактников (см. табл. 1).

Такой принцип классификации критериев и показателей профессионализма характеризует, прежде всего, соответствие индивидуального развития воина-профессионала и военно-профессиональной группы задачам военно-профессиональной деятельности и требованиям воинского социума и даёт возможность объективно и всесторонне оценивать готовность и способность военнослужащего-контрактника выполнять функциональные обязанности.

Для оценки результата, то есть сформированности профессионализма у военнослужащих контрактной службы необходимо определение обобщённой уровневой модели формирования профессионализма у военнослужащих указанной категории. Таким объективным основанием в нашем исследовании, послужили положения четырёхуровневой модели развития целостности изучаемого феномена, в рамках научной школы профессора В.С. Ильина [2], в основе которой лежит степень взаимосвязи и структурированности его элементов, проявляющиеся в устойчивости системы.

Включённость компонентов профессионализма один в другой отражает их иерархическую соподчинённость – «то обстоятельство, что качественное формирование и развитие компонентов более высокого уровня невозможно без освоения предыдущих» [6, с. 34].

При выделении уровней формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы с позиций системно-целостного подхода мы исходили из методологического положения, что система в своём развитии проходит ряд этапов от зарождения отдельных элементов, их группировки, через объединение всех элементов в единую систему к целостности, когда активизируются силы самодвижения [2, с. 54–55].

Таблица 1

Критериальный модуль для оценивания уровня профессионализма у военнослужащих контрактной службы

Критерии профессионализма	Показатели критериального модуля					
	Знания	Умения	Навыки	Военно-профессиональная позиция	Профессионально важные качества	Акмеологические инварианты
Военно-профессиональная деятельность	*	*	*	*	*	*
Повседневные отношения	**	**	**	**	**	**
Личностно-профессиональное развитие	***	***	***	***	***	***
Оптимизация всех сторон воинского труда	****	****	****	****	****	****
Совокупные результаты воинского труда	*****	*****	*****	*****	*****	*****

Таким образом, основой для определения уровней профессионализма в нашем исследовании являлось положение о том, что «каждый из уровней …является необходимым для последующего; нижестоящие уровни до определённой степени являются условием развития вышележащего; вышележащий уровень управляет нижележащим, имманентное развитие каждого уровня не прекращается с развитием вышележащего» [5, с. 80].

Кроме того, оценку качественной характеристики и количественной полноты уровней мы проводили с позиций некоторых положений сущности процесса «применения знаний» – это «сложнейший аналитико-синтетический процесс» [9], осуществляющийся «в плане взаимодействия теоретических знаний и практических операций» [3, с. 307], связанный с динамикой взаимоотношений между теоретическими знаниями, с одной стороны, и практическими операциями – с другой. Поэтому он представляет процесс активных поисков путей приложения тех или иных теоретических сведений к выполнению задач практического характера [3, с. 329].

Исходя из указанных положений, на основании выделенных нами критериев и учитывая выводы проводимого нами исследования, мы выделили уровни сформированности профессионализма у военнослужащих контрактной службы: ***низкий***, ***допустимый***, ***стабильный***, ***высокий***. При этом анализ целостных характеристик выделенных нами уровней мы проводили посредством сбора, рассмотрения, обобщения и оценивания монографических характеристик типичных представителей каждого уровня сформированности профессионализма, взяв за основу положение Л.В. Удачиной [8, с. 46], что «только в совокупности функций, то есть через своеобразную систему функций раскрывается сущность объекта».

Так, *низкий уровень* профессионализма соответствует военнослужащим-контрактникам, которые: не осознают значимость профессионального совершенствования в целях личностного развития и укрепления обороноспособности страны; не желают ставить перед собой цели профессионального совершенствования; пассивны в процессе формирования профессионализма, организуемом в воинском коллективе; не могут спрогнозировать результаты своего профессионально-личностного роста; имеют недостаточный уровень сформированности знаний, умений и навыков, профессионально-важных качеств, необходимых для успешного выполнения должностных и специальных обязанностей по занимаемой должности и решения различных задач по предназначению; не знают и не желают изучать нормативные требования различных руководящих документов, определяющих различные стороны служебной деятельности; не выполняют нормы военно-профессиональной деятельности; межличностное общение и поведение в воинском коллективе ориентировано на удовлетворение личных потребностей; имеют недостаточный уровень сформированности коммуникативных качеств и, не позволяющего использовать свой опыт в решении различных задач по предназначению в составе воинского коллектива; имеют трудности в реализации принципов единоначалия и субъект-субъектных отношений в воинском коллективе.

Допустимый уровень профессионализма соответствует тем военнослужащим-контрактникам, которые: осознают значимость профессионального совершенствования в целях личностного развития и укрепления обороноспособности страны но, не желают повышать свой профессионализм; не ставят перед собой цели профессионального совершенствования; в процессе формирования профессионализма, организуемом в воинском коллективе, участвуют без желания; не желают прогнозировать результаты своего профессионально-личностного роста; не испытывают затруднений в анализе и корректировке своей деятельности по профессиональному самосовершенствованию, так как предыдущие показатели не выражены; имеют достаточный уровень сформированности знаний, умений и навыков, профессионально-важных качеств, необходимых для выполнения должностных и специальных обязанностей по занимаемой должности и решения различных задач по предназначению; знают нормативные требования различных руководящих документов, определяющих различные стороны служебной деятельности; выполняют нормы военно-профессиональной деятельности; межличностное общение и поведение в воинском коллективе в основном ориентировано на удовлетворение личных потребностей; имеют достаточный уровень сформированности коммуникативных качеств, позволяющий использовать свой опыт в решении различных задач по предназначению в составе воинского коллектива; поведение в воинском коллективе регулируется нор-

мативными положениями основных руководящих документов.

Стабильный уровень профессионализма соответствует военнослужащим-контрактникам, которые: в основном понимая значимость профессионального совершенствования в целях личностного развития и укрепления обороноспособности страны, желают повышать свой профессионализм; умеют ставить перед собой перспективные и текущие цели профессионального совершенствования; активно участвуют в процессе формирования профессионализма, организуемом в воинском коллективе; умеют организовать свою деятельность по профессиональному самосовершенствованию; могут прогнозировать результаты своего профессионально-личностного роста; испытывают затруднения в анализе и корректировке своей деятельности по профессиональному самосовершенствованию; имеют уровень сформированности знаний, умений и навыков, профессионально-важных качеств, который позволяет им показывать высокие результаты в боевой подготовке, учёбе, выполнять должностные и специальные обязанности, задачи по предназначению не только по занимаемой должности но, и, на ступень выше занимаемой должности; хорошо знают и выполняют положения различных нормативных документов, определяющих различные стороны служебной деятельности, межличностные отношения, их положение, права и обязанности в воинском коллективе.

Высокий уровень профессионализма соответствует военнослужащим-контрактникам, которые: понимают значимость профессионального совершенствования в целях личностного развития и укрепления обороноспособности страны; повышают свой профессионализм; умеют чётко определять перспективные и текущие цели профессионального совершенствования; активны в процессе профессионального совершенствования, организуемом в воинском коллективе; умеют прогнозировать результаты своего профессионального развития; анализируют и корректируют свою деятельность по профессиональному самосовершенствованию; имеют высокий уровень сформированности знаний, умений и навыков, профессионально-важных качеств, который позволяет им показывать высокие результаты в боевой подготовке, учёбе, выполнять должностные и специальные обязанности, самостоятельно выполнять задачи по предназначению не только по занимаемой должности но, и, на ступень выше занимаемой должности; способны самостоятельно, новаторски и творчески действовать на всех направлениях своего воинского труда; хорошо знают и выполняют положения различных нормативных документов, определяющих различные стороны служебной деятельности, межличностные отношения, их положение, права и обязанности в воинском коллективе.

Диагностическими методами, с помощью которых изучались уровни сформированности профессионализма у военнослужащих-контрактников стали: педагогическое наблюдение за процессом, организуемым командирами и начальниками в воинских подразделениях, педагогическое наблюдение за военно-профессиональной деятельностью военнослужащих-контрактников; анкетирование, индивидуальные беседы, опрос и интервьюирование участников эксперимента, анализ результатов воинского труда военнослужащих-контрактников, анализ документов, независимых характеристик, методика исследования самооценки и др.

При оценке уровня сформированности профессионализма нами использовались и методики, при которых диагностика осуществляется на основе того, что думает, представляет и сообщает военнослужащий-контрактник сам о себе. Это имеет принципиальное значение, так как при оценке любого военнослужащего указанной категории необходимо учитывать его собственную профессиональную самооценку и стимулировать его к осмыслению и решению проблем в своей военно-профессиональной деятельности. Только от желания самого военнослужащего-контрактника зависит процесс его профессионально-личностного роста.

В диагностическом комплексе был использован метод экспертных оценок, как одного из основных, который предусматривает участие в оценке одного и того же показателя нескольких экспертов для обеспечения объективности данных.

Использованные нами методики определения уровней сформированности профессионализма у военнослужащих контрактной службы наиболее эффективны, достаточны, просты в использовании и не требуют добавления. При комплексном применении они позволяют с достаточной степенью вероятности выявить уровень профессионализма у военнослужащих-контрактников, соответствующих данной уровневой шкале

и, пользоваться командирам и начальникам для того, чтобы организовывать педагогический процесс в своих воинских подразделениях а, также отслеживать эффективность реализации воинским социумом своего педагогического потенциала в целях профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников.

Таким образом, выделенные нами критерии и уровни сформированности профессионализма у военнослужащих контрактной службы помогут командирам и начальникам всех управленческих звеньев правильно и эффективно строить педагогический процесс в воинском подразделении по формированию профессионализма у военнослужащих указанной категории.

Библиографический список

1. Воинский труд: наука, искусство, призвание: Монография / Отв. ред.: Л.Г. Лаптев, Р.В. Маркитан, И.Е. Хоменко/ – М.: Совершенство, 1998. – 480 с.

2. *Ильин В.С.* Формирование личности школьника (целостный процесс). – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.

3. *Кудрявцев Т.В.* Взаимоотношение теоретических знаний и практических действий (при выполнении школьниками электромонтажных работ) // Применение знаний в учебной практике школьников. – М., 1961. – С. 305–332.

4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 796 с.

5. *Рейнвальд Н.И.* Психология личности. – М.: Изд-во Универс. Дружбы народов, 1987. – С. 80.

6. *Сергеев Н.К.* Непрерывное педагогическое образование: концепция и технологии учебно-научно-педагогических комплексов. (Вопросы теории). – СПб.; Волгоград: Перемена, 1997. – 166 с.

7. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1983. – С. 654.

8. *Удачина Л.В.* Категория «структура» и «функция» и их методологическая роль в физике: Дис. … канд. филос. наук. – Свердловск, 1973.

9. *Флешнер Э.А.* Психология усвоения и применения школьниками некоторых физических понятий // Психология применения знаний к решению учебных задач. – М., 1958. – С. 77–129.

УДК 37.013.2.

Морозова Наталья Владиславовна,
Жаркова Любовь Сергеевна
natasha@ms-shop.ru

СИСТЕМА КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Разработаны методика и система критериев оценки психологических механизмов формирования профессиональной компетентности педагога, преподающего русский язык в системе довузовского образования. Приведены данные лонгитюдного и формирующего экспериментов.

Ключевые слова: *структурные компоненты компетентности, надпредметная функция русского языка, довузовское образование.*

Динамику развития профессиональной компетентности педагога в процессе преподавания русского языка возможно оценить с трех позиций, в соответствии с основными теоретическими подходами, отраженными в психолого-педагогических исследованиях. Во-первых, это дифференцированная оценка проявления структурных компонентов компетентности (коммуникативного, информационного, регулятивного, операционального, психолого-педагогического); во-вторых, это проявление соответствующих компетенций обучаемых; в-третьих, это критерии оценка качества образовательного процесса. В системе довузовского образования мы определили таким критерием поступаемость в высшие учебные заведения. В каждом из этих направлений задействованы конкретные участники, реализуются соответствующие функции и происходят определенные взаимосвязанные процессы.

Теоретический анализ психолого-педагогических исследований позволил сформулировать, что компетентность – это особый интегративный показатель, характеризуемый индивидуальными

 © Морозова Н.В., Жаркова Л.С., 2011

проявлениями способностей педагога. Специфическая особенность проявления влияния психологических механизмов заключается в структурных изменениях профессиональной компетентности педагога, в установлении устойчивой взаимосвязи между компонентами компетентности и психологическими механизмами, обеспечение на этой основе динамики развития профессиональной компетентности педагога в процессе его профессиональной деятельности.

Осуществить оценку профессиональной компетентности – значит сравнить существующие ее проявления с «эталонными», т. е. с таким структурными проявлениями, которые позволяют максимально эффективно решать задачи профессиональной деятельности педагога на основании выявленных критериев. Под «критерием» мы понимаем отличительный признак, на основании которого сравниваются, дифференцируются или классифицируются явления разного качества, основные критерии отражают приоритетную цель анализа и оценки данного явления. Показатели – это количественные и качественные данные, по которым можно судить о развитии, состоянии чего-либо, что позволяет по каждому из выделенных конкретных критериев оценить определенное явление [1; 2].

В иерархии данных понятий мы принимали, что понятие «критерий» по своему объему шире понятия «показатель», последний входит в него как составная часть, являясь компонентом критерия. При разработке системы критериев оценки психологических механизмом формирования профессиональной компетентности педагога в системе довузовского образования при обучении русскому языку и их показателей, учитывался имеющийся в различных отраслях профессиональной педагогической психологии опыт работы.

Проведенное исследование структурных элементов теории и психолого-педагогической характеристики профессиональной компетентности педагога относительно качества его профессиональной деятельности показало, что этот целостный педагогический процесс характеризуется структурно-дифференцированным внутренним составом и многообразием внешнего проявления. Он включает единый комплекс явлений, процессов, взаимосвязанных между собой, взаимообусловленных динамикой развития внутренних компонентов и внешних тенденций профессиональной деятельности. Исходя из этого, представляется, что для оценки профессиональной компетентности педагога и психологических механизмов, влияющих на ее становление, необходимо принять несколько критериев, которые с достаточной полнотой могли бы охватить все существенные характеристики исследуемого явления.

В качестве оценки профессиональной компе-

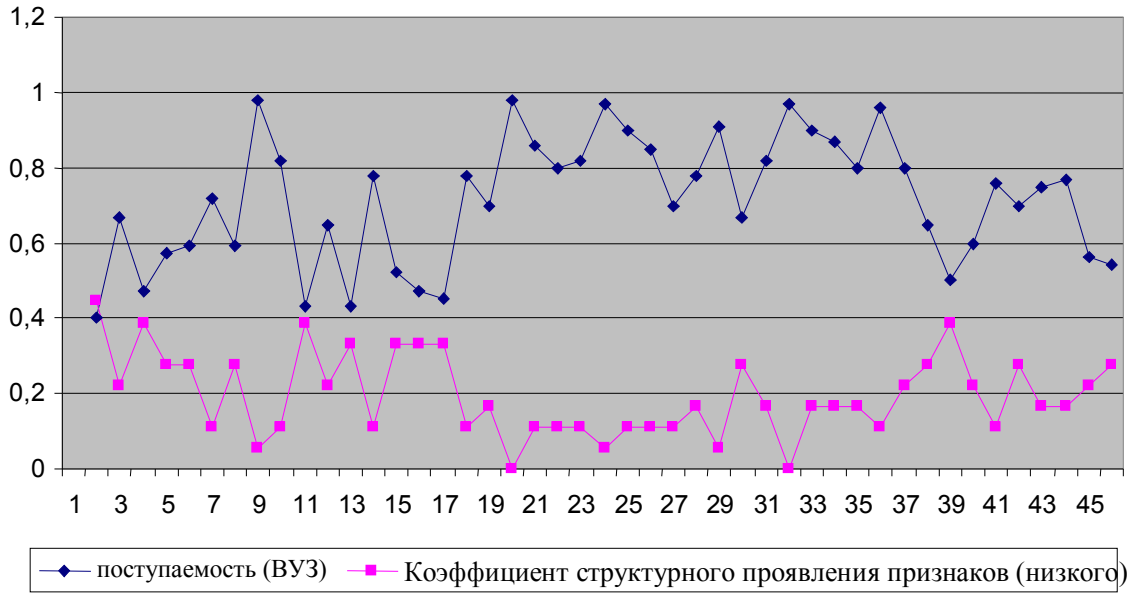

Рис. 1. Зависимость низкого уровня проявления признаков компетентности педагога в системе довузовского образования и поступаемости в вузы обучаемых

тентности педагога довузовского образования было принято, что каждый из структурных составляющих компонентов педагогической компетентности выступает в качестве критерия и сопоставляется с качеством и результативностью педагогического процесса в целом. Т.е., для изучения психологических механизмов, оптимизирующих процесс развития профессиональной компетентности, необходимо углубленное исследование проблемы структуры профессиональной компетентности педагога в системе довузовского образования.

Итогом исследования структуры профессиональной компетентности явились:

– обобщающая теоретическая модель изучаемого феномена;

– модель элементно-структурного анализа компетентностного подхода в системе довузовского образования, с указанием надпредметной функции русского языка, реализующейся в процессе обучения, и функции предмета «Русский (родной) язык» в образовательной системе в целом в дидактической иерархии;

– модель влияния психологических механизмов децентрации, идентификации и педагогической рефлексии на формирование профессиональной компетентности педагога.

Проведённый обзор работ по проблеме психологических механизмов показал, что они имеют различное толкование. Так, механизмы рассматриваются как способы преобразования, организации личности (Л.И. Анцыферова), как закономерная связь факторов, условий и средств (Л.Н. Антилогова), как совокупность внутренних логических связей и процедур (Л.М. Митина). Психологические механизмы не изначально присущи субъекту, а развиваются в процессе освоения профессиональной деятельности с учетом индивидуально-типологических особенностей и социальных факторов жизнедеятельности (Е.В. Рогулина, Т.Н. Морозова); при этом психологический механизм, как явление психики, может одновременно проявляться психическим процессом, психическим свойством и психическим состоянием (А.В. Карпов).

Для изучения и оценки психологических механизмов формирования профессиональной компетентности педагога была разработана комплексная методика, которая включает в себя несколько последовательно реализуемых этапов:

Этап 1 – экспертиза сформированности структурных компонентов профессиональной компетентности.

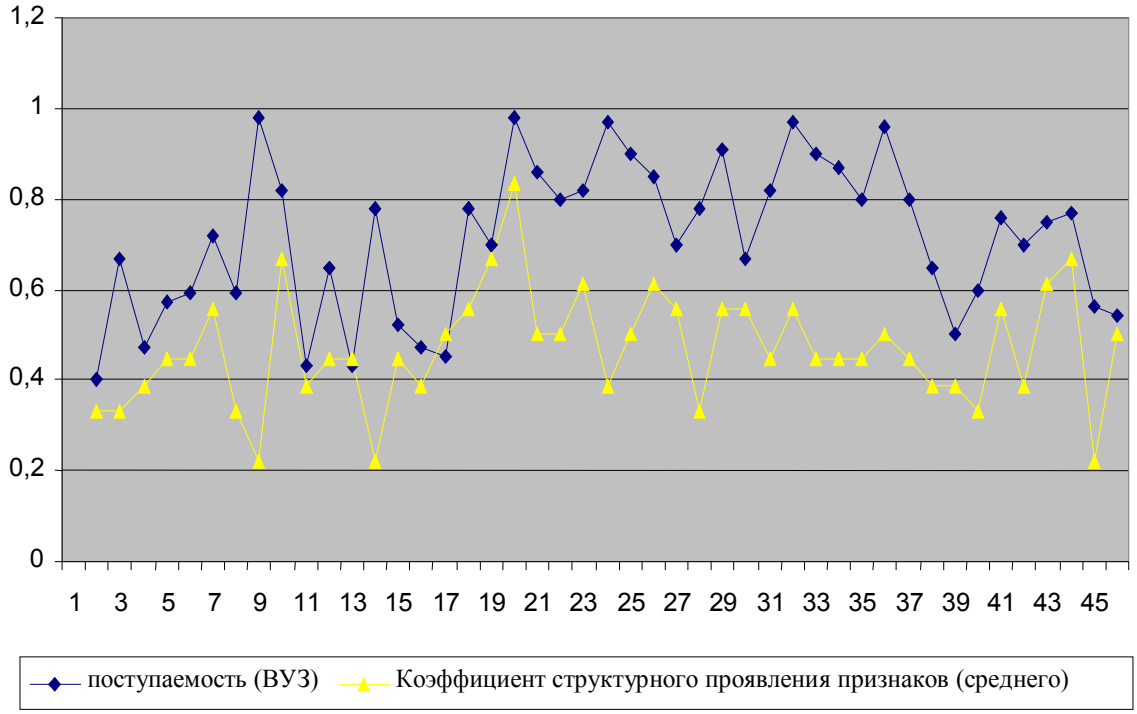

Рис. 2. Зависимость среднего уровня проявления признаков компетентности педагога в системе довузовского образования и поступаемости в вузы обучаемых

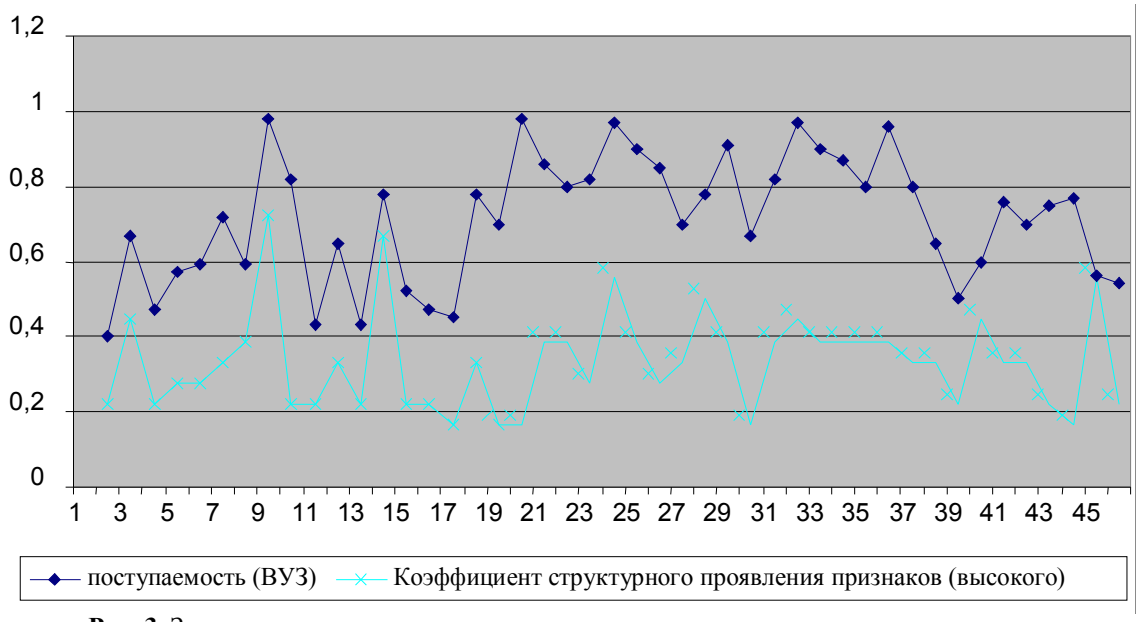

Рис. 3. Зависимость высокого уровня проявления признаков компетентности педагога в системе довузовского образования и поступаемости в вузы обучаемых

Этап 2 – определение психологических механизмов формирования профессиональной компетентности.

Этап 3 – определение скорости, качества усвоения обучающимися и их поступаемости в высшие учебные заведения как ключевой показатель качества педагогического процесса. На основании дифференцированных нормативов трудности, определенных по материалам исследований, вычисляли скорость усвоения учебного материала каждым обучаемым в отдельности. Количественным выражением качества усвоения конкретного блока учебной информации выступает оценка по традиционной пятибалльной шкале знаний, умений, навыков в процессе педагогического контроля на семинарском, практическом или другом занятии и мониторинг фактов продолжения обучения в высшей школе.

Этап 4 – преобразование качественных показателей формирования профессиональной компетентности в количественные. Для изучения и оценки психологических механизмов формирования профессиональной компетентности педагога в системе довузовского по тому или иному критерию, была разработана специальная методика. Суть ее в том, что полученные в результате исследования данные интерпретировались как проявление тех или иных компонентов компетентности на различных уровнях. Эти уровни были сформулированы на основании теоретических данных, наблюдений, бесед и экспериментальной работы: низкий, средний или высокий.

Таким образом, к основным критериям оценки психологических механизмов формирования профессиональной компетентности педагога относятся: реализация функций педагогического процесса; качество и результативность педагогического процесса, структурный состав профессиональной компетентности: коммуникативный, операциональный, информационный, регулятивный, психолого-педагогический компоненты. Каждому из них соответствуют показатели, которые в то же время являются критериальными признаками. Анализ результатов, полученных на каждом этапе опытно-экспериментальной работы, отражал тенденции продвижения в развитии составляющих и профессиональной компетентности в целом, а также эффективность влияния психологических механизмов в системе межфункциональных связей структурных компонентов исследуемого феномена. Графическая интерпретация экспериментальных данных приведена на рисунках 1–3.

На основании полученных данных можно предварительно заключить, что уровень развития профессиональной компетентности педагога определяется, во-первых, этапом профессиональной деятельности, во-вторых, характером связи

между отдельными структурными компонентами компетентности и, в-третьих, действенностью влияния психологических механизмов на начальных этапах профессиональной деятельности педагога. На наш взгляд, преобладание действия того или иного механизма профессиональной компетентности педагога определяется комплексом внутренних психологических факторов, особенности и степень выраженности которых соответствует достигнутому уровню индивидуального развития.

Библиографический список

1. *Смирнов И.П.* Человек – образование – профессия – личность. – М.: УМИЦ «Глаф-пресс», 2002. – С. 304.

2. *Терегулов Ф.Ш.* Критерии передового педагогического опыта // Советская педагогика. – 1989. – №1. – С. 56–60.

Румянцева Зоя Васильевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ksu@ksu.edu.ru

ИНТОНАЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

В данной статье освещается методологический аспект исследования проблемы развития музыкального мышления педагога-музыканта. Дано обоснование сущности понятия «интонационное воспитание» и характеризуется комплекс его направлений, способствующих развитию музыкального мышления личности в освоении музыкально-исполнительской деятельности.

Ключевые слова: *музыкальное мышление, интонационное воспитание, музыкально-исполнительская деятельность, музыкальная интонация, выразительные средства музыки, интеллектуальные умения.*

Различные аспекты проблемы развития музыкального мышления получили свое освещение в целом ряде работ в области музыкальной психологии и музыкознания (В.Н. Петрушин, А.В. Ражников, Г.М. Цыпин, Г.С. Тарасова, А.Г. Арановский, В.В. Медушевский, Е.В. Назайкинский, М.С. Старчеус, Д.К. Кирнарская и др.). В сфере педагогики музыкального образования этой проблеме также уделяется большое внимание (В.К. Белобородова, А.А. Пиличяускас, Н.В. Суслова и др.).

Б.В. Асафьев в своем учении о специфике музыкального мышления особое внимание уделяет исследованию музыкальной интонации как важнейшему строительному элементу, участвующему в создании произведений различных музыкальных стилей и форм, которые аккумулируют в себе результат художественно-творческой деятельности композитора, музыканта-исполнителя и сотворческой им деятельности слушателя [1].

Развитие музыкального мышления предопределено активным восприятием и воспроизведением содержания художественно-творческой (музыкально-исполнительской) деятельности. Согласно положению музыковедческой науки процесс интерпретации музыки определяется как содержание творческой деятельности музыканта-исполнителя: это единство этапов ознакомления, освоения и исполнения музыкального произведения, его «воссоздание», возникновение и реализация исполнительского замысла [2, с. 159].

Сложность решения задач развития музыкального мышления обусловлена тем, что необходим подход к осмыслению музыкальной интонации как комплексного явления, включающего определенный ряд выразительных музыкальных средств. Именно их неповторимое сочетание в музыкальном произведении характеризует его художественную значимость.

Как известно, Б.В. Асафьев отмечал интонационное единство звуковысотной, тембровой и ритмической стороны музыкальных явлений. Вместе с тем, и другие выразительные средства музыкальной интонации также в полной мере принадлежат к интонационным явлениям. Поэтому важно при анализе выразительных средств художественного образа музыкального произведения учитывать, что каждое из них имеет интонационный контур, отражающий логику развития основной (генеральной) интонационной линии (мелодии) или сопутствующих ей интонационных построений (полифонических голосов, подголосков).

В музыкальном произведении интонационному осмыслению подлежат не только голоса фактуры произведения, но и весь комплекс вырази-

© Румянцева З.В., 2011

тельных средств художественного образа, причем как в целостном плане, так и в каждом из составляющих его фрагментов, и в каждой музыкальной интонации.

При освоении музыкального произведения необходимо воспитывать внимание будущих специалистов к художественно образной достоверности интонационных процессов, их самоконтролю и самокорректировке, а также к культуре интонирования, которая характеризует не только профессиональное (художественное и стилистически достоверное) «прочтение» поэтической идеи композитора, но и воплощение в данном процессе исторически сложившихся культурных традиций, присущих исполнительскому искусству.

Развитию музыкального мышления содействует интонационное воспитание личности, которое направлено на создание условий, способствующих глубокому и адекватному усвоению интонационного содержания художественно образных явлений музыкального искусства. Гибкость оперирования интонационно-музыкальными ощущениями и представлениями, лежащими в основе интеллектуальных умений, а также формирование качеств личности, важных для успешной профессиональной работы, особенность которой – в необходимости осмысления интонационного содержания музыкального искусства, можно рассматривать условиями, содействующими реализации интонационного воспитания будущего педагога-музыканта. Интонационное воспитание – это педагогически управляемый процесс реализации комплекса направлений развития музыкального мышления у будущего педагога-музыканта в ходе постижения специфики содержания музыкального искусства как творческом процессе. В этой связи осмысление интонационной сущности музыкальных явлений служит базисной основой, стимулирующей восприятие духовно-нравственного, ценностного потенциала музыкального искусства, а также его успешное практическое освоение.

В профессиональной подготовке будущих педагогов-музыкантов решение проблемы их интонационного воспитания начинается с этапа восприятия музыкальных явлений, с осознания их интонационной выразительности. В этой связи активизация интонационных процессов, сопровождающих музыкальное восприятие, способствует осмыслению воспринимаемой музыкальной информации. Качество интонационных процессов зависит не только от способности к целостному охвату ее художественно-образного содержания, но и от способности дифференцировать составляющие данную целостность элементы: стиль и жанр, содержание и логику драматургического развития, выразительные музыкально-художественные средства и др.

В достижении успешных результатов профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов следует иметь в виду, что процесс освоения музыкального искусства – это не только осмысление присущей его содержанию интонационной выразительности, но и овладение системой интеллектуальных умений. Важнейшая особенность интеллектуальных умений, проявляющихся в процессе восприятия и практического овладения музыкальным искусством – их интонационная основа. Восприятие и воспроизведение не только звуковысотной и ритмической сторон художественного образа, но и каждого из системы его выразительных средств имеет интонационную характеристику, включая и практические способы деятельности.

Профессиональная подготовка специалистов в области музыкального образования в университетах различается разносторонностью профилей музыкально-исполнительской деятельности: игра на инструменте, пение, дирижирование, концертмейстерский класс. Это представляет каждому будущему специалисту уникальную возможность не только совершенствовать свой интонационно-слуховой опыт в каждом из видов деятельности, но и развивать способность к обобщению способов интонационно-практической работы, применение которых содействует становлению профессионализма. Так, опыт интонирования, приобретенный в классах сольного пения, – необходимый компонент опыта инструментального интонирования, в частности осмысления музыкальной фразировки, и т. д.

Продуктивность музыкально-исполнительской деятельности педагога-музыканта зависит от степени развития специфических приемов музыкального мышления. К ним мы относим: интонирование, оперирование слуховыми и мышечными ощущениями, выявление динамического напряжения, определение сопряжения гармоний, выявление тембровой красочности, метроритмических соотношений, ритмической выразительности, предвосхищение музыкального развития, постижение музыкальной фактуры и др.

Специфические приемы мышления лежат в основе формирования соответствующих интеллектуальных умений, с помощью которых в сознании музыканта возникает художественный образ произведения, осуществляется его мысленное преобразование и охват в целом. В достижении успешных результатов профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов следует иметь в виду, что процесс освоения музыкального искусства – это прежде всего осмысление присущей его содержанию интонационной выразительности на основе овладения системой интеллектуальных умений как интонационно-образных. Данные умения в художественно-творческой деятельности музыканта-педагога имеют широкую сферу реализации в зависимости от его разносторонней подготовки.

В основе развития музыкального мышления лежит формирование интеллектуальных умений, способствующих освоению художественно-творческого содержания музыкальной деятельности. Следует подчеркнуть, что при всем разнообразии видов музыкально-исполнительской деятельности в каждом из них проявляется соответствующая система интеллектуальных умений. Вместе с тем, разностороннему содержанию музыкально-исполнительской деятельности будущего педагога-музыканта (пение, игра на инструменте, дирижирование) соответствует система интеллектуальных умений, в которой можно выделить особый ряд умений, имеющих обобщенный характер, и умения, которые обладают конкретной художественной направленностью при овладении спецификой каждого профиля деятельности. Данная система умений отражает сформировавшийся опыт творческой деятельности, который характеризуется в широком смысле – способностью к - переносу одних способов деятельности в другой ее вид, в узком – проявляется в процессе овладения исполнительским мастерством в отношении конкретного вида музыкальной деятельности и ее художественного объекта (произведения).

Формирование интеллектуальных умений стимулирует развитие и совершенствование сферы художественно-образного мышления, что является одной из важнейших целей профессионального становления личности будущих специалистов. У них необходимо сформировать способность воспринимать музыкальную информацию с целью выявления в ней художественного смысла. В этом состоит суть процесса интерпретации музыкально-художественных явлений и при их восприятии, и в творческом освоении.

Интонационное постижение и переосмысление содержания явлений музыкального искусства – процесс творческий. В нем осуществляется не только открытие нового, того, что еще было непознанным, но формируется и расширяется жизненный и музыкальный опыт личности. Приобретаются новые эмоциональные впечатления, знания в области музыкального искусства, способы практической работы, благодаря чему не только стимулируется преобразовательная функция деятельности в познании художественных явлений, но преобразуется в ней и сама личность. Мысленная переработка информации художественно-творческого содержания активизирует психические процессы: восприятие, воображение, внимание, память и другие, порождает установку на воспроизведение художественного образа как явления нового и уникального в личном опыте музыкально-исполнительской деятельности будущего специалиста.

Процессы саморегуляции, самокоррекции, которые свойственны личности в освоении содержания музыкально-исполнительской деятельности, повышают качество интеллектуальных умений и способствуют художественно-творческому самопроявлению личности в процессе адекватного восприятия и практического воспроизведения музыкальных впечатлений. Важно отметить, что благодаря интеллектуальным умениям в сознании фиксируется необходимое качество практических действий. Существующий «взаимообмен» между мыслительными и практическими операциями направлен на повышение их результативности, что способствует гармоничному совершенствованию личности, стимулирует те изменения преобразовательного характера, которые характеризуют более высокое качество ее деятельности, а также профессиональную направленность саморазвития личности в изучении искусства.

Система интеллектуальных умений, формируемая в ходе интерпретации музыкального произведения, направлена на воссоздание содержания его художественного образа в музыкально-исполнительской деятельности. К данным умениям относятся: умения выявлять смысл музыкальной интонации как художественно-образного явления; постигать метроритмическую выразительность музыкальных интонаций; определять их тембровую красочность; логику динамического разви-

тия; сопряженность гармоний и др. Особое значение имеют умения совершенствовать музыкально-технические приемы на основе интонационного постижения их соответствия содержанию музыки. Согласно одной из позиций в теории и практике инструментальной подготовки будущих специалистов их инструментальное обучение основано на отношении к его содержанию как искусству инструментального интонирования [3]. Это требует сформированности высокого уровня координации интонационных (мыслительных) и практических действий соответственно сформированным эталонам их высокого качества.

Личностный опыт интонирования как своеобразный «интонационный словарь» не только содержит слухом зафиксированную музыкальную информацию, но и складывается как система интонационных решений, позволяющая и практически реализовать исполнительский замысел, и преодолеть технические затруднения. Интерпретация интонационных процессов – одна из наиболее сложных задач, от решения которой зависит подлинно профессиональное становление музыканта. Причем трудность заключается не только в осмыслении интонационных проявлений у других музыкантов или музыкально выражающих себя людей.

Наиболее сложно контролировать качество интонационных процессов в личностном самопроявлении, то есть в процессе самоинтонирования. Термин «самоинтонирование», на наш взгляд, отражает активное личностное участие в процессе интонирования, что является неотъемлемой стороной профессионального развития будущего специалиста. В ходе самоинтонирования требуется сосредоточенность на качественной стороне данного процесса, при этом возрастает роль самооценки и самоконтроля интонационных процессов в личностной самореализации адекватно художественным намерениям в освоении явлений музыкального искусства. Формирование осознанности процессов самоинтонирования у будущих педагогов-музыкантов является одной из проблем их профессиональной подготовки. Ее решение обусловлено реализацией направлений, методов и приемов интонационного воспитания, стимулирующих активность личностного участия обучаемых в целенаправленном подходе к осмыслению степени художественно-образной выразительности интонационных процессов в музыкально-творческом самовыражении.

Основные направления развития музыкального мышления составляют содержание методики интонационного воспитания педагога-музыканта. Эта методика направлена на целевое развитие профессионального музыкального мышления педагога-музыканта, стимулирует процессы осознания им направленности, содержания и качества интеллектуальных умений, выраженных в интонационной форме. Данная методика может быть реализована в интонационно-инструментальном обучении и воспитании личности, которое включает ряд направлений: интонационно-образное, интонационно-техническое, интонационно-стилевое, интонационно-формообразующее и интонационно-сценическое.

В частности, *интонационно-образное направление* включает разработку и применение методов и методических приемов, способствующих интонационно-образному постижению содержания музыки. Его цель – сформировать интонационно-образные умения.

Интонационно-образные умения обеспечивают осмысление художественно-образной характеристики музыкального произведения. Эта группа умений ориентирована на постижение протоинтонационных источников, послуживших основанием для создания музыкального образа. Они позволяют раскрыть художественный смысл интонационной сферы произведения, служат определению сущностной стороны музыкальных интонаций, выявлению их классификационной характеристики [4]. Это могут быть различные интонации (персонажные, лирические, жанровые, церковные, светские, фольклорные, комические, трагические и др.).

Интонационно-стилевое направление включает разработку и применение методических приемов, обеспечивающих соответствие процессов мысленного интонирования стилевой принадлежности музыкального произведения. Цель данного направления – сформировать способы мысленного интонирования, адекватные музыкально-стилевой характеристике произведения.

Интонационно-стилевые умения способствуют распознаванию стилевых закономерностей в содержании музыкального произведения. Они опираются на значительный объем конкретных знаний о специфических признаках эпохальных, национальных, композиторских школ и индивидуальных стилей. Воплощая интонационные представления о данных признаках, данная группа

умений обеспечивает регуляцию звучности, поиск ее необходимого качества, красочности, эмоциональной и музыкальной выразительности, характеризующих определенный стиль.

Интонационно-формообразующее направление включает разработку и применение методических приемов, стимулирующих формообразующую функцию процессов интонирования. Цель данного направления – развитие интонационно-формообразующих умений в процессе интерпретации музыкального произведения.

Интонационно-формообразующие умения сопровождают процесс анализа выразительных средств художественного образа, реализуют логику и целостность интонационного процесса, имеющего доминирующий характер в художественной интерпретации музыкального произведения.

Интонационно-техническое направление включает разработку и применение методических приемов, актуализирующих способы мысленного интонирования как условия музыкально-технического самосовершенствования процесса художественной интерпретации музыкального произведения. Цель данного направления – овладение способами мысленного интонирования в музыкально-технической работе как одним из средств преодоления возникающих в ней затруднений.

Интонационно-технические умения призваны способствовать достижению качественной стороны координации интеллектуальных и практических действий, обеспечивать преодоление музыкально-технических затруднений, стимулируя механизмы самоконтроля и самокоррекции как в интеллектуально-интонационной, так и в практической областях музыкально-исполнительской деятельности.

Интонационно-сценическое направление включает разработку и применение методических приемов, активизирующих способы мысленного интонирования в музыкально-сценической деятельности. Цель данного направления – выработка интонационно-сценических умений как неотъемлемого компонента процесса интерпретации музыкального произведения.

Интонационно-сценические умения, проявляясь в концертных выступлениях, синтезируют все вышеперечисленные интонационные умения, обеспечивая их самоконтроль и саморегуляцию в зависимости от сценических ситуаций и изменений в исполнительском замысле. В данной группе интонационных умений проявляется высокая степень их обобщенности в единстве с обобщенностью практических умений, что обеспечивает возможность их переноса в новые ситуации и гибкое оперирование в музыкально-сценической деятельности.

Вопросы интонационного воспитания будущих педагогов-музыкантов относятся не только к процессу приобретения музыкально-исполнительского опыта, а чрезвычайно всеобъемлющи и касаются проблем становления личности будущего специалиста в различных аспектах освоения музыкального искусства и профессии. Формирование способности к осмыслению художественно-образных характеристик интонационного содержания явлений музыкального искусства и качества интонационных процессов в их практическом воссоздании – одна из важнейших задач профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов. Развитие музыкального мышления в процессе реализации интонационного воспитания способствует продуктивному профессиональному развитию личности будущего педагога-музыканта и приобретению мастерства в освоении музыкально-исполнительской деятельности.

Библиографический список

1. *Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс. Кн. 2: Интонация. – 2-е изд. – М.; Л.: Музгиз, 1971. – 376 с.

2. *Корыхалова Н.П.* Интерпретация музыки. – Л.: Музыка, 1979. – 208 с.

3. *Малинковская А.В.* Класс основного музыкального инструмента. Искусство фортепианного интонирования: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 039700 «Музыкальное образование». – М.: ВЛАДОС, 2005. – 381 с.

4. *Медушевский В.В.* Интонационная форма музыки: исследование. – М.: Композитор, 1993. – 262 с.

5. *Мильштейн И.Я.* Советы Шопена пианистам. – М.: Музыка, 1967. – 97 с.

6. *Назайкинский Е.В.* О психологии музыкального восприятия. – М.: Музыка, 1972. – 383 с.

7. *Нейгауз Г.Г.* Об искусстве фортепианной игры. – М.: Музыка, 1982. – 300 с.

8. *Немов Р.С.* Психология. Кн. 1: Общие основы психологии. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 688 с.

9. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. – М.; Л.: Изд-во АПН, 1947. – 335 с.

УДК 378.14

Харина Марина Викторовна
Вологодский государственный педагогический университет
marinav-eng@yandex.ru

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье выполнен анализ понятия иноязычной коммуникативной компетенции специалистов технического профиля, представлен компонентный состав данной компетенции и модель ее развития в техническом вузе, предусматривающая активное использование средств новых информационных технологий в процессе обучения. Рассмотрены некоторые аспекты практической реализации представленной модели.

Ключевые слова: *ключевые компетенции, иноязычная коммуникативная компетенция, межкультурная компетенция, информационная обучающая среда, модель развития компетенции*

В современных условиях конкурентоспособность специалиста с высшим образованием определяется, прежде всего, его компетентностью, которая предполагает обладание не только профессиональными, но и ключевыми (общекультурными) компетенциями, в том числе, коммуникативными способностями, умениями и навыками. Терминологический аппарат компетентностного подхода в настоящий момент находится в стадии становления, поэтому в научной литературе встречаются различные термины для обозначения данной группы компетенций, например, «коммуникативные компетенции» (А.В. Хуторской), «компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы» (И.А. Зимняя), «компетенции культуры социального взаимодействия» (Ю.Г. Татур).

В психологии и социологии существуют разные точки зрения на соотношение понятий «общение», «коммуникация» и «социальное взаимодействие», большинство исследователей считает эти термины очень близкими по смыслу, но не тождественными. Тем не менее, бесспорно, что для выпускников технических вузов обладание коммуникативными компетенциями является обязательной частью профессиональной квалификации, при этом социальное взаимодействие предполагает, в первую очередь, деловые контакты специалистов в процессе решения профессиональных технических задач.

Интеграционные процессы, происходящие в глобальном экономическом и научно-техническом пространстве, усиливают значимость международных контактов специалистов технического профиля. В связи с этим, актуализируется задача подготовки студентов технического вуза к плодотворному общению с представителями других языков и культур. В силу того, что акты коммуникации с представителями родной и «другой» культуры имеют различную природу, причем проблема не сводится только к языковому различию (обстоятельный анализ этого феномена содержится в работах Г.В. Елизаровой, В.В. Сафоновой), необходимость отдельного исследования ИКК как важной составляющей коммуникативной компетенции не вызывает сомнений. Однако, наличие различных дефиниций заставляет еще раз коснуться этой проблемы.

Наряду с понятием ИКК как равноправные используются термины «иноязычная компетенция» и «коммуникативная компетенция», рассматриваемая только в аспекте иноязычного общения (М.Н. Вятютнев, В.В. Сафонова, И.И. Халеева и др.). Многими исследователями отдельно рассматривается межкультурная компетенция как одна из ключевых компетенций выпускников вузов, однако всеми признается неразрывная связь между ИКК и межкультурной компетенцией. В частности, Г.В. Елизарова пишет: «Межкультурная компетенция не имеет аналогии с коммуникативной компетенцией носителей языка и может быть присуща только медиатору культур – языковой личности, изучающей некий язык в качестве иностранного» [2, с. 236].

В последние годы в публикациях довольно часто встречается еще один термин – «межкультурная коммуникативная компетенция» (О.Р. Бондаренко, К.В. Голубина, К.М. Ирисханова, И.Л. Плужник). Авторы рассматривают данную компетенцию применительно к студентам языковых специальностей, для которых она является профессиональной, а не ключевой (общекультурной). Студенты технического вуза при крайне ограниченном объеме дисциплин гуманитарного цикла, в том числе дисциплины «Иностранный

© Харина М.В., 2011

язык», не смогут развить полноценную межкультурную коммуникативную компетенцию, кроме того, в деловом общении инженеров некоторые компоненты этой компетенции будут избыточны. В целях разграничения компетенций выпускников языковых и неязыковых вузов к последним принято применять термин ИКК. Тем не менее, мы признаем необходимость усиления межкультурного компонента в процессе развития ИКК студентов технических вузов.

Сначала кратко остановимся на тех факторах, которые обуславливают особенности развития ИКК студентов технического вуза. По нашему мнению, эта тема слабо освещена в литературе, однако имеется ряд работ, содержащих анализ данной проблемы. Обобщая материал публикаций, а также личный опыт автора, отметим основные моменты.

Во-первых, для технического вуза, как и других неязыковых вузов, характерна значительная дифференциация стартового уровня развития ИКК у первокурсников [1]. В языковом вузе эта проблема стоит не так остро, поскольку абитуриенты предъявляют сертификат ЕГЭ (или сдают экзамен) по иностранному языку, что гарантирует определенный уровень ИКК, достаточный для дальнейшего успешного обучения. В неязыковом вузе стартовый уровень развития ИКК не проверяется при поступлении, поэтому на первом занятии по иностранному языку первокурсники, как правило, проходят входное тестирование. При применении международной классификации уровней владения иностранным языком, в пределах одной студенческой группы могут быть зафиксированы уровни от А1 (уровень выживания) до В2 (пороговый продвинутый).

Во-вторых, по результатам анкетирования и опросов можно сделать вывод и о значительной дифференциации уровня мотивации к развитию ИКК, причем он часто зависит от уровня владения иностранным языком, вследствие чего студенты с самым низким стартовым уровнем, не веря в свои силы, в процессе обучения еще более отдаляются от своих «продвинутых» одногруппников, усиливая уровень дифференциации.

В-третьих, количество аудиторных часов, отводимых на изучение иностранного языка, в техническом вузе крайне ограничено, кроме того, имеет место нарушение принципа непрерывности в обучении из-за отсутствия закрепленной в образовательном стандарте обязательной иноязычной подготовки на старших курсах вуза.

В-четвертых, когнитивный стиль студентов технических вузов имеет свои особенности. Как показывают исследования, студенты технических специальностей имеют хорошее логическое мышление, развитое при изучении точных наук, умеют выражать мысли точно и лаконично, они владеют новыми информационными технологиями и с удовольствием их применяют, однако, в среднем, у них менее развита эмоциональная сфера, чем у студентов-гуманитариев, их коммуникативные способности на родном языке часто нуждаются в дополнительном развитии [6].

Перечисленные выше факторы определяют высокую сложность, многофакторность и изменчивость процесса развития ИКК студентов технического вуза. В поисках эффективных способов управления данным процессом следует обратить особое внимание на современные информационные технологии. Исследованию данной проблемы посвящено большое количество публикаций, однако на настоящий момент отсутствуют апробированные технологии развития ИКК с учетом специфики конкретных специальностей, активно использующие возможности электронных обучающих средств. Как следствие, внедрение информационных технологий в процесс обучения зачастую происходит бессистемно, что не позволяет достичь ощутимого эффекта.

По нашему мнению, средства информационных технологий должны служить эффективному решению дидактических задач в процессе обучения, а следовательно, стать органичной частью педагогической технологии развития ИКК. Такой подход предполагает создание единой информационной обучающей среды (ИОС). В публикациях по проблемам формирования и использования ИОС отмечается, что она позволяет рационально организовать работу студентов, интегрировать различные методы и формы обучения [3]. Мы считаем, что современный уровень развития информационных технологий позволяет сформировать среду обучения с учетом всех особенностей развития ИКК в техническом вузе, опираясь на принципы профессиональной направленности, междисциплинарности, индивидуализации и дифференциации обучения, активизации самостоятельной работы студентов.

В такой ИОС средства для развития ИКК должны быть интегрированы с электронными обучаю-

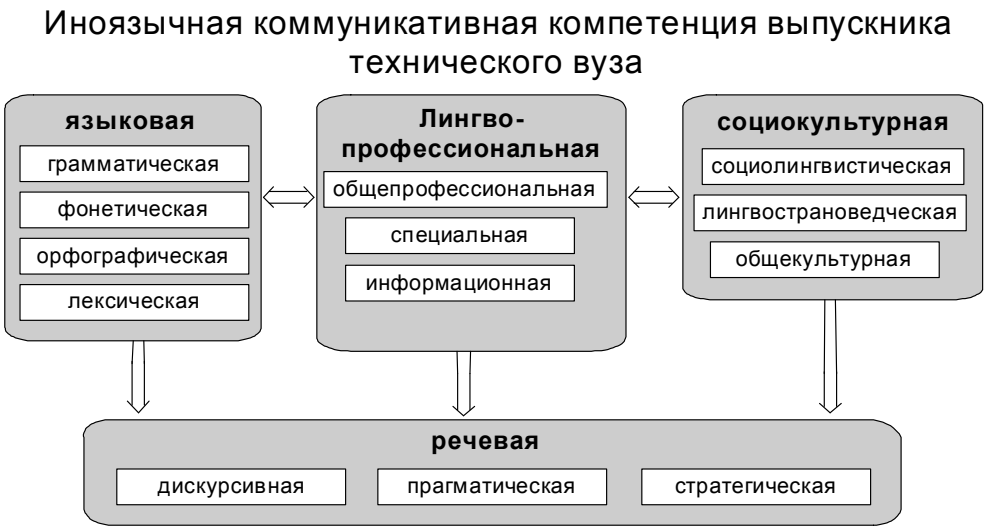

Рис. 1. Компонентный состав ИКК выпускника технического вуза

щими ресурсами по различным дисциплинам, что предоставляет возможности для установления естественных междисциплинарных связей. Ведение базы данных нормативных требований к результатам обучения, текущего состояния развития ИКК и динамики развития личности каждого студента позволит формировать и своевременно корректировать индивидуальные траектории обучения.

Все условия для формирования интегрированных ИОС уже имеются практически во всех технических вузах – развитая информационная сеть, подключенная к Интернет, наличие программного обеспечения учебного назначения, квалифицированный кадровый состав. Намного более сложными являются дидактические проблемы использования средств информационных технологий в процессе развития ИКК.

Учитывая высокую сложность процесса развития ИКК с использованием информационной обучающей среды, целесообразно использовать педагогическое моделирование как основу для разработки технологии обучения. Согласно П.И. Образцову, основными компонентами модели ИОС в вузе являются модель учебной дисциплины («чему учить»), модель обучаемого («кого учить») и модель процесса обучения («как учить») [4]. Во многих публикациях (А.Г. Атанов, М.Г. Коляда) модель учебной дисциплины называется моделью предметной области обучения, которая может быть и междисциплинарной.

Рассмотрим подробнее каждый из компонентов. В поисках ответа на вопрос «чему учить?» требуется определить компонентный состав ИКК выпускника технического вуза. За основу мы приняли описание коммуникативной компетенции, предложенное В.В. Сафоновой [5]. По нашему мнению, оно является полным, логичным, обозначения соответствуют терминологии, ис-

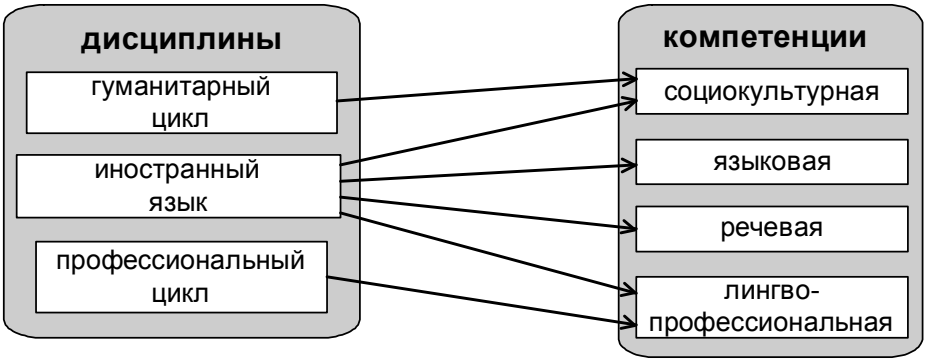

Рис. 2. Междисциплинарный характер ИКК

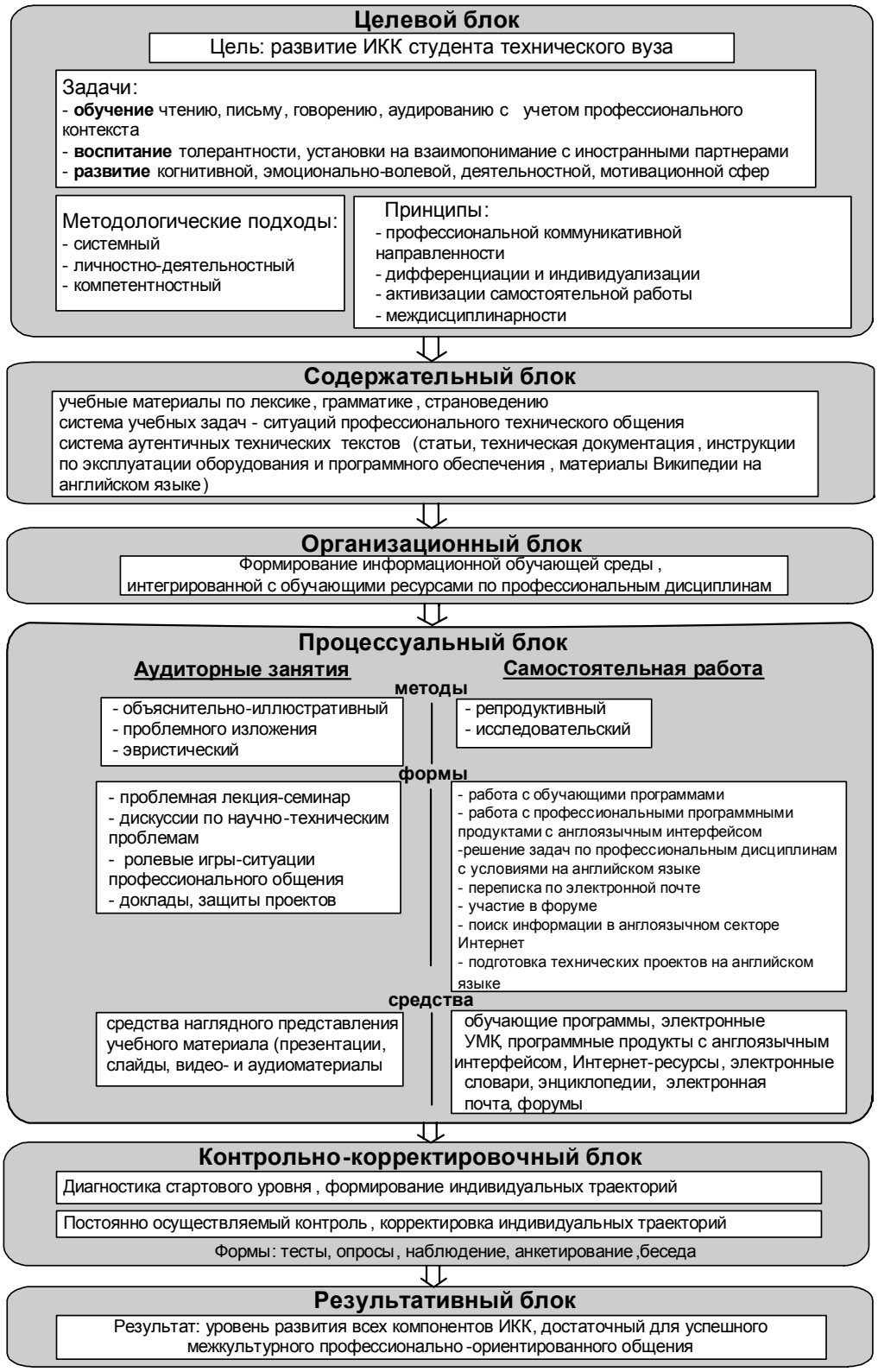

Рис. 3. Модель развития ИКК студентов технического вуза на основе ИОС

пользуемой в рамках проектов Совета Европы. Однако специфика профессионального общения инженеров требует определенного пересмотра компонентного состава ИКК, принимая во внимание, что для успешности общения не требуется владения в совершенстве всеми нюансами иностранного языка, но значительную роль играют профессиональные компетенции, знание иноязычной профессиональной лексики, умения строить речевые стратегии и т.д. В связи с этим в структуре ИКК выделим дополнительный лингво-профессиональный компонент, согласившись с термином, который использует А.С. Андриенко [1]. В результате получим структуру ИКК выпускника технического вуза, изображенную на рисунке 1.

Приведенная на рисунке 1 схема позволяет определить сферы ответственности различных дисциплин за развитие компонентов ИКК и выделить особую роль дисциплины «Иностранный язык» (рис. 2).

Можно сделать вывод, что в процессе развития ИКК в интегрированной информационной обучающей среде иностранный язык выступает в качестве связующего звена между дисциплинами гуманитарного и профессионального циклов. Интегрированный характер среды позволяет реально воплотить принцип междисциплинарности.

Реализация принципов индивидуализации и дифференциации обучения, активизации самостоятельной работы требует пристального внимания к личности обучаемого в рамках личностно-развивающего подхода, что обуславливает необходимость анализа личностной модели студента технического вуза. На наш взгляд, использование средств информационных технологий позволяет аккумулировать, а затем анализировать индивидуальные особенности студента при помощи модели, включающей следующие компоненты:

– мотивационно-ценностный (мотивация к развитию ИКК, толерантность, коммуникабельность);

– эмоционально-волевой (способность к решению проблем, целеполагание, планирование, рефлексия);

– когнитивный (память, внимание, мышление, воображение);

– регулятивно-деятельностный (инициативность, добросовестность, аккуратность).

Все личностные характеристики, входящие в состав данной модели, поддаются количественному или качественному измерению, динамику их развития можно диагностировать, а затем использовать для своевременной корректировки индивидуальных траекторий обучения.

На основе рассмотренных выше моделей сформируем модель развития ИКК студентов технического вуза, которая является основным предметом данной статьи (рис. 3).

Представленная нами модель была реализована в Вологодском государственном техническом университете при обучении студентов направлений «Автоматизация и управление» и «Информатика и вычислительная техника». В состав ИОС были включены следующие элементы: *учебник по грамматике английского языка* с учетом профессиональной лексики и тесты, подготовленные в среде дистанционного обучения Moodle; *сетевая программа Dialang* (разработанная в рамках проекта Совета Европы Lingva2), используемая с целью оценки уровня владения языком и уровня самооценки; *обучающие программы*: *English for Communication, Reward Intern@tive, English Platinum Deluxe* и др.

Как показывают результаты эксперимента, использование данной модели положительно влияет на развитие всех составляющих ИКК и личностных характеристик студентов, способствует повышению мотивации к обучению.

Библиографический список

1. *Андриенко А.С.* Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза (на основе кредитно-модульной технологии обучения: Автореф. дис. … канд. пед. наук / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.

2. *Елизарова Г.В.* Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: Дис. … д-ра пед. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2003. – 371 с.

3. *Зайцева Е.Н.* Информационно-обучающая среда как средство развития самостоятельной работы студентов при обучении иностранному языку: Дис. … канд. пед. наук / Российский университет дружбы народов. – М., 2003. – 204 с.

4. *Образцов П.И.* Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. – Орел: ОрелГТУ, 2000. – 145 с.

5. *Сафонова В.В.* Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. – М.: Изд-во НИЦ «Еврошкола», 2004. – 236 с.

6. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.

Царёв Евгений Александрович

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ СОЦИАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ХОДЕ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ РАБОТЫ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

На основе изучения теоретико-методических предпосылок поставленной проблемы, организации физкультурно-спортивной работы со старшеклассниками в общеобразовательной школе и результатов социологического анализа отношения старшеклассников, их родителей и учителей физкультуры общеобразовательных школ г. Костромы к организации физкультурно-спортивной работы в школе и ее роли в социальном становлении и развитии человека определены педагогические условия эффективности процесса управления социальным становлением и развитием личности старшеклассников в ходе организации физкультурно-спортивной работы в школе. Одно из основных условий - создание положительной мотивации у старшеклассников к занятиям физкультурно-спортивной деятельностью.

Понятие деятельность неразрывно связано с понятием мотива. Немотивированной деятельности не бывает. В работах многих педагогов и психологов показано, что успех в любой деятельности зависит прежде всего от наличия мотивов.

Для успешного формирования мотивов любого вида деятельности недостаточно лишь вовлекать личность в эту деятельность. Мотивы учения надо специально воспитывать, развивать, стимулировать.

Под мотивами деятельности в психологии подразумеваются причины, побуждающие личность к данной деятельности, а под мотивацией – процесс побуждения личности к этому виду деятельности. Этот процесс включает в себя:

– осознание и оценку мотива, оценку и анализ объектов, способов и условий деятельности;

– оценку предполагаемых результатов, трудностей и собственных возможностей.

Мотивационная сфера рассматривается как совокупность всех мотивов, присущих личности.

Понятие мотивации у человека включает в себя все виды побуждений: мотивы, потребности, интересы, стремления, цели, влечения, мотивационные установки, идеалы. В наиболее широком смысле мотивация определяется как детерминация поведения.

Создание положительной мотивации у старшеклассников предполагает решение проблемы мотивационного обеспечения этой деятельности.

Мотивационный аспект, лежащий в основе любой деятельности, был и остается в центре внимания психолого-педагогической науки. Сначала остановимся на физкультурно-спортивной деятельности как разновидности деятельности учебной.

Учебная деятельность является ключевым понятием в решении педагогических проблем. В целом можно констатировать тот факт, что после многолетних исследований (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, М.С. Каган, А.А. Кирсанов, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.К. Маркова, Г.И. Щукина, Д.Б. Эльконин) в научном знании сложилась концепция учебной деятельности, определены ее структура (учебно-познавательные мотивы, учебные задачи, учебные операции, действия контроля и оценки) и функциональные особенности (развивающая функция, функция целостного развития и совершенствования всех сущностных сил субъекта деятельности, функция социализации учащегося). На базе основных принципов психологии (А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн), в контексте психологической теории деятельности (В.В. Давыдов, И.И. Ильясов, А.Н. Леонтьев), теории поэтапных действий (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина) был определен новый подход к проблеме уче-

© Царёв Е.А., 2011

ния. Учение стало рассматриваться прежде всего как изменение и обогащение самого учащегося, а главное содержание учебной деятельности как усвоение обобщенных способов действия в сфере научных понятий и происходящие на этой основе качественные изменения в психическом развитии человека.

Учебная деятельность сопровождает человека постоянно, на протяжении всей жизни. О способности человека успешно обучаться практически всю сознательную жизнь свидетельствуют исследования физиологов и психологов. Педагоги П.П. Блонский, К.Д. Ушинский, Дж. Дьюи также придерживались этой точки зрения, говоря о роли человека в своем образовании.

Для осуществления такой деятельности надо, исходя из ее структуры (В.В. Давыдова, А.К. Маркова, Д.Б. Эльконин), обратиться к мотивационной стороне учебной деятельности, к актуализации ее потребностно-мотивационного компонента. В теоретическом знании такая позиция уже существует. В отечественной педагогике эта проблема впервые поднималась на симпозиуме по мотивации, проходившем в Каунасе в 1971 году.

С развитием теории учебной деятельности был определен подход, исходящий из сущности самого учебного процесса (О.С. Гребенюк, Г.И. Ибрагимов, И.В. Московская, Ю.К. Чернова). Для данного исследования важной является позиция О.С. Гребенюка, который разработал принцип мотивационного обеспечения учебного процесса в профтехучилищах. По мнению ученого, понятия «мотивация» и «деятельность» неотделимы. Осуществление целей учебной деятельности невозможно без мотивационного сопровождения, так как оно определяет динамику и направленность учебной деятельности учащегося. В то же время учебная деятельность является процессом, и обеспечение этой деятельности должно происходить процессуально. Следовательно, учебную деятельность необходимо рассматривать в контексте ее мотивационного обеспечения в целом. Мотивационное обеспечение учебной деятельности, таким образом, представляет собой развертывание во времени мотивационного сопровождения деятельности, «определенную последовательность сменяющих друг друга мотивационных состояний», то есть каждому элементу учебной деятельности соответствует его мотивационный компонент. Мотив и цель, как считает Б.Ф. Ломов, образуют «вектор» деятельности, определяют ее направление, величину усилия, развиваемого субъектом при выполнении деятельности. Объединяет эти составляющие установка. Условием возникновения установки (Д.Н. Узнадзе) является наличие потребности и реальной ситуации, в которой она может быть удовлетворена. Реальной ситуацией, в которой возможна актуализация установки старшеклассников являются физкультурно-спортивные занятия.

Так как учебная деятельность старшеклассников сохраняет все основные характеристики, закономерности учебной деятельности учащегося профтехучилища, то концепцию мотивационного обеспечения учебной деятельности, предложенную О.С. Гребенюком, можно считать перспективной для дальнейшего исследования, но уже в рамках физкультурно-спортивной деятельности старшеклассников. Поэтому далее рассмотрим сущность данной концепции. Схема мотивационного обеспечения физкультурно-спортивной деятельности будет выглядеть следующим образом: 1) сосредоточение внимания обучающегося на учебной ситуации; 2) получение им информации о предмете потребности (актуализация потребности); 3) осознание потребности (выбор мотива); 4) выбор решения (постановка учащимся цели); 5) стремление к цели (осуществление конкретных действий); 6) получение оперативной информации, корректирующей действия (подкрепление уверенности в правильности своих действий); 7) самооценка процесса и результата деятельности (эмоциональное отношение к деятельности). Проследим развертывание данной структуры.

В начале занятия при включении в физкультурно-спортивную деятельность обучающемуся необходимо направить свое сознание, переключить свои интересы, цели, мотивы на конкретную учебную ситуацию, то есть сосредоточить внимание. Известно, что человек не может сосредоточить свое внимание на двух одновременно предъявляемых раздражителях. Поэтому основной объект внимания учащихся должен отличаться от остальных своей новизной, контрастностью, возможно, необычным методом его презентации учителем физкультуры. Правильное сосредоточение внимания, в нужном направлении, находится «в прямой зависимости от успеха и неуспеха деятельности» (цитата Лурия). Способность обучающихся сосредоточиться на нужном объекте является условием протекания всех учебно-

познавательных процессов, определяется структурой его деятельности, отражает протекание этой деятельности и служит механизмом ее контроля. Сосредоточение внимания в начале занятия становится проблемой его распределения и переключения в ходе занятия, поддержания и сохранения до конца занятия. Сосредоточение внимания помогает обучающемуся получить информацию о предмете потребности. Причем данная потребность имеет общественную ценность, она лишь трансформируется преподавателем через сознание обучающегося, становясь собственной потребностью обучающегося. Происходит осознание учащимся необходимости в данном предмете, актуализируется нужда в нем на основе уже имеющегося знания об этом предмете. Обоснование такого процесса дает С.Л. Рубинштейн. Ученый пишет, что «внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект лишь преломляясь через сложившийся у человека строй мыслей и чувств». Актуализация потребности сопровождается формированием смысловой установки к действию, то есть деятельность приобретает личностный характер. Как отмечает А.Н. Леонтьев, вопрос о смысле всегда есть вопрос о мотиве, и функция мотивов состоит в том, что «они как бы «оценивают» жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах – придают им личностный смысл». Осознание потребности рождает мотивы физкультурной деятельности. Причем потребность, например, овладеть знанием по конкретному вопросу и конкретными умениями может сопровождаться появлением более одного мотива в удовлетворении этой потребности. Побуждение к действию может быть вызвано желанием закрепить уже имеющиеся знания и умения вникнуть в проблему, чтобы самостоятельно совершенствоваться в физкультурно-спортивной деятельности. Выбор мотива контролируется сознанием человека и происходит на основе уже сформировавшихся мотивов (мотивации), убеждений, нравственных идеалов, имеющих общественную значимость. Делая выбор, человек как бы отдает предпочтение тому или иному побуждению, самоопределяется в способе деятельности, демонстрируя тем самым свое отношение к предмету потребности. Выработка способности делать нужный выбор представляет трудность, так как это часто выбор между личностно и общественно значимым.

Отражение предмета потребности и выбор мотива заставляет обучающегося действовать, достичь цели деятельности. Если мотив побуждает к деятельности, то цель определяет ее направленность. К.А. Абульханова-Славская отмечает, что «цель – эпицентр деятельности», причем постановка личностью цели определяется ее отношением к извне представленной этой личностью задаче. Как отмечает С.Л. Рубинштейн, «конкретная мотивация реального действия, исходя из соотношения побуждения с целью, никак не исчерпывается им. Она включает осложняющее и видоизменяющее основной мотив отношение индивида к реальным обстоятельствам той конкретной жизненной ситуации, в которой должно быть осуществлено действие». Учебная (дидактическая) задача формулируется преподавателем. Школьник же только тогда активно включается в физкультурно-спортивную деятельность, когда, соотнеся эту задачу со своим внутренним мотивационным состоянием, ставит собственную цель в виде «образа желаемого будущего». Важно, чтобы цель обучающегося была не навязана, а порождена им как своя.

Осуществление действий по удовлетворению актуальной потребности, то есть стремление осуществить цель, является следующим шагом в учебной деятельности обучаемых. Стремясь к осуществлению цели, старшеклассник часто выполняет лишь репродуктивные действия, направленные на воспроизведение определенных знаний или упражнений. Осуществление же продуктивной деятельности предполагает творческий подход в решении определяемых задач, проблем. В практике поставленные цели часто не находят подкрепления в конкретно организованной преподавателем деятельности обучающихся. И если преподаватель не обеспечит такую организацию физкультурно-спортивной деятельности, при которой бы активно включались в общий процесс деятельности актуализированные школьником потребности и мотивы, то побуждения могут угаснуть. Отсюда возникнет неудовлетворенность результатом деятельности, состояние тревожности, неуверенность в себе. Поэтому соответствующая организация физкультурно-спортивной деятельности должна включать и обеспечение учащегося информацией о результатах промежуточных и конечных действий. Фактически, речь идет об осуществлении обратной связи между обучающимся и преподавателем. Причем эта связь дол-

жна осуществляться не только при помощи категоричных «отлично», «хорошо», «плохо» а так же в форме подбадривания, похвалы, поощрения школьника.

Осуществление обратной связи дает возможность ученику самому оценивать свои действия, результаты работы. Важным в такой оценке является его способность сопоставить результаты своей деятельности с нормами общества. Результат физкультурно-спортивной деятельности по приобретению новых способностей становится общественно значимым и общественно оцениваемым.

Таким образом, мотивационное обеспечение физкультурно-спортивной деятельности как учебной, так и внеучебной, требует: а) усиливать внимание обучающихся к содержанию физкультурно-спортивной работы; б) создавать у них ориентировку в предстоящей деятельности; в) организовывать деятельность, актуализирующую необходимые мотивационные состояния; г) возбуждать такие состояния, когда ведущими мотивами становятся осознание формирующей, развивающей, практической и других значимостей физкультурно-спортивной деятельности и стремление действовать в направлении поставленной цели; д) создавать условия для развития положительных мотивов; е) поддерживать стремление учащихся к саморазвитию.

Следующим условием, реализация которого обеспечивает эффективность управления процессом социального становления и развития личности старшеклассников в ходе физкультурно-спортивной работы, является информационно-пропагандистское воздействие на учащихся. В ходе информационно-пропагандистского воздействия старшеклассников решаются следующие задачи:

– первая группа задач связана с формированием мировоззрения учеников и их родителей, ценностных ориентаций, активного отношения к деятельности, определенной сферой физкультурно-спортивной работы;

– вторая группа задач и ее решения способствует формованию определенного уровня образованности человека в сфере физкультуры и спорта, овладение им целостной системой знаний, необходимых для физического самосовершенствования и развития способностей к конструированию индивидуальных систем включения в физкультурно-спортивную деятельность, способствующих социальному становлению и развитию личности человека, его физическому совершенствованию.

Однако, существуют причины, обуславливающие деформированное отношение учащихся к общечеловеческим ценностям физической культуры и ее роли в процессе социального становления и развития человека.

Такими причинами являются:

– педагогический авторитаризм в системе физического воспитания, угасание демократических традиций и идеалов физкультурного движения;

– отчуждение системы физического воспитания от общественной жизни, развития личности и культуры;

– тотальная унификация и стандартизация, недостаточная вариативность учебного процесса, ограничение творчества и инициативы преподавателей.

Все сказанное и предопределило содержание методики информационно-пропагандистского воздействия на школьников и их родителей с целью их приобщения к физкультурно-спортивной деятельности.

Содержание всех проводимых мероприятий (бесед, информаций, лекций и др.) пронизано мыслью о том, что человек является мерой всех вещей, его жизнь, неповторимые личностные качества, здоровье и благополучие составляют наивысшие ценности, ради которых (а не наоборот) и создаются всевозможные теории, материальные и духовные продукты, социальные организации и институты.

Следующая идея, которая проходила через содержание всех информационно-пропагандистских воздействий, была идея о том, что сам человек является творцом самого себя и всей окружающей жизни. И поэтому какие бы не были учителя и новые системы, методики, технологии, они не смогут привнести в сознание человека те или иные знания, опыт, а его тело наполнить силой, быстротой, превратить в стройную красивую фигуру. Все это можно достичь только путем активной творческой самостоятельной деятельности по самообразованию, самовоспитанию, саморазвитию и самосовершенствованию, в процессе которой выбор наиболее подходящих средств и приемов остается за личностью.

А для того, чтобы эта деятельность была наиболее эффективной, необходимо раскрытие интегральной природы человека, что и потребовало привлечения к информационно-пропагандистским мероприятиям учителей по различным

дисциплинам, родителей и др. с учетом половых особенностей школьников, их отношения к здоровью, физической культуре и роли физкультурно-спортивной деятельности в процессе социального становления и развития их личности и др.

Реалии сегодняшнего дня дали основание для использования ряда методических приемов, считающихся ранее некорректными. Так, например, учитывая, что здоровье каждого человека и всей нации в целом является, помимо всего прочего, еще и экономической категорией как для самого человека, так и для общества, был использован прием материального стимулирования успехов в физическом воспитании учеников. Для активизации учащихся применялся прием обращения к их самолюбию, патриотическим чувствам (сравнение результатов тестирования школьников с аналогичными данными их сверстников из других стран). При этом обращалось внимание школьников на то, что модель спортивных состязаний, регламентированных особыми правилами, обеспечивающими объективное сопоставление успехов саморазвития и самосовершенствования (правила «честной игры»), может служить моделью вхождения их в реальную жизнь, регламентированную теми или иными законодательными актами.

Рассмотрим основные компоненты управления процессом становления и развития личности. Прежде всего, целенаправленное информационно-педагогическое воздействие на занимающихся осуществляется на уроке, как основной форме занятий по физической культуре в школе.

Для информационно-образовательной деятельности (постановки социально-экономических, культурологических, гуманистических и других современных проблем физической культуры, сообщения научно-методических данных о влиянии физических упражнений на дееспособность и состояние здоровья человека, предоставления сведений справочного характера и др.) использовалось время, которое, как правило, выделялось для решения воспитательных задач.

Как показал анализ опроса учителей физической культуры в школе, время, выделяемое для решения воспитательных задач, используется недостаточно эффективно. И прежде всего потому, что направленность такого рода задач очень слабо использует потенциальные воспитательные возможности самой физкультурно-спортивной деятельности. Особое место отводится организации педагогических воздействий на школьников со стороны учителей по другим предметам, изучаемым в школе. С этой целью было проводятся семинары с учителями, ведущими уроки в опытных классах, по обсуждению проекта Федеральной программы развития физической культуры и формированию здорового образа жизни населения Российской Федерации и состоянию физического развития школьников.

В ходе информационно-пропагандистского воздействия на учащихся используется семейный потенциал, проводятся специально организованные собрания родителей для ознакомления их с состоянием физического развития детей и возможными путями его улучшения. При проведении с родителями агитационно-педагогических мероприятий теоретического и методического характера учитываются индивидуальные особенности родителей: уровень их общеобразовательной подготовки, отношение к занятиям физическими упражнениями в семье и участие в их организации и проведении.

В работе с родителями школьников выделяются два основных направления:

1) педагогическое просвещение в сфере физической культуры (пропаганда лучшего опыта физического воспитания детей в семье, роли и значении физкультурно-спортивной работы в социальном становлении и развитии личности человека);

2) привлечение родителей к организации и проведению занятий физическими упражнениями с детьми (проведение тестирования своих детей, осуществление проверки домашних заданий учителя физической культуры и др.).

Углубление и расширение знаний в области физкультурно-спортивной деятельности и ее роли в процессе социального становления и развития личности старшеклассников, приобретенных школьниками на уроках по физической культуре и другим предметам, во время взаимоотношений с родителями, осуществляется в системе внеклассных и внешкольных мероприятий по физическому воспитанию. Кроме того, в это время формируются навыки организации спортивно-массовой деятельности, осуществлялся подробный разбор и разъяснения методических рекомендаций для самостоятельных занятий.

Таким образом, реализация информационно-пропагандистского воздействия на старшеклассников способствует координации и направлению действий школьников в ходе включения их в физ-

культурно-спортивную деятельность, обеспечивает создание благоприятных условий, которые активизируют процессы самосовершенствования и саморазвития, а также субъектное включение ребенка в физкультурно-спортивную работу., что является важным условием эффективности управления процессом социального становления и развития личности старшеклассников в ходе организации физкультурно-спортивной работы в школе.

В качестве одного из условий, обеспечивающих эффективность управления социальным становлением и развитием личности старшеклассников в ходе физкультурно-спортивной работы в школе является субъектное включение ребенка в физкультурно-спортивную работу на основе актуализации его самостоятельности и активности.

Данное условие предполагает создание эвристической среды в ходе физкультурно-спортивной деятельности, означающее что в школе при организации учебных и внеучебных занятий доминируют творческие начала.. При этом творчество рассматривается учащимися и педагогами как универсальный критерий оценки личности.

Субъектное включение старшеклассников в физкультурно-спортивную работу означает учет их интересов и потребностей, создание условий для определения каждым ребенком своего способа самореализации, раскрытие его потенциалов, отказ от жесткой регламентации в регулировании их времени в ходе внеурочных занятий. Вышеопределенное условие требует сочетания педагогического внимания к ребенку с разумной требовательностью в ходе физкультурно-спортивной деятельности как на уроке, так и в процессе внеурочной работы.

Субъектное включение старшеклассников в физкультурно-спортивную работу начинается с анализа результатов диагностики личности учащегося, которую проводят совместно учитель физкультуры, классный руководитель, психолог и врач. Учитель физкультуры совместно с учеником разрабатывают программы развития положительных свойств, черт и качеств ребенка и коррекции негативных появлений, выявленные в результате диагностики. Если ребенок страдает каким-либо заболеванием, совместно с учителем, они выбирают те виды и формы работы, которые , по совету врача, школьнику не противопоказаны. Для всех учащихся проводятся консультации, на которых определяется тот вид спорта, которым ребенок готов заниматься, к которому у него есть интерес и нет противопоказаний, обсуждается его включение во внеурочные формы работы.

Следующий этап – это совместное планирование физкультурно-спортивной работы и участия в ней школьников. Планируется содержание физкультурно-спортивной работы, ее формы. Обсуждаются предложения педагога и предложения учащихся. В ходе совместного обсуждения определяется основное содержание планируемой работы и те ее формы, которые вызывают интерес у школьника, и которые может использовать в своей работе педагог. При планировании физкультурно-спортивной работы обязательно рассматривается соответствие определенного содержания и формы решению основной задачи: социальному становлению и развитию ребенка в ходе физкультурно-спортивной работы в школе.

Субъектное включение ребенка осуществляется и на следующем этапе – этапе непосредственной организации деятельности. Любая деятельность начинается с определения ее целей. Цель – это осознанное, выраженное в словесной форме предвосхищение будущего результата физкультурно-спортивной работы.

В ходе самой физкультурно-спортивной деятельности школьников необходимо предоставлять возможность самостоятельного поиска решений, определяемых задач (теоретические занятия), освоение комплекса конкретных действий и упражнений, на основе разработанных на этапе диагностики программ (практические занятия).

На этапе контроля и оценки результатов включения в физкультурно-спортивную деятельность школьников осуществляется самоконтроль и самооценка своего включения в физкультурно-спортивную работу, ее влияния на процесс становления и развития собственной личности для того, чтобы вовремя выявить возникающие проблемы и своевременно их решить, а также сравнивать оценку своих результатов с оценкой педагога и адекватность этих результатов намеченным планам. Это также способствует субъектному включению старшеклассников в физкультурно-спортивную работу и активизации их самостоятельности и активности. Самостоятельность и активность ребенка в процессе физкультурно-спортивной работы проявляется в раскрытии им на уроках и в ходе внеурочных занятий своих потенциальных возможностей, осознании цели и значения физкультурно-спортивной деятельности для личностного саморазвития, осознанное-

ти своего «я», наличия четких и ясных перспектив (ближних и дальних) в ходе включения в физкультурно-спортивную деятельность.

В качестве следующего условия эффективности управления процессом социального становления и развития личности старшеклассников в ходе физкультурно-спортивной работы в школе осуществляется интеграция учебной и внеучебной физкультурно-спортивной работы с существенным расширением последней. В ходе интеграции вышеназванной работы происходит не только усвоение определенных социальных норм, культурных ценностей общества, основ физической культуры, этических и нравственных норм во взаимоотношениях людей, но и реализация активности учащегося, его саморазвитие, самоопределение, самореализации и самоутверждение. Учебная и внеучебная физкультурно-спортивная работа в школе реализуется в трех направлениях: медико-психологическое, теоретическое и практическое. Только учебные занятия не позволяют реализовать вышеназванные направления в полном объеме. Обеспечивает эту реализацию интеграция учебной и внеучебной работы.

Внеурочная физкультурно-спортивная работа организовывается через создание спортивных кружков и секций различного направления в школе, к организации деятельности в которых привлекаются родители. Большое внимание уделяется созданию спортивных творческих коллективов старшеклассников, родителей и педагогов, проведению массовых спортивных праздников «Моя семья и спорт», «День спортсмена в школе» и др., совместному проведению досуга учащихся, педагогов и родителей «Здоровый выходной».

Таким образом, педагогические условия, используемые в ходе организации физкультурно-спортивной работы в общеобразовательной школе, позволяют эффективно управлять процессом социального становления и развития личности страшеклассников.

Библиографический список

1. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 335 с.

2. *Агеевец В.У., Поповский В.М., Филиппов С.С.* Малый факультет ИФК – новая форма работы студентов // Теория и практика физич. культуры. – 1984. – №11. – С. 46–48.

3. *Аксёнова О.Э.* Информационно-пропагандистское воздействие на школьников, как фактор приобщения их к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – СПб., 1996. – 32 с.

4. *Андреева Г.М.* Лекции по методике конкретных социальных исследований. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 22 с.

5. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. – М.: МГУ, 1990. – 367 с.

6. *Афанасьев В.Г.* Человек в управлении обществом. – М.: Политиздат, 1977. – 332 с.

7. *Ашмарин Б.А., Богданов Е.А.* Учителю полезно знать // Физическая культура в школе. – 1974. – №6. – С. 49.

8. *Бабанский Ю.К.* Избранные труды. – М.: Педагогика, 1989. – 558 с.

9. *Ашмарин Б.А.* Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании: Пособие для студентов, аспирантов и преподавателей ин-тов физич. культуры. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 223 с.

10. *Бальсевич В.К., Запорожанов В.А.* Физическая активность человека. – Киев: Здоров'я, 1987. – 224 с.

11. *Бальсевич В.К.* Физическая культура для всех и для каждого. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 207 с.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

Григорьева Арина Андреевна
Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)
ariska@ya.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МАСС-МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА И ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В НЕМ ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье исследуются три вида масс-медийного дискурса: предвыборные дебаты, телебеседы и ток-шоу. Выявляются сходства и различия в интенциональных структурах этих дискурсов, сравниваются используемые в них приемы речевого воздействия. С использованием алгоритмов ограниченного перебора (метод WizWhy) обнаруживаются связи между интенциями и приемами речевого воздействия.

Ключевые слова: *дискурс, интенции, приемы речевого воздействия, интент-анализ, масс-медиа.*

В настоящее время все большую значимость в жизни каждого человека приобретает масс-медиа. По данным статистических агентств, ежеминутно в России смотрит телевизор 2,7 миллиона человек. Каждый год возникают все новые форматы телевизионных передач и, соответственно, новые виды масс-медийного дискурса, отличающиеся по своим коммуникативным обстоятельствам: ток-шоу, реалити-шоу, стендап-шоу и т.д. Это многообразие, несмотря на обилие работ, во многом остается неизученным.

Целью нашего исследования стало изучение коммуникативных обстоятельств разных видов масс-медийного дискурса, используемых в них приемов речевого воздействия и интенциональных характеристик, и выявление связи между последними.

Объектом исследования выступали 150 передач, относящихся к 3-ем видам масс-медийного дискурса: предвыборным дебатам, телебеседам и ток-шоу. Были взяты теледебаты, проходившие перед выборами в Государственную Думу и показанные по Первому каналу, и теледебаты, проходившие перед выборами на пост Президента Российской Федерации. В качестве телебесед использовались фрагменты передачи А. Караулова «Момент истины». Были использованы диалоги из его двухтомника «Вокруг Кремля». Анализировалось ток-шоу «Пусть говорят», идущее по Первому каналу. Каждый вид дискурса был представлен 50-ю передачами.

Для выявления интенций использовался метод интент-анализа – подход, разрабатываемый в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН. Приемы речевого воздействия выявлялись с помощью контент-анализа. Математическая обработка данных проводилась с использованием Difference test из пакета Statistica 6.0 и алгоритмов ограниченного перебора (Data Mining), представленных программой WizWhy.

Коммуникативные обстоятельства разных видов дискурса. Все три выбранных нами вида дискурса относятся к масс-медийным публичным выступлениям. По цели их можно обозначить как убеждающие (призванные показать правильность занимаемой оратором позиции, укрепить или изменить мнение аудитории по определенному вопросу). По форме все три вида дискурса относятся к беседам (развернутым и частично подготовленным диалогам). Формат предвыборных дебатов предусматривает разговор между двумя героями передачи – политиками-оппонентами. Присутствует ведущий, который задает тему беседы, четко регламентирует разговор политиков, в том числе отводя для их речи строго определенное время, но сам в беседу практически не вступает. В большинстве случаев в студии присутствуют зрители, но право голоса им не дается. Беседа с ведущим предусматривает присутствие только одного приглашенного героя, и он ведет разговор непосредственно с ведущим, чья роль по сравнению с предвыборными дебатами значительно более активна. Ток-шоу предполагает более сложную организацию. В студии присутствует несколько героев передачи, их количество может меняться в процессе разговора. Ведущий более активен, чем в предвыборном дискурсе: он не только контролирует процесс

© Григорьева А.А., 2011

беседы, но и может высказывать свое мнение, но все же его роль значительно менее выражена по сравнению с беседой с ведущим. Также в студии присутствуют гости – чаще всего известные люди, которым периодически дается слово и которые могут высказать свое мнение относительно ситуации. Как и в предвыборных дебатах, в студии находятся зрители, но здесь у них бывает возможность высказаться.

Интенциональная структура разных видов дискурса. Результаты интент-анализа показали следующие особенности трех видов масс-медийного дискурса. Было выделено шесть интенциональных направленностей субъектов общения: *на себя*, *на ситуацию*, *на зрителя*, *на героя передачи*, *на ведущего* и *на разговор*. В разных видах дискурса эти направленности оказались выражены в разной степени и представлены различающимися наборами интенций. Для каждого дискурса мы учитывали количество случаев, в которых встречалась каждая интенция.

Направленность участников *на себя* наиболее выражена в предвыборном дискурсе, менее всего – в ток-шоу. Во всех трех видах дискурса главную составляющую этой направленности образуют интенции позитивной самопрезентации – демонстрации своих положительных качеств. Но в предвыборном дискурсе такие интенции встречаются чаще, чем в беседе с ведущим, и значительно чаще, чем в ток-шоу (249, 154 и 20 случаев соответственно). Также во всех 3-ех видах дискурса встречались интенции демонстрации своей позиции – высказать свое мнение, доказать свою правоту (25, 11 и 20 случаев). Для предвыборных дебатов и разговора с ведущим характерна интенция демонстрации чувств – продемонстрировать расстройство, вспомнить былое, в ток-шоу эта интенция не выражена. Коммуникативные обстоятельства предвыборного дискурса определяют наличие в нем интенции, не выраженной в других исследованных видах дискурса – нацеленности на сближение с аудиторией, выражающейся в таких интенциях, как отождествление с избирателем и демонстрация близости к народу.

Направленность *на ситуацию* также выражена в исследованных видах дискурса в разной степени. Более всего она выражена в беседе с ведущим, несколько меньше – в предвыборных дебатах и менее всего – в ток-шоу (294, 254 и 92 соответственно). При этом необходимо уточнить, что, несмотря на то что в ток-шоу эта направленность выражена меньше, чем в других исследованных видах дискурса, все же это самая характерная для него направленность участников. Во всех трех видах дискурса она выражается в демонстрации негативных сторон действительности, в выражении личного отношения к ситуации и в ее анализе.

Как и направленность *на себя*, направленность *на зрителя* более всего выражена в предвыборных дебатах, на втором месте – беседы с ведущим, на третьем – ток-шоу (267, 139 и 40 случаев). Во всех трех видах дискурса говорящие стремятся сформировать представления зрителей, сообщить им необходимую информацию, сформировать их картину мира. Коммуникативные обстоятельства предвыборных дебатов и ток-шоу определяют присутствие в них направленности на привлечение и удержание внимания собеседника. Беседы с ведущим, организованные как разговор «один на один», практически исключают возникновение подобных интенций. Зато для предвыборного дискурса и разговора с ведущим, ориентированных, в первую очередь, на политическую тематику, характерны интенции привлечения зрителя на свою сторону, агитации.

Значимые различия между исследованными видами дискурса проявляются и в направленности *на героя передачи*. В предвыборных дебатах и беседах с ведущим это, чаще всего, оппонент говорящего – политический противник, соперник и т.д. Данное обстоятельство определяет наличие в этих видах дискурса только одной направленности на героя – демонстрации негативного отношения, которая выражается в подчеркивании отрицательных черт героя, обвинении и опровержении его взглядов. В ток-шоу отношение к герою передачи может быть различным, поэтому кроме демонстрации негативного отношения возникают и другие направленности – демонстрация позитивного отношения, побуждение героя к определенным действиям, рассказ о нем.

В исследованных видах дискурса были обнаружены еще две интенциональные направленности – *на ведущего* и *на разговор*. Эти направленности в некоторой мере присутствуют во всех исследованных видах дискурса, но о значимой выраженности можно говорить только в одном случае – в беседах с ведущим значимо выражена направленность на ведущего (65 случаев). Отсутствие этой направленности в других видах дискурса определяется тем, что роль ведущего в них слабо выражена.

Приемы речевого воздействия в разных видах дискурса. На следующем этапе исследования мы с помощью контент-анализа выделяли приемы речевого воздействия в трех видах масс-медийного дискурса. Из всех приемов речевого воздействия чаще всего используется прием *выбора информации*. На втором месте – *сообщение позитивных либо негативных фактов*. Это в первую очередь должно быть обусловлено убеждающим типом всех исследованных видов дискурса. Также это связано с простотой использования этих приемов воздействия, приемы, требующие подготовки или наличия навыков убеждающей коммуникации, встречаются значительно реже.

Чаще всего приемы воздействия используются в предвыборных дебатах (322 случая), на втором месте – «Момент истины» (288 случаев), на третьем – «Пусть говорят» (205 случаев). Такая закономерность может быть связана с уровнем подготовленности говорящих – в предвыборных дебатах участвуют политики – профессиональные ораторы, в студию «Момента истины» могут приходить разные люди, не обязательно обладающие риторическими навыками, а в «Пусть говорят», по крайней мере, теоретически, участвуют «обыватели», не имеющие навыков убеждающей коммуникации.

В предвыборных дебатах и разговорах с ведущим используется практически равное количество рациональных средств воздействия (направленных на изменение картины мира слушателя), зато эмоциональные средства воздействия (направленные на изменение эмоционального фона слушателя) встречаются в предвыборном дискурсе значительно чаще, чем во всех других исследованных видах дискурса. При этом нельзя сказать, что коммуникативные обстоятельства предвыборного дискурса «располагают» к эмоциональной беседе – как уже было сказано ранее, в беседе, фактически, участвуют только два человека, при этом ход разговора очень четко контролируется ведущим как по времени, так и по степени эмоционального напряжения.

В случае с приемами, направленными на активизацию социальных эмоций и идей (напр., обращение к оценочным установкам адресата), и приемами, направленными на создание определенного эмоционального настроя (использование экспрессивной лексики, стилистическая окрашенность и т.п.), ток-шоу (10 и 43 случая соответственно) и беседы с ведущим (8 и 41) показывают схожие результаты, но предвыборный дискурс выходит на первое место (21 и 72 случая). Приемы, направленные на сближение (в редких случаях дистанцирование) с аудиторией (использование знаковых слов, особый жаргон и т.п.), одинаково популярны в предвыборных дебатах и беседах с ведущим, но реже используются в ток-шоу (41, 44 и 23 случая соответственно). Три последних закономерности трудно объяснить очевидными параллелями с интенциональными структурами разных видов дискурса, поэтому для детального анализа причин различий в использовании приемов воздействия нам необходимо было провести дополнительный анализ и найти статистическую связь между интенциями и приемами речевого воздействия.

Связь между интенциями и приемами речевого воздействия. Для выявления связи между исследуемыми показателями мы анализировали данные методами Data Mining, используя систему WizWhy 3.01 компании WizSoft.

Выявлялись такие интенции или сочетания интенций, при наличии которых с большой вероятностью можно утверждать, что для их реализации будет использован определенный прием воздействия.

В целом мы обнаружили 809 правил типа «Если – То», связывающих интенциональные характеристики дискурса и используемые приемы речевого воздействия. Все обнаруженные правила имеют низкую статистическую вероятность ошибки (Significance Level: Error probability) – от 0,01 и ниже.

Правила различаются по количеству условий – интенций, связанных с использованием приема. В общем случае правила констатируют связь приема с 1–5 интенциями. Различна также вероятность правила (Rule's probability), которая определяет, в каком проценте случаев интенция или их набор связаны с использованием данного приема воздействия. Существуют правила, которые реализуются в 100% случаев, в основном они были обнаружены для двух приемов воздействия – выбор информации и сообщение позитивных / негативных фактов. Эти приемы оказались связаны с 81,25% и 56,25% интенций соответственно (из всех интенций, для которых обнаружены правила), причем для большинства этих правил вероятность равна или практически равна 100%. В этих случаях можно говорить об автоматизации приема. Так, в соответствии с обнару-

женным правилом, мы можем утверждать, что в 100% случаев, если у говорящего есть интенция построить прогноз относительно обсуждаемой ситуации, будет использоваться прием выбора информации (вероятность ошибки <0,01).

Видимо, в большинстве случаев такая автоматизация невозможна – ведь приемы воздействия, безусловно, предполагают выбор, осознанность, интенции лишь побуждают говорящего использовать тот или иной прием. Кроме того, результаты исследования показывают, что использование приема обычно связано с тем или иным интенциональным комплексом, определенным интенциональным состоянием говорящего.

Также это предположение подтверждается тем, что вероятность правила в большинстве случаев растет с увеличением числа интенциональных переменных. В большинстве случаев этот интенциональный комплекс полностью или частично повторяет обнаруженную нами ранее интенциональную структуру: *анализ и критика ситуации*, *критика оппонента*, *самоапологизация*, *агитация / убеждение слушателя*.

Результаты нашего анализа, безусловно, подтвердили выводы предыдущих исследований о характерной интенциональной структуре разных видов дискурса. По результатам проведенного исследования в дальнейшем возможно составление классификации интенций и приемов речевого воздействия.

Библиографический список

1. *Караулов А.В.* Вокруг Кремля. – М.: Слово, 1993.

2. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.

3. Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII.

4. Общение и познание / Под ред. В.А. Барабанщикова, Е.С. Самойленко. – М., 2007.

5. *Павлова Н.Д.* Новые направления исследований в психологии речи и психолингвистике // Психологический журнал. – 2007. – №2.

6. *Павлова Н.Д.* Современный диалог-анализ // Иностранная психология. – 1996. – №6.

7. *Паршин П.Б.* Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000.

8. Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачёсова. – М.: Институт психологии РАН, 2005.

9. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Под ред. Ф.М. Березина, Е.Ф. Тарасова. – М.: Наука, 1990.

10. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. – СПб.: Алетейя, 2000.

11. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.: Наука, 1979.

12. *Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д.* Ведение политических дискуссий: Психологический анализ конфликтных выступлений. – М., 1995.

13. *Шейгал Е.Н.* Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

14. *Dijk T.A. van.* Political Discourse and Racism: Describing Others in Western Parliaments // The Language and Politics of Exclusion: Others in discourse. – Thousand, 1994.

15. *Edwards D., Potter J.* Discursive psychology. – London/ Newbury Park/ New Delhi, 1992.

16. *Riker W.H.* The art of Political Manipulation. Yale U. Pr. – New Haven, L., 1986.

УДК 316.61:159.98

Косарева Ирина Владимировна
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль
koska@xaker.ru

ТРЕНИНГОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОДРОСТКОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЕГО СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙ

Проблема социализации в современном обществе является актуальной проблемой для изучения в рамках отечественной и зарубежной психологии. В статье излагаются результаты авторского исследования влияния различных типов семей, выделенные по структурным и социальным признакам, на процесс социализации подростков. Приводится тренинговая программа, включающая в себя в качестве элементов: тренинг мотивации успеха; тренинг коммуникативной компетентности; тренинг социально-психологической адаптации.

Ключевые слова: *социализация, семьи, подростки, тренинговое воздействие, компетентность, мотивация, адаптация, шкалы.*

Проблема социализации подростков в условиях семьи входит в число актуальных проблем современной отечественной и зарубежной психологии. Основными сферами социализации являются деятельность, общение и самосознание, поскольку основу социализации составляет взаимодействие человека с социальной средой [1, с. 339]. Это требует изучения не становления личности самой по себе, но становления личности, включенной в различные системы отношений и взаимоотношений, в процессе ее активной деятельности.

Актуальность, теоретическую значимость и практическую необходимость работы в области изучения специфики влияния семей на социализацию подростков в современном российском обществе подтверждают результаты исследования, проводимые автором с 2007 года.

В ходе одного из исследований, проведенного по таким методикам как методика диагностики родительского отношения А.Я. Варга, В.В. Столина, пятифакторный личностный опросник Мак-Крае-Коста [2, с. 198–205], методика исследования коммуникативных и организаторских способностей (КОС) [6, с. 129–133], методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса [4, с. 105–106] и методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [3, с. 193–197]), была выявлена зависимость между личностными качествами подростков и их социально-психологическим статусом в малой группе, с одной стороны, и структурно-функциональными характеристиками их семей, с другой стороны.

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что различные типы семей, выделенные по структурным и социальным признакам, по-разному влияют на процесс социализации подростков. Подростки, воспитывающиеся в семьях с определенными психологическими дисфункциями, уступают своим сверстникам, воспитывающимся в «полноценных» семьях по целому ряду социально-психологических параметров, отражающих степень их социализированности, в частности, по следующим показателям: адаптивность; коммуникативные способности; мотивация успеха. Особое значение так же имеет и различие по шкалам всех методик между группами испытуемых, принадлежащих к семьям с разными структурными характеристиками: по составу родителей; по количеству детей.

На основании данных результатов, автором была определена проблема дальнейшего исследования влияния типа семей на социализацию подростков, т.к. наблюдается устойчивое противоречие между необходимостью оказания своевременной психолого-педагогической поддержки подростков и наличием устойчивых проблем в отношении возможностей семейного воспитания в процессе их социализации. Для решения данной проблемы автор предлагает использовать специфическую программу тренинговых занятий для подростков по воздействию на них как необходимого условия повышения уровня их социализации, включающую в себя в качестве элементов: тренинг мотивации успеха; тренинг коммуникативной компетентности; тренинг социально-психологической адаптации.

Основная цель тренинга заключалась в определении возможностей социально-психологического тренинга в решении задачи развития личностных качеств подростков, отражающих степень

© Косарева И.В., 2011

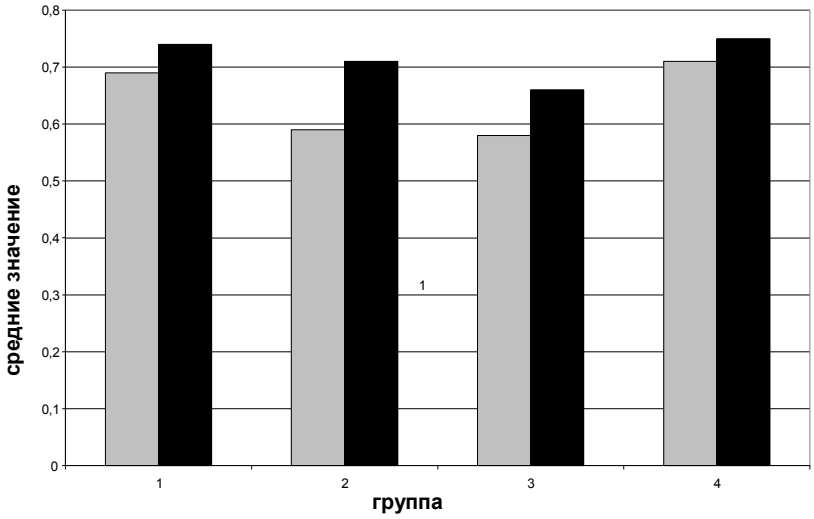

Рис. 1. Сравнительный анализ средних значений по шкале «Коммуникативные способности» методики КОС до и после тренингового воздействия

их социализации. Основным механизм заключался в осуществлении контролируемого воздействия на экспериментальные группы испытуемых в рамках социально-психологического тренинга и анализ результатов этого воздействия.

В тренинге принимали участие 56 человек – студенты 1-го курса Ярославского градостроительного колледжа, поступившие в колледж после окончания 9-го класса общеобразовательной школы в возрасте от 14 до 16 лет.

Диагностика результатов тренинга (изменений личностных качеств подростков, отражающих степень их социализации) была направлена на выявление изменений следующих социально-психологических характеристик участников тренинга: адаптивность; коммуникативные способности; мотивация успеха.

Анализ средних значений по всем шкалам эмпирических методик до и после тренингового воздействия приведен в диаграммах 1–4.

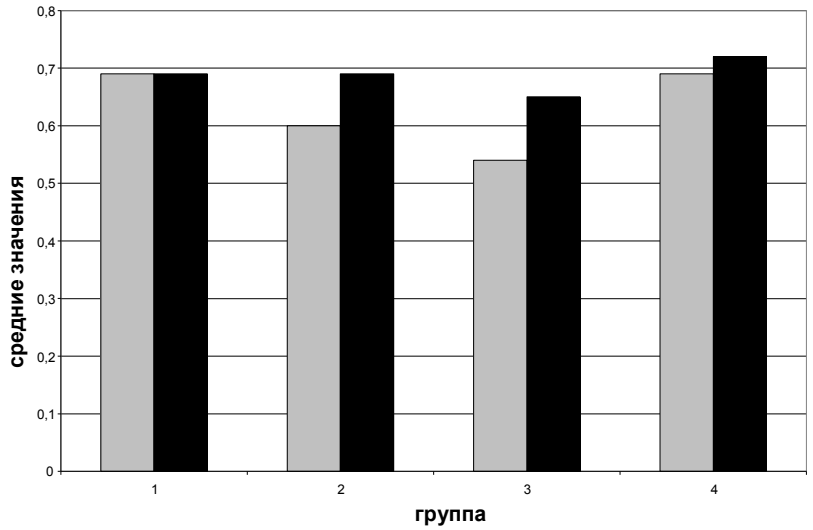

Рис. 2. Сравнительный анализ средних значений по шкале «Организаторские способности» методики КОС до и после тренингового воздействия

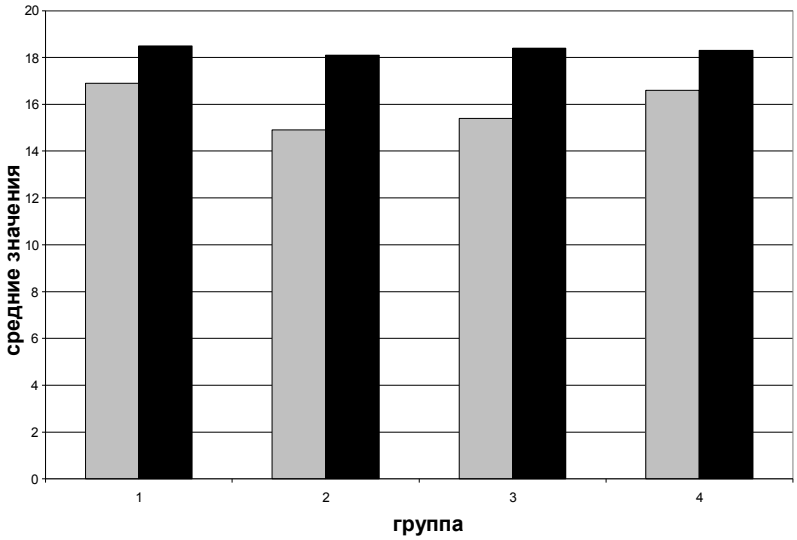

Рис. 3. Сравнительный анализ средних значений по шкале «Мотивация успеха» методики Элерса до и после тренингового воздействия

На диаграмме (рис. 1) представлен сравнительный анализ средних значений по шкале «Коммуникативные способности» методики КОС до и после тренингового воздействия.

Результаты сравнительного анализа показывают, что в результате тренингового воздействия во всех группах испытуемых произошли существенные изменения средних значений по шкале «Коммуникативные способности», а именно:

– группа №1 (испытуемые, принадлежащие к семьям с полным составом родителей) среднее значение увеличилось с 0,69 до 0,74;

– группа №2 (испытуемые, принадлежащие к семьям с неполным составом родителей) среднее значение увеличилось с 0,59 до 0,71;

– группа №3 (испытуемые, принадлежащие к семьям с одним ребенком) среднее значение увеличилось с 0,58 до 0,66;

– группа №4 (испытуемые, принадлежащие к семьям с 2 и более детей) среднее значение увеличилось с 0,71 до 0,75.

Следует отметить, что наибольшее увеличение средних значений по шкале «Коммуникативные способности» (на 0,12) произошло в группе №2 (испытуемые, принадлежащие к семьям с неполным составом родителей)

На диаграмме (рис. 2) представлен сравнительный анализ средних значений по шкале «Организаторские способности» методики КОС до и после тренингового воздействия.

Результаты сравнительного анализа показывают, что в результате тренингового воздействия в большинстве групп испытуемых произошли существенные изменения средних значений по шкале «Организаторские способности», а именно:

– группа №1 (испытуемые, принадлежащие к семьям с полным составом родителей) среднее значение не изменилось (0,69 до и 0,69 после тренинга);

– группа №2 (испытуемые, принадлежащие к семьям с неполным составом родителей) среднее значение увеличилось с 0,60 до 0,69;

– группа №3 (испытуемые, принадлежащие к семьям с одним ребенком) среднее значение увеличилось с 0,54 до 0,65;

– группа №4 (испытуемые, принадлежащие к семьям с 2 и более детей) среднее значение увеличилось с 0,69 до 0,72.

Следует отметить, что наибольшее увеличение средних значений по шкале «Организаторские способности» (на 0,11) произошло в группе №3 (испытуемые, принадлежащие к семьям с одним ребенком).

На диаграмме (рис. 3) представлен сравнительный анализ средних значений по шкале «Мотивация успеха» методики Элерса до и после тренингового воздействия.

Результаты сравнительного анализа показывают, что в результате тренингового воздействия во всех группах испытуемых произошли существенные изменения средних значений по шкале «Мотивация успеха», а именно:

– группа №1 (испытуемые, принадлежащие к семьям с полным составом родителей) среднее значение увеличилось с 16,9 до 18,5;

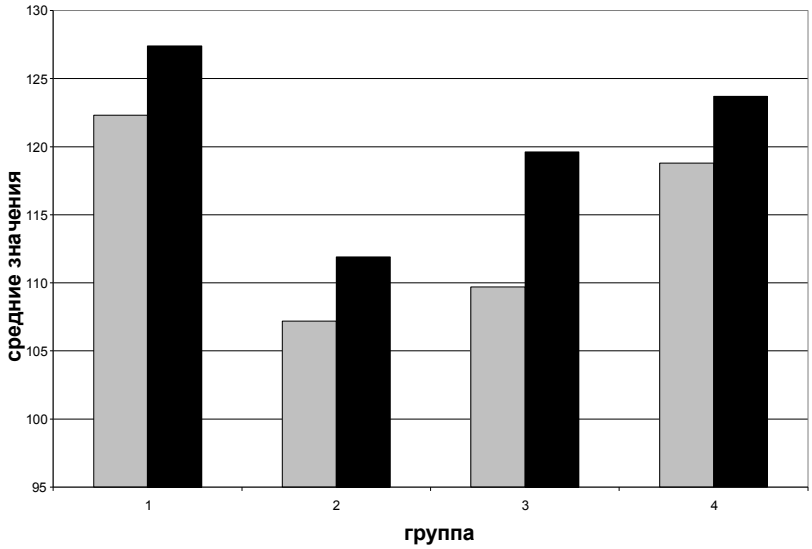

Рис. 4. Сравнительный анализ средних значений по шкале «Адаптивность» методики К. Роджерса и Р. Даймонда до и после тренингового воздействия

– группа №2 (испытуемые, принадлежащие к семьям с неполным составом родителей) среднее значение увеличилось с 14,9 до 18,1;

– группа №3 (испытуемые, принадлежащие к семьям с одним ребенком) среднее значение увеличилось с 15,4 до 18,4;

– группа №4 (испытуемые, принадлежащие к семьям с 2 и более детей) среднее значение увеличилось с 16,6 до 18,3.

Следует отметить, что наибольшее увеличение средних значений по шкале «Мотивация успеха» (на 3,2) произошло в группе №2 (испытуемые, принадлежащие к семьям с неполным составом родителей).

На диаграмме (рис. 4) представлен сравнительный анализ средних значений по шкале «Адаптивность» методики К. Роджерса и Р. Даймонда до и после тренингового воздействия.

Результаты сравнительного анализа показывают, что в результате тренингового воздействия во всех группах испытуемых произошли существенные изменения средних значений по шкале «Адаптивность», а именно:

– группа №1 (испытуемые, принадлежащие к семьям с полным составом родителей) среднее значение увеличилось с 122,3 до 127,4;

– группа №2 (испытуемые, принадлежащие к семьям с неполным составом родителей) среднее значение увеличилось с 107,2 до 111,9;

– группа №3 (испытуемые, принадлежащие к семьям с одним ребенком) среднее значение увеличилось с 109,7 до 119,6;

– группа №4 (испытуемые, принадлежащие к семьям с 2 и более детей) среднее значение увеличилось с 118,8 до 123,7.

Следует отметить, что наибольшее увеличение средних значений по шкале «Организаторские способности» (на 9,9) произошло в группе №3 (испытуемые, принадлежащие к семьям с одним ребенком).

Результаты сравнительного анализа показывают существенные изменения в результате тренинга следующих социально-психологических характеристик его участников:

– коммуникативные способности;

– организаторские способности;

– мотивация успеха;

– адаптивность.

Таким образом, можно сделать вывод о значительных возможностях социально-психологического тренинга в решении задачи развития личностных качеств подростков, отражающих степень их социализации. В результате тренингового воздействия наиболее значительные положительные изменения происходят, прежде всего, в «проблемных» группах испытуемых (принадлежащих к неполным семьям, к семьям с одним ребенком).

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

2. *Батаршев А.В.* Диагностика темперамента и характера. Изд. 1-е. – СПб.: Питер, 2005.

3. Диагностика социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд) // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., Изд-во Института психотерапии, 2002.

4. Методика диагностики мотивации к достижению успеха Т. Элерса // Розанова В.А. Психология управления. – М., 1999.

5. *Орлов А.Б.* Эволюция межличностных отношений в семье: основные подходы, ориентации и тенденции – Донецк: Библиотека Центра психологического консультирования ТРИАЛОГ, 2005.

6. *Пашукова Т.И., Допира А.И., Дьяконов Г.В.* Психологические исследования: Практикум по общей психологии для студентов педагогических вузов: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Института практической психологии, 1996.

7. Психологические тесты / Под. ред. А.А. Карелина: В 2 т. – М. 2000. – Т. 2. – С. 144–152.

Степанова Ирина Юрьевна

Волжский государственный инженерно-педагогический университет (г. Н. Новгород)

stepanova.i.u@list.ru

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ УРОВНЯ САМОПРИНЯТИЯ ПЕДАГОГА ВУЗА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОКЛИМАТ ГРУППЫ

Статья посвящена актуальной проблеме совершенствования коммуникативной культуры педагога, в развитии которой важную роль играет феномен самопринятия. В работе затронута проблема влияния уровня самопринятия педагога на формирование самопринятия учащихся, а также на их самочувствие и поведение на занятиях, что, в свою очередь, составляет психологическую атмосферу группы. Приведены некоторые результаты экспериментального исследования влияния самопринятия педагога на психологический микроклимат группы.

Ключевые слова: *коммуникативная культура педагога, самопринятие, психологический микроклимат группы, удовлетворенность учебной деятельностью.*

Сфера педагогического труда представляет собой такой вид профессиональной деятельности, где ведущую роль играет процесс общения, поэтому эффективность педагогической деятельности во многом зависит от уровня коммуникативной компетентности педагога, глубокое и всестороннее изучение которой будет способствовать поиску путей оптимизации профессионального развития учителя.

Среди факторов, детерминирующих процесс развития коммуникативной культуры, многие исследователи (Р. Бернс, А. Маслоу, К. Роджерс, С.Р. Пантилеев, В.В. Столин и др.) выделяют феномен самопринятия. В психологии накоплено большое количество теоретических и эмпирических данных, связанных с самоотношением как объектом психологического анализа, однако проблема самопринятия недостаточно исследована.

Принятие себя, по определению С.Л. Братченко и М.Р. Мироновой, означает признание себя и безусловную любовь к себе такому, каков я есть, отношение к себе как личности, достойной уважения, способной к самостоятельному выбору, веру в себя и свои возможности, доверие собственной природе, организму [1, с. 44].

К. Роджерс, говоря о самопринятии, назвал ряд ценностных представлений человека, которые проявляются во взаимодействии с другими людьми:

– уход от внешней, показной стороны в общении, от притворства защит;

– уход от «долженствования», от насаждаемых извне императивов;

– отказ от соответствия чужим ожиданиям;

– естественность бытия, аутентичность;

– переживание уверенности, гордости и ответственности;

– отношение к своим чувствам как к ценности, открытость внешнему и внутреннему опыту;

– возрастание значимости процесса деятельности и собственного потенциала, который открывается в этом процессе;

– принятие других такими, какие они есть;

– стремление к глубоким личностным взаимоотношением с людьми [5, с. 51].

Педагог является развивающейся личностью, находящейся на определенном отрезке своего жизненного пути, со своими мыслями, чувствами, переживаниями, отношением к себе. Он только тогда может принять своего ученика безусловно и безоценочно таким, какой он есть, т.е. позво-

© Степанова И.Ю., 2011

лить ему быть самим собой, когда он позволит быть самим собой и себе. «Внутренняя возможность предоставления себе права быть таким, как есть, позволяет и способствует искреннему предоставлению другому быть, без оговариваний и пожеланий, без каких-либо условий». Таким образом, формирование самопринятия ученика и принятие его учителем детерминировано самопринятием педагога.

Для того чтобы определить уровень самопринятия педагогов ВГИПУ, нами было проведено анкетирование среди 65 студентов 1 курса экономических специальностей. В предложенных анкетах студенты оценивали собственное самочувствие и поведение на занятиях у отдельных педагогов по десяти различным дисциплинам. В результате обработки полученных данных выяснилось, что хорошее самочувствие было отмечено у четырех преподавателей (дисциплины «Психология и педагогика», «Правоведение», «Химия», «Английский язык»). Студенты отметили, что на этих занятиях чувствуют себя комфортно, высказывают свои мысли, чувства, не боятся сделать ошибку. Мы можем предположить, что подобные проявления связаны с тем, что преподаватель поощряет инициативу учащихся, готов обсуждать все интересующие их вопросы, искренне проявляет свои чувства, принимает учащихся такими, какие они есть. Такое поведение характерно для преподавателей с высоким уровнем самопринятия.

Самочувствие и отношение к преподавателям по дисциплинам «Экономическая теория», «История» и «Концепция современного естествознания» были оценены студентами ниже среднего уровня. В отношении дисциплин «Математика», «Логика» и «Физика» были получены самые низкие показатели, студенты ощущают дискомфорт, не принимают участие в обсуждении материала, считают дисциплину незначимой для себя. Это может быть обусловлено тем, что преподаватели не воспринимают учащихся в качестве субъектов деятельности, познания и общения, не признают за каждым их них такие права, как право быть самим собою, развивать свои способности, высказывать свои мысли и переживания, иметь свои суждения, участвовать в принятии решений.

Таким образом, мы можем предположить, что в настоящее время уровень самопринятия, а значит, и коммуникативной компетентности большинства педагогов находится на низком уровне, что препятствует максимально возможному раскрытию потенциала учащихся, разностороннему, гармоничному развитию их личности, повышению эффективности учебной деятельности, а также оптимальному развитию самопринятия учащихся. На таких занятиях у студентов проявляются эмоции, описанные М.А. Хазановой: страх, тревожность, боязнь неуспеха, боязнь негативной оценки, доминирование чувства вины, выраженная мотивация достижения, ориентация на внешнюю оценку, внешние нормы.

У учащегося с оптимально развитым самопринятием сильно выражены такие проявления, как вера в свои силы и возможности, доверие к себе и к миру, независимость, честное отношение к себе, стремление к искренности в проявлении чувств, предоставление себе права быть таким, как есть, искреннее предоставление права другим иметь иную точку зрения (т. е. искреннее предоставление права другим быть самими собой) [5, с. 51]. Преобладающими эмоциями в такой группе являются доброжелательность, защищённость, мобильность, креативность, оптимизм, инициативность, работоспособность, свобода «я». Перечисленные эмоциональные проявления составляют психологическую атмосферу группы, которая, в свою очередь, определяет формирование благоприятного психологического микроклимата группы.

В психологической науке под социально-психологическим климатом (от греч. klima (klimatos) – наклон) понимается качественная сторона межличностных отношений, проявляющаяся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной совместной деятельности и всестороннему развитию личности в группе [2, с. 180]. Социально-психологический климат определяют также как преобладающий в коллективе относительно устойчивый психологический настрой его членов, проявляющийся в многообразных формах их деятельности. Формируясь на основе эмоциональных и трудовых отношений в группе, индивидуальных ценностных ориентаций, социально-психологический климат, в свою очередь, и сам определяет систему отношений членов коллектива друг к другу, к своему труду, ко всем другим формам жизнедеятельности (к быту, досугу и др.) [6, с. 314]. При благоприятном социально-психологическом климате в группе преобладает бодрый,

жизнерадостный тон взаимоотношений, оптимизм в настроении; отношения строятся на принципах сотрудничества, взаимной помощи, доброжелательности; поддержке слабых, защите и помощи новичкам; в трудные минуты происходит эмоциональное единение («один – за всех, и все – за одного»); группа открыта, стремится сотрудничать с другими группами [4, с. 108].

Психологами установлено, что между состоянием социально-психологического климата коллектива и эффективностью совместной деятельности его членов существует положительная связь [7, с. 41–42]. Социально-психологический климат выступает в качестве полифункционального показателя уровня психологической включенности человека в деятельность, меры психологической эффективности этой деятельности, уровня психического потенциала личности и группы, масштаба и глубины барьеров, лежащих на пути реализации психологических резервов коллектива [3, с. 49].

Кроме того, благоприятный социально-психологический климат является для членов группы условием удовлетворенности как учебным процессом, так и коллективом. Такая обстановка в группе способствует и лучшему усвоению учебного материала, полноценному развитию каждой отдельно взятой личности, формированию новых и проявлению потенциальных возможностей учащихся. Следовательно, создание благоприятного психологического климата в группе учащихся является важным компонентом педагогической работы, поскольку психологически здоровые, творческие, уверенные в своих силах люди представляют особую ценность для современного общества.

Для того чтобы выяснить, влияет ли уровень самопринятия педагога на психологический микроклимат в группе, мы провели среди этих же студентов тестирование с использованием методики В.М. Завьяловой, которую частично модифицировали. В результате обработки полученных данных выяснилось, что на дисциплинах «Психология и педагогика», «Правоведение», «История» и «Химия» степень благоприятности психологического климата находится на среднем уровне. Для дисциплин «Экономическая теория», «Математика», «Концепция современного естествознания» и «Английский язык» характерна средне-низкая степень благоприятности психологического микроклимата. У дисциплин «Логика» и «Физика» благоприятность психологического микроклимата оценена как незначительная.

При помощи корреляционного анализа оценок студентами уровня самопринятия педагогов и уровня психологического микроклимата группы на соответствующих дисциплинах мы обнаружили значимые ($r = 0,81$, $p < 0,01$) связи. Таким образом, мы можем предположить, что оптимальный уровень самопринятия педагога способствует благоприятному психологическому климату в группе. Это можно объяснить тем, что вместе с развитием самопринятия педагога происходит развитие его позитивного отношения к миру и принятие учащихся такими, какие они есть. Это, в свою очередь создает среди студентов обстановку доверия, психологической безопасности, удовлетворенности учебной деятельностью и т.д., что и составляет благоприятный психологический микроклимат на занятиях.

Если педагог заботится о том, чтобы на каждом его занятии учащиеся погружались в атмосферу уважения (средства подчёркнутого уважения личности: обращение по имени, соблюдение этикета, недопущение унижения достоинства человека, публичное признание достоинств учеников, психологическая поддержка, снятие страха: «Ничего страшного, если в первый раз не получится», авансирование успеха: «Вы умные и эрудированные, поэтому непременно найдёте интересные решения проблемы» и др.), атмосферу радости от успешного напряжённого труда, то подобная атмосфера отразится на характере климата в группе.

Результаты нашей работы по данной проблеме показали, что в настоящее время система образования испытывает потребность в совершенствовании коммуникативной культуры педагогов. Для решения этой задачи необходимо разрабатывать средства диагностики и методы развития коммуникативной культуры, подробно исследовать психологические условия и особенности, влияющие на развитие коммуникативной культуры будущих специалистов в период обучения в высшем учебном заведении.

Библиографический список

1. *Братченко С.Л., Миронова М.Р.* Личностный рост и его критерии // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылёвой. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. – С. 44.

2. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.

3. *Парыгин Б.Д.* Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения. – Л.: Наука. Ленинградское отд-е, 1981. – С. 49.

4. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология. – СПб.: Речь, 2002. – С. 108.

5. *Хазанова М.А.* Феномен принятия в психотерапевтическом консультировании // Вопросы психологии. – 1993. – №2. – С. 51.

6. *Чередниченко И.П., Тельных Н.В.* Психология управления // Серия «Учебники для высшей школы». – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – С. 314.

7. *Шикун А.Ф.* Основы гигиены и организации труда и быта студентов. – Калинин, 1990. – С. 41–42.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 658.01:004(036)

Бойцов Максим Сергеевич
Костромской государственный технологический университет
krice2010@ya.ru,
Бойко Светлана Викторовна
кандидат технических наук
Костромской государственный технологический университет
sv_bojko@mail.ru,
Каравайков Владимир Михайлович
доктор технических наук, профессор,
Костромской государственный технологический университет
kvml@ya.ru ,

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

Рассмотрена методика информационной поддержки принятия решения при управлении энергоэффективностью предприятия. В рассматриваемой системе управления предметной областью является энергоэффективность текстильного производства. Пользователи – персонал энергетического менеджмента.

***Ключевые слова**: энергоэффективность, управление, информационное обеспечение, алгоритм управления*

Разработанная нами система управления энергоэффективностью предприятия [1] носит иерархический характер, предусматривающий сочетание централизованного управления или контроля с автономностью ее частей.

Выделены три уровня управления:

1-й уровень – управление работой оборудования и технологическими процессами, в том числе и на основе анализа энергетических балансов отдельных объектов.

2-й уровень – оперативное управление ходом производственного процесса по направлениям использования энергии на основе анализа энергетических балансов производственного подразделения (цеха).

3-й уровень – планирование работы и формирование управляющего воздействия на осно-

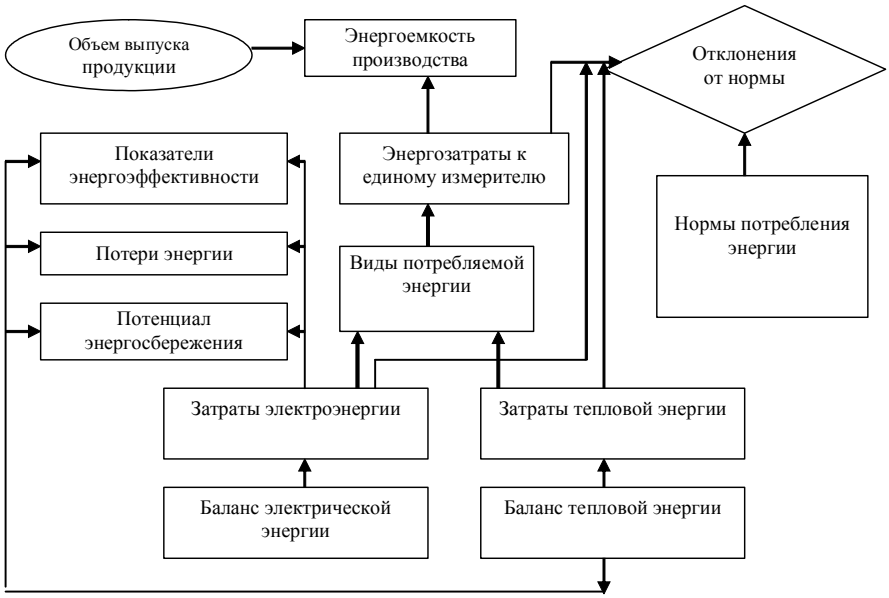

Рис. 1. Инфологическая модель «Третий уровень системы управления энергоэффективностью»

© Бойцов М.С., Бойко С.В., Каравайков В.М., 2011

ве нормирования расходов энергии, разработки и реализации программы управления энергопотреблением на предприятии на основе анализа энергетических балансов предприятия.

База данных в системе управления энергоэффективностью представляет собой интегрированную совокупность специальным образом организованных (структурированных) данных и связей между ними. Иными словами это датологическое представление информации о предметной области. Проектирование базы данных начинается с анализа предметной области и возможных запросов пользователей. В рассматриваемой системе управления предметной областью является энергоэффективность текстильного производства. Пользователи – персонал энергетического менеджмента. Потребности указанных пользователей в информационном обеспечении рассмотрены в работе [2].

Описательную (неформальную) модель предметной области, семантически определяющую сведения (сущности) из предметной области и связи между ними, интересующие пользователей базы данных представим в виде инфологической (информационно-логической) модели. Отметим, что инфологические модели второго и первого уровня управления энергоэффективностью имеют аналогичные атрибуты, что и на третьем уровне. На рисунке 1 представлена инфологическая модель «Третий уровень системы управления энергоэффективностью».

Для описания и анализа процесса формирования управляющего воздействия в системе управления энергоэффективностью предприятия в данной работе применяется реляционное моделирование. В основе реляционного моделирования лежат табличные методы и средства представления данных и манипулирования ими на основе точных математических методов [3].

Рассмотрим процесс формирования управляющего воздействия на втором и третьем уровнях системы управления.

На **втором уровне управления энергоэффективностью** рассчитываются следующие показатели:

1. *Энергопотребление цеха:* двухмерный массив **X2**, который характеризует потребление энергии по каждому ее виду в каждом цехе.

2. *Потери энергии цеха:* двухмерный массив **XP2**, который характеризует потери энергии по каждому ее виду в каждом цехе.

3. *Потенциал энергосбережения цеха*: двухмерный массив **Ptl2**, который характеризует потенциал сбережения энергии по каждому ее виду в каждом цехе.

Исходные данные для расчета:

Трехмерный массив, характеризующий потребление различных видов энергии в каждом цехе на каждой установке, **X1**. Передается с первого уровня управления.

Соответствующий трехмерный массив $X1_i$ (потребление i-го вида энергии) имеет вид:

$$X1_i = \begin{pmatrix} X1_{1,1}.. & ..X1_{1,k}.. & ..X1_{1,m1[j]}.. \\ . & . & . \\ . & . & . \\ X1_{j,1}.. & ..X1_{j,k}.. & ..X1_{j,m1[j]}.. \\ . & . & . \\ . & . & . \\ X1_{m2,1}.. & ..X1_{m2,k}.. & ..X1_{m2,m1[j]} \end{pmatrix}, \qquad (1)$$

где j (номер строки) – производственный цех; m2 – количество производственных цехов; k (номер столбца) – производственная установка; m1[j] – количество установок; $X1_{ijk}$ – количество затраченной в процессе производства энергии (для i-го вида энергии в j-м цехе на k-й установке). Каж-

Таблица 1

Матрица энергопотребления цеха

	Установка 1	Установка 2	…	Установка m1[j]	
Цех1	$X1_{i,1,1}$	$X1_{i,1,2}$	$X1_{i,1,k}$	$X1_{i,1,m1[j]}$	Размерность определяется видом энергии (i)
Цех2	$X1_{i,2,1}$	$X1_{i,2,2}$	$X1_{i,2,k}$	$X1_{i,2,m1[j]}$	
Цех3	$X1_{i,3,1}$	$X1_{i,3,2}$	$X1_{i,3,k}$	$X1_{i,3,m1[j]}$	
Цех4	$X1_{i,4,1}$	$X1_{i,4,2}$	$X1_{i,4,k}$	$X1_{i,4,m1[j]}$	
…	$X1_{i,j,1}$	$X1_{i,j,2}$	$X1_{i,j,k}$	$X1_{i,j,m1[j]}$	
Цех m2	$X1_{i,m2,1}$	$X1_{i,m2,2}$	$X1_{i,m2,j}$	$X1_{i,m2,m1[j]}$	

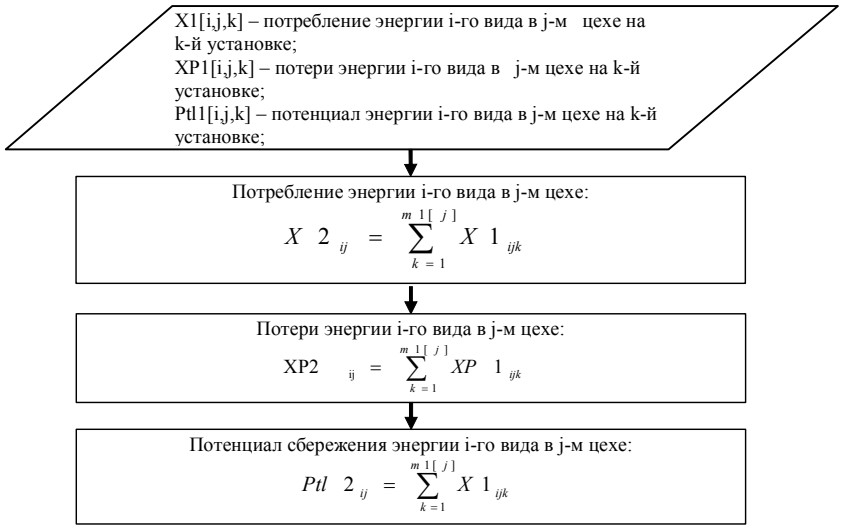

Рис. 2. Блок-схема алгоритма расчетов на втором уровне управления

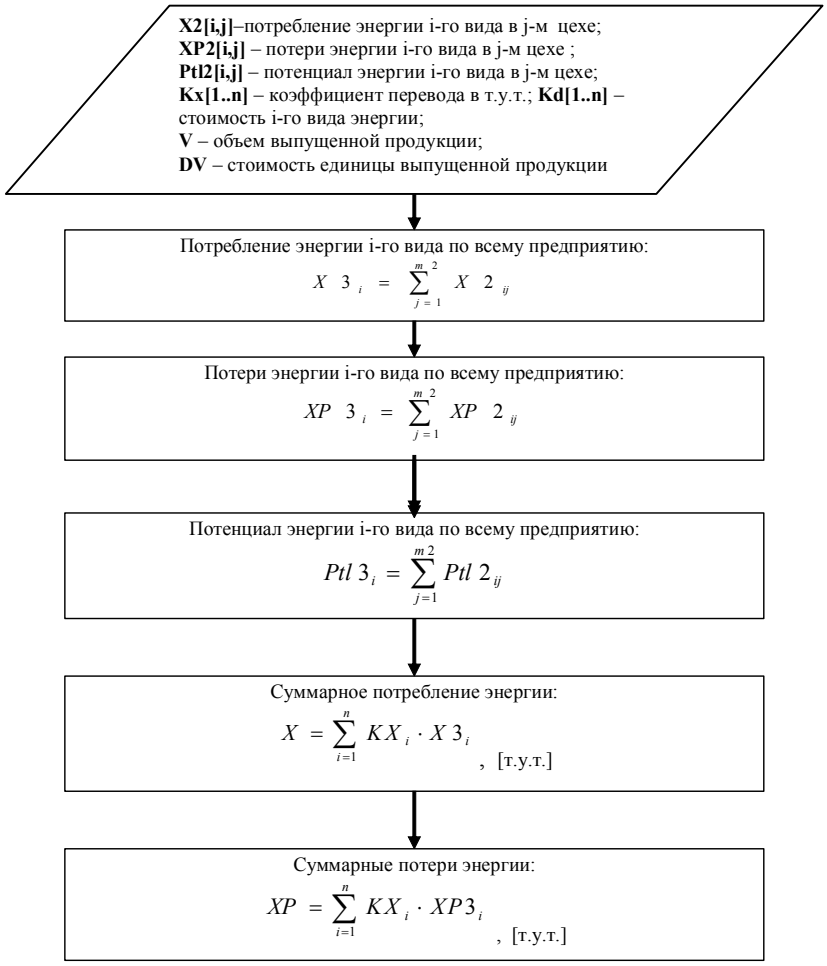

Рис. 3. Блок-схема алгоритма расчетов на третьем уровне управления

Таблица 2

Матрица потребления энергии предприятием

		Подразделения					Размерность
		Цех1	**Цех2**	**Цех3**	**…**	**Цех m2**	
Вид энергии	**Q – тепловая энергия**	$X2_{1,1}$	$X2_{1,2}$	$X2_{1,3}$	$X2_{1,j}$	$X2_{1,m2}$	Гкал
	W электроэнергия	$X2_{2,1}$	$X2_{2,2}$	$X2_{2,3}$	$X2_{2,j}$	$X2_{2,m2}$	кВт*ч
	T – топливо	$X2_{3,1}$	$X2_{3,2}$	$X2_{3,3}$	$X2_{3,j}$	$X2_{3,m2}$	тонна ($м^3$)
	M – вода	$X2_{4,1}$	$X2_{4,2}$	$X2_{4,3}$	$X2_{4,j}$	$X2_{4,m2}$	$м^3$
	…	$X2_{i,1}$	$X2_{i,2}$	$X2_{i,3}$	$X2_{i,j}$	$X2_{i,m2}$	…
	n-й вид энергии	$X2_{n,1}$	$X2_{n,2}$	$X2_{n,3}$	$X2_{n,j}$	$X2_{n,m2}$	…

дый элемент массива X1 имеет свою размерность в зависимости от вида энергии (i).

Матрица энергопотребления цеха представлена в таблице 1.

Трехмерный массив, характеризующий **потери** различных видов энергии в каждом цехе на каждой установке, XP1. Передается с первого уровня управления. Трехмерный массив, характеризующий **потенциал сбережения** различных видов энергии в каждом цехе на каждой установке, **Ptl1**. Передается с первого уровня управления. Матрицы потерь энергии и потенциала энергосбережения аналогичны по структуре матрице энергопотребления (табл. 1). Рассчитываем **потребление энергии** различных видов в цехе по всем установкам:

$$X2_{ij} = \sum_{k=1}^{m1[j]} X1_{ijk} . \qquad (2)$$

X2ij – суммарное потребление i-го вида энергии в j-м цехе по всем установкам. Каждый элемент массива имеет свою размерность в зависимости от вида энергии. Аналогично рассчитываем *XP2ij* – суммарные потери i-го вида энергии в *j*-м цехе по всем установкам и $Ptl2_{ij}$ – суммарный потенциал сбережения i-го вида энергии в *j*-м цехе по всем установкам.

На **третьем уровне управления** рассчитываются параметры энергопотребления для предприятия в целом. Матрица энергопотребления предприятия приведена в таблице 2.

Модули автоматизации работы на втором и третьем уровнях аналоговой модели управления энергоэффективностью [1] включают расчеты реляционных моделей энергопотребления, потерь энергии и потенциала энергосбережения на всех уровнях управления. Блок-схема реализации алгоритма расчетов на втором уровне управления представлена на рисунке 2.

Блок-схема реализации алгоритма расчетов на третьем уровне управления представлена на рисунке 3.

При разработке программы, соответствующей приведенному алгоритму мы руководствовались современным требованием, заключающемся в необходимости разработки дружественных для пользователей интерфейсов, основанных на знании о том, какая информация нужна потребителям информационных систем.

Выводы

1. На основе анализа предметной области и потребностей пользователей разработана инфологическая модель системы управления энергоэффективностью предприятия.

2. С использованием методов реляционного моделирования разработан алгоритм информационной поддержки принятия управляющего воздействия в системе управления энергоэффективностью.

Библиографический список

1. *Каравайков В.М.* Система управления энергоэффективностью текстильного производства // Известия ВУЗов. Технология текстильной промышленности. – 2003. – №4.

2. *Каравайков В.М.* Организация энергетического менеджмента текстильного предприятия. – Кострома: Костромской гос. технол. ун-т, 2003. – 175 с.

3. *Саукап Рон.* Проектирование реляционных систем баз данных. – М.: Русская редакция, 1998.

УДК 004.91:62-112

Денисов Артём Руфимович,
Набатова Ольга Александровна,
Травин Георгий Михайлович
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
opis@ksu.edu.ru

УПРАВЛЕНИЕ КОНФИГУРАЦИЕЙ ТЕКСТИЛЬНЫХ МАШИН ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИХ ЭКСПЛУАТАЦИИ

В статье рассматриваются классы оборудования, определяющие подходы к формированию конфигурации. Для каждого класса оборудования выбрана модель функциональной конфигурации, обеспечивающая более эффективную информационную поддержку при формировании интерактивных электронных технических руководств по их эксплуатации.

Ключевые слова: *интерактивное электронное техническое руководство, управление конфигурацией, структурно-технологическая схема, текстильное оборудование.*

Одной из ключевых задач развития современного промышленного производства является интегрированная поддержка жизненного цикла изделия (CALS), включая стадии проектирования, производства и логистической (послепродажной) поддержки (ILS) [1]. Следует заметить, что большинство существующих CALS-стандартов определяют лишь синтаксическую составляющую взаимодействия между этапами, не затрагивая вопросы семантики передаваемой информации.

В качестве семантической основы информационного взаимодействия целесообразно использовать принципы управления конфигурацией [2], нашедшие отражение в ISO 9000 [3].

Конфигурация – функциональные и физические характеристики, установленные в технических документах и реализованные в них [3]. К таким документам (документам по конфигурации – *configuration documentation*), относят технические требования (условия), чертежи изделия или электронные данные аналогичного назначения. Различают функциональную, проектную и физическую конфигурацию. Для управления документами по конфигурации на предприятии должен быть разработан бизнес-процесс, называемый «управлением конфигурацией» [2; 4; 5; 6; 7].

Принципы управления конфигурацией можно применять на всех этапах жизненного цикла, включая ILS, например при формировании интерактивных электронных технических руководств (ИЭТР).

Особую актуальность задача формирования ИЭТР имеет в текстильной отрасли, которая характеризуется многообразием оборудования различного назначения. В этом случае для каждого вида текстильного оборудования необходимо определить такую его конфигурацию, которая бы обеспечила наибольшую эффективность по поддержанию работоспособности и восстановлению его ресурса. Очевидно, что для целей формирования ИЭТР целесообразно использовать функциональную конфигурацию.

Для построения конфигурации воспользуемся принятой при оценке и управлении надежностью сложных технологических систем методикой составления структурных схем. При возможности декомпозиции на элементы сложных технических систем, к которым, безусловно, относятся и все основные виды текстильного оборудования, для управления их надежностью и эксплуатацией используются различного рода структурные схемы. При большом количестве составных частей в оборудовании в качестве элементов рассматриваются сборочные единицы, детали которых объединяются исходя из единства функционального назначения. В структурных схемах элементы могут соединяться последовательно, параллельно или комбинированно. При составлении схем структурный элемент формируется по конструктивно-функциональному признаку с обязательным учетом физики или природы отказа, поскольку не всегда способ конструктивного соединения элементов отображает способ соединения элементов в схеме надежности.

С позиции технической эксплуатации целесообразно в качестве элементов рассматривать не функциональные единицы, а комплексы, детали в которых объединяются на основе не только единства функционального назначения, но и общности подхода к техническому обслуживанию и ремонту, т.е. конструкторско-структурные группы (КСГ).

© Денисов А.Р., Набатова О.А., Травин Г.М., 2011

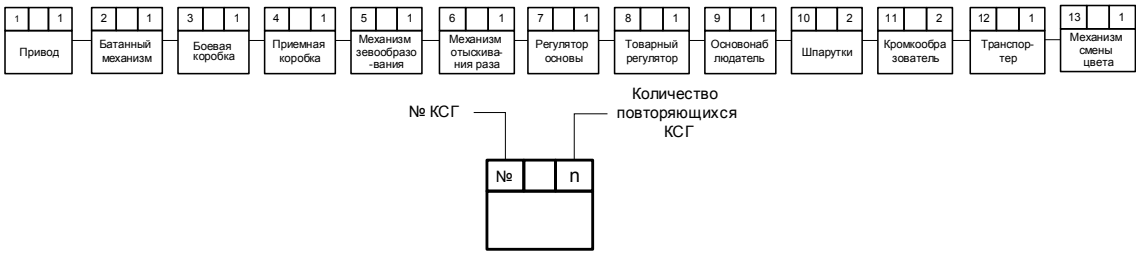

Рис. 1. Конструкторско-структурная схема ткацкого станка СТБ-180

Проведенный анализ показал, что в текстильной отрасли существует три класса оборудования, определяющие различные подходы к формированию конфигурации или структурной схемы.

Первый класс образует оборудование, для которого любой отказ приводит к останову всей машины, например, ткацкие станки. В этом случае анализ отказов и неисправностей производится только по конструкторско-структурным группам или механизмам. Для этого класса характерно последовательное соединение элементов. Рассмотрим конфигурацию такого оборудования на примере наиболее распространенного на отечественных текстильных предприятиях бесчелночного ткацкого станка СТБ-180. Конструкторско-структурная схема этого станка представлена на рисунке 1.

Как видим, практически все конструкторско-структурные группы станка (их общее количество 13), исключая остов, требуют наладки, регулирования и контроля в процессе эксплуатации.

Второй класс объединяет виды оборудования с большим количеством повторяющихся рабочих органов (прядильные, крутильные, ровничные, мотальные машины), превалирующими в которых по численности являются именно отказы рабочих органов. Для такого оборудования конфигурацию целесообразно строить как комбинированную, т.е. с последовательно-параллельными связями между элементами. На рисунке 2 представлена конфигурация для такого типа машин на примере современной пневмомеханической прядильной машины RIETER BT-903.

Как видно из схем 6 и 8, группы при большом повторяющемся количестве соединены между собой параллельно. Следовательно, при отказе любой из повторяющихся групп остальные продолжают работать. Такие отказы называют частичными, т.е. при отказе этих структурно-конструкторских групп машина продолжает функционировать, но с пониженной эффективностью.

К третьему классу относится оборудование, представляющее собой поточные линии, объединяющие, как правило, целый ряд одноцелевых машин, которые могут повторяться в линии (например, красильно-отделочное оборудование). Особенности такого оборудования обусловлены жесткой технологической связью определенного набора однофункциональных машин, обеспечивающих требуемые многофункциональные воздействия на ткань, что не позволяет использовать для его структурирования выше перечисленные принципы.

Следовательно, для отражения этих особенностей в структурных схемах однотипные машины должны иметь одинаковое условное обозначение, что позволяет создавать так называемые структурно-технологические схемы, элементом которых является машина. Для упрощенного отображения и облегчения анализа могут применяться две основные формы представления структурно-технологических схем: графическая, в которой машины обозначаются условными знаками,

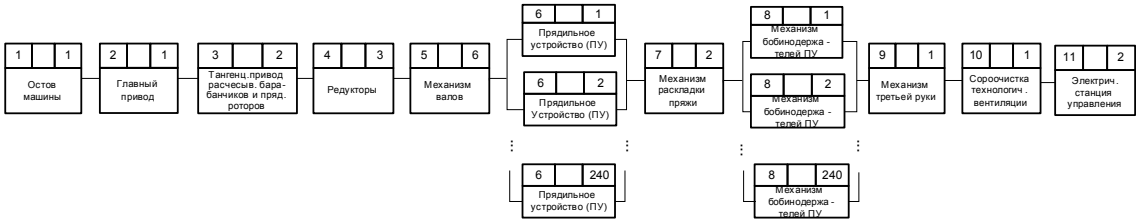

Рис. 2. Конструкторско-структурная схема пневмомеханической прядильной машины RIETER BT-903

Таблица 1

Структурные элементы технологических линий

Наименование машин	Наименование линий		Условные обозначения	
	Линия промывки	Линия для непрерывного крашения	Знаковые	Буквенные
Промывная машина	9	8	①	Пм
Укладчик тканей	1	1	②	Ут
Сушильно-барабанная машина	1	1	③	См
Механизм исправления утка	0	1	④	Му
Раскатная машина	0	1	⑤	Рм
Двухвальная плюсовка	0	2	⑥	Дв
Запарная машина	1	1	⑦	Зм
Окислительная ванна	0	1	⑧	Ов
Отжимное устройство	1	1	⑨	Оу
Заправочное устройство	1	1	◆	Зу
Компенсатор	1	1	❒	Ко
Зрельник воздушный	0	1	◪	Зв

и вербально-аналитическая, где обозначение машин осуществляется буквами.

Такие схемы, дающие наглядное представление не только о последовательности технологического процесса, реализуемого в конкретных линиях, но и о количестве равнонадежных элементов в данных системах, можно определить как функциональную конфигурацию.

Рассмотрим структурно-технологические модели как функциональную конфигурацию на примере поточных линий промывки и крашения льняных тканей. Следует учитывать, что поточные линии в красильно-отделочном производстве могут включать в себя секции, повторяющиеся в поточной линии и включающие в себя несколько машин.

В таблице 1 представлен перечень элементов вышеназванных линий с указанием их количества и условных обозначений, таких, которые были приняты в работе [8].

Рабочие машины линий при графическом представлении структурно-технологических схем обозначаются цифрами, а вводные, выводные устройства, накопители и машины для финишной операции обозначаются условными значками, повторяющиеся секции – скобками.

Представим структурно-технологические модели этих линий, указывая в вербальной модели цифрами количество машин перед их буквенным обозначением.

Структурно-технологические модели линии промывки:

◆-❒-⑦-9①-⑨-③-②

Л=Зу+Ко+Зм+9Пм+Оу+См+Ут

Структурно-технологические модели линии для непрерывного крашения:

◆-⑤-❒-2⑥-⑦-⑧-◪-8①-⑨-④-③-②

Л=Зу+Рм+Ко+2Дв+Зм+Ов+Зв+8Пм+Оу+
+Му+См+Ут

Таким образом, определены принципиальные модели функциональной конфигурации дл всех классов оборудования текстильной промышленности, что позволит повысить эффективность разработки интерактивных электронных технических руководств по его эксплуатации.

Библиографический список

1. Управление жизненным циклом продукции / А.Ф. Колчин, М.В. Овсянников, А.Ф. Стрекалов, С.В. Сумароков. – М.: Анахарсис, 2002.

2. Применение ИПИ-технологий в задачах обеспечения качества и конкурентоспособности продукции. Методические рекомендации. – М.: НИЦ CALS-технологий «Прикладная логистика», 2004. – 104 с.

3. ISO 10 007:2007 Административное управление качеством. Руководящие указания по управлению конфигурацией. – 2008.

4. Теория и методы управления конфигурацией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cals.ru/material/mater/UK.pdf

5. *Crnkovic I.* Implementing and Integrating Product Data Management and Software Configuration Management / I. Crnkovic, U. Asklund, A.P. Dahlqvist. – Artech House Publishers, 2003. – 366 p.

6. *Jonassen Hass A.M.* Configuration Management Principles and Practice. – Addison-Wesley Pub Co, 2002. – 432 p.

7. *Lyon D.D.* Practical CM: Best Configuration Management Practices for the 21st Century. – Raven Pub Co, 2004. – 267 p.

8. *Травин М.М., Киселёва Н.В.* Структурно-технологические модели надежности поточных линий // Известия вузов. Технология текстильной промышленности. – 2002. – №1.

УДК 677.05

Зосимов Матвей Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова,
Агеев Алексей Владимирович
Научно-исследовательский институт технических тканей (г. Ярославль)

ПРИНЦИПЫ ОБЪЕКТНОГО И ПРОЦЕССНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ

В статье представлены информационные модели технического обслуживания и ремонта объектов эксплуатации, позволяющие рассматривать их как методический материал и использовать для разработки интерактивных электронных технических руководств по эксплуатации и ремонту различных видов производственного оборудования.

Ключевые слова: *электронное руководство, интегрированная логистическая поддержка, техническая эксплуатация, технологическое оборудование.*

В [1] предложена структура интерактивного электронного руководства по эксплуатации, техническому обслуживанию (ТО) и ремонту технологического оборудования, учитывающая его конструктивные и эксплуатационные особенности. В рамках этой структуры описание рабочих операций восстановления работоспособности оборудования должно опираться на единый общий алгоритм. Для обеспечения единообразия в [2] осуществлена типизация структуры процессов и сложных операций на основе их моделирования и установления соответствия первичным свойствам ремонтопригодности.

Все ремонтно-восстановительные операции в зависимости от степени сложности и уровня обобщения предложено разделять на простые (неделимые), укрупненные и обобщенные. Операция восстановления работоспособности системы при ее отказе рассматривается как обобщенная. В общем случае такая обобщенная операция состоит из следующего ряда укрупненных: определение технического состояния элемента; замена элемента на новый; мойка, чистка, смазка, заправка, покраска и т.п. элемента; восстановление (ремонт) элемента; проверка, регулировка элемента в системе после монтажа. Сочетание перечисленных укрупненных операций в одной обобщенной может быть разным. В свою очередь каждая укрупненная операция может включать в себя одну или несколько простых неделимых.

Взаимосвязь между конструктивными особенностями машин и описанием типовых процессов ТО и ремонта отражается с помощью объектных и процессных моделей технической эксплуатации (ТЭ) на основе декомпозиции объектов эксплуатации и формализации алгоритмов их ТО и ремонта. При разработке моделей следует учитывать, что описание объектов неотделимо от операций, производимых над ними в производственном процессе [3].

Объектные модели представляются в форме диаграмм классов, а процессные, соответственно, – диаграмм основных процессов ТО и ремонта.

Графическое описание моделей выполняется в нотации UML (Unified Modeling Language) – унифицированного языка моделирования, языка графического описания для объектного моделирования в области разработки программного обеспечения.

 © Зосимов М.В., Агеев А.В., 2011

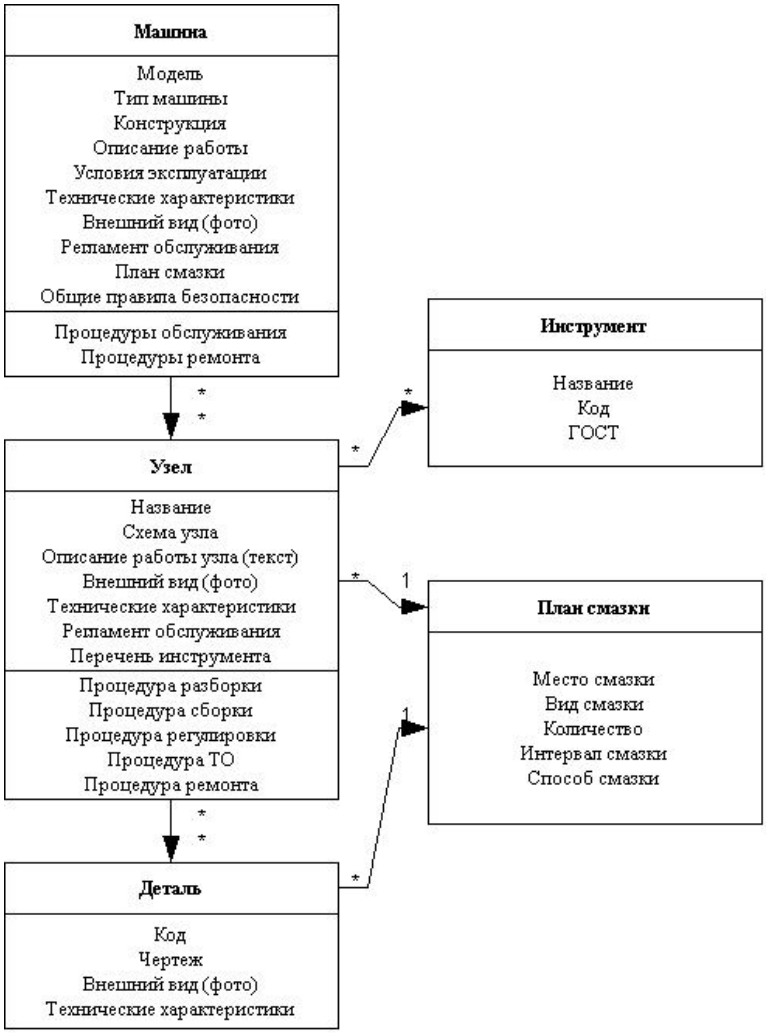

Рис. 1. Типовая диаграмма классов машин

Диаграмма классов описывает типы объектов системы и различного рода статистические взаимоотношения, которые существуют между ними [4]. Имеется два основных вида статистических отношений:

– *подтипы* (например, машины пневмомеханического прядения являются разновидностью прядильных машин);

– *ассоциации* представляют собой отношения между экземплярами классов (например, данный узел демонтируется строго определённым инструментом).

На диаграммах классов изображаются также атрибуты и операции классов и ограничения, которые накладываются на связи между объектами. На рисунке 1 представлена типовая диаграмма классов машин.

В качестве объектов (экземпляров классов) описаны: «Машина», «Узел», «Деталь», «Инструмент», «План смазки».

Отношения между объектами построены в виде *ассоциации.* Например, у одного «Узла» может быть только один «План смазки»; в свою очередь один «План смазки» определяет правила смазывания разных «Узлов». Каждая из ассоциаций имеет два конца ассоциации, причём каждый из концов присоединяется к одному из классов этой ассоциации. Конец ассоциации обладает *кратностью*, которая показывает, сколько объектов могут участвовать в данном отношении [5]. На рисунке 1 символ «*» возле класса «Деталь» для ассоциации между классами «Деталь» и «План смазки» показывает, что по одному плану смазывания может быть обработано

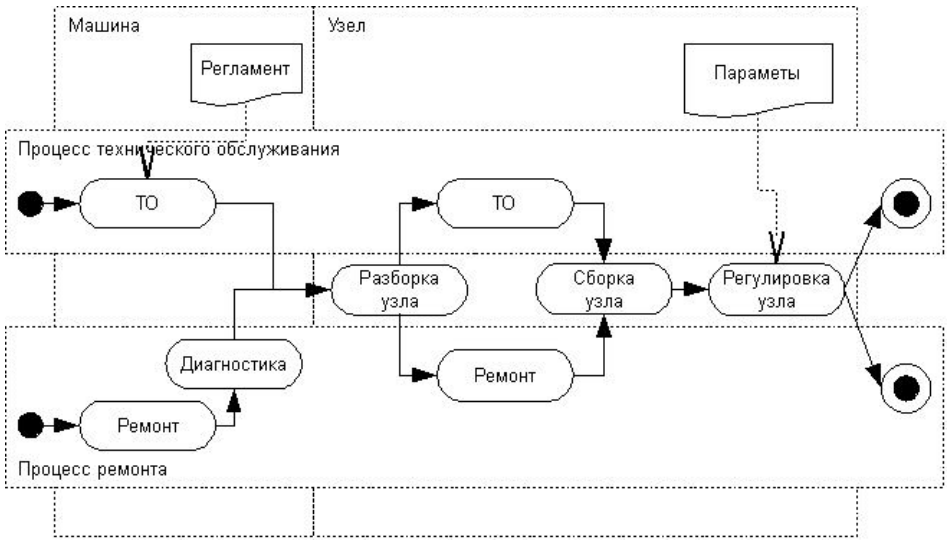

Рис. 2. Диаграмма основных процедур организации и проведения технического обслуживания и ремонта оборудования

несколько деталей. Напротив, символ «1» показывает, что одна деталь может быть смазана только по одному набору правил обработки.

Каждый объект представлен своими *атрибутами* (на уровне реализации называемые полем) [6]. Например, объект «Инструмент» имеет атрибуты: «Название», «Код», «ГОСТ». Атрибут имеет единственное значение.

Описание объектов неотделимо от операций, производимых над ними в производственном процессе. Применительно к объекту «Узел» описываются операции: процедуры сборки и разборки, процедура ремонта и т.д.

Так, например, из рисунка 1 видно, что в общем виде применительно к объекту «Машина» должно прилагаться следующее описание: модель и тип машины, её конструкция, условия эксплуатации, технические характеристики, внешний вид, регламент обслуживания, план смазки.

Остальные шаги реализации концепции по формированию ИЭТР по ТЭ оборудования содержат создание методического обеспечения: декомпозиции узлов машины; алгоритма процесса организации ремонтных работ; модели процесса подготовки машины к выполнению этих операций; модели процесса ремонта машины как совокупности процедур ремонта её составных частей и диаграммы основных процедур ТО и ремонта.

После разработки объектных моделей в форме диаграмм классов следует перейти к построению моделей процессов в форме диаграмм процессов применительно как к объекту эксплуатации в целом, так и к его составным частям. Для этого необходимо выполнить декомпозицию процесса ремонта машины и разделить основные подпроцессы на процедуры, каждая из которых будет иметь определенную точку входа и выхода, и выполнять ряд определенных последовательных действий.

Рассматривая процесс ремонта как совокупность неких процедур, изобразим диаграмму основных процедур ТО и ремонта с привязкой к узлам оборудования (рисунок 2). На диаграмме видно, что отдельным узлам машины соответствуют свои процедуры сборки-разборки и настройки, которые будут одинаковыми в рамках как процесса ТО, так и ремонта.

Следует отметить, что описание процесса ремонта объекта эксплуатации можно получить путем композиции описаний процедур действий над соответствующими узлами.

Представленные нами объектные и процессные модели можно рассматривать как методический материал и использовать для разработки интерактивных электронных технических руководств по эксплуатации и ремонту различных видов оборудования, что, в свою очередь, позволит ускорить и упростить процесс их создания.

Библиографический список

1. *Зосимов М.В., Матюшенко В.А., Травин Г.М.* Создание интерактивных электронных руководств по технической эксплуатации текстильных машин // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова.

Системный анализ. Теория и практика. – 2008. – №2. – С. 59–61.

2. *Зосимов М.В., Травин Г.М., Матюшенко В.А.* Типизация операций восстановления работоспособности средств технологического оснащения // Известия вузов. Технология текстильной промышленности. – 2009. – №4. – С. 89–91.

3. *Зосимов М.В., Дружинина А.Г., Матюшенко В.А.* Использование процессного подхода при разработке интерактивных руководств по технической эксплуатации текстильных машин // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Системный анализ. Теория и практика. – 2009. – №2. – С. 62–64.

4. *Кватрани Т.* Rational Rose 2000 и UML. Визуальное моделирование: Пер. с англ. – М.: ДМК Пресс, 2001. – 176 с.

5. *Фаулер М.*, *Скотт К.* UML. Основы: Пер. с англ. / Под ред. А. Леоненкова. – СПб.: Символ-Плюс, 2002. – 192 с.

6. Общетехнический справочник / Под ред. Е.А. Скороходова. – М.: Машиностроение, 1982. – 416 с.

Матвеева Елена Николаевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

МОДЕЛИРОВАНИЕ СПОСОБОВ КОМПЕНСАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО И МОРАЛЬНОГО ИЗНОСА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ

В статье рассматриваются способы возмещения устаревших средств труда, а также способы воздействия на технологическое оборудование (техническое обслуживание, капитальный ремонт, модернизация) компенсирующие экономическую меру износа.

***Ключевые слова**: моделирование, износ, компенсация износа, технологическое оборудование.*

Известно, что устаревание оборудования является следствием его физического и морального износа. Однако постепенная утрата стоимости средством технологического оснащения порождается только физическим износом. Физический износ приводит к изменению технического состояния средств технологического оснащения, что проявляется через снижение производительности, повышение энергоемкости, снижение показателей надежности и т.п.

В любом случае полный физический износ, как это трактуется в работах М.Г. Соболева [1], представляет собой сумму невосстанавливаемого и восстанавливаемого износа, поскольку проведение ремонтов наряду с работоспособностью, позволяет в определенной мере восстановить и технический ресурс оборудования.

Рассматривая упрощенно текущую экономическую меру стоимости машины с учетом износа $U_ф$ пропорциональной времени эксплуатации, исходя из срока службы технологического оборудования, можно записать

$$U_ф = C \cdot (1 - K_ф),$$

где C – восстановительная стоимость машины, $K_ф$ – коэффициент физического износа.

Существуют различные методы оценки физического износа, основными из которых являются [2]:

– метод оценки по техническому состоянию оборудования или его конструктивных элементов;

– метод оценки по объему работ, выполняемых для устранения износа;

– методы оценки по срокам службы оборудования (эффективного или средневзвешенного хронологического возраста) или его конструктивных элементов;

– метод экспертно-аналитической оценки,

– метод учета ухудшения главного параметра.

Использование первого метода основано на сопоставлении фактического технического состояния с одним из возможных состояний из множества описаний, представленных в экспертных шкалах или таблицах, строкам которых соответствуют значения коэффициентов физического износа. В свою очередь таблицы шкал строятся на основе обработки статистической информации о ценах новых и бывших в эксплуатации машин или технологической оснастки. При этом значение $K_ф$ определяют по зависимости

$$K_Ф = \frac{C - C_B}{C},$$

где C – цена новых машин, C_B – цена машин на вторичном рынке (секон-хенд) при известном их техническом состоянии и физическом износе.

При использовании второго метода считается, что машина прошла по крайней мере один

© Матвеева Е.Н., 2011

капитальный ремонт, который повысил ее потребительскую стоимость ($C_П$). В этом случае

$$K_Ф = 1 - (C_П^n)^m,$$

где $C_П^n$ – потребительская стоимость машины на соответствующем $n^{ном}$ ремонтном цикле (в долях от первоначальной стоимости), m – показатель степени, принимаемый в пределах 0,5 – 0,7.

Метод оценки по срокам службы основан на использовании понятия эффективный возраст оборудования $T_{ЭФ}$, возраст соответствующий его физическому состоянию и отражающий фактическую наработку и условия эксплуатации. Тогда

$$K_Ф = \frac{T_{ЭФ}}{T_Н},$$

где $T_Н$ – нормативный срок службы машины. В свою очередь $T_Ф = T \cdot K_И$, где T использованный технический ресурс, $K_И$ – коэффициент использования оборудования.

Для промышленного технологического оборудования $K_И = K_{СМ} \cdot K_{УЭ}$, поскольку коэффициент типа производства (внутрифирменного использования) равен 1. Где $K_{СМ}$ – коэффициент сменности, $K_{УЭ}$ – коэффициент условий эксплуатации.

При экспертно-аналитическом методе коэффициент физического износа определяется при одновременном учете использованного технического ресурса и экспертной бальной оценки физического состояния.

Метод учета ухудшения главного параметра предполагает, что физический износ отражается ухудшением характерного эксплуатационного параметра оборудования, например, производительности, энергоемкости, потока механических отказов, обрывности нитей и т.п. В этом случае коэффициент физического износа определяется

$$K_Ф = 1 - (\frac{x}{x_Н})^в,$$

где $x_Н$, x – значение параметра в начале эксплуатации и в момент оценки, $в$ – показатель степени, отражающий влияние параметра на величину износа.

При использовании любого из перечисленных методов определения коэффициента физического износа зависимость величины физического износа во времени отразится прямой 1 на рисунке 1. Реальная зависимость экономической меры износа от времени имеет более сложный характер, который отражается условной кривой 2.

Известно, что в процессе эксплуатации оборудование испытывает целый ряд воздействий, призванных не только поддерживать, но и восста-

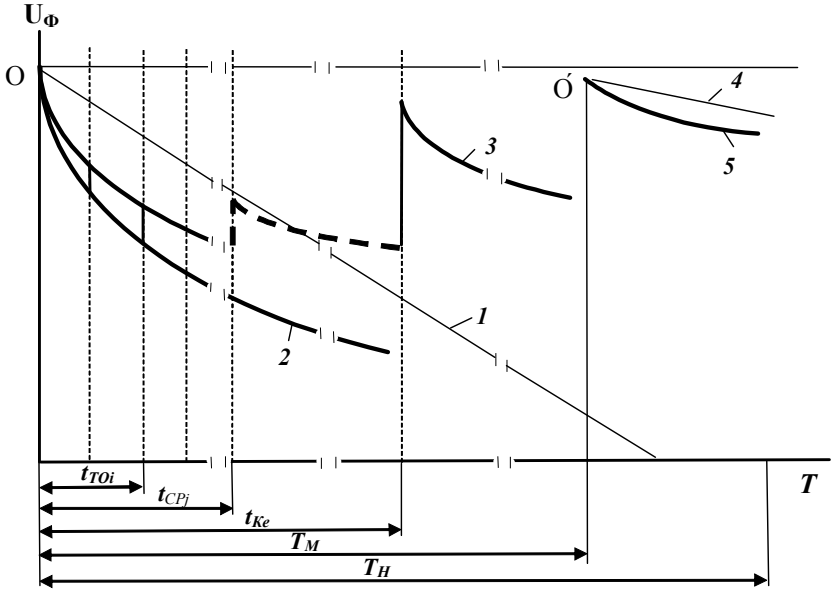

Рис. 1. Изменение меры физического износа при эксплуатации и модернизации оборудования.
t_{TOi} – срок службы до i-го технического обслуживания; t_{CPj} – срок службы до j-го среднего ремонта; t_{KPe} – срок службы до e-го капитального ремонта; $T_Н$ – нормативный срок службы (технический ресурс); $T_М$ – время эксплуатации оборудования до начала модернизации

навливать его работоспособное состояние. Процесс этих воздействий называемый процессом технической эксплуатации позволяет восполнять частично возможную потерю экономической меры износа. Компенсация физического износа реализуется за счет выполнения ремонтно-восстановительных работ заменой и восстановлением изношенных элементов. При этом кроме затрат на приобретение и/или восстановление изношенных элементов в [3] рекомендуется при расчете величины износа учитывать затраты труда на сборно-разборочные работы при их замене. Из всех работ по поддержанию и восстановлению работоспособности и ресурса средств технологического оснащения в большей степени их износ компенсируется проведением капитального ремонта, поскольку именно он позволяет восстанавливать их ресурс. Действительно при капитальном ремонте осуществляется полная разборка и ревизия, а также производится замена до 70% элементов сложного технического изделия. Периодическое воздействие операций технического обслуживания (предупреждение интенсивного изнашивания) и ремонтно-восстановительных операций (компенсация износа) трансформирует кривую реального износа на рисунке 1, придавая ей пилообразную форму (кривая 3). Однако, как видно из рисунка, любые ремонтно-эксплуатационные воздействия не обеспечивают восстановление ресурса технологического оборудования до исходной величины. Эта разница и есть невосстанавливаемый износ.

Возмещение устаревших средств труда следует рассматривать как их обновление. С технико-экономических позиций в [4] под обновлением активной части основных фондов предложено понимать «процесс возмещения средств труда в прежних или увеличенных размерах, осуществляемый на качественно новой, более эффективной технической основе». Исходя из этого определения, метод простого воспроизводства (замена оборудования аналогичным по характеристикам и цене) не может рассматриваться как обновление, хотя в некоторых источниках, например в [5] оно считается таковым. Действительно, такая замена ведет лишь к изменению возрастной структуры парка машин.

При замене оборудования на новое с аналогичными старому техническими характеристиками, но с меньшей ценой меняются некоторые экономические показатели хозяйственной деятельности предприятия в частности – фондоотдача. При замене технически более совершенным – существенно меняются затратные статьи вследствие более высокой производительности, показателей надежности, уровня автоматизации, удобства обслуживания или других свойств.

При создании нового оборудования обязательно прогнозируется срок его службы с учетом износа. Согласно [6] приближенный проектный срок службы машин определяется выражением

$$T_П = \frac{\lg \mu \dfrac{m_П}{m_O}}{\lg(1+\dfrac{K}{100})},$$

где $m_П$ и m_O – техническая норма производительности проектируемой и существующей машин, K – средний годовой прирост производительности труда в данной отрасли в %, μ – коэффициент, учитывающий повышение качества сырья, культуры обслуживания, возможную модернизацию оборудования. Его значение рекомендуется принимать равным 1,5–1,6.

Как следует из этой формулы, еще на этапе проектирования машины предусматривается возможность изменения ее технического уровня и эксплуатационных показателей путем модернизации. Кроме изменения технического уровня модернизация предполагает возможность изменения выпускаемой продукции, повышения ее потребительских свойств, расширение ассортимента, повышение качества и др. Изменения могут касаться используемого сырья и материалов, их экономии, улучшения использования, снижения требований к качеству подготовки. Становится очевидным, что модернизация конкретного сложного технического изделия практически равнозначна созданию его единичной модификации. Тогда логично предположить, что модернизация в максимальной степени компенсирует экономическую меру износа.

На рисунке 1 точка начала отсчета износа O′ может располагаться как чуть ниже, так и выше исходной точки O. Действительно реальные затраты на модернизацию технологического оборудования или оснастки могут увеличивать первоначальную восстановительную стоимость, поскольку вследствие модернизации может увеличиваться производительность, повыситься продолжительность их полезного использования или

качество выпускаемой продукции. Тогда упрощенная зависимость величины физического износа во времени отразится прямой 4. Можно утверждать, что угол наклона этой прямой к оси абсцисс будет меньше, а, следовательно, и реальная кривая износа 5 будет более пологой. Это утверждение обосновывается тем, что при модернизации оборудования будут использоваться современные материалы, конструкции узлов, деталей и других элементов и технологии их изготовления.

Библиографический список

1. *Соболев М.Г.* Износ, амортизация и восстановление текстильного оборудования.– М.: Легкая индустрия, 1976. – 216 с.

2. *Ковалев А.П., Кушель А.А. и др.* Оценка стоимости машин, оборудования и транспортных средств.– М.: Интерреклама, 2003. – 488 с.

3. *Петухов Р.М.* Методика экономической оценки износа и сроков службы машин.– М.: Экономика, 1965.

4. *Кайгородов А.Г., Щуков В.Н.* Эффективность обновления текстильного производства в условиях ускорения технического прогресса. – М.: Легпромбытиздат, 1989. – 192 с.

5. *Аракелян А.А., Воротилов В.А., Кантор Л.Н. и др.* Воспроизводство основных фондов в СССР. – М.: Мысль, 1970. – 485 с.

6. *Трейер В.Н.* Теория долговечности и надежности. – Минск: Наука и техника, 1964. – 137 с.

УДК 504.064.2:65.018

Мудрая Анна Викторовна
Военная академия войск радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)
Лукашевич Александр Сергеевич
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
opis@ksu.edu.ru

МЕТОДИКА КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ФАКТОРОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

В статье рассмотрены вопросы выбора факторов воздействия на окружающую среду при создании системы экологического менеджмента предприятия в соответствии со стандартами ISO 14000.

Ключевые слова: *система экологического менеджмента, ISO 14000, факторы воздействия на окружающую среду.*

Переход России к рыночной экономике, конкурентная среда в условиях рынка обязывают руководителей предприятий уделять большое внимание не только проблемам качества, но и проблемам экологической и энергетической безопасности, охраны труда. Решение указанных проблем может быть обеспечено через внедрение интегрированной системы менеджмента (ИСМ) предприятия [1], включая подсистемы управления качеством (ИСО 9000), окружающей средой (ИСО 14000), профессиональной безопасностью и охраной труда (OHSAS 18000) и энергоэффективностью (ИСО 50000) (рис. 1).

Особенностью указанных стандартов является их интегрируемость на основе принципов Всеобщего управления качеством (Total Quality Management), включающего:

– использование процессного подхода, определяющего необходимость интеграции всех производственных процессов организации в единую систему;

– постоянное (циклическое) улучшение качества производственных процессов с целью повы-

Рис. 1. Интегрированная система менеджмента

© Мудрая А.В., Лукашевич А.С., 2011

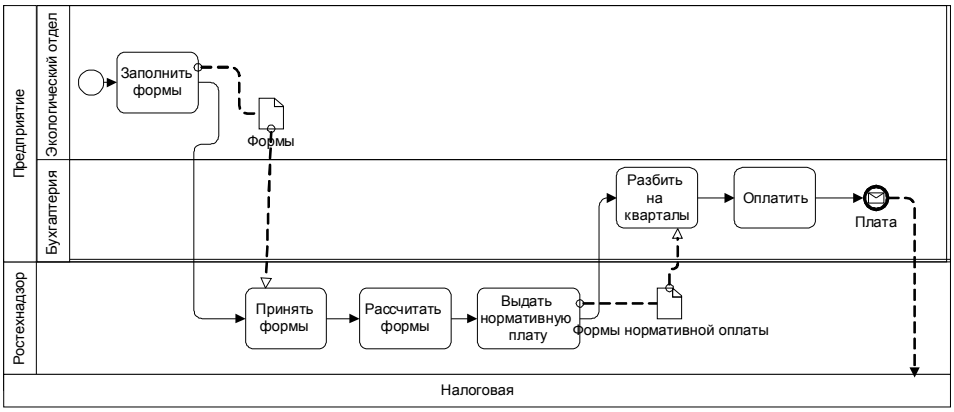

Рис. 2. Бизнес-процесс взаимодействия организации с Ростехнадзором в системе экологического менеджмента (ГОСТ Р 17.0.0.06–2000).

шения удовлетворенности как потребителей, так и других заинтересованных сторон [2].

Определенные трудности при внедрении ИСМ возникают в области экологического менеджмента, что в первую очередь связано с несоответствием отечественной нормативной базы требованиям стандартов ISO 14000. В частности, Российское экологическое законодательство [3] определяет базовой следующую линейную процедуру взаимодействия с контролирующей организацией (рис. 2).

Такой подход существенно ограничивает возможности предприятия в области экологического менеджмента по следующим причинам:

– вследствие того, что расчет экологических платежей осуществляется контролирующими организациями (Ростехнадзором), предприятия не владеют информацией о принципах формирования этих платежей и, соответственно, не имеют возможности оптимизировать данные затраты;

– экологические платежи рассчитываются исходя из величины загрязняющих выбросов без учета потребленных предприятием ресурсов, использование которых также связано с нанесением определенного вреда окружающей среде;

– данный бизнес-процесс имеет линейный, а не циклический характер.

Указанные ограничения делают невозможным эффективное внедрение принципов экологического менеджмента, соответствующих стандартам ISO 14000 [4].

ИСМ призвана решать экологические вопросы путем увязывания задач охраны окружающей среды со своими экономическими возможностями и тем самым обеспечивать максимальную эффективность затрат на природоохранные мероприятия [5]. В частности, данная система позволит:

– повысить эффективность управления ресурсами и обеспечить меньший расход энергии, воды и сырья;

– снизить расходы на утилизацию отходов, отвод стоков, ликвидацию последствий аварии, а также на экологические платежи и штрафы;

– предотвратить (потенциальные) экологические проблемы и связанные с их решением расходы путем, например, планового исключения из производства «сомнительных» вспомогательных материалов, например химикатов;

– минимизировать конфликты с природоохранным законодательством и экологическими организациями;

– получить конкурентные преимущества на мировых рынках.

Однако при внедрении системы экологического менеджмента в реальных условиях промышленных предприятий возникает проблема выработки методического обеспечения, в первую очередь связанная с тем, что в существующей нормативной документации [например: 6; 7] содержатся лишь общие рекомендации без указания способов их применения. Например:

– стандарт ИСО 14004–2007 [6] дает общие рекомендации о том, как должна быть организована система экологического менеджмента, на какие экологические аспекты и воздействия на окружающую среду следует обратить внимание предприятию в зависимости от его отрасли;

– стандарт ИСО 14031–2001 [7] определяет, что при выборе показателей оценки экологической

эффективности организация должна рассмотреть соответствие их принятой экологической политике, усилиям руководства, функциональным характеристикам или состоянию окружающей среды, полезности для оценки соответствия критериям экологической эффективности организации и т.п.

При этом какие конкретные показатели экологической эффективности необходимо выбрать для условий промышленного производства конкретной отрасли – ни в одном нормативном документе не указывается.

В этом случае целесообразно использовать существующий мировой опыт построения систем экологического менеджмента, например, систему качественной оценки факторов воздействия предприятия на состояние окружающей среды, которая разработана в датской консультационной компании COWL и успешно применяется в европейских странах. При использовании данной методики первоначально необходимо провести предварительную экологическую оценку воздействия на состояние окружающей среды одним из следующих способов:

– **Способ измерений.** Наиболее часто измерениями пользуются для определения объемов воздействия при потреблении ресурсов и образовании отходов. Большинство предприятий регистрирует объемы потребления сырья, выпуска продукции, расход электроэнергии, тепла и воды, количество отходов, в том числе и утилизированных. Кроме того, проводятся отдельные выборочные измерения выбросов загрязняющих веществ из источников, сбросов, например, в том случае, когда требуется получение разрешения природоохранных органов после разработки природоохранных проектов (ПДВ, ПДС). К этим измерениям относятся инструментальные замеры по определению концентрации загрязняющих веществ в выбросах и сбросах, проводимые лабораториями предприятий и контролирующих организаций. Значения концентраций пересчитываются в объемы годовых выбросов и сбросов. Подобный подход нашел отражение в [3].

Таблица 1

Система расчета важности экологических факторов

Баллы			Уровень проблемы (КхРхВ)	Класс проблемы	Необходимость принятия мер
К	Р	В			
3	3	3	27	IV	Срочная
3	3	2	18	III	Критическая
3	2	3			
2	3	3			
3	2	2	12		
2	3	2			
2	2	3			
3	1	3	9		
3	3	1			
1	3	3			
2	2	2	8	II	Актуальная
3	2	1	6		
3	1	2			
2	1	3			
2	3	1			
1	2	3			
1	3	2			
2	2	1	4		
2	1	2			
]	2	2			
3	1	1	3		
1	3	1			
1	1	3			
2	1	1	2	I	Незначительная
1	2	1			
1	1	2			
1	1	1	1		

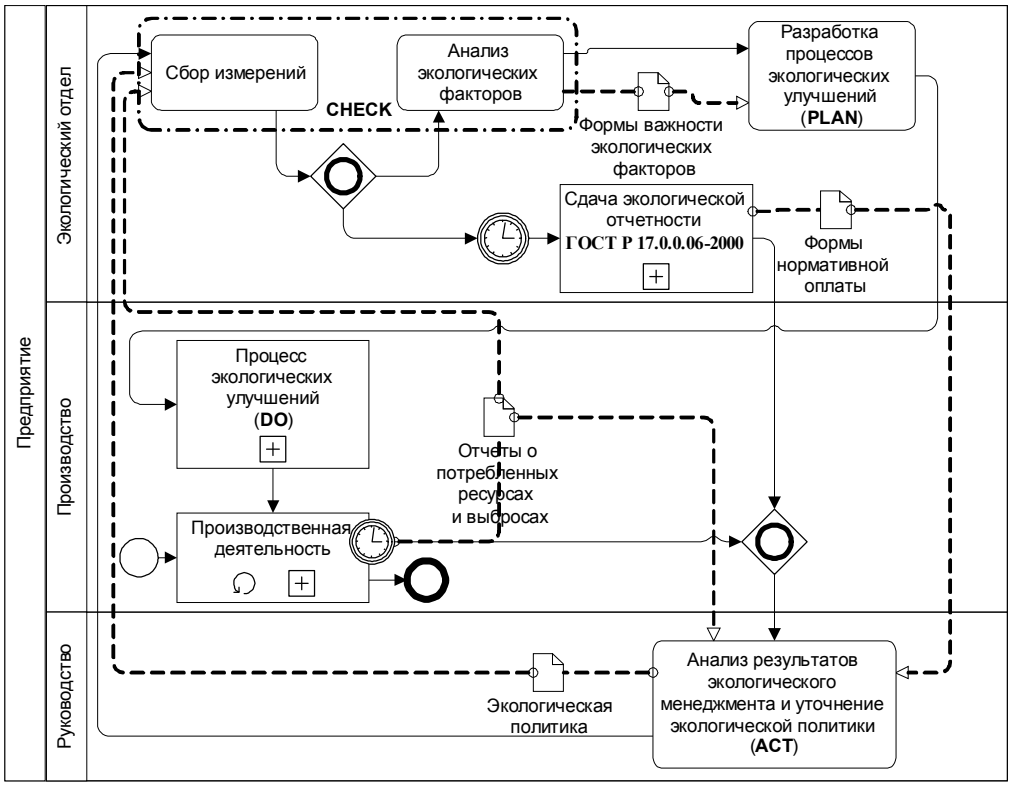

Рис. 3. Бизнес-процесс экологического менеджмента (ISO 14000)

– Расчеты на основе удельных норм. Удельные нормы обычно используются при расчете выбросов от источников предприятия, объемов образования отходов, при расчете потребления электроэнергии и топлива.

– Расчеты на основе составления баланса масс. Способ составления баланса масс используется для оценки порядка величины выбросов, сбросов, образования отходов в тех случаях, когда отсутствуют измерения и стандартные удельные нормы. Например, выбросы паров растворителей в атмосферу из отстойников очистных сооружений можно рассчитать как разницу между объемом растворителей, использованных для очистки сточных вод в отстойниках, и объемом растворителей, направленных на переработку в качестве опасных отходов.

Далее выявляются экологические факторы в деятельности предприятия, которые оказывают либо могут оказывать значительное воздействие на состояние окружающей среды. Выявление приоритетного или приоритетных воздействий предприятия на окружающую среду осуществляется при следующих условиях:

– учитывается только та часть сырья и вспомогательных материалов, которая не материализуется в продуктах, а реализуется в выбросах, сбросах или отходах;

– принимаются в расчет только те загрязняющие вещества, которые поступают в атмосферный воздух, сточные воды или отходы в количествах, превышающих 0,1 т/год, или считаются опасными для состояния окружающей среды и здоровья людей;

– учитывается количество загрязняющего вещества, попадающего в сточные воды, а не объем самих сточных вод. При этом фиксируются вредные вещества, которые создают в сточных водах опасные для окружающей среды концентрации, т.е. превышающие ПДК;

– учитывается количество загрязняющего вещества, поступающего в атмосферный воздух в составе выбросов от стационарных источников предприятия. При этом фиксируются вредные вещества, которые создают в приземном слое атмосферного воздуха концентрации, превышающие ПДК за пределами границы санитарно-защитной зоны (СЗЗ) предприятия, т.е. загрязняющие вещества в составе временно согласованных выбросов (ВСВ) – опасные выбросы;

– учитывается количество отходов по лимиту их размещения.

При ранжировании выявленных факторов каждый из них оценивается по трем параметрам: **К** – количественная характеристика/объемы (1 – незначительные объемы; 3 – большие объемы, существенно превышающие нормы); **Р** – степень распространения/масштабы (3 – глобальное, 2 – региональное, 1 – местное); **В** – вид/характер (1 – легко обратимое, 3 – необратимое). Полученные значения перемножаются, в результате чего определяется итоговое значение важности фактора и его качественная оценка (табл. 1).

Полученные результаты документально оформляются в виде заполненных форм по каждому из учитываемых воздействий и в дальнейшем используются при выработке мер по минимизации экологических последствий деятельности предприятия (рис. 3).

Библиографический список

1. Методы и модели информационного менеджмента: учеб. пособие / Д.В. Александров, А.В. Костров, Р.И. Макаров, Е.Р. Хорошева; под ред. А.В. Кострова. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 336 с.

2. ISO 9000:2005. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. – М., 2005.

3. ГОСТ Р 17.0.0.06–2000 Охрана природы. Экологический паспорт природопользователя. Основные положения. Типовые формы.

4. ГОСТ Р ИСО 14001–2007. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению.

5. *Аксютин О.Е.* Природоохранная деятельность и повышение экологической безопасности на многопрофильных предприятиях газовой промышленности: Автореф. … д-ра техн. наук: 25.00.36. – Тюмень, 2008. – 50 с.

6. ГОСТ Р ИСО 14004–2007 Системы экологического менеджмента. Общее руководство по принципам, системам и методам обеспечения функционирования.

7. ГОСТ Р ИСО 14031–2001. Управление окружающей средой. Оценивание экологической эффективности.

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 316.37

Ковальчук Илья Фёдорович
Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова
kovalchuk.82@.mail.ru

БЕЗНАДЗОРНЫЕ ДЕТИ КРУПНОГО ГОРОДА: ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Г. БАРНАУЛА 2006–2009 ГГ.

В статье охарактеризованы причины появления детской безнадзорности, а также изложены результаты социологических исследований детской безнадзорности в городе Барнауле.

Возникшая в последнее десятилетие проблема детской безнадзорности – явление не столь новое, сколько неожиданное. Россия переживает третью волну детской безнадзорности и беспризорности. В отличие от прежних периодов, которые сопровождались революцией, гражданской и отечественной войнами, современная безнадзорность является феноменом мирного времени.

Основная причина сохранения остроты проблем, связанных с детской безнадзорностью, связана с ослаблением института семьи, как основной формы существования и развития детей. Семья вынуждена отказаться от выполнения основных функций (репродуктивной и воспитательной), так как необходимо концентрировать силы на осуществлении хозяйственно-экономической функции, а иногда и простого выживания.

Особенно болезненно факторы социального и экономического неблагополучия отражаются на социализации детей и подростков. Наиболее остро проблема социального неблагополучия проявляется в феномене детской безнадзорности и беспризорности, ранней алкоголизации подростковой среды, курении, сквернословии и других формах социальной депривации несовершеннолетних.

Развитие различных форм отклоняющегося поведения свойственно именно городам. «В средних и более крупных городах наблюдаются все виды отклоняющегося поведения; велико число неблагополучных семей с криминогенным потенциалом; имеется более или менее большое количество потребителей наркотических и токсических средств (особенно среди молодежи); распространены проституция и увлечение азартными играми; наблюдается более или менее массовое приобщение различных групп жителей к мелкой коммерции, реально или потенциально криминализированной» [1. с. 108]. Эти обстоятельства создают предпосылки для нарушения процесса социализации детей и подростков и как следствие появление безнадзорных детей.

Для выявления основных причин и закономерностей развития детской безнадзорности автором были проведены социологические исследования в августе 2006 (n=334) и ноябре 2009 гг. (n=88) в форме анкетного опроса подростков, состоящих на учете в отделах по профилактике безнадзорности и беспризорности в центрах социальной помощи семье и детям г. Барнаула.

Основанием для постановки несовершеннолетнего на учет является Федеральный закон Российской Федерации «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.99 №120-ФЗ, в котором определены категории лиц, в отношении которых должна проводится индивидуальная профилактическая работа. Согласно этому закону, безнадзорным признается несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует, вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц.

Выборочные совокупности исследований 2006 и 2009 гг. по составу исследуемых признаков адекватны пропорциям генеральной совокупности. Применение количественных методов основано на предположении о том, что изучаемая совокупность признаков подчиняется определенному статистическому закону распределения, в данном случае – нормальному закону (гауссовское распределение). Проведенный анализ в виде теста хи-квадрат показал, что для уровня значимости $\alpha = 0{,}01$ $\chi^2 > \chi^2_{крит.}$ [2]. Таким образом, с ве-

© Ковальчук И.Ф., 2011

роятностью 0,99 можно утверждать, что выборочные совокупности исследований 2006 и 2009 гг. распределены по нормальному закону.

Обработка собранной эмпирической информации показала, что одной из основных причин, толкающих подростков на безнадзорность, является наличие в семье постороннего для подростка человека. В большинстве опрошенных нами семей безнадзорных подростков проживает отчим. Внимание матери частично «переключается» на отчима, при этом подросток получает меньше любви и внимания. Так, по результатам исследования, число уходов из семей, где присутствует отчим, гораздо выше, чем в полных «родных» семьях. Исследования, проведенные в 2006 и 2009 годах показывают, что в полных «родных» семьях часто (более 2-х раз) совершают побеги около 6% детей, в то время как в полных «неродных» семьях, где присутствует отчим, совершают побеги около 22% детей.

Дети часто не приемлют нового «отца», это вызывает состояние напряженности как с отчимом, так и с матерью, что, в свою очередь, заставляет подростка убегать от проблем на улицу. Полученные дома негативные эмоции «выплескиваются» на улице в виде агрессии. Уровень проявления агрессии в семьях, где присутствует отчим, и в полных «родных» семьях заметно отличается. Процент детей из полных «родных» семей, которые часто или периодически причиняют физическую боль, равен 5 и 31,2% соответственно, тогда как в полных «неродных» семьях – 9,4 и 39,6% соответственно.

Присутствие отчима повышает уровень напряженности у подростка, и он пытается «выплеснуть» её вне дома, это проявляется в виде повышенной вербальной и невербальной агрессии. Частое проявление вербальной агрессии в виде «оскорбления кого-то» в «родных» семьях отмечено гораздо реже, чем в «неродных», – 5,5 и 20,8% соответственно. Эти тенденции прослеживаются в исследовании 2009 года, частота проявление вербальной агрессии в «родных» и «не родных» семьях отличается, – 4,2% и 11,8% соответственно, проявление невербальной агрессии – 2,8% и 5,9% соответственно.

Помимо этого, дети из полных «родных» семей гораздо лучше усваивают школьный материал. Так, процент детей, учащихся на «4» и «5», в «родных» полных семьях составляет 44,5%, в то время как в полных «неродных» семьях – 13,2%.

«В сводных семьях существует множество дополнительных проблем и факторов риска в сравнении с семьями, основанными на первом браке. Это и супружеские, и родительские проблемы… Зарубежными исследователями было установлено, что взаимоотношения в сводных семьях более сложны и потенциально конфликтны, что, в частности, объясняется фактам привнесения в новый брак сценария «конфликта и насилия», заимствованного из прежних отношений… Кроме того, возникают проблемы взаимоотношений с прежними семьями и родственниками, конфликты по поводу распределения финансов. Сводный родитель, обычно отчим, должен материально помогать ребенку от прежнего брака» [3, с. 216–217].

Наличие в семье неродного человека является не единственной причиной совершение побегов из дома. Наличие у родителей вредных привычек в виде алкоголизма и наркомании становится одной из главных причин ухода из дома. Так, около 72% подростков, которые часто уходят из дома (более 2-х раз), и около 53% подростков, которые периодически уходят из дома (1–2 раза), указали на наличие вредных привычек у своих родителей.

Исследования, проведенные Ф.Э. Шереги [4, с. 170] среди беспризорных детей, указывают на тот факт, что 40,5% опрошенных беспризорников указали на пьянство родителей как главную причину, толкающую их на бродяжничество. Постоянные либо периодические уходы детей из дома с целью избегания конфликтов с пьяными родителями в дальнейшем могут перерасти в беспризорность, крайнюю форму детского неблагополучия. В исследовании 2006 года 37,7% опрошенных детей указали на присутствие вредных привычек (алкоголизм, наркомания) у своих родителей и 37,5% в исследовании 2009 года.

О семейном неблагополучии в семьях с безнадзорными детьми можно судить по тому, что желающих видеть свою будущую семью, похожей на настоящую, оказалось всего около трети подростков (31,4%), тогда как «не хотели, чтобы будущая семья была похожа на настоящую» оказалось около половины подростков (45,2%). Похожая ситуация прослеживается в исследовании 2009 года – 36,4% и 42% соответственно.

Отношение респондентов к своим родителям можно проследить через анализ ролевых взаимодействий в семье. В этой связи представляется

целесообразным проследить, чей авторитет преобладает в современной семье. Результаты исследования показывают, что больше прислушиваются к советам матери (55,1%) и бабушки (20,8%), и в меньшей степени – к советам отца (18,4%) и деда (5,7%).

Среди причин безнадзорности одной из самых распространенных является влияние социального окружения, в котором живет и развивается ребенок. Родители обычно плохо знают своих детей, недостаточно хорошо понимают их чувства и состояние, уделяют им мало времени и внимания, не умеют управлять их поведением, практически не знают или мало знают их друзей и как они проводят свободное время.

Развиваясь в социально неблагополучной среде, подросток усваивает ее нормы и ценности, даже если они противоречат принятым в обществе: для ребенка они всегда будут наиболее правильными, поскольку у него отсутствует жизненный опыт в иной социальной среде.

Современное состояние сферы досуга подростков показывает, что на первое место выходит бессодержательный досуг, который в основном посвящен прогулками на улице с друзьями (около 60%), на втором месте просмотр телепередач (около 10%) и прослушивание музыкальных композиций (около 6%). И, как следствие бесконтрольного досуга, – приобщение к курению и употреблению спиртных напитков. Среди наших респондентов постоянно либо периодически курят около 60%, и употребляют спиртные напитки 55% подростков.

Тенденция к асоциальному поведению прослеживается в отношениях респондентов к соблюдению законов. Так, более половины подростков считают, что законы не должны неукоснительно соблюдаться (около 58%).

Несмотря на негативные моменты в поведении подростков, основная масса безнадзорных детей оптимистично смотрит в будущее, хочет в дальнейшем создать семью и профессионально реализоваться.

Исследования, проведенные в 2006 и 2009 годах среди безнадзорных детей, указывает на желание изменить свою жизнь в лучшую сторону. Около 60% опрошенных подростков надеются, что их жизнь в будущем изменится к лучшему, и только около 5% пессимистично смотрят в будущее. Большинство подростков хотят в будущем получить высшее образование, что способствует успешной адаптации в обществе. В целом, ответы респондентов о желаемом уровне образования распределились следующим образом: 2,4% подростков хотят поступить в аспирантуру, 64,4% – получить высшее образование, 27,5% – закончить техникум, колледж и 5,7% считают достаточным образованием окончание средней школы.

Большинство безнадзорных и беспризорных детей хотят иметь в будущем свою семью (около 82%). Создание собственной семьи занимает первое место в структуре ценностных предпочтений как у безнадзорных, так и беспризорных детей. 56,2% [4, с. 187] опрошенных беспризорных детей указали на важность создания семьи. Хотят в будущем иметь собственных детей 93,7% безнадзорных (среди них 95,2% мужского и 92,9% женского пола) и 81,2% [4, с. 186] беспризорных детей (среди них 79,4% мужского и 85,2% женского пола). Среди основных причин нежелания иметь собственных детей беспризорные назвали: «дети будут мешать»; нежелание нести ответственность за детей; не хотят, чтобы дети повторяли их судьбу; не уверены в своем будущем [4, с. 187].

Ценностные предпочтения безнадзорных и беспризорных детей свидетельствуют о благоприятном ценностном облике. В структуре ценностных предпочтений безнадзорных и беспризорных детей первое место занимает создание собственной семьи, на второй план отодвигаются материальное благополучие и желание иметь хорошую профессию.

Современный этап развития российского общества характеризуется отсутствием комплексной эффективной социальной политики по предупреждению и преодолению детской безнадзорности. Деятельность различных министерств и ведомств носит непостоянный характер, и в связи с этим снижается эффективность проводимых мероприятий. Для создания эффективной системы предупреждения детской безнадзорности, с целью получения здорового и полноценного поколения от государства и общества потребуется мобилизация всех общественных ресурсов.

Библиографический список

1. *Мудрик А.В.* Социализация человека: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 304 с.

2. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – 6-е изд. – М.: ИКЦ «Ака-

демкнига», «Добросвет», 2003. – 596 с.

3. *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.

4. *Шереги Ф.Э.* Социология девиации: прикладные исследования. – М.: Центр социального прогнозирования, 2004. – 334 с.

УДК 342.9

Сиверская Людмила Анатольевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lsiverskaya@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА «РАССМОТРЕНИЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ»

В статье автор анализирует генезис уголовно-процессуального института рассмотрения сообщения о преступлении.

Ключевые слова: *стадия возбуждения уголовного дела, эволюция уголовно-процессуального института, рассмотрение сообщения о преступлении.*

Согласно уголовно-процессуальному законодательству РФ рассмотрение сообщения о преступлении должностными лицами правоохранительных органов является «важным, необходимым и обязательным элементом процессуальной деятельности первоначальной стадии процесса по каждому поводу о преступлении» [3, с. 118]. Целью данной деятельности является защита прав и законных интересов граждан, обеспечение беспрепятственного доступа к правосудию, установление наличия или отсутствия условий, необходимых для возбуждения уголовного дела, отказе в таковом или передаче по подследственности. Выполняя предписания закона, «дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение в срок не позднее 3-х суток со дня поступления указанного сообщения» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Обращение к истокам зарождения исследуемого уголовно-процессуального института, последующей диалектике и эволюции законодательного регулирования, на наш взгляд, столь уместно, сколь и необходимо. Не стоит отрицать, что использование исторического подхода к анализу отечественного уголовно-процессуального законодательства предыдущих веков позволит сфокусировать объективный взгляд на современное его состояние и определиться с поиском путей выхода из многих современных проблемных ситуаций. «Изучение прошлого может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслять развитие науки как целенаправленный исторический процесс» [9, с. 2.] Ретроспектива истории необходима еще и потому, что большинство используемых в современном законодательстве юридических терминов и понятий, законодательных конструкций и процедур начальной стадии досудебного производства возникли, развивались и действовали в предыдущие столетия, подтвердили право на существование, пройдя через острые научные дискуссии, накопив богатый исторический опыт практической апробации. В этой связи представляется уместным в целях «сохранения и развития прежней парадигмы уголовно-процессуального законодательства» [14, с. 19], регулирующего порядок возбуждения уголовного дела, исторически проследить начало зарождения исследуемого института, выявить причины возникновения и закономерности процесса развития. Многие ученые-процессуалисты отправной точкой зарождения стадии возбуждения уголовного дела и ее нормативно-правового регулирования считают источники, относящиеся к XIX веку: Свод Законов Российской империи 1832 года и Устав уголовного судопроизводства 1864 года. Однако заслуживает внимания и позиция М.Г. Ковалевой, которая, рассматривая гл. 2 «О процессе или тяжбе» Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 года, полагает, что еще в «период правления Петра 1 получили законодательную регламентацию некоторые аспекты деятельности по возбуждению уголовного дела» [10, с. 40] Основополагающие изменения порядка возбуждения уголовного преследования связывают

 © Сиверская Л.А., 2011

с вступлением в силу Свода законов Российской Империи 1832 года. Его инновационный характер определялся тем, что он, «положил начало выделения уголовно-процессуального права как самостоятельной отрасли права» [26, с. 29] «заложил предпосылки к образованию процессуального института возбуждения уголовного дела, который в трактовке ученых-процессуалистов XIX века именовался как «предуготовительные меры к исследованию преступления» [14, с. 21]. Безусловно, в этом нормативном документе детальная и четкая регламентация основания и порядка возбуждения уголовного дела и, соответственно, действий по проверке имеющихся у полиции поводов («извещение, жалоба, донос, донесение прокуроров и стряпчих, явка с повинной» или «собственному усмотрению полиции, приступающей к следствию по всякому сведению, к ней дошедшему» в современной его трактовке отсутствовала, однако ряд отдельных законодательно закрепленных положений, заложили предпосылки образования процессуального института рассмотрения сообщения о преступлении. Так, первой частью всего производства по уголовным делам являлось предварительное следствие «inquisitio generalis», которое заключалось в «изыскании всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление». Иными словами, назначение предварительного следствия заключалось в том, что оно «объемлет в себе все действия, чтобы убедиться в действительности какого-либо преступления и привести все обстоятельства его в возможно полную известность» [2, с. 71]. Кроме того, в данном нормативном документе устанавливалась обязанность полиции «приступить к следствию по всякому сведению, дошедшему до нас, как о явном преступлении, так и о таких преступлениях, о которых без предварительного следствия нельзя заключится случайно ли они учинились или по какому-либо умыслу» [13, с. 30] Свое дальнейшее развитие и формирование стадия возбуждения уголовного дела (далее ВУД) в современном ее понимании и институт рассмотрения сообщения о преступлении, получили в результате судебной реформы 1864 года, когда в важнейшем законодательном документе того времени – Уставе Уголовного судопроизводства, (далее УУС) утв. 20 ноября 1864 года было осуществлено нормативно-правовое регулирование института возбуждения уголовного дела, а деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении приобрела более четкие контуры. Согласно УУС, уголовное дело могло быть возбуждено при наличии повода, «если в полиции становилось известно о преступлении», и с соблюдением установленного порядка производства по делу. Однако, законодатель предусмотрел и обстоятельства, когда определяющую роль в решении вопроса о ВУД играли материалы «полицейского дознания». В соответствии со ст. 253 Главы 1 «О предварительном следствии» раздела 2 УУС в обязанности должностных лиц полиции входило «производить дознание в случае, когда признаки преступления сомнительны, прежде чем сообщить о нем по принадлежности». «Прокурор и его товарищи не должны были требовать начала следствия без достаточных оснований и обязаны собрать сведения посредством негласного полицейского разведывания» (ст. 312 р. 2 УУС). Комментируя данное законодательное положение, известный ученый-процессуалист того времени И.Я. Фойницкий, так определял природу и назначение полицейского дознания: «Дознание связано с уголовным преследованием, добывая ему сведения необходимые для правильного и успешного предъявления обвинения перед судом. Оно находится в тесной связи с предварительным следствием, потому что удостоверяет действительность расследуемого преступления, дает материал к начатию следствия, устанавливает взгляд следователя на способы к дальнейшему раскрытию истины, на образ его действий по отношению к обстоятельствам дела и к лицам, в нем участвующим» [28, с. 374]. Главной фигурой, на которую была возложена обязанность проведения дознания, было должностное лицо полиции, ему предписывалось «обнаружить законные основания к возбуждению уголовного дела при обстоятельствах, предусмотренных ст. 253 УУС и выполнить основную задачу дознания: «дать материал, необходимый для обвинителя и следователя, чтобы удостовериться, что требование первым и начатие вторым судебного производства имеет достаточное основание, что их действия не будут бесполезными, не обратятся к напрасному стеснению лиц, привлекаемых к следствию» [28, с. 363]. Анализируя приведенные исторические источники с позиции сегодняшнего дня, можно констатировать тот факт, что именно в УУС лежат истоки уголовно-процессуального института рассмотрения сообщения о преступлении,

проводимого в форме «полицейского дознания», целью которого было отыскание основания к возбуждению уголовного дела, констатирование в событии признаков преступления, а также собирание первичных доказательств против правонарушителя. Так, Ю.В. Деришев утверждал, что «в современном уголовном судопроизводстве институт дознания по дореформенному уголовно-процессуальному законодательству Российской империи представлен уголовно-процессуальной деятельностью по проверке информации о совершенном преступлении» [6, с. 126]. УУС действовал вплоть до его отмены декретами октября 1917 года, регламентирующими процедуру уголовного судопроизводства. Многочисленные основополагающие нормативные документы того времени имели существенный законодательный пробел в регулировании правовыми предписаниями многих вопросов стадии ВУД, в т.ч. и порядок принятия заявления, сообщения о преступлении и процедуру его проверки. Однако, в ряде документов, принятых советским государством в первые месяцы правотворческой деятельности, имеется упоминание о правилах рассмотрения сообщения в современной трактовке. Так, в соответствии с п. «е» ст. 3 Инструкции НКЮ РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний», «следственные комиссии при поступлении сообщения или жалобы рассматривали их в течение 48 часов и постановляли о прекращении дела, если не находили состава преступления, либо направляли дело по подсудности, либо назначали его к слушанию в заседании революционного трибунала». Как полагает М.Г. Ковалёва, в данном нормативном документе «была предпринята попытка по совершенствованию деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях.» [10, с. 44] Одним из важных составляющих института рассмотрения сообщения о преступлении является процедура его приема, которая нашла свое законодательное выражение в Инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», утвержденной НКЮ и НКВД РСФСР 13 октября 1918 года. В обязанность милиции входило «принятие сообщений о совершенных преступлениях, обнаруженных как самой милицией, так и по заявлениям учреждений и лиц» [20, с. 813]. Многообразие нормативных актов того времени и существенные пробелы правовой регламентации создавали реальные трудности с их применением в практической деятельности. «Требование строжайшего соблюдения революционной законности могло быть осуществлено лишь при условии создания кодексов по всем отраслям права» [19, с. 22]. В мае 1922 года был принят первый советский УПК РСФСР. Его нормы, регламентирующие стадию ВУД, с точностью до буквы вошли в УПК РСФСР 1923 года, где вопросы рассмотрения сообщений о преступлении подробным образом не регулировались, однако ряд существенных новаций имелось. Так, законодательно закреплялась обязанность органов принять все заявления по поводу совершенных или готовящихся преступлений, причем судья и следователь обязаны принимать таковые также и по делам им не подсудным. Комментируя данный закон, ученые-процессуалисты отмечали, что «УПК РСФСР 1923 г. требовал безоговорочного принятия заявления о любом преступлении» [25, с. 85]. В качестве оснований для принятия решения о ВУД признавалось наличие в заявлении указаний на состав преступления, т.о. вопрос о возбуждении дела решался без проведения каких-либо действий по проверке поступившей информации. Такая непродуманная регламентация начального этапа досудебного производства вызывала справедливую критику со стороны представителей науки уголовного процесса. Так М.А. Чельцов отмечал: «очень часто бывает так, что заявление кричит о преступлении и даже ссылается на соответствующие статьи УК, но необходимый юридический анализ показывает следователю, что в действиях, на которые жалуются, нет состава преступления. Этой-то мысли о необходимости предварительной юридической оценки фактов, указанных в заявлении, не хватает ст. 96 УПК» [29, с. 352.]. Данное утверждение не лишено оснований и является закономерным результатом существующих в тот период времени противоречий, возникающих между действующей нормой права и практикой ее реализации. Правоприменители, сталкиваясь ежедневно с большим количеством поступавших сообщений о преступлении, возбуждали уголовные дела, без проверки содержащейся в них информации, что порождало многочисленные нарушения законности. Возникла проблемная ситуация, остро поставившая вопрос о поиске алгоритма действий практических работников для устранения коллизии между нор-

мой закона и ее реализацией. В качестве компромиссного решения между юридическими предписаниями и сложившейся практикой, должностные лица осуществляли проверку поступившей информации с целью установления признаков преступления. Саму же деятельность стали именовать «доследственной проверкой». «В создании института доследственной проверки присутствовала и своего рода правовая логика и здравый смысл, отсеивалось все, что вело к громоздкому, но бесполезному в данном случае предварительному следствию» [17, с. 69]. «Доследственная проверка» сообщений о преступлении осуществлялась в не процессуальной форме и использовала ресурсы административной деятельности. Однако, отсутствие правовой регламентации проверочной деятельности, обобщения практики для единообразного ее применения должностными лицами, привело к серьезным нарушениям закона при ВУД, в связи с чем циркулярами НКЮ РСФСР и Прокуратуры СССР проведение «доследственной проверки» было запрещено. За более чем 48-летнее действие уголовно-процессуального кодекса, в истории советского государства произошли коренные преобразования, которые потребовали изменения действующего законодательства, в т.ч. и уголовно-процессуального. В Основах уголовного судопроизводства СССР и СР 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. был регламентирован подробный процедурный порядок ВУД, который «начинался с момента официальной фиксации органом дознания, следователем, прокурором или судьей поступившего носителя первичной информации о преступлении, которому закон (УПК) придает значение формального повода к возбуждению уголовного дела [11, с. 1]. Говоря о важности и значимости законодательного закрепления проверочной деятельности, В.М. Савицкий отмечал, что «она приобрела значение самостоятельного процессуального института, относящегося к стадии возбуждения уголовного дела» [22, с. 96], а А.П. Рыжаков полагал, что «задачи, стоящие перед стадией ВУД, можно признать решенными лишь по окончании предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении» [21, с. 189]. Действующая норма не была лишена пробелов, и первые результаты ее реализации на практике выявили недостатки, обнажили проблематику вопроса, ставшую предметом комментарий ученых-процессуалистов. Однако, не смотря на несовершенство норм УПК РСФСР, они сыграли важную роль в становлении института рассмотрения сообщения о преступлении: заложили его правовые основы, создали прецедент в части их практической реализации, поставили перед научным сообществом ряд дискуссионных и проблемных вопросов, требующих дальнейшего регулирования, явились предпосылкой для последующей законотворческой деятельности. Концепция Судебной реформы в РСФСР утвержденная Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г., сформировала основы дальнейшего совершенствования уголовного судопроизводства, его кардинальной перестройки. Применительно к институту рассмотрения сообщения о преступлении было подчеркнуто, что «при производстве доследственной проверки вся собираемая информация производится «непроцессуальными, то есть наименее надёжными в контексте уголовного судопроизводства средствами. Собственно, в виде «проверки» мы имеем суррогат расследования». Предлагалось упразднить «доследственную проверку» как правовой институт, так как «демократической направленности предлагаемых преобразований не соответствует сохранение административной по своей природе доследственной проверки заявлений и сообщений о совершении преступлений до возбуждения уголовного дела» [12]. Однако, большинство исследователей, последовательно отстаивали позицию необходимости и обязательности проведения проверки сообщения о преступлении. Это привело к тому, что в ныне действующем УПК РФ эта законодательная новелла была сохранена. Сегодня ученые-процессуалисты уже не обсуждают вопрос: «Быть или не быть институту рассмотрения сообщения о преступлении?», а говорят о необходимости реформирования и оптимизации уголовно-процессуального механизма.

Вывод: Логико-историческая реконструкция генезиса, первоначального этапа уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что институт рассмотрения сообщения о преступлении, первоначально появился в российском уголовно-процессуальном праве как результат заимствования опыта законодательного регулирования западноевропейской цивилизации и интеграции организационных и правовых основ. В дальнейшем, процесс его совершенствования тесно связан с историей становления Российского государства, влиянием объективных и субъективных факторов, уровнем правовой культуры и традиций,

учетом отечественного опыта правового строительства.

Библиографический список

1. *Анциферов К.Д.* Уголовно-судебное право. – М., 1882. – С. 202.

2. *Барышев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб., 1841. – С. 71.

3. *Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – С. 118.

4. *Власова Н.А.* Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: Дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2001. – С. 81.

5. *Гирько С.И., Скударёва Н.Н.* Дознание в ОВД: история и современность. Учебно-методическое пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – С. 28.

6. *Деришев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: Дис. … д-ра юрид. наук. – Омск, 2005. – С. 126.

7. Инструкция НКЮ «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» (СУ 1917 г. № 12).

8. *Квачевский А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. – СПб., 1866. – С. 47.

9. *Кедров Б.М.* История науки и права. – М., 1971. – С. 2.

10. *Ковалёва М.Г.* Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – С. 40, 44.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу РСФСР / Под ред. Л.Н. Башкатова, Б.Т. Безлепкина, С.В. Бородина и др.; отв. ред. И.Л. Петрухин. – Изд-во «Проспект», 2000. – С. 1.

12. Концепция Судебной реформы в РСФСР, утвержденная Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г.

13. *Коротких М.Г.* Судебная реформа 1864 года в России. Сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж, 1994. – С. 30 (автор ссылается на Свод законов Российской империи. Законы уголовные т. 15. – СПб, 1857. – С. 9).

14. *Максимов П.В.* Концепция возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI–XX вв. Историко-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 19, 21.

15. *Масленникова Л.Н.* Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу: Учеб. пособие. – М., 1993. – С. 5–6 .

16. *Маслов И.В.* Процессуальная форма дознания и предварительного следствия по уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Уголовное судопроизводство. – 2007. – №4. – С. 1.

17. *Меликян М.Н.* Процессуальные и криминалистические аспекты предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях: Дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 1998. – С. 69.

18. *Николюк В.В., Кальницкий В.В., Шаламов В.Г.* Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие. – Омск, 1990. – С. 7.

19. *Полянский Н.Н.* Очерк советской науки уголовного процесса. – М., 1960. – С. 22.

20. Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13.10.1918. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)» // СУ РСФСР. – 1918. – №75. – Ст. 813.

21. *Рыжаков А.П.* Краткий курс уголовного процесса: Учебное пособие. – М., 1998. – С. 188–189.

22. *Савицкий В.М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. – М.: Наука. – С. 96.

23. Свод законов Российской Империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге. – 3-е изд., пересмотр. и доп. / Под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филипова. – СПб.: Изд-во т-ва «Общественная Польза», 1900.

24. *Статкус В.Ф.* Необходимость законодательного совершенствования стадии досудебного производства // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 2(10). – С. 29–31.

25. *Строгович М.С., Карницкий Д.А.* УПК РСФСР: текст и постатейный комментарий / Под ред. Н.Я. Нехамкина. – 3-е изд. – М., 1928. – С. 85.

26. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / Под. ред В.П. Божьева. – 3-е изд. – М., 2002. – С. 29.

27. *Ширков В., Шрамченко М.* Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1902.

28. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб.: изд-во АЛЬФА, 1995. – С. 363, 374.

29. *Чельцов М.А.* Уголовный процесс. – М., 1948. – С. 352.

Тохтуев Илья Андреевич
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
tochta@mail.ru

ПРАВО И ПОЛИТИКА КАК ЦЕННОСТНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются правовые и политические ценности, и их роль как регуляторов общественных отношений. Дается общий анализ проблем взаимодействия ценностей права и политики, их особенностей и значения для общества, необходимости доминирования правовых ценностей над политическими.

Ключевые слова: *право, правовые ценности, политика, политические ценности, регулирование социальных отношений.*

Право, наряду с политикой, принадлежит к числу не только наиболее важных, но и очень сложных общественных явлений. Право и политика это явления сугубо общественные, они не могут существовать без какой-либо социальной общности, неважно как именно будет в нем выражено право (писаные законы, обычаи, традиции, религиозные кодексы и т.д.) или каким образом это общество организовано и кем оно будет управляться. Право всегда возникает как необходимость в регулировании усложнившегося, внутренне противоречивого общества, и своим правовым воздействием оно обеспечивает организованность, стабильность и порядок в обществе, основанный на принципах и идеях существующего права. Политика же, пронизывая все формы общественной жизни и включая в себя все формы социальной активности людей, все виды их деятельности и организации, возникает как результат непрерывного разрастания и расслоения общества, вследствие чего появляется объективная необходимость в координированном управлении этого общества.

Право и политика, как взаимосвязанные и взаимодействующие элементы общества, являются главными проводниками универсальных ценностей современного цивилизованного мира. К этим ценностям мы относим свободу и равенство, гуманизм, безопасность и благосостояние человека в обществе, свободу совести и слова и др. В идеале эти ценности общие для всех, и существуют для каждого, но все же, учитывая неотъемлемую специфику политики и права как самостоятельных социальных явлений, со своей системой и механизмом действия, они реализуются разными методами: правовыми или политическими. Мы можем сказать, что право и политика не только нормативно-ценностные регуляторы общества и личности, но они одновременно выступают в качестве идеалов и сами имеют собственную ценность. При всем взаимодействии политики и права, необходимо видеть, что то и другое – значительно отличающиеся друг от друга нормативные системы.

Рассмотрим право в системе ценностей современного общества, его роль и самостоятельную ценность. В связи с развитием направления философской мысли, называемого аксиологией (учением о ценностях), стало возможным охарактеризовать эту значительную силу права как регулятора в современных и высокозначимых категориях [5, с. 353].

Право становится важной социальной ценностью общества, оно определяет не только должное поведение людей в описанных законом рамках и последствия их несоблюдения, но также понятия, принципы и идеи, зная и следуя которым человек определяет своё поведение в обществе как правильное и верное, а общество, в свою очередь, основываясь на том же, взаимодействует с человеком. Когда в основе права лежат гуманистические идеалы и ценности, то оно дает обществу информацию о добром и справедливом, право становится искусством добра и справед-

© Тохтуев И.А., 2011

ливости. С его помощью в обществе обеспечивается необходимый правопорядок, разрешаются социальные конфликты и противоречия.

Говоря же о политике и политических ценностях, можно сказать, что они также как и правовые непосредственно примыкают к социальным ценностям и, по существу, являются их подвидом. Среди политических ценностей главные: политическая свобода и ответственность, национальная безопасность, патриотизм и космополитизм, международная безопасность, мир и международное сотрудничество.

Большинство политических ценностей связано с идеями справедливого и разумного общественного устройства и механизмами его поддержания. Ценности политики и политических режимов историчны и в этом смысле относительны, они отражают политическую зрелость и опыт общества, особенности его развития, способы своей реализации и общий менталитет народа. Эти ценности могут быть кратковременными, а могут оставаться основополагающими на долгий период времени, это будет зависеть от того, насколько они проникнуты «духом права», с его гуманистическими принципами и общечеловеческими ценностями.

В то же время для характеристики ценности права также необходимо, прежде всего, обратить внимание на позиции, характеризующие право как неотъемлемый признак и составляющую часть человеческой цивилизации, а именно на роль права в системе общественных отношений, особенности правового регулирования как способа воздействия на общественные отношения, конкретные функции права, механизмы действия права и т.д.

Право в современном обществе является ценностным регулятором в двух значениях: во внешних своих проявлениях и во внутреннем значении и содержании [6, с. 77].

Если не идти дальше рассмотрения права как регулятора общественных отношений, то его миссия в обществе состоит прежде всего в инструментальной ценности, т.е. ценности инструмента, «средства» решения задач, относимых к различным сторонам жизни общества: экономической, политической, культурной. Ценность права проявляется в его внешних свойствах, в особенности создания правовых норм, иными словами, речь идет о праве как нормативном источнике (закон, например), в нормах которого заложены правовые ценности. Благодаря этому право обладает рядом значимых свойств: общеобязательностью, нормативностью, формальной определенностью, гарантированностью исполнения и другими, раскрывающими его функции и принципы. Инструментальная ценность права способна прямо и непосредственно регулировать общественные отношения и ценности общества.

В отличие от правовых, политические ценности не имеют определенного источника своего существования, разумеется, они могут быть выражены в отдельных правовых актах, нормативных и ненормативных, политических посланиях, доктринах, о них часто могут говорить политики, но все же они в большей степени субъективированы и часто носят декларативно-рекомендательный характер, и в этом смысле политика как нормативно-ценностный регулятор общества более гибок и подвержен изменениям. Право должно быть стержнем, который крепит политические ценности и не даёт им кардинально меняться под влиянием текущих социальных обстоятельств.

Система политических ценностей всегда выступает в виде совокупности ценностей какой-то социальной группы, как организованной общественной силы. В этой связи может возникнуть проблема гармонизации политических ценностей отдельных социальных групп (политической элиты) и общества в целом, отсюда и происходят столкновения интересов различных социальных классов.

Право же являясь несомненным ценностным регулятором общества, способно воздействовать на общество не только через свой правовой инструментарий и интегрированные в него ценности, но и обладать собственной ценностью. Ценность права – это неотъемлемый признак, составляющий часть человеческой цивилизации, несущий её идеалы и принципы. Отсюда ценность права – это способность права служить целью и средством для удовлетворения социально справедливых, прогрессивных потребностей и интересов граждан и общества в целом.

Итак, право обладает не только инструментальной, но собственной, внутренней ценностью, которая в современном демократическом обществе приобретает главенствующее значение. Эта ценность связана с внутренним содержанием права, его значением для общества в целом.

Собственную ценность права в общем его понимании можно определить как выражение

и олицетворение правом свободы и активности людей как субъектов права на основе упорядоченных отношений и в соответствии со справедливостью, необходимостью согласования воли и интересов различных слоев населения, компромисса между социальными группами. Иными словами, право – это ценность, которая не присуща никакому другому социально-политическому явлению, ценность упорядоченной свободы человека и справедливости. В этом своем качестве право может предоставлять людям в виде субъективных прав простор для свободы, для активности в поведении, и в то же время оно направлено на то, чтобы исключить произвол и своеволие властей, противостоять ему, сообразовать поведение человека с моралью, со справедливостью.

Именно как явление, противостоящее произволу и беззаконию и в то же время обеспечивающее простор для упорядоченной социальной свободы и активности, право само по себе занимает высокозначимое место в социальной жизни, выступает как фактор социального прогресса. И именно в этом отношении право и является значительной, и притом самостоятельной социальной ценностью [5, с. 355].

Ценности права – это ценности, «олицетворенные правом полностью или частично», пишет В.Г. Графский [6, с. 79]. К таким ценностям относятся свобода, справедливость, равенство, взаимопомощь, в Европе они олицетворяются людьми только с правом. Эти ценности ориентируют человеческое поведение на достижение определённых целей, выработку цивилизованных стандартов, образцов поведения. Они не всегда присущи только праву как ценностному социальному регулятору, это ценности человеческой культуры, из которой возникало право. Верно было отмечено известным французским юристом Ш. Курильски-Ожвэном, что: «...правоведы не выдумывают модели поведения, а заимствуют их из практической жизни и ценностных ориентаций социальной среды, характерной для определённой культуры, в которой они сами существуют» [3, с. 12]. Эти ценности как бы «пронизывают» правосознание общества, они играют роль идеалов и таким образом становятся основными ценностями права [2, с. 174].

Наряду с правом в системе социальных ценностей общества, играет важную роль и политика, как неотъемлемое явление любого современного общества. В самом общем виде политика может быть определена как социальная деятельность, направленная на сохранение или изменение существующего порядка распределения власти и собственности в государственно организованном обществе и мировом сообществе.

Итак, какие же социальные ценности мы можем выделить в политике, с помощью которых она может регулировать общественные отношения, являясь таким образом нормативно-ценностным регулятором общества?

Традиция реалистического видения политики, установившаяся ещё со времен Н.Макиавелли, ее освобождение от некоторых правил морали, в значительной степени связаны с утверждением понимания ведущей роли интересов в политической, властной деятельности (интерес государства, нации, класса превыше всего). Но в политике существует, постоянно себя проявляющая субъективная сторона, отношение отдельной личности, без учета которой трудно понять, почему люди в рамках сходных социально-экономических или исторических обстоятельств, принадлежа к одному слою или группе и исходя из общих интересов, ведут себя по-разному. Значение подобной ситуации емко выразил В.С. Соловьёв: «Есть у народа интерес, есть у него и совесть» [7, с. 63]. Без совести, действительно, невозможно установить пределы действия, реализации этого важного для человека и общества политического интереса. Если такие ценностные регуляторы отсутствуют, политика и властная сфера вообще становятся полем игры эгоистических инстинктов, что ведет общество к разрушению, а политика перестает быть силой социальной интеграции [1, с. 18].

Политические ценности постоянно возникают, распространяются, функционируют определенный промежуток времени, растворяются, исчезают, снова возникают. Они переменчивы, то есть они функционируют в общественной структуре как идеи-ценности социальных групп, общностей, классов, их политических представительств. Конкретный предмет становится ценностью не сам по себе, а оценивается с точки зрения определенного идеала или системы идей. Политические ценности возникают и функционируют в сознании человека, социальной группы как продукты духовной жизнедеятельности в виде соответствующих идей, целей, норм, они не всегда могут соответствовать правовым ценностям, а иногда они им даже противоречат, здесь многое зависит от политической культуры общества, от возможностей реализации

правовых предписаний и принципов. Таким образом, можно сказать, что политические ценности – это идеи политических потребностей, выражающие отношение индивидов, социальных групп, классов, общества между собой в конкретный период времени [4, с. 13].

Нельзя забывать о такой важной составляющей политики, как идеология, ведь ценности входят в структуру идеологии и ментальности, это неотъемлемая часть нормативно-ценностных регуляторов общества. Одни и те же политические явления в зависимости от идеологии, и присущей ей системы ценностей будут пониматься, интерпретироваться различным образом.

Идеи демократии, стремление к созданию правового государства, развитие правовой и политической культуры все это можно считать идеолого-политическими ценностями, которые способны регулировать общественные отношения, направлять их развитие в нужное русло. В условиях развитой демократии и гражданского общества можно выделить набор устойчивых, общепринятых ценностей, которые способствуют укреплению позиций государства. К ним относятся патриотизм, гражданские и политические свободы, легитимность власти, гуманизм, политическая ответственность и т.д. В тоталитарном же обществе ценностей гораздо меньше, чем в демократическом, и главное, здесь они унифицированы, носят декларативный характер и воспринимаются населением исключительно формально. Идея демократии, сейчас, как политическая ценность, так и остается нереализованной, более того, она получает негативный оттенок и недоверие в возможность её реализации.

Расхождение между ценностной ориентацией официальной идеологии и реальной ситуацией порождает сложности в ценностном регулировании, так как в эти ценности не верят, снижается легитимность власти, подрывается вера в реальные возможности права и все это может способствовать развитию кризиса власти.

Можно сделать вывод, что право и политика как нормативно-ценностные регуляторы общества всегда взаимодействуют друг с другом, дополняя или противореча. Правовые и политические ценности тесно переплетены и если, говоря о первых, мы имеем четкое представление, что они собой представляют, и где можно обнаружить их источник, то политические ценности гораздо более субъективны, во многом зависят от существующей идеологии и политической ситуации в государстве. Они более динамичны и изменчивы, но главенствующее и стабилизирующее положение в обществе всегда должно занимать право, реализуя, таким образом, закрепленный принцип своего верховенства.

Таким образом, мы можем констатировать, что ценность права с его понятиями об идеалах, об общей цели права, его предназначении и т.д., а также функцией по регулированию общественных отношений означает служение не только обществу, государству или каким-нибудь социальным образованиям, но, прежде всего, человеку. Создание благоприятных условий для каждого человека, – вот основная задача права, политика носит здесь лишь прикладное значение, политика должна всегда руководствоваться правом, его нормами, принципами и целями.

Библиографический список

1. *Демидов А.И.* Мир политических ценностей // Правоведение. – 1997. – №4. – С. 18–25.

2. *Рашева Н.Ю., Гомонов Н.Д.* Ценность права в контексте системы ценностей // Вестник МГТУ. – 2006. – Т. 9. – №1. – С. 172–181.

3. *Курильски-Ожвэн Ш.* Семья, равенство, свобода // Общественные науки и современность. – 1996. – №2. – С. 10–16.

4. *Виноградов В.Д.* Политические ценности в жизнедеятельности людей // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. (Тр.) – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество / Санкт-Петербургский государственный университет, 2000. – Вып. 1. – С. 11–16.

5. *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. Часть вторая. Теория права. – М.: Норма, 1998–1999. – С. 353–358.

6. *Графский В.Г., Мамут Л.С., Нерсесянц В.С.* Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. – С. 74–88.

7. *Соловьёв В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 62–64.

УДК 311.174

Шустенкова Екатерина Владимировна
Государственный университет – Высшая Школа Экономики
escada@mail.ru

МНОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЙВЛЕТ-АНАЛИЗ ДАННЫХ МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Целью данной работы является представление возможностей нового для гуманитарных наук метода анализа динамик, укладывающихся в числовые ряды, – метода вейвлет-анализа, который, в отличие от традиционных методов, не накладывает жестких ограничений на математические характеристики ряда данных, а также позволяет обнаружить неочевидные процессы и закономерности.

Ключевые слова: *множественный вейвлет-анализ, временные ряды, кластеризация.*

Одна из фундаментальных задач любой области знания – это наблюдение за процессами в динамике. Подобные наблюдения укладываются в определенную числовую последовательность – временной ряд, имеющий определенную природу. В социологии, как и в других науках, актуальна задача изучения данной природы, которая выражается в изменении базовых характеристик ряда (среднее, дисперсия, период, амплитуда, фазы колебаний). Динамика социальных процессов зачастую характеризуется присутствием нерегулярных и резких изменений значений показателя, появлением периодов регулярных колебаний, которые затем сменяются хаотичными колебаниями. В связи с этим возникает потребность локализации периодичностей, определения периодов возникновения и исчезновения циклов.

Традиционно для анализа временных рядов применяется преобразование Фурье (на котором основан спектральный анализ, реализованный в широко используемом социологами пакете SPSS), базовая идея которого заключается в аппроксимации сложной функции взвешенной суммой простых функций, каждая из которых получается из одной функции-прототипа. Функция-прототип выполняет роль строительного блока, а аппроксимация получается комбинированием одинаковых по структуре блоков. Если «хорошая» аппроксимация получается при использовании малого числа блоков, то достигается значительное уплотнение информации. Фурье в качестве подобных блоков использовал синусоиды с различными периодами [2], предельно локализованные по частоте и не локализованные по времени. Данное преобразование обладает ценной способностью фокусировать в точку информацию о периодичности функции при переходе из временной области в частотную, что делает его прекрасным инструментом для изучения процессов, свойства которых не меняются со временем. Однако это обстоятельство делает преобразование Фурье плохим методом для исследования иррегулярных функций, то есть функций, характеристики которых эволюционируют во времени [1].

Во многих случаях интересно локальное частотное содержание ряда, то есть информация о том, какие частоты нетипичны или типичны для конкретного отрезка времени. Необходимость использования других функций подчеркивал Л.И. Мандельштам еще в 20-х годах: «Физическое значение разложения Фурье в большей мере связаны с резонансными свойствами линейных систем с постоянными параметрами; при переходе к линейным системам с переменными параметрами разложение Фурье перестает быть целесообразным и место функций косинус и синус должны занять другие функции» [3]. Новым решением стало вейвлет-преобразование, занимающее промежуточное положение между гармоническими и импульсными функциями Кронекера (предельно локализованы во времени и не локализованы по частоте), так как должны быть локализованы как во временной, так и в частотной области. Однако при проектировании подобных функций неминуемо возникает проблема, вызванная известным принципом неопределенности Хэйзинберга: невозможно знать точно частоту и точное время присутствия/появления этой частоты в ряду, так как ряд не может быть представлен как точка в частотно-временном пространств. Отличительной особенностью вейвлет-анализа является то, что в нем можно использовать семейство функций, реализующих различные соотношения неопределенности. Таким образом, исследователь может выбирать те функции, которые наилучшим образом решают поставленные задачи.

© Шустенкова Е.В., 2011

Идея вейвлет-преобразования состоит в том, чтобы взглянуть на ряд сначала под микроскопом, потом – через лупу, потом отойти на пару шагов, затем посмотреть издалека (то есть, менять масштаб). Данная идея осуществляется разными способами, но все они сводятся к последовательному огрублению изначальной информации, либо, наоборот, после сильного огрубления уточняют особенности, которые еще сохранились, а также их положение. В алгоритме используется масштабирующее окно, передвигаемое по всему временному ряду с расчетом спектра для каждой его позиции. Процесс повторяется множественно с изменением размера окна для каждого нового цикла. В данном анализе частотно-временное пространство заменяют на масштабно-временное, следовательно, чем больше масштаб, тем меньше различимы детали (масштаб, таким образом, обратно пропорционален частоте).

Выявление особенностей поведения ряда, кроме того, позволяет мерить близость/дальность между различными временными рядами, не используя при этом эвклидово расстояние. Временные ряды считаются близкими, если они близки как функции времени (то есть между значениями временных рядов существует сильная, возможно нелинейная, связь). Для сложных данных (особенно макропоказателей) обычная мера близости типа евклидова расстояния зачастую неприменима. Таким образом, меру близости между временными рядами следует рассчитывать на основе некоторых характеристик временных рядов, а не на основе их значений. Обычно используется несколько типов расстояний между рядами: на основе косинуса и на основе коэффициента корреляции. Однако эти расстояния чувствительны к наличию тренда. Вейвлет-коэффициенты, выступая в качестве мер близости, показывают насколько колебания и направления колебаний временных рядов относительно их линейных трендов схожи между собой.

Самой широкой областью применения вейвлетов является анализ сигналов различной природы, кардиограмм, сейсмических данных, а также для численного моделирования динамики сложных, нелинейных процессов, для распознавания образов, анализа аппаратной информации и изображений в медицине, космической технике, астрономии, геофизике, для сжатия информации (сигналов и изображений). Наиболее близкой к социологии областью их применения является макроэкономика, однако объектом анализа в таких случаях являются различные биржевые показатели. Нам кажется довольно важным вне-

Рис. 1. Иерархия множественных данных
(идея данной иерархии принадлежит А.А. Давыдову – не опубликовано)

дрение вейвлет-анализа в количественный анализ социологических данных. В настоящее время доступен множественный анализ данных, хотя еще недавно можно было анализировать только единичные ряды. Одновременное параллельное вевлет-преобразование полноценных баз данный открывает еще более широкие возможности для дальнейшей работы с данными. В частности, крайне удобным и интересным становится кластерный анализ временных рядов, причем в качестве мер близости возможно использовать как вейвлет-коэффициенты, так и восстановленные по ним спектры.

Для того чтобы составить хорошую с содержательной и аналитической точек зрения базу данных, которая в дальнейшем подвергнется вейвлет-преобразованию, следует придерживаться нескольких принципов:

1) ряды должны быть как можно длиннее – вейвлет-анализ рассчитан как раз для анализа довольно большого числа наблюдений. Не существует формального порога, однако стоит учесть, что под «большим числом наблюдений» имеется в виду «не менее нескольких десятков точек»;

2) периодичность замеров должна быть равной на протяжении ряда и должна совпадать у всех рядов, иначе результаты анализа будут крайне неточными или даже эвристическими;

3) данные должны быть однопорядковыми. База может формироваться из различных типов временных рядов: индексы, альтернативы ответов одного вопроса, конгломерат альтернатив разных вопросов и т.д. (см. рис. 1). Главное, чтобы в одной базе содержались ряды одного уровня.

Согласно данной иерархии и вышеизложенным условиям, нами была собрана база, состоящая из распределений ответов на вопросы с несколькими вариантами ответов. Альтернатива «затрудняюсь ответить» была исключена из всех вопросов, чтобы не усложнять дальнейшую интерпретацию данных. В конечный массив вошло 30 рядов (см. Приложение), состоящих из 89 наблюдений (апрель 1994 – март 2008 года).

Проблема заключается в том, что все собранные ряды расположены в разных частотных областях, имеют разнонаправленные тренды и специфическую циклическую компоненту. Для определения того, поведение каких именно показатели синхронно или крайне схоже, необходимо провести группировку переменных на основе детализующих вейвлет-коэффициентов. Так как для множественного вейвлет-анализа доступно 53 вейвлет-модели (различающихся как по базисной функции, так и по скэйлинг-функции), нам необходимо выбрать наилучшую для наших данных. Совершенно очевидно, что для всех данных не может быть подобрана одинаково хорошая модель, но так как в дальнейшем мы собираемся использовать коэффициенты в качестве мер близости, необходимо, чтобы все данные подвергались единому преобразованию.

При выборе вейвлет-модели необходимо соблюдать следующие критерии:

1) содержательные критерии (соответствие между классом процесса и семейством вейвлета);

2) математические критерии (симметричность, ортогональность и т.д.);

3) вычислительные критерии (автокорреляция, FFT – спектр, энтропия разложения, воспроизводимость результатов на новых данных).

Таким образом, выбор вейвлет-модели – это оптимизационная задача.

В ходе анализа были реализованы все 53 модели разложения до 6 уровня (максимально возможный, выделяет наиболее глубинную тенденцию ряда). Для оценки результатов мы руководствовались преимущественно вычислительными критериями, которые свидетельствовали о том, что все модели для нашей совокупности данных одинаковы по качеству. Среди них нет ни очень плохих, ни очень хороших, недостатки у всех примерно одинаковые. Поэтому в качестве дополни-

Таблица 1

12 типовых кластерных решений

№ кластерного решения	Число вейвлет-моделей, дающих эквивалентное решение	Доля вейвлет-моделей, дающих эквивалентное решение
1	24	45%
2	14	26%
3	3	5,7%
4	3	5,7%
5	2	3,8%
невоспроизводимые	7	по 1,9%

Таблица 2

№ кластерного решения	Число вейвлет-моделей, дающих эквивалентное решение	Доля вейвлет-моделей, дающих эквивалентное решение
1+5+9+11	28	52,85%
2+10	15	28,3%
3+4+6+12	8	15,1%
7	1	1,89%
8	1	1,89%

тельного критерия мы добавили такой показатель как устойчивость кластерного решения, основанного на вейвлет-коэффициентах различных моделей. Таким образом, полученные коэффициенты для каждой модели разбивались на 4 группы при помощи иерархического кластерного анализа (метод Варда, эвклидово расстояние). В результате было получено 12 кластерных решений (см. табл. 1).

Для оценки того, насколько значимы различия между кластерными решениями, использовались коэффициенты сходства Рэнда и Жаккарда, которые изменяются от 0 (абсолютно несхожие объекты) до 1 (тождественные объекты). Коэффициенты Рэнда и Жаккарда взаимосвязаны, однако последний тип коэффициентов имеет большую дисперсию, что позволяет лучше дифференцировать оценки сходства между разными кластерными решениями и упрощает задание порогового значения коэффициента. Поэтому условимся считать незначимыми различия между кластерными решениями, если коэффициент сходства Жаккарда больше 0,7, причем для одного кластерного решения выбирается максималь-

Таблица 3

Решение №1

1 кластер	Все не так плохо и можно жить
	Жить трудно, но можно
	Следует продолжать экономические реформы
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые улучшения в политической жизни
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые улучшения в экономической области
	Материальное положение семьи хорошее/среднее
	Экономическое положение России хорошее/среднее
	Настроение прекрасное
	Нормальное, ровное состояние
	Политическая обстановка в стране спокойная, благополучная
	В целом жизнь устраивает
2 кластер	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно
	Следует прекратить экономические реформы
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые/ значительные ухудшения в политической жизни
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые/ значительные ухудшения в экономической области
	Выступления /митинги населения против падения уровня жизни вполне возможны
	Скорее всего, приму в них участие
	Материальное положение семьи плохое/очень плохое
	Экономическое положение России очень плохое
	Испытываю напряжение/страх, тоску
	Политическая обстановка в стране критическая, взрывоопасная
3 кластер	Экономическое положение России плохое
	Политическая обстановка в стране напряженная
4 кластер	Жизнь не устраивает

Таблица 4

Решение №2

1 кластер	Все не так плохо и можно жить
	Жить трудно, но можно
	Следует продолжать экономические реформы
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые улучшения в политической жизни
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые улучшения в экономической области
	Материальное положение семьи хорошее/среднее
	Экономическое положение России хорошее/среднее
	Настроение прекрасное
	Нормальное, ровное состояние
	Политическая обстановка в стране спокойная, благополучная
	В целом жизнь устраивает
2 кластер	Следует прекратить экономические реформы
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые ухудшения в политической жизни
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые ухудшения в экономической области
	Скорее всего, приму в них (выступлениях/митингах/протестах) участие
	Материальное положение семьи плохое/очень плохое
	Экономическое положение России плохое
	Испытываю напряжение/страх, тоску
	Политическая обстановка в стране напряженная
3 кластер	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно
	В ближайшие месяцы Россию ожидают значительные ухудшения в политической жизни
	В ближайшие месяцы Россию ожидают значительные ухудшения в экономической области
	Выступления /митинги населения против падения уровня жизни вполне возможны
	Экономическое положение России очень плохое
	Политическая обстановка в стране критическая, взрывоопасная
4 кластер	Жизнь не устраивает

ный коэффициент для его «объединения» с любым другим. Таким образом, вышеприведенная таблица приняла следующий вид (см. табл. 2).

Подобное распределение сложно назвать хорошим, так как мы получили три разных значимых решения. Решениями 7 и 8 можно пренебречь, так как они невоспроизводимы и несхожи с остальными.

Теперь рассмотрим полученные кластеры, сосредоточив внимание на решении №1 (табл. 3) и №2 (табл. 4).

Таким образом, 1 кластер в обоих решениях включает в себя все положительные высказывания, тогда как 2 и 3 – отрицательные. Стоит лишь отметить, что негативные оценки в первом решении формируют единую группу, тогда как во втором они распадаются на группу умеренно негативных и крайне негативных. Ни в одном кластерном решении положительные и отрицательные суждения не объединяются в одну группу. Возвращаясь к первоначальной идее классификации рядов на основе вейвлет-коэффициентов, выступающих в качестве мер близости, делаем следующий вывод: при группировке суждений по их характерному поведению и флуктуационной структуре, главным основанием для разбиения, скорее всего, станет оценка, содержащаяся в данном суждении (положительная или отрицательная), а не содержательная компонента. То есть, ближе друг другу скорее одномодальные оценки разные по тематике, чем разномодальные оценки, касающиеся одной темы. Данное заключение хорошо вписывается в концепцию Мясищева, согласно которой негативные и позитивные оцен-

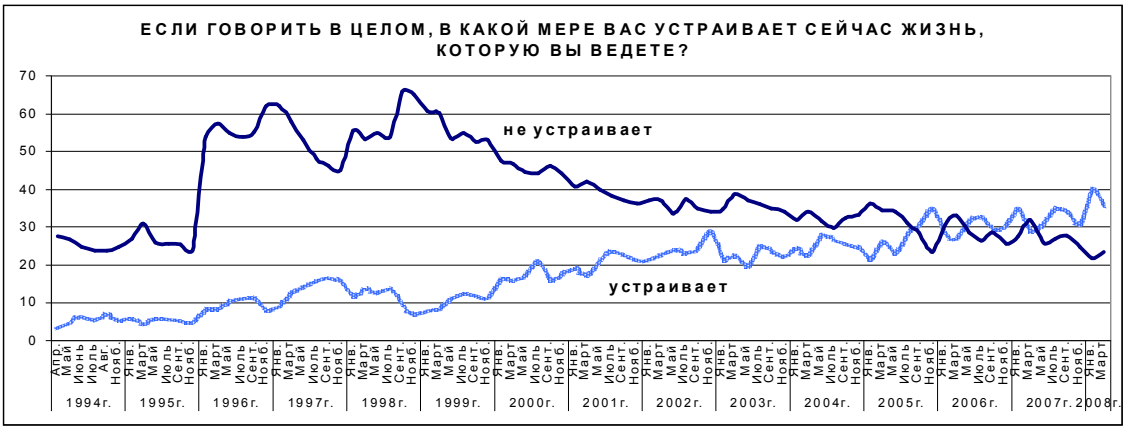

Рис. 2. Сравнение рядов «жизнь устраивает» и «жизнь не устраивает»

ки – есть два параллельно функционирующих механизма оценочных суждений, различающихся по структуре и динамике. Подтверждением служат результаты нейробиологических и когнитивных экспериментальных исследований. Однако в нашем случае данный вывод довольно условен, так как в используемой базе данных большинство показателей значимо взаимосвязаны, а подоплека этой взаимосвязи (тематическая или оценочная) неизвестна.

Еще один интересный результат проведенного анализа – это выделение одного ряда, который

Таблица 5

1 кластер	Все не так плохо и можно жить
	Жить трудно, но можно
	Следует продолжать экономические реформы
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые улучшения в политической жизни
	Материальное положение семьи хорошее/среднее
	Экономическое положение России хорошее/среднее
	Настроение прекрасное
	Нормальное, ровное состояние
	Политическая обстановка в стране спокойная, благополучная
	В целом жизнь устраивает
2 кластер	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно
	Следует прекратить экономические реформы
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые/ значительные ухудшения в политической жизни
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые/ значительные ухудшения в экономической области
	Выступления /митинги населения против падения уровня жизни вполне возможны
	Скорее всего, приму в них участие
	Материальное положение семьи плохое/очень плохое
	Экономическое положение России очень плохое
	Испытываю напряжение/страх, тоску
	Политическая обстановка в стране критическая, взрывоопасная
	Жизнь не устраивает
3 кластер	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые улучшения в политической жизни
	В ближайшие месяцы Россию ожидают некоторые улучшения в экономической области
4 кластер	Экономическое положение России плохое
	Политическая обстановка в стране напряженная

выступает в качестве 1 кластера, ни с кем не объединяясь в 83% случаев (в 44 моделях из 53). Этот ряд по своей флуктуационной структуре и характерным отклонениям относительно средней тенденции не похож на остальные и не взаимосвязан с ними. Этот ряд – «в целом жизнь не устраивает». Рассмотрим его подробнее (см. рис. 2). Очевидно, что до 1999 года поведение ряда было крайне хаотичным и непредсказуемым, в то время как поведение другой альтернативы того же вопроса можно назвать более спокойным.

Для проверки того, является специфическое поведение показателя неудовлетворенности жизнью причиной его «изоляции» от всех остальных показателей, период с 1994 по 1998 годы включительно был удален из анализа. Повторное воспроизведение моделей на усеченных данных показало, что с 1999 года характерное поведение ряда «жизнь не устраивает» синхронизируется с другими негативными суждениями. В частности, одно из кластерных решений дает следующий результат (см. табл. 5).

Подведем итоги на основе полученных результатов. Наблюдаемое поведение ряда «жизнь не устраивает» свидетельствует о его чувствительности и неустойчивости. В периоды, когда все негативные показатели начинают резко возрастать, оценка неудовлетворенности жизни возрастает в значительно большей степени. Таким образом, это наиболее чувствительная переменная, характер изменения которой носит явно нелинейный характер. Противоположная рассматриваемой переменной альтернатива – «жизнь устраивает» – по своему поведению довольно стабильна, а локальные флуктуации ряда относительно средней тенденции довольно незначительны. Несмотря на то, что обе переменные – это две части одного вопроса, различие в их природе очевидно. Здесь напрашивается вывод о том, что нестабильность показателя неудовлетворенности жизни обусловлена присутствием большей эмоциональной составляющей. Если за рядами мы будем видеть совокупность ответов людей, то интерпретацию результатов можно развернуть в следующей плоскости. Во-первых, по разрыву в негативных оценка внешних факторов и неудовлетворенности жизнью можно судить о присутствии других, неучтенных нами оснований, которые обуславливают выбор альтернативы «жизнь не устраивает». Другими словами, если индивиды оценивают внешние тенденции как отрицательные, но при этом жизнь в целом не устраивает их в гораздо большей степени, то для этого должны быть другие основания. О том, какие это основания возможно только предполагать: это могут быть как особенности социализации данной совокупности, так и другие показатели, которые не были учтены в изучаемой базе. Во-вторых, стабильность ряда «жизнь устраивает» и его взаимосвязь с остальными положительными показателями свидетельствует о присутствие скорее рациональной компоненты в выборе данной альтернативы. Таким образом, когда индивиды отвечают, что «в целом жизнь устраивает», то при этом они руководствуются более «объективными» показателями, что подтверждается наличием нелинейной взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и остальными положительными показателями (экономическим и политическим положением в стране, материальным положением семьи, ожиданиями на ближайшее будущее и т.д.).

Обобщая результат группировок данных, можно сделать вывод о том, что главным основанием для разделения показателей на классы является валентность, или модальность суждений-индикаторов данных показателей. Если учесть, что в базе присутствуют суждения, выражающие оптимистические и пессимистические взгляды на разные сферы, то результаты анализа подтверждают следующее: характерное поведение показателей относительно из средней тенденции является наиболее схожим у одновалентных, но тематически разных показателей. Также, умеренные оценки ближе к категоричным оценкам той же валентности, нежели к умеренным противоположным оценкам. Феномен амбивалентности внутри групп показателей не наблюдается ни в одном из 14 кластерных решений, что является подтверждением слабой дифференцированности оценок. Следовательно, на индивидуальном уровне диапазон оценок крайне узок: когда индивиды дают оценки тем или иным показателям, они придерживаются какого-то одного полюса (модальности, валентности) – положительного или отрицательного. Выбранная модальность распространяется на все оценки, вне зависимости от субъекта оценивания. Дифференциация оценок проявляется только в степени их поляризации – от категоричных до умеренных – и присуща скорее негативным, нежели позитивным оценочным суждениям.

Библиографический список

1. *Давыдов А.А.* Вейвлет-анализ социальных процессов // Социс. – 2003. – №11. – С. 89–101.

2. *Киселёв А.* Основы теории вейвлет-преобразования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.basegroup.ru/library/cleaning/intro-to-wavelets/?sessionid=ij58dqd01lqehuecd5odnv85l5 (февраль 2008).

3. *Мандрикова О.В., Тристанов А.Б.* Исследование локальных особенностей временного ряда с использованием пакета расширений Wavelet Toolbox // Труды Всероссийской научной конференции «Проектирование научных и инженерных приложений в среде MATLAB». – М.: ИПУ РАН, 2002. – 842 с.

4. *Поликар Р.* Введение в вейвлет-преобразование / Перевод В.Г. Грибунина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iist.3dn.ru/load/73-1-0-163 (февраль 2008).

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165:81

Береснева Наталья Ириковна,
Береснев Владимир Дмитриевич
Пермский государственный университет
beresnevv@mail.ru

ТЕКСТ КАК ДЕМИУРГ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

Классический субъективный идеализм (Беркли, Фихте, Мах) исходит из представления о мире как совокупности ощущений. С течением времени проблема достоверности ощущений отходит на второй план, а на первый план в качестве демиурга внутреннего мира человека выходят знаковые системы, прежде всего – язык. Человек при помощи языка творит и внешний и внутренний мир (включая сами ощущения). В культуре XX–XXI вв. субъективный идеализм в целом и солипсизм, в частности, стали метафорой одиночества, отчуждения человека от общественных институтов.

Ключевые слова: *субъективный идеализм, аргумент к ощущениям, язык (текст), сознание.*

В настоящее время в философской и художественной литературе вновь стала популярной тема иллюзорности внешнего мира и замкнутости субъекта в собственном сознании. Новый субъективизм имеет ряд отличительных черт, прежде всего то, что человеческое сознание замкнуто не в сфере ощущений, а в сфере языка (текста). Критика классического субъективизма в отношении «лингвистического» варианта уже неэффективна. Необходимо модернизировать критические методы и углубить понимание этой тенденции.

Родоначальники субъективизма исходили из того, что мир замкнут в сознании благодаря ощущениям, за пределы которых субъект выйти не может. С течением времени проблема достоверности ощущений отступает на второй план, а на первый план выходят знаковые системы, прежде всего – язык. Человек при помощи языка творит внешний и внутренний мир (включая сами ощущения). Отправной точкой этому направлению послужила теория В. фон Гумбольдта, который считал, что между человеком, миром и Богом есть изначальный посредник – язык. Поэтому процесс самообоснования, самопознания духа изначально развёртывается в сфере *языка*. Мышление не может охватить «безъязыковую», чисто физическую реальность, по сути, по тем же соображениям, по которым не может познать «вещей в себе» кантовский рассудок («безъязыковая реальность» = «вещь в себе»). Таким образом, Гумбольдт в классическую дихотомию «мышление / реальность» вводит третий компонент – язык. И если до Гумбольдта мышление первично, а язык его оформляет (играет инструментальную роль), то у Гумбольдта мышление и язык – взаимовлияющие. Простая и ясная конструкция становится более сложной. Новый вариант субъективного идеализма можно возвести к известной фразе Гумбольдта о языковом круге: «Каждый язык народа описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг, т.е. изучишь другой язык и, следовательно, усвоишь новую точку зрения в прежнем миропонимании» [8]. Итак, между человеком и миром находятся не только ощущения, но и язык. Язык – это тюрьма для духа, человек заперт в языке. Но если заключённый может выйти из мест заключения, то человек никогда не может выйти из языковой тюрьмы.

Идея господства языковой системы над теми, кто ею пользуется, развивается в последующих течениях философии. В концепциях структуралистов, например, по аналогии с языком, который порождает все произведения речи, появилось представление об априорной бессознательной структуре, подобной языку, которая обусловливает все проявления социально-символической активности человека. Все продукты социокультурного творчества стали рассматриваться как знаковые конструкции, проявления своего рода языка – тексты. И первобытный ритуал, и научный трактат, и рекламный ролик – это как бы речь, которая состоит из знаков. Значение знака возникает в силу того, что он принадлежит к системе

© Береснева Н.И., Береснев В.Д., 2011

(вроде системы языка), вне которой существовать не может. Через эту «речь» можно проникнуть к «языку» – знаково-символическим системам. При этом структуры играют роль порождающих моделей – бессознательных механизмов, определяющих ход мысли исследователя. Поэтому, хотя человек и строит иллюзии относительно своей свободы, на самом деле за любым культурным феноменом лежит Структура, подобная языковой, она организует нашу жизнь.

Р. Барт, пытаясь изучить механизмы, позволяющие структурам осуществлять влияние, сумел разглядеть механизм, обладающий серьезной принудительной силой, в феномене «письма»; оно понимается как опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую определенная социальная группа помещает между индивидом и миром, заставляя человека думать в определенных категориях, замечать и оценивать те стороны реальности, которые эта сетка признает значимыми. Все продукты социально-языковой практики, которые были созданы поколениями – классами, партиями, литературными направлениями, органами СМИ и т.п., – можно представить как склад различных видов «письма», из которого человек вынужден заимствовать свой «язык», а заодно и систему ценностно-смыслового отношения к действительности [2].

Действие структур объясняется в рамках коннотативной семиологии Л. Ельмслева [9]. «Коннотативный смысл» – дополнительное значение языковой единицы, воплощающее оценку обозначаемого объекта в данной культуре. Эти смыслы латентны, но в то же время агрессивны: стремятся подавить или даже вытеснить знаки денотативной системы. Любой язык представляет собой комбинацию денотативного и коннотативного уровней, подразумеваемое при определенных условиях эксплицируется, а эксплицитное может уйти в коннотативный «подтекст». Так был осуществлен переход от изучения осознаваемых знаковых систем к системам (языковой природы), которые не осознаются, хотя и используются людьми, более того, часто ими управляют.

Подавляющее большинство иллюзий, заблуждений, наиболее трагически переживаемых современным человеком, имеет языковую природу. Раньше основные заблуждения людей, познающих мир, были связаны с чувственным восприятием – плоская земля, земля как центр мира. Сегодня наиболее острые заблуждения и переживания связаны с идеологическими построениями, искажающими представления о роли государства в обществе, иллюзией равенства перед законом, правдивостью СМИ. Они, в свою очередь, связаны со знаковыми системами, текстами, языком. Это оказало влияние на философию. Вероятно, начиная с Гадамера язык (текст) претендует на роль исходной философской реальности. После Гумбольдта, введшего в классическую дихотомию третий компонент – язык, основная оппозиция в философии – «автор и интерпретатор (мышление) / текст (язык)». И даже уже – только оппозиция «интерпретатор / текст». Центр тяжести переносится с мира на текст, который самодостаточен и наделен некоей субстанциальностью, а акценты переместились на деятельность субъекта-интерпретатора. Текст с бесконечным количеством интерпретаций обретает безграничное господство. Эти трагические иллюзии настолько ярки и значимы, видны «невооруженным глазом», что не нужно быть философом, чтобы их разглядеть. Названные мотивы разрабатываются в рамках художественного освоения мира – в литературе.

Художественная литература множеством нитей связана с научной, философской. Она, как и философия, – один из видов использования языка. А поскольку язык есть действительность мысли, то развитие литературы находится в несомненной связи с развитием теоретического мышления, хотя и не тождественно ему. Лессингу принадлежит наблюдение: сила литературного образа состоит в выражении действия, впечатления, которое производит предмет. Образность словесного искусства основана на отражении мира, опосредствованном через сферу переживания и размышления [12], потому литература имеет незаменимое значение как универсальное художественное познание. То, что среди всех языковых феноменов произведение художественной литературы имеет преимущественное отношение к истолкованию жизни и тем самым выступает в непосредственном соседстве с философией, отмечает Г.Г. Гадамер [6].

Философское осмысление мира писателями традиционно и характерно для России. Его истоки можно возвести к началу XIX в., когда философия переместилась в публицистику и литературу из университетских аудиторий [3] и в истории русского идейного развития наступил один из наиболее блестящих периодов [см.: 10]. Мы час-

то говорим «философия Толстого», «философия Достоевского», подтверждая их право выражать философские идеи. «В нашей… культуре философская рефлексия, критическая осмысленность и традиции отсутствуют не потому, что самой философии как бы не было, а потому, что она была очень … зависимой от литературы … Не получились две равные области, которые могли бы даже конкурировать» [20].

Таким образом, философское осмысление действительности в литературе имеет давнюю историю. В качестве примера нами были взяты произведения В. Пелевина, лауреата многих литературных премий, обладателя звания «Самый влиятельный интеллектуал России» по итогам опроса, организованного в Рунете порталом www.openspace.ru. Основная тема его произведений – иллюзорный характер реальности, другие миры. Во всех его произведениях делается «упор на воспроизведение сознания и особенно подсознания, порождающих причудливо-искаженные сочетания реальных и нереальных предметов» [7].

В романе «Generation “П”» [15] речь идет о поколении, жизненные ориентиры которого формирует реклама. Развивая идеи Бодрийяра, Пелевин ставит под сомнение реальность публичной власти: государства, правительства как такового не существует, существует симулякр-подделка, иллюзия. Политические деятели – картинки на экране. В конце романа герой и сам начинает творить посредством мощного компьютера президентов и депутатов, оказывается творцом судеб всех людей, почти Богом. «Generation "П"» несёт в себе философскую мысль о трагедии личности в современном обществе, о давлении на сознание виртуальной телевизионной реальности, программирующей его мысли и поведение. Человека убеждают – и он убеждается. Все, что есть вокруг – Че Гевара, Христос, супермодели или демократия, – точно такие же бренды, как Coca-Cola, Nokia или доллар. Реальность навязывается человеку, причем в особой – знаковой – форме. Таким образом, перед нами современный – знаковый, рациональный – субъективный идеализм.

В повести «Омон Ра» [16] представлена как грандиозная и садистская фальсификация история советской космонавтики. Государство в «Омоне Ра» – это грандиозная мистическая фабрика по производству социальных мифов. Благодаря всепроницающему обману, оно стирает все грани человеческой индивидуальности, делает личность единицей всеобщего, топливом. «Абсурд в повести стал нормой жизни» [4]. Приобретают поистине инфернальный характер и добровольное жертвоприношение со стороны многочисленных «героев», и воля Государства, требующего его. Некоторые критики считают, что Пелевин критикует советский социум – как тоталитарный. Вероятно, это не совсем так: всякий социум тоталитарен [5], заключает человека в плен иллюзий. Только «идеологи предыдущих столетий не имели достаточных средств для создания гиперреальностей. …В прежние эпохи идеология не столько строила гиперреальность, сколько устремлялась к “высшей” реальности – иному, потустороннему. …Ныне идеология уже не переносит идеи за пределы реальности, поскольку технически и социально она достаточно сильна, чтобы фабриковать саму реальность» [21, с. 23]. В финале повести Омон, обреченный на ритуальное заклание, осознает, что действительность – кошмар, навязанный его воображению. Космоса как такового нет, это мифологическое пространство, создаваемое государственной идеологией. Есть лишь альтернативный космос – микрокосм, мир отдельного индивидуума.

В романе «Чапаев и Пустота» [14] мы встречаем уже полноценный художественный солипсизм, когда главный герой Петр Пустота живет в двух реальностях – в качестве пациента клиники для душевнобольных и героя Гражданской войны. Ставится под сомнение существование каждой из этих реальностей. Реальность самого субъекта тоже сомнительна, поскольку если все, что субъект мыслит – иллюзия, то ему негде быть – можно быть только частью этой иллюзии.

Основной конфликт представленных произведений – конфликт между реальностью и представлением о ней. Существует ли реально этот мир? Все, что человек видит, знает и хочет, – это не его, внушено ему кем-то другим: СМИ, рекламой, властью. Все – тотальный обман, мистификация истории и культуры, симуляция человеческого существования. Пелевин выступает против антигуманной, иллюзорной и абсурдной сущности мира, против реальности вообще.

В рассказе «Девятый сон Веры Павловны» [13] главная героиня – уборщица, узнавшая тайну бытия и начавшая управлять реальностью, исполняя свои мечты. Мечты исполняются, но для этого происходят крупные социальные изменения.

Вера становится центром мира, все происходит внутри нее, и, по сути, она и является этим миром. Смена главной философской оппозиции «мышление / реальность» на оппозицию «мышление / текст (язык)» прочитывается буквально: Вера оказывается сначала миром, а впоследствии и текстом. Догма Деррида «Вне текста ничего нет» трансформирована в структуру «"Текст= Мир=Вера" и, что самое интересное, "Мир= Текст= Вера=Текст "Девятого сна Веры Павловны"» [19]. Текст проникает в жизнь, задает структуру, рамки человеческой жизни. «Тайна бытия» позволила Вере выйти из них, осознать себя мировым центром и будто бы самой стать на время текстом. Но на самом деле Вера не управляет миром. Закончив свое существование в одной реальности, сотворенной собственной волей, она приговаривается к существованию в другой сотворенной реальности и просыпается уже в качестве Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?». «Один алгоритм “что делать?” заменяется на другой, но это повтор, бесконечный и бестолковый, как бесконечны фрактальные итерации “У попа была собака…”» [18].

В романе «Т» [17] «лингвистический» субъективизм доводится до абсурда. Традиционно знак соотносится с объектом внезнаковой реальности. В постмодернистской литературе знак отсылает к другому знаку, тот к третьему – и так до бесконечности. Текст – единственная реальность, в которой существует главный герой – граф Т., является порождением другого текста. И главный герой «Т», будучи персонажем романа, живущий внутри текста, сам становится автором и творит новый роман – новый мир – внутри этого текста. Когда автор открывает своему герою его истинную природу, граф Т. видит себя совокупностью букв на бумажном поле. Роман является метафорой, раскрывающей дурную бесконечность «лингвистического» субъективизма, которая возникает неизбежно, если язык понимается как некая преграда, скрывающая истинную сущность вещей.

Мы видим, что проблема замкнутости человеческого сознания поставлена в литературе в не менее трагическом ключе, чем в философии. В культуре XX–XXI вв. субъективизм стал метафорой одиночества, отчуждения человека от общественных институтов. Эта тенденция может быть объяснена, в частности, тем, что структура общества становится настолько сложной, что человек не в состоянии ее в целом осознавать и пребывает в постоянном сомнении: является ли то, что он наблюдает, истинным положением вещей. Индивидуальное сознание не способно отразить все многообразие общественного бытия и общественного сознания. Темп производства информации возрастает в тысячи раз. Человек все больше чувствует себя ничтожным винтиком, который неспособен к полноценным отношениям с окружающей информационной средой. Это происходит потому, что мы имеем дело в обыденной жизни с частным знанием о мире и обществе. Сказывается нехватка реалистической философии – общих положений, адекватно описывающих сложную структуру.

Научная философия отрицает самодостаточность и абсолютную замкнутость знаковых систем. В представленной проблеме следует различать план этический и онтологический – то, что такое знак по своей природе, и то, с какой целью мы им пользуемся. Чтобы решить проблему, необходимо выяснить, для чего возникает язык, какие задачи решает, какие функции выполняет. Язык – это порождение материи, того мира, реальность которого ставится под сомнение.

Поскольку человек является единством всеобщего и особенного, проблему человеческого языка также возможно рассматривать в контексте всеобщего и особенного. В контексте всеобщего язык – завершающий этап, концентрирующий, аккумулирующий, интегрирующий основные качества знаковости – языковости [1], которая, как и отражение, свойственна материи. Как в основе человеческого познания лежит общее свойство материи – отражение, так с необходимостью должно быть более общее свойство, лежащее в основе человеческого языка – свойство знаковости. В науке ведутся дискуссии по вопросу объема понятия «знаковость»: для кого, чего нечто есть знак – для человека или и для животного, растения, минерала; что (кто) функционирует как знак – конвенциональные суррогаты языка, сам язык, вся разумная культура, биорефлексы, генетическое кодирование, химические реакции, физические процессы и т.д. Э.Р. Атаян считает, что «всякий предмет человеческой практики и человеческого познания превращается в “знаковую ценность”… мир есть языковая система (с оговоркой о метафоричности этого утверждения)» [1, с. 302]. Признание знаками лишь явлений, используемых людьми в общении, «отреза-

ет путь к научному объяснению генезиса функционирования знаков в обществе» [1, с. 302]. Такая широкая трактовка знака и знаковости вызывает опасения, однако речь идет не о тотальной знаковости сущего, а о его тотальном знаковом аспекте, способности тех или иных элементов или фрагментов в соответствующих условиях функционировать в качестве естественных / условных знаков.

Язык, рассмотренный в аспекте особенного в человеке, отличается от биологического сигнала, стимуляции. Качественное отличие человеческого языка обусловлено генезисом и функционированием социума. Особенность человека заключается в специфике, уникальности способа бытия – в производстве самого себя, своего бытия и тем самым своей сущности. Поэтому в структуре человеческой сущности главными будут те моменты, которые обеспечивают этот производящий способ бытия. Центральным моментом в структуре сущности выступает труд, преобразующий природный мир и выступающий тем самым как производство человеческой сущности. Труд намного сложнее биологического инстинкта, предполагает, с одной стороны, знание закономерностей мира. С другой стороны, он требует дифференциации ролей и функций, разделения. Поэтому главными условиями труда, факторами его становления и развития являются формирующееся и развивающееся сознание (субъективный образ объективного мира) и общение, которые выступают, таким образом, в своеобразном «триединстве». Каждая из этих составляющих особым способом связана с языком. Поэтому в связи с темой сознания, общения и труда, познания и освоения окружающего мира возникает тема языка, который является неизменным «участником» названного процесса, выступает активным посредником, связью между людьми в процессе познавательной и трудовой (предметно-практической) деятельности. В конечном итоге он является одним из главных факторов появления и существования социальной формы материи.

Единство труда, сознания, общения и языка проявляется в том, что генезис и функционирование каждой из сущностных сил с необходимостью предполагает в качестве главных факторов остальные. Это такое единство, в котором отсутствие любой стороны разрушает целостность, делает невозможным производящий способ существования человека. Место и роль языка в этом единстве определяется следующим образом. Преобразующий труд имеет сложный характер, что предопределяет разделение, а следовательно, кооперацию – коллективное в нём участие. Последнее невозможно без общения. В процессе труда возникает *необходимость* что-то сказать и появляется *что* сказать. Это *что* является более сложной информацией, чем сигнал об опасности или общее аморфное выражение эмоции [11]. Линии развития общения и познания в процессе развития производственной деятельности перекрещиваются: общение становится осмысленным и осознанным, а мысль осуществляется и оформляется в слове. Язык, таким образом, изначально формируется в единстве двух основных функций, обеспечивающих общение и мышление, без которых невозможен производящий способ существования человека.

Язык обладает колоссальной активностью внутри человеческого сознания. Собственно, он и объединяет в целое – сознание – все уровни, формы, виды мыслительного, эмоционального, волевого освоения мира homo sapiens. Человеческое познание мира невозможно представить вне языка. И одна из уникальных возможностей языка – возможность отражать мир искаженно, более того, создавать искусственные, иллюзорные модели мира. Но это активность не духа, а прежде всего материи (в языке дух объединен с материей, но именно благодаря этому он способен воздействовать не только на индивидуальное сознание, но и на массовое). И вводить людей в заблуждение – не единственная (и не самая главная) функция языка. Сама природа языка, как и природа ощущений, предполагает не замкнуть сознание человека внутри себя, а разомкнуть, расширить, соединить с сознаниями других людей и с внешним миром. Только при помощи языка человек может преобразовывать мир в больших масштабах, проникать в сознание других людей.

Библиографический список

1. *Атаян Э.Р.* Язык и внеязыковая действительность. Опыт онтологического сравнения. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1987.

2. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.

3. *Безлепкин Н.* Философия языка в России. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – С. 31.

4. *Борода Е.* Повесть В. Пелевина «ОМОН РА» в русле отечественной традиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-tradition/1.html (дата обращения: 6.01.2010).

5. *Быков Д.* «Побег в Монголию» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-dva/1.html (дата обращения: 6.01.2010).

6. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 126.

7. *Губанов В.* Анализ романа Виктора Пелевина «Омон Ра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-guba/1.html (дата обращения: 16.01.2010).

8. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 80.

9. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М.: Иностр. лит., 1960. – Вып. 1. – С. 264–389.

10. *Иванов-Разумник Р.В.* История русской общественной мысли: В 3 т. – М.: Терра, 1997. – Т. 1. – С. 271–272.

11. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. Лекция 38. Мышление и речь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: yurpsy.by.ru/biblio/leontev/38.htm (дата обращения: 6.01.2008).

12. *Лессинг Г.Э.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. – М.: Худож. лит., 1957.– 519 с.

13. *Пелевин В.* Девятый сон Веры Павловны // Пелевин В. Синий фонарь. – М.: Текст, 1991. – С. 140–157.

14. *Пелевин В.* Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1999. – 352 с.

15. *Пелевин В.* Generation “П”. – М.: Вагриус, 2003. – 336 с.

16. *Пелевин В.* Омон Ра. – М.: Эксмо, 2007. – 192 с.

17. *Пелевин В.* Т. – М.: Эксмо, 2009. – 384 с.

18. *Пронина Е.* Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. – 2003. – №4.

19. *Троскот Е.* Структурные особенности прозы Виктора Пелевина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gym10.ru/Site_liter/site2005/pelevin/artic/artic_61.html (дата обращения: 16.12.2009).

20. *Философия* и литература. Лекция Валерия Подороги, прочитанная 24 марта 2005 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polit.ru/lectures/2006/07/28/podoroga.html (дата обращения: 1.12.2009).

21. *Эпштейн М.Н.* Постмодерн в русской литературе. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.

УДК 233.5

Воронина Марианелла Вениаминовна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДУИЗМА

Статья посвящена рассмотрению идеи важности духовных наработок Индии для решения острейших глобальных проблем нашего времени. Автор статьи особым образом выделяет такой важный аспект темы, как успешный опыт Индии в гармонизации широкого спектра различных феноменов, сформировавшийся благодаря принятию каждого их них как необходимой части сложного единого целого.

Ключевые слова: *индуизм, единство религий, дхарма, глобальная духовная реформа.*

Когда-то К. Леви-Стросс в своей книге «Структурная антропология» выражал мысль о колоссальности гуманитарного антропологического знания, накопленного Востоком. Он говорил, что Восток опережает в этом Запад на несколько тысячелетий. На усвоении современной западной цивилизацией восточных мировоззренческих моделей как на средстве выхода из сложившейся на планете кризисной ситуации настаивали также многие из западных мыслителей, обладавшие непререкаемым в своих областях авторитетом (О. Шпенглер, А. Тойнби, Д. Медоуз, Т. Рузака, К. Ясперс, О. Хаксли, Э. Фромм и др.).

Внимание к восточной мысли весьма характерно и для русской культуры, что наиболее явно представлено в работах евразийских мыслителей как первой, так и последующих двух волн [11]. В наши дни и в нашей стране установку на ассимиляцию духовных наработок Востока очень ак-

 © Воронина М.В., 2011

тивно и неуклонно развивал А.С. Панарин. При этом из всего восточного «списка» он особым образом выделял Индию – как самую имущую в духовном отношении.

Он писал, что именно Индия обладает наибольшим потенциалом посттехнической, постэкономической, постмодернистской альтернативы и потому может служить инициатором глобальной духовной реформы, являющейся главным, по его мнению, условием разрешения острейшего планетарного кризиса [10, с. 184]. Вырабатывая стратегию достижения обозначенных целей, он ставит вопрос об усвоении тех универсалий и инвариантов восточного опыта, которые выстраивают идентичность Востока (и – у́же – Индии) как инициатора глобальной духовной реформы.

В историческом развитии индийской цивилизации можно выделить ряд особенностей, которые представляют существенный интерес и позволяют усматривать за этой страной действительно актуальные с точки зрения проблем глобализации мира потенции.

Первое, что мы могли бы выделить, – это то, что Индии удалось в ходе многовекового развития сохранить специфику своей древнейшей цивилизации (заметим, что это не удалось ни одной другой из древних цивилизаций) и при этом не вступить ни в какое драматическое взаимодействие с объективной потребностью в модернизации, диктуемой ходом исторического времени. Индии удалось соблюсти принцип исторической непрерывности – преемственности идейно-философской основы своей культуры – учения Вед.

В движении мысли здесь не было резких скачков с потерей связей внутри традиции, связей времен. Здесь не было системного кризиса религии, как на Западе, а процесс демифологизации космологических представлений был растянут на века. Как замечает исследователь индуизма Н.Р. Гусева, многие социальные, правовые и этические регуляции, сложившиеся в Индии в середине первого тысячелетия нашей эры, сохраняются там по сей день [4, с. 15]. И при этом, с другой стороны, мы знаем достаточно много примеров, свидетельствующих о способности представителей индийского этноса входить в новейшие сферы деятельности и становиться там лучшими специалистами [8, с. 139]. Что это означает, как не то, что внутри индийской культуры отсутствует опасность, связанная с консервативными тенденциями в обществе, – опасность закабаления традицией?

Представляется очевидным, что Индия успешно удерживает равновесие, сочетая устойчивость своих обычаев и принципов с неотменимым движением вперед общества и всей культуры в целом.

В Индии мы видим беспримерное разнообразие религиозных культов, теологических представлений, философских школ и систем мышления. И эту черту – постоянное продуцирование многообразия мировоззренческих парадигм – следует выделить как еще одну особенность индийской цивилизации.

Третья черта этой культуры – успешная отработка модели гармоничного сосуществования самых разных религий и конфессий – означает обретение индуизмом реального модуса уникального братства верований. В Индии достигнуто такое гармоничное единство диалога вероисповеданий, которое позволяет исследователям утверждать, что здесь совершился реальный внутрицивилизационный поликонфессиональный синтез [14, с. 4].

Индуизм утверждает множественность как фундаментальный закон духовного мира. Духовный плюрализм в индусском мире держится на постулате постоянно подчеркиваемой неконцептуализируемости источника творения – Брахмана.

Последовательность в осуществлении этой позиции предполагает здесь некоторые дальнейшие шаги:

– уважительное признание равноправными всех попыток выразить Невыразимое;

– стремление понять их – с тем, чтобы отыскать в них зерно прочной реальности – что-то, что действительно отражает истину существования;

– приложить такие взвешенные усилия к ассимиляции признанного ценным с точки зрения своего пути развития, которые не исказят приходящего и не разрушат своего.

В ходе дифференциации ведической традиции на различные школы и мировоззренческие системы возникала новая проблематика, которая осмысливалась философски – целостно и непредвзято. И, как подчеркивал Шри Ауробиндо, все сферы жизни послушно следовали за «философией, сделавшейся динамичной благодаря религии, и религией, ставшей просвещенной благодаря философии» [7, с. 225].

За каждым вероисповеданием, за каждой школой мысли здесь сохранялось право самостоятельно формулировать свои принципы. Выделялся необходимый общий минимум понятий, со-

здающих пространство для диалога – совмещения разных по уровню и форме знаний, цель которого – постижение, узнавание единой основы сущего. Выделялся этот минимум на базе авторитета священных писаний (шрути) как хранителя знания вечного общего в свернутых формулах.

Стремление найти гармоничное сочетание противоположных аспектов божества (таких, например, как трансцендентность – имманентность, личность – безличность, сохранение дистанции – вознесенность надо всем – доступность всем) очень характерно для индуизма, и оно насчитывает далеко не один век, встречаясь, например, и у основателя вишишты-адвайты (одного из трех главных направлений веданты) – Рамануджи, жившем в XI веке.

Базисом развития индуизма является не догма, а опыт, пережитый представителями многих поколений. Древняя традиция проходила периодическую реставрацию в учениях мудрецов, которые решали проблему существования человека в исторически изменчивых условиях сначала относительно себя, достигнув гармоничного состояния между собой и всем остальным мирозданием.

Приоритет медленно, но верно утверждался не за догмой, а за переживанием, не за интеллектом, а за интуицией. Именно эти, кажущиеся западному человеку столь эфемерными феномены, здесь представали как наиболее адекватные средства разрешения проблем человеческого существования.

В то же время, несмотря на весь свой спиритуализм, ведическая мысль интересовалась не заоблачными высотами, а главным образом жизнью людей – тем, как каждой человеческой душе дать возможность обрести гармонию повседневного существования и распространить ее на все сферы жизни.

Индуизм берет начало из жизни и, пройдя через разные школы, в жизнь возвращается. Все удаления от конкретики совершались ради возвращения к ней с сознанием укрепления связи с первоначалом. Конкретное и абстрактное, реальное и идеальное, материальное и духовное систематическим образом здесь взаимно оборачивались друг к другу своими референтными функциями.

Внимание к глубинным онтологическим корням не было занятием отвлеченным. Оно диктовалось необходимостью понять, как, соответственно онтологии, несущей общие и неотменимые законы бытия, выстраивать все сферы реальной человеческой действительности – духовную, политическую, социальную, экономическую. И в то же время практическое действие давало материал для коррелирования обобщений, претендующих стать твердыми принципами жизни.

Живое наглядное и предметное движение мысли – вверх (к всеохватывающему и всеисключающему) и вниз (к явлениям действительности) – воспроизводит с необходимой степенью детализации такой письменный памятник индуизма, как «Бхагавад-Гита», появление которой принято датировать IV–II вв. до н.э. [7, с. 70].

Сочетание огромного идеализма с огромной практичностью по сей день остается неотъемлемой характеристикой индуизма. Своего пика она достигла у представителей индуизма, совершивших последнюю на сегодняшний день модернизацию ведической традиции. В их числе Вивекананда, Тилак, Ауробиндо, Ганди и особенно – Шри Чинмой, который своей жизнью и деятельностью явил необыкновенно яркое доказательство безграничности человеческого потенциала и возможностей его реализации [21]. Так сама история полностью сняла с Индии имевшие некогда место обвинения в том, что она воспитывает свой народ в духе эскапизма.

Этап модернизации, результатом которого стала фундаментальная разработка антропологической проблематики, тоже был достаточно постепенным. Начался он более 200 лет назад и связан с именем и деятельностью Рам Мохана Рая. Особую интенсивность придал ему более ста лет назад Свами Вивекананда, обозначивший новую фазу его исторического развития – ориентацию на интеграцию достижений двух культур – западной и восточной.

Все перечисленное вместе обеспечило восприятие индуизма совсем не как религии, а как очень особенной формы культуры, в которой все стороны жизни концентрируются вокруг духовных ценностей и которая указует путь жизни [3, с. 6; 12; 15, с. 29; 18, с. 55–56]. Такая оценка индуизма со стороны полностью согласуется с самоидентификационными интерпретациями его наиболее выдающихся представителей [2; 9, с. 141; 22, с. 163; 23, с. 64]. Таким образом, следует констатировать, что индийская культура, благодаря своему духовно-философскому фундаменту, преуспела в решении очень важной проблемы – сохранения целостного экзистенциального пространства. Отсутствие его очень болезненно сказалось и продолжает сказываться на секулярном

западном обществе, увлекшемся идеей материального процветания и упустившем самое главное – духовно-нравственное благополучие человека.

Способность обеспечить сохранение целостности экзистенциального пространства есть четвертая отличительная черта индуизма. С ней генетически связана следующая его уникальная характеристика – широко признанное реальное генерирование данной культурой жизненно ценных качеств личности, особым образом востребованных в контексте проблем глобализации: покоя, мудрости, терпимости, ненасилия.

Это есть то, о чем так мечтал представитель гуманистической психологии Э. Фромм, говоривший, что назначением культуры должна быть не трансляция отвлеченного знания, а генерирование некоторых черт характера, в первую очередь – любви [20, с. 137–138]. Воспитываемые индийской культурой человеческие качества с полным основанием можно представить как градации любви, не говоря уже о том, что сами неоиндуистские мыслители называют «любовь», понимаемую в самом высоком, духовном смысле, определением индуизма [22, с. 145].

Есть еще одно проявление индийской культуры, которое можно интерпретировать как интегративный результат всех перечисленных выше черт и в то же время как отдельную особенную черту. Я имею в виду высокую способность к самоорганизации, обнаруживающую себя в целом ряде проявлений, сущностно значимых с точки зрения переживаемого человечеством кризиса и релевантных будущей цивилизации.

Индия оказалась готовой своевременно (если не с опережением) вступить в фазу ответа на вызов эпохи, связанный с выяснением вопроса глобального масштаба: есть ли еще у человечества культурные резервы для выживания? – и при этом принять на себя ответственность за положительный ответ на данный вопрос.

Первое самопредложение Индии миру в плане глобальных объединительных идей прозвучало за много лет до того момента, как обозначились все противоречия глобализационного процесса, главным из которых следует признать противоречия между объективными унификационными тенденциями и стремлением каждого народа сохранить свою самобытность, особенно в той ее части, которая напрямую связана со святая святых каждой культуры – с ее конфессиональным ядром.

Это самопредложение прозвучало в конце XIX века и связано с именем Вивекананды. Благодаря Вивекананде, его выступлению на Всемирном парламенте религий в Чикаго в 1893 году, впервые на весь мир зазвучал «барабан адвайты» – весть о глубинных основаниях единства мира, воплощенная Вивеканандой в мощные мыслительные рациональные формы. Понятие адвайты, означающее строгий монизм, было истолковано в духе, отличном от религиозной ортодоксии, и был начат разговор о реальных путях к единству мира, по сути не прерывавшийся вплоть до сегодняшнего дня. Культура в контексте провозглашенных им идей выступила воспреемницей религии, а ведущим принципом объединения стал лозунг: «Нам всем принадлежит доля истины. Будем же братьями».

В рамках неоиндуизма был совершен переход от внутрицивилизационного поликонфессионального синтеза к аналогичному синтезу планетарного масштаба. Это произошло в учении Рамакришны. А Вивекананда, как известно, был учеником Рамакришны. Рамакришна воспроизвел традиционный для Индии плюралистический принцип, распространив его на все мировые религии. Он внес в него идеи эволюции, равенства и релятивизма.

Представителям неоиндуизма принадлежит настойчивая постановка проблем гармоничного сосуществования цивилизаций, культур и религий, сопровождающаяся конкретными программами и практическими шагами на сближение во все более расширяющемся и углубляющемся видении. Опыт гармонизации в рамках некоего сложного целого есть то, чем Индия может послужить человечеству.

Дальнейшее расширение традиционного мировоззрения, характерного для Индии, было направлено на осуществление философского синтеза гносеологических и ценностных принципов мировых культур Запада и Востока. Переход от формулы Ганди «Бог – Истина» к формуле «Истина – Бог» знаменовал стремление к универсальному синтезу Восток-Запад.

Выдающимся представителем неоиндуизма – Шри Ауробиндо – было проведено глобальное переосмысление ведантистских схем в целях сочленения своего и инокультурного потенциала и взят курс на воссоздание великих космических и культурных целостностей – на выработку такой модели существования, которая учитывает един-

ство мира как основной принцип творения. Главной характеристикой неоиндуизма, как пишет индолог А.А. Ткачёва, следует признать его универсальный характер: здесь в полной мере, говорит ученый, осознана сущность принципа единства многообразия [17, с. 97, 102]. Особо отметим, что именно на этой почве и стала возможна выработка стратегии реабилитации сложных систем, где есть место бесконечному разнообразию.

Конструктивность идей, которую несет данный этап реформации индуизма, заключается в центральной для него проблеме – проблеме человека. Человек здесь рассматривается как ключевой пункт для решения проблем любого уровня и масштаба. В недрах индуизма таились источники, способные дать обоснование как идее индивидуума, так и исторического процесса, в котором тот участвует.

Центральная для ведической философии идея единства существования, будучи спроецирована неоведантизмом в антропологическую плоскость, предстает как идея духовной универсальности человека. Согласно неоведантизму, духовная универсальность человека и есть главный инструмент формирования универсальной основы для взаимодействия людей разных культур и приверженностей.

Развитие этих идей проходит в неоиндуизме по двум магистральным, переплетающимся между собой линиям: переосмысление традиционного содержания понятия религии и раскрытие космопланетарной формулы человека (онтологического статуса действительности человека). На данный момент реформированный индуизм предстает как онтологически открытая антропология, соответственно предполагающая новую симметрию между социо- и антропоцентризмом.

В этом контексте с новой полнотой раскрывается центральное для ведической философии понятие дхармы, отличающееся своей поразительной многозначностью. Главный ее смысл обнаруживается со стороны проблематики долженствования человека и раскрывает индуизм не как религию, а как род духовной культуры.

В понятии дхармы заложена возможность ассимиляции идей, представляющихся порой непримиримыми антагонистами (как, например, свобода и ответственность, наслаждение и долг). Такого рода ассимиляция преобразует человека, его характер и жизнь в целом; а человек в ее рамках раскрывается как такая единица бытия, результат действия которой обладает огромным потенциалом экстраполяции.

Шри Чинмой, один из выдающихся философов неоиндуизма, называет категорию дхармы эмблемой индуизма. Он указывает на тот факт, что в древние времена индуизм и был известен как Арья Дхарма [22, с. 164]. Индуизм недвусмысленно говорит о том, что путь к осуществлению интеграции мировых культур лежит в первую очередь через человека, через аутогенное и аутентичное управление сферой субъективности, миром сознания. В первую очередь должен измениться сам человек, особенно нравственно, и тогда мир изменится вслед за изменениями в каждом человеке.

Дхарма – это то, благодаря чему, говорит Шри Чинмой, пробужденное сознание человека должно преобразовать невежество в знание истины [22, с. 163]. Понятие это выходит далеко за пределы обычной концепции религии. В самом общем виде его можно обозначить как внутренний код жизни, с которым связан смысл человеческого существования. То есть у каждого человека с рождения есть предназначение, смысл его конкретного существования на земле, особая миссия, которая является частью вселенского космического процесса.

Именно через раскрытие термина «дхарма» в неоиндуизме происходит экспликация глубинных измерений самого понятия «религия», которая предстает в конечном итоге как чувство вселенского единства истины. Теизм как исходный уровень построения картины мира здесь сохраняется. Индуизм предстает как всеобъемлющее мировоззрение, которое, хотя и сформировалось вокруг представлений о миропорождающем источнике, трансцендентном эмпирической действительности (что вполне соотносимо с религиозной идеей Бога), не упускает из виду ни один уровень существования и, как мы уже показали, неустанно прорабатывает модели их гармоничного соединения как в теоретической, так и в практической плоскости.

Неудивительно поэтому то единодушие, которое обнаруживается в оценке индуизма как рода культуры (а не религии) и у западных мыслителей, и у самих представителей индуизма [16, с. 30]. Этот мотив усиливается тем обстоятельством, что, как отмечают исследователи и ученые, неоидуистские мыслители, начиная с Вивекананды, придают ведантистскому учению эмпи-

рическую научную основу, тем самым обозначая линию на сближение феноменов науки и религии [5, с. 79; 1, с. 154].

Как пишет известный ученый-востоковед Б.З. Фаликов, дхарма традиционно включала все проявления человеческой активности [19, с. 13]. Беспрецедентную масштабность и синтетичность этого понятия подчеркивает Р.Б. Рыбаков, характеризуя дхарму как обозначение грандиозного бесконечного мирового порядка, космической Истины, согласно которой могут существовать и эволюционировать миры и галактики, а не только живые и неживые обитатели земли [13, с. 4]. В трудах ведических мыслителей современности (в первую очередь у Шри Ауробиндо и Шри Чинмоя) дхарма прорисовывается как средство, обеспечивающее путь дальнейшего эволюционного движения человечества – к суперменезу, означающему раскрытие и проявление божественности человека.

Единство выдвигается индуизмом как пробный камень истины. Все, что ведет к единству – истина [22, с. 143]. Индуизм отказывается считать мировые религии чем-то отличным друг от друга. Он содержит в себе такое понимание истины, которое включает в себя все проявления как частные случаи. Все вероисповедания здесь предстают как варианты одной, универсальной религии. Индуизм не приемлет лишь фанатизм – как религиозный, так и атеистический.

Основываясь на всем сказанном, мы вслед за А.С. Панариным можем повторить: «Наш духовный запрос Востоку – это не культурологическая экзальтация людей, пресыщенных западным модерном и ищущих экзотики. Речь идет о жизненно важном: можно ли еще спасти духовно опустошенный мир, катящийся в бездну социал-дарвинизма и геноцида, и каковы планетарные культурные резервы этого спасения?» [10, с. 79–80].

Философия и мировоззрение индуизма способны дать решение проблем на переломном этапе развития человечества.

Библиографический список

1. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. – М., 1988.

2. *Вивекананда*. Веданта как религия будущего. – СПб., 1991.

3. *Гафуров Б.Г.* Предисловие // Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культовая практика. – М., 1977.

4. *Гусева Н.Р.* Индуизм: История формирования. Культовая практика. – М., 1977.

5. Индуизм: традиции и современность. – М., 1985.

6. *Касаткин В.Ф.* Ведическая культура как исторический тип: Автореф. дис. … канд. наук. – Ростов-на-Дону, 1999.

7. *Костюченко В.С.* Классическая веданта и неоведантизм. – М., 1983.

8. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западня глобализации: атака на процветание и демократию / Пер. с нем. – М., 2001.

9. *Неру.* Открытие Индии. – М., 1955.

10. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М., 1999.

11. *Пащенко В.Я.* Идеология евразийства. – М., 2000.

12. *Роллан Р.* Вселенское Евангелие Вивекананды. – Самара, 1994.

13. *Рыбаков Р.Б.* Индуизм: космическая дхарма // Наука и религия. – 1997. – №6. – С. 2–5.

14. *Рыбаков Р.Б.* Религиозный фактор в социально-политическом развитии Индии (новое и новейшее время) и роль индусского коммунализма: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. – М., 1991.

15. *Рыбаков Р.Б.* Социально-регулятивные функции индуизма // Индуизм: традиции и современность. – М., 1985. – С. 28–41.

16. *Ткачёва А.А.* Детективы духа. Индийский мистицизм: что в нем есть и что в нем ищут. – М., 1990.

17. *Ткачёва А.А.* Индуистские концепции религиозного плюрализма // Развивающиеся страны: экономика, политика, идеология. – М., 1985. – С. 97–105.

18. *Ткачёва А.А.* Индуистские мистические организации и диалог культур. – М., 1989.

19. *Фаликов Б.З.* Неоиндуизм и западная культура. – М., 1994.

20. *Фромм Э.* Искусство любить: Исследование природы любви. – М., 1990.

21. Шри Чинмой: Залитая светом жизнь. Официальная биография / Под ред. Шьям Дуа. – М.: Центр Шри Чинмоя, 2006.

22. *Шри Чинмой*. Йога и духовная жизнь: путешествие души Индии. Издание 2-е, исправленное. – М.: Центр Шри Чинмоя, 2001.

23. The mind of Mahatma Gandhi. – Ahmedabad, 1967.

УДК 113/119:101.8+140.8: 165:94/99

Гореликов Лев Александрович
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
lev_gorelikov@mail.ru

ПРИНЦИП ЦЕЛОСТНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье разрабатывается социокультурная концепция научно-философского познания действительности как глобальной целостности. Обосновывается единство гуманистических императивов общественной практики и всеобщих потенциалов мировой целостности. Раскрывается категориально-логическая основа ноосферной парадигмы и значение вербально-символических структур общественной практики в познании мировой целостности. Определяются сущность и основные уровни организации понятия «научная картина мира» в отображении целостной организации бытия.

Ключевые слова: *социокультурная концепция познания, мировой социум как глобальная целостность, ноосферная парадигма, гуманистические императивы бытия, общественные практики, научная картина мира.*

Главной особенностью XX столетия стал антропологический кризис, заявивший о себе угрозой самоуничтожения цивилизации в результате техногенных и социально-политических, экологических и духовно-нравственных катаклизмов. В условиях глобальных угроз будущему человечества все более насущной становится задача реорганизации общественной практики на основе гуманистической стратегии «культурно-исторического детерминизма», провозглашающей взаимопонимание между странами и народами, социальными классами и отдельными личностями главным условием самосохранения общества и его дальнейшего поступательного развития. Остановить нарастание антагонизмов в мире можно лишь на основе взаимопонимания между людьми, развития духовной культуры, отвергающей механистические модели общественной жизни и утверждающей целостность бытия коренным условием социального прогресса. Целостный потенциал культуры раскрывается в жизни людей как способность творческого самоопределения в мире, как умение осуществлять в своей деятельности высшие смыслы бытия, руководствуясь безусловными наставлениями человеческого разума. «Безотносительное достоинство человека, – обозначает В.С. Соловьёв идеальный корень человеческого существа, – состоит в несомненно присущей ему абсолютной форме (образе) разумного сознания… его сознание сверх явлений жизни определяется еще разумом истины. Сообразуя свои действия с этим высшим сознанием, человек может бесконечно совершенствовать свою жизнь и природу, не выходя из пределов человеческой формы» [9, с. 502]. Для предотвращения гуманитарной катастрофы необходимо преодолеть в развитии современной цивилизации перекосы технократического, силового, аморального стиля решения жизненных проблем и утвердить в общественном сознании целостную, идеально-нравственную, социокультурную концепцию практической и теоретической деятельности людей [10, с. 91].

Одним из важнейших факторов духовной культуры современного общества является наука, ставшая в XX веке законодателем человеческой деятельности. Однако классические методы точных наук, отстраненные от различия добра и зла, оказываются малоэффективными в руководстве общественной практикой, непригодными для интегрального понимания исторической жизни глобального социума. Для продуктивного выполнения социально-исторической миссии в построении гуманистического общества всемирной культуры человечества научно-философская мысль должна мобилизовать все свои внутренние ресурсы, обрести качественно новое организационное состояние, преодолеть локальность и фрагментарность собственных воззрений и предложить человечеству целостную модель объективного мира, способную раскрыть внутреннее единство природы и общества как универсальной основы созидательной деятельности людей. Существовать, согласно гуманистическому мировоззрению, означает быть целостным, самобытным существом, обладающим внутренним единством и способностью саморазвития на основе всеобщих законов мировой целостности [5, с. 98]. Целостность, внутреннее единство явлений действительности, представляется в гуманистическом воззрении безусловным фактом бытия и утверждается генеральным ориентиром научно-фило-

 © Гореликов Л.А., 2011

софского мышления в получении достоверного знания. В этой идеальной проекции полнота окружающего мира рассматривается как естественная подоснова внутренних интенций духовно-нравственного развития человечества, определяющая необходимые ориентиры его практической деятельности и намечающая универсальные зависимости в построении целостной научно-философской картины мира.

Единство гуманистических императивов общественной практики и всеобщих потенциалов мировой реальности получает концептуально-методологическое выражение в ноосферной парадигме научно-философского мышления, нацеленной на познание действительности как целостной реальности, обладающей внутренним единством и способностью саморазвития своих форм. Идейные основания «ноосферного разума» как концептуальной системы познания мировой целостности определяются тремя фундаментальными свойствами – научностью (системным единством), глобальностью (философской универсальностью), гуманистичностью (креативностью как идеальной внутренней силой человеческого духа). «Если кратко охарактеризовать современные тенденции синтеза научных знаний, то они выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» [12, с. 641]. Если системный рационализм выражает внутреннее единство мировой целостности, а универсальный эволюционизм устанавливает ее внешние трансформации, то нравственный гуманизм подключает к процессу развития творческий потенциал генетического отбора в совершенствовании исторических форм бытия, корректируя единство внутренних и внешних потенциалов.

Идейное содержание концептуальной парадигмы «ноосферного разума» определяется в реконструкции мировой целостности прежде всего системным единством современного научного знания. Но разум научной философии может быть представлен двумя видами системных целостностей – механической как внешним объединением локальных систем и органической как взаимопорождением этих систем на основе их внутреннего единства, обозначенного в действительности реальностью абсолютного закона творческого саморазвития бытия. Ноосферный разум не отвергает содержание научного мышления, а выражает высшее, универсальное научно-философское измерение его «системного» качества, представляющего всеобщую взаимосвязь явлений в мире на основе их внутреннего единства. «Мы живем, – обозначает В.И. Вернадский исторические перспективы глобального научно-философского самоопределения общественной жизни, – в эпоху примата науки над философией. Больше того, мы подходим к новой эре в жизни человечества и жизни на нашей планете вообще, когда точная научная мысль как планетная сила выступает на первый план, проникая и изменяя всю духовную среду человеческих обществ… всей поверхности Земли. Этим путем геологическая поверхностная ее оболочка, область жизни – биосфера быстро переходит в новое состояние – ноосферу… человек в ней становится геологической (планетной) силой… Время философии в будущем. Оно наступит тогда, когда философия переработает огромный, бурно растущий научный материал научно установленных фактов и научных эмпирических их обобщений» [2, с. 274–275]. Творческий дух свободы питает созидательный потенциал ноосферной парадигмы научно-философского познания, определяющего своим целостным характером и креативный настрой ноосферного образования как стратегии культивирования в духовном существе человека творческого стиля мышления. Поэтому гуманистический дух ноосферного разума отличается от технократического мышления современной цивилизации идеальной нацеленностью на духовное совершенство личности, практическим стремлением к нравственной консолидации людских масс в глобальный социум, к построению общества всемирной Культуры как социальной системы, сознательно культивирующей творческие ресурсы мировой целостности. «Исторический процесс, – обозначает В.И. Вернадский идейную суть современной эпохи, – на наших глазах меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилом его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которо-

му мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера»» [1, с. 509]. В своей гуманистической цельности ноосферный разум выступает в культуре современного социума как творческое сопряжение науки, философии и религии в духовном самоопределении человечества, в управлении социоприродными процессами на основе универсальных законов мировой целостности. Из этой гуманистической сути ноосферного разума рождается «образовательная стратегия» его практического претворения, утверждающая высшей задачей общественной жизни не познание мира, а воспитание творческой личности человека как субъекта практического преображения действительности в соответствии с вечным духом жизни, воплощенным в образе творческой личности человека.

Продуктивность практических усилий людей в борьбе за «совместное будущее» напрямую зависит сегодня от созидательной мощи их общественного интеллекта, глобальной идеологией которого выступает ноосферное мировоззрение, теоретически представленное интегральной междисциплинарной научно-философской концепцией «ноосферизма». В понимании А.И. Субетто, одного из создателей современной социокультурной версии ноосферной модели мирового развития, ноосферизм «есть теоретическая система философско-научных, научно-методологических взглядов, раскрывающих законы и закономерности, принципы и императивы становления социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества» [14]. В данной проекции главный ориентир современной цивилизации на пути к духовному возрождению – это культивирование общественного интеллекта, совершенствование образовательной системы духовного воспроизводства социума, утверждение идеологии ноосферизма в управлении общественной жизнью как концептуальной модели практической гармонизации природных и социальных процессов на основе универсальных потенциалов научно-философской мысли. «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше» [1, с. 509].

Ноосферизм как системно-логическая концепция научно-философского руководства общественной практикой глобального социума не является детищем частного разума какого-то локального сообщества, а выступает порождением всемирных устремлений человечества к счастью – свободе, равенству, братству, направляемых созидательной динамикой всей мировой целостности как объективным условием творческой самореализации духовного существа человека. Логико-философское обоснование эта всемирная воля человеческого духа получила в панлогизме гегелевской концепции мировой целостности как исторической манифестации логических потенциалов творческой силы Абсолютной идеи. Научно-философское осмысление социально-исторической перспективы развертывания этой созидательной воли всего человечества в руководстве общественной практикой было реализовано в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, воодушевивших народные массы на всемирное дело построения социально справедливого общества на основе императивов научно-философского разума. Естественнонаучным обоснованием созидательных возможностей человечества стало учение о ноосфере В.И. Вернадского. «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – ноосферу» [2, с. 27]. Мировоззренческое значение идей В.И. Вернадского состоит прежде всего в преодолении онтологического противопоставления природы и общества, в разработке теоретической модели их фундаментального единства в действительности ноосферы как особой духовно-материальной реальности. «Новизна научно-мировоззренческой системы, – отмечает А.И. Субетто, – начинается с новизны категории «ноосфера» по В.И. Вернадскому, в которой синтезируются закономерности глобальной эволюции Биосферы, подводящие к появлению ноосферного этапа этой эволюции, и закономерности социальной эволюции человечества, которые обеспечивают формирование предпосылок для перехода человечества к эпохе социоприродной гармонии – гармонической ноосфере» [13, ч. 2, с. 21]. На основе концепции В.И. Вернадского о целостной, биогеохимической природе биосферы французский ученый Е. Ле-Руа «ввел в 1927 г. понятие «ноосферы» как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он… пришел к такому представлению вместе с крупнейшим геологом и палеонтологом Тельяром де Шарденом» [1, с. 509].

Всеобщий теоретико-познавательный ресурс современного научно-философского познания определяется логикой взаимодействия в ноосферном постижении мировой целостности императивов глобального эволюционизма и системного рационализма. Содержательным синтезом этих требований служит принцип системогенеза, выражающий внутренние основания исторических изменений, утверждающий логику саморазвития в качестве всеобщего механизма воспроизводства самобытной целостности, представляющий действительность исторической жизни проявлением системного единства бытия. В наиболее отчетливом виде внутренняя детерминация исторического процесса раскрывается в социодинамике, в связи с чем системогенез оказывается по своей сути социосистемогенезом, когда природная реальность оказывается в своем системном единстве естественным основанием осуществления идеальных возможностей человека, служит телесной объективацией духовной культуры человечества [15; 16]. В данной социометрической проекции системный способ мышления современной науки должен руководствоваться в процессе познания генеральными принципами социальной практики, служить рациональной экстраполяцией коренных потенциалов общественного развития, выступать систематическим выражением целостности социально-исторического процесса. Системный генезис природного бытия в его органическом единстве с социальной историей человечества – вот направляющий ориентир в развитии современного научно-философского знания. «Фундаментальная задача философии, – обозначает А.Е. Кулинкович основные направления системно-генетической реконструкции мировой целостности, – создать подлинную картину мироздания, раскрыв единство четырех великих феноменов бытия – Космоса, Земли, Жизни, Человека, и на этой основе ответственно нарисовать точные ориентиры, как и куда нам, людям, идти дальше» [7]. В контексте решения этой теоретической задачи следует прежде всего установить системно-генетические зависимости основных сфер действительности, определяющих качественные параметры общенаучной картины мира как универсального синтеза динамических потенциалов физического существования, биотической реальности и социально-исторического бытия человеческого общества. «Длительное время идея этого единства существовала как идеал. Но в последней трети XX века возникли реальные возможности объединения представлений о трех основных сферах бытия – неживой природе, органическом мире и социальной жизни – в целостную научную картину на основе базисных принципов, имеющих общенаучный статус» [12, с. 641].

Предпосылкой решения теоретической задачи построения глобальной научно-философской картины объективного мира служит разработка надежного инструментария концептуальной реконструкции бытия, создание целостной модели ноосферного разума, способной обеспечить последовательное продвижение научно-философской мысли по пути глобального синтеза: системогенез практической жизни должен быть репродуцирован в своих идеальных, категориально-логических основаниях. Концептуальный строй ноосферной парадигмы научно-философского познания определяется единством трех познавательных способностей человеческого разума, питаемого в своих сокровенных истоках творческой природой высшего, космоустроительного разума, вне реальности которого невозможно обосновать действительность вечного бытия и перспективы самосохранения человечества. Этот творческий потенциал разумной деятельности людей выступает, во-первых, как их интегральный разум, сконцентрированный в исходных принципах логического интеллекта и направленный на установление самотождественной сути бытия как генерального проекта возможных дифференциаций в мире, на приведение всех различий окружающей действительности к единому основанию. Во-вторых, он выступает как частный разум людей и выражается в конструктивно-аналитической деятельности рассудка, нацеленной в свете принятых логических принципов на выявление локальных внешних зависимостей бытия в материале чувственного опыта. В-третьих, он выступает также как индивидуальный, неявный, феноменальный наш разум, представленный скрытым единством наших чувственных восприятий, цельностью переживаний единичных дифференциаций чувственного опыта, раскрывающих динамическую полноту внешних различий действительности в смешении необходимости и случайности.

В основе всех трех познавательных способностей человеческого разума лежит его творческая энергия, определяющая мир как единство противоположностей. Поэтому логический интеллект на основе идеи тождества устанавливает в своих

принципах системные границы внутренне допустимых различий, тогда как рассудок на основе локальных причинно-следственных зависимостей выстраивает общую логику мировой эволюции от прошлого к будущему, а индивидуализированное содержание чувственного опыта открывает нам в явлениях языковой реальности символический образ всей мировой целостности. Таким образом, общий закон, определяющий творческое единство или, в терминах логики, «достаточное основание» интегративной силы интеллекта, конструктивной способности рассудка и дифференцирующей природы чувственных переживаний, выступает как принцип «самоотрицания», частными формами которого становятся, соответственно, принцип «самоутверждения» («тождества»), «взаимоутверждения» («исключения третьего» в системе причинно-следственных зависимостей) и «взаимоотрицания» («противоречия» в конституировании индивидуальных явлений опыта). В этих принципах реализуется универсальная логика познания действительности как глобальной целостности, утверждающей необходимое единство собственного существования в процессе саморазвития своих форм.

Научно-философское осмысление объективной реальности как глобальной целостности бытия предполагает применение в процессе теоретического синтеза наиболее развитых категориальных форм познания, раскрывающих всеобщие основания познавательной и практической деятельности людей. К числу наиболее фундаментальных форм рационального познания относится понятие «научная картина мира» (НКМ), характеризующее максимально объективированный аспект оснований науки, сопряженный с ее социокультурными установками и методологическими требованиями логического стиля мышления. «Поэтому одной из функций научной картины мира является перевод общественно значимого содержания науки на общедоступный язык, и тем самым включение в ткань культуры» [6, с. 90.] С этих позиций «научную картину мира» можно определить как логически организованную систему идей и принципов, законов и понятий, представлений и гипотез современной науки, выражающую качественную определенность объективного мира в его освоенности социально-исторической практикой человечества. При таком понимании НКМ раскрывается как иерархическая структура, каждая из подструктур которой совпадает с предметной целостностью той или иной специальной области знания, формирующей особую картину мира как фрагмент общей рациональной концепции мироустройства.

В иерархической структуре рациональных картин мира различают два основных уровня – глобальный и локальный [6, с. 88]. Глобальный уровень характеризует максимально интегрированный комплекс фундаментальных научных знаний о мировой целостности («естественнонаучная», «общественно-научная», «общенаучная» картины мира), в синтезе которых ведущую роль играет философия, формирующая универсальную научно-философскую картину мира (НФКМ). Локальный уровень представлен содержанием специальных научных дисциплин, в интеграции которых философия играет вспомогательную роль: физическая, астрономическая, биологическая, химическая, геологическая, техническая, информационная, социально-научная, лингвистическая и т. п. картины мира. «С возникновением дисциплинарно организованной науки в рамках ее отдельных отраслей (наук) – физики, биологии, социально-гуманитарных наук создаются особые образы предмета исследования – дисциплинарные онтологии. Их обозначают так же, как картины исследуемой реальности (специальные научные картины мира). Каждая из них представляет собой обобщенное видение главных системно-структурных характеристик предмета той или иной науки» [11, с. 69].

Среди локальных картин мира различают главные, генеральные и частные, периферийные системы знания, представляющие особые модификации качественного своеобразия первых. При этом содержание «генеральных» областей знания выступает как посредствующее звено между локальным и глобальным уровнями НКМ, выражающее качественное единство всеобщих и специфических свойств исследуемой реальности. Главными звеньями в теоретической репродукции необходимых связей мировой целостности выступают особые «дисциплинарные онтологии» физики, биологии и общетеоретической социологии как концепции исторического единства общественной жизни, т. е. «физическая», «биологическая» и «социально-историческая» картины мира, каждая из которых раскрывается в ряде исторических модификаций выражения своего предметного содержания. Взаимосвязь этих исторических форм находит методологическое

обобщение в принципе «универсального эволюционизма» как ориентире общенаучной реконструкции действительности в ее внутренних синергетических потенциалах саморазвития. «Ключевой идеей обоснования синергетических представлений, включаемых в общенаучную картину мира, выступает универсальный эволюционизм» [11, с. 68]. Выявление взаимосвязи исторических форм «генеральных картин» мировой реальности позволит в итоге установить феноменальные параметры глобальной научно-философской картины мира, интегральные возможности которой представляют системно-генетическую логику ноосферного разума. Объективным показателем взаимоотношений глобальных и локальных потенциалов мировой целостности служит необходимая связь пространства и времени. Концептуальный строй научно-философского познания определяется в своих предметных основаниях зависимостью мышления от преобладающих сил или пространства, или времени, или «пространства-времени» как промежуточной формы в детерминации возможностей мировой целостности, выражающей равновесие полярных сил.

Общая логика исторического развития методологического инструментария новоевропейского научно-философского познания разворачивается как движение мышления от незыблемых канонов классической науки XVII–XVIII вв., выразившей в механической картине мира метафизическое, всеобщее тождество «интеллектуальных», логико-математических знаний, через диалектическое противопоставление частных мыслей в неклассической науке XIX–XX вв., представившей в эволюционно-динамической картине мира разноликое содержание естественноисторических отраслей знания, к системно-динамической, «ноосферной картине мира» постнеклассической науки XXI столетия, обозначившей социокультурные приоритеты познавательной деятельности, интегрирующей знания на основе творческих возможностей гуманитарно-философских дисциплин. В.С. Стёпин, выделив в историческом генезисе новоевропейской науки три типа рациональности – классический, неклассический и постнеклассический, отмечает существенную связь последнего стиля мышления с ценностями культуры, определяющими в жизни общества способность саморазвития [11, с. 74]. В горниле системно-генетического стиля мышления устраняется противопоставление естественных и социально-гуманитарных отраслей научного знания и формируется ноосферная парадигма мировой целостности как единого пространства межсубъектных отношений, представляющих логику саморазвивающейся реальности [17].

В наиболее полном виде системно-разумный строй бытия раскрывается в органической структуре языка, которая становится сегодня эталонной моделью познания мировой целостности в ее внутреннем единстве и способности к саморазвитию. Творческая сила языка, способная связать идеальными узами различные фрагменты действительности и сделать ее понятной человеческому разуму, вполне конкретно свидетельствует о внутреннем единстве мировой реальности. В данном контексте построение глобальной научно-философской картины мира предполагает в конечном счете создание универсальной языковой модели бытия как идеального канона существенных зависимостей окружающей действительности в единстве природных, социальных и когнитивных процессов. «Действительно, – обозначает А.Ф. Лосев символическое завершение предметной целостности научно-философского мышления, – философия имени есть просто философия, та единственно возможная и нужная теоретическая философия, которая только и заслуживает название философии. Другими словами, философия имени есть самая центральная и основная часть философии вообще (и не только философии!)» [8, с. 138].

В социокультурном, вербально-символическом осмыслении мировой целостности законы языковой практики человечества становятся идеальными прообразами процессов саморазвития природы и общества, обозначают внутреннее, системное единство естественной и социальной реальности. Поэтому завершенная, полная система ноосферизма должна стать предметной объективацией эвристических возможностей философско-мировоззренческой концепции «онтологического символизма», представляющей действительность как претворение идеальных значений Слова. В истории развития отечественной интеллектуальной традиции этот креативно-символический образ мышления обрел теоретическую стройность в учении Григория Сковороды о трех мирах – макрокосмосе Вселенной, микрокосмосе человеческого существа и их единстве в символическом мире «Библии», идеальная суть которого должна служить всеобщим принципом

объяснения характерных черт двух первых сфер бытия [4, с. 338]. Творческий потенциал языка – вот что питает познавательные ресурсы ноосферного разума, направляя научно-философскую мысль на установление внутреннего единства процессов саморазвития космической реальности, живой природы и социума.

Действительным выражением нашего всеобщего духовного потенциала служит язык. Конечная тайна мироздания хранится в законах символической реальности, устанавливающих универсальную связь пространства и времени, определяющих необходимые границы мироздания. Поэтому формирование целостной модели языковой реальности становится генеральной задачей в развертывании гуманистического потенциала ноосферной картины мировой реальности [3]. Лишь идеальная красота и мощь Языка позволят человечеству преодолеть нынешнее взаимное отчуждение народов, достичь взаимопонимания Запада и Востока, утвердить братское согласие людей в духовном преображении действительности, в претворении общества всемирной Культуры. Законы Языка управляют целостностью мироздания: таково заветное Слово нового тысячелетия, утверждающее нашу духовную связь с седой древностью всего рода человеческого. «Можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумной встречи с бытием» [8, с. 24].

Библиографический список

1. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 503–512.

2. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.

3. *Гореликов Л.А., Лисицына Т.А.* Принцип системности в основаниях языковой картины мира // Междисциплинарные проблемы системологии: Тез. докл. Всерос. сем.-симпоз. с междунар. участием. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2004. – С. 124–145.

4. *Григорий Сковорода*. Діалог. Имя ему – Потоп Зміин // Вірші. Пісни. Байки. Діалоги. Трактати. Притчі. Прозові переклади. Листи. – Київ: Наукова думка, 1983. – С. 336–372.

5. *Дэйн Радьяр*. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. – К.: Ваклер, 1995. – 304 с.

6. *Иванов В.Г., Солдатов А.В.* Проблема мироздания в науке и культуре. – СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. – 156 с.

7. *Кулинкович А.Е.* Системогенетика и фундаментальная революция в философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trinitas.ru (20.01.2004)

8. *Лосев А.Ф.* Философия имени // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 13–192.

9. *Соловьёв В.С.* Смысл Любви // Сочинения в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 493–546.

10. *Соловьёв В.С.* Чтения о богочеловечестве // Сочинения в 2-х т. – Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 5–170.

11. *Стёпин В.С.* Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Коммуникативно-когнитивные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс–Традиция, 2004. – С. 58–77.

12. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс–Традиция, 2000. – 744 с.

13. *Субетто А.И.* Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система? (открытое письмо – ответ некоторым «борцам» против ноосферизма). Часть 1–2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trinitas.ru (20.03.2006).

14. *Субетто А.И.* Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: Астерион, 2001; 2003. – 538 с.

15. *Субетто А.И.* Системогенетика и теория циклов. – Ч. 1–2. – СПб.; М.: Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева, 1994 (ч. 1 – 223 с.; ч. 2.– 260 с.).

16. *Субетто А.И.* Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. – СПб.; М.: Исследоват. центр, 1994. – 168 с.

17. *Субетто А.И.* Сочинения. Ноосферизм: В 13-ти т. – Т. 1–3. – СПб.: «Астерион»; Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006 (т. 1 – 644 с.; т. 2 – 694 с.; т. 3 – 482 с.).

УДК 316.47

Гроздилов Сергей Вячеславович
Ярославская государственная сельскохозяйственная академия
serg_strelec@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Справедливость, по мнению автора статьи, есть элемент содержания социально-экономических и политических отношений и требований их сохранения или изменения, это сложное явление, характеризующее всю систему общественных отношений.

Ключевые слова: *справедливость, общество, социальные отношения, мораль, ценность, норма.*

Интерес к теоретическому осмыслению проблемы справедливости во взаимоотношениях между людьми, между человеком и государством и попытки соответствующего обоснования своей позиции в решении данного вопроса проявляются и заявляют о себе все более активно.

Феномен справедливости – это сложное, многоуровневое явление, характеризующее всю систему общественных отношений во всем многообразии ее конкретных проявлений. Любое социальное отношение, как взаимоотношение индивидов, так и взаимоотношение между индивидами и группами и обществом, государством, между группами людей, в той или иной форме апробируется на предмет его соответствия справедливости. Эта апробация относится ко всем субъектам социальных отношений – от индивида до государства, т.е. справедливость или несправедливость выступает и как черта, как характеристика индивидуальной и групповой психологии, проявляющейся в типе поведения данного субъекта, в его отношении к другим людям, социальным группам как участникам общественных отношений. Все это говорит в пользу того, что возможны и правомерны различные варианты подхода к исследованию проблемы справедливости.

Во всех публикациях и во всех научных, да и донаучных обсуждениях справедливость рассматривается так или иначе как проявление, как образ определенного, желаемого какой-то социальной группой общественно-политического и экономического устройства. Но при этом кто-то акцентирует внимание на этическом аспекте справедливости, кто-то – на классовом. Одни отстаивают ее социал-демократический вариант, другие – консервативный, третьи – центристский; левые видят достижение справедливости в движении общества к большему равенству, правые – в усилении властной иерархии в политике и экономике, и.т.д. и т.п. Нетрудно заметить, что справедливость каждый раз сочетается с обоснованием какой-то определенной и каждый раз различной модели социально-экономического и политического устройства общества, модели, которая бы способствовала в наибольшей мере интересам определенной социальной группы.

Вместе с тем наиболее ярко в специальной литературе заявляют о себе, во-первых, этический подход в исследовании феномена справедливости, в рамках которого она рассматривается преимущественно как чувство справедливости, основанное на эмоционально-оценочном отношении к тем или иным общественным процессам, и как понятие, характеризующее состояние нравственного сознания и выражающее соотношение нравственных ценностей; и, во-вторых, правовой подход, если можно так выразиться, подход, в рамках которого внимание акцентируется, прежде всего, на справедливости юридического права, на справедливости узаконенных норм регулирования общественных отношений, норм вознаграждения и воздаяния за совершенное, устанавливаемых и контролируемых государственной машиной.

Менее четко выражен третий вариант подхода к исследованию феномена справедливости. Но, тем не менее, он есть. Он присутствует внутри выше приведенных вариантов, но его значимость чаще всего сводится к роли одного из их структурных элементов, то есть лишается самостоятельного значения. Между тем он заслуживает более пристального внимания и специального исследования. Его специфика заключается в исследовании справедливости как объективной стороны или объективного свойства социальных отношений, в форме которого проявляется объективная необходимость в функционировании отношений определенного вида, объективная необходимость в ее противоречивом соотношении с субъективным фактором. Логика исследования, конечно, заставляет многих авторов обращаться к поиску

© Гроздилов С.В., 2011

объективных оснований справедливости, но эта идея каждый раз остаётся не доведенной до логического конца, до ее связи с социальной необходимостью, до связи между общественным прогрессом и возрастанием степени справедливости в системе социальных отношений.

Данная градация направлений исследования справедливости или вариантов подхода к изучаемой проблеме может, конечно, служить примером применения метода идеализации. Но его использование в данном случае вполне оправданно. Оно имеет основания и в свойствах изучаемого феномена, и в особенностях его теоретических исследований. Оправданно и в гносеологическом отношении – оно способствует более четкой постановке исследуемых проблем и достижению соответствующих познавательных результатов.

Прежде всего, в исследовании феномена справедливости заявляет о себе, как наиболее распространенный, этический подход. Его доминирование вполне объяснимо. Своими корнями он уходит в природу социально-экономических и политических отношений, которые не могут осуществляться вне властных отношений, и в природу отражения всей системы общественных отношений в общественном сознании, оценивающем существующие отношения с позиции добра или зла, справедливости или несправедливости, и т.п.

Нормы нравственного сознания складываются, как известно, исторически как определенный результат взаимодействия людей, «черпаются» прежде всего из экономических отношений и образуют систему апробированных оценок, норм и правил, выраженных общественным мнением и регулирующих межличностное общение и поведение людей в обществе. Требование справедливости и его конкретные формы, как и все прочие морально-нравственные нормы, опираются на объективные потребности, выражающие необходимость в определенных общественных отношениях.

Требование справедливости, таким образом, ограниченно вписывается в структуру морали. В то же время исследование феномена справедливости в рамках морали в наименьшей мере, по сравнению со всеми другими вариантами его анализа, связано с критическим отношением к существующему социально-политическому строю, к данному государству, его законодательству и политике.

В рамках этического подхода справедливость исследуется прежде всего как проявление нравственного сознания, выражается в форме чувственной оценки взаимоотношений социальных субъектов. Оценка каких-либо общественных отношений или сложившихся норм с позиции справедливости начинает проявляться тогда, когда есть расхождения реальные или возможные между должным и существующим. Такие несоответствия оцениваются как «несправедливость». И положительные, и отрицательные оценки изначально основаны не столько на рассудке, на рациональном осмыслении, хотя эта возможность и не отрицается, сколько на чувстве, на эмоциональном отношении к противостоящему субъекту и его действиям. Английский философ Д. Юм, например, полагал, и не без основания, что роль рассудка в решении моральных вопросов ограничена, а чувство справедливости вообще уходит своими корнями в эмоциональную сферу [1, т. 2, с. 189–198]. Современные данные науки в какой-то мере подтверждают юмовскую точку зрения. Человек способен, как отмечает современный психолог С. Степанов, «на безотчетную, эмоциональную оценку ситуации и на принятие спонтанного решения с опорой на одну лишь интуицию» [2]. Интересны также выводы и американских нейробиологов, которые, как пишет А. Марков, обнаружили, что «в ходе размышления над моральными дилеммами, требующими выбора между “более справедливым” и “более эффективным” решением, у людей избирательно возбуждаются три небольших участка мозга, связанных не с рассудочно-логической деятельностью, а с эмоциями» [3].

Даже в том случае, когда субъекты отношений не в состоянии обосновать свои оценки, скажем, действий властей или каких-то человеческих поступков, они все же приходят, причем приходят подсознательно, к их одобрению как справедливых или неодобрению как несправедливых по некому «внутреннему» критерию справедливости, то есть эти оценки могут иметь под собой и элемент экзистенциальности. Они могут быть высказанными и могут просто подразумеваться, они могут следовать за событиями и могут быть предваряющими, – так или иначе, но они являются необходимым элементом ситуации взаимодействия субъектов. Немецкий социальный психолог и философ Э. Фромм отмечал, что стремление к справедливости является «неотъемлемой

характеристикой человеческой сущности» и важнейшим оружием в её борьбе за свободу и развитие, в то же время, трансформируясь «в потенциальную способность, присущую человеку вообще» [3, с. 354].

Нетрудно, однако, заметить, что абсолютизация точки зрения Э. Фромма в единстве с приведенными данными нейробиологов может повлечь за собой переход к представлению о существовании некого врожденного душевного эталона чувства справедливости, детерминирующего мировоззрение людей. Сведение феномена справедливости не только к некоему врожденному чувству, но и только лишь к субъективистскому чувственному отражению общественных отношений совершенно неверно.

Чувство справедливости, как отмечают Г. Пирогов и Б. Ефимов, проявляется в отношениях с другими людьми и в обдуманных суждениях, т.е. «суждениях, высказанных после рационального размышления, свободных от поспешности или эмоций (например, раздражения). При столкновении суждений разных людей, придерживающихся разных концепций справедливости, их чувства справедливости подвергаются внутренней коррекции до тех пор, пока не наступает рефлективное равновесие, отражающее представление о справедливости, господствующее в данном обществе» [5].

Все явления, происходящие в окружающей действительности, – от результата контрольной работы в школе до политических преобразований в стране, от личных до общественных отношений, и даже до природных явлений – так или иначе подвергаются оценке с точки зрения справедливости. В каждом конкретном случае могут быть разнообразные оценочные мнения по поводу того или иного действия, которое может быть признано как справедливым, так и несправедливым. В результате формируются даже не просто мнения, но логические построения, призванные обосновать эти мнения.

Оценки явлений с позиций справедливости или несправедливости, как и другие моральные оценки, неприменимы к явлениям природы, в том числе и к животному миру, а относятся только лишь к взаимоотношениям людей, обращены к людям по поводу их действий. О явлениях природы, например о хорошей погоде или природном катаклизме, можно говорить как о желательных или нежелательных явлениях, но нельзя оценивать их как справедливые или несправедливые. Сами естественные процессы и природные механизмы во всем их многообразии показывают, пишет В.Д. Черепанов, что «справедливости как феномена в природе не существует. Есть то, что можно идентифицировать как целесообразность. Смерть старой особи целесообразна, смерть детеныша – нет. Именно поэтому стадо будет защищать детенышей и безучастно наблюдать, как погибает ослабевшее, больное, старое животное» [5, с. 34].

Как справедливость или несправедливость оцениваются не все действия людей, а лишь те, в которых проявляется их отношение к другим людям, к обществу, в которых затрагиваются интересы других индивидов или социальных групп и где, соответственно, неизбежна ответная реакция. Здесь становится вполне очевидным недостаточность эмоционально-чувственной оценки. Необходимо различение и объекта (не)справедливости, и осознание и обоснование (они могут быть и неверными, но какой-то их вариант должен быть выработан) своих индивидуальных и групповых интересов и интересов противостоящей стороны отношения. Оценочные отношения к общественным процессам, к тем или иным отношениям или к состоянию общества, приобретая рациональные формы, должно подняться и поднимается до статуса идеологии и до статуса научно-теоретических разработок.

Сказанное по поводу эмоционального и рационального в феномене справедливости в равной мере относится и ко всем структурным проявлениям морали. Поэтому вполне естественно и закономерно, что справедливость рассматривается представителями этической науки в качестве объекта её исследования.

В целом же в признании отношений справедливыми или несправедливыми выражается оценка явлений жизни с точки зрения полезности или вредности для себя лично, для определенной социальной группы или общества, выражается ощущение необходимости осуществления перемен в условиях бытия, создающих более благоприятные условия существования. Поэтому понимание справедливости оказывается изначально встроенным в контекст отношений, связанных с конфликтными ситуациями, варьируясь от пожеланий, просьб до требований, которые взаимодействующие субъекты обращают друг другу, и до возможного, а иногда и неизбежного ис-

пользования силового принуждения. А.В. Прокофьев подчеркивает даже, что «истоки этики справедливости связаны с соответствующим образом направляемой агрессией – "моралистической агрессией" против нарушителей отношений взаимности» [7, с. 26–27].

Этический подход к справедливости не исключает её рассмотрения и с позиции аксиологии, её включения в состав других моральных ценностей, что имело и имеет место в ряде философских концепций. Так, например, ещё Цицерон в свое время отмечал, что справедливость самоценна и одна во все времена и для всех народов. «…Справедливость светит сама по себе» [8, с. 65]. «В противном случае, – поддерживает точку зрения древнеримского мыслителя Х. Ортега-и-Гассет, – справедливость, существующая только для одного времени или одной расы, уничтожала бы собственный смысл» [9, с. 17]. Но какова степень научной ценности данного подхода к исследованию рассматриваемой проблемы – это иной вопрос.

Приведенных параллелей между справедливостью и проявлениями морали более чем достаточно для обоснования права этики на отношение к ним как к единому объекту своего познания. Но в то же время специалисты по проблемам этики никогда и нигде не настаивают на своем исключительном праве исследования феномена справедливости. Скорее напротив, если и касаются этой проблемы, то, как правило, оговаривают, что они ограничиваются рамками своей специальности. Проблема же значительно шире и по многим параметрам выходит за пределы этики.

Выступая в качестве объекта исследования этики, справедливость не сводится ни к моральной оценке, ни к моральным нормам или ценностям. Справедливость, как отмечает О.А. Гулевич, является «одним из тех критериев, по которым люди оценивают события, происходящие вокруг них, а также один из параметров самооценки» [10, с. 98]. Как оценка, о чем речь шла выше, справедливость подобна этическим оценкам, но в то же время она более сложна, является синтезом ряда оценок. Она предполагает оценку субъектом отношения самого себя – его самооценку, оценку собственного социального статуса, оценку им совокупности наличных объективных условий и оценку собственных притязаний, оценку противостоящего субъекта и оценку изменившихся или предполагаемых изменений условий. Это не означает, конечно, что субъект отношения точно так или подобным образом осуществляет градацию и синтез этих оценок и суждений, что он строит соответствующие силлогизмы. Это, как уже отмечалось, может и не осознаваться рационально, может выступать как результат интуитивного схватывания происходящего, а может быть осмысленным и логически оформленным, но так или иначе все это имеет место. Этическая оценка всего этого не предполагает – выход за ее пределы здесь достаточно очевиден.

Пожалуй, еще более существенное значение в плане анализа соотношения справедливости и морали имеет тот факт, что поиск справедливости имеет под собою не всегда нравственное начало, а имеет под собою социально-экономические или социально-политические основания. Требования справедливости чаще всего явно выходят за пределы морали, принимают форму требования воздаяния или в виде вознаграждения, или в виде наказания, т.е. преследуют нередко материальные, прагматические, а подчас и просто меркантильные цели, а не справедливость как таковую. Не меньшей, а большей ценностью оказывается не справедливость сама по себе, а результат взаимодействия субъектов по достижению этих целей, по объективизации условий, которые одна из сторон отношения считает справедливыми. Достижение справедливости зачастую нацелено на изменение социальных условий, а сама справедливость предстает, соответственно, как социальная ценность. Преследуемыми же субъектами отношения цели могут варьироваться от самых малозначимых до требования изменения формы собственности и устройства государственной власти. Собственно говоря, человечество на протяжении почти всей истории своего существования стремится реализовать принцип справедливости в виде определённого социального устройства. Далеко не всё ему в этом удается, но прогресс, тем не менее, есть. Это дает основание рассматривать справедливость уже не только и не столько как нравственную ценность, а как ценность именно общесоциальную.

Библиографический список

1. *Юм Д.* Исследование о принципах морали // Соч. в 2 т. – М., 1996. – Т. 2. – С. 189–198.

2. *Степанов С.* Психологические шпаргалки. – М.: Эксмо. – 2007. – 256 с. [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: http://www.4tivo.com/chelovek_health_sport/15297-psikhologicheskie-shpargalki.html

3. *Марков А.* Чувство справедливости основано на эмоциях, а не на рассудке // Элементы большой науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elementy.ru/news/430744. Выпуск от 03.08.2006.

4. *Фромм Э.* Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. Д.Н. Дудинский. – Мн.: ООО «Попурри», 2000. – С. 354.

5. *Пирогов Г., Ефимов Б.* Справедливость. Экономика. Выживание // Протестант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazetaprotestant.ru/index.php/sociology/2532. – Вып. от 26.05.2008.

6. *Черепанов В.Д.* Социальная справедливость – политическая категория // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки . – 2005. – №3. – С. 34.

7. *Прокофьев А.В.* Справедливость или преодоление человеческой природы // Этическая мысль. – Вып. 4. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 26–27.

8. *Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1975. – С. 65.

9. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 17.

10. *Гулевич О.А.* Межгрупповая дифференциация в сфере справедливости // Вопросы психологии. – 2008 – №1. – С. 198.

УДК 316.472 (470+571)

Карпова Татьяна Вячеславовна

Волжский государственный инженерно-педагогический университет (г. Нижний Новгород)

tatkar25@mail.ru

РУССКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ КОРНИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Государственно-конфессиональные отношения в России всегда являлись той областью общественных отношений, в которой со всей отчетливостью проявлялись все ведущие тенденции, характерные для страны в целом, как экономические, политические, так и социальные. Специфика ситуации конца XX – начала XXI века состоит в том, что материальные условия, оставаясь базовыми для жизни каждого человека, оказываются во все возрастающей зависимости от идеальных, включая идеологию и религиозность населения страны и мира. Именно поэтому государственно-конфессиональные отношения, относящиеся к духовной сфере общества, вновь выходят на «передовую» общественных отношений.

Н.А. Бердяев писал, что «экономика есть необходимое условие жизни, без экономического базиса невозможна умственная и духовная жизнь человека, невозможна никакая идеология. Но цель и смысл человеческой жизни лежат совсем не в этом необходимом базисе жизни» [3, с. 148]. Экономические условия оказываются преходящими в постиндустриальном обществе. Материальные условия никуда не исчезли и не ослабили своего влияния на человеческую жизнь, как и духовная составляющая в практической деятельности.

Таким образом, социальная деятельность людей (народов, элит, партий, классов и т.д.), субъективный фактор стал преобладающим в жизни всего мирового сообщества. Как отмечают исследователи, XX век характеризовался возрастанием сознательности, проективных побуждений правящих элит. В России этот фактор имеет существенную специфику – он имеет преимущественно государственно-бюрократический характер при достаточно низкой активности гражданского общества.

Нынешний исторический процесс уместно назвать словами А.А. Зиновьева – «управляемой историей». Следуя его теории, основу человеческой жизни образуют не экономика, не власть и не идеология, но комплекс параметров. В этот комплекс входят и экономика, и система власти, и идеология, и правовая система, и тип культуры, тип образования, многие другие факторы или параметры [4]. При этом новое социальное устройство России создавалось искусственно и сочетает в себе признаки как старой, разрушенной ныне советской системы в виде стремящегося к все-

© Карпова Т.В., 2011

властию госаппарата, так и западной системы в виде демократии, выборов и пр. Но при всем этом следует учитывать, что «когда разрушается по тем или иным причинам жизнеспособная социальная система, – могли быть природные катастрофы, нападения врагов, – то новая система опускается с необходимостью не просто на уровень, скажем, социальной системы захватчика, то есть для нас – на западный уровень, но на уровень ниже» [4]. В нашей стране реанимируются элементы социальной организации дореволюционной России, например, государственно-церковные отношения, «православная» идеология вместо светской гражданской и прочее.

Как пишет М.М. Прохоров, нынешнее состояние общества в России и мире характеризуется нисходящей ветвью общественного развития, внутренним детерминантом которой является симуляция, в отличие от подлинного творчества и мышления, являющихся детерминантами процессов восходящей ветви развития [7, с. 89]. В контексте этой реальности приходится рассматривать все общественные явления, в том числе и государственно-конфессиональные отношения.

М.М. Прохоров утверждает, что «разрастание религии в постсоветской России – свидетель и показатель ее неблагополучия, которое религия сглаживает, гармонизируя в какой-то мере взаимоотношения между людьми. И в этом состоит ее относительно позитивное значение в негативной диалектике общества, где она призывает богатых, например, оказывать благотворительную помощь бедным, а бедных – к терпению, обещая за это рай “на том свете”» [7, с. 97]. Но именно сглаживание (при сохранении основы) не позволяет однозначно положительно или отрицательно оценивать религию.

При этом социальная несправедливость возводится в ранг неуничтожимых факторов, которые можно констатировать, но не преодолеть. Неприкосновенность социальной несправедливости канонизирует господство политических элит над народными массами, воспринимаемое как естественное противопоставление подчиняющего и подчиняемого, что приводит, по логике негативной диалектики, к отчуждению «господина» от того, на что распространяется его власть, и сохранение антагонистичности мировоззрения российского общества, когда каждый причисляет себя либо к «властвующим», либо к «подвластным».

Еще Н.А. Бердяев в «Русской идее» характеризовал русский народ как «в высшей степени поляризованный народ», совмещение противоположностей государственничества и анархии, деспотизма и вольности, жестокости и доброты, искания Бога и воинствующего безбожия. В свое время противоречивость и сложность «русской души» (и вырастающей из этого русской культуры) Бердяев объяснял тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад.

Сегодня становится очевидно, что дело не только в этом. Приходится говорить еще о негативной диалектике общественного развития, усиливающей известную «борьбу противоположностей». Вследствие действия негативной диалектики общественного развития, общество лишается своего подлинного многообразия, становясь лишь единой совокупностью лишенных качества явлений, материалом для классификации и придания необходимых форм. Всё и все взаимозаменяемы, «самые разнообразные сходства между сущим вытесняются одним единственным отношением между задающим смысл субъектом и смысла не имеющим предметом, между рациональным значением и случайным носителем значения» [1, с. 25]. Объект нивелируется, превращается в абстракцию, и таким образом утверждается всеобщая повторяемость в природе и обществе. Для РПЦ народ нивелируется, превращается в абстракцию, и на основе этого становится возможным утверждение повторяемости событий и закономерностей общественной жизни, например, восстановление РПЦ в качестве культурной основы нации и государственной церкви, а также восстановление «симфонии» государства и церкви. Таким образом, «симфония», являясь мифологемой, выступает в качестве «рока» для российского общества.

Однако, исследуя государственно-конфессиональные отношения, нельзя забывать и о положительной стороне, выраженной богатой отечественной философской традицией. В данном случае речь идет о поиске гармонии в обществе, в том числе и в государственно-конфессиональных отношениях, выраженном в идее соборности, тесно связанном с поиском национальной идеи и перекликающимся с концепцией «православного царства», представлением о единстве государства и православной церкви, «цивилизационной» риторикой государственных деятелей и пр.

Согласно русским религиозным философам, например, Н.О. Лосскому, понятие соборности «означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Эта идея может быть использована для разрешения многих трудных проблем социальной жизни» [6, с. 42]. Она «являет собой высший тип отношений между людьми, проникнутыми сознанием своей глубокой духовной общности» [5, с. 236]. Именно такой общности и не хватает в российском обществе. Многие исследователи отмечают, что идеи, высказанные русской религиозной философией и евразийством конца XIX – начала XX века, серьезно повлияли на воззрения нынешних представителей РПЦ МП. И если в начале XX века русские религиозные философы воспринимались РПЦ чуть ли не как еретики, то теперь – как общепризнанные авторитеты.

Н.А. Бердяев был убежден, что «дух соборности присущ православию и идея соборности, духовной коммюнотарности, есть русская идея» [2, с. 156]. А философы-евразийцы, разрабатывая идеи об уникальности русской культуры и государственности, считали их основой православия, понимаемого не только как религиозная система, но и цельная система конкретной жизни. У евразийцев не было общего представления о конкретных методах взаимодействия с другими религиями. Все прочие религиозно-бытовые уклады, существовавшие на территории Российской империи, воспринимались ими как «потенциальное православие». То есть православие являлось тем единственно достойным идеалом единения людей между собой, государства и общества, церкви и общества, к которому так или иначе должны быть приведены или прийти все прочие.

Сходные идеи прослеживаются и в речах представителей высшей иерархии РПЦ МП: православие представляет собой основу национальной культуры, национальной идентичности, поэтому и иностранец, и коренной представитель иной религии должны понимать, что живут именно в православном государстве. Именно с РПЦ у государства могут быть «симфонические» отношения. К этому же мнению склоняется все большее число государственных чиновников, что свидетельствует о «консенсусе» между церковью и государством (консенсус, как известно, неотъемлемая часть понятия соборности). Кроме того, православие создает относительный консенсус и между народом и государством.

Консенсус достигается и с представителями иных «традиционных» конфессий. И государство, и РПЦ МП ведут довольно эффективный диалог с мусульманами, буддистами и иудаистами, а кроме того, еще с рядом влиятельных так называемых «нетрадиционных» религиозных объединений. Заявления о перспективе, например, мусульман стать православными звучали бы ныне крайне вызывающе, но сам факт поиска точек соприкосновения хорошо согласуется с представлениями Н.С. Трубецкого о том, что православие должно стать терпимее, исправить созданное Петром I «искажение» и вновь вернуть себе роль духовно-идеологического стержня Евразии-России. РПЦ МП демонстрирует терпимость по отношению к инаковерящим, она уже практически исправила «искажение» Петра I, заключавшееся в полном главенстве государства над церковью, превратив его в паритет и сотрудничество. Церковь и православие действительно стали культурным символом России. При этом РПЦ МП близко подошла к реализации своих надежд на создание «православного царства» и становление себя в качестве духовно-идеологического стержня новой России.

Однако о гармоничности этого общественного устройства пока говорить рано, так как практическая реализация принципа соборности встречает на своем пути значительные трудности. С.Н. Кочеров [5, с. 239–240] отмечает противоречивый характер самого понятия «соборность» и целый ряд проблем ее земного воплощения. Например, наличие высоких требований к соборной личности, обязательное наличие общих ценностей, проблемы реализации человеческой свободы, необходимость братской любви (возможной только в границах малой группы) и «идеальной» церкви, чего нет, не было и пока не предвидится. Работы П.М. Бицилли, А.А. Кизеветтера, Б.А. Кистяковского и Г.П. Федотова доказывают историческую сомнительность ключевых построений различных «православных» авторов, начиная со славянофилов и заканчивая «евразийцами» – Н.С. Трубецким, Л.П. Карсавиным, Н.Н. Алексеевым и др.

Многие исследователи указывают на то, что ни одна из религий на сегодняшний момент не может обеспечить преобладания в массовом сознании и поведении мотивов, выходящих за пределы, заданные наличным бытием, то есть социально-экономическими условиями. А главенству-

ющее влияние на наличное бытие оказывают формы отношений распределения и обмена, возникающие в соответствии со сложившейся системой общественного разделения труда и нисходящим вектором общественного развития.

Однако и в настоящее время вопросы, поднятые евразийством и русской религиозной философией, например, проблема многонационального государства, обоснование развития национальных основ российского общества и другие, не потеряли своей актуальности. Они развиваются уже в русле неоевразийской философии, где сохраняются различные трактовки государственно-конфессиональных отношений как стремления к единству и согласию народов в рамках страны.

Библиографический список

1. *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М.; СПб., 1997.

2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Харьков; М., 1999.

3. *Бердяев Н.А.* Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. – 1989. – №2.

4. *Зиновьев А.А.* Постсоветизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.polit.ru/lectures/2005/09/21/prizm.html

5. *Кочеров С.Н.* Соборность как православный и социальный идеал русской религиозной философии // Приволжский научный журнал. – 2010. – №2.

6. *Лосский Н.О.* История русской философии / Пер. с англ. – М., 1991.

7. *Прохоров М.М.* Природа философии и религии в истории мировоззрения. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010.

УДК 167/168

Плохова Мария Александровна
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
plohova@yandex.ru

ДВА ПОДХОДА К МОДЕЛИРОВАНИЮ ФЕНОМЕНА СПОНТАННОСТИ*

Статья посвящена анализу и выявлению эпистемологической эвристической значимости моделей синергетики и квантового подхода к феноменам спонтанности и творчества.

Ключевые слова: *спонтанность, творчество, синергетический подход, квантовый подход, когнитивные процессы, пассионарно-гармонические системы, модель квантовой редукции, междисциплинарный подход.*

Современность предъявляет нам мир, раздробленный познающими его дисциплинами, и потому не удивительно, что поиски единых структур и оснований в самых разных областях знания становятся все более значимыми и актуальными. Набирают обороты междисциплинарные исследования: когнитивно-информационный подход, проблематика искусственного интеллекта, синергетика, квантовый подход. Сегодня выходит множество работ, посвященных выявлению моделей, которые по своей эвристической значимости выходят за рамки естественных наук и могут быть продуктивны в гуманитарных науках, например, для исследования феноменов сознания (Д. Бом, К. Прибрам, В. Налимов, Г. Хакен, В. Лефевр, М. Менский). Этой специфической сфере моделирования и посвящена данная статья, в нашем случае речь пойдет о модельном переносе из области физики в пространства сознания. Мы обратимся к эвристическому потенциалу синергетики и квантовой физики через модель пассионарно-гармонического развития системы вблизи точки бифуркации, предложенную В.Г. Будановым [1, с. 123–128] и модель квантовой редукции [3, с. 70–116].

Что же представляет собой творческий акт? Каковы ключевые характеристики творческого процесса? Что такое спонтанность? Однозначно ли это понятие? Насколько уместно рационализировать творческие состояния? Какова мера свободы в творческом процессе? В какой мере модель позволяют прогнозировать сценарий развития системы? Один из смежных вопросов в нашей статье, но коренной по сути – о возможности управления творческими состояниями.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ. Научное исследование по теме «Проблема свободы в эпистемологических исследованиях творчества», грант № 08-03-00098а.

 © Плохова М.А., 2011

Процессы психической жизни человека всегда подразумевают как минимум две компоненты – рационализируемую, вербализуемую часть, собственно то, о чем мы сейчас говорим, и другую, которая не ухватывается словами, но на которую указываем термином бессознательное. Первая подразумевает последовательность и предсказуемость, вторая – спонтанность, первая выстраивается самим человеком, вторая – выстраивает человека сама.

Синергетическая модель пассионарно-гармонического развития системы вблизи точки бифуркации и ее когнитивная интерпретация

В.Г. Буданов в своих работах [1, с. 123–128; 2, с. 19–25] рассматривает теорию развивающихся систем вблизи точек бифуркации, в рамках которой им были выявлены и сформулированы тонкие эффекты гармонического сценария развития таких систем. Эти системы автор предложил назвать пассионарными, поскольку они существуют на границах устойчивой целостности систем. Подробные приложения пассионарных систем В.Г. Будановым не рассматриваются. Автор лишь указывает в своей работе, что они могут иметь место в природе, социуме и информационных системах.

Мы, в свою очередь, предлагаем системы такого рода использовать в качестве модели для целей своего исследования, поскольку предполагаем, что в рамках анализа феномена сознания может реализоваться подобный механизм. В нашей статье мы будем говорить о синергетической модели пассионарно-гармонического развития системы вблизи точки бифуркации применительно к феномену спонтанности.

Что представляет собой вышеозначенная модель? Эта модель позволяет описывать феномены, «живущие» на границе целостности системы, когда она вот-вот разрушится. Приведем пример из области физических приложений: например, таким образом происходит разрушение пород при взрыве. Существует определенная закономерность, предъявленная в модели, распределения масс почвы при взрыве, которая реализуется через неповторяющиеся объемы-размеры кусков породы. Это происходит за счет определенных частот стоячих волн, которые возникают при взрыве, что дает определенную сетку, которая разламывает почву, здание и т.п. В приложении к культурным архетипам – это проявление известного и в физике, и в культуре в целом принципа золотого сечения. Этот принцип реализуется в архитектуре, искусстве, музыке через определенные пропорции и соотношения частот. Сам по себе данный принцип хорошо изучен, ему посвящено огромное количество работ. Что оказалось неожиданным – и в этом суть открытия В.Г. Буданова, – принцип золотого сечения «описывается» на языке синергетики в рамках теории пассионарных систем через так называемые ряды Фибоначчи. А мы в свою очередь предлагаем рассмотреть такой сценарий поведения пассионарной системы в качестве модели для нашей работы.

Итак, если посмотреть на возможности данной модели в применении к проблеме творческих процессов, что мы можем увидеть?

На границе – границе целостности – живут особые феномены, точнее, порядок событий на границе формируется особым образом. Этот порядок – совсем не порядок в обычном смысле слова, это нарушение привычного хода вещей, здесь линейные законы развития прекращают свое влияние. Такая область описывается моделями нелинейной динамики, в нашем случае речь идет о пассионарно-гармонических системах, описываемых через обращение к рядам Фибоначчи.

Модель пассионарно-гармонического развития можно использовать для описания структуры, схемы распределения ресурса личности в определенном – пограничном состоянии.

Творчество начинается в ситуации отдачи энергии – через краски, бумагу, музыкальный инструмент и т.д. Та энергия, которая может стать разрушительной для психики человека, если будет направлена целиком внутрь без возможности выхода, при перенаправлении ее течения вовне в пограничных, измененных состояниях сознания может вылиться в форму, соответствующую золотым пропорциям. Важно еще и то, что в таком состоянии система – психика человека – открыта и беззащитна, подвержена малейшим влияниям извне, поэтому столь существенно, чтобы они были ограничены или прошли осознанный отбор. В принципе, пограничные состояния могут быть пограничными по разным основаниям: в силу трудных жизненных ситуаций, влюбленности или ярких экзистенциальных состояний, – описываются они и «живут» по законам золотых пропорций. Это могло бы пролить свет на известное соседство творческих всплесков, выражающихся

через написание полотен или текстов, научных или поэтических прорывов, и вышеперечисленных переживаний.

Безусловно, не всякое кризисное состояние в качестве своего плода приносит в мир новый шедевр, как не всякий человек, по-видимому, способен к порождению значимых произведений искусства. Предложенная модель описывает, с одной стороны, позитивный исход проживаемых трудных эмоций, которые как бы структурируются через обращение к материалу, здесь говорят о психотерапевтическом воздействии и роли произведений для их творцов. Но, с другой стороны, по всей видимости, творец может быть вполне гармоничной личностью и сознательно инициировать состояния прихода музы, то есть как бы раскачивать свою психику до нужного, обычно «знакомого» им состояния. В этом случае модель описывает те же состояния, но с иным культурным значением – то есть состояние дисциплинированной спонтанности, «прирученного» творческого вдохновения.

Существует традиция интерпретации роли творчества как психотерапевтического средства. Что важно для нас, эта позиция вполне согласуется с рассмотренной нами моделью. Действительно, в пограничных, кризисных состояниях психологи рекомендуют брать кисти, краски и рисовать – не важно что, просто цветовые пятна, к примеру. Или начинать писать, как бы «выписывать» из себя трудные эмоции. Важно отметить, что это ничуть не противоречит тому, что мы рассмотрели раньше – а именно технику работы с творческими состояниями, так называемое состояние дисциплинированной спонтанности.

Напрашивается вывод, что хаос – а мы его часто понимаем как нечто абсолютно бессмысленное и неподдающееся управлению – выступает в данном случае в определенном смысле разумным и структурированным, хотя и серьезно отличающимся от привычных смыслов.

Если суммировать сказанное, данная модель синергетики описывает структурную организацию процесса творчества. Область хаоса при нахождении системы – в нашем случае личности человека, его психики – вблизи точки бифуркации, границы целостности, оказывается не абсолютно бессмысленной и неуправляемой, а вполне разумной, но обладающей своей специфической логикой развития, которая реализуется через золотые пропорции. Внутренний ресурс личности в пограничных состояниях выплескивается вовне по определенным законам гармонического развития. В таком прочтении модель пассионарно-гармонического развития описывает, а в некотором смысле и синтезирует, два различных способа истолкования творческого акта – как создания новой общезначимой ценности культуры и как акта психотерапии.

Спонтанность, понимаемая как самопроизвольный процесс, – это то, что описывается данной моделью и, соответственно, находится в фокусе рассмотрения. Процессуальность как некое развертывание во времени, реализующееся по определенным схемам, – область применения данной модели синергетики. Свобода здесь присутствует как некий ресурс, который может быть распределен различным способом, но сама форма, сетка распределения, по всей видимости, предопределены. Это не относится к форме как внешнему оформлению в плане выбора материала, в который воплотится замысел, – он может быть непредсказуем. Однако пропорции, ключевые линии и распределении силовых центров – в сфере влияния принципа золотых пропорций.

Квантовое моделирование когнитивных феноменов

Сам термин «квантовый» используется в современных гуманитарных исследованиях в разных смыслах: как порционность и как целостность (понимаемая на разных уровнях). В нашем исследовании мы будем придерживаться преимущественно второго значения термина «квантовый».

В нашем случае речь пойдет об архитектурном переносе схем поведения квантовых объектов в психо-когнитивные пространства. В качестве центральной модели в рамках квантового подхода выделим редукцию волновой функции [3, с. 70–116].

Явление редукции в квантовой теории – это встреча классического макроприбора в неустойчивом состоянии и квантового микрообъекта. Редукция – тот рычаг, который производит переключение этих двух миров. Для нас (в плане использования редукции в качестве модели) – это мир ментальных конструкций и мир состояний. Мир состояний сознания, творческих состояний, а на языке физики – мир когерентных целостных состояний.

Именно в этом ключе, на наш взгляд, может быть использована модель редукции применительно к феноменам сознания и спонтанности.

Для нас редукция волновой функции выступает как модель осознания, модель проявленности некоторого когнитивного состояния.

Очевидно, что любой акт осознавания, схватывания, увидения человеком собственного состояния, например, своих эмоций, через сам акт внимания к ним мгновенно изменяет ситуацию, прерывает, сворачивая сам процесс до уровня объекта. И в квантовом, и в психическом пространстве происходит мгновенное преобразование, сжатие процесса в точку, структурирование. В этом заключается смысл практик психотерапии, связанных с визуализацией и локализацией проблемных, трудных эмоций. И во многом сама процедура рассказа душевных переживаний производит терапевтический эффект.

Если мы обратимся к трактовке роли творчества как психотерапии, то данная модель прояснит для нас механизм трансформации состояния в некий объект, который может быть ментальным – осознание, оценка и т.п., или через акт спонтанного действия объективироваться через обращение к холсту и краскам, например.

Известно, что многие творцы из совершенно разных сфер деятельности сетовали, что единожды сотворенное произведение начинает жить своей жизнью, неподвластной своему «хозяину», с другой стороны, творец часто сам стремится освободиться от груза созданного. Получается, что наблюдатель – сам ли творец, объективирующий свои внутренние состояния, или зрители – как следующий этап, но наблюдатель принципиально необходим для совершения акта творчества, которое присутствует как непроявленное состояние.

Можно прояснить квантовую модель, например, через обращение к сфере музыкального исполнительства. Композитор воспринимает произведение сжато, свернуто, целостно, но для его воплощения разворачивает его на бумаге, прописывая нотами. Исполнитель данного произведения изучает этот нотный текст, пронося через себя и рождая новый образ, порождая свою интерпретацию, свою музыкальную интонацию данного произведения, опять же единомоментно схватывая ее в целостности, и… вновь разворачивает ее звучанием перед слушателями. Подлинный ценитель, в свою очередь, сворачивает, как бы концептуализирует, осознает произведение новым образом. Следовательно, акт осознания, целостного единства восприятия музыкального произведения может быть описан в терминах редукции волновой функции, то есть самого акта измерения, схватывания частицы в определенной точке пространства состояний. Звучащая нотная запись музыкального произведения (процессуальность) выступает как «картинка» суперпонированного, размазанного состояния частицы вне акта измерения. Невозможно сказать, что частица живет вне акта измерения, как нельзя сказать, что музыкальное произведение существует вне акта восприятия (прослушивания)! Тот же парадокс и в нашем примере – бессмысленны попытки разглядеть в отдельно взятом такте выразительно смысловое единство. Принципиальна неразделимость процессуальности (включенности во временную последовательность) и целостности (акта восприятия-осознания), живущих только в моменте личностного восприятия. Тот же парадокс в акте квантового измерения – необходимость личностного восприятия показателей прибора экспериментатором.

Итак, какова область применения модели квантовой редукции? На наш взгляд, квантовая модель заостряет несколько существенных аспектов творчества. Это сама ситуация переключения миров – мира состояний сознания и мира ментальных конструкций, мира целостных состояний и мира частичной воплощенности. Часто можно слышать от творческих людей о трудностях воплощения идеи, о невозможности в принципе передать всю полноту и глубину замысла, об обреченности на ущербность и непонятость. Вот как раз эта ситуации несоизмеримости формы и того содержания, который подразумевал автор, во всей полноте заостряет квантовая модель. Другой аспект связан с изначальной целостностью творческого состояния как снятия границ между осознаваемой частью психики и неосознаваемой. Творческие состояния, по всей видимости, связаны с целостностью как характеристикой психики творца в акте творчества. Возможно, именно целостность видения ситуации определяет знаменитую «эврику» в научном поиске. Поиск воплощения для неоформленного состояния-замысла, по признанию поэтов, труден, но отсутствие этого бремени воспринимается ими зачастую как еще более гнетущее состояние. Переживаемость состояния целостности, с одной стороны, является исходным для любого творчества, а с другой – его результатом, следствием. Но это разные состояния целостности. В первом случае – это целостность как характеристика состояния психи-

ческой жизни, а во втором – как результат снятия границ между неосознаваемой и осознаваемой частью психики.

Вдохновение, как чувство полноты бытия, когда внутренний порыв легко и спонтанно воплощается в нужную форму, – это, по всей видимости, то состояние, когда граница (та, что препятствует слышать «музыку сфер»), становится «ручной», зримой, подвижной, текучей и всецело подвластной ее владельцу, и теперь человек волен звучать в согласии с ритмами мироздания, а значит, иметь доступ к его тайнам.

Итак, мы эскизно набросали схему возможного применения двух моделей. Первая – синергетическая модель, описывающая поведение пассионарной системы вблизи точки бифуркации, – проливает свет на механизмы проявления принципа золотого сечения в творческих актах и процессах, акцентируя внимание на структурной стороне вопроса. Вторая модель – модель квантовой редукции – заостряет внимание на акте переключения состояния сознания творца с внутренних психо-когнитивных пространств созерцания целостности замысла на его внешнюю воплощенную форму, объективированный образ.

Библиографический список

1. *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. – М.: Либроком, 2009. – 240 с.

2. *Буданов В.Г.* Междисциплинарные принципы моделирования в антропологии: квантово-синергетические онтологии и ритмокаскадный оптимум // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. III. Традиции и новации. – М.: Принтбери, 2009. – С. 19–25.

3. *Плохова М.А.* Проблема бессознательного в исследованиях познавательных способностей: Дис. … канд. филос. наук. – М.: ИФРАН, 2008. – 141 с.

УДК 17

Симаков Станислав Юрьевич
Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
stanislavjura@rambler.ru

СУДЬБА ЭТИКИ В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (ЗАМЕТКИ ПО ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ)

Основная цель статьи – обсудить некоторые вопросы, касающиеся взаимосвязи этики и политики. В современных плюралистических и секулярных обществах эти вопросы обретают подчас особую остроту и напряженность. Тем насущнее философская рефлексия данной проблематики. Контекстуальными рамками указанной рефлексии в статье выступают ***этика дискурса*** *Юргена Хабермаса и* ***этика истин*** *Алена Бадью.*

Ключевые слова: *политика, этика коммуникации, этика истин, субъект, ситуация, событие.*

Сегодня мы наблюдаем процесс реабилитации политического. Конечно же, не в общественном сознании, которое по большей части равнодушно к политике, а в работах интеллектуалов. Эта реабилитация происходит вследствие восстановления исконного единства между политикой и этикой, которое еще греками понималось как нечто само собой разумеющееся, а затем было основательно забыто. Достаточно открыть, например, «Государство» Платона или этические сочинения Аристотеля, чтобы убедиться: этика и политика осмысляются в них как сущностно связанные измерения человеческой деятельности. Политическое здесь никоим образом не дискриминируется и не противопоставляется этосу, но, напротив, раскрывается в качестве «телоса» (цели) этического, – в качестве того, в чем этика обнаруживает свою подлинную действительность. Пройдя период забвения и маргинализации, в XX столетии вопросы политики вновь возвращаются в круг философского этического мышления. Сначала в работах М. Вебера, Ж.П. Сартра и Т. Адорно, а затем – Х. Арендт, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, П. Рикера, Дж. Ролза, Э. Тугендхата, С. Жижека, А. Бадью этическая проблематика все чаще обсуждается в связи с вопросами политической практики, а сама «политика» возвышается до подлинно философского измерения. Эта вновь обретенная связь этики и политики и станет предметом размышления в данной статье.

Сразу оговоримся: наш анализ единства этического и политического преимущественно будет носить имманентный, а не исторический ха-

 © Симаков С.Ю., 2011

рактер. Обсуждать специально социальные и культурные причины указанной реабилитации мы не будем. Хотя ясно, что при достаточно крупном масштабировании исторического рассмотрения такие, например, взаимосвязанные явления, как марксизм, секуляризм общественных процессов в современных западных обществах, развенчание тоталитарных режимов XX века, могли бы задать контекстуальные рамки для исторического анализа нынешних дискурсивных подходов к этике и политике. Наша задача гораздо скромнее: наметить логико-дискурсивные возможности раскрытия единства этического и политического. Вопрос, который направляет ход наших размышлений, таков: как возможна сегодня взаимосвязь этики и политики? И уже сейчас можно дать предварительный ответ: характер этой взаимосвязи, на наш взгляд, определяют два условия: 1) секулярная направленность любой проблематизации в области этики и 2) все чаще встречающийся анализ этических вопросов в контексте обсуждения проблем истины (лжи), а не добра (зла). Эти предпосылки, хотя и в разной степени, одинаково существенны для таких, например, полярных мыслителей, как Юрген Хабермас и Ален Бадью, Эрнест Тугендхат и Славой Жижек.

Заметим также, что взаимосвязь этического и политического предполагает, по крайней мере, две стратегии критического рассмотрения. В первом случае политика имплицирует этику. При таком подходе этика мыслится в качестве основания различных политических идеологий, скажем, – либерализма, консерватизма, социализма. Вопрос, который тут мог бы быть задан, очевиден: какая система морали, этических убеждений стоит за той или иной политической практикой? Во втором же случае – и этот подход представляется нам более эвристичным – этика имплицирует политику. Здесь, напротив, стихия политической жизни определяется в качестве первичной; по сути, речь идет о своеобразном рождении этики внутри политического действия. Соответственно, вопрос, фундирующий данную аналитическую стратегию, может быть таким: способна ли этика, при указанной обусловленности политическим, все еще сохранять притязание на нормативную значимость, без того чтобы окончательно не погрязнуть в релятивизме и скептицизме? Рассмотрим эту вторую возможность.

Этика коммуникативного действия

Если заранее признать, что в современную постметафизическую и даже постидеологическую (согласно оценке Д. Белла) эпоху любые концепции «благой жизни», различные интуитивные и материально-априорные этики оказываются нелегитимными, проблема морального обоснования неизбежно редуцируется к политической сфере. Это и понятно. Поскольку никакое этическое суждение не вправе априори притязать на объективную значимость, последняя может быть удостоверена только в ходе публичной (в частности, политической) дискуссии. Вопрос, однако, заключается в том, на что должна опереться политическая практика, если она не в состоянии больше рассчитывать на «божественную санкцию» или – как это все еще находит возможным, например, Фрэнсис Фукуяма – апеллировать к человеческой природе? Не произойдет ли так, что в ситуации господства позитивного права «этичным», в конечном счете, назовут то, что будет признано таковым в том или ином культурном сообществе? И не следует ли из этого, что нормативная значимость морали в действительности есть только *результат* консенсуса? Как раз в этом пункте расходятся такие, столь солидарные в общей оценке роли общественного договора, мыслители, как Юрген Хабермас, Эрнест Тугендхат или, например, Джон Ролз.

«С переходом современных обществ к мировоззренческому плюрализму, – пишет Хабермас, – религия и укорененный в ней этос, рассматриваемые в качестве *публичных* основ значимости общей для всех морали, распадаются. <…> При таких обстоятельствах моральная философия по необходимости выходит на «постметафизический уровень обоснования» [4, с. 62–63]. Этот следующей за метафизикой уровень обоснования, о котором говорит Хабермас, связан, конечно же, с возвращением к этике И.Канта. Согласно Канту, напомним, «должно быть» не может быть выведено из «есть» (что характерно для теоретиков эвдемонизма, прагматизма, утилитаризма и любых их вариаций). Корень нравственности, напротив, следует искать в самой форме рациональности, в структуре разума: «Моральность состоит, таким образом, в отношении всякого поступка к законодательству, благодаря чему только и возможно царство целей. Но необходимо, чтобы это законодательство всегда было налицо в самом разумном существе

и могло возникать из его воли, принцип которой, следовательно, таков: совершать каждый поступок не иначе как по такой максиме, которая могла бы служить всеобщим законом» [3, с. 94]. Иными словами, только та воля, по мысли Канта, является подлинно свободной (и нравственной), которая в своих действиях опирается исключительно на разум, а в своих решениях руководствуется принципом всеобщности.

Задавая себе вопрос, может ли конкретная максима быть законом, а затем, мысленно рассматривая всевозможные следствия из этого, различные «за» и «против», мы проверяем максиму на универсальность. Однако именно такой, умозрительный характер данной проверки и вызывает возражения у представителей деонтологической этики. Сохраняя в целом верность принципу формализма и универсализма в моральных вопросах, такие мыслители, как Ю. Хабермас или К.-О. Апель настаивают на интерсубъективной трактовке категорического императива Канта. То, что должно быть признано нормативно-значимым, полагают они, может быть решено только самим коммуникативным сообществом с учетом требований универсальности и в ходе обмена аргументами в языковой игре: «действенные нормы должны *заслужить* признание со стороны *всех*, кого они затрагивают» [5, с. 103]. Трансцендентальная субъективность Канта – анонимная и сингулярная – заменяется здесь коллективной рациональностью коммуникативного сообщества.

Между тем не трудно заметить, что вся проблема как раз и состоит в том, чтобы найти компромисс между утверждением принципа плюральности, с одной стороны, и требованием универсальной нормативности принятых решений – с другой. Необходимо, иначе сказать, примирить политику и этику. Решение Хабермаса известно: сама коммуникация, по его мнению, опирается на ряд прагматических предпосылок, которым может (и должен) быть придан нормативный смысл. Беспристрастность суждений, универсальность требований, справедливость и честность ведения диалога лежат в основе рациональной дискуссии как таковой, – утверждает немецкий мыслитель. Пренебрегать всем вышеперечисленным означает не что иное, как впадать в перформативное противоречие, вступать во внутренний конфликт с основаниями собственной деятельности. Включившись однажды в публичную дискуссию, ее участники уже не вправе опираться на партикулярность или насилие, разве только принося в жертву подлинный смысл того, в чем они участвуют. Таким образом, всякая настоящая этика, утверждает Хабермас, есть ***этика дискурса***. Сам Хабермас не раз подчеркивал, что этика дискурса несет в себе известный пафос освобождения, является, может быть, единственным средством борьбы против технической, инструментальной рациональности и бюрократизации власти и политики.

Но справляется ли она с этой задачей? Не получается ли, вопреки ее интенции, что значимость нормативного обоснования (через анализ трансцендентально-прагматических основ коммуникации) просто повисает в воздухе? Ведь угроза перформативного противоречия может быть действенной для субъекта коммуникации, только если она осознана. Только в этом случае можно рассчитывать на изменение характера диалога в сторону его большей разумности. Сама же по себе экспликация нормативного измерения дискуссии не способна обеспечить такой ход коммуникации, чтобы указанная нормативность также и фактически учитывалась ее участниками. Сплошь и рядом мы наблюдаем политические дискуссии, в которых нет и намека на уважение к оппоненту или элементарную политкорректность. Впрочем, и сами представители когнитивной этики вынуждены признать подобное обстоятельство: «Без сомнения, мы хотим, – пишет Э. Тугендхат, – чтобы согласие было *рациональным согласием*, согласием, основанным на аргументах и по возможности на моральных аргументах, и все же, в конце концов, все решает *фактическое согласие*» [цит. по: 5, с. 115]. Равным образом и Хабермас, хотя и в иной перспективе, обращает внимание на эту трудность: «Конститутивные для аргументативной игры правила определяют порядок обмена аргументами и позициями принятия / непринятия; они обладают эпистемическим смыслом, позволяющим оправдывать те или иные высказывания, но не *непосредственно* практическим смыслом, которым мотивируются действия» [5, с. 116]. Этика коммуникативного действия предстает, таким образом, своеобразной нереализованной возможностью политики. Будучи редуцированной к коммуникации, политика, по выражению А. Бадью, способна «производить только мнения». Но политика, заметим мы, это не только публичная дискуссия, но и вполне реальная деятельность, направлен-

ная на фактическое изменение социальной реальности. Политика, иначе говоря, это праксис. И в основе этого праксиса лежат отнюдь не одни рафинированные интеллектуальные добродетели. В этом смысле политику необходимо оценивать не только как пространство диалога, но также и как пространство поступка. Повод мыслить в этом направлении дает философия Алена Бадью.

Этика истины

Так же, как и представители когнитивистской этики, А. Бадью исходит из принципа множественности: «Нет никакого Бога. Что можно сформулировать и так: Единое не есть» [1, с. 44]. В другой работе Бадью несколько иначе выражает ту же мысль: «Есть только тела и языки», и тут же добавляет – «а кроме того, еще существуют истины» [2, с. 68–69]. Как раз в этом дополнении – все дело. Свое понимание истины Бадью раскрывает в связи с темой *события* – центральной для его философии. В рамках данной статьи мы можем лишь в самых общих чертах коснуться данной проблематики. В онтологии Бадью событие противопоставляется ситуации. Если ситуации, согласно Бадью, всегда располагаются в круге известного, повседневного существования, то событийность как раз противостоит привычному способу взаимодействия человека с вещами, другими людьми и обстоятельствами. В этом смысле событие есть то, что взрывает логику повседневности, располагается «поверх» ситуации и по отношению к ней всегда избыточно. Ситуация отсылает к коммуникации, событие – к Встрече. В мире ситуаций, замечает Бадью, событие всегда «вне закона», и поэтому, в частности, оно не подконтрольно человеку.

Именно на данную феноменологию события и опирается определение истины, которое дает французский мыслитель: «Истина – это реальный процесс верности некоторому событию» [1, с. 66]. Уже в этом определении, как можно видеть, заявляет свои права этика. Этичным, собственно, является такое действие, которое мотивируется верностью, и в этой решимости сохранять верность достигает успеха. Умение быть верным, вопреки диктату мира плюральности, делает человека, а лучше сказать – субъекта, по мысли Бадью, «бессмертным». «Бессмертие», разумеется, здесь не имя некоторого постмортального существования (трансцендируемого вовне заслуженного итога благой жизни), но terminus technicus для обозначения особого измерения человеческого существования – избыточного по отношению к его социальному, повседневному срезу. Этика Бадью, как уже можно было понять, вообще не опирается ни на какую сакральную или метафизическую легитимацию; это этика без Бога и «неба» метафизических истин (ценностей). И, тем не менее, она глубоко антинигилистична. Если же иметь в виду, что политика, наряду с матемой (наукой), поэмой (искусством) и любовью, по мысли Бадью, и является тем топосом событийности, который создает условия для явленности истины, связь политики и этики приобретает большую отчетливость. Сохраняя верность некоторому политическому событию, скажем, культурной революции в Китае (пример Бадью) и тому духу преобразования и освобождения, которое оно в себе несет, субъект этой верности не только продолжает «производить» истину, но в этом продолжении как раз и утверждает себя в качестве этического субъекта. Само политическое событие сингулярно, однократно; однако человек может вопреки всему «продолжать», и в результате этого не только сделать это событие своей судьбой, но и стать субъектом «бессмертия». Политика в этом случае рождает этику.

Между тем современная политика, – настаивает Бадью, – как раз демонстрирует полную неспособность укрепляться в верности или – по-другому – «производить субъективность». Сегодня политика почти мертва. С этим тезисом Бадью трудно спорить. Ведь подлинная реальность политического – это действие. Однако повсеместно современная политика обнаруживает в этом отношении крайнюю дефицитарность. При общей словоохотливости и наличии громких заявлений политика не расположена именно к решимости и действию. Мы наблюдаем скорее бесконечные комментарии к политике, нежели саму политическую реальность. Все отмечают крайнюю деполитизированность масс, усталость людей от политики. И потому все более распространенным средством повысить уровень политизации сознания (средством столь же суррогатным, сколь и действенным), к которому прибегает Власть, становится фрустрация. Необходимо напитать массы страхом. Угроза терроризма, разработки ядерного оружия, нарушения прав человека или цивилизационная опасность неконтролируемой миграции и т.п. зачастую предстают лишь очередной аватарой дискурса Власти, надежным спо-

собом манипулирования общественным сознанием, попыткой заручиться электоральной поддержкой. Основная претензия Бадью к современной политике и политической этике состоит не столько в том, что она лицемерна, бессубъектна, бездейственна или, проще сказать, не вполне – политика, а в том, что в ней нет «ни грана истины». Настоящая этика, утверждает Бадью, может быть только ***этикой истин***.

Ближайшим следствием отсутствия в современной политике интереса к истине оказывается, считает Бадью, консерватизм и виктимизация сущности человека. Поскольку не ясно, что необходимо делать (ведь истина несущественна), то за лучшее полагают оставить все как есть. Поскольку нет позитивной идеи Добра, общественный консенсус формируется вокруг идеи Зла (угроза терроризма, опасность ядерного оружия и т.п.). Если же проанализировать, какая антропология лежит в основании подобной политики (и этики), – продолжает Бадью, – то мы обнаружим, что человек определяется в ней в качестве жертвы, – в качестве того, кто требует защиты, сострадания, уважения и т.п. Именно подобной антропологией вдохновляется риторика и идеология «прав человека». Однако жертвенное определение человека, полагает Бадью, нелегитимно и цинично. Человек – потому человек, что в редкие минуты своей жизни он способен своими поступками утвердить право на «бессмертие» (примером чему, по мнению Бадью, являются судьбы, описанные Варламом Шаламовым). Однако о такой возможности современная политика (читай: «этика прав человека») предпочитает умалчивать. Такова вкратце позиция французского философа.

Мы рассмотрели две возможности мыслить политику в ее связи с этической проблематикой. Первую возможность нам предоставляет деонтологическая этика коммуникации, или дискурса (Ю. Хабермас). Ее слабое место – если иметь в виду ее политические импликации – это разрыв между «желанием» и «реальностью». Развивая трансцендентально-прагматическое обоснование политики, данная этика не в состоянии объяснить, каким образом можно обеспечить также и фактический консенсус в отношении норм рациональной дискуссии. Вторая возможность представлена этикой истин А. Бадью. Подлинный характер политического действия в ней как раз обосновывается фактом причастности к истине, разуму. Однако именно подобная причастность лишает этику ее универсального измерения, ее всеобщности: «Не может быть никакой «общей» этики, а только этика единичных истин» [1, с. 10], – пишет Бадью. В первом случае перед нами обретение консенсуса, но принесение в жертву рациональности (этика коммуникации); во втором – наоборот: утверждение истины, но жертвование общественным консенсусом (этика истины). Мы имеем дело, таким образом, со своеобразным диалектическим рассуждением, тезисом и антитезисом которого являются, соответственно, этика коммуникации и этика истины. Понятна также и задача последующего синтеза: необходимо продумывать существо этики истины в направлении возможностей обретения ею универсального измерения.

Библиографический список

1. *Бадью А.* Этика. – СПб.: Machina, 2006.

2. *Бадью А.* Истина тел и языков // Кризис сознания. – М.: Алгоритм, 2009.

3. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Критика практического разума. – СПб.: Наука, 1995.

4. *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.

5. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2006.

УДК 11/13

Шагако Дмитрий Сергеевич
Воронежский государственный технический университет
dmitrii-shagako8@mail.ru

ВОЙНА И НАСИЛИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируются категории «война» и «насилие», предлагается ряд методологических уточнений к ним, а также отражена авторская версия осмысления их сущностной взаимосвязи, выделяются ее особенности. При этом каждая категория здесь рассматривается в рамках общего процесса социального взаимодействия субъектов, что находит свое отражение в последовательности обоснованных социально-философских примеров.

Ключевые слова: *война, насилие, социальное взаимодействие, человек.*

На протяжении всего индивидуализированного существования каждое социальное объединение людей в той или иной мере закономерно подвергается воздействию – внутреннему и внешнему – со стороны различных субъектов системы общественных отношений – индивидов и их групп. Однако если с задачей снижения риска возникновения в социальном объединении внутреннего «взрыва» человеческий разум все же смог более или менее справиться, создав упорядочивающий индивидуальные интересы людей общественный институт верховной правовой власти, то от подобной опасности, исходящей со стороны внешнего фактора, таковой инструмент фактически отсутствует. «…Смысл государства состоит в том, что оно в своих пределах подчиняет насилие праву, произвол – законности… Но эта власть простирается только до пределов данной государственной территории…», – отмечал В.С. Соловьёв [14, с. 461–462].

Таким образом, мы совершенно отчетливо приблизились к анализу сущности такого общественного явления, непосредственно сопровождающего все историческое развитие человечества и напрямую связанного с возникновением феномена насилия, как война, которая, по меткому выражению К. Маркса, «подвергает нацию испытанию… выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность» [11, с. 551]. При этом необходимо сразу заметить, что в данном исследовании не рассматривается «война гражданская» как столкновение в рамках одного социального объединения, а анализируется исключительно военное противостояние двух или более различных социально сплоченных коллективов людей.

Если социально-философски конкретизировать данное понятие, то под ним, с нашей точки зрения, следует иметь в виду множество, череду «министолкновений», целенаправленных частных схваток – ресурсных, ценностно-мировоззренческих, статусно-ролевых и др., протекающих в рамках единого «сверхконфликта» и происходящих исключительно между различными «солидарно действующими человеческими массами» [14, с. 467]: общинами, племенами, народами, нациями, государственными образованиями и их коалициями и даже, по мнению некоторых исследователей [18], целыми цивилизациями. Точнее сказать, столкновения происходят здесь между теми организованными группами принадлежащих к ним индивидов (как непосредственными участниками – дружинами, ополчениями, войсками, армиями и т.п., так и «тылом», оказывающим им материальную и моральную поддержку), которые различными своими действиями и воплощают в жизнь многообразие интересов и целей своего конкретного социального объединения.

Иными словами, общественно-историческое явление войны всегда представляет собой максимально развернутое, глобализированное (исходя как из пространственно-временных масштабов самих действий, так и из количества участвующих субъектов), мотивированное конфликтное противостояние субъектов социального взаимодействия, так называемое «расширенное единоборство» (термин К. фон Клаузевица) [9, с. 33].

Под категорией же «насилие» мы склонны понимать, во-первых, отрицательно оцениваемое сознанием человека агрессивное действие, протекающее в процессе социального взаимодействия между людьми, а во-вторых, недобровольную по своему характеру любую форму этого

© Шагако Д.С., 2011

процесса, возникающую в ходе непосредственного либо опосредованного принуждения к определенным действиям одной стороной другую.

Следует обратить внимание, что легитимно применять агрессивно-принудительные (насильственные) меры в отношении элементов, существующих в поле влияния иного института верховной власти, индивид обязан исключительно при санкционированной «сверху» защите интересов всего (а не какой-либо отдельной части) социального объединения, мотивированной исключительно рамками общегрупповой самозащиты. «Человеческой личности запрещено убивать, и убийство почитается великим грехом. Но эта же человеческая личность, если она действует как государство, как его орган, не только может убивать, но даже должна убивать, и это не только не считается грехом, но считается долгом», – отмечал Н.А. Бердяев [3, с. 176]. В таком санкционированном «защитном» типе насилия, вероятно, и состоял исторически изначальный смысл данного общественного явления, обусловливающего успешность отстаивания человеком своего права на существование. Проблема же здесь кроется в том, что этот определенно основополагающий фактор объективного развития социума со времени возникновения института верховной правовой власти персонифицированный субъект управления стал использовать для достижения именно личных целей: «…Вечной и главной причиной… человеческих войн было и будет властолюбие, …желание человека завоевать себе возможно большее число людей, наибольшую территорию, наибольшее богатство, наибольшую власть и престиж» [1, с. 35].

Собственно, по этим причинам с течением времени в обществе и возникли войны «захватнического» типа, в рамках которых меры «защитного насилия» уступают место уже мерам «насилия экспансионного» (или, лучше сказать, в своей сущности видоизменяются в них). При этом факт наличия разрешающей санкции на их применение здесь всегда достаточно спорен, относителен: для напрямую не заинтересованных членов объединения насилие также носит завуалированный «самозащитный» характер, но, по своей реальной сути, преследует именно противоположные, те или иные значимые лишь для узкого круга «посвященных» лиц цели. Как однажды совершенно точно подметил король Пруссии Фридрих II Великий, «если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, нельзя было бы вести ни одной войны» [10, с. 48].

В целом же нужно иметь в виду, что особенность проявления насилия в рамках любого типа военного противостояния сторон заключается в том, что здесь бытие абсолютно всех индивидов, выступающих конструктивными элементами структуры противостоящих социальных объединений (как непосредственных участников активных боевых действий, так и тех, кто занимается обеспечением их нужд), по сути, находится под постоянной всеобъемлюще существующей угрозой, исходящей от этого явления. Более того, те же индивиды именно сами и являются его естественными «творцами», внося свою долю вклада в нанесение ущерба и принуждения к подчинению членов иного антагонистично настроенного социально сплоченного коллектива.

Действительно, часть из них самостоятельно, в большей степени часто и объектно-направленно, применяет прямые и косвенные агрессивно-принудительные действия непосредственно на поле боя. Оставшаяся же часть, создавая и развивая инфраструктуру, заботясь о раненых и т. п., а также, что немаловажно, одобряя, духовно санкционируя применение первыми различных насильственных форм поведения, в свою очередь, также способствует нанесению ущерба противоположной стороне, хотя и в косвенной форме. «Уже тем, что я… хочу победу русским, я участвую в войне и несу за нее ответственность… Всякий искренно желающий вытеснить немцев из пределов России духовно убивает не менее, чем солдаты, которые идут в штыковую атаку…», – замечал Н.А. Бердяев [4, с. 156].

Таким образом, насилие в периоды существования социально-исторического явления войны присутствует повсеместно, во всех сферах бытия любого индивидуализированного субъекта каждой из враждующих сторон. Между тем человек всегда продолжает оставаться не только врожденно-потребностным, но и духовно-нравственным существом. Следовательно, любое действие индивида непременно должно быть обосновано конкретными интересами – реальными ли, мнимыми, но, тем не менее, подлинно способными пересилить субъективированный моральный барьер потенциально существующей угрозы применения к нему самому насильственных санкций возмездия за их совершение: «На войне едва ли бывает так, чтобы не имели места безрассудная отвага

и недостаток доброжелательности ввиду важности самого дела, которое всегда таково, что не довольствуется причинами только вероятными, а требует совершенно очевидных причин» [7, с. 543–544].

Во-первых, индивид как непосредственный или опосредованный участник военного противостояния в своем субъективированном сознании должен быть глубоко убежден в ситуативной уместности, обоснованности своих действий. В ситуации реально происходящего нападения членов одного социального объединения на другое субъективированное обоснование собственных действий у индивидов, чье объединение стало объектом этого нападения, способно возникать, вероятно, вполне естественным путем, в ходе прямого наблюдения ими последствий данного нападения и сознательного их анализа. «Я видел… поруганную нашу русскую землю… Я клянусь, что… в первом же бою жестоко отомщу фашистским зверям за их злодеяния», – писал в 1944 году непосредственный участник тех событий ефрейтор Соловьёв [12, с. 88]. Субъекту управления здесь остается лишь «утвердить» свое разрешение на агрессивно-принудительное противодействие этому нападению.

Однако и в ситуации, когда члены какого-то социального объединения сами выступают в роли нападающей стороны, все их атакующие действия также должны быть непременно обоснованы, хотя бы и «надуманным» путем. В этом случае субъекту управления, в чьих интересах, по нашему мнению, всегда и применяется данный тип «экспансионного насилия», заранее требуется позаботиться о том, чтобы создать видимость «самозащитной» мотивированности таких действий, фикцию их «безальтернативной» значимости для дальнейшего существования всех членов данного социального объединения.

Показательным историческим примером подобной социально-политической демагогии может выступать немецкий лозунг времен Второй мировой войны. В нем напрямую сравниваются личные амбиции нацистского правительства с «битвой за судьбу немецкой нации», тем самым они как бы переводятся в ранг жизненно важного вопроса для всех немцев, которые непременно должны были поверить, что просто обязаны «полностью уничтожить своих врагов, а то враги полностью уничтожат их самих» [2, с. 87].

Кроме того, субъект управления может постараться искусственно создать в сознании управляемых им индивидов такой устойчивый иллюзорно-теоретический, упрощенный и обобщенный субъективированный образ противника, который бы позволил «искусственно» придать их агрессивно-принудительным действиям тот самый «оправданный» характер, необходимый для их практического применения в дальнейшем. Здесь он перестает уже рассматриваться как равнозначный субъект, обладающий «ценностью жизни» и правом на гуманное отношение, а предстает всего лишь неким внебытийным существом, способным на любые непредсказуемые действия, а значит, потенциально враждебным, опасным. Следовательно, в данном случае абсолютно прав был А.Е. Снесарёв, заметивший, что «на алтарь войны оно (государство. –*Д.Ш.*) несет психику своего народа, проводя принцип… делания из своих граждан злых и ярых зверей, способных вцепиться в шею таких же зверей по ту сторону границы» [6, с. 65].

Так, в ходе Первой мировой войны чуть ли не все представители германского народа в Европе звались не иначе, как варварами-«гуннами» [17, с. 169], а в России – «насильниками», «носителями милитаризма и реакции», «носителями антихристианских начал, ложной духовной культуры» и т. п. [4, с. 165] Во времена же Второй мировой войны, в свою очередь, уже сами немцы официально именовали русских «рожденными рабами», «русско-монгольской отсталостью», «недочеловеками», «ордами азиатов» (т.е. дикарями) и т.п. нелицеприятными эпитетами [5, с. 325, 380, 381, 474].

Во-вторых, даже если человек субъективированно сомневается, что во время военного противостояния использует (или ранее использовал) действия агрессивно-принудительного характера в рамках «справедливой самообороны», он должен быть в большей степени уверен, что сможет избежать положенных за их применение моральных и правовых наказаний.

Так, он может пояснять их тем, что сам выступал лишь в качестве «средства насилия», без какого бы то ни было «дурного» умысла исполняя чужую волю, облаченную в форму приказа, задания, инструкции и т. д.

Подобным образом, к примеру, пытаясь оправдаться, объяснял свое поведение бывший высокопоставленный нацист А. Эйхман, который, по свидетельствам Х. Арендт, считал себя виновным только «перед Господом Богом, но не перед [человеческим] законом», т.к. действовал исключи-

тельно по приказам А. Гитлера и не имел никаких личных мотивов [2, с. 41–42]. Ту же ситуацию наблюдал и К.М. Симонов в люблянском концлагере «Майданек», бывшие работники которого сваливали всю вину на представителей СС [13, с. 200].

Однако использовать агрессию и принуждение и, по его мнению, оставаться за пределами досягаемости правового и нравственного наказания человек также может и иным способом, в частности, поступая тем же самым образом, как ведут себя в данную минуту окружающие его люди: «Каждый в отдельности человек испытывает чувство, что в массе он выходит за пределы своей личности… Он чувствует себя свободным, следовательно, может преступить собственные границы» [8, с. 20]. Так в ходе военного противостояния коллективная ответственность отодвигает на второй план ответственность индивидуальную.

На наш взгляд, во всех подобных обстоятельствах субъект, непосредственно совершающий (или совершивший) насильственные действия, в какой-то степени и сам может рассматриваться в качестве объекта, «жертвы» косвенного принуждения к совершению определенных поступков, которые, в свою очередь, также привели к возникновению содержащих «ущербную» составляющую последствий. Но, с другой стороны, мы также не можем не согласиться с мнением Н.А. Бердяева, который, в частности, считал, что «низко было бы возложить на других убийство, которое нужно и мне, и делать вид перед самим собой, что в этом убийстве я не участвую» [4, с. 156].

В-третьих, человек может также пытаться самооправдать свои, по общей сути, насильственные действия и тем, что он ими никакому конкретному индивиду умышленно не вредит, более того, даже прямо не взаимодействует с ним, а возникший ущерб является всего лишь результатом «случайного стечения обстоятельств», косвенно ставших следствием данного поступка. Однако мы считаем, что особенность возникновения явления насилия как раз и заключается в том, что его никогда нельзя ограничивать лишь применением конкретно направленных действий. Оно может выступать и в совершенно опосредованном виде, когда одна из сторон общей единой системы отношений в социуме любыми своими поступками формирует обстоятельства, которые некой другой стороной будут индивидуалистично расцениваться как наносящие ей тот или иной тип ущерба, блокирующие ее свободный выбор дальнейшего способа бытия. В данном случае абсолютно уместным будет привести здесь следующее поучение Л.Н. Толстого: «Не утешай себя мыслью, что если ты не видишь тех, которых ты мучаешь и убиваешь, …то ты не мучитель, не убийца…» [16, с. 266].

Наконец, в-четвертых, несмотря на отсутствие внешней угрозы, прямого приказа или непосредственно наблюдаемых образцов подобного поведения, человек в ходе разворачивающегося военного противостояния сторон способен действовать с применением мер насильственного характера и в том случае, если ожидаемая от подобных действий личная сиюминутная выгода (материальная плата или знак отличия) сможет преодолеть все наложенные на него морально-правовые запреты. В данном случае свое поведение человек будет подстраивать, в первую очередь, под личные нужды, хотя при этом может попутно достигать как действительно общезначимых для всех членов своего социального объединения интересов, и так и интересов верховного субъекта управления этим объединением, всегда завуалированных под таковые.

Таким образом, выше были проанализированы, вероятно, все те обстоятельства, в которых люди в тот или иной исторический период существования социального явления войны становятся способны совершать действия, абсолютно исключенные из их поведения в «мирное» время: «…Во время войны царят отъявленные преступники. И их дела, за которые бы в мирное время их бы распяли и повесили, во время войны считаются самыми главными и самыми почетными» [19, с. 61].

В целом же надо отметить, что каждая война, по своей сущности, всегда превращается не иначе, как во «временное упразднение правовых отношений между воюющими народами, их более или менее полное возвращение (относительно друг друга) к естественному состоянию борьбы стихийных сил» [15, с. 515]. Следствием же такого «естественного состояния» выступает то, что в системе общественного бытия будут и далее возникать все новые и новые формы агрессивно-принудительных действий, наносящих ущерб не только конкретным индивидам и их группам, но и всему обществу в целом, и субъективированно расценивающиеся человеческим сознанием в качестве неприемлемого, но, тем не менее, приносящего при определенных условиях пользу явления насилия.

Библиографический список

1. *Альберди Х.Б.* Преступление войны. – М.: ИИЛ, 1960. – 256 с.

2. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Европа, 2008. – 424 с.

3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // О назначении человека: Сочинения. – М.: Республика, 1993. – С. 19–252.

4. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – 208 с.

5. *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Т. 2. – Смоленск: Русич, 1994. – 672 с.

6. «Война… ведет государство властным определенным руслом» (публикация «Философии войны» А.Е. Снесарёва И.С. Даниленко) (начало) // Военно-исторический журнал. – 2001. – №12. – С. 62–67.

7. *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

8. *Канетти Э., Московичи С.* Монстр власти: роман. – М.: Алгоритм, 2009. – 240 с.

9. *Клаузевиц фон. К.* О войне: В 2 т. Т. 1. – М.: ГВИ НаркОб СССР, 1937. – 440 с.

10. *Ленин В.И.* Успехи и трудности советской власти // Сочинения: В 45 т. Т. 29. – М.: ГИПЛ, 1950. – С. 37–69.

11. *Маркс К.* Новые разоблачения в Англии // Сочинения: В 50 т. Т. 11. – М.: ГИПЛ, 1958. – С. 548–553.

12. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.

13. *Симонов К.М.* От Халкин-гола до Берлина. – М.: ДОСААФ, 1973. – 336 с.

14. *Соловьёв В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 47–580.

15. *Соловьев В.С.* Спор о справедливости // Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 509–521.

16. *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – М.: Высшая школа, 1993. – 527 с.

17. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 635 с.

18. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. – 571 с.

19. *Эразм Роттердамский.* Жалоба мира // Трактаты о вечном мире / Под ред. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. – М.: ИСЭЛ, 1963. – С. 39–65.

ЭКОНОМИКА

УДК 330

Коршакова Инна Викторовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
inna_korshakova@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

В статье рассматривается сущность сбережений, их взаимосвязь с экономическим ростом. Представлен состав и использование денежных доходов населения в РФ за последнее десятилетие. Проведен анализ состояния сберегательного процесса в РФ, выявлены ключевые особенности и роль государственного регулирования.

Ключевые слова: *личные сбережения, экономический рост, денежные доходы, денежные расходы, инфляция, инвестиции, сберегательный процесс, финансовый рынок, государственное регулирование.*

В настоящее время в российской экономической литературе понятие «сбережение» трактуется неоднозначно. Нередко сбережения рассматриваются как часть накопленного имущества или богатства населения [1]. Чаще всего сбережения трактуются как неиспользованная за определенный период времени часть дохода [3]. Порой сбережения сводятся к финансовому потенциалу населения, представленному в качестве временно свободных или резервных денежных средств, которые могут быть использованы в инвестиционных целях [7].

Не игнорируя указанные подходы, тем не менее, они подчеркивают лишь отдельные стороны понятия: в первом случае отмечается накопленный характер сбережений с точки зрения интересов субъектов, а в последнем – их инвестиционная значимость для общества.

Экономическая природа сбережений во многом определяется сферой и характером отношений, выражаемых ими. То, что сбережение является превышением доходов домашних хозяйств над текущим потреблением, не может быть основанием относить их исключительно к распределительным отношениям. Последние составляют лишь один из аспектов сложной совокупности отношений, складывающихся в результате сберегательного процесса. Сбережения населения определяются многофункциональным поведением домашних хозяйств, использованием их доходов.

По своей экономической сущности сбережения населения не сводятся к простому денежному накоплению, хотя во многих случаях они принимают денежную форму. Сбережения не являются просто денежным явлением. Они выполняют присущую только им функциональную роль, выступая источником финансового богатства домашних хозяйств, воплощаемого не только в денежной форме, но и в материальных и нематериальных активах. Текущий объем сбережения населения, а также накопленная часть его финансового богатства являются резервом роста экономики и развития финансовых институтов, инвестиционным потенциалом государства.

Проблема сбережений, источников инвестиций, является актуальной в рыночной экономике России на современном этапе. В международной практике сбережения населения активно вовлекаются в экономику и выступают в качестве инвестиций, устойчивых к конъюнктурным колебаниям. Именно личные сбережения в настоящее время рассматриваются как наиболее реальный резерв для наращивания общего объема финансовых ресурсов государства.

В странах с устойчивой рыночной экономикой личным сбережениям отводится особая роль, поскольку, существует мнение, что экономический рост взаимосвязан с уровнем совокупных сбережений, а сам факт наличия сбережений – признак богатства страны [9]. В связи с этим во многих странах существуют стимулы для создания сбережений, а также созданы механизмы позволяющие аккумулировать и эффективно их использовать в экономике.

Взаимосвязь сбережений и экономического роста подчеркивалась многими экономистами. Так, в соответствии с кейнсианской экономической теорией, при уменьшении денежных средств на руках у населения и их предложении на денежном и финансовых рынках в качестве инвестиций «происходит возрастание общих расходов, что в свою очередь, приводит к оживлению экономики» [4].

 © Коршакова И.В., 2011

По мнению Дж. Кейнса, накопление сбережений не является безусловным благом. Например, если намеченный уровень инвестиций падает, а люди пытаются удержать норму сбережений на прежнем уровне, то потребительские расходы не смогут в достаточной степени компенсировать сокращение совокупного (потребление плюс инвестирование) спроса. Как результат – не проданные товары, падение производства и доходов, рост безработицы. И это будет происходить до тех пор, пока снижение доходов не заставит сберегателей сократить норму сбережений до того уровня, который согласны израсходовать инвесторы. Следовательно, высокая норма сбережений не всегда является необходимым условием для высокой нормы инвестирования.

Согласно классической концепции доход и богатство нации растут примерно в одном и том же темпе, что и запас капитала. Инвестирование способствует накоплению запаса капитала. Отсюда, чем выше норма инвестиций, тем выше темп экономического роста, быстрее увеличивается национальный доход и повышается уровень жизни населения. Уровень инвестиций определяется в основном уровнем сбережений. Общество не может производить капитальные блага, если оно не изымает часть своих ресурсов из производства потребительских благ. Наиболее бережливые люди воздерживаются от немедленного потребления. Они либо сами покупают потребительские блага, либо передают часть своего дохода другим людям, которые это делают сами или через посредников. Поэтому, без сбережений не может быть инвестиций. Стремление сберегать – это главная причина общественного прогресса, а эту склонность людей необходимо поддерживать и развивать.

В России не окончательно сформированы механизмы образования сбережений населения и их трансформации в организованные сбережения, и реальные инвестиции. Механизм образования сбережений населения напрямую связан с процессами формирования и использования доходов населения.

Оценивая общий объем денежных доходов за период с 2000 г. по 2009 г. в РФ можно проследить тенденцию стабильного роста доходов в 7,1 раза, при этом доходы от предпринимательской деятельности выросли в 4,5 раза, социальные выплаты в 7,7 раз, оплата труда наемных работников в 7,4 раза.

Структура использования доходов также претерпела значительные изменения за период с 2000 по 2009 гг. Значительно возросли расходы на приобретение недвижимости в 17,5 раз, прирост финансовых активов в 7,8 раза, расходы на покупку товаров и оплату услуг в 6,6 раза. Наличные денежные средства на руках у населения значительно выросли за период с 2000 по 2007 гг. (в 6,3 раза). Если в 2008 г. наблюдалось резкое падение, то в 2009 г. данный показатель возрос и составил 109,9 млрд.руб. Однако, данный показатель в 7,5 раза оказался меньше величины 2007 г. (819,0 млрд.руб.)

Стоит отметить, что в последнее время увеличивается доходное расслоение граждан. Социально-экономическая дифференциация по доходам неизбежна в силу целого ряда причин: объективных различий в оплате труда, социальных приоритетов поддержки тех или иных видов деятельности, более высоких доходов в предпринимательской среде и т.д. Однако, процессы, происходящие в экономике России и других странах СНГ, характеризуются наиболее острой формой неравенства – поляризацией доходов [10].

Наилучшим образом доходная дифференциация демонстрирует распределение населения по уровню среднедушевых доходов и представляет собой показатели численности постоянного населения, сгруппированные в заданных интервалах этих доходов. Анализ статистических данных за период 2004–2009 гг., представленных Росстатом, показывает, что основной прирост доходов происходит у высокодоходных групп. Так, например, доля населения с доходами свыше 15000 руб. в 2004 г. составляла 6,4%, т.е. 9,1 млн. человек, а в 2009 г. увеличилась до 40,4%, что от общей численности населения составляет 57,2 млн.человек, т.е. более чем в 6 раз.

Явную проблему представляет собой значительная межрегиональная дифференциация населения по уровню доходов. При этом фактор экономического развития региона (благополучный или депрессивный) усугубляется факторами территориального расположения (центральная или периферийная область) и типа поселения (городская или сельская местность). Высокая межрегиональная дифференциация является следствием комплекса причин: – различие в стоимости жизни и объемах потребления тех или иных товаров и услуг в различных местностях; – социально-экономическое развитие региона; – состав внутреннего рынка и регионального рын-

ка труда; – развитость бизнес-среды и рыночной инфраструктуры; – отраслевая и эмпирическая ориентация региона, и соответственно, его инвестиционная привлекательность.

По данным Росстата, самая низкая дифференциация наблюдается в депрессивных районах. Это связано с тем, что здесь в относительном выражении бедных гораздо больше, а богатых гораздо меньше, чем в благополучных районах. В этих регионах практически все население одинаково бедное. К таким регионам относятся Ивановская область, Тверская область, республика Алтай, Усть-Ордынский Бурятский АО.

Самая высокая дифференциация населения по доходам наблюдается в наиболее благополучных регионах – Москве и Тюменской области. С другой стороны, как раз в благополучных регионах самая низкая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. По состоянию за 2009 г. доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Москве составила 10,3%, Тюменской области – 12,3%, в Ивановской области – 22,7%, в республике Алтай – 32,2%. Низкая доля в благополучных регионах объясняется концентрацией в этих центрах наиболее обеспеченных слоев населения. В Смоленской области доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 14,8%.

Экономическая ситуация в стране, государственная политика в отношении доходов населения, отраслевая структура производства в значительной мере определяют уровень, структуру и динамику доходов населения в стране.

За последнее десятилетие в России переход от государственной системы формирования доходов населения и гарантированной системы социального обеспечения всего населения к рыночным принципам формирования доходов граждан вызвал кардинальные изменения во всей системе доходов. Особенностью современной России является и то обстоятельство, что получатели средней заработной платы вынуждены тратить на питание больше половины ее размера, что негативно сказывается на возможности накоплений. Финансовый кризис в 2008 г. существенно повлиял на сберегательное поведение населения, что нашло отражение в снижении тенденций к росту вложений в организованные формы и оттоком капитала из банков, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, что свидетельствует о снижении доверия к организованным финансовым структурам.

Кроме этого, необходимо отметить еще один важный фактор, который оказывает существенное влияние на динамику сбережений – индекс потребительских цен. При снижении инфляции – склонность к сбережениям растет и наоборот, при росте инфляции – склонность к сбережениям падает, что свидетельствует о действии основного психологического закона, открытого Дж. Кейнсом.

Важная часть сберегательного процесса – субъекты финансового и кредитно-денежного рынка, которые перераспределяют сбережения в инвестиции для развития общества через механизм спроса и предложения [6].

Исторически первыми рыночными институтами, выполняющими функцию трансформации сбережений в инвестиции, являлись банки. Аккумулируя с помощью депозитных операций большое количество различных по объему сбережений населения, банки осуществляют их количественную и качественную трансформацию, создавая колоссальные дополнительные финансовые ресурсы для развития экономики.

Следует отметить, что рынок банковских депозитов сегодня является наиболее динамично развивающимся сегментом российского рынка банковских услуг. И прежде всего это связано с развитием рынка вкладов населения. Коммерческие банки продолжают оставаться основными «сборщиками» сбережений населения и основными поставщиками долгосрочных инвестиционных ресурсов. Несмотря на то, что доходность по банковским вкладам не превышает уровень инфляции, банковские вклады для большинства населения остаются самым популярным видом вложений.

По состоянию на 1 января 2011 г. действующих кредитных организаций, зарегистрированных Банком России, составляет 1012 единиц. Если рассматривать в разрезе по федеральным округам, то необходимо отметить, что 585 кредитных организаций или 57,7% от общего количества размещены в Центральном федеральном округе, в т.ч. 525 (51,9% от общего количества) организаций в г. Москва и Московской области.

По данным на 01.01.2011 объем размещенных средств населения во всех кредитных организациях, зарегистрированных Банком России, превысил 9818 млрд. рублей. Доля ЦФО в общем

объеме вкладов физических лиц составляет 45,8% (3625 млрд. рублей), при этом доля г. Москва в общем объеме занимает 31,5% (2491 млрд. рублей).

Кроме г. Москва, по объему вкладов физических лиц в ЦФО также лидирующие позиции занимает Московская область – 371,1 млрд. руб. (10% от объема вкладов ЦФО), Воронежская область – 137,8 млрд. рублей (3,7%). Самый низкий объем вкладов из регионов ЦФО в Костромской области – 28,4 млрд. рублей (доля в ЦФО 0,78%). По состоянию на 01.01.2011 г. объем вкладов физических лиц в Смоленской области составил 32,3 млрд.рублей (0,9% в объеме вкладов ЦФО). Если рассмотреть объем вкладов на душу населения, то необходимо отметить, что первое место (не учитывая г. Москва, где на душу населения объем вкладов составляет 235843 рублей) занимает Воронежская область (60943 руб.), второе место Московская область (54948 руб.). Самый низкий объем вкладов на душу населения составляет в Брянской области – 23849 руб. В Смоленской области этот показатель составляет 33424 руб., в Костромской области – 41351 руб.

Альтернативными инструментами сберегательного процесса, обеспечивающими трансформацию сбережений в систему инвестиционных ресурсов, являются инструменты фондового рынка. В России получили широкое распространение институциональные инвесторы фондового рынка: паевые инвестиционные фонды и общие фонды банковского управления.

Паевые инвестиционные фонды – это инструмент коллективного инвестирования, с помощью которого физические и юридические лица передают свои средства управляющей компании с тем, чтобы она вложила их в ценные бумаги для получения прибыли.

Преимуществами инвестиционных фондов явились диверсификация и страхование рисков, профессиональное управление, надежность и информационная открытость, низкие транзакционные издержки и затраты инвестирования, возможность выхода мелким инвесторам на фондовый рынок, высокая доходность инвестиционных фондов, жесткий контроль со стороны государства, высокая ликвидность пая и особый льготный режим налогообложения.

За первое полугодие 2010 г. совокупная стоимость чистых активов ПИФов увеличилась на 0,4% до 382,4 млрд.руб. (за аналогичный период 2009 г. возросла на 19,9%) [5].

Другим финансовым институтом фондового рынка, привлекающим сбережения частных граждан, являются общие фонды банковского управления. Они представляют собой расширенную форму доверительного управления, которая выражается в объединении имущества многих учредителей с целью эффективного управления на финансовом и фондовых рынках. Общие фонды банковского управления как институт фондового рынка зарождались одновременно с паевыми инвестиционными фондами. Однако, финансовые кризисы 1998 г., 2008 г., приостановили деятельность общих фондов банковского управления. Но в последнее время наметилась тенденция развития данного инструмента. Так по данным Центрального Банка России в первом полугодии 2010 г. результаты деятельности общих фондов банковского управления свидетельствуют о начале восстановления интереса инвесторов к данному инструменту. Стоимость чистых активов общих фондов банковского управления возросла на 8,2% до 6,6 млрд. руб., тогда так в аналогичный период 2009 г. она снизилась [5].

Также финансовым институтом, который необходимо отметить, являются негосударственные пенсионные фонды.

Негосударственный пенсионный фонд представляет собой специализированную некоммерческую организацию социального обеспечения, задачей которой является формирование пенсионного обеспечения для ее участников.

С момента создания в начале 90-х годов Пенсионного фонда РФ – специального финансово-кредитного учреждения, основной функцией которого является финансирование выплаты всех видов государственных пенсий, в России началась эпоха реформирования системы пенсионного обеспечения, в ходе которой изменялся порядок финансирования, частота, размеры пенсий и индексаций, правовой статус всех участников пенсионного страхования. Негосударственные пенсионные фонды осуществляют деятельность на основании Федерального закона N75-ФЗ от 07.05.1998 «О негосударственных пенсионных фондах».

По состоянию 01.01.2010 г. число негосударственных пенсионных фондов составило 165 ед., по сравнению с 2000 г. их количество сократилось на 37%. При этом численность участников системы негосударственного пенсионного обеспечения увеличилась в 2 раза и по итогам 2009 г.

составила 6757 тыс.человек. Необходимо отметить, что доля получателей негосударственной пенсии от общей численности пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, составляет всего 3,3% [8]. Это свидетельствует о низком уровне использования данного финансового инструмента. Связано это с особенностями формирования российской пенсионной системы.

Формирование традиций, привычек работы с инвестиционными инструментами приобретает особое значение в условиях развивающихся финансовых рынков. В современной России в целом, и Смоленском регионе в частности, объем неорганизованных сбережений значительно превышает размеры организованных сбережений населения. Так, исследование, проведенное «Агентством по страхованию вкладов» совместно с ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», показало, что на вопрос о предпочтительных формах сбережения 21% респондентов ответили «храню в наличных рублях». Второе место принадлежит счетам и вкладам в банке (12%), а третье – накоплениям в наличной валюте (3%). В 2007 году наиболее распространёнными ответами на аналогичный вопрос являлись: наличные рубли (26%), счета и вклады в банке – 11%, вложение в развитие собственного бизнеса (2%).

Сила привычек, уровень образования, преобладающие в настоящее время, и прошлый опыт оказывают серьезное влияние на выбор инструментов и способов использования сбережений населения.

Анализ состояния сберегательного процесса в России за период 2000–2009 гг. позволяет сделать следующие выводы:

– существенная дифференциация доходов населения;

– определенная часть населения имеет предпосылки для накопления денежных средств;

– под влиянием инфляции люди рассматривают различные формы сбережения;

– подавляющая часть свободных средств населения остается в неорганизованной форме;

– вследствие финансовых кризисов произошло существенное снижение доверия населения к банковской системе России;

– на сберегательный процесс влияет низкая информационная осведомленность населения о возможностях диверсификации накоплений.

Институциональные основы сберегательного процесса в странах с развитой рыночной экономикой характеризуется постоянным ростом разнообразия и усложнения форм сбережений, что оказывает большое влияние на развитие и совершенствование самого механизма трансформации сбережении населения в инвестиции. В результате становится возможной реализация как макро-, так и микроэкономических функций сбережений, причем эффективность их реализации зависит от четкого определения и согласования интересов и мотивов всех участников сберегательного процесса [2].

Система сбережений является открытой системой, развивающейся, самоприспосабливающейся с изменяющейся совокупностью финансовых институтов. Поэтому наличие того или иного института в национальной системе сбережения не является раз и навсегда заданным, институты сливаются, трансформируются, возникают новые. Поэтому, государственному регулированию отводится приоритетная роль в создании условий для формирования, привлечения личных сбережений в организованные формы и их трансформации в инвестиции для обеспечения устойчивого экономического роста страны и улучшения качества жизни населения.

Библиографический список

1. *Балабанов Т.И.* Финансы граждан. – М., 1995. – С. 15.

2. *Каврук Е.С.* Сбережение населения и инвестиционный процесс. Условия развития частного инвестирования в России // Российское предпринимательство. – 2010. – №9. – С. 29–32.

3. *Кашин Ю.* Финансовые активы населения (сбережения): подход к оценке уровня жизни // Вопросы статистики. – 1998. – №19. – С. 44.

4. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 1999. – 352 с.

5. Обзор финансового рынка. Первое полугодие 2010 г. – № 2 (69).

6. *Пешехонов Ю.В.* Взаимоотношения населения с финансово-кредитной системой в условиях становления рыночной экономики // Финансы. – 2003. – №3. – С. 55–58.

7. *Плышевский Б.* Сбережения и инвестиции в российской экономике периода реформ // Экономист. – 2003. – №2. – С. 43.

8. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат.сб. / Росстат. – Р76. – М., 2010. – 813 с.

9. *Сакс Дж.Д., Ларин Ф.Б.* Макроэкономика. Глобальный подход: Пер. с англ. – М.: Дело, 1996. – 760 с.

10. *Севрюкова С.В.* Роль сбережений в развитии инвестиционных процессов // Управленческий учет. – 2009. – №2. – С. 98–102.

Лягушев Георгий Евгеньевич
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА В СТРУКТУРЕ МАКРОЭКОНОМИКИ

В статье осуществлена постановка проблемы расширения макроэкономической теории за счёт включения в её структуру военной экономики (на основе политэкономического подхода).

Ключевые слова: *макроэкономика, военная экономика, военная услуга, политико-экономический подход.*

Военная экономика – термин, появившийся в результате исторического времени. Но сегодня экономическое время начинает превалировать. В силу этого обстоятельства понятие «военная экономика» пополняется иным содержанием. Так, например, Ю.Н. Колов утверждает, что рождение финансовой и корпорационной систем монополистического типа неумолимо повлекло за собой становление других экономических систем: *агрессивной* военной экономики (выделено нами. – *Г.Л.*), межотраслевой национальной экономики, международной экономики колониального типа.

Наряду с новыми экономическими системами продолжает своё развитие индивидуальная частнособственническая предпринимательская экономика, но уже как компонент смешанной экономики. В силу экономических законов, закономерностей, противоречий смешанная экономика перешла постепенно на второй уровень своей эволюции. Возникли и развивались экономические системы, являющиеся одновременно составными частями смешанной экономики второго уровня. Это адаптационная корпоративная экономика, адаптивная суперфинансовая система, демократическая государственная экономика, социальная рыночная экономика, военная экономика стратегического паритета, транснациональная экономика, индивидуальная частная экономика возрождённого малого бизнеса, национальная экономика межрегионального типа. На второй фазе эволюции смешанной экономики возникла экономика государственного социализма как квазисмешанная экономика как естественное продолжение экономики Востока. Её крушение произошло на заключительном этапе эволюции смешанной экономики второго уровня. Появились тренды будущей смешанной экономики третьего уровня, экономические системы которой лишь только зарождаются. Это будет *смешанная экономика инновационного типа*. Её составными частями станут следующие экономические системы: прекреативная корпорационная экономика, инновационная финансовая система, государственная экономика развития инноваций, индивидуализированная экономика, глобальная корпоративная экономика, этническая национальная (этногражданская) экономика. социальная гражданская экономика, экономика гражданской и цивилизационной безопасности.

Гражданская и цивилизационная безопасность, по сути, есть военная безопасность государства с социально-ориентированным способом производства. Другими словами, формирование социально-ориентированной смешанной экономики с элементами рыночной инфраструктуры возможно лишь при условии обеспечения военной безопасности российского государства.

Важно отметить, что тенденция социализации экономической системы характерна для всех ведущих индустриальных стран мира. Она обусловлена, с одной стороны, общей высокой степенью их хозяйственного развития (создающей материальные возможности для поддержания современных стандартов качества жизни населения), с другой, – необходимостью использования высококвалифицированной рабочей силы как ключевого условия экономического роста и достижения мирохозяйственной конкурентоспособности национальной экономики, переходу к инновационному типу воспроизводства, основанному на потенциале интеллекта, образованности и творчества людей. В полном объёме эти проблемы актуальны и для нынешнего этапа развития Российской Федерации.

© Лягушев Г.Е., 2011

В области военного строительства эта тенденция проявляется в необходимости обеспечения нового качества кадрового потенциала ВС РФ. Это связано: с решением первоочередных задач управления обороноспособностью государства; перевооружением на военно-технические системы 4–5-го поколений, кардинальным образом изменяющих стратегию, оперативное искусство, тактику, структуру войск и сил флота; значительным повышением роли человеческого фактора, в первую очередь, профессиональных военнослужащих, в условиях изменения принципов комплектования Вооружённых Сил; решением ряда других задач, перечень которых выходит за пределы настоящей работы.

Перечисленный комплекс вопросов (далеко не исчерпывающий) традиционно входил в круг проблем так называемой военной экономики. Однако по мере изменения мира и развития экономической науки внимание исследователей всё чаще стали привлекать военно-экономические аспекты современного состояния национальной безопасности страны.

Под термином «военная экономика» традиционно принято понимать систему знаний о закономерностях обеспечения военных потребностей страны материальными ресурсами. Военную экономику можно трактовать как систему экономического обеспечения военных потребностей, порождённых войной или подготовкой к войне. Необходимость удовлетворения военных потребностей товарами и услугами, производимых в процессе воспроизводства благ, привела к возникновению особого вида экономической деятельности, который можно назвать термином «хозяйство на войну», то есть хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками. Военная экономика всегда имеет определённую социальную форму, то есть существует система производственных отношений, играющая важную роль в создании и использовании средств вооружённой борьбы. Поэтому можно утверждать, что военная экономика есть система воспроизводственных сил и производственных отношений, предназначенная для экономического обеспечения войны и подготовки к войне, а военно-экономическая теория – это один из важнейших разделов общей экономической теории. Военно-экономическая теория или военная экономика как наука исследует все фазы воспроизводства, связанные с войной или подготовкой к войне. Это непосредственно хозяйство на войну, то есть производство (создание продукции военного назначения). Это распределение (процесс связанный с формированием определённых фондов за счёт стоимости военной продукции). Это также процесс обмена – экономического движения материальных и финансовых ресурсов, необходимых для производства боевой техники и вооружения и другой продукции, обеспечивающей нужды национальной обороны. Это, наконец, и потребление данной продукции вооружёнными силами. В свою очередь, вооружённые силы создают продукт, потребляемый государством – услуги по обеспечению военной и экономической безопасности как элементов безопасности страны. Военная экономика как составная часть экономической теории, в нашем понимании, исследует не экономические проблемы коалиционной войны, принципы военно-экономического сотрудничества, не изучает экономические возможности вероятного противника, состояние и тенденции развития его военно-экономического потенциала, степень приспособленности его экономики к войне и подготовке к войне. В силу отмеченного, военная экономика должна быть рассмотрена как важнейший элемент экономической структуры цивилизации. В военно-экономической системе происходит слияние интересов гражданских и оборонных отраслей. Их деятельность направлена не только на производство особого продукта – военной продукции, но и на создание специфической услуги по обеспечению экономической безопасности страны. Это специфический продукт. Его нельзя отнести ни к потребительским товарам, ни к инвестиционным товарам. Это продукт особого рода. Его полезность – это способность обеспечить национальную оборону, национальную безопасность. Необходимо отметить ещё один важный момент. До начала XX века воспроизводство боевой техники и вооружения не было постоянным и непрерывным процессом. Такой процесс воспроизводства возникал лишь во время проведения войн или в период непосредственной подготовки к войне. Поэтому военная экономика не могла выступать самостоятельной экономической системой. Только XX век внёс существенное изменение: война или подготовка к войне стала неотъемлемым элементом экономической жизни человечества. Соответственно ВПК стал важнейшим элементом экономики. Всё это означало

возникновение новой экономической системы как смешанной экономики, включающей в себя военную экономику.

Развитие военной экономики проявилось, в первую очередь, как милитаризация экономики. Она тесно связана с процессом присвоения государством возрастающей доли национального продукта через государственный бюджет. Без возрастающей экономической роли государства невозможно развитие военной экономики как самостоятельной экономической системы. Основой милитаризации экономики является военно-промышленный комплекс. ВПК – это особое подразделение общественного производства. ВПК – это подсистема общественного хозяйства, основанная на взаимодействии и взаимосвязи военных и гражданских отраслей. В организационном плане, ВПК состоит из десятков крупнейших и десятков тысяч средних и мелких фирм. Они теснейшим образом связаны между собой густой сетью кооперации, организационных, финансовых, научно-технических и других отношений. Деятельность этих фирм находится под сильным воздействием генералитета и государственной бюрократии, определяющих основные цели и направления военно-экономической политики. Фирмы и корпорации, производящие оружие, находятся либо в государственной собственности, либо работают на военные заказы государства. Госзаказы на вооружение – разновидность госзаказа. Такой рынок возник давно, и он обычно обособлен от других заказов. Обычно эти заказы получают самые мощные, сильные, крупные предприятия. Так, 500 крупнейших фирм США на 80–90% работают на госзаказы. В США на него приходится 1/3 внутреннего рынка. Фирмы и корпорации, производящие оружие, находятся в условиях льготного финансирования. Созданы весьма благоприятные условия для самовозрастания частного капитала в военной сфере. Особенно большие выгоды от милитаризации экономики на монополистической стадии смешанной экономики получили монополии и финансовый капитал. Все расходы по милитаризации покрывались за счёт средств госбюджета, а монополисты имели подавляющую часть государственных военных заказов.

На наш взгляд, указанное выше определение военной экономики акцентирует внимание на своевременном и в полном объёме удовлетворении нужд войск и сил флота и как нельзя лучше соответствует, например, разработке вопросов финансового обеспечения армии. В тех же случаях, когда анализу подлежат экономические проблемы предотвращения военной опасности и обеспечения военного паритета не только в настоящее время, но и в исторически обозримой перспективе, данное определение оказывается недостаточным. Поэтому оговорим особо, что в содержании настоящей работы словосочетание «военно-экономический аспект» соответствует, скорее, буквальному смыслу слов «военно-макроэкономический аспект». А именно, нас будут интересовать проблемы ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ России, возникающие в связи с происходящей на наших глазах эволюцией экономик развитых стран. Мы имеем в виду проблему соответствия темпов и характера технико-экономического развития России «эталонным траекториям развития» (С.Ю. Глазьев) экономик развитых стран.

Проблематика военной экономики весьма обширна. Объективность обширности проблематики определяется нижеследующим. Во-первых, термин «военная экономика» применяется для обозначения военной экономики как объективной реальности и как отрасли знаний, науки, в которую входят общая теория военной экономики и конкретные функциональные и отраслевые военно-экономические дисциплины. Есть и другие определения военной экономики. В одном случае она рассматривается как специфическая часть народного хозяйства, в другом – как специфическая часть общественного пространства, в третьем – как совокупность производственных сил и экономических отношений. Подчиненных обеспечению военных потребностей (см.: Большая советская энциклопедия. – Т. 29. – С. 603; Советская военная энциклопедия. – Т. 8. – С. 567; Экономическая энциклопедия. – Т. 29. – С. 439). Подобные определения по своей сути идентичны. Есть также определение военной экономики как особого качественного состояния всей экономики, когда она подчинена удовлетворению потребностей войны, переведена на военный лад. Подобное явление имело место в мировых войнах в основных воюющих государствах.

Системный подход к военной экономике позволяет дать следующее её определение: военная экономика есть специфическая военно-хозяйственная система, которая охватывает производство, распределение, обмен и потребление оружия и других предметов и услуг военного назна-

чения, материально обеспечивая поддержание военной безопасности государства.

Предметом военной экономики как науки являются военно-экономические отношения. Она выясняет сущность этих отношений, свойственный им причинно обусловленные связи и выражения их в системе научных категорий и законов. Военно-экономические отношения неизначальны, они возникают и развиваются на основе данного экономического базиса, под воздействием международных отношений, военно-политических целей и военно-экономических потребностей государства. Производственный характер военно-экономических отношений особенно отчётливо выступает в условиях перехода от одного экономического строя к другому, от мирного к военному периоду, от гонки вооружений к разрядке напряжённости. Так, реформирование экономики России сопровождается существенным изменением системы её военно-экономических отношений.

Структуру военно-экономических отношений можно рассматривать в различных аспектах. В функциональном аспекте выделяют четыре фазы: фаза военного производства, фаза распределения, фаза обмена (обращения) и фаза потребления. В системном плане различают две группы отношений: отношения в самой военной экономике, отношения между военной и гражданской экономикой. Существенными особенностями обладают также внутригосударственные, межгосударственные, региональные и глобальные военно-экономические отношения. Кратко остановимся на некоторых группах военно-экономических отношений названных структурных аспектов.

В функциональном аспекте на первый план выступают отношения производства. Они составляют сердцевину военно-экономических отношений. В узком смысле слова военное производство означает производство *конечной военной продукции*, под которой понимают продукцию, поступающую в войска и потребляемую ими. Производство конечной продукции играет определяющую роль по отношению к её распределению, обмену и потреблению. В тоже время военное производство является главным структурным звеном военной экономики, ибо количество и качество производимого оружия и другой военной продукции определяют возможные масштабы военного потребления, систему снабжения войск и деятельность Тыла Вооружённых Сил как связующих звеньев между военным производством и конечным военным потреблением. В силу этого исследование отношений в сфере военного производства имеет ключевое значение для познания отношений в других звеньях военной экономики и оптимизации военно-экономического процесса.

Военное производство следует рассматривать и в более широком смысле слова, охватывая наряду с производством конечной военной продукции также производство средств производства и предметов потребления для работников, занятых в военной сфере. Такой подход к военному производству позволяет рассмотреть всю совокупность военно-производственных отношений, выявить его полный объём.

Военное производство выступает на первый план и в системном подходе к структуре военно-экономических отношений. При этом оно рассматривается и в ином аспекте – во взаимосвязях его с гражданским производством, что позволяет поменять механизм военно-экономической мобильности и готовности, проблемы мобилизации экономики, её конверсии и реконверсии, а также конверсии военного производства.

Функциональный аспект структуры военно-экономических отношений наряду с отношениями производства выявляет также и отношения распределения, обмена (обращения) и потребления предметов военного назначения, продолжающие и завершающие военно-экономический процесс. Конечный военный продукт получает своё завершение в руках воинского подразделения или конкретного воина, в их потреблении (боевой учёбе, вооружённой борьбе), которое выявляет и реализует общественную полезность танка, самолёта, артиллерийского орудия. Конечный результат военного потребления в мирное время выражается в определённом уровне военной мощи и боеготовности, а в военное время – в победах или поражениях на поле боя. Эти процессы происходят в войсках, а обслуживающие звенья военной экономики являются их структурными подразделениями. Исследование данных групп военно-экономических отношений является теоретической основой для экономического анализа учебной и боевой деятельности войск, непременным условием повышения её эффективности. Более конкретно ими занимаются экономика Вооружённых Сил и теория Тыла Вооружённых Сил.

Маньковский Вадим Анатольевич
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В РЕГИОНЕ

В статье анализируются проблемы управления земельными ресурсами в регионе и обосновываются предложения по повышению эффективности предоставления государством услуг по управлению земельными ресурсами.

Ключевые слова: *регион, услуги, земельные ресурсы, управление.*

Среди проблем управления земельными ресурсами в регионе выделим проблему возрастающей потребности качественной оценки рыночной стоимости земельных участков. Услуга по удовлетворению этой потребности имеет высокую востребованность при кредитовании, получении наследства, решении имущественных споров, разделе имущества, приватизации, продаже и покупке земельных участков, составлении бизнес-планов, выкупе земельного участка из частной и муниципальной собственности. При этом только органы государственной власти владеют всей необходимой информацией для анализа обременении, улучшений, планов дальнейшего развития в окрестностях оцениваемого земельного участка, геологического состояния. Данный факт может существенного снизить стоимость оценки и повысить

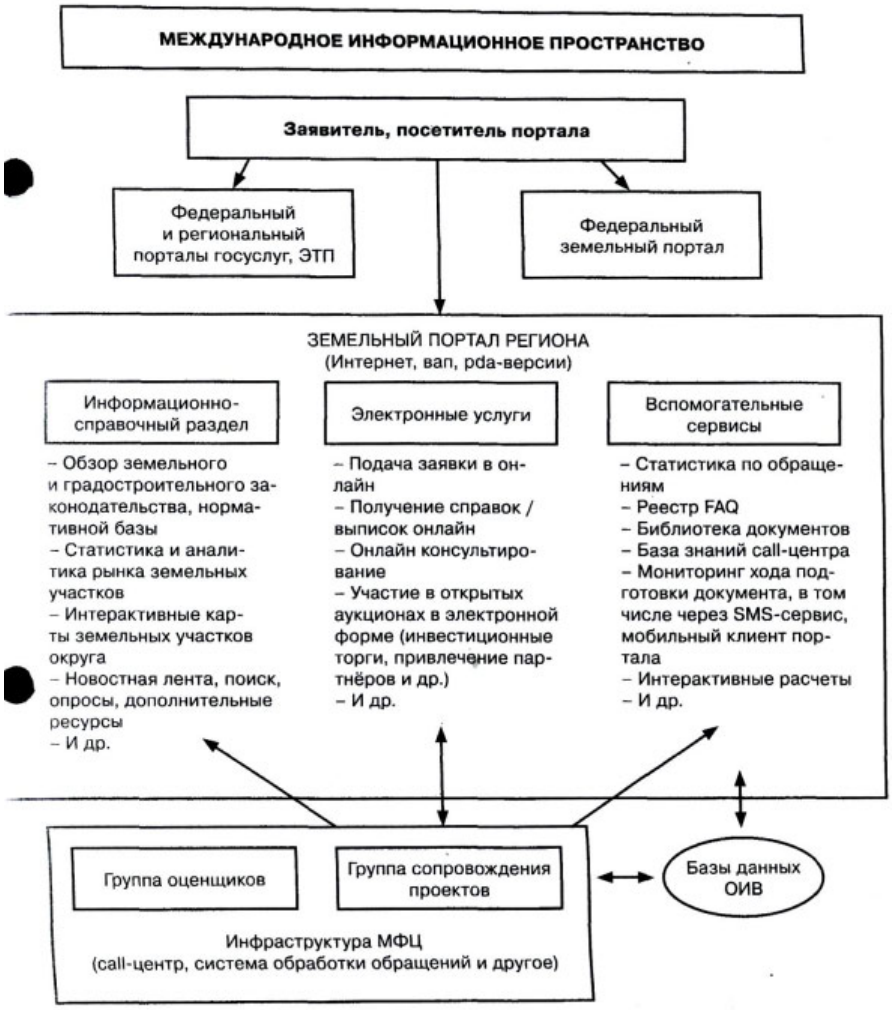

Рис. 1. Модель единого земельного портала региона

© Маньковский В.А., 2011

её адекватность, доступность, в том числе для населения и субъектов малого бизнеса, что поможет развитию земельного рынка, формированию, унификации сведений и баз данных о рынке земельных участков, недвижимости региона и Российской Федерации. Поэтому целесообразно создать специализированную структуру, занимающуюся профессиональной оценкой рыночной стоимости земельных участков и имущественных прав и которая позволит упростить процедуру оценки для заявителя и сократить её сроки, поддержать развитие рынка земельных участков и недвижимости, повысить уровень информационного обеспечения органов власти и заявителей для принятия управленческих решений по результатам оценки.

Для предоставления комплексных услуг по управлению земельными ресурсами необходимо создание единого *земельного Интернет-портала региона* (рис. 1). Такой портал должен стать универсальным инструментом управления земельными ресурсами региона, получения государственных услуг по земельным вопросам по принципу «одного окна», единой точкой доступа к распределённым информационным ресурсам и площадкой для взаимодействия поставщиков данных и пользователей. Ключевой особенностью земельного портала является обеспечение свободного доступа к аналитической и справочной информации о земельных ресурсах региона. Портал должен предоставить возможность ознакомления с состоянием рынка земельных участков, нормативно-правовой базой, регулирующей земельные отношения.

Частью портала должны быть электронные карты, обеспечивающие геовизуализацию информа-

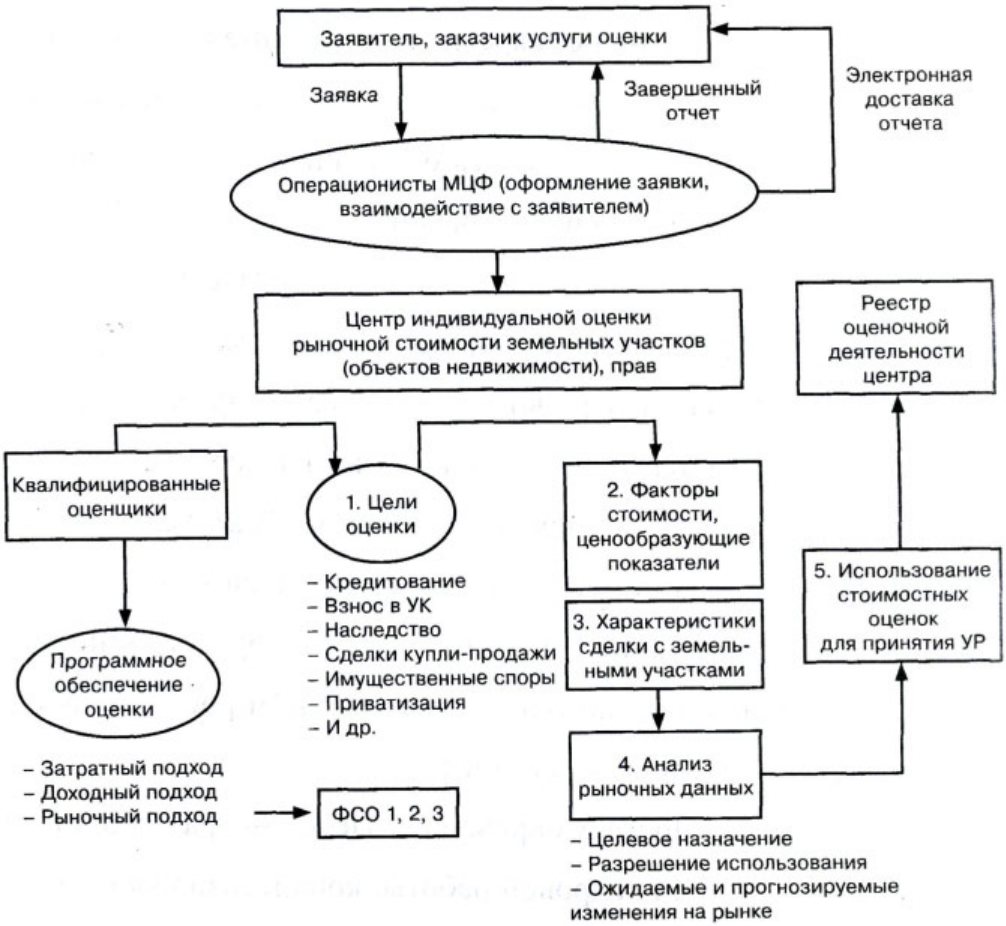

Рис. 2. Модель предоставления государственной услуги по оценке рыночной стоимости земельных участков, имущественных прав [3, с. 38]

ции о правилах застройки, функциональном зонировании, существующих, строящихся, проектируемых инженерных сетях и объектах инженерной инфраструктуры. Однако геоинформационная система может быть лишь средством пространственной интеграции и визуализации данных информационно-аналитической системы, единой точкой входа в информационное пространство* с однократной идентификацией пользователя.

Кроме того, земельный портал должен предоставить электронные сервисы от получения консультации по порядку выдачи документов до подачи в электронном виде и онлайн-режиме заявления, запроса на оказание госуслути по земельным вопросам (оформление и регистрация прав собственности и аренды земельных участков, решение вопросов о выделении земли для предпринимательства, вопросы формирования и осуществления земельных платежей). Централизация информации на портале позволит также более эффективно осуществить государственный учёт земель и мониторинг их состояния, надзор за правильностью их использования. Автоматизация процессов обеспечит также информирование о ходе подготовки документа на электронную почту или мобильный телефон заявителя.

Портал восполнит недостаток информационно-аналитических ресурсов по вопросам состояния рынка земельных ресурсов, а также регулирования земельных отношений. Кроме того, будет реализована возможность получения государственных услуг по земельным вопросам в круглосуточном онлайн-режиме. Портал обеспечит сбор разнородной информации из различных источников и визуализирует её на «одном экране». Для построения единого информационного и экономического пространства Российской Федерации, активизации процессов привлечения инвесторов целесообразно также интегрировать информацию о конкурсах инвестиционных проектов, земельных аукционах на федеральном земельном портале.

Предложение о создании специализированной структуры по оценке рыночной стоимости земельных участков возможно реализовать на основе создания многофункционального регионального центра (МРЦ) обслуживая население по принципу «одного окна».

Решать данные проблемы необходимо с помощью интеграции соответствующих информационных потоков, программ, услуг и данных в активно создаваемых в настоящее время по всей стране *многофункциональных региональных центрах (МРЦ)* обслуживания населения и организаций по принципу «одного окна». МРЦ призваны снизить совокупные издержки взаимодействия органов власти с населением и организациями, выраженные во временном и стоимостном эквиваленте. При этом командирование специалистов различных организаций, широко практикующееся при создании МРЦ, не может дать существенного эффекта. Необходимы новые информационные модели для предоставления комплексных государственных услуг, в том числе в сфере управления земельными ресурсами. Для этого актуальна разработка эффективных моделей государственного и муниципального управления на основе маркетинговых, финансовых, логистических, инновационных, информационных технологий, используемых в едином информационном пространстве. Положительный эффект масштаба достигается за счёт централизованного построения необходимой для этого инфраструктуры МРЦ, в которую и встраиваются разработанные модели по различным направлениям и сферам. В основу МРЦ можно положить модель, отображенную на рисунке 2.

Таким образом, эффективное использование инфраструктуры МРЦ и создание специализированных подразделений и земельного портала обеспечат интеграцию процесса согласования документов на оформление земельных участков для строительства, а также позволят разработать новые модели процессов управления земельными ресурсами. Комплексный анализ и представление нормативных сроков согласования позволят оптимизировать процессы, смоделировать последовательно-параллельные схемы и создать композитные услуги. Конечной целью и критерием оптимизации этих процессов следует считать повышение уровня комфортного проживания населения на конкретной территории за счёт более эффективного контроля и использования земельных ресурсов.

Примечание

* Для построения инфраструктуры пространственных данных (ИПД) необходимы анализ международного информационного пространства, изучение зарубежного и российского опыта. Например, на национальном американском геопортале «Уан-стоп» (www.geodata.gov) реализуется

принцип «единого прилавка большого супермаркета» с сотнями тысяч наборов данных. На испанских геопорталах реализовано разделение данных различного уровня. К примеру, на национальном геопортале Испании IDEE ИПД представлена трёхмерная визуализация данных, детальные данные вплоть до пятитысячного масштаба – на геопортале Наварры, а на геопортале Памплоны, центра автономии Наварра, пользователю доступны топоплан на подложке ортомозаики с конурами функционального зонирования городской территории, мобильные сервисы. Линимальный набор сервисов определяется Директивой 2007/2/ЕС Европейского арламента и Совета Европы от 14 марта 2007 г. по созданию инфраструктуры пространственной информации ЕС (INSPIRE). Сервисы геовизуализации должны как минимум предоставлять возможности просмотра данных, навигации, скроллинга, масштабирования и оверлея данных, а также отображения легенд карт и информации метаданных. Из отечественного опыта интерес представляют ИПД на геопорталах Самарской области (www.geosamara.ru) и Уральского федерального округа (www.geourfo.ru).

Библиографический список

1. *Иванов В.В., Коробова А.Н.* Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий. – М.: Инфра-М, 2010.

2. Барьеры на этапе разработки и согласования предпроектной и проектно-сметной документации на строительство: результаты исследования [Электронная версия]. – Режим доступа: www.giac.ru.

3. *Иванов В.В., Коробова А.Н., Жилин К.А.* Управление земельными ресурсами по принципу «Одного окна» // Менеджмент в России и за рубежом. – 2010. – №6. – С. 35–42.

УДК 331.5:330.1

Миропольский Дмитрий Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТИМУЛИРУЮЩЕЙ И РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

В статье на основе двухсекторной модели хозяйственной системы исследуются эффекты стимуляции, мобилизации и их взаимодействия. На основе взаимодействия данных эффектов решается вопрос о сравнительной эффективности рыночной и плановой экономик, моделируется переход России к рынку и степень его успешности.

Ключевые слова: *рынок, план, базовый сектор, пионерный сектор, эффект стимуляции, эффект мобилизации.*

Под хозяйственной системой в ее наиболее простой и абстрактной форме мы понимаем продукт. Конечно, продукт не в обычной трактовке (как результат производства), а продукт как процесс производства и потребления. [2]. Представим производимый продукт в виде следующего графика (рис. 1).

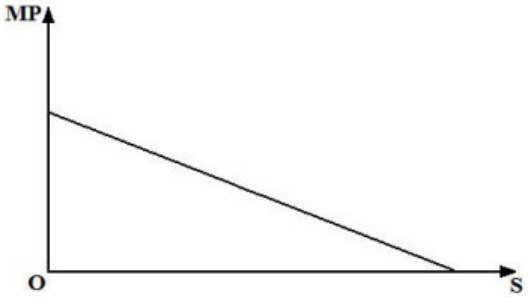

Рис. 1. Производимый продукт

На рисунке 1 по оси X располагаются абстрактные хозяйственные субъекты (S). На оси У обозначаются предельные продукты производства этих субъектов (MP). Видно, что первый субъект имеет самый большой продукт производства, последний – самый маленький. Причины этой неравномерности будут разъяснены ниже.

Потребляемый продукт изобразим с помощью рисунка 2.

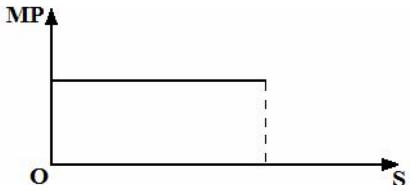

Рис. 2. Потребляемый продукт

© Миропольский Д.Ю., 2011

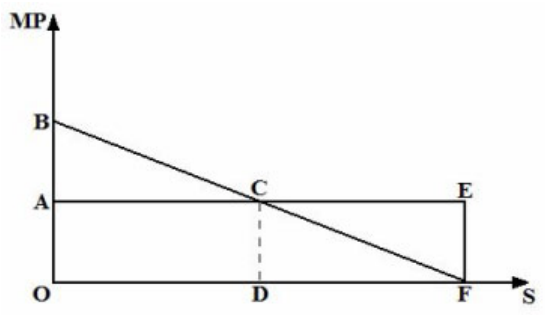

Рис. 3. Продукт как процесс производства и потребления

На рисунке 2 на оси X расположены те же самые хозяйственные субъекты, что и на рисунке 1. На оси У обозначены предельные продукты их потребления (MP'). Видно, что предельные продукты потребления у всех субъектов системы одинаковые.

Так как хозяйственная система есть продукт как единый процесс производства и потребления, совместим графики рисунков 1 и 2 (рис. 3).

На рисунке 3 треугольник OBF – производимый продукт (результат), прямоугольник OAEF – потребляемый продукт (затраты). Так как сумма затрат у всех субъектов рассматриваемой экономики одинаковая, то соотношение затрат и результатов показывает результаты на некую условную единицу затрат. Ведь не важно считать результаты на рубль затрат или на миллион рублей. Важно, чтобы рубли и миллионы были у всех одинаковыми. Посмотрев с этой точки зрения еще раз на рисунок 3 можно увидеть, что абстрактная хозяйственная система распалась на два сектора: сектор OBCD и сектор DCEF. В секторе OBCD результаты деятельности субъектов экономики по стоимости превышают затраты, а в секторе DCEF – наоборот. Такое различие возникает в следствие того, что при одинаковых затратах, у всех субъектов системы разные результаты. Они снижаются по мере движения от точки O к точке F.

Снижение результатов при одинаковости затрат возникает в силу того, что субъекты на оси X расположены в определенном порядке. В начале системы координат расположены хозяйства, производящие сугубо базовые продукты; около точки F – хозяйства, производящие сугубо пионерные продукты; посередине – субъекты, производящие продукты, которые по разному сочетают в себе моменты базовости и пионерности.

Под базовыми продуктами мы понимаем продукты необходимого жизнеобеспечения. Так как это продукты жизнеобеспечения, то, во-первых, люди отладили технологии их производства и научились производить в большем количестве, во-вторых, в процессе потребления полезность этих продуктов высокая. Эти два обстоятельства и приводят к тому, что результаты при их производстве превышают сумму затрат.

Пионерные продукты, напротив, осваиваются в хозяйственной системе впервые и в комплект необходимого жизнеобеспечения они не входят. В результате продуктивность при их производстве низкая, и полезность при потреблении так же низкая. Поэтому результаты при производстве пионерных продуктов оказываются ниже условной единицы затрат. При этом надо сразу оговориться, что пионерные продукты более широкое понятие, чем инновация и вообще научно-технический прогресс. Допустим, некая захолустная страна решила освоить продукт, который она никогда раньше не производила. Этот продукт будет для нее пионерным. В мировом же масштабе он производится давно и инновацией не является.

Вернемся к рисунку 3. В секторе OBCD производятся базовые продукты с разной степенью включенности моментов пионерности. Мы можем называть этот сектор пионерным. В секторе DCEF производятся пионерные продукты с разной степенью включенности моментов базовости. Этот сектор мы называем пионерным.

Видно, что пионерный сектор несамодостаточен. Для хотя бы простого воспроизводства ему необходимы дополнительные ресурсы в размере CEF. Эти ресурсы можно взять только в базовом секторе, где есть избыток ресурсов в размере ABC.

Хозяйственная система, изображенная на рисунке 3 – абстрактная. Ее абстрактность состоит в том, что пока мы ничего не знаем о том, как организовано воспроизводство базовых и пионерных продуктов и каким образом недостаю-

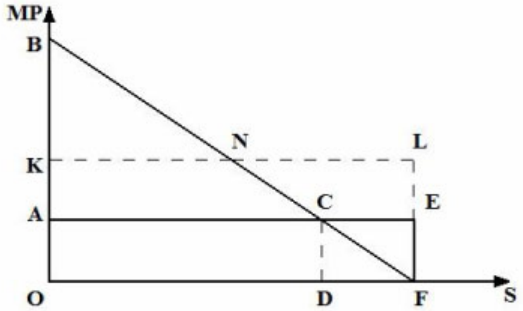

Рис. 4. Рыночная хозяйственная система

щие продукты из базового сектора попадают в пионерный. Исторически человечество выработало 2 способа решения этих проблем – рыночный и плановый. Соответственно, абстрактная хозяйственная система имеет две основные конкретные фирмы: рыночную и плановую.

Рыночная форма организации трансформирует рисунок 3 следующим образом (рис. 4).

На рисунке 4 по оси X теперь располагаются не абстрактные хозяйствующие субъекты, а частные собственники, которые торгуют друг с другом. В процессе торговли цены на базовые и пионерные продукты отклонились от стоимости OBF так, что совокупная выручка от реализации равна площади прямоугольника OKLF. Это означает, что цены на базовые продукты оказались ниже стоимости, а цены на пионерные – выше и все частные собственники получили нормальную прибыль на вложенный капитал (высота прямоугольника AKLE).

Мы не будем останавливаться на вопросе, почему цены отклонились от стоимости, но хотелось бы обратить внимание на то, что сделало это отклонение возможным. Отклонение цен от стоимости, которое дало всем участникам рынка нормальную прибыль на вложенный капитал, стало возможным благодаря определенной пропорции между базовым (OBCD) и пионерным (DCEF) секторами экономики. Пионерный сектор мал относительно базового, и прибавочного продукта базового сектора (ABC) хватило на обеспечение нормальной прибыли как субъектов самого базового сектора так и субъектов пионерного сектора. Или, иначе, площадь треугольника KBN равна площади треугольника NLF.

Теперь посмотрим, каким образом плановая форма организации хозяйственной жизни трансформирует абстрактную систему, изображенную на рисунке 3 (рис. 5).

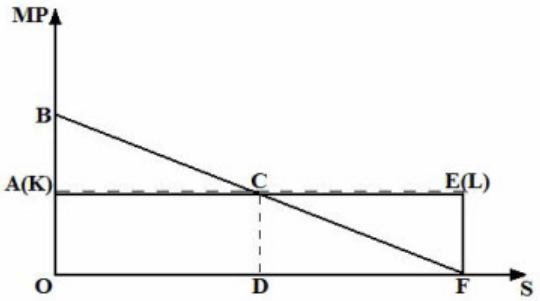

Рис. 5. Плановая хозяйственная система

Принципиально ситуация на рисунке 5 отличается от рисуинка 4 тем, что на рисунке 5 пропорция между базовым и пионерным секторами другая: пионерный сектор относительно базового большой. Это ведет к тому, что если бы субъекты S были бы частными собственниками, они смогли бы сторговаться только при таких ценах на свою продукцию, при которых совокупная выручка (OKLF) была бы равна затратам (OAEF). Затраты в этой модели отождествлены с вложенным капиталом. Ясно, что частный собственник не может длительное время торговать, если выручка равна затратам. Поэтому существование такой пропорции между базовым и пионерным секторами возможно только если экономика не рыночная, а плановая. Тогда, субъекты S – это не капиталисты, а бюрократия и процесс производства и потребления продукции осуществляется не за счет торговых сделок, а за счет совершенно иного, номенклатурно-объемного механизма [3]. Здесь объем прибавочного продукта из базового сектора по плану перераспределяется в пользу пионерного сектора (ABC=CEF).

Итак, мы получили предельно упрощенные модели рыночной и плановой хозяйственных систем. Какая из этих двух систем более эффективная? Вроде бы вопрос риторический. Подавляющее большинство экономистов сегодня уверенно, что рыночная экономика всегда и абсолютно эффективнее плановой. Е.Т. Гайдар любил в своих работах щеголять статистикой подтверждающей эту идею: «Советский Союз добывал в 8 раз больше железной руды, чем США, выплавлял из этой руды втрое больше чугуна, стали из этого чугуна – вдвое больше. Машин из этого металла производил по стоимости примерно столько же, сколько США. В СССР потребление сырья и энергии в расчете на единицу конечного продукта было соответственно в 1,6 и 2,1 больше, чем в США. Средний срок строительства промышленного предприятия в СССР превышал 10 лет, в США – менее 2-х. В расчете на единицу конечного продукта СССР расходовал в 1980 г. стали – в 1,8 раза больше, чем США, цемента – в 2,3 раза, минеральных удобрений – в 7,6 раза, лесопродуктов – в 1,5 раза. СССР производил в 16 раз больше зерноуборочных комбайнов, чем США, при этом собирал намного меньше зерна и поставил себя в зависимость от его поставок по импорту» [1].

Казалось бы, какие еще нужны доказательства того, что рыночная экономика эффективнее пла-

новой? Однако, даже если предположить, что на эти цифры никак не повлияли природно-климатические условия, историческое состояние материально-технической базы и т.п., то, все равно, есть по крайней мере одно обстоятельство, которое ставит их под сомнение.

Обстоятельство следующего свойства. Современные развитые экономики по общему признанию не являются чисто рыночными – они смешанные. Спрашивается, современные смешанные экономики являются смесью чего с чем? Один компонент смеси понятен – это рынок. Каков же второй компонент? Большинство скажет – государственное регулирование, общественный сектор, или что-то подобное. Допустим. Но тогда возникает еще один вопрос. Простейшим механизмом работы рынка является, как было отмечено, – торговая сделка. Если вторым компонентом смешанной экономики выступает, скажем, государственное регулирование, то каков простейший, исходный механизм этого государственного регулирования? К сожалению, в рамках современных концепций мы не можем обнаружить вразумительного ответа на этот вопрос. Наш же ответ на него прост и незатейлив - в основе новой формы государственного регулирования лежит та или иная модификация номенуклатурно-объемного механизма. Иначе говоря, любая форма государственного регулирования рынка это форма плана. Следовательно, каждая разновидность смешанной экономики это разновидность смеси рынка и плана. Но если план изначально менее эффективен рынка, значит смешанная экономика менее эффективна, чем чисто рыночная. Вывод явно противоречащий реальной практике. Как мы можем разрешить данное противоречие?

Любая система экономических отношений, будь то рыночная, плановая или какая-либо их смесь, выполняет две функции – стимулирующую и регулирующую. Внутри регулирующей функции важнейшей подфункцией является мобилизующая, которую мы и рассматриваем в данной статье. Реализация этих функций соответственно порождает два эффекта – эффект стимуляции и эффект мобилизации. Эти эффекты могут быть как положительными, так и отрицательными. Если они отрицательные, то можно говорить об эффектах дестимуляции и демобилизации.

Эффект стимуляции означает, что экономический субъект осуществляет деятельность, направленную на всяческое снижение затрат и уве-

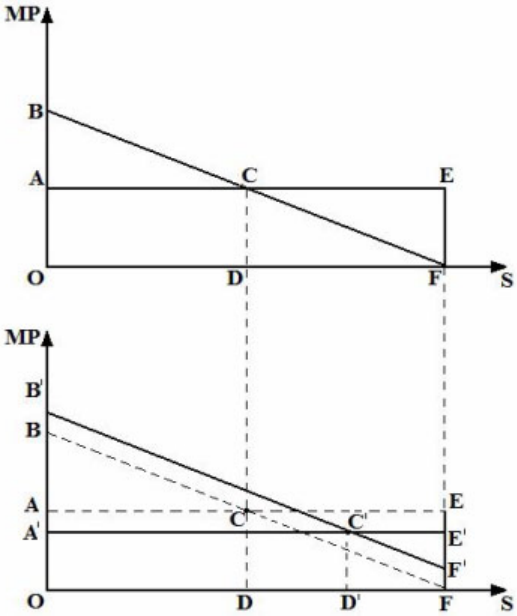

Рис. 6. Эффект стимуляции

личение результата и эта деятельность действительно изменяет затраты и результат. Эффект дестимуляции, соответственно, наоборот. Мы склонны согласиться с теми экономистами, которые полагают, что рыночная экономика порождает эффект стимуляции, а плановая – дестимуляции. Например, Й. Шумпетер писал о капитализме: «Награды достаются талантливым, энергичным, работоспособным, но если бы можно было измерить общий уровень конкретной способности или долю личного вклада в коммерческий успех, мы, наверно, установили бы, что полученный денежный выигрыш не пропорционален ни первому, ни второму показателю. Огромные премии, несоизмеримые с затратой сил, достаются незначительному меньшинству, что стимулирует активность подавляющего большинства бизнесменов, которые получают весьма скромное вознаграждение, либо вовсе ничего…» [4].

Графически эффект стимуляции (дестимуляции) можно изобразить с помощью рисунка 6, который состоит из двух графиков.

На верхнем графике моделируется плановая экономика с массивным относительно базового пионерным сектором. Допустим, что эта плановая экономика стала рыночной. Эффект стимуляции состоит в том, что на нижнем графике линия AE переместилась в положение A'E'. То есть, субъекты S, став частными собственниками, на-

чали больше заботиться о снижении затрат. Линия же BF сместилась в положение B'F'. Это означает, что новоиспеченные частные собственники увеличили стоимостные результаты своей деятельности. В итоге, мы получаем на нижнем графике более высокие результаты при более низких затратах. Хозяйства, расположенные на отрезке DD, стали в стоимостном отношении рентабельными, и пионерный сектор сократится до размеров D'C'E'F. Естественно, что сокращение пионерного сектора и увеличение прибавочного продукта до размеров A'B'C' увеличивает сумму выручки относительно суммы затрат и порождает тенденцию к формированию нормальной прибыли на вложенный капитал. Однако мы не стали изображать эти явления на рисунке 6, что бы не загромождать графики. Если мы хотим рассмотреть обратный эффект дестимуляции, то на рисунке 6. нижний график становится первым и от него надо переходить к верхнему.

Окончание следует.

Библиографический список

1. *Гайдар Е.Т.* Гибель Империи. Уроки для современной России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 440 с.

2. *Миропольский Д.Ю.* Неравновесие и типы хозяйственных систем. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1994. – С. 12–15.

3. Основы теоретической экономики / Под ред. Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. – С. 281–290.

4. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 116.

УДК 331.5:330.1

Пшеничникова Светлана Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов
sveta_nikolaevna@list.ru

ПОТРЕБЛЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЭКОНОМИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются концептуальные подходы к анализу процесса воспроизводства рабочей силы. Автор сосредотачивает анализ на фазах воспроизводства как производство рабочей силы и её потребление. Процесс потребления рабочей силы на внутреннем рынке исследуется в сравнении с современной стадией развития других стран. Занятость по сферам деятельности, мобильность, вывоз человеческого ресурса, пространственная и отраслевая концентрация рабочей силы, производительность труда, уровень оплаты труда, условия труда оказывают влияние на данный процесс.

Ключевые слова: *фазы воспроизводства рабочей силы, производство рабочей силы, потребление рабочей силы, интеллектуально-инновационная составляющая экономического роста.*

В современных условиях, в условиях инновационно-информационной экономики, экономики знаний особое значение приобретает интеллектуальная, высокопроизводительная деятельность образованных, высококвалифицированных работников.

Проблемы потребления рабочей силы в разных экономиках проанализируем по следующим аспектам: занятость по сферам деятельности, мобильность, вывоз человеческого ресурса, пространственная и отраслевая концентрация рабочей силы, производительность труда, уровень оплаты труда, условия труда.

Рассмотрим первый фактор – распределение занятого населения по сферам деятельности. На протяжении последних двадцати лет мы можем наблюдать сокращение численности занятых в ряде приоритетных отраслей, исходя из структурных трансформаций в экономике современной России (табл. 1). Наиболее заметно сократилась численность занятых в науке и научном обслуживании (в 2,6 раза); машиностроении и металлообработке (в 2,1 раза); строительстве (в 1,8 раза); сельском и лесном хозяйстве (в 1,3 раза).

Некоторые экономисты отмечают, что при анализе ретроспективного периода в отечественной экономике заметно значительное сокращение удельного веса занятых в производственной сфере (к производственной сфере отнесены: промышленность, производственные транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство). В свою очередь, если в 1980 году в нематериаль-

 © Пшеничникова С.Н., 2011

Таблица 1

Доля отрасли в структуре ВВП (в %)

	1990	1992	1996	2001	2006	Динамика изменения доли отрасли за 1990-2006 гг.
С/х, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	13,27	6,98	7,85	6,20	4,18	-9,09
Промышленность	48,60	48,80	37,67	25,60	28,20	-20,40
Строительство	9,00	5,60	8,38	7,30	5,09	-1,7
Услуги	27,99	37,52	47,63	60,43	60,81	+32,49
Прочие виды деятельности	1,07	1,10	0,47	0,47	1,72	+0,6

Рассчитано автором по: Российский статистический ежегодник за 1998–2007 гг.; Труд и Занятость. – 1999; Россия в цифрах. – 2007.

ной сфере было сосредоточено не более четверти всех занятых, то к 2004 году – около трети. В период реформ усиливается переход занятых в сферу услуг [6, с. 120].

Обратимся к распределению занятых по отраслям в США с целью сравнения с отечественными тенденциями. Уровень занятости в материальном производстве в совокупной занятости за последние тридцать лет сократился с 33% до 22%, что объясняется ростом численности работающих в сфере услуг (за период 1970–2006 гг. с 47,3 млн. чел. до 114 млн. чел.). Ни в одной другой стране мира занятость не распределяется с таким огромным перевесом в пользу сферы услуг, как в США (табл. 2).

Приведенные данные свидетельствуют, прежде всего, о высоком уровне производительности труда в экономике, особенно в обрабатывающей промышленности, и о принципиально новой роли сферы услуг в странах, переходящих к постиндустриальной стадии своего развития. Однако структура сферы услуг в американской экономике отличается от структуры сферы услуг в отечественной экономике по следующим позициям: в США велика доля образования, здравоохранения и социальных услуг при практически той же доле торговли, что и в РФ.

Проанализировав отраслевую структуру занятости в отечественной экономике и США можно выявить следующие особенности в потреблении рабочей силы: а) в отечественной экономике резко сократилась доля занятых в производственной сфере. Однако в американской экономике сокращение занятости в производственной сфере сопровождается расширением занятости, например, в наукоемких отраслях, относящихся к инновационному сектору экономики. В России аналогичное явление привело к расширению занятости в оптовой и розничной торговле. Глубинные причины схожих тенденций разные: введение высоких технологий приводит к перераспределению занятых из производственного сектора

Таблица 2

Распределение численности занятых в развитых странах (в %)

2007 год	Франция	Германия	США
Всего в экономике	100	100	100
Сельское,лесное хозяйство, рыболовство и охота	3,8	2,3	1,5
Промышленность	17,6	23	12,6
Строительство	6,8	6,6	8,1
Транспорт и связь	6,4	5,5	4,3
Торговля, гостиницы и рестораны	16,8	17,9	21,3
Финансовая деятельность, операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг	13,1	13,5	17,6
Образование, здравоохранение, соцуслуги	18,9	17,2	20,7
Прочие услуги	16,3	14	13,7

Источник: Россия и страны мира. – 2008; Статистический ежегодник. Госкомстат России. – 2008. – С. 60–61.

в непроизводственный при сохранении достигнутых объемов национального производства в США. В РФ же произошло катастрофическое падение объемов национального производства, в результате чего произошел отток занятых из производственной сферы; б) в экономике России велик удельный вес числа занятых в неформальном секторе экономике, которая имеет тенденцию к дальнейшему росту; в) произошло удлинение рабочего дня в РФ для занятой рабочей силы, одновременно наблюдается процесс девальвации (обесценивания) труда; г) рост занятости, начиная с 1999 г., в РФ обеспечивался, главным образом, за счет увеличения численности занятых женщин, в американской экономике также отмечается необычайно высокий рост экономической активности женщин; д) наблюдается тенденция к сокращению численности занятых на крупных и средних предприятиях в экономике РФ, в США данная тенденция не наблюдается.

В неразрывной связи с отраслевой структурой занятого населения целесообразно рассматривать и его мобильность – одно из важнейших условий эффективного использования занятого населения. В экономической литературе под мобильностью труда понимается: во-первых, возможность для работника сменить место жительства на тот географический район, где его специальность и квалификация будут востребованы (горизонтальная мобильность); во-вторых, это способность человека сменить профиль своей специальности и специализации за счет овладения новыми знаниями и трудовыми навыками (вертикальная мобильность).

Проанализируем более подробно первый вид мобильности труда. В целом за период 1993–2008 гг. в РФ миграционный прирост уменьшился с 375,8 до 239,9 тысяч человек, межрегиональный обмен населением также сократился [6]. Пик миграционной активности пришелся на 2002 год, когда прирост населения по России за счет этого фактора составлял 258,3 тысяч человек, а в последующие годы он постоянно снижался [3, с. 320].

Следует отметить, что удовлетворение потребности в рабочей силе за счет трудовых мигрантов имеет, кроме положительного эффекта в виде притока дополнительной рабочей силы и неблагоприятные последствия: а) в основных районах миграции происходит обострение проблем на рынках труда и жилья; б) приток низкоквалифицированной рабочей силы сильно ограничивает область её использования; в) по экспертным оценкам, на территории России находятся 3,5–4 млн. чел. иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих определенного правового статуса; г) происходит обострение проблем с социально-культурной адаптацией мигрантов [6, с. 123]. Иная ситуация складывается в развитых странах. Статистика показывает, что порядка 20% трудовых вакансий в странах ЕС предусматривают именно высокую квалификацию работников.

В качестве вывода по второму фактору, влияющему на процесс потребления рабочей силы можно отметить следующее: а) в настоящее время миграционный прирост стабилизировался и в целом на территории РФ составляет положительную величину. Основными поставщиками иностранной рабочей силы являются страны СНГ и Балтии; б) в структуре прибывающей иностранной рабочей силы преобладают низкоквалифицированные работники, многие из которых не имеют определенного правового статуса; в) в странах Евросоюза среди прибывших эмигрантов достаточно большое количество высококвалифицированных работников, способствующих повышению конкурентоспособности европейской экономики, приток же мигрантов в РФ на сегодняшний день существенно не влияет на конкурентоспособность отечественной экономики за счет данного фактора.

Третий фактор, выделенный нами в качестве важнейшей характеристики в потреблении рабочей силы, – это вывоз человеческого ресурса.

Российские эмигранты, живущие в США, обеспечивают, по разным оценкам, 20–25% производства американского хай-тека, что составляет около 10% мирового рынка. США стоят на первом месте в списке стран, в которые мигрируют российские специалисты. На долю США, по данным ГУ-ВШЭ и Центра научных, информационных и образовательных программ, приходится 30,1% выезжающих за рубеж исследователей. На втором месте находится Германия – 20,5% [2]. В настоящее время количество исследователей в России, приходящиеся на 10000 человек трудовых ресурсов, меньше, чем в Японии, США, Германии, причем можно предположить, что эта тенденция сохранится [8, с. 21].

Подводя итог по интеллектуальной миграции, называемой вывозом человеческого капитала, можно отметить ее специфические особенности: а) продолжается миграция, хотя несколько

и уменьшился поток выезжающих, высококвалифицированных работников в экономически развитые страны, что уменьшает наличие ресурсов в инновационном секторе отечественной экономики. Для сравнения, на сферу высшего образования в США в 2007 г. было затрачено 166 млрд. долл. Таким образом, отток кадров в развитые страны повышает и без того высокий уровень образованности населения, а также повышает обеспеченность научно-техническими кадрами, что, в свою очередь, сказывается на росте конкурентоспособности этих стран; б) На долю США приходится 33% всех научных исследований в мире, на долю России – 3,6%, то есть в десять раз меньше, несмотря на то, что по количеству ученых РФ занимает четвертое место в мире, а США – первое.

Следующая характеристика потребления рабочей силы – это пространственная и отраслевая концентрация рабочей силы. Анализируя влияние данного фактора на эффективность потребления рабочей силы можно выделить следующие основные моменты: а) большинство учреждений среднего профессионального и высшего образования в РФ сосредоточены в крупных городах и областных центрах. После окончания учебных заведений выпускники стремятся закрепиться в этих регионах, обладающих и так высоким уровнем концентрации рабочей силы вообще, и высококвалифицированной, в частности; б) одновременно с этим усиливается явление трудоустройства не по специальности, что приводит к последующей деквалификации; в) в США наибольшее количество учреждений высшего образования, в основном, сосредоточены в крупных штатах, однако в целом они размещены по стране более или менее равномерно.

Проанализируем пятый фактор, характеризующий потребление рабочей силы – это уровень производительности труда. По производительности труда Россия в четыре раза отстает от США. Если сравнивать Россию, США и Европу в конкретных отраслях, то показатели отечественной ракетно-космической промышленности далеки от европейского уровня: каждый год здесь производится продукции из расчета 14,8 тысячи долларов на одного работающего в этой отрасли, а в ЕС этот показатель равен 126,8 тысячи долларов, в США – 493,5 тысячи долларов.

По показателю производительности труда РФ обогнала только Китай и Румынию (табл. 3). Данный факт говорит о том, что пока технологический уровень российского производства базируется преимущественно на примитивных и архаичных технологиях. При такой низкой производительности живого труда говорить *даже о начальной стадии инновационной фазы экономического развития, по-видимому, нельзя*.

По показателю инновационной активности Россия относится к разряду замыкающих стран, хотя и не самая последняя. Более низкий показатель характерен для Мексики, Польши, Словакии, Турции, Китая и Румынии. Учитывая приведенные данные,

Таблица 3

Экономические параметры разных стран мира в 2002 г.

Страны мира	Эффективность производства		Факторы производства	
	Производительность труда, долл./чел.	Энергоотдача (долл./kiloBtu)	Затраты на исследования и разработки на 1 занятого, долл./зан.	Инвестиции в основной капитал на 1 занятого, долл./зан.
Россия	17744,41	0,0416	217,29	3176,25
Великобритания	60254,76	0,1765	1097,27	9520,25
Венгрия	37567,38	0,1387	372,03	8377,53
Германия	60247,6	0,1534	1486,47	11085,56
Польша	31310,75	0,1253	176,75	5980,35
США	76769,54	0,1066	2037,5	13895,29
Финляндия	60248,5	0,1147	1991,38	11989,45
Франция	68390,44	0,1497	1575,4	13199,35
Китай	7939,83	0,1381	97,66	3048,89
Румыния	15512,01	0,0848	58,95	2947,28
Словения	42626,26	0,1268	656,44	10613,94

Источник: *Балацкий Е., Раптовский А.* Инновационные и инвестиционные факторы эффективности производства // Общество и экономика. – 2007. – №1. – С. 4–5.

можно сказать, что Россия находится на низовой ступени технологического уровня и инновационной активности, которые влияют непосредственно на уровень производительности труда.

Рассчитав оценку вклада выделенных факторов в формирование величины эффективности производства, было установлено, что факторы инвестиций и инноваций предопределяют почти 90% всех изменений в производительности труда (трудоемкости) и лишь 18% – в энергоотдаче (энергоемкости) [1, с. 9]. Поскольку Россия принадлежит к числу стран, слабо восприимчивых к инвестициям в основной капитал, то соответственно эффективность российской экономики, в частности производительность труда, довольно сложно повысить с помощью массированных инвестиций в производство.

Проанализировав данный фактор, как наиболее показательный с точки зрения эффективности использования труда, можно подвести следующие итоги: а) в развитых странах, особенно в США, самый высокий уровень производительности труда в мире, что указывает на наличие хорошо подготовленной рабочей силы и оптимальных пропорций в сочетании факторов производства; б) в отечественной экономике наблюдается крайне низкий уровень производительности труда (17744 долл./чел. в РФ в 2002 г. и 76769 долл./чел. в США) при наличии, однако, достаточно хороших потенциальных возможностей с точки зрения качества и количества человеческого ресурса; в) учитывая ведущую роль инвестиционного фактора в росте производительности труда, отметим, что по данному показателю отечественная экономика значительно отстает от развитых стран мира. При этом затраты на исследования и разработки на одного занятого в РФ составляют 217 долл., а в США – 2037 долл.

Рассмотрим следующий фактор, характеризующий процесс потребления рабочей силы и позволяющий полноценно воспроизводить ее – это уровень оплаты труда. По статданным в стране существует дифференциация по средней номинальной заработной плате по видам экономической деятельности. Наибольшая её величина наблюдалась в топливной, в частности, в газовой промышленности. Например, в 2004 году она была выше, чем в среднем по экономике в 3 раза соответственно [7, с. 86)]. При этом в других отраслях промышленности (в легкой, промышленности строительных материалов, образовании) уровень заработной платы были ниже, чем в среднем по экономике. Самый низкий уровень заработной платы сохраняется в сельском хозяйстве. Максимальные значения заработной платы среди отраслей экономики отмечены в финансах, кредите и страховании.

Однако размер среднемесячной заработной платы в России не идет ни в какое сравнение с заработной платой развитых стран. Одновременно с этим на основе проведенных расчетов оказалось, что на протяжении двадцатилетнего периода « волна относительного удешевления рабочей силы была достаточно широкой и захватывала практически все основные сегменты российской промышленности» [5, с. 76]. Естественно, что при такой низкой оплате труда нельзя рассчитывать на полноценное воспроизводство рабочей силы. В инновационном типе экономики развитых стран заработная плата продолжает оставаться основным источником доходов основной массы населения. Однако в ее структуре возрастает доля различных выплат, гонораров, премий, рентных доходов. Таким образом, можно констатировать, что Россия сильно отстает от западных стран по уровню заработной платы. Кроме этого в РФ существует большая дифференциация заработной платы по отраслям экономики.

На основании рассмотренных данных об уровне и динамике оплаты труда в РФ и развитых странах можно сделать выводы: а) РФ значительно отстает от США в уровне оплаты труда; б) за чертой бедности проживает около 30 миллионов российских граждан (20%), в то время как в США лишь 5,4% населения; в) основным фактором дифференциации заработной платы в РФ является сильная дифференциация по отраслям экономики.

Подводя итог по рассмотренным данным по вопросу условий труда, можно сказать: а) в РФ существует проблема с тяжелыми условиями труда на производстве, особенно это касается таких отраслей, как добыча полезных ископаемых и целлюлозно-бумажная промышленность. Здесь велика доля работников, занятых трудом в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам (39%), а также высок процент травматизма; б) по сравнению с США, где в 1970г принят закон об охране труда, и повсеместно применяется система государственного страхования от несчастных случаев на производстве, в РФ существенно не проработана законодательная база в области охраны труда. При этом система страхования по

производственному травматизму начала вводиться в действие лишь с 2000 года.

Итак, мы выяснили, что потребление рабочей силы зависят от следующих факторов: занятость по сферам деятельности, мобильность, вывоз человеческого капитала, пространственная и отраслевая концентрация рабочей силы, производительность труда, уровень оплаты труда, условия труда.

Обобщая все вышеизложенное можно констатировать, что по совокупным показателям, характеризующим процесс потребления рабочей силы в отечественной экономике, ситуация является в целом неблагоприятной. Следовательно, для выхода страны на траекторию устойчивого и качественного экономического роста с доминированием интеллектуально-инновационной составляющей необходимо целенаправленно не только производить высококвалифицированную рабочую силу, но и создавать условия, способствующие её эффективному использованию в стадии потребления.

Библиографический список

1. *Балацкий Е., Раптовский А.* Инновационные и инвестиционные факторы эффективности производства // Общество и экономика. – 2007. – №1.

2. Финансовые известия. – 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.finiz.ru/economic/article891515.

3. Демографический ежегодник России. – М., 2002. – С. 320.

4. Демографический ежегодник России. – М., 2000. – С. 314, 315–319; 2002. – С. 314–320; 2009. – С. 321–324.

5. *Капелюшников Р.* Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии // Вопросы экономики. – 2009. – №4. – С. 56–79.

6. *Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б., Подорванова Ю.А., Полежаев А.В.* Занятость и рынок труда в России: проблемы и ограничения // Проблемы прогнозирования. – 2005. – №5.

7. *Коровкин А.Г., Королев И.Б., Полежаев А.В.* Макроэкономические проблемы сферы занятости и рынка труда в России и некоторые направления их решения // Концепции. – 2005. – №2.

8. *Ушкалов И.Г., Малаха И.А.* «Утечка мозгов» как глобальный феномен: его особенности в России // Социс. – 2000. – №3.

УДК 330

Серяковская Светлана Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ecolog-dpo@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье уточнено понятие «конкурентоспособность» применительно к экономике в целом в отличие от конкурентоспособности отдельной фирмы, отрасли, территории (региона). Вместе с тем, прослежена макровертикаль «конкурентоспособность товара – конкурентоспособность экономики». Прояснена «сравнительно-преимущественная», «созидательно-разрушительная» и «прогрессивно-синергетическая» природа конкурентоспособности национальной экономики, с одной стороны как основы ее долгосрочного прогресса, с другой стороны – закрепляющая и усиливающая глобальное неравенство мирохозяйственных связей.

Ключевые слова: *конкуренция, конкурентоспособность, международная конкуренция, экономическая система, национальная экономика, глобализация.*

Термин «конкуренция» означает соперничество, борьбу за достижение наилучших условий и результатов. По определению, данному в Законе «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», «конкуренция – состязательность хозяйствующих субъектов, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке». Отсюда следует, что конкурентоспособность – это наличие потенциала (предпосылок) для победы в конкурентном противостоянии. При таком подходе конкурентоспособность является свойством практически любых экономических объектов, как товаров, так и экономических систем, продуцирующих эти товары.

Теоретические разногласия и разночтения связаны с применением термина «конкурентос-

© Серяковская С.Н., 2011

пособность» именно к экономическим системам, как производственным, так и территориальным. При этом к дискуссионным вопросам относятся понятие конкурентоспособности национальной экономики, предмет, объекты и субъекты конкурентоспособности, методики оценки уровня конкурентоспособности.

По мнению М. Портера, «не существует общепринятого определения конкурентоспособности. Для фирм конкурентоспособность означала возможность конкурировать на мировом рынке при наличии глобальной стратегии. Для многих конгрессменов конкурентоспособность означала положительный внешнеторговый баланс. Для некоторых экономистов конкурентоспособность означала низкие производственные затраты на единицу продукции, приведенные к обменному курсу» [8, с. 13]. Основные причины, обусловливающие множественность трактовок данной категории, кроются в различии подходов к тому, что рассматривать в качестве субъекта отношений – предприятие, отрасль, регион или экономическую систему страны в целом. Определения привязаны к различным объектам, субъектам и предмету оценки.

В различных исследованиях понятие «конкурентоспособность» используется в характеристиках различных экономических систем: предприятия, производящего товары и услуги; отрасли, как группы предприятий; города, отдельных регионов, страны, группы стран. Однако подобная, предельно широкая трактовка встречает возражения. В частности, П. Кругман, относится к «увлечению конкурентоспособностью» критично, считая, что конкурентоспособность – «атрибут компаний» [5, с. 84]. А. Воронов в классификацию субъектов конкурентоспособности не включает такой субъект, как страна, на основе того, что «не существует примера (за исключением мировых военных конфликтов), где за любой объект конкуренции конкурировали бы целые страны» [2, с. 42]. В. Андрианов не включает в сферу исследования конкурентоспособности регионы [1, с. 47–57]. Таким образом, до настоящего времени остается дискуссионным, к каким объектам и субъектам применимо свойство конкурентоспособности. Вместе с тем все производственные и территориальные экономические системы являются предметом исследования в теории конкурентоспособности.

Считаем, что каждое из авторских определений отражает определенный аспект «конкурентоспособности». При всех различиях в определениях следует отметить, что конкурентоспособность может определяться только в сравнении, т.е. является понятием, характеризующим сравнительные преимущества одного объекта оценки перед другим. Следует отметить, что существует тесная взаимосвязь между конкурентоспособностью товара и уровнем конкурентоспособности различных экономических систем, начиная от предприятия и до экономической системы отдельной страны в целом, которую отмечают практически все исследователи конкурентоспособности. Но, вместе с тем, сохраняются расхождения позиций по проблеме соотношения между различными уровнями конкурентоспособности. Так, по мнению В. Андрианова, «за позицией страны в мировой экономике стоят, прежде всего, позиции ее реального сектора на мировом рынке как внутри, так и за пределами территории страны. Возможность страны занять достойное место в глобальной экономике зависит от возможностей ее фирм занять (удержать) достойные места на товарных рынках мира» [1, с. 49]. Аналогичной точки зрения придерживается С. Емельянов [4].

Другие исследователи настаивают на обратной зависимости. В частности, М. Портер отмечает, что «успех фирмы в состязании с конкурентами, прежде всего, зависит от положения дел в стране» [8, с. 13]. «Конкурентоспособный товар не появится без эффективного гибкого производителя. Конкурентоспособная фирма может родиться лишь в условиях экономической системы, стимулирующей ее в борьбе за преимущества над соперниками. Конкурентна не та страна, которая располагает идущим нарасхват товаром, а та, что имеет динамичный потенциал выпуска новых и новых изделий – лидеров мирового рынка. Конкурентоспособным должен быть хозяйственный механизм страны [8, с. 15].

Вместе с тем требует уточнения, на наш взгляд, утверждение, что «синтетическим показателем, объединяющим конкурентоспособность товара, товаропроизводителя, отраслевую конкурентоспособность и характеризующим положение страны на мировом рынке, является показатель страновой конкурентоспособности», т.к. для этих субъектов существует различное конкурентное поле [4, с. 39]. Даже имея определенную группу конкурентоспособных товаров, страна не может быть отнесена к конкурентоспособным. Например, отдельные российские товары являются конкурентоспо-

собными на мировых рынках, в частности, военные самолеты, другие виды вооружений, энергоресурсы, но страна в мировых рейтингах конкурентоспособности находится далеко не в лидерах.

Безусловно, существует связь между эффективностью функционирования национальной экономической системы и конкурентоспособностью как на рынке спроса, так и на рынке предложения. Если производителем конкурентных товаров являются предприятия, то экономические системы создают условия для развития конкурентных преимуществ в той или иной группе предприятий. В числе ведущих факторов повышения конкурентоспособности товаров и фирм, их производящих, являются промышленная политика, национальное и региональное законодательство, обеспечивающие благоприятную среду для развития конкурентных производств, внутренняя политическая и социальная стабильность, наличие родственных и поддерживающих отраслей в экономике страны, активность конкурентов и т.д.

Разнообразие подходов к определению конкурентоспособности связано с неопределенностью в предметной области данного понятия вследствие «смешения понятий объекта, субъекта и предмета конкуренции, а также направлений конкуренции (соревнование за спрос или соревнование за предложение)» [6, с. 29].

Объекты конкуренции – это явления внешнего мира, на которые направлены действия, в данном случае, за которые ведется конкурентная борьба. В работе А. Воронова к объектам конкуренции отнесены потребительский спрос (внутренний и мировой рынки) и факторы производства (труд, земля, капитал, информация и власть). При этом в качестве предмета конкуренции автор рассматривает продукцию, работу, услуги [2, с. 44]. Р. Фатхутдинов в одном перечне приводит как предметы конкуренции (товар и услуги), так и субъект конкурентоспособности – персонал, являющийся носителем специфического товара «рабочая сила» [10, с. 38]. По мнению В. Лунева, предметом конкуренции являются товары (услуги), а объектом – потребители и покупатели. Данное разделение указывает на две сферы воздействия в конкурентной борьбе: товар (предмет) и потребитель (объект) [7, с. 51].

Отметим, что все действия субъектов направлены на борьбу за потребителя и (или) на борьбу за продавца. Следовательно, к объектам конкуренции можно отнести спрос (рынок спроса) и предложение (рынок предложений). При соревновании за возможность продажи своего товара (рынок спроса) субъекты предлагают товар с определенными свойствами, которые, чтобы быть востребованными, должны в наибольшей мере отвечать потребностям (требованиям) данного рынка потребителей, т.е. иметь сравнительные преимущества перед товарами других субъектов. Конкурируя за возможность получить тот или иной товар (инвестиции, квалифицированная рабочая сила и т.п.) на рынке предложения, субъекты должны обеспечить наилучшие условия принятия (работы, функционирования) данного товара.

Предмет конкуренции – носитель определенных свойств, которые представляют интерес для различных субъектов. Предметом конкуренции может быть только товар в расширительной его трактовке (собственно товар, работы, услуги, рабочая сила, капитал, инвестиции и т.д.). Обладателями (носителями) предметов конкуренции могут быть люди, предприятия, регионы, страны, которые могут располагать определенным товаром. Субъектами конкуренции могут выступать физические или юридические лица, ведущие борьбу за объекты конкуренции и располагающие предметами конкуренции.

В связи с различными целями, которые стоят перед субъектами конкуренции относительно различных объектов конкуренции, на рынке спроса и рынке предложения будут находиться различные субъекты. Располагать товаром, предлагаемым для потребления, могут только производители (собственники) данного товара: люди, предприятия, и производный субъект – отрасль.

Во многих работах, включая классическую работу М. Портера «Международная конкуренция», субъектом конкурентоспособности называется отрасль. Уточним, что отрасль можно рассматривать лишь как производную конкурентоспособности, так как, являясь группой предприятий, отрасль сама по себе не является обладателем (собственником) предметов конкуренции. При этом предприятия одной отрасли могут производить продукцию различного уровня (степени) конкурентоспособности и включаться в «двойную» конкуренцию: между предприятиями одной отрасли и с предприятиями других отраслей, предлагающих товары-аналоги. Безусловно, такие субъекты, как территории (город, регион, страна), располагают определенными товарами, в частности, сырьевыми ресурсами, инве-

стициями. Однако данные субъекты в условиях рыночной экономики передают функции производителя отдельным предприятиям на конкурсной основе и не выступают, как правило, субъектами рыночных отношений. Следовательно, они не могут быть субъектами конкуренции с данными предметами конкуренции на рынке спроса.

Таким образом, на рынке спроса субъектами конкуренции могут быть только люди и фирмы, а все другие субъекты создают предпосылки для проявления, развития и поддержания конкурентных преимуществ того или иного производителя товара или группы товаров. Данную мысль отчасти подтверждают Л. Берг, Е. Браун и Дж. Меер, считая что «в мировой экономике, производственная инфраструктура которой во все большей степени складывается из информационных потоков, города и регионы все более становятся ключевыми акторами экономического развития, выдвигая себя на роль предпринимателей. Их руководители хотят вовлечь свой регион в конкурентную борьбу, привлекая новые виды деятельности в форме инвестиций и различного рода визитеров. Они также стремятся создать лучшие условия для местных фирм, которые и являются участниками конкурентной борьбы» [3, с. 20].

Конкуренция за предложение – это конкуренция за привлечение (размещение) не столько обычных товаров, сколько за специфический товар – факторы производства (трудовые ресурсы, капитал, информацию и т.д.). Субъектами такой конкуренции являются предприятия, муниципальные образования, регионы, страны, которые могут создавать определенные условия для привлечения более квалифицированной рабочей силы, значительных объемов капитала, инвестиций и т.д. Таким образом, такие субъекты, как муниципальные образования, территория отдельной страны (регион), страна, группа стран, могут конкурировать, на наш взгляд, только за привлечение на свою территорию как факторных, так и нефакторных товаров. Данная мысль прямо или косвенно проходит во многих публикациях. В частности, по мнению Н. Чертко, «почти все страны соперничают между собой за привлечение иностранных капиталов» [11, с. 55].

Также следует отметить определенные отличительные особенности территориальной системы как субъекта конкуренции.

Во-первых, в целом конкурентный процесс приводит к «созидательному разрушению» экономических систем, не обладающих конкурентоспособностью и уступающих свое место конкурентоспособным системам. Страна или регион, даже не будучи конкурентоспособными, не прекращают своего существования; что отличает его от таких субъектов, как предприятия, которые в силу своей неконкурентоспособности могут перепрофилироваться или прекратить существование. Не может обанкротиться территория как таковая, т.е. она остается, остаются природная среда, некоторые ресурсы. Вместе с тем как субъект экономических отношений территориальная система (край, область, муниципальное образование) может перестать существовать.

Во-вторых, конкурентоспособность на территориальном уровне не предусматривает «игры с нулевым результатом», когда успех одних происходит в ущерб другим, как на микроэкономическом уровне. На самом деле, успех одного региона создает также возможности для других регионов, в особенности – соседних. Эти регионы, в числе прочего, могут получить преимущества от эффекта полюса роста, созданного динамичным регионом [9, с. 23].

Считаем, что наиболее важным событием в эволюционном развитии всемирного хозяйства в течение XX столетия явилась интернационализация конкуренции во многих ее сферах – не только в обрабатывающих отраслях, но во все возрастающих размерах также и в сфере услуг. Конкурирующие фирмы проводят поистине глобальную стратегию: продают свою продукцию по всему миру; ищут материалы и компоненты также по всему миру; в целях экономии размещают производство во многих странах.

Не будь международной конкуренции, уровень продуктивности в одной стране практически не зависел бы от положения в других странах. Однако международная торговля и вывоз капитала предоставляют прогрессивно-синергетические возможности для повышения продуктивности использования ресурсов страны и одновременно являются носителями деструктивно-синергетических угроз. Международная торговля позволяет стране повышать продуктивность своего производства, так как устраняет необходимость самостоятельно производить все товары и услуги. Страна поэтому может специализироваться на тех отраслях и сегментах рынка, где ее фирмы относительно более конкурентоспособны, чем иностранные, и импортировать те товары и ус-

луги, по которым ее фирмы уступают зарубежным.

Экономические системы неравнозначны в иерархии мирохозяйственных связей. Можно обнаружить сильные стороны в любой национальной экономике. Как раз из этого исходит теория конкурентных преимуществ: любая из стран с примерно одинаковым уровнем экономического развития имеет определенный, обычно только ей присущий набор глобальных конкурентных преимуществ.

К ним могут относиться более высокие: уровень производительности труда тех или иных отраслей, квалификация производственного, технического, коммерческого персонала тех или иных отраслей, производств, групп предприятий, качество и технический уровень производимых изделий, управленческое мастерство, стратегическое мышление на различных уровнях управления и многие другие.

В стратегическом плане политика государства состоит в том, чтобы закладывать долговременные основы для повышения конкурентных преимуществ страны и стимулировать национальных производителей к этому, т.е. воздействовать на конкурентоспособность с помощью различных мер и средств регулирования – законодательных, подзаконных актов, правительственных постановлений, экономических рычагов. Иначе говоря, задача государства состоит в том, чтобы создавать благоприятные условия для укрепления конкурентоспособности национальной экономики, отдельных ее отраслей, хозяйствующих субъектов. Реальное же управление конкурентоспособностью осуществляется на уровне непосредственно производителей, обладающих правами, предпринимательской инициативой, соответствующими кадрами для решения этой проблемы. Именно от фирм-производителей, их умения, целенаправленности зависит, в какой степени они могут использовать не только свой внутренний потенциал, но и создаваемые государством общенациональные возможности конкурентоспособности экономики в системе мирохозяйственных связей, основными формами которых являются:

– международная торговля товарами и услугами;

– международное движение факторов производства: международное движение капитала (прямые и портфельные инвестиции, кредиты) и международная миграция рабочей силы;

– международная передача знаний и технологий;

– международные валютно-расчетные отношения;

– международные интеграционные процессы.

Таким образом, международную конкуренцию целесообразно определить как соперничество экономических субъектов в системе мирохозяйственных связей за лучшие условия реализации своих интересов. Международная конкуренция составляет основу экономического прогресса, который на протяжении нескольких последних десятилетий неразрывно связан с процессом глобализации. Иначе говоря, современная международная конкуренция как механизм мирового экономического развития претерпевает существенные изменения под действием феномена глобализации, что, в свою очередь, отражается на конкурентоспособности национальных экономик и глобальном перераспределении конкурентных преимуществ.

Относительно конкурентоспособности национальной экономики, считаем, что это сложное, многоаспектное понятие, представляющее концентрированное выражение экономических, научно-технических, производственных, организационно-управленческих, маркетинговых и иных возможностей, реализуемых в товарах и услугах, успешно противостоящих конкурирующих с ними зарубежных товаров и услуг как на внутреннем, так и на внешних рынках. С другой стороны, это и конкурентоспособность системы государственного и общественного устройства страны, и политико-правового устройства и регулирования всех сторон жизни общества, это и способность государства максимально мобилизовать экономический потенциал, обеспечить устойчивое, динамичное развитие национальной экономики и связанное с этим материальное благосостояние членов общества, не уступающее «мировым стандартам». Иначе говоря, социально-сущностным синонимом понятия «конкурентоспособность национальной экономики» выступает понятие «конкурентоспособное общество».

Библиографический список

1. *Андрианов В.* Конкурентоспособность России в мировой экономике // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №3. – С. 47–57.

2. *Воронов А.А.* Конкуренция в XXI веке // Маркетинг. – 2007. – №5.

3. Ворота в глобальную экономику. – М.: ФАЗИС, 2007. – С. 20.

4. *Емельянов С.В.* США: международная конкурентоспособность национальной промышленности. 90-е годы XX века. – М.: Международные отношения, 2001.

5. *Кругман П.* Кредо либерала. – М.: Европа, 2009.

6. *Логинова В.А.* Теоретические аспекты конкурентоспособности экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2009. – №1.

7. *Лунев В.Л.* Тактика и стратегия управления фирмой. – М.: Финпресс, НГАЭ и У, 1997.

8. *Портер М.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. – М.: Международные отношения, 1993.

9. *Сепик Д.* Конкурентоспособность регионов: некоторые аспекты. – М.: РЕЦЭП, 2005.

10. *Фатхутдинов Р.А.* Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. – М.: Инфра-М, 2006.

11. *Чертко Н.Т.* Инвестиции – важнейший фактор национальной конкурентоспособности // Вопросы статистики. – 2006. – №7. – С. 55.

Чекмарёв Василий Владимирович,
Скаржинская Елена Матвеевна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

ИНСТИТУТЫ КАК ФАКТОРЫ ДОСТИЖЕНИЙ ЦЕЛЕЙ ОБЩЕСТВА

В статье обосновывается точка зрения на институты как на технологии достижения целей, поставленных не отдельным «человеком экономическим», а обществом в целом. Авторы оценивают эмерджентный эффект взаимодействия экономических субъектов на примере финансового кризиса начала XXI века и определяют роль института частной собственности, используя классификацию эффекторов Пьера де Латиля.

Ключевые слова: *экономические институты, цели устойчивого развития, институциональное и экономическое пространства, эффекторы, методология Г.Б. Клейнера.*

Критика классической политической экономии стала возможной во многом в силу отождествления понятий «производство» и «экономика». Хотя уже в стадийной структуре общественного производства выделяются стадии производства, обмена, распределения и потребления как составные части расширенного воспроизводства. Расширенное производство и воспроизводство без стадии потребления просто неосуществимо. Отметим, что понятие «общественное производство» было *качественно* социализировано. И это обстоятельство косвенно стало источником возникновения маржинализма. Практически одновременно происходит становление институционализма как направления экономической науки, во многом синтезирующего и классическую политическую экономию, и маржинализм. При этом Институционализм не декларирует наличие объективных законов экономического развития общества, являясь в начале XX века фактически теорией предписаний для осуществления экономической политики на макроуровне. В этом контексте рынок представлялся самоорганизующейся системой с наличием такого его субъекта как экономический человек. Появляются доводы в пользу утверждения о том, что экономическое поведение субъекта рыночных отношений объективизируется под воздействием институтов. Но ведь рынок – «рукотворное» создание, идентифицируемое не столько как явление или процесс, сколько как экономический институт и, следовательно, только в этом контексте может быть рассмотрен как *субъективный* экономический процесс и явление.

В рамках вышесформулированного тезиса возможно объяснение путей эволюции институционализма как направления экономической науки и его роли в изменении предмета экономической науки. Анализ экономических явлений и процессов с целью выявления законов и закономерностей их осуществления дополняется анализом экономических институтов как механизмов формирования (организации) и протекания (осуществления) процессов, а также как *технологий* достижения экономических целей. Экономические институты становятся эффекторами (т.е. средствами, органами (по де Латилю), способными действовать, изменять.

Используя классификацию эффекторов, в основе которой лежит критерий числа степеней свободы (предложена Пьером де Латилем в книге «Искусственное мышление»: P. De Latil. Sztuczne myslenie. – Warszawa, 1958) институты следует отнести к классу организованных эффекторов. Сегодня институционалисты редко пользуются этим по-

© Чекмарёв В.В., Скаржинская Е.М., 2011

нятием, что вполне объяснимо с позиций эволюционного развития институциональной теории. Только полностью оформившаяся теория (например, теория трудовой стоимости К. Маркса) позволяет увидеть динамику возникновения новых научных идей – от начала их появления до блестящей кульминации, а затем заката. Путей эволюции экономических идей было почти столько же сколько и самих идей, но всем этим путям присущи некоторые общие черты. Новая идея, как правило, появляется незаметно. Её внешний облик заимствован у уже существующих – иначе возникает если не прямое её отторжение, то, по меньшей мере, раздражение у власть науки придержащих. Поэтому вначале лишь очень немногое говорит о том, что переворот во внутренней организации, который определит расцвет идеи в дальнейшем, по существу, уже совершился. Первые единомышленники, объединяющиеся вокруг новой идеи, обычно малочисленны, им приписывают черты примитивистов, словно рождению новой идеи покровительствовали торопливость, малознайство и неуверенность. Некоторое время они прозябают «полутайно», с трудом выдерживая критику конкурентов-мастодонтов, которые оптимально приспособились к окружающему миру. Но вот, наконец, в связи с изменением общего равновесия, которое вызвано внешне ничтожными сдвигами традиций, начинается экспансия новых идей. А если новые идеи попадают в пустую, никем не занятую нишу, то происходит взрыв адаптивной радиации, «лучи» которой дают начало сразу целому спектру разновидностей. (В нашем случае – Институционализм, новый Институционализм, неоинституционализм и т.п.). Исчезновение остатков примитивизма сочетается с множеством новых структурных решений. Таким путём идея идёт к вершине развития, становится тем, что даёт название целой эпохи в науке. И так до тех пор, пока не возникают колебания гомеостатического равновесия. Эволюционная динамика идеи приобретает новые, ранее не наблюдавшиеся черты. Боковые ветви пытаются проникнуть в области, где конкуренция относительно слаба. (В нашем случае – в институциональное и экономическое пространства по П. Минакиру, А. Гранбергу, Г. Клейнеру).

Идеи институционализма в России завоёвывают своё место в экономической науке постепенно. Вряд ли можно утверждать, что они значительно потеснили официальный мейнстрим. Но процесс идёт. Идеи множатся. Сделаем попытку и мы внести свой вклад в их развитие.

Традиционное определение экономических институтов как формальных и неформальных правил экономического поведения следует уточнить с позиций целеполагания. Предлагаемое уточнение основывается на предположении, согласно которого в процессе взаимодействия экономических субъектов зачастую возникают такие цели, которые никто, приступая к делу не имел в виду. Фундаментом наших гипотетических построений будут технологии как «обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей»[1]. Именно возникновение новых целей как эмерджентного эффекта взаимодействия экономических субъектов позволяет рассмотреть институты как технологии достижения целей поставленных обществом, и определиться с пределами допустимости институциональной избыточности/недостаточности (то есть конфигурацией институционального пространства в рамках экономического пространства).

Итак, институты есть технологии достижения целей. Но как быть в случае, когда цели (неожиданно для создателей институтов) изменились?

Ожидания, надежды постановщиков целей на эффективность используемых институтов (технологий) для достижения целей оказываются, зачастую, весьма иллюзорными. (Пример: нынешний кризис международной финансовой системы).

Можно ли рассчитать (то есть создать математическую модель) вероятность достижения цели в данном институциональном пространстве, имея ввиду наступления возможного эмерджентного эффекта взаимодействия экономических субъектов, выражающегося в появлении целей, изначально не ставившихся?

Можно ли ставить задачу формирования конфигурации институционального пространства?

От ответов на эти вопросы во многом зависит вектор развития институциональной теории. Механизм действия институтов как технологий достижения экономических целей по сути являет собой рамки планируемого поведения экономических субъектов. Но процессы взаимодействия экономических субъектов (в рамках определения Г.Б. Клейнером экономической системы как части экономического пространства)[2] характеризуется и «раздвоением» цели (дилемма «собственник–менеджер»)[3], и подменной намеченных целей иными (и часто – для общества – нежелательными), и неумением соотносить цели и технологии их достижения (одна из причин возникновения теневой экономики). Спра-

ведливо ли в этом случае утверждение, что субъект экономических взаимодействий, становясь автором экономического пространства, почти никогда не знает, что именно он делает (во всяком случае, не знает до конца)? Если да, то как быть с определением технологий достижения экономических целей, то есть как управлять процессом формирования экономических институтов?

В поисках ответов на поставленные вопросы обратимся к идеям Г.Б. Клейнера о протоинститутах. Антипродукт – это, с одной стороны, результат техноэволюций, а с другой стороны – результат конфигурации институционального пространства. Протоинституты – островки уменьшающейся энтропии в мире её всеобщего возрастания. Развитие экономики отражает эволюцию врождённого стремления человека господствовать над окружающей средой (или по крайней мере не подчиняться ей в борьбе за существование). И здесь возникает дилемма гомеостаза (стремления к равновесию, то есть к существованию вопреки изменениям) экономики как системы, системы экономических взаимодействий при достижении целей общества. Эмерджентный эффект взаимодействия экономических субъектов может быть в этом случае продемонстрирован возникновением антипродукта (не планируемого и не желательного) при создании продукта (речь идёт не только о загрязнении окружающей среды, но и о уничтожении человека в процессе производства, и, шире, в процессе *экономических взаимодействий*).

В свою очередь постановка вопроса о содержании продукта как результата производственной деятельности приводит к осознанию дилеммы «экономический рост – устойчивое развитие» в контексте формирования конфигурации институционального пространства жизнедеятельности человека. Усиливается значимость решения проблемы обеспечения экономической безопасности как отдельных стран, так и каждого отдельного человека. Повышаются требования к формированию институтов с позиций их качества для будущих поколений людей. Яркий пример – уже осознаваемая необходимость повышения качества института частной собственности в рамках функционирования рыночных отношений. Институт частной собственности – правило «дорожного движения» субъектов экономических взаимодействий в замкнутых экономических системах, характеризующихся производственными процессами переработки (использования) материальных ресурсов. Следствием рассмотрения экономических систем как замкнутых и стремящихся к равновесию явились теоретические рассуждения по поводу причин инфляции, количественного расчёта эмиссии денежных знаков и т.п.

Гомеостатическая деятельность человека на базе рыночных отношений не может привести к гомеостазу в масштабах планеты, ибо экономическая дельность является лишь *частью* процесса хозяйствования, который реализует *всю совокупность* человеческих потребностей. Ускорение темпов научно-технического развития требует ускорения формирования институтов как технологий, обеспечивающих выживание человека в изменяющейся окружающей среде, в том числе – в социальной среде (угрозы терроризма, духовного обнищания, изменения генофонда человечества и т.п.). Декларирование гуманизма вне институтов, его обеспечивающих, исчезающее мало осуществимо.

На примере нынешнего финансового кризиса ясно, что изменения происходят быстро и неожиданно (или почти неожиданно). Быстрое изменение жизненных условий служит одним из факторов, отрицательно влияющих на формирование гомеостатической системы обычаев и норм в современном мире и конфигурацию институционального пространства, что ещё более активизирует поиск ответов на поставленные в начале статьи вопросы.

Итак, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что институциональная теория фактически является элементом новой политической экономии в том её ракурсе, в котором экономические институты являются технологиями достижения целей развития общества.

Предание иной смысловой нагрузки понятию «экономический институт» есть игнорирование торсионности (скрученности) экономических отношений, закрученных спиралей «нелинейной» эволюции, упование на каноны «изысканной архитектуры» прямых путей развития, на линейность причинно-следственности, на экономический рационализм и равновесность как единственно возможное состояние экономических систем.

Примечания

[1] *Лем С.* Сумма технологий // Собр. соч. Т. 13. – М.: Тест, 1996. – С. 9.

[2] Клейнер Г.Б.

[3] Это дилемма первая, но не единственная.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Nataliya V. Vasilenko
Nekrasov Kostroma State University

NATURAL LAWS OF DISTRIBUTION AND BIOLOGICAL PECULIARITIES OF COMMON JUNIPER (*JUNIPERUS COMMUNIS L.*) IN MAKAR'YEV DISTRICT OF KOSTROMA REGION

The article author researches biological peculiarities of common juniper and its distribution originality on the territory of Makar'yev District of Kostroma Region.

Keywords: common juniper (*Juniperus communis* L.), local populations, coenopopulations, disjunctive distribution, anthropogenic impact.

Natal'ya V. Ivanova
Kirov Saint-Petersburg State Forestry Engineering Academy
Anna V. Nemchinova
Nekrasov Kostroma State University
Sergey A. Grozovskiy
Nekrasov Kostroma State University

PERSPECTIVES OF EXISTENCE OF *LOBARIA PULMONARIA* (L.) HOFFM.) POPULATIONS IN DIFFERENT TYPES OF FOREST CENOSES OF KOSTROMA REGION

Appraisal of perspectives of existence of lichen populations was conducted on the basis of analysis of structure of key localities of *Lobaria pulmonaria* in Kostroma Region. It is found down that the rare species existence is possible only in native forests characterized by GAP dynamics.

Keywords: *Lobaria pulmonaria*, structure of cenoses, GAP mosaic, localities conditions.

Igor' G. Krinitsyn
Nekrasov Kostroma State Univeristy

ECOLOGIC DIVERSITY OF BOREAL HYPOGAEIC STOLON-TUBERIZING PERENNIALS

The group of hypogaeic stolon-tuberizing perennials are characterized with morphologic and ecologic features. Ombroclimatic factor, factor of soil moistering, and saline regimen are limiting factors determining their distribution. It is ascertained that these species can inhabit within wider range of soil conditions.

Keywords: hypogaeic stolon-tuberizing herbacious perennials, ecologic scales, *Trientalis europaea* L., *Adoxa moschatellina* L., *Circaea alpina* L.

Anna V. Nemchinova
Nekrasov Kostroma State University
Aleksandr V. Khoroshev
Lomonosov Moscow State University

REPRESENTATIVE FORESTS ALLOTMENT WHEN WOODLAND ZONING OF KOSTROMA REGION ON LANDSCAPE BASIS

Inventory of forests on the territory of Kostroma Region is held. Method of determining representative forests on the basis of regenerated cover reconstruction within the boundaries of landscape units of different grades is suggested. Woodland zoning of Kostroma Region territory on the basis of landscape map is held. The results are used for foundation the project of particularly protected natural territories of Kostroma Region (Kostroma ECONET project)

Keywords: representative forests, model forests, landscapes, regenerated cover, woodland zoning.

Il'ya N. Petukhov
Anna V. Nemchinova
Nekrasov Kostroma State University

SPATIAL STRUCTURE OF MASS WINDFALLS ON THE TERRITORY OF KOSTROMA REGION

Keywords: windfall, GIS technologies, taxation data, data of Earth remote sensing

A.N. Platonov
Nekrasov Kostroma State University

RESEARCH OF SPECIES INDICATING WATER CLEANNESS AMONG ICHTHYOFAUNA OF THE UNZHA RIVER OF KOSTROMA REGION

Research of ichthyofauna on presence of water cleanness indicating species in current is described in the presented article.

Keywords: ichthyofauna, current, indicator, monitoring, pulp-and-paper mill, species.

Aleksandr V. Sviridov
Nekrasov Kostroma State University
Oleg P. Akayev
Nekrasov Kostroma State University
Yuliya V. Zvereva
Public corporation "Fanplit", City of Kostroma

UREA-FORMALDEHYDE RESIN MODIFYING WITH ACTIVATED SILICA GEL

Results of research of possibility of using a waste such as silica gel in plywood production are discussed in the article. It is ascertained that activated silica gel modifies urea-formaldehyde resin

used as adhesive in plywood production. Activated silica gel utilization in plywood production may have ecologic and economic effects.

Keywords: industrial waste, silica gel, plywood, urea-formaldehyde resin.

Alexander V. Sidorov, Maria V. Grigorieva, Feodor A. Kuzmin, Xenia M. Fateyeva

HEART RATE VARIABILITY IN RATS WITH INDUCED CHRONIC HEART FAILURE AFTER PROLONGED ADMINISTRATION OF ANGIOTENSIN-CONVERTING ENZYME INHIBITORS AND CALCIUM CHANNEL BLOCKERS

Influence of ACE-inhibitors (captopril and perindopril) and calcium channel blockers (nifedipin and cinnarizin) on heart rate variability after prolonged administration in rats with experimental chronic heart failure (CHF) were studied. It was found, that in CHF, induced by oleothorax, and accompanied by bradycardia and relative predominance of vagal tone of autonomic nervous system, ACE-inhibitors and calcium channel blockers enhanced the role of sympathetic influences in heart rhythm regulation. Perindopril and nifedipin, in addition, contributed to a slight increase in vagal tone.

Key words: heart rate variability, autonomic nervous system, ACE inhibitors, calcium channel blockers, short-timed immobilization stress, chronic heart failure.

STUDY OF ARTS. CULTUROLOGY

Yelena Yu. Borisova
Natal'ya Yu. Pogorelova
Nekrasov Kostroma State University

VIKTOR SERGEYEVICH KALINNIKOV – SIGNIFICANT REPRESENTATIVE OF MOSCOW SCHOOL OF CHOIR SERVICE OF LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

The aim to describe life and creative path of the outstanding composer, pedagogue and conductor in more details is grounded in this article.

Keywords: Vik. S. Kalinnikov, secular choirs a cappella, cycles of children's songs, variations of Russian folk songs, Russian sacred music.

Tat'yana M. Galaktionova
Nizhniy Novgorod State Architectural-Building University

ROLE OF AUTHOR'S SONG IN COMMUNICATIVE SPACE OF CULTURE

Key moments characterizing author's song as special communicative genre are adduced and basic functions and role of author's song in communicative space of culture are examined in this article.

Keywords: author's song, communication, communicative space of culture, communicative process.

Ivan A. Zadorov
Nekrasov Kostroma State University

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO UNDERSTANDING THE DEFINITION "PUPPET ACTOR"

Retrospective analysis of the term "puppet actor" in the works of Russian researchers is given in the article. Of all the definitions considered by the analysis, the most fitting and correct must be the one given by V.A. Shafranyuk. It substantially helps to comprehend the deep specific peculiarities, objective rules and objective-subjective regulations of puppetry as it exists in space and time.

Keywords: Puppet Theatre, puppet actor, puppet, actor, definition, theatre, delusion.

Yevgeniya V. Kuznetsova

MASS CULTURE AS PHENOMENON OF MODERN COMMUNICATIVE PRACTICE

The author of the article analyzes mass culture phenomenon as system of certain values and certain lifestyle. The author presents points of view of different Russian and foreign researchers, explaining reasons for occurrence of mass culture and its characteristic features.

Keywords: masses, mass culture, communication, mass media, demassification of culture, virtual reality.

Svetlana S. Ostapenko
Novosibirsk State Arts Museum

ICON PAINTING AT THE TURN OF 20TH AND 21ST CENTURIES: PHILOSOPHIC-ETHICAL, SPIRITUAL AND EDUCATIVE ASPECTS

Topical problems of educating church painting in the context of conception of versatile humanitarian education and expansion of inter-subjective relations are examined in the article. Determining historically emerged tendencies of icon perception, the author analyzes characteristic problems appearing nowadays due to involving special courses and disciplines of corresponding subject matter in educative process.

Keywords: icon painting, perception of image of arts, analysis of language of visual arts, education, ethics.

Nikolay V. Sokolov
Russian Agriculture Sciences Academy Kostroma Research Institute of Agriculture

ELK IN ANCIENT HUMAN'S LIFE

Elk was of significant importance in ancient folks' life. Moreover, details signing its taming and domestication as well as scenes of hunting it can be found at petroglyphs labeled as belonging to cultures of Neolithic and early Age of metals.

Keywords: elk, petroglyphs, ancient human, taming, domestication.

Aleksandr Yu. Stogniyenko
Nekrasov Kostroma State University

COLOUR AS ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF FILM ANDREY TARKOVSKY "STALKER"

Colour in cinema usually bears self-reliant esthetic message. For Tarkovsky in "STALKER", colour is just texture and accompaniment for actions and relations of characters. The main aim of the work is attempt to determine significance of colour for Tarkovsky and to ascertain colour role in delimiting the disrupt space of this film.

Keywords: Tarkovsky, "STALKER", colour, space of arts, metaphysics.

HISTORY

N.A. Belova

MEMOIRS AS SOURCE OF RESEARCH OF EVERYDAY LIFE OF SOVIET TEACHERS

Everyday life of Soviet provincial teachers on the basis of their memoirs is researched in the article. Changes in outward appearance, manners and standard of living are analyzed by the author.

Keywords: teachers, memoirs, outward appearance, manners, standard of living.

Ol'ga V. Gorokhova
Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Shielding and Engineer Troops named after Marshal of Soviet Union Timoshenko (City of Kostroma)

READING CABINET "THE 12TH OF JANUARY"

The article is devoted to opening the first in Kostroma public library in Kostroma Nobility Assemblage 150 years ago, in honour of 105th anniversary of Moscow University opening.

Keywords: Kostroma, public library, public library rules, readers, books.

Maksim V. Yermushin
Kostroma State Agricultural Academy

ACTIVITY OF INTERSECTIONAL BUREAUS OF ENGINEERS AND TECHNICIANS BY PROTECTION OF INTERESTS OF ENGINEERS' AND TECHNICIANS' INTELLIGENTSIA IN THE YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY (ON THE MATERIALS OF CENTRAL INDUSTRIAL AREA)

Activity of engineers' and technicians' intelligentsia professional organization by their interests' protection is analyzed in the article.

Keywords: engineers' and technicians' intelligentsia, intersectional bureaus of engineers and technicians, New Economic Policy, Central industrial area.

Il'ya S. Nagradov
Kostroma State Historic-Architectural and Artistic Museum-Reserve

ORTHODOX FRATERNITIES IN SYSTEM OF CLERICAL CONFESSIONAL POLICY WITH RESPECT TO OLD BELIEVERS FROM THE 1880IES TO 1905

The aim of the work is to reveal natural laws of development of clerical confessional policy of synodal church with respect to Old Believers from the 1880ies to 1905. as the result, gradual change of forms of struggling of synodal church with the Old Belief: from repressive acts to controversial missionary forms that turned out to be of little effectiveness.

Keywords: confessional policy, orthodox mission, Old Belief, orthodox fraternities.

Aleksey A. Sindeyev
Russian Academy of Sciences Institute of Europe

ADENAUER AND SHUMAN'S PLAN PREPARATION

The question of Adenauer's participation in "working out" Shuman's plan is examined in the article fro the first time. The author comes to conclusion that the chancellor tried his best so that this plan came true.

Keywords: Western-Europe integration, Shuman's plan, German Federative Republic, commissars of Western allied states, Adenauer.

Ivan N. Suloyev
Nekrasov Kostroma State University

"PETITIONARY MOVEMENT" IN KOSTROMA PROVINCE IN 1905 – FIRST HALF OF 1906 YEARS

History of appearance and content of peasant petitions in Kostroma province addressing different

authorities in 1905 – first half of 1906 years is researched in the article.

Keywords: Kostroma Province, first Russian revolution, "petitionary movement".

LINGUISTICS

Yelena V. Bondarenko
Belgorod State University

SPECIFICS OF MORPHOLOGY OF WESSEX VARIANT OF "THE ANGLO-SAXON CHRONICLE" FOR 895 YEAR

This article is devoted to problems of varying of the Old English language – its Wessex dialect. Morphological characteristics of this dialect are described, specific peculiarities of its morphology are revealed, questions of varying of ways of expressing morphological categories are examined in the article.

Keywords: Old English language, dialect varying, phonological-morphological characterizing features, ways of labeling morphological categories.

Yelena B. Volkova
Moscow Aviation Institute
(State University of Aerospace Technology)

STRUCTURAL AND SEMANTIC QUALITIES OF TWO-COMPONENT COMPOUND SENTENCES WITH OBJECT CLAUSES IN THE SCIENTIFIC STYLE OF RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF MATHEMATICAL WORKS)

The paper describes typical constructions of two-component compound sentences with object clauses in the exact spheres of scientific style of Russian language (on the material of Mathematics). Structural and semantic features of such sentences are studied. Being very simple and transparent, these constructions are of great interest and have not been given careful consideration yet.

Keywords: compound sentence, main clause, subordinate object clause, subordinating word, conjunctional subordination, relative subordination.

Irina A. Kobeleva
Syktyvkar State University

ABOUT TWO LEXICO-GRAMMATICAL CATEGORIES OF IDIOMS IN RUSSIAN LANGUAGE

This article deals with the problem of the differentiation of two lexico-grammatical categories of idioms in the Russian northern dialects – modal idioms on the one hand and interjectional idioms on the other hand.

Keywords: phraseology, Russian language, Russian patois, grammar, modal, interjectional.

Yevgeniya V. Mishchuk
Tsiolkovky Kaluge State University

TO THE QUESTION OF WORD-FORMATIVE SYNONYMY OF DERIVATIVE NOUNS IN THE OLD ENGLISH

Synonymy of word formative suffixes of Old English derivative nouns are examined, structural and semantic relations of word-formative synonyms are disclosed in the article. Number of cases of synonymy of concrete suffixes of abstract nouns and by means of confrontation of derived nouns (specifically their dictionary definitions), semantic likenesses and differences of the examined synonyms.

Keywords: word-formative synonymy, word-formative synonyms, producing base, base-forming suffixes, plain suffixes, semisuffixes.

Irina Yu. Tret'yakova
Nekrasov Kostroma State University

ELLIPSIS AS MODE OF OCCASIONAL TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS

One of the modes of occasional transformations of phraseological units – phraseological ellipsis – is examined in the article: mechanism of this mode is described, group of phraseologisms able to undergo manipulation is defined and artistic effect derived at transformation of phraseological units are revealed.

Keywords: phraseological unit, occasional phraseologism, modes of occasional transformations of phraseologisms, transformation, ellipsis.

Aleksandr I. Fomin
Saint-Petersburg State Electrotechnical University

OF SOME TOPICAL CONCEPTIONS OF SYMBOL

The proposed article faces to topical for current humanitarian investigations of symbol belonging to A.F. Losev, V.V. Vinogradov, V.V. Kolesov. What is common feature of the examined interpretations, their ontological directivity is. Acting as mixed-subjective interpretations of symbol, conceptions of the mentioned authors do not unite themselves into more extensive theory but, supplementing each other, form our knowledge about multivariability of symbol.

Keywords: symbol, language, semantics, definition.

Yelena V. Tsvetkova
Nekrasov Kostroma State University

DIALECT VOCABULARY IN KOSTROMA TOPONYMY («ЛЯД», «ЛЯДА», «ЛЯДИНА» AND SO ON)

Dialect vocabulary is the most valuable source of formation of toponyms of kostroma toponymy

system. As these group's toponyms reflect peculiarities of Kostroma patois, as much as to say conserve vocabulary evanescing from speech, their research allows answering many questions of dialectological investigations. This article contains characteristics of Kostroma toponyms derived on the basis of lexemes «ляд», «ляда», «лядина» and so on.

Keywords: toponymy, microtoponymy, geographic term, dialect vocabulary.

Leyla K. Yunusova
Dagestan State Institute of Economics (City of Makhachkala)

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF EPISTEMIC VERBS IN PROSE BY E.HEMINGWAY

Speech contexts of functioning of epistemic verbs, lexical means of transmission of epistemic meanings at translations from English into Russian, combinatorics of verbs and morphological conditions of realization of epistemic meanings are examined in the article.

Keywords: epistemic modality, epistemic verbs, basis verb, speech contexts of functioning.

Artyom I. Yakovlev
Nekrasov Kostroma State University

INTERTEXTUAL USE OF COLOURS AND INTERMEDIALITY AS MEANS OF DELINEATING THE CHARACTER OF CHRIST IN ANDREY BELY'S "PETERSBURG"

The article is devoted to the colour writing and intermediality in A. Bely's "Petersburg", which help the author to delineate an idiosyncratic character of Christ based on reevaluation of the works by representatives of the Fin de Сиcle and other writers who inspired A. Bely to write the novel. The intertextual capacity of colour symbolism, based on the works by E.A. Poe, F. Dostoevsky, A. Remizov and others, helps the author to express his ideas concerning Decadent culture, and to show the decay of Russia at the turn of the centuries.

Keywords: intertextuality, intermediality, use of colors, Symbolism, epithet, ellipsis.

STUDY OF LITERATURE

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University

ADJUNCTION OF PERSONAL INTEREST AND COMMON WEALTH IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY LEO N. TOLSTOY

The author of the article supposes that possibility of characters' motion to peace and common wealth in the novel "Anna Karenina" by Leo N. Tolstoy is of their spiritual life and mentions how the main character's path helps to comprehend the epic essence of the novel.

Keywords: personal interest, folk, main character's spiritual path line, destruction and creation, human's path to faith.

Yevgeniy O. Boltovskiy
Griboedov Institute of International Law and Economy, City of Moscow

MYTHOLOGEM OF WATER IN CREATIVE WORK BY BORIS POPLAVSKI

Semantics of water in artistic world of B.Poplavski is analyzed in the article, its myth-poetic character, symbolic meanings and sense-forming functions are revealed.

Keywords: mythologem, water, element, ocean, sea, rain, world memory.

Sof'ya I. Glazunova
Nekrasov Kostroma State University

DIGRESSION CLASSIFICATION IN V.NABOKOV'S COMMENT TO PUSHKIN'S NOVEL "EUGENE ONEGIN"

Peculiarity of using by V.Nabokov such artistic text interpretation form as digression is examined in the article. Digressions on professional theme, cultural and autobiographic ones are distinguished in the comment text. Importance of autobiographic digressions that correlate with digressions about Pushkin as dialogue between the author and the translator is emphasized.

Keywords: V.Nabokov, interpretation, translation, literary digression, comment.

N.V. Grechushkina

ON THE QUESTION OF FORMING ESTHETIC CONCEPTION IN THE NOVEL BY M.A. SHOLOKHOV "THE DON"

Author's esthetic conception is formed in the manuscript where process of creation of the character of L.G. Kornilov is shown. Images-symbols of "the quiet" and "the troubled" Don, of the river and earth enter the novel through the epigraph and form the base of its chronotope. Thanks to involving the character of L.G. Kornilov into subject matter of the epopee, the historical person becomes literary that expresses esthetic position of M.A. Sholokhov.

Keywords: memoirs, drafts, image of L.G. Kornilov, chronotope of "the quiet Don", esthetic conception.

Lyubov' G. Kikhney
Griboedov Institute of International Law and Economy, City of Moscow
Aleksey V. Vovna
Russian Far East State Technical University (Branch in the Town of Ussuriysk)

REFRACTION OF "PETERSBURG MYTH" IN *THE URBAN TEXT* OF THE NOVEL "PETERSBURG" BY ANDREY BELY

Semantic complex of the city in the novel "Petersburg" by Andrey Bely is researched in the article. For the first time, systemic analysis of semantics of the images involved into the notional field "the city" as one of the most significant elements of A.Bely's philosophic world outlook is given; principles of forming "the author's myth of Petersburg are examined, its genetic origins are followed, archetypal models and tenors are singled out.

Keywords: urban text, "Petersburg myth", archetypal models, tenors, space.

Vitaliy A. Kozlyonkov
Griboedov Institute of International Law and Economy, City of Moscow

ADVERTISING-AGITATION STRATEGIES OF VLADIMIR MAYAKOVSKY AT THE TURN OF 1910THS—20-IES: "ROSTA WINDOWS"

The article is devoted to the research of the most striking period of advertising-agitation creative work by V.V. Mayakovsky – work on wall sheets of the series "Okna ROSTA" (1919—1921). JUST at THAT VERY time, Mayakovsky worked out his identical style of advertising and agitation, thanks to this having opportunity to be considered to be one of the founders of Russian social advertisement.

Keywords: social advertisement, Soviet wall sheets, agitation, Mayakovsky as ad man.

Tat'yana S. Kruglova
Penza State University

THE BOOK OF LYRICS OF ANDREY BELY "ASH" IN COMMUNICATIVE-GENRE ASPECT

The article is devoted to the addressing factor in lyrics by Andrey Bely (on the example of the lyrics book "Ash" in comparison with other books – "Gold in Azure" and "Urn"). It is proved that just that very fact acts as one of the most important author's sets influencing semantic structure, genre peculiarity of the works, specific of course of communicative communication in the environment of artistic text.

Keywords: communicative strategy, lyrical dialogue, addressing, genre, message, dedication.

Anna V. Loksha
Russian Far East State University (City of Vladivostok)

ON RECONSTRUCTION OF THE ACMAEISTICAL WORLD MODEL: ASTRO-POETICS OF OSIP MANDELSTAMM

The article is devoted to astral poetics of Osip Mandelstam. Correlation of poetic cosmology of Mandelstam with symbolistical and antique world models what found reflection in poetic symbols and ontological motives of his poems.

Keywords: astral images, heaven, stars, poetic cosmology, antique mythology, acmeism.

Nadezhda A. Otkidach
Stavropol State Pedagogic Institute (branch in the City of Essentuki)

"LIFE PATH WITH A PLOT" OF A.T. GUBIN AND ITS EMBODIMENT IN THE NOVEL "WORLDLY EDUCATION"

Topicality of the work is conditioned by ripe question of necessity of scientific research of creative work heritage of A.T. Gubin, in particular, the autobiographic base of his novel "Worldly Education". Revealing of correlation of authenticity and fiction in this composition is the aim of this article.

Keywords: author, narrator, character, autobiographic, autopsychological, automythology.

Galina V. Popova
Kursk State University

PROBLEMS OF RESEARCH OF FANTASY AND FANTASTIC IN HISTORY OF METHODOLOGICAL THOUGHT OF THE 18TH—19TH CENTURIES

Works of most outstanding methodologists of the 18th—19th centuries are analyzed in the article, and also place of fantasy in the history of methodological thought of that period is determined.

Keywords: fantasy, fairytale, literature, methodology, upbringing.

Ol'ga A. Chekhunova
Yakut State University

EXISTENTIAL SEMANTICS AS "CYCLE-FORMING CLENCH" IN POETIC COMPILATION "ROSES" BY GEORGIY IVANOV

The article is devoted to examining of prevailing images and motives in G.Ivanov's compilation "Roses" (1931). They, in the article author's opinion, are sated with existential symbolics and, since that, become "cycle-forming clenches" in the aforesaid poetical books.

Keywords: existential semantics, cyclic clench, motive, image, rose.

Ol'ga A. Chekhunova-Blau
Yakut State University

IMAGE-BEARING CODE IN THE EXISTENTIAL WORLD-OUTLOOK OF GEORGIY IVANOV

The article is devoted to reflection of existential world-outlook of G. Ivanov in poetics of lyric compilations "Roses" (1931), "Departure to the isle of Cythera" (1937), "1943—1958. Poems" (1958). By the article author's hypothesis, the examined motives and images reveal specifics of the poet's tragic world-view.

Keywords: world-outlook, existentialism, motive, image, music, mirror, boat, fog, freedom, happiness.

PEDAGOGY

Irina V. Gerlakh
Armavir State Pedagogic Academy

TECHNOLOGY OF ROLE-PLAY MODELLING IN PROFESSIONAL PREPARATION OF FUTURE PEDAGOGUES

Assessment of implementation role-play modeling in content of future pedagogues' preparation to organization of children and teenagers in summer health-improving institutions as significant technological component of upbringing work is given in the article.

Keywords: role-play theatrical game with a plot, role-play modeling, leisure of children and teenagers, pedagogic technology.

Tamara M. Yelkanova, Nina M. Chedzhemova

FOREIGN LANGUAGE AS MEANS OF FORMING INFORMATIONAL-ANALYTICAL COMPONENT OF COMMON-HUMANITARIAN EDUCATION BASIS

Content and some methods of formation of informational-analytical competence of students by means of foreign language are examined in the context of conceptual-theoretical model of common-humanitarian basis of education.

Keywords: humanitarization, common-humanitarian basis, competency model, informational-analytical competency, foreign language, higher education.

Vladimir N. Irhin, Svetlana I. Varzhavinova
Belgorod State University

FUTURE TEACHERS' ALGORITHMIC ABILITIES LEVEL DEFINITION IN EDUCATIVE PROCESS OF INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

Mechanism of defining levels of algorithmic abilities of future teachers is proposed in the article on the basis of classification of algorithmic abilities, singling out stages of teacher's algorithmic activity, the obtained results are analyzed.

Keywords: algorithmic abilities level definition, future teachers.

Irina A. Kurbeyeva
Vologda institute of Education Development

DIGITAL EDUCATIVE RESOURCES AS MEANS OF FORMING UNIVERSAL EDUCATIVE ACTIONS IN TEACHING YOUNGER SCHOOLCHILDREN ENGLISH LANGUAGE

This article is devoted to the problem of forming universal educative actions (personal, regulative, cognitive, and communicative) in teaching younger schoolchildren English language on the basis of digital educative resources.

Keywords: digital educative resources, informational-communicative technologies (ICT), universal educative actions (personal, regulative, cognitive, communicative).

Vyacheslav A. Mitrakhovich
Saint-Petersburg Military Engineer-Technical Institute of Military Academy of Rear and Transport

CRITERIA AND LEVELS OF GENERATEDNESS OF PROFESSIONALISM IN MILITARY PERSONNEL OF SERVICE ON CONTRACT BASIS

Criteria and levels of generatedness of professionalism in contract-base military personnel is revealed in the article.

Keywords: professionalism, contract-basis military serviceman, criteria and generatedness levels of professionalism.

Natal'ya V. Morozova, Lyubov' S. Zharkova

SYSTEM OF CRITERIA OF ASSESSMENT OF PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF FORMING PROFESSIONAL COMPETENCY IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE

The method and system of criteria for psychological mechanisms forming of professional competence estimation of the teacher in system of before-university education in the course of training Russian are developed. The data of the longitude and forming experiments are presented.

Keywords: structural components of competence, sub-subject Russian function, before-university education.

Zoya V. Rumyantseva

INTONATIONAL UPBRINGING OF FUTURE PEDAGOGUE-MUSICIAN AS CONDITION OF HIS MUSICAL IDEATION DEVELOPMENT

Methodological aspect of research of the problem of development of pedagogue-musician's

musical ideation is enlightened in this article. Substantiation of essence of the notion "intonation upbringing" is give and complex of its fields promoting development of musical ideation of personality in mastering musical-performing activity is characterized.

Keywords: musical ideation, intonation upbringing, musical-performing activity, musical intonation, expressive devices of music, intellectual abilities.

Marina V. Kharina
Vologda State Pedagogic University, Vologda, Russia

MODEL OF DEVELOPMENT OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF STUDENTS OF TECHNICAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

This article analyzes the concept of foreign language communicative competence of specialists in the technical field. The article also introduces the component structure of this competence and the development model, which involves intensive usage of new information technologies in the learning process of a technical university. Some aspects of practical realization of this model are also touched upon.

Keywords: key competences, foreign language communicative competence, intercultural competence, informational learning space, competence development model.

Yevgeniy A. Tsaryov

PEDAGOGIC CONDITIONS OF EFFECTIVENESS OF MANAGING PROCESS OF SOCIAL FORMATION AND DEVELOPMENT OF PERSONALITY OF SENIOR PUPILS IN THE COURSE OF ORGANIZING PHYSICAL-TRAINING-SPORTIVE WORK IN SECONDARY SCHOOL

PSYCHOLOGY

Arina A. Grigor'yeva
State Academic University of the Humanities (City of Moscow)

CORRELATION AMONG INTEGRATIVE CHARACTERISTICS OF MASS-MEDIAL DISCOURSE AND MODES OF SPEECH IMPACT USED IN IT

Three types of mass-medial discourse are researched in the article: pre-election debate, TV-interview, and talk-shows. Similarities and differences in intentional structures of these discourses are revealed, modes of speech impact used in them are compared. Relations between intentions and modes of speech impact are found using enumeration-stealing algorithms (WizWhy method).

Keywords: discource, intentions, modes of speech impact, intent-analysis, mass-media.

Irina V. Kosareva
Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

TRAINING INFLUENCE ON TEENAGERS AS A NECESSARY CONDITION OF INCREASE OF LEVEL OF ITS SOCIALIZATION IN THE CONDITIONS OF MODERN FAMILIES

The socialization problem in a modern society is an topical problem for studying within the limits of Russian and foreign psychology. Results of author's research of influence of various types of the families, allocated on structural and social signs, on process of socialization of teenagers are stated in the article. The program of training including as elements is resulted: training of motivation of success; training of communicative competence; training of socially-psychological adaptation.

Keywords: socialization, families, teenagers, training influence, competence, motivation, adaptation, scales.

SYSTEMS ENGINEERING

M.S. Bojtsov, S.V. Bojko, V.M. Karavajkov
Kostroma the state technological university

INFORMATION SUPPORT OF DECISION-MAKING AT MANAGEMENT OF POWER EFFICIENCY OF THE ENTERPRISE

The technique of information support of decision-making is considered at management of power efficiency of the enterprise. In a considered control system of subject domain power efficiency of textile manufacture is. Users - the personnel of power management.

Keywords: power efficiency, management, information support, algorithm of management.

Artyom R. Denisov, Ol'ga A. Nabatova, Georgiy M. Travin
Nekrasov Kostroma State University

MANAGEMENT OF CONFIGURATION OF TEXTILE MACHINES FOR THEIR EXPLOITATION INFORMATIONAL MAINTENANCE

Classes of equipment defining approaches to configuration forming are examined in the article. The model of functional configuration providing more effective informational maintenance at forming interactive electronic technical manuals by their exploitation is chosen for each equipment class.

Keywords: interactive electronic technical manual, management of configuration, structural-technological scheme, textile equipment.

Matvey V. Zosimov
Nekrasov Kostroma State University
Aleksey V. Ageyev
Research Institute of Duck Fabrics (City of Yaroslavl)

PRINCIPLES OF OBJECTIVE AND PROCESS MODELLING OF TECHNICAL EXPLOITATION OF EXPLOITATION OF TECHNOLOGIC EQUIPMENT

Informational models of technical maintenance and repair of exploited objects allowing considering them to be methodological material and to use them for working out interactive electronic technical manuals by exploiting and repair of different kinds of production equipment are presented in the article.

Keywords: electronic manual, integrated logistic maintenance, technical exploitation, technologic equipment.

Yelena N. Matveyeva
Nekrasov Kostroma State University

MANUFACTORING EQUIPMENT WEAR AND OBSOLETE COMPENSATION MEANS MODELLING

Ways of reimbursement of antiquated means of labour as well as ways of impact on manufacturing equipment (technical service, overhaul, modernization), compensating economic wear rate are examined in the article.

Keywords: modeling, wear, wear compensation, manufacturing equipment.

Anna V. Mudraya
Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Shielding and Engineer Troops named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko
Aleksandr S. Lukashevich
Nekrasov Kostroma State University

TECHNIQUE OF QUALITY ASSESSMENT OF FACTORS OF ENTERPRISE'S ENVIRONMENTAL IMPACT

Questions of choice of factors of environmental effect at creation of the system of ecological management of an enterprise in concordance with standards of ISO 14000 are examined in the article.

Keywords: ecological management system, ISO 14000, environmental impact factors.

SOCIOLOGY. POLITOLOGY. SCIENCE OF LAW

I.F. Koval'chuk
Altai State Technical University

NEGLECTED CHILDREN OF A CITY: ON THE MATERIALS OF INVESTIGATIONS OF THE CITY OF BARNAUL 2006—2009 YEARS

Reasons of appearance of children's neglect are characterized in the article and also results of sociological investigations of children's neglect in the City of Barnaul are stated.

Lyudmila A. Siverskaya
Nekrasov Kostroma State University

RETROSPECTIVE VIEWPOINT OF THE EVOLUTION OF PROCEDURAL INSTITUTION "CONSIDERATION OF MESSAGE ABOUT CRIME"

The author analyses genesis of procedural institution of message about crime in the article.

Keywords: degree of initiation of proceedings, evolution of procedural institution, consideration of message about crime.

Il'ya A. Tokhtuyev
Derzhavin Tambov State University

LAW AND POLITICS AS VALUE REGULATORS OF SOCIETY

Legal and political values, their role as social relations regulators are examined in this article. General analysis of problems of interactions of law and politics, of their peculiarities and significance for society, of necessity of dominating of legal values over the political ones is given.

Keywords: law, legal values, politics, political values, social relations regulating.

Yekaterina V. Shustenkova
State Univesity – Higher Economy School

MULTIPLE WAVELET ANALYSIS OF PUBLIC OPINION DATA MONITORING

Presentation of possibilities of the new for the humanities method of analyzing dynamics going into digital ranges – wavelet analysis method that, unlike traditional methods, does not constrain digital range mathematical characteristics strictly and also allows finding unobvious processes and natural laws is the aim of this work.

Keywords: public opinion, multiple wavelet analysis, temporal ranges, clusterization.

PHILOSOPHY

Natal'ya I. Beresneva, Vladimir D. Beresnev
Perm State University

TEXT AS DEMIURGE OF SUBJECTIVITY IN FILOSOPHY AND LITERATURE OF THE 20TH–21ST CENTURIES

Classic subjective idealism (Berkeley, Fichte, Mach) starts from notion about the world as aggregate of perceptions. As time passes, semiotic systems, language in particular, as the inner world demiurge obnubilate the perceptions' reliability problem. Human creates both outer and inner world

(including perceptions themselves). Subjective idealism in whole and solipsism in particular have become metaphor of loneliness, alienation of human from society institutions.

Keywords: subjective idealism, argument to perceptions, language (text), consciousness.

Marianella V. Voronina
Lomonosov Moscow State University

UNITING POTENTIAL OF HINDUISM

Consideration of the problem of importance of spiritual groundworks of India for harmonization of wide range of different phenomenons formed thanks to perception of each of them to be to necessary part of complicated one-whole.

Keywords: hinduism, religions' unity, dharma, global scientific reform.

Lev A. Gorelikov
Yaroslav the Wise Velikiy Novgorod State Univesity

INTEGRITY PRINCIPLE AS SOCIO-CULTURAL IMPERATIVE OF MODERN SCIENTIFIC-PHILOSOPHIC COGNITION

Socio-cultural conception of scientific-philosophic cognition of reality as global integrity is worked out in the article. Unity of humanistic imperatives of social practice and universal potentials of world integrity is substantiated. Categorical-logical basis of noospheric paradigm and significance of verbal-symbolic structures of social practice in cognition of world integrity is revealed. Essence and basic stages of organization of the concept "scientific worldview" in representation of integral organization of objective reality are determined.

Keywords: socio-cultural cognition conception, world societas as global integrity, noospheric paradigm, humanistic imperatives of objective reality, social practices, scientific worldview.

Sergey V. Grozdilov
Yaroslavl State Agricultural Academy

JUSTICE AS INQUIRY SUBJECT

Justice is element of content of social-economic and political relations and demands of preserving or changing them in the article author's opinion; it is a complicated phenomenon characterizing all the social relations' system.

Keywords: justice, society, social relations, moral, value, norm.

Tat'yna V. Karpova
The Volga State Engineer-Pedagogic University (City of Nizhniy Novgorod)

RUSSIAN PHILOSOPHIC BACKGROUND OF GOVERNMENTAL-CONFESSIONAL RELATIONS IN POST-SOVIET RUSSIA

Mariya A. Plokhova
Bauman Moscow State Technical University

THE TWO APPROACHES TO MODELING SPONTANEITY PHENOMENON

The article is devoted to analysis and revealing epistemological heuristic significance of models of synergetics and quantum approach to spontaneity and creative work phenomenons.

Keywords: spontaneity, creative work, synergetic approach, quantum approach, cognitive processes, passionary-harmonic systems, quantum reduction models, interdisciplinary approach.

Stanislav Yu. Simakov
Saint-Petersburg State Engineer-Economic University

ETHICS DESTINY IN POST-METAPHYSIC EPOCH (NOTES BY POLITICS THEORY)

The main aim of the article is to discuss some questions concerning inteconnetion between ethics and politics. These questions acquire at times special acuteness and tension in modern pluralistic and secular societies. The more vital this agenda's philosophic reflection is. *Discourse ethics* by Jürgen Habermas and *ethics of truths* by Alain Badiou act as contextual scope of the mentionedreflection.

Keywords: politics, communication ethics, verities ethics, subject, situation, event.

Dmitriy S. Shagako

WAR AND COERCION: SOCIAL-PHILOSOPHIC CHARACTERISTICS OF INTERACTION

Categories "war" and "coercion" are analyzed in the article, range of methodological refinements for them is proposed and also author's version of comprehension their essence interconnection is reflected, its peculiarities are deduced. Meanwhile, each category is considered here within the framework of general process of subjects' social interaction that finds its reflection in succession of grounded social-philosophic instances.

Keywords: war, coercion, social interaction, human.

ECONOMY

Irina V. Korshakova

INSTITUTIONAL SUPPORT OF INDIVIDUAL SAVINGS

Nature of savings and their correlation with economic growth are represented in this article. The composition and the application of funds of the population in the Russian Federation are examined for the last decade. The analysis of the savings process in the Russian Federation was carried out and the key particularities and the role of governmental regulation are identified.

Key words: personal savings, economic growth, cash income, cash outlay, inflation, investments, savings process, financial market, governmental regulation.

Georgiy Ye. Lyagushev
Nekrasov Kostroma State University

MILITARY ECONOMY IN MACROECONOMICS STRUCTURE

Statement of the problem of expansion of macroeconomic theory at the expense of involving military economy on the basis of political-economical approach into its structure is carried out in the article.

Keywords: macroeconomics, military economy, military service, political-economic approach.

Vadim A. Man'kovskiy
Nekrasov Kostroma State University

REGIONAL LAND RESOURCES MANAGEMENT

Problems of regional land resources management are analyzed in the article and suggestions of improving effectiveness of state assignment of services of land resources management are substantiated.

Keywords: region, services, land resources, management.

Dmitriy Yu. Miropol'skiy
Saint-Petersburg State University of Economy and Finances

INTERACTION BETWEEN STIMULATING AND REGULATING ECONOMY FUNCTIONS

Effects of stimulation, mobilization and their interaction are researched in the article on the basis of two-sectored economy model. Question of comparative effectiveness of market and planned economies is solved on the basis of these effects interaction, Russia's adoption of market and its successfulness extent is modeled.

Keywords: market, plan, basic sector, pioneer sector, stimulation effect, mobilization effect.

Svetlana N. Pshenichnikova
Saint-Petersburg State University of Economy and Finances

CONSUMPTION OF LABOUR FORCE IN ECONOMY OF MODERN RUSSIA

Conceptual approaches to the problem of reproduction of labour force are considered in the article. The author emphasizes roles of such important reproduction phases as production and consumption of labour force. Process of production of labour force on Russian market is researched in comparison with the modern stage of development of other countries. This process is influenced by employment structure, mobility, human capital resource export, spatial and branch concentration of labor power, labour efficiency, wage level, working conditions.

Keywords: labour force reproduction phases, labour force reproduction, consumption of labour force, intellectual and innovative constituent of economic growth.

Svetlana N. Seryakovskaya
Nekrasov Kostroma State University

ON THE QUESTION OF NATURE AND CONTENT OF INTERNATIONAL COMPETITION UNDER CURRENT CONDITIONS

The paper clarified the concept of «competitiveness» in relation to the economy as a whole, in contrast to the competitiveness of individual firms, industries, nearby (the region). However, macro-vertical «competitiveness of the goods – economic competitiveness» is traced. «comparative-predominant», «constructive and destructive» and «progressive synergistic» nature of the national economy's competitiveness on the one hand as the basis for its long-term progress on the other hand – fixing and widening global inequality of world economic relations is clarified.

Keywords: competition, competitiveness, international competition, economic system, national economy, globalization.

Vasiliy V. Chekmaryov, Yelena M. Skarzhinskaya
Nekrasov Kostroma State University

INSTITUTIONS AS FACTORS OF SOCIETY AIMS ACHIEVEMENTS

Point of view on institutions as technologies of aims achievement by not the single "*Homo*

economicus" but by society itself is substantiated in the article. The authors evaluate emergent effect of interaction of economic entities on the example of financial crisis of the beginning of the 21st century and determine the role of institution of private ownership using classification of effectors of Pierre de Latile.

Keywords: economic institutions, aims of sustainable development, institutional and economic free market zones, effectors, methodology of Kleiner.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 24.01.2011
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 34,6 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 99.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 31-65-61**, факс: **(4942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная